

ДЖЕЙМС
СТУИВЕР
ЖЕРВУД

ЧЕРНЫЙ
ОХОТНИК

Библиотека
ПРИКЛЮЧЕНИЙ
продолжается...

Библиотека

Печки

продолжается...

очень

WNO
S

Библиотека
ПРИКЛЮЧЕНИЙ
продолжается..

**ДЖЕЙМС
ДИВЕР
ПЕРВУД**

**ЧЕРНЫЙ
ОХОТНИК**

•

**У ПОСЛЕДНЕЙ
ГРАНИЦЫ**

•

**ТЯЖЕЛЫЕ
ГОДЫ**

**МОСКВА
ДИАМАНТ
1993**

**ББК 84.7.США
К36**

*Оформление серии
Е. СОКОЛОВА*

Печатается по изданиям:
«Д.О. Кервуд. Тяжелые годы.
Л., Красная газета, 1928 г. Пер. М. Волосова.»
«Д.О. Кервуд. Черный охотник.
Л., Мысль, 1927 г. Пер. М. Волосова.»

Художник В. П. Борисов

**ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ПРОГРАММА
АССОЦИАЦИИ «АСПОЛ»**

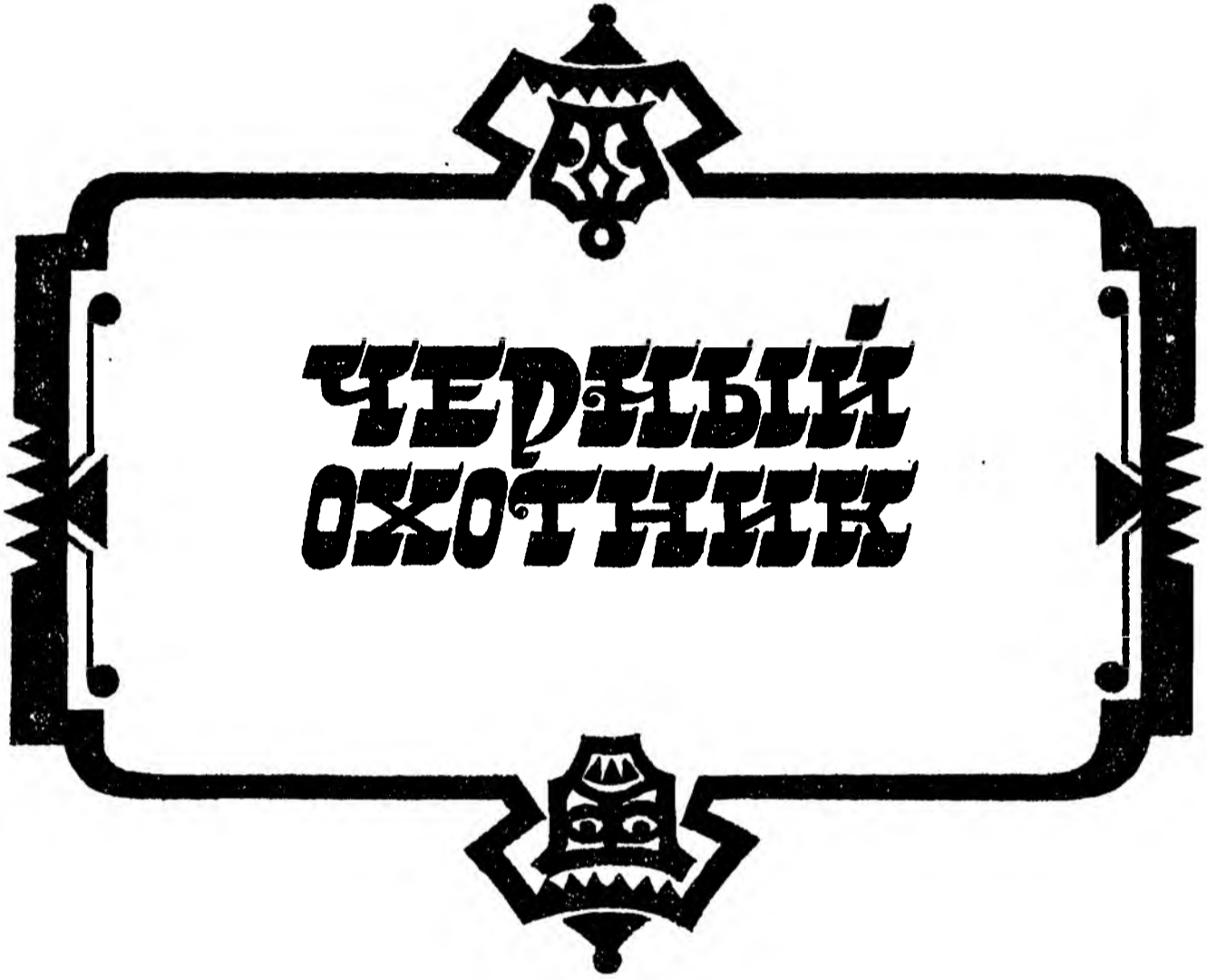
*Выпуск издания осуществлен
ПКФ «Печатное дело»
при содействии
ПКФ «Диамант»*

К $\frac{4703010100-005}{6Ф8(03)-93}$ без объявления

ISBN 5-7356-0005-2

© Иллюстрации —
В. П. Борисов, 1993
© Разработка серии, состав,
оформление — ПКФ «Печат-
ное дело», 1993.

**ЧЕРНЫЯ
ОХОТНИК**

Глава I

ЛЕДЯНОЕ «КРЕЩЕНИЕ»

Это происходило в поздний летний вечер приблизительно сто семьдесят лет тому назад. Теплая нега бабьего лета окутала сонную, почти необитаемую глушь. У ног молодых людей, глядевших на этот рай тишины и покоя, протекала таинственная река Ришелье, спеша соединиться с рекой Святого Лаврентия, отстоявшей на двадцать миль на север.

На юге, милях в шестидесяти от этого места, находилось озеро Шамплейн, а за ним ненавистные англичане и могауки — «красная чума» лесных братьев, — яростно оскалившие зубы на Новую Францию.

Все это, а пожалуй даже больше, было вырезано на пороховом роге тончайшими линиями, словно паутинки, и на это молодой колонист потратил несколько недель неустанного труда.

Он гордился своей работой. В выражении его глаз сквозило самолюбие художника, когда он впервые представил свое произведение на суд другого человека.

Юноша обещал вскоре превратиться в мужчину, и в этом немалую роль играла неумолимая дисциплина жизни в лесах, которым, казалось, не было конца. Ему шел двадцатый год. На первый взгляд он не казался ни крупным, ни крепко сложенным. У него была тонкая фигура, и казалось, что он всегда готов к какому-то быстрому движению. Голова его была покрыта густой шапкой светлых волос, серые глаза смотрели пристально и открыто, и ни

один индеец не мог бы быстрее его и более тщательно охватить все детали горизонта.

Его звали Давид Рок, но, несмотря на свое английское имя, он душой и телом принадлежал Новой Франции, историю которой он вырезал на своем пороховом роге.

Про девушку, стоявшую рядом с ним, можно было сказать, что она еще более прекрасна, чем эта чудесная страна. Ее голова приходилась чуть-чуть выше плеча молодого человека. По ее спине до самого пояса спадали две толстые косы. На лице у нее горел румянец, глаза сверкали от счастья и гордости, когда она принялась рассматривать пороховой рог, который подал ей ее возлюбленный.

Ее звали Анна Сен-Дени.

— Мне даже не верится, что это сделано человеческими руками! — воскликнула девушка. — О, я так горжусь тобой! Я была бы счастлива, если бы только могла показать это матушке Мэри и подругам по школе. Когда я вернусь в Квебек, я расскажу им, что мой Давид — художник.

— Я страшно рад, что тебе это нравится, — сказал юноша, и лицо его залилось краской.

— О, это даже красивее, чем ее картины, которые развешаны по стенам нашей монастырской школы. И подумать только — неужели это сделано ножом?

— Да, только ножом, — ответил Давид Рок. — На крепком буйволовом роге, купленном мной у одного индейца. А тот забрал его у врага, которого он убил в бою два года тому назад.

— Уф! — с дрожью в голосе отозвалась девушка.

— Но ведь это несколько не портит рога, — не правда ли, Анна?

— Нет, несколько, это верно. Но я ненавижу войну, ненавижу убийства... несмотря на то, что в нашей стране кровопролитие не прекращается ни на один день. И я предпочла бы, чтобы человеческая кровь не была замешана здесь.

— Ты лучше переверни этот рог, Анна, — сказал молодой человек прерывающимся голосом. — Там еще кое-что есть... чего ты еще не видела.

Девушка повернула рог и пристально вгляделась. Над рисунком, изображавшим густую чащу сосен на небольшом холмике, были выцарапаны две строки. Она ближе поднесла рог к глазам и прочла:

— «Я люблю тебя. Я до последнего издыхания готов биться за тебя. Д. Р. Сентябрь 1754».

— Это относится к тебе, Анна,— снова заговорил юноша.— И то, что я написал здесь, правда. Я готов вступить в бой со всем миром ради тебя.

Он говорил, глядя вдаль через голову девушки, и старался владеть собой и говорить твердым голосом, но невольно в его словах чувствовалось какое-то еле осязаемое подозрение, нечто вроде детского страха или слабости, которое он стал испытывать в последнее время.

Это не ускользнуло от внимания девушки. В течение нескольких секунд она продолжала стоять, прижимая к груди драгоценный рог. Потом она уронила его на мягкую зеленую траву и быстро повернулась к своему возлюбленному. Ее руки ласково прикоснулись к его лицу. Юноша крепко обнял ее и прижал к себе, а пальцы его ласкали густые шелковистые косы.

В течение некоторого времени Анна глядела на него, и в ее глазах светилась безграничная любовь, которую молодые люди питали друг к другу почти с самого детства. Она протянула ему губы и прошептала:

— Поцелуй меня, Давид.

Спустя некоторое время она осторожно высвободилась из его объятий.

— Тебе не придется ни с кем драться за меня, Давид. Ты это хорошо знаешь. Знаешь, что я тебе скажу...

Глаза девушки внезапно загорелись шаловливым огоньком.

— Представь себе, я даже осмелилась сказать матушке Мэри, что горю желанием скорее окончить школу, так как в противном случае я не могу выйти замуж за тебя!

— Как бы я хотел, чтобы уже больше не было этой школы! — воскликнул Давид Рок.

— Неужели ты это серьезно говоришь? — изумилась девушка.

— Совершенно серьезно. Для меня никакой другой школы не существует, кроме лесов. Тебе не нравится мысль, что мне приходится драться, а между тем мне ничего другого не остается делать. В лесах никогда не прекращается война. И никогда не прекратится. И мы, которые не знаем школ, должны неустанно наполнять порошок свой рог и драться с англичанами и ирокезами. А в это время в городе Квебеке,— в котором, говорят, теперь живет уже *восемь тысяч* человек! — мужчины живут празднично, как короли, молодежь растет джентльменами-белоручками, а из девушек выходят важные дамы...

— И важные дамы влюбляются, конечно, в джентльменов,— закончила за него Анна.— Почему ты прямо не скажешь то, что у тебя на уме, Давид?

— Я ничем не могу помочь себе в этом.

— Но зато мой «джентльмен» одет в лосиную кожу, которая мягка на ощупь, как бархат. И это одеяние — истинный панцирь храбрых рыцарей с реки Ришелье и всегда им останется! — воскликнула девушка.

— Но все-таки я боюсь, Анна, и мой страх растет в последнее время с каждым днем,— продолжал Давид Рок.

Наконец-то он собрался открыть то, что угнетало его вот уже столько месяцев!

— Ты боишься? Но чего, Давид?

Резким, порывистым жестом Давид Рок указал ей на ружье, которое он раньше прислонил к стволу упавшего дерева.

— Вот все, что у меня есть,— да еще моя мать. И больше ничего.

— Наша мать, ты хочешь сказать,— укоризненно заметила девушка.— Ты забываешь, Давид, что она наполовину моя.

Безудержная радость звучала в голосе юноши, когда он снова заговорил, но, по мере того как он продолжал, эта радость стала мало-помалу исчезать.

— Ты знаешь, что я хочу сказать, Анна. Твой отец — сильный барон и самый могущественный сеньор в окрестностях. А твой дом — большой замок, между тем как мы живем в бревенчатой хижине в глубине леса.

— Ну и что же? — прервала его Анна, капризно мотнув головой.

— И ты слишком прекрасна...

— Не более прекрасна, чем твоя работа на этом роге,— снова прервала его девушка.

— ...ты любишь богатые наряды и красивые шелка и кружева...

— Я люблю их видеть на красивых девушках.

— ...но это все подходит к батистовому белью и золотым оторочкам на костюмах мужчин! — горячо продолжал юноша.— Это больше подходит к обществу клинков и изящных треуголок, чем к этому ружью и пороховому рогу.

— Прямо изумительно, как ты правильно рассуждаешь,— согласилась Анна и опустила глаза, чтобы ее молодой возлюбленный не прочел затаенного смеха.

— А теперь, к тому же, из Квебека направляется сюда

целая процессия молодых джентльменов и дам. И главный интендант короля тоже едет сюда, и вместе с ним, говорят, возвращается из Монреаля этот Водрей, который в будущем году, вероятно, будет губернатором Новой Франции, если только Биго, интендант, поставит на своем.

— И какая чудесная компания с ними, должна сказать! — в тон юноше заметила Анна. — Пять самых красивых девушек из Квебека, — подумай только, Давид. И я убеждена, что еще раньше, чем они все уедут, я успею приревновать тебя к каждой из них.

Давид Рок хранил молчание.

— Нанси Лобиньер с ее голубыми глазами и золотистыми волосами поклялась отобрать тебя у меня, — продолжала девушка насмешливым тоном. — И Луиза Шарметт, и Анжела Рошмонтье, и Жозефина Лавальер, и Каролина де Буланже — все они горят желанием увидеть тебя.

— Скажи мне, Анна, все эти девушки, которых ты перечислила, тоже живут в сеньориях вдоль реки Святого Лаврентия? — спросил Давид Рок.

— Да, за исключением Луизы Шарметт. Она дочь торговца и, между прочим, ужасная кокетка. Я очень боюсь ее! — ответила Анна.

— Пьер Ганьон рассказывал мне, что этот интендант Биго самый порочный человек во всей Новой Франции, — заметил Давид Рок.

— Еще бы не знать Пьеру Ганьону! — ответила Анна. — Ведь ему все на свете известно. Но ты должен знать, Давид, что интендант Биго — самый могущественный человек в Новой Франции — после короля.

Анна подняла глаза и посмотрела на юношу, который вперил взор в их бездонную глубину, и слова, которые он намеревался произнести, замерли у него в горле.

— Давид, я не особенно внимательно прислушивалась к тому, что ты мне говорил.. Я пыталась набраться храбрости и попросить тебя подарить мне этот пороховой рог. Пожалуйста, можно мне считать его своим? Я бы не променяла его ни на какие богатства в мире!

Давид Рок понял, что весь смысл его слов пропал даром, поскольку это касалось девушки.

— Анна... Ты действительно правду говоришь?

— Ну конечно!

И не только для того, чтобы сделать меня счастливым? Скажи мне правду!

Густая краска начала медленно заливать лицо девушки, ее глаза стали темнеть, пока наконец их темная синева не превратилась в совершенно черный цвет.

— Давид! Этот рог и те слова, что ты вырезал на нем, значат для меня больше, чем все школы в мире и все важные джентльмены на свете... Если только правда то, что ты написал здесь.

— Если это неправда, то ты вправе забыть меня навсегда, Анна! — горячо воскликнул юноша.

— Можно мне взять его?

— Можно.

Девушка радостно расхохоталась, и ее звонкий смех вполне гармонировал с красотой, окружавшей их.

— В таком случае ты можешь оставить на другой раз все, что ты собирался сказать об этих глупых джентльменах, и школах и так далее. Я непременно должна знать скорее, что означает все, что вырезано на этом роге.

* * *

Теперь, когда тревога покинула сердце Давида Рока, он снова сияющим взором смотрел на ту чудесную страну, которую он запечатлел острием ножа на пороховом роге; он взял его из рук девушки, которая прижалась щекой к его рукаву, чтобы не упустить ни одного слова и не проглядеть какой-либо детали. Юноша расхохотался тем мягким смехом, за который Анна любила его еще тогда, когда они оба были детьми; он наклонился и прижался губами к шелковистым волосам девушки, а потом выпрямился и указал на синюю даль, теряющуюся за горизонтом.

— Вот там — англичане, которые день и ночь строят заговоры, чтобы уничтожить нас, и покупают наши скальпы у индейцев наравне со шкурками бобров. Если бы они могли, то с удовольствием предали бы каждого француза ирокезам, чтобы те сожгли нас на медленном огне.

В голосе юноши слышались теперь злоба и горечь; Анна Сен-Дени обеими руками обхватила его руку и прижалась к нему, она знала, что каждый раз, когда Давид говорит об англичанах и о их союзниках-индейцах, он представляет себе своего замученного и убитого отца.

— О, как я ненавижу их, — воскликнул он. — Всех этих англичан, которые заселили места, отмеченные здесь крестиками.

Девушка только кивнула головой в ответ, и трепет прошел по всему ее телу под действием страстной нотки в голосе возлюбленного. Она вполне понимала его, так как в глубине души она не меньше его любила Новую Францию.

— А вот здесь река,— продолжал Давид, проводя пальцем по линии, вырезанной на роге.— Это единственная линия, которая отделяет нас от наших врагов. Поэтому-то король и подарил таким воинственным сеньорам, как твой отец, земли вдоль реки Ришелье, чтобы они могли преградить путь неприятелю в случае его вторжения и задержать его продвижение в глубь страны.

— Здесь на озере (которое мы называем Сакраменто, а англичане — Озером Георга) расположена первая английская крепость — форт Эдвард — и форт Вильям-Генри. Вот почему я возле каждого из этих фортов вырезал лающего пса, ибо они тоже лают на нас и кусают, когда только представляется возможность.

— И ты думаешь, что они когда-нибудь доберутся до нас?.. И когда-нибудь их лающие псы сделают с нами то, что они хотят? — шепотом спросила девушка.

— Нет, если только ваши джентльмены из больших городов будут иметь достаточно мужества, чтобы драться,— ответил ей Давид Рок.

— Вовсе не *мои* джентльмены,— упрекнула его девушка.— Вовсе не *мои*.

— И от этих лающих псов,— продолжал юноша после недолгого молчания, в продолжение которого он, казалось, продумывал ее слова,— мы переходим к нашему собственному озеру Шамплейн. Вот здесь, где я вырезал французский флаг на верхушке разбитой сосны, находится место, которое индейцы племени минго называют Тикондерога, и тут мы в скором времени начнем строить форт.

— Ты говоришь как человек, все помыслы которого сосредоточены на войне,— сказала Анна.— Почему это «мы будем строить форт», Давид? Зачем тебе вмешиваться во все это? Разве не построят его без тебя солдаты короля?

Тихим, размеренным голосом Давид ответил:

— Наступает время, Анна, когда каждая винтовка Новой Франции нужна будет для того, чтобы преградить путь этим варварам. И это время уже недалеко. Ты не думай, что я делаю лишь догадки. Я знаю, о чем говорю. И такие винтовки, как моя, лучше винтовок солдат, Анна.

— И наши враги могут прийти от этого места, где сто-

ят лающие псы, к озеру Шамплейн, и от озера Шамплейн к реке Ришелье, и потом вниз по Ришелье к... нам?

— Да, и после нас они направятся к Монреалю и к Квебеку и к каждому дому в Новой Франции,— если мы, живущие на реке Ришелье, не сдержим их натиска.

— Ты говоришь с еще большей уверенностью, чем мой отец,— с сомнением в голосе заметила Анна.— Но мой отец говорит только о мире, он верит в мир и в мощь Франции. И точно так же говорят и думают те, которые живут в Квебеке, Давид.

— В лесах мы знаем то, чего не знают у вас в Квебеке,— возразил Давид Рок.— В то время, как ваши джентльмены в Квебеке танцуют, играют в карты и копят богатства, эти лающие псы становятся все озлобленнее, все голоднее. И это не мои слова, Анна. Это слова...

— Чьи?

— ...Черного Охотника.

Он медленно и тихо произнес последние слова, точно в них крылась такая тайна, которой даже ветерок не должен был слышать.

У девушки в первое мгновение занялось дыхание в груди, и вместе с тем слегка напряглись все мускулы ее тела, словно она вдруг почувствовала вражду к своему юному другу.

— Он снова был здесь?

— Да. Приблизительно за месяц до того, как ты вернулась из школы в Квебеке, он явился к нам однажды темной ночью. Я спал в это время, и мне снова грезился все *тот* же страшный сон. Мы провели с ним две недели в лесах, расположенных на юге; мы заходили с ним в самую глубь неприятельской земли, вплоть до свинцовых копей в долине Хуанита. Я сопровождал его даже до форта Вильям-Генри, и сам видел этих лающих псов, о которых говорю. Но так как я был вместе с Черным Охотником, то англичане не видели во мне опасности для себя. И я также видел много свежих красных скальпов, и много скальпов, которые индейцы высушили, натянув их на круглые обручи...

Анна медленно отодвинулась от него. Она слегка побледнела, и в ее глазах появилось то испуганное выражение, над которым Давид не раз смеялся.

— И твоя мать разрешила тебе уйти... без предостережения... не боясь за твою жизнь?..

— Ты забываешь, Анна, что она не боится Черного Охотника, как ты.

Он расхохотался и взял девушку за руку. В продолжение нескольких секунд Анна пристально смотрела на него — так пристально и так пытливо, что с губ Давида исчезла улыбка.

* * *

Они долго стояли и молча глядели друг другу в глаза. А потом, когда девушка, казалось, прочла в его глазах все, что ей нужно было знать и что он пытался скрыть от нее, она перевела взгляд на рог и сказала:

— Ты еще не кончил рассказывать мне про рог, Давид. Ты дошел до реки Ришелье и, не правда ли, эта река сливается с рекой Святого Лаврентия? В таком случае на этих скалах должен быть расположен Квебек, правда? А на том острове — Монреаль, а там на севере, наверное, расположены земли Верхней Канады. Но я вижу здесь много такого, чего не понимаю. Вот здесь, например, нечто вроде алтаря, возле которого стоят две фигуры, словно ангелочки, а неподалеку сидит какое-то жалкое существо с удочкой в руке.

— В этом леске, — торжественным голосом ответил Давид Рок, — стоит большой дом; это замок Сен-Дени. Этот ангелочек — ты сама, а то жалкое существо, которое сидит с удочкой, — это я, Анна.

— Скажи, пожалуйста, Давид, что мне сейчас делать: плакать или смеяться? И почему у этого ангелочка такие изумительные волосы?

— Более красивых волос, чем у тебя, никогда не было на свете, Анна!

— Даже у твоей матери?

— Моя мать была прекрасна, Анна, и Черный Охотник предложил мне изобразить ее вот здесь, возле того, что ты называешь алтарем.

— Черный Охотник! — воскликнула девушка. — Он посоветовал тебе? И он знал, что ты для меня делаешь этот рог?

— Он помогал мне разработать план рисунка, когда мы вместе с ним бродили в лесах на юге.

Девушка в это время медленно перевернула рог и стала разглядывать остальную часть панорамы, вырезанной молодым художником.

— Вот это — Скрытый Город, — сказал юноша, становясь лицом к юго-западу. — Он находится далеко отсюда,

и ни один белый не знает в точности — где, ни один, за исключением Черного Охотника. Город расположен в том месте, где индейцы племени сенека когда-то захватили белых пленных, еще задолго до того, как мы родились. Они не стали убивать этих пленных, намереваясь сделать их частью племени. Там большей частью женщины и дети, как говорит Черный Охотник, и, наверное, их несколько сотен. Когда-нибудь я отправлюсь взглянуть на них. В обществе Черного Охотника мне не будет грозить опасность.

Девушка снова подошла и крепко прижалась к нему.

— Я до конца дней своих буду хранить и любить этот рог, Давид. Посмотри на закат солнца! Какой багровый — краснее крови! — Она слегка вздрогнула. — Становится немного прохладно, а у меня даже теплого платка с собой нет. Пойдем домой, Давид.

Юноша повернулся и повел ее по крутой тропинке, которая в скором времени привела их к ровному плато, поросшему гигантскими дубами. Сперва юноша шел позади девушки, отставая лишь на один шаг, но только тропинка сделалась шире, он обогнал ее и пошел впереди, держа наготове длинную винтовку. Глаза его оглядывали каждый кустик, уши насторожились, и ни один звук не мог бы миновать его слуха.

Анна шла позади него и тоже смотрела по сторонам, прислушиваясь ко всем звукам. В глазах ее светилась ласка. Она любила смотреть на Давида, когда он вот так шел впереди. Его ноги в мокасынах производили меньше шума, чем падающая листва, а юношеское тело могло бы поспорить гибкостью с пантерой.

Однажды ее отец как-то рассердился на него и назвал его молодой пантерой, молодым зверем, который растет в лесу и станет со временем большим зверем, ни к чему не пригодным, кроме жизни в лесах! А она гордилась этим. Она невероятно гордилась своим Давидом! За последний год с ним произошла огромная перемена. Он уж не был теперь ни прежним мальчиком, ни товарищем по играм; он также не был только юношей, которого она любила с присущей ей преданностью. Теперь он минутами был для нее — и как раз вот в такие минуты, как сейчас, — мужчиной. Мужчиной, внушавшим ей более глубокое чувство, чем та любовь, которую она питала к нему с самого детства. Мужчиной, который немного пугал ее и который заставлял ее сердце биться сейчас совсем по-иному.

Прошлой ночью, когда старый сеньор Николай Сен-

Дени после ужина курил свою большую трубку, а Анна вскарабкалась на угол стола, стоявшего в читальне отца, последний вдруг сказал:

— Ты уже стала женщиной, Анна. Тебе минуло семнадцать лет. Я не хочу потерять тебя,— ведь ты — все, что у меня осталось после смерти твоей матери. Но я хочу сказать тебе, что с полдюжины молодых джентльменов просили разрешения вести с тобой серьезное знакомство, и мое мнение, что пора уже тебе положить конец глупой, детской привязанности к Давиду. Если ты захочешь, то сможешь выйти замуж за любого представителя трех или четырех наиболее могущественных фамилий Новой Франции. И теперь, когда сюда направляются интендант Биго со своей свитой и твои друзья из Квебека...

Но на этом месте Анна прервала его, закрыв ему рот обеими руками, и решительно заявила:

— Я выйду замуж за Давида, старый, дорогой, одноногий папочка! Я выйду замуж только за Давида Рока!

И после этого она убежала и отправилась к себе в комнату, заливаясь счастливым смехом. Она еще долго слышала, как внизу в своей комнате ее отец расхаживал взад и вперед, постукивая деревянной ногой, но она не могла видеть радостной улыбки в его глазах и не могла слышать довольного смешка, который издавал старый вояка каждый раз, когда он подходил к окну, откуда виднелся лес, где стояла хижина Давида Рока и его матери.

Но Анна запомнила его слова, и теперь она не уставала мысленно повторять их, словно какую-то дикую песню *Ты уже женщина!.. Ты женщина!.. Ты женщина!*

Ей исполнилось семнадцать лет, а в Квебеке было принято, чтобы молодые дамы семнадцати лет вступали в свет, выходили замуж и становились матерями!

Но что же будет с Давидом? Анна притронулась к его рукаву.

— Почему ты умолк, Давид? Почему ты так опасно озираешься? — шепнула она. — Неужели нам может грозить здесь какая-нибудь опасность?

— В этот час вылетают из своих гнезд куропатки и тетерева, — ответил Давид Рок тихим, глухим голосом.

— Неправда, Давид, — быстро возразила Анна. — Ты вовсе не думаешь сейчас о куропатках и тетеревах. Ты думаешь об индейцах, Давид. Вечно об индейцах! Неужели ты предполагаешь, что они осмелятся прийти сюда?

— Индейцы на все могут осмелиться, Анна. И когда я

смотрю на тебя и на твои волосы, я чувствую, что мог бы убить любого, кто грубо прикоснулся бы к ним! Я вспоминаю о том, что я видел однажды в стране ирокезов. Я думаю о Скрытом Городе. Я думаю...

Он вдруг умолк.

— О чем, Давид?

— Мне бы не следовало тебе говорить.

— Но я хочу знать!

— Я думаю о целом мешке скальпов, которые индейцы племени могауков послали в подарок своим английским друзьям в форт Вильям-Генри. Там было в общей сложности восемь скальпов — все снятые с французских женщин. Длинные волосы были завиты в косы по манере индейцев, и вместе со скальпами индейцы прислали черные ножи и томагавки, чтобы показать, каким оружием были убиты эти женщины. И волосы на одном из скальпов до такой степени напомнили мне твои, что мне стало страшно... мне стало почти дурно.

Он схватил руки девушки и крепко прижал к своей груди. Через несколько секунд он снова продолжал:

— Я надеюсь, что к тому времени, когда ножи для скальпирования и томагавки снова появятся в этой долине (а Черный Охотник уверяет, что это должно скоро случиться), ты будешь уже находиться в Квебеке.

Казалось, что юноша с трудом выжимает из себя каждое слово.

— Что ты хочешь сказать этим, Давид?

— Возможно, что ничего. Мне не следовало бы об этом говорить с тобой. Я только заставляю тебя нервничать. Вот видишь, мы уже выходим из чащи леса, а там в долине еще виднеется солнце.

Анна отстала на один шаг и продолжала путь позади него. Ее губы приоткрылись, щеки залились румянцем, а грудь высоко вздымалась. Она любила слушать Давида, когда он говорил с ней так, как сейчас, в глубокой чаще и во мраке вековых дубов. В такие минуты он особенно нравился ей как мужчина, и тогда в ней с еще большей силой просыпалась женщина. Она испытывала в душе какое-то особенно радостное чувство и счастье. И Давид, в душе которого еще боролись мальчик и мужчина, думал про себя, что никогда он не видел ее такой прекрасной.

Она распустила волосы и предоставила им развеяться под легким летним ветерком; почти каждый раз, когда она находилась с Давидом, она распускала их. Но почему-то

сегодня, когда Давид взглянул на нее, он почувствовал дрожь во всем теле. И, между прочим, в этот вечер Анна отдавала себе отчет в том, что она именно потому распустила волосы, что это нравилось Давиду

Девушка имела обыкновение набирать полную охапку цветов, проходя по опушке леса; когда она опустилась на колени и, весело хохоча, начала подавать их Давиду, тот вдруг бросил цветы наземь, быстро и с силой привлек ее к себе, схватил в объятия и стал так жадно целовать, что у девушки занялось дыхание. Она чувствовала, что никогда еще ее возлюбленный не целовал ее так, как сейчас.

Испустив легкий крик, она стала бороться с ним и, упершись обеими руками в его грудь, пыталась вырваться из крепких объятий. Но даже в эти мгновения борьбы ее сердце радостно билось от счастья и восторга. Она инстинктом проснувшейся женщины различала в лице и глазах возлюбленного ту страсть, которая поборола наконец юношескую робость. Тогда она перестала сопротивляться и, положив голову к нему на грудь, еще крепче прижалась всем телом.

Но в этот момент, который должен был запечатлеться на всю жизнь в душе молодого человека и девушки, раздался насмешливый хохот; Анна с быстротою молнии вырвалась из объятий Давида, а тот в мгновение ока повернулся лицом к месту, откуда доносился смех

Шагах в двенадцати от молодых людей из-за рожицы диких сумас показались три человека, и смех принадлежал тому, который шел впереди других. Но как только Анна Сей-Дени повернулась, улыбка исчезла с лиц незнакомцев. Тот, кто находился впереди, почтительно снял шляпу и, низко кланяясь, стал рассыпаться в извинениях.

— Ради Бога, простите, мадемуазель,— начал он.— Мы не видели и не слышали вас и были уверены...

— Вы лжете! — прервал его Давид Рок, делая шаг к нему.— Вы великолепно видели и превосходно слышали, и вы смеялись потому, что не знали, что имеете дело с мадемуазель Сен-Дени. И что еще вы думали, разрешите узнать?

Анна потянула его за руку и умоляющим голосом стала просить:

— Ради Бога, довольно! Уйдем, Давид!

И раньше, чем молодой человек успел ответить или повернуться к ней, она по узкой тропинке нырнула в лес, и тогда Давид, не торопясь, поднял ружье, подобрал цветы и последовал за ней.

— Черт возьми! — с восхищением в голосе воскликнул один из мужчин, следовавших позади первого. — Скажите, Водрей, видели вы такую красотку в своей жизни? А вы, де Пин? И, между прочим, недурную историю вы затеяли, подкравшись потихоньку к такой сцене! А этот молодой дикарь — кто он такой? Черт меня возьми, если он ее не целовал! Как крепко он держал ее в своих объятиях! И я бы сказал, что ей это было вполне по душе, если я хоть что-нибудь понимаю в женщинах.

— А то, чего вы не понимаете в женщинах, могло бы наполнить две книги, Биго! — воскликнул де Пин. — А не заметили ли вы случайно, какие у нее волосы?

— Божественные! — воскликнул Биго. — Я бы заплатил губернаторским постом за право быть на месте этого дикаря.

— Разрешите поймать вас на слове, мсье, если вы действительно говорите серьезно, — сказал де Пин. — Вовсе нет надобности платить такой дорогой ценой — предоставьте только мне заняться этим делом.

Франсуа Биго, последний и самый могущественный из интендантов французского короля в Новой Франции, быстро сделал несколько шагов вперед и вышел на тропинку, по которой скрылись Анна Сен-Дени и ее молодой возлюбленный. В его глазах загорелся страстный огонь, а на хищном лице появилось выражение, которое можно видеть на лице охотника, выжидающего добычу.

Позади него стоял де Пин и глядел через плечо интенданта; он был щегольски одет, а лицом напоминал хитрую лису. Де Пин был правой рукой Биго и самым близким к нему человеком; весь Квебек знал, что этот человек продал свою жену, прекрасную Анжелику, интенданту в обмен на милости последнего, давшие ему возможность нажиться.

А за этими двумя стоял, потирая руки над изрядным брюшком, маркиз Водрей, губернатор королевских владений в Луизиане. Это был веселый, счастливый, бесконечно гордый собой и абсолютно бессовестный человек, настоящий маленький петушок, который, казалось, вот-вот лопнет от своей напыщенности. Как это нередко случалось и раньше, Водрей сейчас откровенно сказал то, что было у него на уме.

— Как это хорошо, что здесь нет мадам де Пин, — в противном случае двойное предательство ее мужа — хе-хе-хе! — несомненно унизило бы ее!

И Водрей еще быстрее стал потирать руки, когда заме-

тил, что затылок де Пина стал багровым. Что касается Бигго, то он метнул на маркиза взгляд, полный яда.

Но почти сейчас же злобное выражение на лице Бигго сменилось веселой улыбкой, и он разразился тем искренним смехом, который иногда обманывал даже самых осторожных его врагов.

— Ваше счастье, Водрей, что вы слепы к женской красоте, — шутливым тоном заметил он — Потому-то вы в такой степени любите самого себя, и потому я хочу притащить вас из Луизианы, чтобы в будущем году сделать вас губернатором всей Канады. У меня будет уверенность что вы никогда не станете моим соперником, ха-ха-ха! Что же до этой девушки и этого дикаря, который был с ней то я по-прежнему предлагаю губернаторский пост за первую и кое-что равноценное за голову второго.

— Должен ли я понимать, что вы командуете меня передать ваше предложение ее отцу? — спросил де Пин с лукавой усмешкой.

С лица Бигго исчезла улыбка — его веселое настроение кончилось.

— Мы должны скорее вернуться и хорошенько посмеяться вместе со старым Сен-Дени над этим инцидентом, пока девушка сама не передала ему о случившемся по-своему — заметил он трезвым тоном — Вы большой дурак де Пин если могли подумать, что она дочь какого-нибудь окрестного «мужика».

— Разрешите вам напомнить, Франсуа, что вы знали довольно много дочерей «мужиков», которые были, однако, весьма прекрасны, — ответил де Пин, подмигивая и пожимая плечами — Что же касается этого инцидента, свидетелем коего нам случилось быть, то я готов смотреть на это как на счастливый случай. Здесь кроется безграничный источник, если разрешите мне так выразиться, для романа.

Бигго ничего не ответил, и все трое молча повернули к лесу Гронден и замку барона Сен-Дени.

Через несколько минут из леса показалась фигура человека, который, весело насвистывая, шел им навстречу.

— Опять этот осел, Пьер Ганьон, который повсюду сует свой нос! — заметил де Пин с брезгливой гримасой — И вечно насвистывает одно и то же. Чем больше его оскорбляют тем больше проникается он уверенностью, что его любят. Я никак не могу понять, почему все девушки Квебека с ума сходят по нему? Уж не потому ли, что они знают что он не может им причинить какого-либо вреда.

Биго кивнул головой в знак того, что по достоинству оценил сарказм своего друга. Водрей, который шагал, с шумом втягивая в себя воздух, сделал вид, будто ничего не слышит. Но, несмотря на то, что внешне он ничем не выдавал своих мыслей, его мозг работал с лихорадочной быстротой и при этом с изумительной ясностью, и только в глазах маркиза загорелся алчный огонек.

* * *

Анна Сен-Дени дожидалась Давида Рока на опушке леса Гронден среди великолепных гигантских дубов.

Она уже успела снова заплести свои косы, и ее лицо горело отчасти от быстрого бега, отчасти под действием обуревавшего ее гнева, оскорбленной гордости и стыда. Но когда она заметила, что ее возлюбленный настолько же спокоен и холоден, насколько она взволнована, она протянула ему обе руки, взяла у него цветы и сделала попытку расхохотаться.

О я вела себя как трусиха! — воскликнула она. — Но, право, я не могла дожидаться тебя, Давид, стоя там с распущенными волосами.

Кто они такие? — только спросил Давид Рок.

Анна повернулась, прижимая к себе охапку цветов, и стала прислушиваться к новым странным звукам, которые неслись с другого конца леса Гронден. До них смутно доносились громкие голоса, веселый смех и необычайный шум топоров; на лице юноши застыло еще более суровое и напряженное выражение.

Очевидно, уже прибыл интендант со своей свитой, — заметила Анна как бы в ответ на его мысли. — Странно, никто не ожидал их раньше завтрашнего утра! Этот смуглый широкоплечий мужчина был мсье Биго, а тот, что извинялся передо мной — Гюго де Пин. Я их обоих видела в Квебеке. Но кто такой третий, я понятия не имею. О, как я их ненавижу!

Она еще раз взглянула на тропинку по которой они бежали от взоров любопытных, а затем быстро подошла к Давиду и, протягивая ему для поцелуя губы, сказала:

— Я должна спешить! Мой бедный папочка, наверное, в панике от нагрянувших неожиданно гостей. И я ему очень нужна. Ведь надо распорядиться на кухне и накормить всю эту ораву. К тому же я должна поправить воло-

сы и переодеться, чтобы быть в состоянии выйти навстречу этим людям. Спокойной ночи!

Давид Рок дважды поцеловал ее, а потом долго стоял и глядел ей вслед, пока она не махнула рукой в последний раз на прощание и не исчезла за лесом Гронден. На сердце у юноши застыла какая-то странная, непонятная тоска и не оставляла его ни на минуту.

Молодой человек сделал только несколько шагов по направлению к своему дому, но вдруг остановился под влиянием какой-то мысли и, снова повернувшись к замку Гронден, стал прислушиваться к смутно доносившимся оттуда звукам. А когда он опять пустился по тропинке через лес, его лицо горело от уязвленной гордости и унижения, и он всеми силами старался побороть грусть, охватившую все его существо.

Проходя мимо мельницы, принадлежавшей сеньории Сен-Дени, он подумал, что это строение фактически было первым предметом, запечатлевшимся в его уме, когда он был ребенком. Эта мельница, которую он запомнил еще раньше, чем стал узнавать свою мать, была построена сеньором Гронденом в 1690 году, еще задолго до появления сеньора Сен-Дени, и дата ее постройки была высечена на каменной плите, висевшей над узкой дверью. Мельница имела форму круглой башни футов двадцати в диаметре и футов семидесяти в высоту и была сложена из плоских плитняков, так что фактически она обладала такой же крепостью, как если бы она была высечена из одного сплошного камня.

Старый сеньор Гронден сделал в ней достаточно бойниц на случай нападения индейцев, но однажды утром, когда он отправился в лес пострелять тетеревов, могауки великолепнейшим образом оскальпировали его, перерезали всю его семью и унесли его ружье вместе с охотничьей сумкой.

Эта старая мельница потому еще так дорога была Давиду Року, что здесь он впервые стал играть с Анной Сен-Дени. Но сейчас, когда он проходил мимо двери, которая вела внутрь, он заметил, что в огромной печи пылает огонь. Двое негров, кожа которых лоснилась и блестела при свете огня, кидали время от времени в топку смолистые поленья. В скором времени печь накалится настолько, что в нее можно будет сажать огромные двадцатифунтовые хлеба.

Давид вдруг подумал, что никогда еще до сих пор он

не видел, чтобы в этой огромной печи ночью пекли хлеб. Но он сейчас же ответил себе, что в замке Гронден происходило сейчас много такого, чего он не видел раньше. Оттуда то и дело доносились смех, веселые песни и гулкие удары топора. Около дюжины костров ярко пылали в вечерних сумерках, и один из них был таких размеров, словно горела целая хижина. Вокруг огня двигались во все стороны люди.

Юноше незачем было особенно вглядываться в человеческие фигуры, чтобы отличить костры индейцев от костров белых. Первых было семь, вторых — пять, и вокруг огня расположилось по крайней мере человек пятьдесят, не считая тех, которые могли еще находиться за соснами у реки. Глаза испытанного охотника тотчас же различили двадцать человек индейских бойцов (очевидно, племен оттава или гуронов, решил он) и приблизительно столько же солдат.

Кроме этих людей, было еще человек двадцать, и достаточно было взглянуть на их одежду и сабли, чтобы узнать в них офицеров-джентльменов, сопровождавших интенданта по дороге в Монреаль.

Внезапно Давид расслышал какой-то странный звук, словно кудахтанье курицы. Маленький старый мельник Фонблэ показался в дверях мельницы, точно белое привидение. Он был покрыт густым слоем белой муки и, быстро потирая руки, издавал язвительные смешки.

— Чудная компания, не правда ли, паренек? — воскликнул он. — Все храбрые люди, и голодные к тому же. До того голодные, что они прогуливаются, чтобы время скорее прошло. Сегодня должен был прибыть гонец, чтобы предупредить об их приходе, но он не явился. Очевидно, либо заблудился, либо его оскальпировали по дороге. И вдруг нагрянуло восемьдесят человек, и интендант приказывает приготовить к завтраму двадцать бушелей крупы и муки! Хоть стой тут да лови каждое дуновение ветерка! А ветер, как на зло, сегодня слабый.

— Восемьдесят человек! — повторил Давид. — Да, нелегко накормить такую ораву. Мадемуазель Сен-Дени говорила мне, что они ожидают человек сорок, не больше.

Мельник сделал лукавую гримасу.

— Там у реки они весело проводят время. Видел, какой костер? Там жарят целиком быка, которого сеньор зарезал сегодня утром в ожидании гостей. А я послал полных пять бушелей крупы и муки. Так что все это, вместе с картош-

кой, капустой и свеклой, должно дать им возможность набить себе брюхо до самого отъезда. Но для важных господ это не годится. Для джентльменов из Квебека нужна, видите ли, дичь, нежное жаркое, пирожное и все такое прочее. Уж сегодня, видно, не придется поспать, ибо интендант приказал также приготовить сто хлебов, и надо тебе знать, что гораздо безопаснее издалека потянуть короля за нос, чем не исполнить приказание интенданта.

Давид Рок беспечно расхохотался.

— А я бы сказал, что он кажется мне безобиднее многих из тех, с кем приходилось сталкиваться в лесу. И будь я на вашем месте, отец Фонблэ, и мне пришлось бы всю ночь молотить для них муку и печь хлеб, то я кой-чего подсыпал бы туда, ха-ха-ха! А скажите, — продолжал юноша, переходя на деловой тон, — что означает приказ приготовить муки, хлеба и крупы? Очевидно, они завтра же намерены продолжать путь?

— Очевидно, — ответил старый мельник. — В противном случае я не вижу, зачем бы заставлять меня работать всю ночь напролет.

Внезапно старик указал на свет в окошке Анны и снова захихикал смешком, походившим на кудахтанье курицы.

— Посмотри-ка на нее, паренек! — воскликнул он. — Посмотри-ка на нее сейчас, когда на ней все это золото, серебро и кружева! И все это общество галантных джентльменов! Она красивее кого-либо из всех, кто до сих пор заглядывал к нам из Квебека. И помни, сынок, что на нее будут бросать взоры не только молодые, но и кой-кто постарше. Я бы надолго не спускал с нее глаз, Давид, ибо сама красotka Помпадур была бы предана забвению, случись королю Луи увидеть нашу прелестную Анну. А между тем ее место здесь, возле этой старой мельницы, среди цветов, песен и птиц. Так что ты, паренек, смотри не дремли!

Давид слушал старого мельника и чувствовал, что в душе у него поднимается буря. В его мозгу пронеслась мысль, что он нисколько не хуже этих господ, расположившихся на зеленой траве, что ни одной из женщин их круга не уступит его трудолюбивая мать, что ни один человек не может померяться в смелости и храбрости с Черным Охотником, его учителем и воспитателем. Весь мир принадлежал ему, тогда как этим людям принадлежал лишь один город, который опять-таки защищал он и другие, ему подобные обитатели лесов..

Сердце Давида бешено билось под влиянием этих мыс-

лей. О, как бы ему хотелось сейчас встретиться с этим самым де Пином! Прежний юноша исчез, и на его месте появился мужчина, который готов был вступить в поединок с кем угодно.

Обуреваемый этими мыслями, он уже не пытался больше скрываться, а, наоборот, вышел открыто под освещенные окна замка и направился вдоль берега реки.

Молодой охотник прошел мимо трех офицеров, которые весьма недружелюбно оглядели его с ног до головы. Вскоре он почти лицом к лицу столкнулся с другой группой из четырех офицеров, и те резко остановились. У одного из них были седые усы и жесткие холодные глаза, и как раз его Давид слегка задел дулом своего ружья.

— Черт возьми! — воскликнул он. — Кто вы такой и что вы тут делаете? Зачем вы пришли сюда?

— Меня зовут Давид Рок, и я живу в этой сеньории. Я прогуливаюсь так же, как и вы, — ответил молодой человек так же резко и спокойно пошел дальше.

— Разрешите, господин полковник, пощекотать его острием моего клинка, чтобы посмотреть, как быстро он умеет бегать? — донеслось до слуха Давида.

Но, очевидно, никто не последовал за ним, и вскоре он дошел до берега реки, чувствуя, что кровь так и кипит в его жилах. Он несколько успокоился, когда приблизился к тому месту, где солдаты жарили быка на костре. Здесь царили дружба и веселье, ибо каждый был сам себе поваром и слугой, каждый охотно делал свою долю работы для общего блага.

Юноша заметил, что солдаты измучены, а равно и индейцы, которые собирались вокруг своих костров, в некотором отдалении от белых. Давид медленно шел вперед, хотя его все больше и больше охватывало желание остаться среди этих людей, которые так близки были ему по духу. Но внезапно ему пришло в голову, что мать будет обеспокоена его долгим отсутствием, и он пустился напрямиком к замку, чтобы оттуда повернуть домой.

И опять-таки он не стал скрываться, а пошел совершенно открыто, держа путь мимо пруда, расположенного возле замка, в котором накоплялась вода из холодного ключа, бившего из-под земли. Растянувшись на земле, Давид Рок приложился губами к ледяной воде и стал жадно пить. Винтовку свою он положил на плоский камень возле себя. Когда он поднялся и рукой вытер рот, он вдруг заметил, что шагах в шести от него стоит та же компания, которая повстречалась ему раньше, и на него в упор смотрит

тот же офицер с седыми усами и холодными глазами, который остановил его незадолго до этого.

— Это тот самый мошенник, который оскорбил вас раньше, господин полковник, — услышал Давид голос юнца, предложившего «пощекотать» его острием клинка.

— Он не только мошенник, — донесся до Давида голос, который вызвал трепет во всем его теле.

Круто повернувшись, он увидел около себя Гюго де Пина вместе с Биго и Водреем, а позади них различил изумленное и испуганное лицо своего друга Пьера Ганьона.

— Он не только мошенник, — повторил де Пин и, сделав шаг вперед, низко поклонился Давиду не скрывая насмешки. — Обратите внимание, мсье, что он очень красив, и вы можете только пожалеть, что пропустили зрелище, которое мы имели честь лицезреть сегодня вечером.

С этими словами де Пин приблизился к Давиду и даже притронулся слегка к его рукаву, а глаза его горевшие огнем, обещали окружающим веселую забаву.

— Обратите на него внимание, мсье! снова сказал он — Он не дикарь, хотя его волосы давно уже не стрижены и по лицу течет вода. И он далеко не так глуп, каким кажется вам, друзья мои. Надо вам знать, что он возлюбленный одной дамы, имя которой поразит вас. Да, да, вот это и есть предмет ее страсти, и еще совсем недавно мы застали в его объятиях в этой чаще леса, куда не могут проникнуть взоры, самую прелестную...

Никакие силы не могли бы заставить Давида дольше сдерживать себя. С быстротой молнии он повернулся, одним движением рук схватил де Пина поперек спины, и раньше, чем кто-либо успел произнести слово или хотя бы шевельнуться, его могучие руки подняли в воздух прихвостня интенданта и швырнули в середину холодного пруда.

Биго первый бросился вперед, слишком поздно намереваясь предотвратить случившееся. И опять-таки раньше, чем кто-либо успел остановить его, Давид Рок, пылавший яростью, схватил интенданта и швырнул его в пруд вслед за де Пином, который фыркал и отряхивался, пытаясь стать на ноги.

Крик ужаса вырвался из груди присутствующих, и громче всех звучал голос Пьера Ганьона. В то же мгновение с полдюжины людей накинулись на Давида, но тот и не думал даже защищаться или сопротивляться. Ему было достаточно сознания, что он рассчитался с де Пином и Биго, и чувство бешеного ликования выгнало из его ума вся-

кую мысль о борьбе с людьми, против которых он не питал никакой злобы.

Он только сознавал, что несколько человек держат его за руки, что кто-то приставил острый клинок к его груди, что ему крепко стянули руки ремнем за спиной. Он слышал пыхтение и фыркание Биго и де Пина, которым друзья помогали выбраться из пруда.

А потом послышался голос, который не раз уже вселял смертельный страх в сердца людей, и этот голос произнес:

— Отведите его в дом и прикажите сеньору Сен-Дени дать ему сто ударов плетью по голой спине. А вы, полковник Арно, позаботьтесь, чтобы мой приказ был выполнен. И все, кому будет угодно, могут полюбоваться этим зрелищем.

Но даже этот голос и страшный приговор не испугали Давида, находившегося во власти удовлетворенного чувства мести. Он готов был заплатить жизнью, чтобы закрыть рот этому негодяю де Пину, осмелившемуся так насмешливо отзываться об *его* Анне!

Сто ударов плетью.

Целая гурьба разъяренных людей, гремя саблями, вела его через лужайку по направлению к замку.

Сто ударов плетью!

Мало-помалу эта мысль стала проникать в голову Давида Рока. Сто ударов плетью... И люди будут смотреть на него... Сто ударов плетью по обнаженной спине...

Он смутно различал лицо своего друга Пьера Ганьона. Обычно круглое и румяное лицо последнего было такого же цвета, как белая пелена муки на плечах маленького старого мельника.

И мало-помалу Давид стал испытывать холодный трепет, ужас перед чем-то страшным, надвигавшимся на него.

Его вели, очевидно, прямиком в большую залу замка... Анна увидит его там... Она узнает и услышит приговор... Он не должен обнаруживать ни страха, ни раскаяния...

Лицо Давида казалось мертвенно-бледным при свете свечей. Но он шел, держа высоко голову и глядя прямо перед собой.

Грохот оружия и топот тяжелых башмаков наполнили огромную залу, в которой стояли освещенные свечами столы, приготовленные для гостей. И в ту же минуту послышался холодный, полный ярости голос полковника Арно, приказывавшего слугам позвать сеньора Сен-Дени. Почти тотчас же в залу стали стекаться любопытные.

Высоко подняв голову, не оглядываясь ни вправо, ни влево, Давид стоял, чувствуя, как быстро собирается вокруг него жадная до зрелищ толпа. Десятки глаз жгли ему затылок. Он слышал дыхание людей, их перешептывания, и в ушах у него раздавалось гулкое биение собственного сердца, а по всему телу пробежал то холодный трепет, то горячая волна.

Никто из людей, глядевших на него, не мог бы сказать, что он обнаружил в лице Давида Рока страх. Но при тусклом свете свечей его лицо казалось совершенно бескровным, оно словно посерело и приняло цвет камня. Своим стоицизмом он напомнил индейца, готового принять все пытки. И он вполне мог бы сойти за индейца, если бы не его светлые волосы и белый цвет кожи.

Но в голове Давида копошились тревожные мысли, перегоняя одна другую, и с неумолимой жестокостью вставала в мозгу одна и та же фраза: «Сто ударов плетью...» Сто ударов плетью... Сто ударов плетью по обнаженной спине... И люди будут смотреть на экзекуцию!

И вдруг он заметил перед собой Анну Сен-Дени и ее отца, стоявших в широкой двери, которая вела в комнату барона.

Перед ним стояла не прежняя Анна, не та Анна, которую он недавно лишь держал в своих объятиях.

Эта Анна была значительно старше и в то же время еще прекраснее в своем роскошном платье, с замысловатой прической.

Нет, там в дверях стояла не его Анна, а совершенно другая, совсем новая. Она преобразила себя для этих людей из большого города, и когда он понесет наказание — сто ударов плетью! — тогда она займет свое прежнее место среди этих джентльменов.

Эта ужасная мысль целиком захватила его мозг, душу и тело, и когда он встретился взглядом с Анной, той показалось, что он даже не узнает ее.

Смутно в голове юноши отдавался неумолимый, жестоко-холодный голос полковника Арно, говорившего старому барону о двойном проступке, совершенном в замке Сен-Дени. Он видел, что в глазах Анны выразилось изумление, а ужас потряс ее до такой степени, что лицо ее потеряло всякую краску. Она была не в состоянии шевельнуться.

Так же смутно, словно это происходило где-то далеко, Давид Рок снова услышал свой приговор: сто ударов плетью по обнаженной спине. И тогда он увидел, что Анна зашаталась, словно от сильного удара, и лицо ее искази-

лось от боли; казалось, что она хочет что-то крикнуть, но слова не выходят из ее горла.

В продолжение всего этого времени он продолжал смотреть на нее тем же странным, бесчувственным взглядом, словно перед ним стоял совершенно чужой человек. И ему действительно казалось, что та Анна, которая стоит в дверях вместе с отцом, не имеет ничего общего с его возлюбленной.

Но другие присутствующие видели совсем иное. Через дверь, которая вела наружу, показались Биго и де Пин, оба взъерошенные и в мокрой одежде, с которой текли струйки холодной воды, а следом за ними быстро семенил маркиз Водрей.

И последний, неслышно для других, быстро шептал на ухо Биго:

— Я говорил вам, что это безумие выносить подобный приговор, если вы надеетесь заслужить милость этой девушки. Взгляните на нее! Она белее лилии и прекраснее всех красавиц Квебека. Если вы допустите эту экзекуцию, она будет ненавидеть вас. А если вы поступите так, как я вам советую, она... вполне возможно... будет любить вас. Молодой дикарь долго не сможет владеть ее мыслями. Постарайтесь завоевать ее расположение. Сделайте это, и красотка, на которую вы смотрите, со временем будет принадлежать вам... А мне достанется губернаторский пост.

Таким же шепотом де Пин произнес на ухо Биго:

— Никогда еще судьба не посылала нам такой розы, Франсуа! Никогда еще не представлялся такой удачный случай сорвать ее!

А в это же время полковник Арно громким, отчетливым голосом повторял приговор, чтобы барон Сен-Дени не мог не услышать или не понять.

— Сто ударов плетью, барон, по обнаженной спине. И на открытом воздухе, на глазах у всех. Я возлагаю на вас ответственность за то, что преступник останется здесь до того времени, когда будет произведена экзекуция.

Пока происходила эта сцена, чьи-то руки грубо держали Давида Рока за плечи, но теперь кто-то легко прикоснулся к нему, и пленник услышал голос Биго.

Интендант ласково улыбался ему. В его глазах светился дружеский огонек. И что было всего удивительнее — де Пин, стоявший позади Биго, низко кланялся Давиду, и все его существо дышало дружеским расположением и лаской. А Водрей, стоявший рядом с ним, слегка посмеивался.

Но никто из присутствующих не заметил, что второй рукой Биго весьма выразительно сжал руку полковника Арно, и этот жест, очевидно, не остался непонятым для старого офицера.

— Мадемуазель, — начал Биго, голосом, звучавшим как самая нежная музыка, — я начинаю опасаться, что полковник Арно слишком далеко зашел, пожалуй, в нашей невинной шутке. Не думайте, прелестная мадемуазель Анна, что этому молодому человеку действительно грозит наказание. Мы привели его сюда таким несколько необыкновенным образом, чтобы отдать ему почести как самому храброму юноше во всей Новой Франции.

Я и де Пин оба получили холодный душ из его рук за то, что мы позволили себе весьма неблагоразумно посмеяться над ним. Этот молодой человек показал, чего он стоит, и за это я очень ценю его. Если только он согласится простить нам нашу неприличную шутку, то мы готовы поклясться ему в вечной дружбе начиная с этой же минуты. И если он когда-нибудь соблаговолит явиться в Квебек, где подобным смельчакам предоставляются огромные возможности, я позабочусь, чтобы интендант, которому он сегодня вечером устроил «крещение», принял его, как он того заслуживает. А теперь, если вы разрешите нам переодеться в сухое платье, которое мы, к счастью, захватили с собой, и если вы, дорогая мадемуазель Анна, простите нас за испуг, который мы причинили вам, то это происшествие запечатлется в моей памяти как одно из самых незабываемых в моей жизни.

Чувство ликования охватило душу Биго, когда он заметил то впечатление, которое произвели его слова на девушку. Все страсти, которые до сих пор обуревали душу этого необузданного человека, жертвы своей собственной неограниченной власти, уступили теперь место одним лишь мыслям об Анне. Ее очаровательная невинность и красота подействовали на него, как пары крепкого напитка. Водрей, умный, наблюдательный, лукавый царедворец, сумел заметить зарождение этой страсти. И, пожалуй, еще де Пин. Больше никто из присутствующих не догадывался о том, что происходит в душе интенданта.

Биго, ласково улыбаясь, продолжал смотреть в глаза Анны; он с радостью заметил, что румянец начал возвращаться к ней. Приблизившись к девушке, он склонился над ее рукой с таким же почтением, как если бы это была королева или королевская любовница, мадам Помпадур, креа-

турой которой (как это знала вся Новая Франция) был он сам.

— Да пошлет вам небо обоим счастье и благополучие во всем,— тихо сказал он, и эти слова, скрытый смысл которых был понятен лишь ему и Анне, вызвал в лице последней густую краску.

Она тотчас же посмотрела своими лучистыми глазами на Давида Рока, но последний, лишь только его освободили, повернулся и направился к двери. Люди расступались, давая ему дорогу, и кто-то подал ему его длинную винтовку. Давид ни разу не оглянулся и, очевидно, не слышал, как его окликнули, и не знал, что его имя сорвалось с губ Анны.

Давид Рок вышел наружу и снова очутился в своей стихии.

* * *

Мысли бурным потоком кружились в голове юноши, когда он стоял возле замка и глядел на окна, залитые светом множества свечей. В душе своей он торжествовал: он защитил имя Анны и выказал свое презрение к этому «высшему свету»! Эта мысль в настоящую минуту гнала прочь все остальные.

Но вскоре более мрачные думы овладели им. Его, как барана, толкали в спину на глазах любимой девушки! Ему связали руки за спиной! У него отняли его ружье и пригрозили ста ударами плетью!.. И только Биго спас его от этого унижения. Биго, который склонился над рукой Анны и поднес ее к своим губам. Юноша успел заметить, каким радостным огнем загорелись глаза девушки.

Давид Рок задумчиво двинулся в путь и в скором времени снова очутился возле двери, кофоя вела на мельницу. При свете пламени, пылавшего в огромной печи, он увидел старого мельника, и тот еще больше, чем когда-либо, напомнил ему привидение.

— Ну, что, ты видел его, Давид? И всех этих важных господ нашей несчастной страны? — тотчас же начал старый мельник.— Ты видел Биго, не правда ли? Этого великого интенданта, мастера любовных дел, любимца короля и протеже Помпадур?

— Да, я видел его,— ответил Давид Рок.— Я стоял рядом с ним, и он держал руку на моем плече.

— Вот как! Черт возьми, Давид Рок, вот что значит иметь возлюбленной такую девушку, как Анна Сен-Дени!

Ты должен знать, что пальцы Биго привыкли касаться лишь шелка и бархата, и если он прикоснулся к тебе, то это было только ради Анны.

— Я тоже так думаю,— согласился с ним Давид Рок, чувствуя, что кровь стынет у него в жилах.

— И какого мнения Биго о нашей Анне? — настаивал на своем Фонблэ.

— Он находит ее прекрасной.

— Ну конечно, конечно! — закивал головой старый мельник. И вдруг он совершенно затих и больше не произнес ни одного слова.

Простояв еще некоторое время в полном безмолвии, Давид Рок пожелал ему доброй ночи и ушел.

Старый мельник долго смотрел ему вслед и, качая головой, бормотал с сомнением в голосе:

— Да, да, Давид, она прекрасна, слишком прекрасна для тебя. И я готов биться об заклад, что по этой самой причине Биго и часть его важной свиты останется здесь и не последует за остальными! Заметь себе это, мой мальчик, и посмотрим, прав ли старый Фонблэ.

Да, да, Давид, — снова произнес он, когда последний уже скрылся из виду, — я бы с радостью пожертвовал этими двумя никому не нужными руками, чтобы только Анна могла поменяться наружностью с какой-нибудь девчонкой со вздернутым носиком и в веснушках. Вы оба выросли у меня на глазах, и если я вас потеряю, мое старое сердце будет разбито.

Но Давид Рок не слышал этого. Когда он оглянулся, то увидел лишь, что старый мельник по-прежнему стоит у входа на мельницу на опушке леса Гронден. И только он хотел было углубиться в лес, как увидел фигуру человека, перебежавшего от дерева к дереву. А когда незнакомец приблизился к мельнице, старик Фонблэ отошел от двери и пошел ему навстречу.

Юноша все еще стоял и смотрел, и в это время человек расстался со старым мельником и пустился по тропе по направлению к нему; в скором времени Давид узнал в запыхавшемся знакомце своего лучшего друга (после Черного Охотника) Пьера Ганьона, титулованный отец которого правил соседней сеньорией.

Он страшно обрадовался его появлению и еле сдержал крик радости, чуть не сорвавшийся с его уст. Он очень любил Пьера Ганьона, «Пьера-пышку», как называла Анна этого веселого молодого человека с розовым лицом.

Давид Рок продолжал стоять неподвижно и только в

последний момент, когда Пьер Ганьон уже собирался нырнуть во мрак леса, он открылся ему. Его молодой друг облегченно вздохнул.

— Черт возьми, как я рад! — воскликнул он. — Мне уже начало казаться, что все красные дьяволы, которые обитают в этом лесу, скоро будут мчаться по моим пятам! Хорошо еще, что мне не пришлось бежать за тобой до самого твоего дома.

— Это было бы гораздо легче сделать утром, — ответил Давид Рок.

— Хорошо тебе говорить! — воскликнул тот. — Анна Сен-Дени грозила мне смертью и гибелью души моей, если я не найду тебя сегодня же.

Сердце юноши затрепетало от радости.

— Она просила тебя разыскать меня?

— Нет, она не просила. Она *приказала* мне разыскать тебя и сказала, что если я не выполню приказания, то она постарается, чтобы меня возненавидели все красивые девушки в Квебеке. Вот видишь, как она интересуется тобой!

— Когда ты с таким важным видом вышел, — продолжал Пьер Ганьон, — словно каждый из присутствующих в зале был твоим личным врагом, Анна тотчас же подала мне сигнал; нам удалось отлучиться на несколько минут, и тогда я подробно рассказал ей о случившемся. Надо было бы тебе видеть, Давид, как сверкали ее глаза и как она порывисто дышала, пока я рассказывал. А потом она заставила меня обещать, что я найду тебя и передам, что она еще более гордится тобой, чем когда-либо раньше. И она хочет знать, почему ты вышел, не обратив на нее ни малейшего внимания, когда она назвала тебя по имени?

— Наверное, она шепотом произнесла мое имя, — ответил Давид Рок, пытаясь всеми силами совладать с собой, так велико было его возбуждение под влиянием этой чудесной вести.

— Вовсе не шепотом, — горячо ответил Пьер Ганьон. — Я, например, ясно расслышал, а равно слышали ее и все остальные.

— В таком случае она произнесла его не тогда, когда я стоял лицом к ней, и не тогда, когда интендант целовал ей руку, — пробормотал Давид. — Хотя она великолепно могла бы успеть это сделать именно тогда.

— Но ты понимаешь, что она лишилась способности говорить в эту минуту — как и все остальные, как и я, между прочим. Я никогда еще в жизни не переживал такого ис-

пуга. Когда полковник Арно повторил приказ дать тебе сто ударов плетью, я почувствовал, что холодный пот льется у меня по спине. А заметил ты выражение лица старого сеньора Сен-Дени? Оно все исказилось, как у смертельно больного человека. Что же касается Анны, то я в жизни не видел такого бескровного лица. Мы все уже рисовали себе, как тебя выводят на двор, обнажают спину и начинают хлестать по голому телу! И подумай только,— закончил Пьер,— что все закончилось так чудесно после того страха, что мы пережили.

— Я не вижу в этом ничего чудесного,— холодно ответил Давид Рок.— Не понимаю, почему человек должен радоваться тому, что он унес целой свою шкуру, которая должна была оставаться вечером такой же, какой она была днем!

Пьер глядел на него, раскрыв рот от изумления.

— Неужели ты хочешь сказать, что не воспользуешься дружбой, которую предложил тебе интендант? — спросил он.

— О какой дружбе ты говоришь?

Пальцы Пьера Ганьона крепко обвили руку Давида.

— Ты, кажется, с ума сошел! — воскликнул он.— Неудивительно, что ты не слышал, как Анна окликнули тебя. Неужели ты хочешь сказать, будто не слышал, как Биго предлагал тебе свою дружбу и покровительство, если ты когда-нибудь отправишься в Квебек?

— Ты ошибаешься, я это слышал. Но я вовсе не намерен ехать в Квебек.

— В таком случае ты безнадежный человек! Когда интендант Новой Франции извиняется перед тобой и вместе с извинением дает такое обещание, то это надо считать за редкое счастье. Стоит ему сказать одно слово, и ты станешь ближайшим человеком к королю. Как бы порочен ни был Биго, но если он что-нибудь обещает, то сдержит слово — во всяком случае, поскольку это касается обещания такого сорта. Это тебе всякий подтвердит. Я наблюдал за ним, когда он смотрел тебе вслед, и я слышал, как он говорил Анне, что во всем Квебеке не найдется более красивого офицера,— если только ты примешь его приглашение и приедешь туда. *Его* приглашение, понимаешь ты это?! И надо бы тебе видеть, как выглядела в эту минуту Анна.

В течение нескольких секунд Давид Рок молча стоял и играл магазинной коробкой своего ружья.

— Мне ровно ничего не нужно в Квебеке,— сказал он наконец.

— В Квебеке — богатство и слава и... Анна! — горячо возразил Пьер.

Давид Рок все еще молчал, и только пальцы его нервно сжимали ружье. Пьер Ганьон продолжал усовещивать его.

— И в Квебеке ты найдешь столько прелестных девушек, что в глазах начнет рябить, если начнешь следовать за ними.

В голосе Пьера было столько самодовольства и радости, когда он произносил эти слова, что Давид Рок не мог сдержать улыбки.

— Мне кажется, что ты готов был бы жениться на всех красивых девушках в мире, если бы только тебе позволили. Ты, очевидно, любишь всех сразу.

— Всех до одной! — согласился с ним Пьер.

— И по-твоему Анна хотела бы, чтобы я оставил леса и отправился в Квебек?

— Я убежден в этом. Анна любит больше город, и ей нравится жизнь в нем.

Давид Рок чуть слышно засмеялся и спокойно ответил:

— Ты глубоко ошибаешься, Пьер. Анна любит леса почти так же сильно, как и я. Пройдет еще год, и она придет сюда, чтобы навсегда остаться здесь. Она сегодня только говорила мне об этом. А помимо всего, здесь, в этих лесах, предстоит больше работы, чем в Квебеке, — работы, которую, очевидно, забывает интендант и его друзья среди пляски, забавы...

— ...богатства, славы и любви, — закончил Пьер.

— Но там не с кем воевать.

— Сколько угодно и с кем угодно из тех галантных кавалеров, среди которых вы скоро очутитесь, мсье Рок. Драться на пистолетах в двадцати шагах или же, если это тебе больше нравится, на рапирах при заходе солнца или при свете луны. И сколько угодно вещаний сможешь ты увидеть на площади, а время от времени кому-нибудь отрубят голову, и почти каждый день ты будешь хохотать, глядя на какого-нибудь мошенника, выставленного на площади в клетке. А ночью — музыка, песни и танцы во всех концах города, и если повезет, то ты будешь целовать самую красивую девушку в мире... Одним словом, там есть все, ради чего только стоит жить на свете!

— И тем не менее, — ответил Давид Рок, и в голосе его звучало пренебрежение, — мне нет ровно никакого дела до всего этого. Драться я хочу только в лесах, где жизнь чище, чем у вас в городе. Драться, и честно драться я предпо-

читаю здесь, и этого удовольствия, могу тебя уверить, хватит на всех в этом году!

— Честно драться! — презрительно повторил Пьер, вступая в спор, который никогда не прекращался между этими двумя друзьями детства. — По-твоему это называется «честно драться» — вонзить нож в спину человека или же провести острием ножа по макушке его головы и снять его скальп. Фу!

— Я не охотник за скальпами и никогда им не буду, — ответил Давид Рок. — Но мне кажется, что скальпирование вошло в привычку одинаково и у французов, и у англичан, и у индейцев. И до тех пор, пока губернатор в Квебеке и англичане, которые расположились вон там, сулят награды за человеческую кожу и волосы — будь то скальп мужчины, женщины или даже ребенка, — до тех пор эта привычка будет все больше и больше укореняться. Когда я вижу скальпы женщин с длинными волосами, натянутые на обручи, как мне приходилось не раз видеть в форте Вильям-Генри, у меня появляется такое ощущение, что вот-вот передо мной явится мой злейший враг.

Пьер Ганьон ласково прикоснулся к руке друга.

— Я знаю, Давид, и ты прав, как и всегда. И порой, когда я слушаю тебя, у меня появляется желание надеть пару мокасинов, как и ты, и поселиться в лесу. Но если бы я когда-нибудь решился вступить в бой с индейцем, то разве только с мертвым, — ведь ты знаешь мою одышку и ожирение. Но зато я умею недурно стрелять из пистолета и потому предпочитаю жить в Квебеке. И, между прочим, я не слишком люблю индейцев.

Еще на самой заре своей любовной карьеры Пьер Ганьон успел прострелить из пистолета трех соперников в Квебеке, и так как он к тому же проделал это с веселым и беспечным видом, то весь город обожал его.

— Но, как бы то ни было, — добавил он после недолгого молчания, — я бы очень хотел видеть тебя в Квебеке, — если не ради тебя, то, во всяком случае, ради Анны.

— Ты совершенно упускаешь из виду, что англичане со своими колонистами собираются двинуться на нас, — упрекнул его Давид Рок. — Ты ведь не знаешь, что индейцы племен могауков, онейдов, онондагов, кайюгов и сенокков точат свои томагавки и не спускают глаз с Канады, поощряемые призами за французские скальпы. И десятки других племен рыскают по лесам, как волки, и то тут, то там снимают скальпы с французских женщин, даже на бе-

регах реки Ришелье! Нут, Пьер, в наших лесах нет сейчас ни одной лишней винтовки, которой можно было бы пожертвовать ради Квебека. Ни единой!

— Ни даже ради Анны?

— Что касается Анны, то она через год вернется сюда... разве только все переменится к тому времени и на том месте, где мы стоим, останется лишь след пожарища.

— Черт возьми! — вырвалось у Пьера Ганьона. — Неужели ты думаешь, что это возможно? Ведь за нами вся Франция и вся армия.

— В своем Квебеке вы слишком мало думаете и слишком мало учитесь, несмотря на все ваши школы, несмотря на обилие у вас мудрецов, — ответил ему Давид Рок. — Но если бы вы могли иметь таких учителей, как Черный Охотник.

— Что же он говорит?

— Что во всей Канаде найдется меньше семидесяти тысяч французов, тогда как в колониях наших врагов-англичан живет полтора миллиона человек. Сэр Вильям Джонсон только что закончил обзор индейских поселений на юге Канады, и, по его словам, там живет тридцать пять тысяч воинов, из которых двенадцать тысяч готовы во всякую минуту пуститься на охоту за французскими скальпами, тогда как на нашей стороне имеется всего лишь сорок три племени с общим числом воинов меньше четырех тысяч.

— Все это говорит в пользу того, что я и ты должны находиться в Квебеке к тому времени, когда вся орава дикарей ринется сюда, — ответил невозмутимым тоном Пьер. — И все колонисты будут вовремя предупреждены и сумеют отправиться следом за нами. А после этого мы двинемся обратно во главе французской армии и погоним англичан и их друзей назад, как это случилось у Форта Необходимости, где этот пресловутый Джордж Вашингтон недавно сдался нам, и как это случилось также у форта Дюкен.

Благодаря царившей мгле, Пьер Ганьон не мог различить суровой усмешки на губах Давида Рока.

— Вот именно этого-то и не будет, Пьер, если только Черный Охотник прав, — заметил Давид, глядя на мельницу. — Это произойдет так же внезапно, как случилось много лет тому назад с тем человеком, который построил эту мельницу. Никто не успеет предупредить ни здесь, ни где-либо в другом месте. Огонь и томагавки быстро делают

свое дело. А потому я не стану ездить в Квебек, Пьер. Не зайдешь ли ты поужинать с нами?

— Я обещал Анне, что сообщу ей, если найду тебя. И, признаюсь, я не люблю находиться ночью в лесу. Я порой спрашиваю себя, не сошел ли ты с ума со своей любовью ко всем дьявольским штукам, которые здесь проделываются. Увидимся завтра, не так ли, Давид? И передай привет твоей славной матушке. Прямо грех прятать такую чудную, такую прелестную женщину в этой глуши.

— Спасибо на добром слове, Пьер. Спокойной ночи!

— Спокойной ночи! — ответил Пьер, и еще долго после того, как скрылся его друг, он стоял и глядел ему вслед.

А потом он медленно повернулся и пустился в обратный путь, бормоча про себя:

— Твой Черный Охотник совершенно прав, Давид. Но тем не менее я предпочел бы, чтобы ты был в Квебеке. В противном случае ты, пожалуй, потеряешь Анну.

Когда он дошел до опушки леса, до него донеслись звуки песни, которую напевала Анна под аккомпанемент мелодичной арфы.

Г л а в а II

ТАЙНА ЧЕРНОГО ОХОТНИКА

Точно тень, скользил Давид Рок по лесу, не переставая ни на одно мгновение думать об Анне Сен-Дени и обо всем пережитом за день. В то же время все его внимание было неусыпно посвящено окружавшему его лесу, а пальцы лежат на замке ружья, дуло которого смотрело вперед. К подобной осторожности приучил его Черный Охотник, который неоднократно говорил ему, что эта глушь может одинаково означать для человека и жизнь и смерть.

Дойдя до небольшой прогалины, Давид Рок остановился. Это место было прозвано Красной Опушкой. Здесь не было ни одного дерева, ни цветов, ни даже травы, и никогда не слышно было тут пения птиц. Индейцы говорили, что эта опушка проклята. Объяснялось это тем, что именно здесь произвели свою страшную казнь над белыми пленниками индейцы племени могауков, когда они разорили гнездо первого поселенца в этих местах — сьера Грондена.

Посреди прогалины лежали огромные валуны, и один из них мог размерами поспорить с изрядной хижинкой. На этих камнях индейцы в свое время сожгли семерых белых, а потом развешали на высоких шестах скальпы с развевающимися волосами трех прекрасных женщин.

Не было ни одного индейца, который не верил бы, что в этом месте водятся духи. В этом у них не было никакого сомнения, судя по всем признакам, и они всегда старались держаться подальше от Красной Опушки. Во время грозы раскаты грома особенно оглушительно раздавались здесь, особенно ярко сверкала молния. А ночью даже при свете полной луны нельзя было видеть своей собственной руки, поднесенной к глазам, или даже фонаря шагах в десяти от себя,— так, по крайней мере, передавали друг другу индейцы, жившие вдоль реки Ришелье.

* * *

Но Давид Рок в эту минуту не думал ни о привидениях, ни о жертвах индейской воинственности. Он старался рассчитать, сколько времени осталось до восхода луны. Горя желанием скорее присоединиться к своей матери, он ускорила шаг

Через несколько минут он вынырнул из леса на другую прогалину, много больше Красной Опушки. Здесь было полных двенадцать акров земли, и каждый фут этой земли Давид Рок сам возделал и засеял кукурузой с помощью старого индейца племени делаваров по имени Козебой, который был его «няней» чуть не с первого дня его рождения. Вместе с индейцем жила его дочь Теренсера, что по-индейски означает «начало дня».

Теперь вся прогалина колосилась спелой кукурузой, а там, где поле кончалось, среди группы лип и вековых дубов мерцал небольшой огонек.

Эта была хижина, в которой жил со своей дочерью индеец Козебой, а несколько поодаль стоял более крупный и ярче освещенный коттедж, в котором обитал Давид Рок со своей матерью. Юноша остановился, зная, что где-нибудь поблизости старый делавар дожидается его возвращения. Иногда Давид задавал себе вопрос, спит ли вообще когда-нибудь этот старый индеец, который, казалось, ни на одну секунду не спускает глаз со своего питомца.

Выйдя из лесу, юноша дал сигнал — трель соловья, и

через несколько секунд перед ним, словно по мановению волшебного жезла, выросла фигура индейца.

Козебой был уже не молод, хотя по-прежнему высок, строен и худощав, а голову он держал как подобает воину. За поясом у него торчали топорик и нож, с которым он не расставался в течение всей своей жизни. В одной руке он держал ружье.

Обменявшись несколькими словами с индейцем на языке делаваров, Давид Рок поспешил к своему коттеджу. Последний, в отличие от индейских хижин, был сложен из камней, и между камнями, а также в тяжелых дубовых ставнях виднелись бойницы, устроенные на случай нападения.

Когда юноша приблизился к домику, до его слуха донесли звуки пения. Миссис Рок была еще довольно молода, и благодаря высокому росту и стройному сложению она и сейчас еще выглядела девушкой, тем более что ее волосы, заплетенные в косы и уложенные на макушке, были черны как смоль.

Когда молодой охотник поставил свое ружье в угол комнаты, Мэри Рок быстро поднялась с медвежьей шкуры на полу, на которую она опустилась, чтобы поправить огонь в камине.

— Прости, мама, за такое опоздание, — сказал юноша. — Это все Анна виновата...

— Ну конечно, — с шутливой укоризной ответила Мэри Рок. — Жареные голуби, которые я приготовила тебе к ужину, совершенно пересохли, а картошка превратилась в пепел.

— Но, тем не менее, я вижу, у тебя хорошее настроение, мама. Я слышал, как ты пела песню Черного Охотника.

Юноша приготовился мыться и не заметил продолжительного молчания матери.

— Почему тебе вдруг пришел в голову Черный Охотник, сынок? — спросила та.

— Я никогда не перестаю думать о нем, — ответил Давид Рок, опуская лицо в таз с холодной ключевой водой.

Вскоре мать и сын сидели за столом, на котором стояло блюдо с жареными голубями, черный хлеб и пудинг из муки, липового сиропа и разных плодов.

Молодой человек ел и рассказывал матери обо всем, что произошло за день. Когда он передал ей все подробности, он вдруг заметил при свете наполовину выгоревшей свечи какое-то особенное выражение на лице матери.

— Мама,— сказал он,— что такое случилось с тобой? У тебя какая-то неожиданная радость — в чем дело?

— Я всегда рада, когда ты возвращаешься домой, Давид,— ответила Мэри Рок.

— Но сегодня... Ты так напоминаешь мне сейчас Анну, когда та была со мною в чаще сумах. И я думал... Я всегда думаю об этом... Я хотел бы знать...

— Что именно, Давид?

— Ты всегда выглядишь счастливой, когда приходит Черный Охотник,— продолжал юноша после некоторого колебания.— Я тоже счастлив, когда он приходит, но сегодня Анна расспрашивала меня о нем, и пора бы мне ответить ей на ее вопросы.

— Он наш друг, Давид. И твой и мой. Он очень любит тебя.

— Да, я знаю. Но почему он наш друг? — настаивал юноша.— И почему такая таинственная дружба? Почему он так неожиданно приходит и уходит, и никто, кроме нас, никогда не видел его лица? Почему никто не знает его другого имени, а только Черный Охотник? Если он так любит нас, как ты говоришь, почему мы не можем знать его имени?

— Я знаю его имя, Давид, и я тебе не раз говорила, что я храню это имя в секрете, потому что Черный Охотник этого хочет.

— И есть какая-нибудь особая причина для того, чтобы хранить это имя в секрете?

Мэри Рок утвердительно кивнула головой.

— Анна дрожит, когда я говорю с ней о Черном Охотнике,— снова продолжал молодой человек.— Она просила меня сегодня подарить ей мой пороховой рог, и я отдал его ей. Я пытался заставить ее думать о Черном Охотнике так, как мы думаем о нем, но мне это не удалось. Она боится его. Завтра она, наверное, будет у нас, и я хотел бы, чтобы ты поговорила с ней о Черном Охотнике и ответила на некоторые вопросы, которые она задавала мне. Ты это сделаешь, мама?

— Хорошо, Давид, я это сделаю,— ответила Мэри Рок.— Он разрешил мне это сделать.

Внезапно молодой человек пристально уставился на свою мать. Он только сейчас заметил, как она одета.

— Какой я слепой и какой я глупый! — сказал он, обнимая ее и поворачивая к свету.— Как это я мог не заметить, что ты надела то платье, что было на тебе однажды

на балу у барона? И ты напевала песню Черного Охотника, когда я открыл дверь. А в углу стоит ружье, которое не принадлежит ни мне, ни Козебою. Это ружье совершенно черное, а потому я его не заметил. Мама, Черный Охотник здесь?

— Да, Давид, он здесь. Он явился вечером, когда ты ушел с Анной Сен-Дени. И я сегодня расскажу тебе про Черного Охотника, чтобы ты завтра мог сам поведать обо всем твоей Анне.

Мэри Рок опустила голову и погрузилась в раздумье.

— Много лет тому назад я познакомилась с твоим отцом, Давид,— начала она, заглядывая в далекое прошлое... Он был англичанин из Луизбурга, но, несмотря на вражду, которая давно уже существовала и тогда между французами и англичанами, я бежала с ним в колонии, и там мы поженились. Все это ты, конечно, знаешь, Давид, равно как и то, что я ради него стала англичанкой и вместе с ним бродила от одной границы к другой, пока твой отец не поселился наконец в прекрасной долине Хуанита в Пенсильвании.

И там ты увидел жизнь, Давид. Только одна семья белых была с нами, и мы жили счастливо и процветали и очень подружались с окружающими индейцами. Вторая семья, тоже английская, состояла из Питера Джоэля, его жены Бетси, которую я любила, как родную сестру, их двух девочек и сына, который родился на одной неделе с тобой.

Слезы задрожали на ресницах Мэри Рок, и ее сын обратил внимание, что она и не подумала вытереть глаза.

— Питер Джоэль обожал свою жену и детей. Они представляли собой прелестную картину, и я уверена, что я старалась быть примерной женой благодаря благотворному влиянию Бетси Джоэль. Она была лишь немногим старше меня, но в то же время она была почти матерью для меня; а также любящей сестрой и чудесным другом. А Питер Джоэль... Питер... вот это и есть тот человек, которого ты сейчас знаешь под именем Черного Охотника.

Она сделала маленькую паузу и пристально посмотрела на сына, не спускавшего с нее глаз.

— А потом наступила страшная ночь...— Мэри Рок вздрогнула всем телом, несмотря на теплый воздух ночи.— До сих пор я всегда немного лгала тебе, Давид. Я полагала, что лучше будет для тебя, если ты будешь думать, что тот страшный сон, который так часто грезится тебе, всего лишь сон, а не событие, действительно случившееся

и настолько запечатлевшееся в твоём детском мозгу, что оно то и дело приходит тебе на память во сне.

Стояла темная-темная ночь, и тебе было всего лишь четыре года, когда на нас напала банда озверелых гурунов. Они возвращались с пустыми руками после неудачного набега на индейцев-сенеков, и никакие силы в мире не могли бы остановить их.

Твой отец как раз лежал больной, а Питер Джоэль находился в двух верстах от дома, где при ярком свете луны охотился на оленей. Я не могу точно отдать себе отчета, как это все произошло, но знаю только, что вдруг увидела твоего отца убитым в постели, и едва я стала соображать, что случилось, все наши строения были уже охвачены огнем. Никогда в жизни не забуду я того, что произошло снаружи, того, что я увидела при свете пожара, когда выбежала из дому. Я много лет старалась похоронить все это в своей памяти. Я всеми силами пыталась изгнать это воспоминание из головы... а теперь я сама обо всем этом говорю, так как наступило время, чтобы ты узнал обо всем.

Я держала тебя на руках и в безумном страхе своем так крепко прижимала к груди, что остается только удивляться, как это я не задушила тебя. Нас потому и не убили сразу, что мы попали в плен к самому вождю гурунов. Их было немного, и все они, за исключением вождя, спорили, кому достанется Бетси Джоэль и ее дети. Я увидела Бетси около себя, и я закричала и пыталась приблизиться к ней. Она была совершенно голая, и ее прекрасные волосы, подобно золоту, струились при свете зловещего пламени.

И я увидела, Давид, как один из индейцев вырвал из рук несчастной женщины ее сына, твоего ровесника, и убил его ударом томагавка. Я услышала предсмертный хрип ее двух девочек. А потом какое-то чудовище, стоявшее около меня, вдруг сделало прыжок по направлению к Бетси. Я не могла заставить себя закрыть глаза и не могла двинуться с места. Я видела, как он схватил ее за волосы в ту минуту, когда она кинулась к своим несчастным малюткам. Он пригнул ее голову книзу, его топорик поднялся и опустился, и я увидела несчастную женщину распростертой на земле. А затем индеец наклонился над ней и вскоре поднялся, испустив вопль, точно дикий зверь, и в руках его развевались длинные волосы Бетси Джоэль.

На ресницах Мэри Рок уже не сверкали больше слезы. Ее глаза были широко раскрыты, и какой-то огонь, каза-

лось, струился из них. Можно было подумать, что она совершенно забыла о том, что происходит сейчас вокруг нее, и видит лишь то, что случилось в страшную темную ночь пятнадцать лет тому назад.

— И ты, Давид, тоже видел все это и не переставал кричать. Я уже собралась почти с духом, чтобы воспользоваться мгновением и пуститься бежать, и в таком случае эти красные чудовища, наверное, убили бы меня, как они убили Бетси и ее детей. Но как раз тогда случилось нечто необычайное.

Из ночной тьмы к нам вдруг кинулся какой-то бешеный человек, испуская дикие вопли и размахивая огромной дубиной. Это был Питер Джоэль. И не успел вождь гуронов, державший в руках скальп Бетси, обернуться, как Питер одним ударом раскроил ему голову. Голова индейца разлетелась, как тыква, с силою брошенная о землю. О какой это был ужас, Давид! Я прижала тебя к груди, чтобы ты не мог ничего видеть, ибо Питер Джоэль сошел с ума, и его дикие крики были страшнее всех тех звуков, что когда-либо испускали воинственные индейцы. И индейцы тоже поняли, что он сошел с ума, и бросились бежать, ибо, как ты знаешь, ни один индеец никогда не тронет человека, лишившегося рассудка.

Но еще раньше, чем они успели разбежаться, он разможил голову троим из них своей страшной дубиной. А потом он до утра просидел, прижимая к себе трупы жены и детей, держа на руках своего убитого мальчика и нежно убаюкивая его, и в течение всей этой ночи он ни разу не обратил ни малейшего внимания на нас с тобой, словно он не имел ровно никакого представления о том, кто мы такие.

Когда наступил день, он позволил мне прикрыть наготу Бетси кой-чем из моей собственной одежды, а потом мы похоронили ее и детей в одной могиле возле пожарища. А когда земля скрыла все, что у него было в жизни, его лицо приняло более спокойное выражение, и он взял тебя на руки и стал называть тебя «мой мальчик» и «мой сынок». А потом он направился в лес, все еще держа тебя на руках, и я последовала за ним.

О, Давид, если бы ты только знал, какое это было страшное путешествие в продолжение многих дней! Питер Джоэль уже не был больше тот Питер, которого я знала, но в то же время его безумие стало понемногу проходить, и на смену ему возвращался, очевидно, здравый рассудок, ибо он находил для нас пищу и осторожно выбирал тро-

пинки. Но за все это время, что мы шли от долины Хуанита к реке Ришелье, он ни разу не обменялся со мной ни единым словом и ни разу не ответил ни на один вопрос.

И за все эти дни тяжелого пути он ни на секунду не выпустил тебя из своих рук. Даже ночью ты спал в его объятиях, несмотря на то, что у меня болела душа, так хотелось мне прижать тебя к себе. Четырнадцать дней и четырнадцать ночей продолжалось наше бегство, и я убеждена, что за все это время Питер Джоэль ни разу не сомкнул вполне глаз.

Наконец мы приблизились к французским селениям на реке Ришелье, и тогда Питер Джоэль покинул нас. Несмотря на все мои мольбы, он ушел назад в лес. Нас приютила охотничья компания барона Сен-Дени; с ними был Козебой и его маленькая дочь, и я выходила их обоих, несмотря на то, что все считали их погибшими, так как индейца и его дочь поразила свирепствовавшая тогда эпидемия. А Питер Джоэль, казалось, навсегда ушел из нашей жизни.

Мэри Рок умолкла и только через несколько минут вздрогнула и очнулась.

— Вот как случилось, что Черный Охотник нес тебя на руках и спас нам обоим жизнь. Но тогда еще он был не Черный Охотник, а всего лишь бедный Питер Джоэль, потерявший рассудок. И вот почему ты так привязан к нему, а он так любит тебя.

— И ты говоришь, что он был тогда помешан? И я много лет после этого не видел его? Но почему же Черный Охотник...

Мэри Рок провела рукой по глазам, словно желая отогнать какое-то воспоминание.

— Да, он был помешан, но у него было какое-то странное помешательство,— ответила она.— Лишь через пять лет после этого увидела я его снова и узнала, что он жив. Все эти годы я заботилась о хозяйстве барона Сен-Дени и о маленькой Анне, а тем временем стали носиться слухи о Черном Охотнике, который бродил по лесам, подобно тигру, вырвавшемуся из клетки, и стал самым страшным врагом, с каким когда-либо приходилось встречаться индейцам.

Но вместе с тем он не был простым убийцей, и вскоре всем стало понятно, что им руководит отнюдь не жажда мести, а лишь желание защитить белых женщин и детей от топора и ножа кровожадных индейцев. Он приходил и уходил, подобно привидению, вооруженный черной винтов-

кой, в черном кожаном костюме, а иногда он красил свое лицо в черный цвет. Казалось, ветер сообщает ему о всех кознях и дьявольских замыслах индейцев, ибо сотни раз случалось, что он в последнюю минуту предупреждал белых поселенцев, и его сигнал спасал жизнь одиноких колонистов и их жалкие хижины.

Индейцы придумывали самые хитроумные планы, чтобы захватить его в плен и убить, но все это не приводило ни к чему, и в конце концов они пришли к убеждению, что имеют дело с духом человека, а не с человеком из плоти и крови. А потому, мол, нечего надеяться убить его. Среди белых он стал известен под разными именами: Черная Винтовка, Черный Заступник и Черный Охотник, но весьма мало находилось людей, которые могли бы похвастать, что когда-либо видели его или слышали его голос.

Страх и любовь сопровождали имя Черного Охотника. Страх перед непобедимым человеком, имя которого наводило ужас на все население, и любовь к человеку, который заботился о судьбе беззащитных женщин и детей. И этот человек, между прочим, нашел тебя, Давид, когда ты много лет тому назад заблудился в лесу, и привел тебя домой. Это был Питер Джоэль — Черный Охотник.

— Но ты говоришь, мама, что он помешан, а я между тем никогда не слышал от него ни одного слова, от которого не отдавало бы мудростью и храбростью? И в то же время от него веет такой лаской, что он мог бы поспорить с самой нежной женщиной. Что же заставило его взять с тебя обет никому не открывать его имени, — даже здесь, где нет у него краснокожих врагов, где живут одни лишь друзья?

— Эту странность мы, пожалуй, никогда не поймем, — ответила Мэри Рок. — Питер Джоэль, очевидно, похоронил себя вместе со своей убитой семьей. И в продолжение пяти лет он оставался в лесах, прилегающих к пограничной линии. Наконец он явился навестить нас и нашел тебя как раз тогда, когда ты заблудился в лесу. После этого он стал часто приходить, и чем больше времени проходило со дня гибели его семьи, тем чаще становились его посещения. А теперь он перестал быть для тебя Черным Охотником и стал прежним Питером Джоэлем.

Все-таки многое оставалось еще непонятным для молодого человека.

— Но почему, мама, люди боятся его? — спросил он. — Если он так преданно и честно посвятил свою жизнь

заботам о поселенцах, то почему же Анна Сен-Дени, например, с таким ужасом говорит о нем? Казалось бы, все должны любить его и радоваться его приходу, вместо того чтобы думать о нем как о чудовище.

Легкая усмешка мелькнула на красивом лице Мэри Рок.

— Это объясняется тем, Давид, что мы, которые всю жизнь оставались при своем рассудке, более неблагоприятны, чем был Питер Джоэль даже в те дни, когда его рассудок был помрачен. Черный Охотник не знал за все эти годы разницы между англичанами, французами или голландцами, когда речь шла об их защите от жестокости индейцев. Он никогда не поднимал руки во имя англичанина против француза, и также наоборот, и он никогда этого не сделает. В сотнях французских домов, равно как и английских, его имя благословляют, хотя в то же время дети дрожат от страха при одном лишь упоминании о нем.

Что же касается того, что люди боятся его, то это объясняется следующим. Питер Джоэль даже в дни своего помешательства сумел использовать людскую глупость, суеверие и веру в нечистую силу, чтобы с большей уверенностью делать свое дело. Так внезапно и так быстро переходил он с места на место, так необычайно выглядел он в своем черном облачении, так невероятны были его подвиги, что даже белые — и те стали приписывать ему сверхъестественную силу и говорить, что он «одержим».

Но, как бы то ни было, все это было на руку Питеру Джоэлю. Чем чудовищнее становились истории и слухи, которые передавались о нем, тем большие подвиги совершал Черный Охотник. И Анна тоже наслышалась басен о нем, и, хотя она не так суеверна, как многие другие, она тем не менее чувствует страх в душе от сознания, что Питер Джоэль так близок к тебе!

Давид Рок подошел к матери, наклонился и прикоснулся губами к ее черным волосам.

— Теперь мне все понятно, — сказал он. — И Питер Джоэль скоро вернется сюда?

— Да, он отправился к замку Гронден в надежде найти тебя там.

— И ты рада, что он здесь, мама, не правда ли? Так же рада, как и я?

— Возможно, Давид. После смерти твоего отца у меня не было в жизни лучшего друга, чем Питер Джоэль.

— И это несмотря на то, что ты так мало видела его?

— Те четырнадцать дней и ночей, что я провела с ним в

лесу, стояли четырнадцать лет, Давид. Я каждый день в своей жизни снова переживала это время. Я никогда не забуду, как он нежно заботился о тебе и обо мне в те страшные дни-годы, когда я считала его помешанным. После тебя у меня нет более дорогого существа, чем он.

Когда Давид вышел из дому, чтобы поскорее найти Черного Охотника, Мэри Рок осталась неподвижно сидеть на своем месте, уставившись в огонь в камине, словно там она читала ту страшную повесть, которой поделилась со своим сыном.

Несколько времени спустя она услышала, как открылась дверь, и решила, что вернулся Давид. Но почти тотчас же она по шагам узнала, что это не ее сын, и быстро обернулась.

Позади нее стоял человек с обнаженной головой. При свете свечи и огня в камине он производил жуткое впечатление. Он казался частью ночи, словно он сам был соткан из теней густого леса. Сверху донизу он был одет во все черное, и ни одна другая краска не нарушала однообразного черного цвета этой высокой фигуры. И пороховой рог, и пояс, и шапка, которую он держал в руках,— все выдавало в нем того человека, имя которого наводило ужас на индейцев.

Но над этой зловещей черной фигурой поднималась голова, которую нельзя было забыть, однажды увидев ее. По тому, как величественно держалась она на плечах, ее можно было сравнить с головой оленя, и, несмотря на странную жизнь, которую вел этот человек, в его лице не было ни малейшего намека ни на подозрительность, ни на тревогу, оно говорило о глубокой вдумчивости и благородстве.

Его волосы с первого взгляда казались седыми, но это ложное впечатление создавалось из-за белой пряди, которая проходила, подобно маленькой повязке, от середины лба до затылка. Эта седая прядь вместе с открытым взглядом его ясных глаз придавала тонкому, сильному лицу такое выражение, которого не мог бы никогда забыть ни один человек, будь то мужчина или женщина.

Вот каков был тот, кого люди звали Черный Охотник. Ростом он был не выше Давида Рока, но его мускулы были закалены, как сталь, и на сорок девятом году жизни он ничем не выдавал своего возраста, если не считать белой пряди в волосах.

Таков был этот таинственный человек, героизм и тра-

гические подвиги которого заставили говорить о нем всю Новую Францию и Канаду и в душу которого не заглянул ни один человек, кроме Мэри Рок и ее сына.

* * *

Анна Сен-Дени стояла у окна и глядела на мир, залитый лунным светом. Ее щеки еще горели под впечатлением всего, что она пережила в этот вечер. Даже сейчас еще до ее слуха доносились смех, веселые песни и звон бокалов; ее отец, старый барон Сен-Дени, велел принести из погреба все лучшие вина, какие только там были.

Ужин давно кончился, а вино, как это знала девушка, будет литься еще до глубокой ночи.

Ее мысли то и дело возвращались к ее молодому возлюбленному. Сколько смелости и в то же время силы нужно было, чтобы швырнуть интенданта и его сподвижника в холодный пруд! И ее Давид сделал это ради нее! Биго откровенно рассказал ей о насмешливых замечаниях, которые они позволили себе,— что и привело к тому, что он и де Пин получили «ледяное крещение», которое, впрочем, не причинило им никакого вреда.

— Глупый мальчик, но какой смелый! — выразился он о Давиде Роке.— Де Пин ничего плохого не думал, и его слова могли послужить лишь комплиментом для вас.

Анна отдавала себе отчет в том, что Биго ей нравится. Его манеры придворного, интерес, который он выказывал к Давиду Року, и добродушие, с каким он отнесся к неприятному инциденту,— все это вселило в нее доверие к этому человеку. Почему-то его слова не казались простым комплиментом, как слова других мужчин. Когда он сказал ей, что у нее самые прелестные волосы во всей Новой Франции, она почувствовала радостный трепет в душе и, чтобы скрыть его, ответила, что у матери Давида Рока еще более красивые волосы. Биго обещал ей, что завтра же повидается с миссис Рок, поговорит с нею о ее сыне и посоветует ей отправить его в Квебек.

Удивительно ли, что румянец заливал сейчас щеки девушки, а широко открытые глаза радостно блестели. Шутка ли сказать,— даже французский король не мог бы сделать для кого-нибудь в Канаде больше, чем Франсуа Биго!

Девушка потихоньку спустилась вниз, выскользнула за дверь и направилась к мельнице. Там ее не найдет никто из гостей.

В дверях мельницы стоял старый Фонблэ, подобно белому привидению в черной рамке. Увидев девушку, вынырнувшую из мрака, он вздрогнул и в изумлении протер глаза.

— Это вы, моя маленькая барышня? — воскликнул он. — Мне показалось было, что это...

— Ваша мать, — ответил старик, и видно было, что он тотчас же пожалел о своих словах. — Да простит мне небо, но вы сейчас ужасно похожи на нее.

— Это, вероятно, благодаря волосам, — ласковым голосом отозвалась Анна, и глаза ее подернуло дымкой грусти. — Вы знали мою мать в продолжение многих лет, не правда ли, Фонблэ?

— Да, и я любил ее, — кивая головой, ответил мельник. В течение нескольких минут царило молчание.

— Вы так поздно работаете сегодня, рёге Фонблэ? — заметила Анна.

— До самого утра, моя милая девушка.

— А вы случайно не видели Давида Рока?

— Он был здесь часа два тому назад, а потом отправился домой.

Опять воцарилось молчание, и снова Анна прервала его.

— Рёге Фонблэ!

— Что, милая?

— Я хочу забрать Давида с собой в Квебек.

Мельник в изумлении уставился на нее, и Анна не решилась поднять на него глаза. Несмотря на свое желание ехать в Квебек, она всей душой чувствовала, что эта старая мельница неотразимо влечет ее к себе и зовет назад.

— Я хочу увезти его с собой в Квебек, — повторила она. — Подальше от лесов, от Черного Охотника, от индейцев... и от вечной войны. Я не перестаю бояться за его жизнь. А теперь я счастлива: сам интендант обещал мне заняться его судьбой.

Она посмотрела на мельника и заметила, что тот не спускает глаз с мельничного колеса. И как раз в это мгновение колесо издало какой-то жалобный звук.

— Что это такое? — испуганно спросила она.

— Надо будет завтра утром смазать колесо...

— Я говорила с вами о Давиде, рёге Фонблэ.

— Простите меня, моя маленькая барышня. Я слышал все, что вы говорили. Вы хотите увезти Давида в Квебек. И когда он отправится туда, интендант Биго осыплет его своими милостями, и там...

— ...его ждет богатство и слава,— закончил за него чей-то властный голос.

Это произошло так неожиданно, что Анна испуганно вскрикнула. Сам интендант Новой Франции стоял возле нее! Старый мельник тотчас же попятился и скрылся в зияющей черной двери.

Лицо Анны горело огнем, когда она, запинаясь, произнесла:

— Мсье, я была уверена, что я одна с отцом Фонблэ.

— Я очень люблю гулять при лунном свете, а потому ушел от пьяного шума,— ответил ей лживый, слащавый голос Биго.— И когда я увидел вас, Анна, когда вы, словно маленькая фея, подходили к мельнице, я не мог побороть искушения и пошел за вами. Я слышал то, что вы сказали о Давиде Роке, и я очень рад, что вы со мной согласны. Не соблаговолите ли вы пройтись немного со мной?

Раньше, чем Анна успела ответить, интендант взял ее под руку, и они стали удаляться от мельницы.

Тогда старый мельник выглянул из своей двери, подобно разгневанному маленькому гному.

— Негодяй! — шипя прошептал он.— Негодяй! — повторил он, и в его голосе звучали ненависть и отчаяние.

А Биго в это время шел с Анной Сен-Дени, ведя ее под руку так, что кончики ее пальцев находились в его руке, и говорил:

— Ваша любовь к этому юноше, должно быть, очень велика, Анна?

— Да, я люблю его всей душой.

— И этой любви не осилили бы ни богатство, ни слава, ни королевские почести, которые мог бы вам доставить другой человек?

— Я никогда не задумывалась о таких вещах,— ответила Анна.

Она не видела, каким зловещим огнем сверкнули глаза интенданта. Но его голос продолжал литься так же слащаво и мелодично, как и раньше:

— Сегодня, когда я случайно набрел на вас обоих там, среди цветов, я почувствовал зависть к нему. Если Бог и Новая Франция, за которую мы проливаем кровь, когда-нибудь вознаградят меня любовью женщины, то я хочу надеяться, что она будет похожа на вас, Анна. За такую любовь я отдал бы с радостью все, что у меня есть в жизни!

В его голосе звучала тоска, и Анна не решилась отнять руку, которую намеревалась было высвободить.

Они шли некоторое время в глубоком молчании.

— Если Давид Рок явится ко мне в Квебек, я сделаю из него первоклассного джентльмена. Я лично буду заботиться о нем, произведу его в скором времени в офицеры и назначу адъютантом губернатора.

Радостный крик сорвался с губ Анны.

— Вы...вы действительно это сделаете?

— А почему же нет? — улыбаясь ответил Биго. — Про меня рассказывают ужасные вещи, та *haine*, и ненависть и зависть идут по следам моей карьеры и славы. Но в душе моей, если бы даже враги могли заглянуть туда, они нашли бы лишь горячее желание доставить счастье всему народу. И почему бы мне не излить часть моих забот на вас и на Давида Рока? В ту минуту, когда я увидел вас двоих среди цветов — вас, во всей вашей красе девушки, обещающей скоро стать прекрасной женщиной, и вашего возлюбленного, во всем его несравненном мужестве, — я почувствовал, как в душу ко мне закралось какое-то непонятное чувство и заполнило в ней пустое пространство. Но я такой же эгоист, как и все, Анна, и в вашем счастье я надеюсь найти немного счастья и для себя.

— О, мы оба будем любить вас за *вашу доброту!* — горячим шепотом ответила Анна. — И Давид, и я! В самых смелых грезах своих я никогда не рисовала себе, что нас может ожидать подобное счастье!

— Счастливы те, кто может целиком отдавать себя любви! Мы принадлежим к числу тех, кто должен жертвовать всем, когда этого потребует Новая Франция, — продолжал Биго грустным голосом. — Как это странно, что я вас посвящаю в секреты государственной важности, но я знаю, что вы будете хранить мои слова глубоко в душе, и ни один человек не узнает от вас того, что я вам скажу. Вы должны знать, что я сейчас веду усиленную борьбу с подлым предательством, которое происходит среди нас.

— Предательство! — воскликнула Анна, приложив обе руки к груди — Вы хотите сказать...

— Я хочу сказать, что англичане каким-то образом узнают о каждом нашем шаге еще раньше, чем мы успеваем его сделать, — ответил Биго.

После маленькой паузы он добавил, как бы между прочим:

— Отец Давида был, кажется, англичанин, не так ли?

— Да, — ответила Анна. — Его убили индейцы, когда Давид был еще ребенком. Но мать Давида француженка, и оба они любят Новую Францию так же, как и вы, и я.

— А этот человек, которого они называют Черный Охотник и с которым Давид так дружит,— он тоже, кажется, англичанин? И, говорят, он проводит много времени среди англичан?

— Кажется, так,— ответила Анна, несмотря на то, что ей стоило большого труда произнести эти слова.

— Предательство, да! — повторил Биго.— Вот почему я нуждаюсь в таких сильных и смелых людях, как Давид Рок. И вы непременно должны уговорить его отправиться в Квебек. Он принадлежит к числу людей, которые никогда и ни за какую цену не станут продавать свою душу и тело, и такому человеку можно доверить вещи, которых не должен знать никто другой.

В это время они приблизились к замку. Анна пожелала интенданту спокойной ночи, а изящный царедворец поклонился ей так низко, словно перед ним была королева, и провожал ее глазами, пока девушка не скрылась в дверях старого дома.

Никогда еще, кажется, красота и душевная чистота не вызывали в душе человека подобной бури самых низких страстей, как это случилось с Франсуа Биго под влиянием Анны Сен-Дени. Лицо его все еще выражало чувство ликования, так как он был убежден, что раньше или позже его ждет успех и в этом деле, как и во всем другом.

Маркиз Водрей неслышными шагами подошел к нему и своим обычным шутливым тоном сказал:

— Ну, что вы скажете о моей наблюдательности и смекалке? Дивная ночь, лунный свет и прекрасная дева... А какие неограниченные возможности! Чего еще может требовать человек... даже такой, как вы, Биго!

Интендант вцепился с такой силой в рукав маркиза, что ногти почти вонзились в рыхлую руку губернатора Луизианы.

— Я бесконечно рад, Водрей, что вы вовремя заметили, как она спускалась по лестнице! — воскликнул он глухим голосом.— Я ручаюсь, что вы с такой же уверенностью можете рассчитывать на губернаторский пост, как я на любовь Анны Сен-Дени.

Непроницаемая улыбка не покидала жирного лица маркиза Водрея, когда он спросил:

— В таком случае, все произошло так, как я предсказывал?

— Да,— ответил Биго.— Точь-в-точь, как вы предсказывали. Она шла рядом со мной, и я держал ее пальцы в своей руке, и мне пришлось сделать большое усилие над

собой, чтобы тут же не заключить ее в свои объятия. Но если бы я это сделал, все было бы потеряно! А теперь она моя! Ее воображение распалено теми картинами, которые я нарисовал ей, она верит мне, и теперь нужно только за-получить этого молодого дикаря в Квебек. А потом. тог-да уж...

— Ну конечно,— согласился с ним Водрей.— Другого пути нет. Надо всегда действовать обдуманно и расчетли-во,— закончил он, весьма довольный комплиментом, ко-торый относил к себе.— А когда все будет кончено, она с радостью придет к вам, Франсуа. Она еще молода, совсем ребенок. Ее прелестная головка вполне готова воспринять те образы, которые вы туда заронили сегодня ночью. И я полагаю, что на нашем пути стоит не столько ее возлюб-ленный, сколько ее отец.

— Что касается отца, то я уж позабочусь о нем,— уве-рил его Биго, и губы его приняли жестокое выражение.— Давид Рок — вот кого нужно снять с пути, но смерть в данном случае не является тем орудием, которое может сослужить нам службу.

* * *

Анна только притворилась, будто собирается войти в замок и подняться к себе. Она всем своим существом чув-ствовала, что должна во что бы то ни стало повидать Да-вида, если бы даже пришлось просить Пьера Ганьона, что-бы тот проводил ее через лес к коттеджу Мэри Рок. Впро-чем, нет,— не нужно ей Пьера Ганьона. Она пойдет сама!

Быстро приняв решение, Анна обошла вокруг замка, приблизилась к окну комнаты, в которой жила старая чер-ная служанка, и постучалась.

— Хлоя! Хлоя! — тихо окликнула она негритянку.— Хлоя, это я, Анна. Поднимись ко мне в комнату и принеси мне мою красную накидку. А потом разыщи моего отца и скажи ему, что я не могу заснуть среди этого шума, а пото-му переночую у миссис Рок.

Когда черная Хлоя принесла ей теплую накидку, де-вушка быстро направилась к лесу и вскоре потонула в его мгле, которая лишь местами чередовалась с бликами лун-ного света. Когда она уже приближалась к опушке, с кото-рой можно было надеяться разглядеть свет в доме Мэри Рок, она вдруг замерла на месте и затаила дыхание.

Опушка была залита волшебным светом луны, и там

стояла совершенно открыто человеческая фигура. Испустив радостный крик, Анна кинулась навстречу этому человеку, в котором она без труда узнала Давида Рока. Последний уронил свое ружье на траву и, сняв шапку, стал дожидаться Анны, глядя на нее с изумлением.

— Ты знал, что я приду, Давид, не правда ли? — спросила она.

— Я знал только, что ты достаточно времени гуляла с интендантом Биго. И я нисколько не скрываю, что после случившегося сегодня мне это чрезвычайно неприятно.

— Ты видел нас, Давид?

— Я стоял в тени огромной липы, и вы так близко прошли мимо меня, что я видел твою руку в его руке, и слышал, как он что-то такое говорил о королевских почестях, которые мог бы дать тебе другой человек.

— И мой ответ, — разве он не доставил тебе удовольствия, Давид?

— Ответа я не расслышал.

— Я могла бы повторить тебе его, Давид, я помню каждое слово. И я рада, что ты так ревнуешь меня, Давид, — добавила она, тихо смеясь, — в противном случае я чувствовала бы себя несчастной.

Она потащила его за собой к огромному стволу упавшего дерева, лежавшего в том месте, где кончался лес, и повторила ему слово в слово свой разговор с всемогущим интендантом.

Давид Рок ни разу не прервал ее, но краска стыда стала медленно заливать его лицо, а в глазах появилась какая-то растерянность. Очевидно, он не хотел, чтобы Анна заметила это выражение, ибо он отвел глаза в сторону.

— Давид, ты понимаешь, что это для нас значит? — дрожащим шепотом произнесла Анна, закончив свою повесть. — Скажи мне, каково твое мнение?

— Мое мнение, Анна... что я ужасное ничтожество, если мог так нехорошо думать о тебе, когда увидел тебя с мсье Биго.

— Но меня это радует, Давид, — успокоила его девушка. — Это служит доказательством твоей любви.

— Тебе не стыдно за меня, Анна?

— Нисколько! — горячо и страстно ответила девушка. — Я хочу сказать тебе, что жила в Квебеке и знаю, что такие люди, как ты, Давид, очень нужны там.

— Но в таком случае леса останутся без защитников, если мы все уйдем в Квебек.

— Останутся другие без тебя, и они будут защищать эти леса. Когда наступит время и придется воевать, я предпочла бы тебя видеть во главе людей, а не одиноким воином в лесу.

— Но меня нисколько не тянет к этой жизни в Квебеке, меня пугает та перемена, которую ты предлагаешь мне.

— Сделай это ради меня, Давид,— сказала Анна Сен-Дени, прижимаясь щекой к его руке.— Поезжай в Квебек ради меня. И если к концу того года, что остался мне до окончания школы, тебе все еще не будет нравиться жизнь в столице, то я вернусь сюда и останусь навсегда с тобой.

— Ты обещаешь, Анна?

— Да, обещаю, Давид.

— В таком случае мне ничего другого не остается. Я поеду в Квебек

Девушка вскочила на ноги и бросилась в объятия своего молодого возлюбленного.

— О Давид, я сейчас люблю тебя больше, чем любила когда-либо!

— И всегда будешь так любить?

— Всегда!

— Даже если я не оправдаю твоих надежд, Анна?

— Даже тогда, Давид!

Она протянула ему угубы, и юноша нежно поцеловал ее.

— Какое счастье, Анна, что ты вздумала прийти сюда. Ведь я случайно остановился на этой прогалине. Я хочу тебя познакомить с Черным Охотником.

— С Черным Охотником?! — воскликнула Анна, не будучи в состоянии скрыть изумления и страха.

— Да. Он сегодня в сумерки пришел к нам. Ты должна ради меня побороть свой беспричинный страх перед ним, Анна,— как я заставил себя дать согласие на то, чего я так опасюсь... на поездку в Квебек.

— Я боюсь его,— прошептала девушка.— Я не знаю почему, но я боюсь его больше чего-либо или кого-либо на свете,— откровенно призналась она, когда они, взявшись за руки, двинулись в путь.

— А я его люблю. Не пройдет и года, как ты тоже полюбишь его. Ты должна помнить, что Черный Охотник...

И Давид Рок шепотом стал уговаривать ее.

Когда они приблизились к Красной Опушке, юноша свернул с тропинки и остановился в тени огромного дуба. В то же мгновение Анна схватила его за руку и испуганно прошептала:

— Смотри, Давид! Там... у скалы стоит человек. Он так отчетливо виден при свете луны!

— Я уже раньше заметил, что там стоит человек, а потому и свернул сюда, где нас никто не может видеть,— спокойным голосом ответил Давид Рок.

— Смотри, он шевелится! — снова шепнула ему Анна Сен-Дени и еще ближе придвинулась к нему.— Он совершенно черный... как ночь...

— Да, совершенно черный,— улыбаясь подтвердил Давид Рок.

— Кто это, Давид?

Вместо ответа Давид Рок издал легкий свист, подобно пisku сонной птицы, и почти тотчас же послышался в ответ точно такой же звук.

И тогда Анна, сердце которой так билось, что в ушах в нее отдавалось «тук-тук-тук», поняла, в чем дело.

— Черный Охотник дожидается нас,— тихо произнес юноша.— Мы уже дважды сегодня разминулись друг с другом.

Он почувствовал, как пальцы Анны стиснули его руку, но не догадывался, какой жуткий страх охватил ее, когда они вышли на открытую прогалину. По мере того, как они подвигались вперед, все предметы стали терять свои обманчивые очертания — что происходило благодаря серебристым лучам луны,— и Анна увидела перед собой человека с обнаженной головой, лицо которого выражало такую же радость, как и лицо ее возлюбленного за минуту перед этим. Ей также бросилась в глаза серебристая прядь в черных волосах незнакомца.

Девушка поднесла руку к конвульсивно сжимавшемуся горлу и смотрела на мужчин, которые, не произнося ни слова, крепко пожали друг другу руки.

А потом она заметила, что Черный Охотник смотрит на нее через плечо своего молодого друга. И одновременно с этим последний тоже повернулся к ней.

— Это Анна Сен-Дени,— сказал он.— Моя Анна...

— *Наша* Анна,— поправил его Питер Джоэль и так низко поклонился девушке, что та увидела всю белую прядь до самого затылка. Стараясь преодолеть свой страх и помня обещание, данное Давиду, она протянула Черному Охотнику обе руки, и тот с нежной почтительностью взял их в свои.

— Я много слышал о вас, и порой мне кажется, что я так же хорошо знаю вас, как и Давида,— сказал он.

По звуку его голоса девушка поняла, что дрожь ее

пальцев выдала этому человеку то, что она пыталась скрыть.

— Я очень рада слышать это,— ответила Анна, хотя в душе она укоряла себя за ложь,— и вашу дружбу я почти за великую честь.

Легкая усмешка на мгновение скривила губы Питера Джоэля.

— Я буду вполне удовлетворен, если вы хоть когда-нибудь ласково подумаете обо мне,— ответил он и повернулся к своему питомцу.— Наша встреча, мой друг, произошла совершенно случайно. Я остановился здесь только для того, чтобы полюбоваться красотой ночи. А теперь я вынужден буду покинуть вас.

— А вы не зайдете с нами на минутку к миссис Рок? — спросила Анна, еле сознавая смысл своих слов.

— Я, к сожалению, должен отклонить такое заманчивое приглашение. Мне необходимо возможно скорее увидеть интенданта. Я и так уже потерял много драгоценных минут.

Анна прошла несколько вперед, оставив мужчин позади. Питер Джоэль взял свое черное ружье, которое он раньше прислонил к скале, надел шапку, снова низко поклонился Анне и пожелал им доброй ночи. Через несколько секунд он уже шел по тропинке, которая вела к замку Гронден, и скоро скрылся из виду.

Анна вздрогнула всем телом, и с уст ее сорвалось:

— Мне холодно! У меня словно все замерзло внутри! Я не ожидала встретить в нем человека, который так умеет разговаривать и вести себя, но тем не менее я чувствую в душе еще больший страх перед ним, чем когда-либо раньше.

— Ты была очень мила с ним, Анна.

— И он говорит о красоте! — воскликнула девушка.— Его руки так обагрены кровью, что...

— Я видел, как он делился последним куском хлеба с бродячей собакой,— ответил ей Давид Рок.

— Он разговаривает как человек, проживший всю жизнь в книгах, а не в темном лесу,— снова заметила Анна.

— Я тебе часто говорил, что в его мешке всегда можно найти какую-нибудь умную книгу,— ответил юноша.

— И он одет во все черное... как человек с черной душой, которому необходимо скрывать свою совесть и тело.

— Зачем ты так говоришь, Анна? — упрекнул ее Давид

Рок.— Я видел многих из ваших джентльменов, одетых в черное. Почему же ты делаешь такую разницу!

— Брррр! — невольно вздрогнула Анна.

— Как это странно! Почему ты чувствуешь к нему такую неприязнь? Ведь он никогда в своей жизни не совершил ни одного нечестного поступка.

— Я готова охотно поверить и этому, и все же во мне все сильнее растет убеждение, что ему суждено стать на пути между нами и счастьем. Не спрашивай меня почему — я не в состоянии ответить тебе, так как я и сама не могу себе объяснить причины. Будем надеяться, что до конца года сгладится это глупое предубеждение.

— А я надеюсь, что даже еще раньше, чем пройдет эта ночь,— сказал Давид Рок, тая какой-то скрытый смысл в своих словах.

Он ускорил шаг и тем самым заставил девушку пойти быстрее.

Вскоре перед ними уже мерцал мягкий свет в окнах коттеджа, где их поджидала Мэри Рок.

— Ты горишь нетерпением скорее увидеть его снова? — укоризненно сказала Анна.

— Это правда,— сознался юноша.— И если ты разрешишь...

— Ну конечно я разрешу! — ответила она.— Очевидно, мне суждено самой толкать тебя в его объятия!

И с этими словами она гордо откинула голову назад и пустилась напрямиком к открытой двери коттеджа.

***

В эту ночь свеча долго горела в доме Мэри Рок. Она еще горела, когда вернулись Черный Охотник и Давид Рок и тихо, словно воры, поднялись наверх и улеглись спать.

И даже когда свеча в конце концов догорела и погасла, Мэри Рок и Анна Сен-Дени долго еще лежали с открытыми глазами, и каждая думала свои думы.

В душе одной из них были радость и счастье и, пожалуй, немного страха, который отказывался покинуть ее даже после того, как она услышала от начала до конца историю Питера Джоэля — Черного Охотника.

А в сердце другой была безнадежность, и по мере того, как бежали часы бессонной ночи, отчаяние все с большей силой охватывало душу одинокой женщины.

Г л а в а III

КВЕБЕК

Дни, следовавшие за описанными событиями, внесли полную перемену в жизнь Давида Рока. Ему казалось, что не только он сам, но все переменялось вокруг него — и мать, и Анна, и Черный Охотник, и как будто даже леса. Он вдруг стал старше, но настолько старше, что вся былая детская жизнерадостность и беспечность совершенно покинули его. И лес, который раньше наполнял его сердце радостью, теперь вселял в его душу уныние и грусть.

Казалось, этот старый мир, эта бесконечная воля, которую он соирался покинуть и обменять на город, насупили брови и сами тоже готовы были отречься от него. В этом мире, который он обещал Анне покинуть, оставались все воздушные замки его детства. Здесь оставалось его сердце.

Юноша всеми силами старался скрыть от других тяжелое уныние, охватившее его; даже матери, Мэри Рок, он не поведал своих страхов, а также больше не говорил об этом со своей Анной. В течение нескольких недель юноша превратился в мужчину.

* * *

Большой город сумел овладеть душой Анны Сен-Дени, говорил себе Давид Рок. Он увлек ее далеко от лесов, в которых она выросла вместе с ним, от залитой солнцем долины реки Ришелье, где они с самого детства строили планы будущей жизни. Да, большой город увлек Анну от всего, что сейчас было дорого ему, Давиду, и что когда-либо будет дорого ему.

Злые предчувствия, одно мрачнее другого, копошились у него в душе по мере того, как шли дни. Он боролся против них, но, увы, безуспешно. И с каждым днем он все больше и больше закалял себя, чтобы быть готовым к тому бою, что предстоял ему... К бою за Анну, — чтобы стать тем, чем она хотела его видеть, чтобы превратиться в часть этой веселой придворной жизни, которая дополнит ее красоту, но в которой, Давид был убежден, он потерпит полное поражение.

Уже на следующий день после долгой работы на мельнице Фонблэ маленький старый мельник, с чувством зловещено ликования убедился, что его пророчество оправда-

лось. Свита Биго покинула замок Гронден и направилась вниз по Ришелье к тому месту, где река вливалась в реку Святого Лаврентия. Веселая компания отправилась в путь с громкими радостными криками, с развевающимися знаменами, но... Биго не было с ними. А точно так же отстали Водрей и де Пин и еще с полдюжины молодых офицеров.

В тот же день гонец-индеец принес весть, что гости Анны Сен-Дени из Квебека направляются к замку Гронден и придут через несколько дней.

Лицо Мэри Рок было блее мела в тот вечер, когда она кончила шить новый костюм из лосиной кожи для своего сына. Утром того же дня барон Сен-Дени явился навестить ее, вместе с ним пришли также Биго и маркиз Водрей.

— Она почти так же хороша, как и Анна! — шепотом заметил Биго, когда остался наедине с маркизом.

Черный Охотник успел уже уйти с зарей, но вечером он снова вернулся.

Давиду казалось, что все словно сговорились и стараются убедить его, что он должен ехать в Квебек. Все, за исключением мельника Фонблэ.

— Редкое счастье выпало на твою долю, сынок, — сказала Мэри Рок, — и было бы безумием, если бы я или ты отказались от него, даже если нам тяжело будет расставаться.

И она рассказала ему про визит барона Сен-Дени, интенданта Биго и маркиза Водрея и об их обещании прислать его в скором времени обратно к ней, увенчанного славой.

— В Квебеке — сердце Новой Франции, — сказал ему Питер Джоэль, и от юноши не ускользнуло, что голос Черного Охотника звучал как-то глухо и странно. — Иди, Давид, и прислушайся, как оно бьется.

— В Квебеке бьется сердце дьявола — вот что он хотел сказать! — насмешливо ответил мельник Фонблэ, когда Давид повторил ему слова Черного Охотника. — Иди, иди, Давид, и посмотрим, что дьявол сделает с тобой.

Повсюду вокруг себя юноша видел огромную перемену. Во-первых, в своей матери, в глазах которой появилось выражение безумной усталости начиная с той ночи, когда она рассказала ему повесть Питера Джоэля. Она внезапно, казалось, потеряла все свое бывшее веселье, и вместе с тем не стало того товарищеского духа, который всегда существовал в отношениях между нею и сыном.

Что касается Питера Джоэля, то он, начиная с той ночи, стал совсем другим. Он часами просиживал, храня глубокое молчание, держался в стороне ото всех и наконец ушел, даже не предупредив Давида, к острову Монреаль.

Биго не терял времени и старался всем показать, что Давид — его протеже, — и все лишь потому, что тот тот устроил ему «крещение» в пруду. Люди, вроде Давида Рока, такие закаленные и смелые, принадлежат к числу лиц, которых интендант любит и уважает, — так, по крайней мере, передавалось из уст в уста. И в скором времени не было ни одного человека, который не знал бы всех подробностей. А Пьер Ганьон к тому же отправил своему отцу и нескольким любителям сплетен в Квебек письма во много страниц с детальным описанием случившегося.

Жители окрестных коттеджей с завистью смотрели на юношу, предвидя великую карьеру, лежавшую перед ним. Молодые офицеры, сердце которых снедала зависть, приветствовали его в своей среде. Дважды интендант стоял, ласково положив руку на плечо юноши, и веселым тоном передавал подробности своего приключения. Он называл его попросту «Давид» — так же, как и маркиз Водрей, губернатор Луизианы, — и каждый день два великолепных и гордых джентльмена отправлялись с визитом к Мэри Рок.

Давид стал подумывать, что де Пин, пожалуй, славный малый. Этот хитрый человек так горячо раскаивался в словах, произнесенных у пруда в минуту беспечного легкомыслия. Что же касается барона Сен-Дени, то последний с гордым огоньком в глазах заявил Давиду, что он принес с собой почет в замок Гронден.

А Анна, прелестная Анна, та доводила юношу до состояния полной растерянности, ибо каждый раз, когда они встречались, она низко приседала, даже ниже, чем перед губернатором или интендантом, и в ее глазах, когда она встречалась с ним взглядом, светилась горячая любовь.

Как ни старался Давид Рок совладать с собой, он все же каждый раз заливался густым румянцем, когда Анна делала ему реверанс.

— Прекрати это, Анна, прошу тебя, — однажды попросил он. — Я чувствую себя дураком, когда ты делаешь мне реверанс, словно я король.

— Ты действительно король, — возразила она. — Мой король. И я не желаю отдавать другим тех почестей, которых я не могу отдавать тебе!

— Но я уверен, что все втихомолку смеются надо

мной, когда видят перед собой такого клоуна, как я, который не знает, когда улыбнуться, когда поклониться и что сказать.

— Это объясняется лишь тем, что ты напуган.

— Да, я действительно напуган,— согласился он.

— И неуклюж, Давид, так чудесно неуклюж. Совсем как индеец, который не умеет нагибаться. Тебе нужен учитель, и я возьму эту роль на себя и ни разу не дам возможности кокетке Нанси Лобиньер похитить тебя у меня. Я знаю, что она была бы рада делать тебе реверансы и пониже тех, что делаю я, с поцелуем в придачу.

— Меня придется очень многому учить, Анна.

— Это правда, и ты, наверное, отнимешь все мое время в городе.

— Но зато теперь все твое время отнято другими,— упрекнул ее Давид.— Ты уже никогда больше не гуляешь со мной в лесу, как раньше.

— Я никак не могу, Давид. Ведь для всех этих гостей я хозяйка, и к тому же в скором времени прибывают новые гости.

Таким образом, дни медленно тянулись для Давида, но очень быстро для Анны и для Мэри Рок, которые работали не покладая рук, чтобы приготовить замок Гронден к встрече гостей. Но юноша не всегда оставался один; иногда он удостоивался чести гулять вместе с интендантом или с де Пином, а порой с ним пыхтел маркиз Водрей. Но молодому человеку сильно не доставало Пьера Ганьона, который отправился навстречу гостям из Квебека.

* * *

Однажды, когда Давид Рок работал в поле, заканчивая жатву кукурузы, де Пин стал помогать ему. Интендант Бигго сидел поодаль и смеялся над неумелостью придворного; Давид и сам еле сдерживал смех, слушая веселые шутки интенданта.

Как раз в ту минуту, когда Бигго сам стал помогать носить кукурузу в амбар, на тропинке, которая вела из лесу, показались Анна Сен-Дени и Мэри Рок.

— Боже мой,— воскликнула Анна, широко разинув рот от изумления.— Интендант Новой Франции носит кукурузу вместе с Давидом!

Бигго, наблюдавший за ней уголком глаза, в душе бла-

гословлял ум и хитрость маркиза Водрея, который узнал, что Анна собирается провожать домой миссис Рок, и воспользовался этим, чтобы подстроить умилительную сцену работы в поле.

В этот день Анна впервые явилась с визитом в коттедж Мэри Рок после той ночи, когда она узнала повесть Черного Охотника. Она не пыталась даже скрыть своей радости и удовлетворения при виде Биго, работавшего вместе с Давидом. Но когда последний поспешил навстречу ей и матери, де Пин, весь в испарине, приблизился к интенданту и проворчал:

— Вам это будет стоить половину того груза, что привезет следующее судно, Биго. Я бы не стал вторично разыгрывать эту комедию ни ради вас, ни ради короля.

— Больше уж не будет надобности повторять ее, де Пин,— тихо ответил ему Биго, улыбаясь и вытирая лицо.— Дело сделано! Обратите внимание, как они горды — и она и его мать — этим зрелищем.

— О, Давид, Давид! — прошептала Анна, когда тот подошел к ней, и больше она не в состоянии была произнести ни одного слова.

Но глаза ее сверкали. И во взгляде матери юноша прочел нечто такое, что наполнило его сердце трепетом гордости.

А миссис Рок мысленно твердила себе: «Не может быть, чтобы люди, столь простые духом, могли быть так опасны, как про них рассказывают».

Немного спустя Биго со свойственной ему почтительностью и лаской спросил у Давида, не разрешит ли он ему сопровождать домой мадемуазель Сен-Дени.

Эта просьба была для Давида ударом ножа в сердце; увидев Анну, он тотчас же стал надеяться, что будет провожать ее домой и останется с ней наедине. Но он вежливо кивнул головой и ответил интенданту, что почтет это за честь для себя. И только Анна одна понимала, каким убийственным разочарованием это было для ее возлюбленного, и она нахмурила брови.

— Я нарочно пришла сюда, чтобы вместе с тобой пойти потом домой,— сказала она.

— Но раз он просит, то нельзя ему отказать,— ответил юноша.

В глазах девушки появилось выражение растерянности.

— Да, пожалуй что это было бы невежливо. Но все же... если ты хочешь, Давид...

— Нет, Биго ничего плохого не думает. Я теперь уже

почти не сомневаюсь в искренности его дружбы. Но вместе с тем я никак не могу уяснить себе этого. Я стараюсь всеми силами понять, но не могу.

— Если бы ты мог видеть вещи моими глазами, ты понял бы,— прошептала Анна, и в ее глазах было столько ласки и любви, что юноша с трудом поборол желание схватить ее в объятия и тут же расцеловать на виду у всех.

А пока они стояли и беседовали, Биго, казалось, всецело посвятил свое внимание матери Давида, и почтительность, с которой он разговаривал с ней, заставила де Пина саркастически улыбнуться.

Когда Биго и Анна пустились наконец по направлению к замку Гронден, де Пин все еще оставался позади. Дойдя до опушки леса, Анна на прощание махнула рукой Давиду. Последний смотрел на нее и улыбался, но в душе у него клокотала буря, которая буквально душила его.

— Вы — счастливый человек, Давид,— услышал он голос де Пина и почувствовал его руку у себя на плече.— Вам принадлежит самое прелестное создание, какое я когда-либо встречал в жизни, и вместе с тем вы сумели завоевать дружбу Франсуа Биго. Подобная любовь и такая дружба могут двигать горами. А потому я, Гюго де Пин, бедный мэр города Квебека, иногда говорю себе, что вы, Давид, должны были бы немного любить меня за те глупые мои слова, сказанные у пруда, что принесли такие богатые плоды.

Когда интендант и Анна вошли в лес, в котором их окутала теплая нега вечернего воздуха, грусть охватила, казалось, Биго, и он долго шел, храня глубокое молчание. Наконец он чуть рассмеялся и, словно очнувшись, мотнул головой, взял девушку под руку и сжал ее пальца в своей руке.

— Простите меня, Анна,— сказал он.— Воображаю, что вы могли подумать о человеке, который позволяет себе уноситься в мечтах, когда рядом с ним находится такое очаровательное создание! Как это странно: каждый раз, когда я нахожусь с вами, мне почему-то хочется мечтать и грезить. Вы не догадываетесь, почему?

— Нет,— ответила Анна, испытывая легкий страх в душе.

— Потому что для меня вы являетесь олицетворением и душой Новой Франции. Ваша красота, ваша душевная чистота и ваша любовь к нашей родине вызывают во мне воспоминание о тех идеалах, которые я строил в юности, и к достижению которых я всегда стремился.

В эти минуты непревзойденного комедиантства голос Биго был полон пафоса и искренности, которая невольно проникала в душу человека. Анна не отдавала себе отчета в том, что в сердце у нее зарождается какое-то ответное чувство, и необъяснимый трепет прошел по всему ее телу.

Рука Биго, в которой все еще лежали пальцы девушки, дрожала, и Анна испытывала какое-то восторженное чувство от близости к человеку, в котором она видела символ Новой Франции. Она не могла, конечно, понимать тех низких инстинктов, которые в эти минуты целиком владели душой Биго. Она еле сознавала, что интендант снова взял ее руку, когда она было высвободила ее, и не догадывалась, что в голове Биго теснятся мысли, которые привели бы ее в ужас, если бы она могла их прочесть.

— Жить во имя родины и короля,— говорил придворный лицемер и снова, казалось, забыл о девушке и весь ушел в свои думы,— чего еще может желать человек в этом мире? Я был бы счастлив умереть во имя Новой Франции, лишь бы только быть уверенным в ее безопасности. И это вы, Анна, вы вдохновляете меня и даете мне силы продолжать мою работу

— Я очень счастлива и горда, если это действительно так,— пробормотала Анна.

— Да, это правда. И Франсуа Биго позаботится о том, чтобы ничто и никто не мог стать между вами и счастьем. Только для того, чтобы сказать вам это, я разочаровал вашего возлюбленного и попросил у него разрешения проводить вас домой. И, кроме того, мне необходимо посвятить вас в тайну одного дела, которое мне почти страшно открыть вам.

Анна молчала.

— Соблаговолите ли вы выслушать меня до конца, если я начну говорить? — спросил Биго.

— Да, я буду слушать до конца.

— И вы простите меня, если я причиню вам боль своими словами? Вы поверите в искренность моих слов?

Биго не стал дожидаться: он знал, что ей нелегко дать утвердительный ответ. И он тотчас же продолжал:

— Вы, Анна, правдивы, и вы преданы родине. Вам я верю так же, как самому себе. Я знаю, что вы готовы пожертвовать собой во имя Новой Франции. И вот по этой причине я хочу говорить с вами...

Интендант сделал многозначительную паузу.

— ... о Давиде и о том, почему я боюсь за него.

— Вы боитесь за него? — воскликнула девушка, и холод прошел по ее спине под действием зловещей нотки в голосе Биго.— Вы хотите сказать, что ему грозит опасность?

— Да. Ему грозит опасность,— подтвердил интендант, глядя прямо перед собой.— Но в этом нет его личной вины, а потому прошу вас, Анна, не пугайтесь так моих слов. Давид еще очень молод, и он легко поддался на удочку хитрого заговорщика. Я сильно подозреваю, что в его молодой мозг запали семена, которые я хотел бы с вашей помощью вырвать с корнем раньше, чем они пустят ростки.

Я говорю о роковом и зловещем влиянии того человека, которого вы называете Черный Охотник. К этому человеку, который вырос и был воспитан в среде наших врагов, к этому бездомному бродяге и скитальцу я не чувствую ни малейшего доверия, и меня гложет мысль, что он принимает участие в том подлом и таинственном предательстве, которое сейчас грозит чести и существованию Новой Франции. Одним словом, я подозреваю Черного Охотника.

— Что вы такое говорите, мсье? — в ужасе и негодуя воскликнула Анна Сен-Дени.

— Не забудьте, Анна, что я просил у вас прощения за то, что буду так болезненно откровенен с вами. Поверьте мне, что я это делаю только ради Давида, и о своих подозрениях я никому, кроме вас, не говорил. Я полагаю, что Черный Охотник — не столько предатель, сколько шпион, хитрости которого мы еще до сих пор не в состоянии были раскрыть. Я знаю, что вы любите его благодаря Давиду, но...

— Я... я... — начала было Анна, но сдержалась.

Пальцы Биго крепче сжали ее руку.

— Я сказал, что Давид молод, но это еще не все. Он к тому же англичанин. Как согнешь ветку, так она и расти будет, и мы не должны допустить, чтобы этот хитрый человек согнул нашего Давида.

— Какой ужас! — вырвалось из груди Анны.— Неужели вы готовы заподозрить...

— Нет, нет! Только не Давида! — успокоил ее Биго.— Я готов верить, что его сердцу так же чужды обман и предательство, как и моему, и благодаря именно этой вере, а также благодаря его храбрости я люблю его. Но взгляните, Анна: вот мы проходим по тропинке, по обеим сторонам которой растет крапива. Пусть только притронутся к ней такие чистые, незапятнанные руки, как ваши, и на них тотчас же запечатлеются следы отравы. И вот таким же

образом, я полагаю, могут отравить душу молодого человека козни Черного Охотника.

Биго искоса посмотрел на девушку и увидел, что ее лицо было без кровинки. Он слегка засмеялся и заговорил совершенно другим тоном, в котором звучало, однако, торжество:

— О, как я вас напугал, моя маленькая Анна! Я искренне скорблю об этом. Как это жестоко с моей стороны говорить такие вещи. Ибо, имея вас возлюбленной, а Франсуа Биго — другом, Давиду нечего бояться тысячи Черных Охотников! Простите ли вы меня когда-нибудь?

— Сомнение прибавилось к сомнению, — только произнесла Анна тихим голосом, и даже лукавый Биго не мог понять, что она хотела этим сказать.

А вечером, оставшись наедине с маркизом Водреем, Биго заявил ему:

— Теперь капкан окончательно готов. Знаете, Водрей, если бы к вашему уму добавить еще немножечко романтичности, то из вас вышел бы, пожалуй, непобедимый любовник!

* * *

Интендант не догадывался, как глубоко запали семена его лицемерия в душу и мозг девушки. Она направилась к себе в комнату, совершенно разбитая душой и телом, и страх перед Черным Охотником охватил ее с большей силой, чем когда-либо.

Впервые в жизни сомнение закралось в душу Анны, когда она задумалась о Мэри Рок и о долгой и таинственной дружбе последней с человеком, повесть которого она недавно узнала. Но почти в то же мгновение, как подозрение успело зародиться, девушка, негодуя на себя самое, отогнала его прочь, ибо, как бы велико ни было предательство Черного Охотника, мать Давида не могла в нем участвовать.

Однако слова интенданта, открыто намекавшего, что Питер Джоэль строит, возможно, заговор против Новой Франции через посредство Давида и его матери, пользуясь тем, что в ее возлюбленном сказывается кровь его отца, сильно потрясли девушку.

Она схватилась рукой за грудь — так велика была боль, которую вызвали в ее душе эти черные мысли, охватившие все ее существо вопреки ее воле. Она любила мать Давида Рока так же безгранично, как могла бы любить

родную мать. И она любила Давида. Эти два человека до такой степени составляли часть ее самой, что без них она готова была умереть. И Биго подозревал этих людей в таких чудовищных замыслах.

Под предлогом головной боли она не сошла к гостям к ужину, предпочитая остаться у себя в комнате.

* * *

Лишь только первые лучи солнца озарили восток, к коттеджу Мэри Рок явился гонец с письмом от Анны. Она просила своего возлюбленного немедленно явиться к ней. И Давид не мешкая пустился в путь, снедаемый любопытством и отчасти страхом. Анна дожидалась его в лесу Гронден.

Глаза девушки горели огнем, и лицо ее пылало, когда Давид Рок стал приближаться к ней. Она приложила палец к губам, показывая, что нужно быть осторожным и говорить шепотом,— хотя ближайшее жильё находилось на расстоянии ружейного выстрела и везде кругом люди еще спали.

— Не говори никому ни слова, Давид! — начала она.— Я придумала чудесный план поездки. Наши гости отправятся лишь после завтрака навстречу новым гостям из Квебека, а мы поедем сейчас же, не дожидаясь остальных.

В девушке снова проглядывала та же прелесть, что и тогда, когда юноша держал ее в своих объятиях на холме среди сумах. И лишь только они углубились в лес, Давид снова обнял ее и стал жадно целовать ее губы и волосы, а девушка залилась счастливым румянцем и отвечала на его поцелуи.

А потом они направились к лодке, которую слуга-негр еще накануне приготовил для них, и Анна заняла место напротив возлюбленного, чувствуя себя ребенком в его присутствии.

Давид Рок сидел, высоко подняв голову, и сейчас он казался Анне еще выше обычного, в лице его было нечто такое, чего она не замечала раньше. Девушка следила за ритмичными движениями рук молодого человека, который ровно работал веслами, любовалась игрой его юных мускулов на голой руке и испытывала в душе какой-то непонятный для самой восторг. Что удивительного в том, что он поднял и швырнул в пруд интенданта и де Пина, и притом без особого напряжения!

Анна улыбнулась, но вдруг улыбка исчезла с ее лица, и ее брови нахмурились. Какая-то неожиданная мысль внезапно мелькнула у нее в голове — мысль о Нанси Лобиньер, самой прелестной и самой кокетливой девушке во всем Квебеке.

Давид Рок тоже улыбнулся и, не переставая грести, заметил:

— То ты улыбаешься мне, то хмуришь брови. То ты видишь во мне что-то такое, что нравится тебе, а потом вдруг что-нибудь такое, что вызывает в тебе недовольство.

— Я много вижу в тебе такого, что нравится мне, и я невольно задумываюсь снова об этой бесстыдной Нанси Лобиньер, — откровенно призналась Анна. — Если она сумеет найти в тебе то, что знаю я, и хотя бы одним жестом обнаружит это, то быть беде!

И должно же было случиться, что сама судьба первой послала им навстречу Нанси Лобиньер, которая сидела в такой позе, что Анна Сен-Дени еще сильнее нахмурила брови.

Не кто иной, как Пьер Ганьон, сидел рядом с Нанси, которая распустила свои золотые волосы, развевавшиеся при легком утреннем ветерке, и это вызвало немой восторг в глазах Давида Рока. И раньше, чем он успел сдержать себя, у него вырвалось:

— Она как будто окружена огненным ореолом!

— Если верить тому, что говорит священник, то она когда-нибудь будет гореть в огне! — отрезала Анна. — Ну кто еще, кроме этой бесстыжей лисы, осмелился бы так распустить свои волосы? — злобным голосом прошептала девушка и в то же время ласково улыбнулась, махая рукой подруге.

Из лодки, плывшей навстречу им, донесся голос Нанси Лобиньер:

— Если только наши лодки не поторопятся, то я, кажется, кинусь в воду, чтобы скорее обнять тебя, Анна.

Анна Сен-Дени еще более ласковым голосом крикнула ей в ответ:

— Уверяю тебя, Нанси, что я не меньше твоего горю нетерпением расцеловать тебя! — И шепотом, который слышал только Давид, она добавила: — Если она не заплетет свои волосы, то я их вырву все до последнего!

Совершенно ошеломленный и несколько испуганный, Давид Рок ловко причалил к другой лодке, так что Анна и Нанси могли обнять и поцеловать друг друга, слегка перегнувшись через борт. И поцелуй, которым они обменя-

лись, был такой горячий, что Пьер Ганьон громко вздохнул.

— Подумать только, сколько «добра» пропадает зря! — воскликнул он. — А я, кому должен был бы достаться такой поцелуй, сижу здесь несолоно хлебавши.

Анна забрала в руки золотые волосы Нанси Лобиньер, и Давид Рок, которому казалось, что она вот-вот рванет их, еле сдержал крик ужаса.

Но его испуг был напрасный. Тем же ласковым голосом Анна обратилась к своей подруге:

— Нанси, дорогая, позволь тебе представить Давида Рока — *моего* Давида Рока.

— Я очень рада — рада и счастлива познакомиться с вами, мсье Рок, — ответила та и сделала реверанс, чуть-чуть приподнявшись на своем сиденье в лодке. — Я много слышала о вас и буду не менее Анны рада вашему приезду в Квебек. — А потом, повернувшись к Анне, нежным голосом спросила: — Можно мне звать его Давидом, Анна?

— Конечно, — ответила та.

Но когда они разъехались и в отдалении показались еще четыре лодки, Анна чуть слышно прошептала:

— Лицемерка! Как я ненавижу ее!

— Но почему же ты в таком случае пригласила ее сюда? — вырвалось у юноши.

— Потому что до той минуты, когда она заставила тебя так бесстыдно покраснеть, — до той минуты я всегда любила ее, Давид Рок!

И с этими словами Анна стала махать платочком веселой флотилии, направляющейся ей навстречу. В каждой лодке, украшенной флагами, цветами и зелеными ветвями, сидело три человека, включая лодочника. В общей сложности Давид насчитал десять человек, вместе с Пьером Ганьоном. Лодка, в которой он сидел, подплывала поочередно к лодкам с гостями, и Анна представляла его каждому и каждой в отдельности.

До тех пор, пока они находились на реке, Давид чувствовал себя как дома, так как никто не мог поспорить с ним в мастерстве править веслом. Но когда они высадились на берег и Биго, и де Пин, и изящные и нарядные офицеры вышли навстречу гостям, Давид стал чувствовать себя не на месте. Он так сильно отличался от этих изысканно одетых молодых людей и прекрасно разряженных дам, которые делали низкие реверансы интенданту, игриво опускали ресницы, улыбались, показывали ямочки на щеках и весе-

ло щебетали, между тем как молодой житель лесов стоял и безучастно смотрел на сцену, происходившую перед ним.

Биго, зоркий глаз которого заметил смятение своего протеже, явился к нему на помощь, и Анна готова была обнять его и расцеловать за такт и сочувствие.

Интендант прямою подошел к Давиду и, положив одну руку на его плечо, протянул другую руку Анне Сен-Дени.

— Я требую себе это почетное место! — воскликнул он. — С Анной Сен-Дени по одну руку и с лейтенантом Роком по другую. Разрешите вам представить лейтенанта Давида Рока, которому я обещал место в генеральном штабе, когда он соблаговолит явиться в Квебек.

— Лейтенант! — в изумлении прошептал Пьер Ганьон.

В то же время он не переставал ласково сжимать пальцы Нанси Лобиньер, которая уже заплела свои волосы и уложила их узлом на своей прелестной головке.

— Посмотрите только на Давида, — прошептала Нанси, ущипнув руку Пьера Ганьона. — У него ни кровинки в лице, а Анна, кажется, сейчас закричит от радости.

Несколько минут спустя, когда Биго остался с Анной и та со слезами на глазах стала благодарить его, он ответил ей полушутливым, полусерьезным тоном:

— Я надеюсь, что теперь вы немножечко больше будете любить меня.. за мою доброту.. как вы обещали.

— О! — прошептала Анна. — Я уже люблю вас!

Но внезапно она увидела, что в глазах интенданта загорелся странный огонек

— Анна, — произнес он тихим, напряженным голосом, — я не думаю, чтобы это было грехом, если я открою вам чистую, святую тайну, которая таится у меня в душе. Я люблю Давида и я что угодно сделаю для него... потому что... *я люблю вас*

И с этими словами он ушел так поспешно, что девушка не успела ни ответить, ни шевельнуться, и сердце ее точно перестало биться в это мгновение.

* * *

Целую неделю не прекращались музыка, танцы и пение. Даже в дни съера Грондена в этом замке не видно было столько ярких красок и цветов, ибо в скором времени из Квебека прибыла большая ладья с новыми нарядами и

костюмами для гостей. Вечером казалось, что сюда собрался весь цвет Канады, и Давид, наблюдавший как безучастный зритель за всем этим весельем, поник головой.

Он лишь изредка появлялся в замке Гронден, несмотря на постоянные просьбы Анны, и на нем всегда был один и тот же костюм из лосиной кожи.

Однажды вечером, стоя в тени старой мельницы, погруженный в глубокое раздумье, Давид услышал возле себя чьи-то голоса. Юноша тотчас же узнал Пьера Ганьона и Нанси Лобиньер, а несколько секунд спустя он узнал также Луизу Шарметт и одного молодого человека, сына богатого коммерсанта из Квебека. Все четверо прошли в нескольких шагах от юноши, и раньше, чем тот успел показаться, раздался голос мадемуазель Шарметт:

— Куда это девался молодой индеец Анны Сен-Дени? На него так забавно смотреть, что мне буквально недостает его. Видели вы, как он сегодня, словно чурбан, стоял одной ногой на моем платье, и в конце концов мне пришлось попросить его отпустить меня. Я не глядя чувствовала, как покраснела за него Анна...

— Я как раз передавал ей чашку чая, — поддержал ее сын коммерсанта, — и отвернулся, чтобы она не видела моего смеха.

— Как это мило с вашей стороны, Филипп! — услышался голос Нанси Лобиньер, звучащий едкой иронией.

— *Удивительно* мило! — прошипел сквозь зубы Пьер Ганьон.

— Бедная Анна, — все еще лилось с острого язычка Луизы Шарметт. — Что она станет делать в Квебеке с этим деревенским простофилей, который будет вечно плестись за нею? Не понимаю, о чем думает мсье Биго, пытаюсь сделать из него джентльмена!

— Я бы просила вас, Луиза, оставить ваши шпильки для кого-нибудь другого, — холодно заявила Нанси Лобиньер и, взяв Пьера Ганьона под руку, повернулась к замку. — Давид Рок мой друг, и я его очень люблю, а потому меня несколько не удивляет, что Анна Сен-Дени такого высокого мнения о нем.

— Bravo! — захолопал в ладоши Пьер Ганьон.

И с этой минуты Нанси Лобиньер стала для Давида Рока самым дорогим существом после матери, Анны и Черного Охотника.

Наступил наконец день, когда гости из Квебека стали

готовиться в обратный путь и вместе с ними также Биго со своей свитой. Давид вдали от всех попрощался со своей возлюбленной, которая должна была поехать вместе с остальными, и, судя по спокойному выражению его лица, никто не догадался бы, какой холод царил у него на душе.

Нанси Лобиньер улучила минуту и, нежно глядя на молодого охотника, сказала:

— Я рада, что вы в скором времени будете с нами, Давид, и я хотела бы, чтобы после Анны вы думали обо мне. Я почти за величайшее счастье, если вы удостоите навес- тить меня в Квебеке. Я бы хотела, чтобы вы поверили мне.

— Вполне верю, — ответил Давид. — Я стоял в тени старой мельницы в тот вечер, когда мадемуазель Шарметт насмехалась надо мной, и слышал ваш ответ. Я верю, что вы мой друг, и буду счастлив, если когда-нибудь сумею чем-либо быть вам полезен, мадемуазель.

— Скажите «Нанси», — поправила его девушка. — Этим именем меня называют только несколько самых близких и дорогих друзей. И клянусь вам, что никто отны- не не будет моим другом, если он не будет также и вашим другом.

— Вы очень добры ко мне, — ответил юноша.

— И вы обещаете навес- тить меня, когда будете в Кве- беке?

— Уверяю вас, что после Анны мне никого не захочет- ся так сильно увидеть, как вас.

Глаза Нанси Лобиньер заблестели, и она опустила ре- сницы.

— До свиданья, Давид!

— До свиданья...

— Ну скажите «Нанси». Ведь вы уже почти сказали.

— До свиданья, Нанси, — сказал Давид, — и спасибо вам за все.

В скором времени все уже сидели в лодках, и последней заняла свое место Анна, которая вырвалась из объятий старого отца и на виду у всех обняла Давида и дважды по- целовала его.

Полчаса спустя Давид стоял на холме среди сумах, где обычно происходили все его свидания с Анной, и смотрел на лодки, которые уже скрывались вдали. На сердце у него было тяжело, и необоримая тоска одолевала его. А отту- да, где виднелись точки-лодки, доносились веселые звуки песни.

Вести быстро неслись по лесам поздней осенью 1754 года.

По тропинкам лесной чащи и по рекам спешили гонцы, и белые, и краснокожие, а порой казалось, сам ветер передает об удивительных событиях в Канаде.

Черный Охотник вернулся из Монреаля и принес известие о торжестве французского оружия. Вашингтон сдался у Форта Необходимости, Вилье одержал победу у форта Дюкен, и теперь ни один английский флаг не развевался больше за Аллеганскими горами. А Селерон де Бьенвиль закончил свое изумительное дело: вдоль границы французских владений были на равном расстоянии друг от друга прибиты к деревьям металлические дощечки, на которых красовался щит Франции. Французское оружие и умение обращаться с индейцами одержали победу и вдоль реки Огайо, и на равнинах!

В английских колониях в это время Динвиди буквально выходил из себя, так как ассамблея квакеров не желала оказывать сопротивление неприятелю на севере и на западе. Политика британских губернаторов приводила к тому, что все больше и больше индейских племен отходило от них; несмотря на то, что в колониях проживало полтора миллиона англичан и лишь семьдесят тысяч французов, Динвиди не переставал требовать помощи из Англии.

И в ответ на его призыв Англия отправила армию под предводительством генерала Браддока.

Эти вести горячо занимали Давида Рока и вызывали в нем все больший трепет, по мере того как приближался день отъезда в Квебек. Он подробно написал Анне обо всем, что происходило на юге, и о том, что передавалось на реке Ришелье, и через десять дней получил ее ответ.

«То, о чем ты пишешь, так ничтожно по сравнению с теми великими событиями, которые должны раньше или позже разыгаться в истории Новой Франции,— писала она.— И когда эти страницы истории начнут разворачиваться, я бы хотела, чтобы ты был готов занять место, которое ты заслуживаешь. Я уверена, что у тебя нет никаких резонов дольше откладывать поездку в Квебек».

Она также писала, что ему, наверное, приятно будет узнать, что интендант дважды возил ее кататься по дороге Сентфуа вместе с прелестной мадам де Лери и ее супругом, что он оказывает ей исключительные почести, когда бы он ни встречался с ней.

«Здесь все говорят о том, что король собирается послать армию в Новую Францию, и во главе ее будет стоять один из величайших генералов в мире, — заканчивала она письмо.— И я хотела бы, чтобы к тому времени, когда он прибудет, мой Давид находился уже в Квебеке».

— Анна совершенно права, мой мальчик,— сказал Черный Охотник.— Пора тебе в путь. Интендант действительно обратил на тебя внимание, и если явится французская армия, то чем больше ты будешь подготовлен, тем более достойный тебя пост ты займешь в ней. Я тоже решил идти в Квебек вместе с тобой, а оттуда через Шодьер я отправлюсь к английским колониям.

Глаза юноши загорелись радостным огнем, когда он услышал, что Черный Охотник будет сопровождать его. Но почти тотчас же его взор затуманился, радость уступила место разочарованию и страху.

— Я надеялся, что вы останетесь возле моей матери, — сказал Давид.

Черный Охотник нежно положил руку ему на плечо и ответил:

— Ты можешь быть спокоен, Давид. Хотя меня здесь не будет, твоя мать останется под надежной защитой. Она ни на минуту не останется одна, даже когда мы с тобой будем находиться на расстоянии многих миль отсюда.

— Вы хотите сказать, что эти четыре индейца делава-ра, которые пришли навестить нашего Козебоя, останутся здесь?

Черный Охотник утвердительно кивнул головой.

— Да, они останутся здесь до конца. Каждый из них верен мне по гроб, а в храбрости они не уступят пантерам. Твоя мать уже знает, что они остаются с ней, а сегодня утром я сообщил об этом старому барону, и он тоже позаботится о ней — так что тебе совершенно не о чем беспокоиться.

— А вы... вы тоже хотите, чтобы я уехал?

— Я полагаю, что это лучше всего для тебя,— тихо ответил Питер Джоэль.— Хотя не скрываю, что у меня на сердце, как и на сердце твоей матери, будет пусто после твоего отъезда.

— Почему вы хотите, чтобы я поехал в Квебек? — спросил Давид.— Почему вы все на этом настаиваете, когда мое сердце и все, что мне дорого, остается здесь? Меня нисколько не влечет та слава, которую мне сулят там, я даже боюсь тех обещаний, которые надавал мне интен-

дант. Я хочу только остаться в этих лесах и защищать их от англичан и их жестоких союзников, если они осмелятся прийти сюда.

— Твой язык передает лишь часть того, к чему стремится твое сердце, Давид. И весьма незначительную часть к тому же. Ты больше всего на свете хочешь быть с Анной.

Давид опустил голову и тихо произнес:

— Это правда.

— И ради Анны ты должен поехать в Квебек,— продолжал Черный Охотник с такой нежностью в голосе, что Давиду, который стоял, опустив глаза в землю, показалось, что говорит его мать.— Город завладел помыслами Анны, в ней живет сильное желание оставаться там, и это желание, впрочем, так же естественно, как и твоя любовь к лесам, окружающим тебя. Когда-нибудь ты привезешь ее обратно сюда. Ты должен победить! Когда ты достигнешь того, что Анна рисовала тебе, она сама тогда рада будет вернуться в замок Гронден. Ты понял меня, Давид? Ты не находишь, что я прав?

— Я много думал в последнее время, и порой меня охватывал страх. Но теперь мне все ясно. Вы действительно правы.

— И ты всегда останешься тем же честным человеком, каким был до сих пор?

— Да.

— И не позволишь большому городу нанести тебе поражение?

— Никогда.

— И всегда будешь хранить в душе ту чистоту, которая составляет часть наших лесов?

— Да, всегда.

— Тогда поезжай, мой мальчик, и наступит день, когда Анна Сен-Дени вернется сюда вместе с тобой.

* * *

Серый ноябрь 1754 года тяжело повис над Новой Францией, словно зловещее знамение. Ни разу в продолжение всего месяца не показалось в небе солнце, но в то же время не выпадал и снег, который несколько оживил бы серую мрачную землю.

Среди холода и мрака неслась лодка, в которой Давид и Черный Охотник спешили по реке Ришелье к реке Святого Лаврентия, чтобы оттуда пуститься напрямик к Квебе-

ку. На второй день плавания они вошли в реку Святого Лаврентия, где она расширяется среди островов озера Святого Петра. На третий день они миновали Николет, и вдали показались богатые владения могущественных баронов, населявших земли между тремя реками и Квебеком.

Четвертый день был еще мрачнее предыдущих, и казалось, сплошная тяжелая серая мгла облекала всю землю. Сумерки уже надвигались, когда Черный Охотник направил лодку к берегу близ леса Силлери. И только тогда он сказал Давиду, что дальше сопровождать его не будет.

Час спустя Давид направлялся к «Городу на скале», неся на спине котомку со всем своим имуществом и зажав в руке длинную винтовку. Пройдя несколько сот шагов по тропе, которую в течение многих десятков лет утаптывали и бароны, и вассалы, и воины Новой Франции, Давид увидел перед собой большой город.

Ночь быстро опускалась, и молодой охотник ускорил шаг. Напрягая зрение, он пронизывал сумерки глазами и, забыв обо всем на свете, не исключая и Черного Охотника, думал только о своей Анне и о ее городе. Вскоре его уже приветствовали освещенные окна, и через некоторое время он очутился в Нижнем городе. В это время на улицах было уже мало народу, и, когда Давид Рок проходил по опустевшему городу, эта безлюдность невольно напоминала ему о родных лесах.

Зато позади, за окнами, затянутыми занавесками, он мог видеть уютный, мягкий свет, и оттуда слышался смех, веселые голоса детей и песни. Внезапно до его слуха донесся голос ночного сторожа, охранявшего город от злоумышленников.

— Шесть часов и все благополучно! Мир и закон царят в городе, во имя короля и народа!

Давид направился к тому месту, откуда доносился голос, и, когда он поравнялся со сторожем, последний поднял фонарь и посмотрел ему в лицо.

— Здорово, брат! — приветствовал он его. — Длинная винтовка и полный мешок, — откуда ты, из форта или с поста?

— Прямо с реки Ришелье, — ответил Давид.

— О, в таком случае ты мужчина! — ответил блюститель покоя и порядка и пошел своим путем.

Продвигаясь в глубь города, юноша вышел на площадь, где раздавались веселые голоса и громкий смех. Это была площадь Нотр-Дам-де-Виктуар, и здесь собралась большая шумная толпа. По трем сторонам площади горе-

ли огромные площадки, а на небольшом бугре был разложен яркий костер. И при этом зловещем свете молодой охотник увидел невысокий помост, вокруг которого стояло множество людей, на самом же помосте стояли на коленях друг против друга мужчина и женщина, а головы их были просунуты в огромные деревянные тиски.

Давид Рок в изумлении остановился и стал глядеть на это необычайное зрелище.

— Что это означает? — спросил он у круглолицего юнца, который заливался безудержным смехом.

— Старуха Гарен украдала серебряную ложку, а ее муж сплавил краденое. Вот они оба выставлены здесь на потеху. И должен вам сказать, что они счастливо отделались, ибо ложка была украдена из частного дома, и закон мог бы обоих повесить за это.

Несколько поодаль от себя Давид Рок заметил небольшую компанию, державшуюся в стороне от толпы. Там стояло трое офицеров и с ними три нарядно одетые дамы в шелковых масках. Все они громко смеялись, и видно было, что зрелище доставляет им огромное удовольствие. Эта компания до такой степени напомнила юноше недавних гостей, которых он видел в замке Гронден, что он подошел ближе и стал всматриваться в них. Один из офицеров, человек с высокомерным и тупым лицом, заметил его.

— Черт тебя возьми, кто ты такой и чего тебе надо? — крикнул он.

Захваченный врасплох, Давид ответил:

— Я ищу монастырь Святой Урсулы. Я был бы вам очень признателен, если бы вы указали мне дорогу.

Офицер повернулся к нему спиной и обратился к своим дамам:

— Если бы я не боялся, что зловоние его крови отравит воздух, я проткнул бы его клинком за то, что он осмелился так глядеть на вас.

Дамы весело захихикали.

Весь кипя от бешенства, Давид Рок сделал было шаг вперед, но в это время чья-то рука, сильная и твердая, дружески легла на его рукав.

— Обождите, мой друг, — услышал он тихий и ласковый голос. — Я вам покажу дорогу к монастырю.

И раньше, чем Давид успел оказать сопротивление, эта рука потащила его за собой и увела подалее от толпы.

— Если ваша кровь такая же гнилая, как кровь капита-

на Талона, и вы намерены проливать ее из-за него, то она, я бы сказал, никуда не годится! — продолжал тот же голос.— Я только недавно вернулся из Монреаля, где этот негодяй осушил все источники пороков. Он убил шесть человек и не задумываясь убьет еще одного, чтобы доставить удовольствие своим дамам, которые явились наслаждаться этим зрелищем. Меня зовут Пьер Кольбер, и «длинные винтовки» из пограничных лесов — мои друзья.

— Благодарю вас,— ответил Давид.— Меня зовут Давид Рок, и я живу в сеньории Сен-Дени на реке Ришелье.

— Бравые люди живут там,— сказал Пьер Кольбер.— Я торгую мехами и скупаю их непосредственно у индейцев. Пойдемте со мной. Ночь темна, и для того, чтобы увидеть монастырь Святой Урсулы, нужно подняться на высокий холм.

Они пустились в путь, и почему-то Пьер Кольбер снял шапку. И тогда Давид Рок заметил нечто такое, от чего возглас изумления сорвался с его губ. Как раз над ухом торговца мехами начинался рубец, который шел вокруг всей головы, и над этим рубцом не было ни малейшего признака ни волос, ни кожи.

— Знамение времени, мой друг,— сказал Пьер Кольбер, и его голубые глаза весело сверкнули.— Индейцы-сенеки заполучили меня лет двенадцать тому назад и сняли мой скальп, но этого было недостаточно, чтобы убить меня. А в былые дни и я сам не расставался с длинной винтовкой, и потому рад каждому, кто является в Квебек из пограничных лесов. Вот сейчас мы начнем подниматься на холм. Вы, я полагаю, никогда раньше не были здесь?

— Никогда,— признался Давид.

— В таком случае позвольте вам сказать, молодой человек, что это несколько необычно справляться о монастыре Святой Урсулы в такой час ночи.

— Я только хотел было издали взглянуть на него,— ответил Давид, и лицо его залилось краской.— Там учится мадемуазель Сен-Дени — моя невеста.

— О! — произнес Пьер Кольбер, тяжело дыша, так как они уже начали подыматься в гору.— Вы кого-нибудь знаете здесь?

— Да, многих,— ответил Давид Рок.— Интенданта Биго, и маркиза Водрей, и Гюго де Пина, и Пьера Ганьона, и, наконец, мадемуазель Нанси Лобиньер.

— Черт возьми! — тихо произнес Пьер Кольбер и как-то странно посмотрел на юношу.— Вот здесь в таком слу-

чае находятся ваши друзья,— сказал он, указывая на дворец (во много раз больше замка Гронден), окна которого ярко горели в глубоких сумерках.— Сегодня понедельник, и там заседает Верховный Совет. Это губернаторский замок, обитель вице-королей Канады, и в настоящую минуту Дюкен сидит за столом, по правую руку его — епископ, по левую — интендант, а вокруг них сидят советники, занимая место по старшинству. Не собираетесь ли вы отдать им визит сегодня?

— Нет,— просто ответил Давид Рок, не замечая подозрительной интонации в голосе спутника.— Я не стану их сегодня беспокоить.

Пьер Кольбер посмотрел на молодого человека, разинув рот от изумления.

— Убей меня Бог! — воскликнул он.— Вашей выдержки хватило бы на десятерых лесных жителей с реки Ришелье! Пойдемте дальше. Монастырь Святой Урсулы расположен там, а я живу вот тут, на Рю-де-Повр. Я пригласил бы вас разделить со мной трапезу, но какое дело другу губернаторов и интендантов короля до простого смертного, вроде меня.

— Вы ошибаетесь, я счастлив буду принять ваше приглашение,— с улыбкой ответил Давид, догадываясь наконец, что его проводник сомневается в правдивости его слов.

— В таком случае вы пойдете со мной?

— Если вы разрешите и если вы будете достаточно снисходительны к такому лжецу, каким я кажусь вам.

— Черт меня возьми, я начинаю уже любить вас! — воскликнул Пьер Кольбер.— Я готов поклясться, что у вас побольше найдется о чем рассказать, чем у меня. Но вот и монастырь, в котором живет ваша возлюбленная.

Давид Рок почувствовал, что какой-то клубок подкатил к его горлу, и он с трудом проговорил:

— Не можете ли вы мне указать, где находится монастырская школа, мсье?

— Вот,— ответил Кольбер,— там, где виднеется свет. Обождите-ка минутку! Там кто-то движется... Я вижу двух слуг с фонарями... А в глубине справа стоит экипаж. Ха! Юбка и сабля! Очевидно, по специальному предписанию власть имущих, если только не бегство!

Как раз в это время один из слуг поднял фонарь, и при тусклом свете его Давид Рок различил лица людей, занимавших места в экипаже. Юноша издал заглушенный

крик, и почти одновременно слова Пьера Кольбера подтвердили, что глаза не обманули его.

— Мсье Биго! Интендант Новой Франции собственной персоной, или пусть меня разразит гром! И с ним...

— ...мадемуазель Сен-Дени,— закончил за него Давид Рок совершенно спокойным голосом. Но на душе у него был лед.— Мсье,— продолжал он,— вы были очень добры ко мне. Я хочу просить у вас еще об одной милости. Вполне возможно, что мне все же придется сделать еще сегодня визит во дворец интенданта. Но сейчас я прошу об одном: укажите мне путь к дому Нанси Лобиньер.

Пьер Кольбер ничего не ответил и повел юношу по улице, спускавшейся вниз. Вскоре он круто завернул на улицу Святого Людовика и остановился на углу.

— Я дальше вас провожать не буду,— сказал он.— Отсчитайте десятый дом налево, и там живет Нанси Лобиньер. Только смотрите не ошибитесь и не попадите в одиннадцатый — там живет красотка Анжелика де Пин, жена человека, которого вы, кажется, знаете, и она же *chère amie* интенданта. Между прочим, она также получила воспитание в школе монастыря Святой Урсулы, что не мешает ей, однако... Очевидно, наш уважаемый мэр де Пин у себя дома... Когда вы закончите свои дела и все еще будете нуждаться в теплой постели и сытном ужине, спросите у кого угодно, где живет Пьер Кольбер. Мой дом стоит неподалеку от статуи Иоанна Крестителя. Но если даже вы не придете сегодня и вам понадобится друг завтра, то вспомните, что я когда-то был оскальпирован сенеками. В моем сердце всегда найдется уголок для «длинных винтовок». Доброй ночи, друг Давид.

— Доброй ночи, Пьер Кольбер!

Юноша повернул обратно и снова направился к площади Нотр-Дам-де-Виктуар. Прокладывая путь сквозь туман и слякоть, он не переставал спрашивать себя, куда это могла ехать Анна в такой поздний час в обществе интенданта. Как это возможно, что, вопреки строгим правилам монастырской школы (как Анна сама неоднократно рассказывала), ей разрешили ночью выйти из монастыря? И что означали слова Пьера Кольбера «по особому предписанию власть имущих?»

Внезапно Давид Рок услышал позади себя скрипение колес. Он быстро обернулся и узнал экипаж, в который незадолго перед этим Биго помогал сесть Анне Сен-Дени. Экипаж остановился, кучер соскочил и открыл дверцу, и

оттуда, гремя саблями, вышло двое мужчин — Анны не было с ними!

Юноша крепко зажал винтовку в руке и, не обращая внимания на окрик часового, направился напрямик к двери, в которой скрылись люди, приехавшие в экипаже.

— Полегче, паренек! — крикнул часовой, загораживая ему путь. — Куда ты так спешишь? И что означает твоя длинная винтовка здесь, у дверей губернаторского дома?

— Я только что пришел с реки Ришелье, и мне нужно немедленно увидеть интенданта. Я хотел бы знать, дома ли он?

— А если даже так — тебе что до этого? Ну-ка, проваливай живее!

— Но если он здесь, и мадемуазель Сен-Дени с ним...

Но часовой не дал ему докончить.

— Если даже мсье Биго и находился в обществе мадемуазель, кто бы она ни была, то я не думаю, чтобы он стал привозить ее сюда на заседание Верховного Совета. Но теперь я понимаю, мой милый мальчик, почему его так долго не было, ха-ха-ха! Ну, что же, пожелаем ему счастья. А теперь, шевели ногами: тридцать секунд по часам — максимальный срок, что разрешается чужим останавливаться у дворца.

Давид Рок не стал вступать в пререкания. Сердце его ныло от какой-то тупой боли, а кровь бурлила в жилах. Он продолжал бродить во мраке и слышал, как сторож выкликал часы. Он снова прошел мимо монастыря, но там уже погасли все огни. Сердце его больно сжалось.

Внезапно молодой охотник принял какое-то твердое решение, и через несколько минут он уже снова находился на углу улицы Святого Людовика, где лишь недавно распрощался с Пьером Кольбером. Он тотчас же принялся отсчитывать дома по левую руку от себя и остановился возле десятого.

Это было большое красивое здание с высоким крыльцом, и оно стояло несколько в стороне от улицы. Над дверью горел большой фонарь, освещавший почти половину фасада. Давид Рок услышал голоса, доносившиеся изнутри, и в его сердце разыграла надежда. Голоса эти принадлежали Нанси Лобиньер, Луизе Шарметт и какому-то мужчине. Возможно, что Биго именно сюда проводил Анну, — пронеслось в мозгу юноши.

Молодой человек быстро взбежал по ступенькам крыльца, и как раз в эту минуту дверь отворилась, и отту-

да вышли три дамы в сопровождении трех кавалеров. Дверь затворилась за ними раньше, чем кто-либо успел заметить Давида. Последний стоял белый, как привидение, при тусклом свете фонаря и совершенно неподвижный, словно изваяние. Его Анны не было с ними!

В мужчинах он тотчас же узнал офицеров, которых он встретил раньше на площади, и среди них стояла Нанси Лобиньер под руку с капитаном Жаном Талоном!

Нанси Лобиньер вдруг заметила его и, испустив радостный крик, который огнем прошел по всему телу юноши, оставила капитана и подбежала к Давиду Року. Ее глаза сверкали, а на прелестном личике светилась радостная улыбка — такую улыбку Давид надеялся увидеть на лице своей возлюбленной. Нанси схватила его мокрую руку обеими руками, затянутыми в перчатки, и крепко пожимала ее. Присутствовавшие глядели с изумлением на эту сцену, за исключением капитана Талона, смуглое лицо которого еще больше потемнело.

— Давид! — воскликнула Нанси — Давид Рок! Это вы? После того, как вы снились мне прошлой ночью! После того, как я не переставала думать о вас в продолжение всего дня! О, как я рада, что вы пришли! Как я рада, что вы сдержали свое обещание! И подумать только, — еще одна минута, и я ушла бы из дому!

Нанси порывисто повернулась к своим друзьям.

— Это — Давид Рок, — представила она его. — Лейтенант Давид Рок, о котором я вам столько рассказывала.

Она поочередно назвала все пять имен, но Давид запомнил лишь одно из них — капитан Жан Талон.

Последний криво усмехнулся и с ехидной улыбкой, которую подметил только Давид, спросил:

— Лейтенант Рок? А какого полка, разрешите узнать.

— О, — ответила за него Нанси Лобиньер, — это пока наш маленький секрет. А вы, капитан, должны будете сегодня простить меня — лейтенант Рок мой долгожданный гость, и я горю желанием узнать вести, которые он принес с Ришелье. Милый Давид, я сейчас же отведу вас к себе и устрою вас возможно уютнее.

Капитан Талон что-то злобно промычал сквозь зубы, а Давид Рок, открыто усмехаясь, посмотрел на него и сказал:

— Мне искренне жаль, Нанси, что вы лишаете капитана Талона вашего общества.

— Капитан должен будет простить меня, — снова ре-

шителъным тоном заявила Нанси. Затем она опять повернулась к Давиду: — Ваши руки холодны как лед, вы насквозь пропитаны этим противным туманом и, навярное, сильно устали. Как это глупо с моей стороны, что я стою здесь, когда давно уже должна была бы бежать с вами к камину!

И, не теряя ни секунды, Нанси Лобиньер постучала молоточком в дверь, которая быстро открылась перед ней; еще раз извинившись перед друзьями, девушка повела своего гостя наверх.

Не давая Давиду опомниться, она усадила его в глубокое, мягкое кресло у камина, в котором горели огромные смолистые поленья. Она кого-то окликнула, и тотчас же вошли два негра; один взял у молодого охотника его шляпу и котомку, а другому Нанси отдала свою собственную накидку, шляпу и перчатки. Когда слуги вышли, она подошла к юноше и протянула ему обе руки.

— О Давид, как я рада, что вы пришли! Так рада, что если бы не Анна, то я, пожалуй, расцеловала бы вас. И возможно, что я так и сделаю, если только вы не будете иметь что-либо против.

И раньше, чем юноша успел ответить или даже подумать, Нанси быстро поднялась на цыпочки и протянула ему свои губы. Это случилось так неожиданно, и так заманчиво выглядел румяный ротик красотки, что Давид поцеловал его. Он не отказался бы от этого поцелуя, если бы даже ему грозила смерть!

— Я дала себе слово, что сделаю это, Давид Рок! — воскликнула Нанси, отходя от него, и прелестное личико ее залилось румянцем.— Я должна была это сделать после того, что мне снилось прошлой ночью. Но могу вас уверить, что, кроме вас, только один человек в мире целовал меня за всю мою жизнь. Вы, навярное, разочарованы во мне, Давид, или шокированы, а может быть, даже огорчены моим поступком?

— Я бы не отдал назад этого поцелуя ни за какие блага!

Он с удивлением отдавал себе отчет в том, что с полным спокойствием смотрит в прекрасные глаза Нанси Лобиньер. Он говорил твердым и уверенным голосом, и Нанси теперь обратила внимание на какое-то особенное выражение его лица, чего она не заметила сразу. Сильная тревога отразилась в ее глазах, когда она снова заговорила:

— Давид, я уверена, что у вас есть что сказать мне. Давайте придвинем оба кресла сюда к камину, пока нам при-

готовят ужин. И, пожалуйста, начните с самого начала — с милой Мэри Рок, и старого барона, и Черного Охотника, и забавного, умного старого мельника Фонблэ и не скрывайте от меня ничего, а не то я сама прочту в ваших глазах то, что останется недосказанным.

— Зачем вы меня поцеловали? — спросил внезапно юноша.

— Потому что вы мне очень нравитесь, Давид! — спокойно ответила Нанси.

Она сидела, опершись подбородком о ладонь, и пристально глядела в огонь.

— А не потому, что вы... вы чувствуете жалость к мне? Не потому, что я деревенский простофиля, как говорила про меня мадемуазель Шарметт?

— Вы самый мужественный человек на свете, Давид, за исключением лишь одного — и это Питер Джоэль, Черный Охотник.

— Вы знаете его? — воскликнул юноша и чуть не привскочил с места.

— Я очень люблю вашу мать, Давид, и мне кажется, что она меня тоже немного полюбила. Я бы сказала, что она сумела глубже заглянуть ко мне в сердце, чем кто-либо другой до сих пор, и, пожалуй, этим, главным образом, объясняется то, что я поцеловала вас. Вы мне стали очень близки благодаря вашей матери, Мэри Рок. Она вошла ко мне в сердце и заняла там уголок, который навсегда останется для нее. Она передала мне повесть Черного Охотника, и я люблю его за все то, что он сделал.

Услышав ее слова, молодой охотник вдруг захотел прижаться лицом к золотистой головке девушки, чтобы выразить ей свою благодарность.

— Как жаль, что Анна совершенно иначе думает об этом, — сказал он. — Она боится его, не доверяет ему и даже ненавидит.

— А между тем она должна была бы любить его ради вас! — удивилась Нанси Лобиньер. — Эти четырнадцать дней и четырнадцать ночей, что он шел через леса, неся вас на руках...

Девушка слегка вздрогнула и умолкла. Внезапно она подняла глаза на юношу и заметила, что его глаза буквально горят.

— Но вы мне еще не начали рассказывать всех новостей, Давид, — сказала она с улыбкой. — Пожалуйста, начните скорее и не пропускайте ни одной детали. Я хочу

знать все, что случилось с вами до той самой минуты, пока вы дошли до этой двери.

Мало-помалу Давид начал чувствовать, что отходит и душой и телом. Теперь, когда не было с этой девушкой никого, кроме молодого охотника, она сумела в несколько минут обнажить свою душу и сделаться его другом — таким другом, словно он знал ее много лет. Если она и заслуживала репутацию кокетки, то ее искренность и врожденная доброта скрывали от юноши этот маленький недостаток. Если ее красота давала обильную пищу ревнивым и завистливым языкам, то Давид вовсе не хотел верить всем сплетням. То обстоятельство, что она стояла, опираясь на руку капитана Талона, нисколько не умаляло ее достоинства, а поцелуй, которым она наградила его, Давида Рока, не внушал ни малейшего подозрения насчет ее намерения. У юноши было такое ощущение, словно он вдруг нашел надежное пристанище.

Он не стал рассказывать ни о своем приходе в Квебек, ни про неожиданную встречу с Анной, а начал, как просила Нанси, с замка Гронден. В лице девушки отражались его собственные переживания, по мере того как он рассказывал. Ее сочувствие и умение быстро вникать во все вливали радость в его сердце, и понемногу стало испаряться то чувство разочарования, которое охватило недавно его душу.

Только однажды Нанси Лобиньер прервала его и достала письмо, которое его мать написала ей.

«Что-то такое в моей душе говорит мне, что вы, так хорошо знакомая с Квебеком, не оставите без внимания моего мальчика и присмотрите за тем, чтобы с ним ничего не приключилось. Вы старше Анны и сумеете быть большой поддержкой для Давида, если захотите...»

— Таким образом, Давид, вы видите, что немного принадлежите мне,— сказала Нанси.— У меня есть много общего с Анной: и у меня нет матери, и я тоже ее не помню. Но зато я буду матерью для вас... и для Пьера Ганьона.

Давид рассказал ей про свою встречу и знакомство с Пьером Кольбером и о том, что случилось ему видеть у монастыря при свете фонаря.

— Куда бы могла Анна ехать в такой час с интендантом? — спросил он, закончив рассказ.— Я теперь упрекаю себя за то, что не окликнул их.

— И тем не менее я вполне понимаю, почему вы этого не сделали,— медленно произнесла Нанси, все еще глядя в

огонь.— В этом было много необычайного... ночью, с Биго... Я не люблю его, Давид. Я открыто признаюсь в этом, несмотря на то, что Пьер Ганьон надо мной смеется и не перестает твердить мне про золотые горы, которые интендант сулит вам. Я не доверяю этому человеку. Но надо полагать, что у Анны была какая-то цель, если она согласилась ехать с ним в такой поздний час,— и, наверное, благая цель. И будем надеяться, что завтра мы узнаем об этом. Я нисколько в этом не сомневаюсь.

Она долго сидела, не произнося ни слова, скрыв рукою лицо от Давида. А потом она просияла и с радостной улыбкой повернулась к нему:

— Давид, я все это время от вас кое-что скрывала. Я ждала, пока настанет подходящая минута, чтобы рассказать вам. Я знаю, что это будет неприятно вам. Я уже больше не пользуюсь доверием Анны. Мы с ней поссорились.

Давид в изумлении уставился на нее, не будучи в состоянии произнести хотя бы одно слово.

— И ссора произошла, главным образом, из-за Биго и... из-за вас,— продолжала Нанси.— Я презираю Биго и не доверяю ему. Анна любит его и так безгранично верит ему, что во мне это вызывает возмущение. Я знаю, что этот человек представляет собой, а Анна почему-то считает его душой Новой Франции. Я откровенно сказала ей все, что я думаю о нем, и она была взбешена. Я посоветовала ей увезти вас обратно в замок Гронден, а она ответила, что во мне говорит ревность. Я пыталась уверить ее, что во мне говорит только желание видеть вас обоих счастливыми, а она крикнула, что я задалась целью полонить вас в свои сети и что поэтому я так бесстыдно распустила волосы в лодке. Я не выдержала и ответила, что в то время я нисколько не думала о вас, а теперь, пожалуй, буду... Это совершенно вывело ее из себя.

Вот и все, Давид. Но, в общем, прелестная ссора. Когда мы встречаемся, мы так нежно воркуем,— когда при этом есть кто-нибудь,— что, наверное, со стороны любо смотреть на нас. Но всего более странно, Давид, следующее: несмотря на то, что мы с Анной как будто смертельные враги, я люблю ее больше, чем когда-либо раньше, я убеждена, что и она не меньше любит меня. Недурная путаница, как вы думаете?

Давид Рок не успел ответить. В дверь постучали. Вошел черный слуга и подал Нанси маленький конверт. Де-

вушка только быстро взглянула на него и протянула его своему гостю.

— Это вам, Давид,— сказала она, и в ее голосе звучало изумление.— Вы меня простите, я удалюсь на несколько минут; пока вы будете читать, я пойду узнаю, что с вашим ужином.

Неуклюжими пальцами юноша вскрыл конверт и прочел:

«Мсье Рок! Я пишу для того, чтобы сказать вам, как я счастлива от сознания, что вы проводите ваш первый вечер в Квебеке в обществе моего лучшего друга Нанси Лобиньер. Если вы улучите минутку, чтобы навестить меня, я буду рада сказать вам все, что я думаю о вас в связи с тем изумительным зрелищем, которое представилось нашим взорам, моему и мсье Биго, когда мы проезжали мимо дома Лобиньер. Разрешите вам посоветовать в следующий раз, когда вы повторите ваши поцелуи, не стоять между занавесом и освещенной комнатой.

Анна Сен-Дени».

Руки юноши бессильно опустились. Не успел он дать себе отчет в прочитанном, как в дверь снова постучали.

Г л а в а IV

ПОЦЕЛУЙ НАНСИ ЛОБИНЬЕР

То, что произошло в течение ближайших нескольких минут, навсегда запечатлелось в памяти ошеломленного Давида. У него было такое ощущение, словно ему нанесли страшный удар, который одновременно оглушил его и душевно и физически. Тот факт, что Анна видела, как он целовал Нанси Лобиньер; мысль о том, что означало для Анны это открытие; сознание, что теперь между ними разверзлась пропасть,— все это отняло у него способность говорить и логично мыслить.

Он сперва было привстал, а потом снова опустился в глубокое кресло и вдруг заметил, что в одном конце комнаты стоит Нанси Лобиньер, а в другом — Пьер Ганьон.

Несмотря на свое состояние, Давид отдавал себе отчет в том, что Пьер, его друг Пьер, сильно возбужден и чем-то встревожен; тем не менее он продолжал сидеть, не шевеля

ни одним мускулом, все еще держа в руке письмо Анны Сен-Дени.

Нанси протянула Пьеру обе руки, так же приветливо, как раньше своему гостю с Ришелье. Радостная улыбка мелькнула было на ее губах, но внезапно она обратила внимание на выражение лица Пьера Ганьона.

Было очевидно, что он долго бежал. Дыхание с шумом вырывалось из его груди. Пуговицы его изящного кафтана не были застегнуты, на нем не было галстука, а в глазах у него было столько же отчаяния, сколько растерянности во всем облике.

— Где Давид? — спросил он первым делом, обращаясь к Нанси и сверкая глазами.

Нанси указала ему на кресло, в котором сидел Давид Рок с выражением безнадежности в лице. Молодой охотник поднялся навстречу своему другу, и тот сейчас же подбежал к нему. Он заметил скомканный лист бумаги в руках Давида, и усмешка скривила его губы. Он протянул молодому охотнику другой листочек бумаги, на котором Давид прочел:

«Дорогой Пьер! Я умираю. Приходите скорее к Анжели Рошмонтье.

Анна Сен-дени».

Листочек бумаги выпал из рук Давида. Анна умирает! Кровь застыла в его жилах! Пьер поднял листок, взял из рук Давида второе письмо и подал оба Нанси Лобиньер. Та прочла сперва письмо к Давиду, затем послание к Пьеру и, к великому ужасу, негодованию и изумлению обоих молодых людей, она весело расхохоталась.

— От чего она умирает, Пьер? — спросила она.

— От разбитого сердца! — бешеным голосом крикнул тот. — Когда я пришел к ней, она тотчас же отправила меня перехватить гонца, с которым она послала это письмо Давиду. Она раскаялась в своем поступке тотчас же после того, как гонец ушел. Анна — чудная девушка, вот что! А вы...

— Мне очень жаль, Пьер, — с ласковой улыбкой ответила Нанси. — Но им не следовало заглядывать ко мне в окна. К тому же, каким образом Анна узнала, что это был именно Давид?

— Потому что она видела его с вами, когда вы стояли в обществе капитана Талона и его друзей.

— О! И тогда Биго, конечно, остановился или, возмож-

но, даже повернул назад, чтобы посмотреть, не случится ли что-нибудь интересное.

— Этого я не знаю. Она даже не позволила мне остаться достаточно времени, чтобы я мог толком все узнать. Она хочет скорее видеть Давида. Где его шапка?

— Но он еще не ужинал, Пьер,— запротестовала Нанси.— И, помимо того, я хочу познакомить его с моим отцом, который через полчаса будет, наверное, здесь. Что же касается Анны, то пусть она немножечко поплачет, — это ей принесет пользу: слезы, я заметила, ей очень к лицу.

* * *

Нанси, ласково улыбаясь, глядела на Пьера Ганьона, который чувствовал, что горло его конвульсивно сжимается. Не обращая на него внимания, девушка повернулась к Давиду и взяла его холодные пальцы в свои теплые руки.

— Вы очень спешите, Давид? Вы хотите скорее увидеть Анну, не правда ли?

— Да,— ответил юноша.— Я должен спешить.

— И у вас не останется злого чувства против меня?

В глазах Нанси светился лукавый огонек, которого не видел Пьер Ганьон.

— Вы — мой лучший друг,— ответил Давид.— Я только жалею...

В глазах Нанси выразилось еще больше нежности, когда она убедилась, что ее гость не решается закончить фразу. Что же касается Пьера, то она, казалось, совершенно забыла про него.

— Настанет день, Давид, когда вы не будете жалеть — ни о том, что поцеловали меня, ни о том, что Анна увидела нас в окне. В скором времени вы сами признаетесь мне, что рады этому. А пока что я хочу, чтобы вы безгранично верили мне, и помните также, что я сказала вам сущую правду: до сих пор я никогда так не целовала ни одного мужчину — кроме одного.

Было очевидно, что последние два слова предназначались главным образом для ушей Пьера Ганьона.

— И эти два поцелуя, Давид, я не взяла бы назад, если бы даже могла.— Нанси круто повернулась и воскликнула: — Милый Пьер!

Не обращая внимания на ярость, светившуюся в глазах последнего, она снова поднялась на цыпочки и быстро поцеловала его. В следующее мгновение она уже исчезла за

дверью, и молодые люди слышали, что она беспечно поет какую-то песенку.

— Черт меня возьми! — сорвалось с уст Пьера Ганьона, и после этого вплоть до дома Анжелы Рошмонтъе он не произнес ни одного слова.

Когда они подошли к дому Рошмонтъе, Пьер сказал:

— Теперь я покину тебя, Давид. И когда ты освободишься, Анжела пошлет кого-нибудь из слуг, чтобы указать тебе, где я живу.

И, даже не попрощавшись со своим другом, Пьер Ганьон повернул назад и скрылся.

Анжела Рошмонтъе сама открыла дверь Давиду и сказала:

— Я очень рада, что вы пришли. Я не знаю, что такое случилось с Анной, но, должно быть, что-то страшное. Я очень рада, что моих родителей нет дома, а то не обошлось бы без расспросов. Пройдите в мою спальню — она там.

В течение нескольких секунд Давид стоял перед дверью, не решаясь шевельнуться. Наконец он поднял руку и постучал — один раз, второй, третий... Никакого ответа. Только тогда, когда он еще громче постучал в четвертый раз, изнутри послышался звук, походивший на заглушенные рыдания.

Юноша тихо открыл дверь и просунул голову и плечи. В комнате горели две свечи. Напротив него у стены стояла кровать, покрытая белоснежным покрывалом, а налево, у другой стены, стоял маленький шелковый диванчик. В середине комнаты красовалось огромное кресло, обитое плюшем, — в нем могли бы свободно поместиться два человека. И на полу перед креслом, положив голову на сиденье, лежала Анна Сен-Дени.

Давид Рок слышал ее рыдания, и только он вошел в комнату, как раздался тихий, надорванный голос:

— Он пришел, Анжела?

— Это не Анжела, Анна, — это я.

Девушка вскочила и, словно маленькая фурия, подбежала к нему.

— *Вы?! —* крикнула она. — *Вы, здесь? В спальне Анжелы? Как вы смели войти сюда, Давид Рок?*

— Анжела сама послала меня сюда.

— Я не верю вам! — крикнула она. — Анжела не стала бы осквернять своей спальни вашим присутствием!

Ужас безнадежности придал духу несчастному молодому человеку, и он тихо произнес:

— Я искренне жалею, Анна. Я жалею о том, что все так случилось. Жалею, что я приехал в Квебек, что видел вас ночью вместе с Биго... И жалею о том, что так огорчил вас.

— Огорчили меня! — крикнула Анна, отбрасывая назад волосы.— Неужели вы думаете, Давид Рок, что вы могли бы огорчить меня? После того, как я узнала, кто вы такой! О, вы ошибаетесь, мсье! Я не огорчена, это вовсе не то!

Она подошла к нему почти вплотную и пылающими глазами посмотрела на него.

— Но это унижение! Унижение от сознания, что Нанси Лобиньер добилась того, чего ей хотелось, хотя она все время притворялась, будто все это лишь шутка! А теперь я рада, рада, рада тому, что она это сделала! Она доказала мне, какой вы низкий человек, вопреки всему тому, что я хотела думать о вас. О, это унижение! Оно меня с ума сводит! Что скажет Биго? Что скажут все другие? Как я ненавижу ее! И вас я тоже ненавижу и никогда больше не хочу вас видеть!

А потом случилось самое неожиданное. Давиду казалось, что земля разверзлась у него под ногами. Анна кинулась на него с кулаками, и юноша закрыл глаза, дожидаясь, что вот-вот грянет последний удар...

Но руки девушки не нанесли удара. Давид Рок почувствовал, что эти самые руки обвили его шею и на груди у него лежит голова Анны; теперь девушка рыдала, уже несколько не скрывая, что ее сердце разбито. И, к изумлению своему, он услышал:

— О, прости меня, Давид! Ради Бога, прости! Нет, нет, нет! Я не ненавижу тебя! Я люблю тебя! И мне ровно никакого дела нет до того, что скажут люди, пока ты мой! Но.. Давид, дорогой, если ты действительно любишь Нанси Лобиньер...

* * *

Давид Рок обрел наконец способность речи, и с уст его полились слова, которых девушка не слыхала никогда раньше. Он и сам не знал, что он такое говорил. Впоследствии он не мог вспомнить ни одной фразы, ни одного слова. Прижавшись лицом к лицу Анны и крепко обняв ее, он без конца целовал ее, и сам плакал вместе с ней и старался объяснить... как он увидел ее ночью с Биго, как горечь закралась ему в сердце и наполнила душу отчаянием, как он

нашел утешение в обществе Нанси Лобиньер и, нисколько не колеблясь, поцеловал ее... И Анна Сен-Дени слушала и горячо целовала его.

Когда Анжела Рошмонтье подошла к двери, она долго не могла добиться ответа.

Ее родители должны с минуты на минуту вернуться домой, сказала она, а потому лучше было бы, если бы Давид ушел.

Анна всем телом прильнула к нему.

— Обещай мне, Давид, поклянись мне своей честью, что ты никогда больше не будешь целовать эту бесстыдную женщину! И что ты никогда больше не станешь думать о ней.

— Да, да, обещаю, Анна, — ответил он и почти выбежал из комнаты.

Следом за ним из дома Рошмонтье вышел негр-слуга, чтобы проводить его в дом Пьера Ганьона, который жил неподалеку на улице Святой Урсулы.

Лишь пройдя несколько шагов, Давид вдруг вспомнил, что он забыл даже спросить у Анны о том, что главным образом занимало его: куда возил ее ночью интендант. А Анна сама между тем ни словом не обмолвилась об этом.

Он постучался в дом Пьера Ганьона, и дверь открыл слуга, проводивший его в огромную гостиную.

Стоило лишь взглянуть на эту комнату, чтобы догадаться, что она принадлежит избалованному красавцу Пьеру Ганьону. Во-первых, все стены были увешаны всякого рода пистолетами, до которых Пьер был такой любитель. Кроме того, все в комнате отдавало роскошью и уютом, без которых не мог бы прожить ни одного дня Пьер Ганьон.

Последний длинными шагами ходил по комнате, зажав в руке пистолет, и улыбка, с которой он встретил Давида Рока, была скорее зловещей усмешкой, чем приветствием другу. Давид еле узнал в нем того веселого, румяного и славного Пьера Ганьона, которого он знал на реке Ришелье.

Не обращая внимания на протянутую руку Давида, Пьер почти вплотную подошел к нему и прошипел:

— Так, так, так! Любовник Нанси Лобиньер? Быстро, однако, вы умеете работать — вы, честные воины с реки Ришелье! А мы оставались совершенно слепы ко всему, что происходило у нас под самым носом! Что вы можете сказать в свое оправдание? Я не могу вызвать вас на поединок, Давид Рок, и убить вас — из-за вашей матери. Но,

право же, мне следовало бы это сделать ради Анны Сен-Дени!

Давид Рок медленно опустил протянутую руку и сказал:

— Опомнись, Пьер! Все это ошибка. Я не...

— Ошибка! — прервал его Пьер, повышая голос. — Ошибка!

Он бешено швырнул пистолет на диван, стоявший в дальнем конце комнаты.

— Я боюсь держать этот пистолет в руках, в противном случае я выпущу, кажется, в вас пулю, которой он заряжен! Ошибка! Уж не ошибка ли, что ты целовал Нанси Лобиньер? Уж не в том ли ошибка, что ты позволил себе такую низость по отношению к твоему другу! А она!.. Она *только одного* целовала так, кроме вас, мсье Рок! Слыхали вы, что она сказала? Два любовника — и ты последний из них!

— Пьер! — крикнул Давид, лицо которого побелело как мел. Быстрым движением руки он схватил его за плечи. — Пьер, ты лжешь!

Он с силой отбросил его от себя шага на три, а потом скрестил руки на груди по манере индейцев и снова произнес:

— Ты лжешь!

Пьер Ганьон с разинутым ртом глядел на своего друга. Он стиснул зубы, и глаза его превратились в две щелки, из которых, казалось, струится огонь. Голосом, холодным как лед, он ответил:

— Я стрелялся с тремя людьми за меньшее оскорбление и прострелил их насквозь.

— Ну что ж, стреляй, если угодно, — спокойно ответил Давид Рок. — Но я все повторяю: ты лжешь.

Совершенно другой человек стоял теперь перед Пьером Ганьоном. Будь он на несколько лет старше, будь у него в голове белая прядь, его можно было бы принять за Черного Охотника.

— Я поцеловал Нанси, — начал Давид, — я поцеловал ее потому, что она казалась мне единственным другом в городе, который я начал уже было ненавидеть. По прибытии в Квебек я первым делом направился к монастырю, несмотря на холод и слякоть. Я познакомился с человеком по имени Пьер Кольбер, и он проводил меня туда. И там я увидел, как Анна, весело смеясь, садилась в экипаж вместе с Биго. Найдя ее такой веселой и счастливой, я почувство-

вал, что со мной творится что-то необычайное. Я попросил Кольбера показать мне дом Лобиньер. Нанси собиралась было куда-то идти со своими друзьями, но все же она была так добра, что взяла меня в дом и дала отдохнуть и отогреться... и там это случилось. Вот и все. После моей матери и Анны на свете нет другой женщины, которую я любил бы так, как Нанси Лобиньер. Она дважды защищала мое имя. И если в Квебеке живут ангелы,— с легкой иронией закончил Давид,— как ты мне неоднократно рассказывал, то Нанси, наверное, принадлежит к их числу. Я не позволю тебе оскорблять ее. Ты полагаешь, что она дурная женщина...

— Дурная женщина! — зарычал Пьер Ганьон.— Кто тебе сказал, что она дурная женщина? Уж не хочешь ли ты сказать, что я говорил это?

— Ты, во всяком случае, намекал!..

— Черта с два, намекал! — крикнул Пьер, проводя рукой по своим взлохмаченным волосам.— Оскорбить Нанси Лобиньер! Да я бы скорее умер! Я убью первого, кто осмелится сказать что-нибудь против нее! Нанси — ангел!

— Вот это я и стараюсь все время доказать тебе,— сказал Давид.

— Она в двадцать раз красивее твоей Анны и в двадцать раз умнее ее. Но... она *целовала тебя!* Объясни мне, черт возьми, зачем это она делала?

— Я думаю, что ею руководила только жалость,— ответил Давид.

Пьер Ганьон перестал шагать по комнате, и лицо его приняло уже спокойное выражение, когда он произнес:

— Пожалуй, ты прав. Действительно жалость. И меня она, вероятно, тоже пожалела! Поцеловала меня и убежала, потому что ей жаль было меня. Но тебя она совсем не так целовала, если верить тому, что рассказывает Анна. Меня не столько возмутило то, что она тебя целовала, сколько то, что она сказала про *другого!* Кто он такой? Где мне найти его?

— Я полагал, что она подразумевала тебя... после всего, что случилось,— предположил Давид.

— Меня! — Пьер Ганьон рассмеялся безнадежным смехом, а потом протянул руку Давиду: — Прости меня, Давид. Я выказал весьма мало гостеприимства по отношению к тебе. Но я буквально без ума от Нанси. Я умру без нее. Я в течение двух лет ползаю на коленях перед ней, и она ни разу не разрешила мне прикоснуться к ее губам, а теперь она вдруг целует тебя по собственному желанию и,

таким образом, отдает другому то, чего я добивался в течение стольких недель. Я должен найти человека, о котором она говорила, и, клянусь, я убью его!

Он крепко сжал руку Давида и вдруг просветлел. Какая-то мысль озарила его.

— Возможно ли, что это капитан Талон? — воскликнул он. — Его считают лучшим стрелком в Новой Франции, и я с величайшим удовольствием всажу в него пулю.

— Но это невозможно! — возмутился Давид Рок. — Я бы скорее поверил, что Нанси полюбит змею!

— Тем не менее ты сам говоришь, что видел их вместе сегодня вечером.

— Да, точно так же, как Анну с интендантом Биго, — парировал Давид.

— Но Анна ведь объяснила тебе.

— Она ровно ничего не объяснила мне, — прервал его Давид, — и, чем больше я думаю об этом, тем меньше нравится мне эта история.

Оба влюбленных безмолвно глядели друг на друга, и в эти мгновения их дружба стала крепче, чем когда-либо.

— Давид, мне искренне жаль, что я вел себя таким дураком по отношению к тебе. Но ты напрасно тревожишься из-за Анны. Я готов поклясться, что у нее были все основания для того, чтобы покинуть ночью монастырь.

— Я с одинаковой уверенностью могу поклясться, что у Нанси Лобиньер были основания для того, чтобы находиться в обществе капитана Талона... и целовать тебя, — ответил тот.

Пьер сжал руки в кулаки и через некоторое время спросил:

— Скажи мне, что случилось, когда ты увиделся с Анной?

Давид Рок вкратце рассказал ему о своем бурном свидании с возлюбленной и к концу добавил:

— Ты, наверное, знаешь, что Нанси и Анна поссорились?

— Знаю ли я! — воскликнул Пьер. — В последний месяц я служил для них обоих козлом отпущения! Они мне буквально все нервы поистрепали. Одна из них ненавидит Биго и боится за тебя, другая верит ему так же, как себе, и безоговорочно доверяет всем его обещаниям. Одна смешивает интенданта с грязью, другая — превозносит его до небес. Одна считает его проклятием Новой Франции, другая смотрит на него, как на великого патриота, который покроет славой имя Новой Франции. Как же им не ссориться?

ся, тем более что между ними царит еще ревность, которая мне отнюдь не нравится, поскольку это касается Нанси.

— И кто из них прав? — спросил Давид Рок, прикасаясь к руке Пьера.

Пьер некоторое время колебался, а потом ответил:

— И та и другая.

— Ты хочешь сказать...

— Интендант никогда не нарушает обещаний, вроде того, что он дал тебе и Анне. Не знаю почему, но он, очевидно, очень расположен к тебе. Со временем он выведет тебя на путь к богатству и славе. Таким образом, Анна вполне права. Но что касается всего остального, Нанси гораздо ближе к истине. Биго и его клика овладели сердцем Новой Франции, которое они держат во дворце интендантства. Биго так умен и хитер, что половина народа за него и только половина — против. Я тебе однажды говорил уже, что считаю его самым порочным человеком в Квебеке, и мое мнение о нем ничуть не изменилось с тех пор. В смысле нравственности он в действительности уже не может пасть ниже, и Нанси это знает, равно как это известно мне. Но Анна Сен-Дени этого не знает. Она отказывается верить тому, что она называет «постыдным вымыслом завистливых людей». Но это опять-таки не имеет ничего общего с твоей карьерой. Ты можешь быть вполне спокоен. Тогда как я... Теперь, когда я узнал, что Нанси отдала предпочтение другому человеку...

— Ты так уверен в этом, Пьер?

— Так же, как в том, что Анна никогда не позволит интенданту или кому-либо другому целовать себя.

Эти слова, в которых сказывалась вся вера Пьера в чистоту Анны Сен-Дени, были для Давида ударом ножа в сердце.

Пьер Ганьон продолжал.

— Когда Нанси Лобиньер сказала тебе, что она только одного человека целовала так, как тебя, ее слова предназначались не для тебя, а для меня. Я это чувствовал. А потом она насмешливо прикоснулась к моим губам и все лишь потому...

— Почему? — спросил Давид, видя, что его друг колеблется.

— Все из-за моей никчемности, как она говорит, — почти простонал Пьер Ганьон. — Она уже два года твердит мне, что я приношу меньше пользы, чем чайки, которые носятся над скалами. Что я лентяй и бесполезный человек, а потому я так жирею с каждым днем. Что я только ду-

маю о роскоши и о себе самом. Что если бы все мужчины были такие неженки и так же страдали одышкой и отсутствием амбиции, как я, то англичане давно уже метлами по-выгоняли бы нас из Канады! Но все это было не так еще скверно, пока она не увидела тебя,— с этой минуты она буквально стала приходить в ярость, когда речь заходит о моем комфорте. Она не перестает попрекать меня тобою,— вот, мол, каким должен быть мужчина! А тут она вдруг целует тебя и самым бесстыжим образом признается, что есть еще другой мужчина, которого она целовала!.. И... и... черт меня возьми! Я заставлю ее раскаяться во всем.

Лицо Пьера пылало. Видно было, что много диких мыслей копошится в его мозгу.

— Да! — крикнул он, и в голосе его впервые зазвучала металлическая нотка.— Начиная с этой ночи старого Пьера Ганьона больше нет! Теперь я научусь чему-нибудь более полезному, чем стрельба из пистолетов! Будь проклят Биго! К черту его шайку! И тем не менее я готов остаться с ним до последнего издыхания, лишь бы только избавиться от своего жира! Я вместе с тобой, Давид, отправлюсь в леса. Я буду драться, займусь плаванием, буду много бегать! Я должен получить звание лейтенанта, хотя бы мне пришлось поднять из-за этого революцию! Начиная с этой минуты я вступаю на боевую тропу, чтобы добиться славы... и мести! Ты поможешь мне, Давид?

Пьер Ганьон отнюдь не разыгрывал комедию. Он весь горел. В несколько минут исчезла вся его женственность, и он перестал быть тем безукоризненным денди, страстным любителем дуэли, проводившим все свое время в экипаже. В нем проснулся дух его воинственных предков.

О таком Пьере Давид грезил с самого детства. Он не раз старался представить себе, как его лучший друг будет биться рядом с ним, плечом к плечу, отстаивая права Новой Франции. И в эту минуту Давид Рок совершенно забыл и про Биго, и про Нанси, и даже про Анну.

Молодые люди крепко пожали друг другу руки. Спокойная улыбка озарила лицо Пьера, а в глазах Давида можно было прочесть его душевное ликование. Все еще пожимая руку Пьера, он заметил:

— Как счастлив был бы твой дедушка, если бы он видел тебя в эту минуту. Я рад, что в тебе течет хоть несколько капель его крови, которая заговорила в тебе сейчас.

Они не слышали, как в дверь, что вела на улицу, несколько раз громко постучались. Наконец Пьер отправился открыть ее, и, когда он вернулся, в его глазах прыгали веселые огоньки.

— Вы еще не ужинали, мсье искатель приключений,— сказал он,— а вам между тем все еще не хотят дать покоя. У дверей моего дома тебя ждет экипаж, и в нем сидит человек. Экипаж принадлежит интенданту Новой Франции, а человек, который сидит в нем,— сам Биго. Он собственной персоной явился, чтобы отвезти тебя во дворец.— И шепотом, которого не мог расслышать его друг, Пьер добавил: — Черт меня возьми! Что все это означает?

* * *

Франсуа Биго, тринадцатый и последний интендант Новой Франции, любимец короля и фаворит мадам Помпадур, никогда еще не верил так сильно в свою счастливую звезду, как в этот вечер — тринадцатого ноября 1754 года.

Многое случилось в последнее время, что показывало, до какой степени велико его могущество. Облеченный по приказу короля огромной властью над департаментами юстиции, полиции, финансов и военного флота, Биго все же до тринадцатого ноября 1754 года оставался одной ступенью ниже генерал-губернатора колоний. Но сегодня на заседании Верховного Совета обнаружилась перемена, которая доказала превосходство его самодержавного правления и одновременно с тем открыла первую страницу трагической истории, сулившей конец существованию Новой Франции.

В этот день король Франции потерял целый континент. В этот день англичане одержали величайшую победу, и к тому же бескровную.

Биго одержал верх в Верховном Совете. Генерал-губернатор, маркиз Дюкен де Менвиль, был сброшен с пьедестала, на котором он в течение многих лет возвышался над интендантом. В январе будущего года маркиз де Водрей-Кабаньял станет губернатором Новой Франции, и на этот пост его возведет он, Биго, и тем самым сделает его своим орудием, чтобы с большим успехом и безнаказанностью грабить беззащитный народ.

Всего этого добился Биго, человек, обладавший хитростью дьявола и которому совершенно чуждо было всякое

понятие о совести. А Водрей сидел рядом с ним и пыхтел от сознания своей важности.

Но в эту ночь торжество интенданта не ограничивалось одним лишь достижением власти. Сегодня он весь находился во власти женских чар. Впервые в его жизни нашлась женщина, которая заставила его забыть про всех остальных любовниц. Эта ночь привела к нему Анну Сен-Дени как бы для того, чтобы вознаградить его за триумф над маркизом Дюкеном.

Такие мысли проносились в голове интенданта, пока он сидел в экипаже, дожидаясь Давида. Откинувшись в мягкие подушки, он тихо напевал про себя веселую мелодию и ждал, подобно тирану, ожидающемуся своей жертвы. Довольная улыбка мелькнула на его лице, когда он вспомнил забавное зрелище, которое пришлось ему наблюдать сегодня. Нетрудно будет заставить Анну поверить, когда наступит должный час.

Должный час!

Что значила теперь Новая Франция?.. И интендантство?.. И все остальное?..

Он и сейчас еще рисовал себе в уме Анну, какой она была в ту минуту душевной паники, когда они увидели Давида Рока. Он и сейчас еще как будто ощущал трепет ее тела, когда он, словно желая утешить ее, осмелился на одно мгновение обвить ее стан рукой. Он не стал заходить слишком далеко. Нет, он ковал свою цепь звено за звеном. Он должен быть терпелив. Он будет обладать Анной целиком, без всяких оговорок, и это обладание будет еще полнее, чем обладание Шарлоттой или Екатериной Луизбургской и так далее.

— Подумать только, что вы являетесь в Квебек в такую ужасную ночь! — воскликнул он, когда Давид спустился с крыльца. И, выскочив из экипажа, Биго, великий интендант, могущественный сеньор, обнял молодого охотника и поцеловал его поцелуем Иуды.— Если бы я мог предположить, что вы явитесь сегодня, я отправил бы эскорт навстречу вам. И с места в карьер подобное приключение! Наша бедная маленькая Анна была вся потрясена, но я нисколько не сомневаюсь, что вы завтра все уладите. Никогда не забывайте прикрывать ставни, Давид, когда вам случится быть другой раз в таком положении. Не забывайте, что вы теперь уже не в лесу!

И интендант залился добродушным смехом. В его го-

лосе не было ничего такого, что могло бы навести Давида на подозрение, — ничего, кроме дружеской шутки.

— Я хочу вам кое-что объяснить, — продолжал интендант. — Сегодня вечером я должен был встретиться с епископом, и я решил познакомить его с *нашей* Анной, чтобы вы, благодаря ей, имели друга в этом могущественном человеке. И тот маленький дьявол, которого мы называем случаем, привел нас к дому мадемуазель Лобиньер в ту минуту, когда вы стояли там вместе с ней в обществе ее друзей. Мне казалось, что маленькая мадемуазель Сен-Дени превратилась в лед при виде вас. Придя в себя, она стала просить поехать назад, и мы вернулись как раз вовремя, чтобы захватить вас на месте преступления, — ха-ха-ха! — когда вы целовали Нанси! И, поверите, я вам позавидовал в эту минуту! Прелестная Нанси, соперница Анны Сен-Дени по красоте и грации! Право же, вы счастливый любовник, Давид. Но ставни! Как же это вы были так забывчивы?!

И Биго снова расхохотался.

— Я вовсе не намеревался делать визит мадемуазель Лобиньер, — начал Давид, сердце которого радостно забилося, когда он услышал, зачем Анна в такой поздний час оставила монастырскую школу, чтобы ехать с интендантом. — Я...

— Я понимаю, — прервал его Биго. — Конечно, вы не сделали этого намеренно. Но результат, во всяком случае, был один и тот же, и Анна настояла на том, чтобы я немедленно отвез ее к ее подруге, мадемуазель Рошмонтье, у которой вы, наверное, найдете ее завтра утром.

— Я уже видел ее, — сказал Давид. — Она прислала за мной Пьера Ганьона.

— Черт возьми! — воскликнул Биго. — Ну и что же — она простила вас или разорвала на части?

— Я объяснил ей, как все это случилось, и я полагаю, что она меня простила.

Биго ничего не сказал. Экипаж подъехал ко дворцу, и интендант вышел, а Давид Рок последовал за ним. Они прошли через дверь, и тотчас же юноша услышал гул голосов. Здесь не было и намека на величие, какое рисовалось Давиду во дворце Новой Франции. Все походило скорее на тюрьму, говорил он себе.

Юноша не догадывался, конечно, что в действительности под его ногами расположены казематы, в которых томилась пленники, жертвы интенданта Биго. Он только слышал множество голосов, доносившихся из комнат, а

Биго, лукаво поглядывая на своего друга, радовался ошеломляющему впечатлению, которое произвела на него окружающая обстановка.

— Здесь — зал суда, — объяснил интендант. — Завтра, если захотите, вы сможете присутствовать при суде над преступником, которого ждет, возможно, смерть.

Давид невольно вздрогнул. Ему вспомнились слова, навсегда запечатлевшиеся в его мозгу: «Сто ударов плетью по обнаженной спине». И при первом же посещении дворца он узнает, что какой-то человек должен умереть.

А Биго между тем продолжал делать свое дело, стараясь возможно больше ошеломить своего неопытного гостя. Он вместе с ним поднялся по нескольким ступенькам, достал ключ и открыл потайную дверь — и внезапно Давид очутился в роскошной комнате, увешанной картинами и гобеленами, с огромным камином, в котором ярко горели огромные сосновые чурбаны. Из этой комнаты несколько дверей вело в другие, поменьше, и все были ярко освещены и так же роскошно убраны. Ибо последний интендант Новой Франции всегда держал наготове свои покои, чтобы в любую минуту принять кого-нибудь из женщин, которые часто удостаивали его посещением.

До слуха юноши донеслись звуки песен и смеха, и на губах интенданта он увидел благодушную усмешку. Биго снял с себя плащ и подал его черному слуге, который, как показалось Давиду, словно вырос из-под земли.

— Наконец-то дома, — сказал интендант, лениво потягиваясь и с удовольствием прислушиваясь к граду, бившему в железную крышу (специально привезенную из Франции). — Дьявольская ночь! Но здесь, право же, недурно, хотя и недостает приятного общества Нанси Лобиньер и Анны Сен-Дени. Вы останетесь моим гостем до утра, и я постараюсь хоть сколько-нибудь вознаградить вас за неприятные часы, которыми ознаменовался ваш приход. К тому же вам предоставляется удобный случай познакомиться с людьми, которые со временем станут вашими верными друзьями, — если только вы не слишком устали с дороги и не слишком расстроены маленьким приключением.

— Ни то, ни другое, — ответил Давид, с удовольствием предаваясь чувству тепла и уюта.

Биго, к удивлению своему, заметил, что юноша не чувствует ни малейшего смущения и не обнаруживает и при-

знака благоговейного ужаса в присутствии могущественного интенданта. Он не знал, что в душе Давид действительно был потрясен всем, что произошло с ним в этот день, и тем, что пришлось ему видеть, но внешне он несколько не показывал своих переживаний и держался как равный с равным. Черный Охотник держал бы себя точно так же.

Биго без удовольствия мысленно отметил это. Он любил смелых людей — такие люди тем сильнее стучаются лбом, когда падают с пьедестала, и тем легче их погубить.

Как бы невзначай Биго взял со стола, возле которого он сидел, маленькую перчатку и стал играть ею, улыбаясь Давиду. Перчатка принадлежала женщине.

— Я сегодня же представляю вас моему штабу, и отныне вы будете лейтенант Рок, — сказал он. — Наша маленькая дама не говорила вам о вашем производстве?

— Нет, — ответил Давид.

— Ну конечно, — со снисходительной усмешкой кивнул головой Биго. — Она была слишком расстроена, чтобы вспомнить о нем. Но документ о вашем производстве находится при ней; он должным образом подписан, со всеми печатями, и я готов поклясться, что он будет передан вам вместе с букетом цветов!

Давид Рок склонил голову в знак благодарности; даже сейчас, несмотря на дрожь во всем теле, он абсолютно ничем не выдал своих чувств «благодетелю».

— Из вас выйдет превосходный офицер, — продолжал интендант. — Вы завтра же начнете ваше военное обучение. В этом не будет для вас ничего трудного, тем более что я назначил вам особого инструктора, капитана Робино. Официально вы произведены в офицеры на основании тех огромных услуг, которые мы надеемся получить от вас как от человека, превосходно знакомого с пограничными лесами. Мне лично вы очень нужны, и я бы не хотел, чтобы ваше военное образование откладывалось хотя бы на один день. Первым делом — портной, затем — знакомство с городом, потом — специальное обучение в течение двух часов с капитаном Робино, самым образцовым офицером в нашем гарнизоне. Как вам нравится такая программа?

— Я горю желанием скорее приступить к делу, — ответил Давид.

Биго кинул на стол перчатку, свернутую в клубок, и, казалось, немного задумался, пока его не заставил очнуться-

ся громкий хохот, доносившийся из комнат в глубине дворца.

— Да, Давид,— задумчиво произнес он. — Пожалуй, что это самое удачное время. Лучше всего вам познакомиться с ними во время отдыха — со всеми этими людьми, которые помогают мне править Новой Францией. Карты и немного вина — нужно несколько развлечься после тягот государственных дел, и у нас вошло в обыкновение собираться здесь и за стаканчиком обмениваться всеми слухами и новостями. Люди, которые вершат большие дела, тоже нуждаются в развлечениях, и вы вскоре сами убедитесь в этом в Квебеке.

Он пошел вперед, и, миновав две комнаты, Давид, следовавший за ним, очутился в огромной зале, где сидело множество офицеров, распивая вино и играя в карты. Но Давид не знал того, что здесь собрались самые бессовестные государственные преступники, которые когда-либо играли роль в истории человечества. Целая банда грабителей в крупном масштабе, люди, которые во имя удовлетворения своих низких страстей обманывали страну, люди, которые предпринимали смелые разбойничьи кампании, чтобы еще больше увеличить свои и без того огромные состояния.

Это были те люди, которые готовы во всякое время нанести ножом удар в спину.

Люди, которые истощили Новую Францию, загубили весь цвет ее молодежи и привели процветающую страну к полному разорению, нищете и голоду, пока наконец жители не стали приветствовать англичан как своих освободителей.

Эти люди во главе с Биго сумели уже далеко зайти в своей беззастенчивой игре с мировой картой.

А между тем в Новой Франции никто и не догадывался об их предательстве.

Сам король был другом Биго. А потому Биго являлся символом Франции.

В комнате сидело человек двенадцать. Здесь не было той несравненной роскоши, которая характеризовала личные покои Биго. Тут стоял целый ряд столов, кресел, несколько диванов, на стенах были развешаны редкие картины, а на полу лежали ковры. Все носило на себе следы долголетнего пользования. Полы были в пятнах. Столы и стулья — сильно потертые. Один диван был поломан, огромный канделябр частью вылез из своих креплений в стене.

«Цвет Новой Франции» — так называл Биго эту банду. И здесь в этот вечер собрались Каде, Мерсье, Варен, Брер, Вергор, Канон, Рюго, и, наконец, в одном из углов комнаты сидели Водрей, де Пин и капитан Робино. К ним-то и направился Биго, с радостью отметивший в уме, что его приказ был выполнен с изумительной быстротой и ординарцы не потеряли ни одной минуты.

Де Пин первый увидел приближение Биго и Давида и тотчас же направился им навстречу, выражая всем своим существом удивление и удовольствие. Он схватил обе руки Давида в свои и продолжал крепко пожимать их, пока не подошли Водрей и капитан Робино. На маркизе был великолепный новый парик, и, хотя он не выражал открыто такого восторга при виде Давида, как де Пин, он, тем не менее, радостно приветствовал его.

Лишь Робино несколько озадачил юношу. Капитан улыбался, но было очевидно, что его улыбка вынужденная. Давиду показалось, что этот человек читает у него в сердце. Капитан был невысокого роста, приблизительно средних лет, и на лице у него застыло выражение, какое можно только заметить в жертве вечного злополучия. Лишь случайно несколько дней спустя Давид узнал, что Робино был последним отпрыском воинственного и славного рода, оказавшего неоценимые услуги Новой Франции.

— Вот это счастливое совпадение! — воскликнул де Пин. — Если бы не новый парик маркиза Водрея, то мы вряд ли увидели бы вас сегодня. Маркизу не терпелось поскорее похвастаться своим новым приобретением.

Маркиз благодушно повернулся так, чтобы свет падал прямо на роскошный парик, ниспадавший волнами на плечи.

— Это английские волосы, Давид, — сказал он, и в голосе его звучала гордость. — Воображаю, как они чудесно выглядели на голове женщины, которой они принадлежали. Индейца племени оттава прислали дюжину скальпов в подарок своему «белому отцу за морем». Но мне больше нужен был вот этот скальп, чем королю Луи, и я получил его благодаря тому, что обыграл нашего друга Биго. Как вам нравится, мой юный друг?

— Подумать только — носить на голове женский скальп! — в ужасе воскликнул де Пин. — Лейтенант, какого вы мнения о тщеславии человека, который способен на

подобную вещь? Женщину — да, но волосы, срезанные с ее головы вместе с кожей — бррр!!!

— Вы забываете, мсье мэр,— невозмутиво парировал маркиз,— что в вашем собственном городе есть немало охотников за скальпами, а также немало джентльменов, которые носят на голове «женские скальпы», как вы выражаетесь. Разве это не так, Робио?

— Совершенно верно,— согласился Робио сухим, бездушным голосом.

Давид Рок провел языком по пересохшим губам.

— Скальпирование людей я считаю возмутительным преступлением,— сказал он.— Но это будет продолжаться до тех пор, пока наши губернаторы, а также и английские покупают человеческие волосы. Я хотел бы сказать вам, мсье Водрей, что мне пришлось видеть скальпы французских женщин в форте Вильям-Генри, и один из этих скальпов не уступал в красоте тому, что украшает вашу голову. И мне было бы очень неприятно думать о волосах французской женщины на голове англичанина.

Биго рассмеялся довольным смехом.

— Совершенно верно, лейтенант! — воскликнул он.— И вы тем более правы, что, благодаря возмутительной неудаче, я проиграл маркизу такое сокровище!

После этого Давид был представлен всем присутствующим в зале. Секретарю интенданта Дещено, лукавому человеку, доверенному всех любовных связей своего господина. Генеральному комиссару Каде, который успел награть двадцать миллионов франков и который впоследствии частично расплатился за свои преступления в Бастилии. Генеральному казначею Эмберу, морскому контролеру Бреру и еще несколькими офицерам.

Давид видел перед собой блестящих джентльменов, приветствовавших его как собрата-офицера. Больше всего ему понравился Каде, тот самый Каде, который в скором времени должен был получить на девять лет договор поставки продуктов (по умопомрачительным ценам) для ста двадцати французских фортов и постов. Каде, этот архиплут всех времен, сумевший награть еще больше, чем его господин — Биго! И, как ни странно, он пользовался популярностью в народе как в провинции, так и в городе. Этот человек обладал такой приятной внешностью, что, уплатив шесть миллионов франков штрафа и отбыв срок наказания в Бастилии, он был освобожден; после чего он приобрел великолепное поместье в самой Франции, ссудил

Франции тринадцать миллионов франков, которые он награбил у ее же правительства, и продолжал жить беспечно и преуспевая в той самой стране, которая, отчасти благодаря ему, потеряла заокеанскую империю.

Он произвел на Давида впечатление великодушного, чистосердечного и открытого человека.

— Вы должны возможно чаще навещать меня, мой друг,— сказал Каде и ласково положил руку на плечо Давида.— Я люблю *моих* людей из пограничных лесов, а вы, наверное, так много знаете, что могли бы дать мне драгоценные сведения, и помогли бы мне прийти этим людям на помощь.

Де Пин еле сдержал саркастическую усмешку. Он великолепно знал, что Каде высасывает кровь из *своих* людей, которых он *так* любит.

Час спустя Давид лежал в постели, подобной которой он никогда в своей жизни не видел, и думал о всех переживаниях минувшего дня и ночи. Его последней мыслью было: «Я так и не ужинал сегодня».

* * *

Давид Рок проснулся рано и стал прислушиваться к перезвону колоколов. Он не знал, что этот колокольный звон служит лишь для того, чтобы известить жителей Квебека о предстоящей сегодня публичной экзекуции.

Первая мысль его была об Анне. У него было желание открыть окно, громко закричать от радости и позвать ее к себе. Его Анна находилась недалеко от него, и теперь трагедия прошлой ночи казалась ему такой малозначащей и ничтожной. Анна поняла его и, наверное, простила. И сегодня она еще лучше поймет, как это случилось, что он поцеловал Нанси Лобиньер.

Капитан Робино пришел во дворец завтракать вместе со своим будущим учеником. Давид не увидел в это утро ни Биго, ни кого-либо из его сподвижников. Зато Робино все больше и больше привлекал его к себе. Капитан не был болтлив, но то, что он рассказывал, было интересно.

В это утро инструктор занялся исключительно туалетом юного лейтенанта и водил его к портному, к сапожнику, к ювелиру, к оружейному мастеру и, наконец, предложил проводить к знаменитому мастеру, делавшему парики для самого маркиза Водрейя. Но Давид категорически отказался.

— До тех пор, пока индейцы не сняли моего скальпа, я буду носить собственные волосы. И даже если я лишусь их, то все же удовлетворюсь голым черепом, как у Пьера Кольбера.

Он обратил внимание, что Робино истратил уже на него целое состояние, как ему казалось, и он не преминул выразить свои опасения по этому поводу.

— Пусть это вас не беспокоит,— ответил Робино.— Биго позаботится об уплате за все. Это — не регулярная армия, где каждый может позволить себе лишь то, что разрешают ему его средства. Здесь интендант и губернатор следят за тем, чтобы у джентльменов офицеров ни в чем не было недостатка.

Закончив с покупками, Робино стал показывать Давиду цитадель и форты, и тогда Давид впервые убедился в том, как укреплен этот город.

Несмотря на то, что война между французами и англичанами официально еще не была объявлена, военные действия, выражавшиеся в нападениях друг на друга и в безжалостном истреблении друг друга, проводились уже давно. Поскольку это касалось Америки, Семилетняя война давно уже началась. И Квебек весь бурлил в подготовке к военным действиям и к кровавой драме, которой суждено было изменить мировую карту.

По улицам шли взад и вперед солдаты и офицеры. Даже гражданское население Квебека и то носило сабли. Яркие мундиры, сверкающее оружие и развевающиеся перья индейских вождей встречались на каждом шагу. Никогда еще город не был так богат, ибо огонь, меч и истребление в колониях означали богатство для города. Ни на один день не прекращались балы и званые обеды. Повсюду царил восточная роскошь, и в этот день, когда солнце выглянуло наконец после многих беспросветных дней, жизнь в городе кипела.

Давид Рок глядел на батареи, охранявшие со всех сторон каждый уголок Квебека, на огромные двухтонные орудия, которые могли пустить ядро мили на полторы, на десятидюймовые мортиры, выбрасывавшие двухсотфунтовые ядра на расстояние в пять тысяч ярдов, и теперь он понимал, почему Анна была так уверена, что Квебек всегда сумеет отразить нападение, когда залают английские псы.

Он поделился этой мыслью с Робино, но тот, к великому изумлению юноши, ответил:

— Мы спим глубоким сном, между тем как англичане

бодрствуют. Если мы не очнемся вовремя, то город, который кажется вам неприступным, в скором времени падет.

Давид посмотрел на спокойное, бесстрастное лицо Робино и поверил его словам. «Как странно,— подумал он,— Черный Охотник говорил то же самое».

Был уже полдень, когда Робино, выполняя данные ему инструкции, вернулся со своим учеником во дворец. Здесь Давида ожидал сюрприз.

Когда он вошел в покои Биго, встретившего его так же ласково и, пожалуй, еще приветливее, чем накануне, навстречу ему встала Анна Сен-Дени. Девушка вся сияла. Если накануне ее и терзали горе и сомнения, то сейчас от этого не осталось и следа. Она протянула Давиду обе руки, и по ее глазам юноша понял, что Биго уже передал, как радушно его приняли во дворце. Но Давид обратил внимание, что на этот раз она и не подумала поцеловать его.

Внезапно ему бросилось в глаза, что в одной руке Анна держит ту самую смятую перчатку, которой Биго накануне играл на столе, когда они вдвоем сидели в его кабинете. Ошибки не могло быть — Давид узнал ее и по цвету, и по тому, как скомкал ее в клубок Биго. Он, однако, ничем не выдал той дрожи, которую вызвало в нем это открытие.

Биго смотрел на него и на Анну с благодушием отца, наблюдающего за любимыми детьми. Он ласково прикоснулся к рукаву Давида.

— Я велел накрыть обед только для нас троих. Я привел в ужас настоятельницу монастыря, когда попросил ее снова отпустить со мной мадемуазель Сен-Дени, и только благодаря, я полагаю, заступничеству Анжелы Рошмонтье она не отказала мне в этой милости.

— И также благодаря Давиду,— добавила Анна.— Я столько рассказывала о тебе матушке Мэри, и она сама горит желанием увидеть тебя, Давид.

Лицо Анны светилось нескрываемой радостью в продолжение всей трапезы. Давид заметил, что пока Биго говорил, девушка буквально не спускала с него глаз. Все время в голове юноши звучали слова Пьера Ганьона: «Одна ненавидит Биго, другая безоговорочно доверяет ему. Одна смешивает его имя с грязью, другая — превозносит его до небес».

«Пьер был прав,— думал юноша.— И Нанси Лобиньер тоже. С Анной произошла какая-то разительная перемена с тех пор, как она покинула Ришелье». С ним, с Дави-

дом, она была так же ласкова, как и раньше. Тем не менее молодой человек был рад, когда обед кончился.

Биго встал и сказал, что, к сожалению своему, не может дольше оставаться с ними.

— Меня ждут неотложные дела, которые отнимут у меня целый час. Я думаю, что для вас этот час пройдет быстро, а потом мы сядем в экипаж и поедем кататься.

Он крепко пожал руку Давиду, и его рука несколько дольше, чем это полагалось бы, задержала пальцы Анны. Но он был так отечески ласков и фамильярен и, казалось, так бесконечно заинтересован в счастье этих молодых людей, что ни у кого не могло бы возникнуть каких-либо подозрений. Глаза Анны сияли.

Как только Биго вышел, она тотчас же повернулась к Давиду, словно чего-то ожидая. Даже губы ее, казалось, к чему-то приготовились.

Но Давид Рок не шевельнулся. Он глядел вслед Биго, и девушка подумала в эту минуту, что ее юный возлюбленный вдруг стал выше, старше и сдержаннее. Накануне вечером она всего этого не могла заметить. Как он изменился! Она прижала обе руки к груди и, словно зачарованная, смотрела на Давида, который все еще глядел на дверь, через которую вышел Биго. И в это мгновение ее поразило то, до чего юноша похож на Черного Охотника.

— Давид! — окликнула она его.

Тот медленно повернулся к ней.

— *Давид!*

Юноша улыбнулся... Как страшно похожа была его улыбка на улыбку Черного Охотника в ту лунную ночь на Красной Опушке!

— Прости меня, Анна, — сказал юноша таким спокойным и твердым голосом, что холод проник в душу девушки. — Я думал о том, как отвратительно действует на меня прикосновение руки мсье Биго.

Он и не подумал поцеловать ее, как она того ожидала.

— Я тебя не понимаю, Давид, — прошептала она.

— Я и сам себя не понимаю... вполне. Но я думаю, что скоро пойму, очень скоро.

— Давид, ты должен объяснить мне свои слова. В твоём голосе звучит нечто такое, что пугает меня. Почему ты там стоишь? Почему ты так смотришь на меня? Почему ты не поцелуешь меня, хотя видишь, что я этого жду?

— Потому что я совершенно неожиданно сделал ужасное открытие. И было бы нечестно целовать тебя, когда я

чувствую; что ты, пожалуй, возненавидишь меня, услышав то, что я хочу сказать.

— Боже мой! В чем дело, Давид? Что это значит?

— Ничего особенного! Ничего такого, что я мог бы объяснить тебе сейчас. Но когда Биго вышел за дверь, у меня в ушах раздалось два голоса. Голос мельника Фонблэ и голос Нанси Лобиньер.

— Давид, ты не сошел с ума?

— Нет, я был гораздо ближе к сумасшествию, когда вчера вечером увидел тебя возле монастыря с ним. Когда я слышал твой смех, в котором звучало больше счастья, чем когда-либо...

— Но пойми же, Давид, что я только ради тебя поехала с ним! Я думала только о тебе. Мы поехали к епископу, и у меня в руках был документ о твоём производстве, который привез мне Биго. И я была счастлива, счастлива...

— Я принял все это во внимание, Анна. Мне казалось, что я тоже счастлив, пока не обнаружил в руках Биго ту перчатку, которую ты держишь сейчас.

— Но я случайно оставила ее в экипаже! — воскликнула девушка. — И мсье Биго привез ее сюда.

Ее глаза внезапно загорелись зловещим огнем.

— Давид, ты не веришь мне? Ты меня подозреваешь? Ты готов поверить...

— Я ничему дурному о тебе не могу поверить, Анна. Я скорее потерял бы веру в самого себя.

— В таком случае...

— Голоса, которые я только что услышал...

— О, я знаю, в чем дело! — воскликнула Анна глухим голосом. — Это все из-за интенданта. Его внимание ко мне, его любезность, его...

Она сжала руки и поднесла их к горлу.

— Давид, неужели это возможно? Неужели ты стал слушать завистливые речи его врагов? Врагов единственного человека, готового умереть ради Франции? Человека, у которого нет ни одного нечистого помысла? Который ставит себе единственной целью в жизни наше счастье? Уж не объясняется ли это ядовитым язычком Нанси Лобиньер?

Давид совершенно спокойно смотрел в глаза девушки.

— Нет, — ответил он, — все это объясняется тем, что во мне проснулся какой-то безотчетный инстинкт, который вынуждает меня назвать Биго лжецом, лицемером и тем непревзойденным негодяем, каким считают его враги.

Анна Сен-Дени с ужасе попятилась назад.

— Хотя возможно, что этот инстинкт меня обманыва-

ет,— добавил Давид Рок.— Но если так, Анна, то я в скором времени узнаю это, и тогда на коленях буду молить прощения и у тебя и у него. Но до тех пор...

Анна посмотрела на него долгим взглядом, и глаза ее до такой степени расширились, что Давид умолк и ждал. С побелевших губ девушки сорвалось:

— Давид, как ты похож на *Черного Охотника*.

— Я очень рад этому,— тихо ответил тот

Он не стал рассказывать ей, что заметил, как в ту минуту, когда Биго держал ее руку в своей, в зеркале у дверей отразилось ехидное и лукавое лицо Гюго де Пина, и по выражению этого лица тотчас же понял, в чем заключается секрет Биго.

* * *

Интендант сразу подметил перемену в молодых людях, когда он час спустя вернулся в комнату. Лицо Анны было залито румянцем. Давид был спокоен и бледен. Биго быстро вывел заключение — совершенно ложное: размолвка из-за вчерашней истории с Нанси Лобиньер.

Со свойственным ему тактом Биго сделал вид, будто ничего не замечает, и передал Давиду, что Пьер Ганьон просит его разделить с ним его покои, в которых хватит места для обоих. Одновременно с этим Биго подал Анне огромную красную розу. Парниковые цветы были величайшей редкостью в Квебеке, и такое подношение могло бы доставить удовольствие даже мадам Помпадур.

Анна пуще прежнего залилась румянцем и дрожащим голосом поблагодарила интенданта.

Они сели в экипаж, но, к изумлению Биго, Анна попросила отвезти ее назад в монастырь. В лице Биго впервые отразилось разочарование, и он не скрыл этого, когда спросил голосом, в котором звучало искреннее огорчение:

— Неужели вы намерены испортить нашу маленькую прогулку, Анна?

— Мне очень жаль, но я хочу вернуться в монастырь.

Давид не проронил ни слова. Он продолжал глядеть прямо перед собой. Биго не стал его тревожить; про себя он подумал, что эта размолвка между Анной и ее возлюбленным тоже ему на руку.

Давид помог Анне сойти с экипажа, как он сотни раз помогал ей выходить из лодки. Но на этот раз она не пожала нежно его руку, как всегда делала это раньше, а лишь

прикоснулась кончиками пальцев. И сам Давид не намеревался добиваться большего. Он низко поклонился ей, улыбнулся и пожелал всего доброго, и опять в уме девушки мелькнула мысль, что рядом с ней с одинаковым успехом мог бы стоять Черный Охотник, до того похожи были друг на друга эти два человека.

Перед тем, как оставить мужчин, Анна ласково улыбнулась интенданту:

— Я буду хранить эту розу, как сокровище, мсье интендант.

Биго самодовольно улыбался, когда экипаж повернул назад.

— Не стоит так огорчаться, Давид,— утешил он юношу.— В том, что вы поцеловали Нанси Лобиньер, нет никакого преступления, и я не думаю, чтобы Анна долго помнила об этом. Ах уж эти женщины!

Когда они подъезжали к Лобной площади, где высился помост, всегда готовый для экзекуции, Биго стал рассказывать Давиду историю палача Жана Ратье. Казалось, он нисколько не огорчен тем, что Анна Сен-Дени расстроила его план приятного катания по городу.

— Жан Ратье убил одну девушку, и его судили и приговорили к повешению, причем предварительно ему должны были переломить руки и ноги железным ломом. Но внезапно умер палач, и некому было привести приговор в исполнение. Тогда осужденному было предложено занять завидное место палача, и он, конечно, согласился. Но это еще не все. И не это *забавно!* — уверял его Биго.— Немного спустя жена и дочь Жана Ратье были пойманы с поличным в качестве соучастников грабежа. Дочь, как несовершеннолетняя, была приговорена к порке, но экзекуция должна была происходить «частным образом» в монастыре. Что же касается жены палача, то она должна была быть подвергнута наказанию публично. И шутка состояла в том, что палач Ратье вынужден был запороть свою собственную жену. И когда он кончил свое дело, та была почти мертва. Сегодня,— закончил Биго,— будет происходить экзекуция некоего Карбанака, которого будет пороть негр.

Когда они подъезжали к рынку в Верхнем городе, на встречу им шла уже огромная толпа людей.

— О, Карбанак,— спокойным голосом заметил Биго.

Давиду казалось, что он никогда в жизни не забудет этой жуткой сцены. Огромный вол лениво тянул телегу, к которой был привязан высокий светловолосый человек

геркулесовского сложения. Он шел, высоко подняв голову, стиснув зубы, и ни разу стон не вырвался из его груди. А страшная плеть то и дело опускалась на его обнаженную спину и резала кожу на полосы.

Но когда осужденный проходил мимо экипажа, он встретился взглядом с интендантом и его губы открылись, глаза метнули пламя, и он произнес тихо:

— Ты! Убийца!.. Подлец!..

Голос звучал спокойно, но он хлестал, как плеть. Эти слова предназначались только для интенданта. Карбанак вовсе не желал, чтобы толпа его слышала.

А в следующее мгновенье экипаж проехал мимо, и Бигго лицемерно вздохнул и произнес:

— Неприятное зрелище, Давид. Но ничего не поделаешь. Это — самая мягкая мера наказания, какую только оставляет нам закон.

Он подвез Давида к дому Пьера Ганьона и распрощался с ним. А когда экипаж стал удаляться, Давид посмотрел вслед интенданту и почувствовал, что в душе у него подымается чувство неизбывной ненависти к этому человеку. Теперь он уж больше не сомневался.

Давид вошел в дом Пьера Ганьона, задержался лишь на несколько секунд в длинном коридоре, тотчас же вышел обратно и догнал толпу, сопровождавшую экзекуцию. Как раз в это время негр закончил свою жуткую работу, развязал руки Карбанак и подал ему его куртку и сорочку.

Не говоря ни слова, Карбанак накинул куртку на плечи, а сорочку свернул и положил под мышку. Ни один стон не сорвался с его губ, но Давид заметил, что он покачивается. Толпа, привыкшая к подобным зрелищам, успела уже разойтись во все стороны, и только несколько мальчиков шло еще следом за Карбанаком.

Давид Рок тоже пошел следом за ним.

Он обождал, пока не отстал наконец последний из мальчишек, и тогда перегнал Карбанака.

— Друг! — окликнул он его.

Карбанак круто повернулся. При виде костюма Давида, выдававшего в нем жителя пограничных лесов, и теплого сочувствия на его лице злоба, вспыхнувшая было в душе несчастного, тотчас же улеглась.

— Я присутствовал при экзекуции, — спокойно сказал юноша. — Меня зовут Давид Рок, и если вы будете нуждаться в друге, то вы найдете меня в доме номер одиннад-

цать на улице Святой Урсулы. Я слышал то, что вы сказали интенданту, когда он проезжал. Почему вы это сказали?

Карбанак сжал в кулаки свои огромные руки.

— Почему? — Он засмеялся бешеным хохотом. — Потому что он и Николет, богатый купец и друг интенданта, украли мою молодую жену! Я встретил Николета на улице и пригрозил ему; тогда они возвели на меня облыжное обвинение в краже бутылки вина, выставили подкупных свидетелей — и вот результат.

Давид схватил его руку и крепко пожал ее.

— Если вы будете нуждаться в друге, — повторил он, — вы найдете меня у мсье Пьера Ганьона, номер одиннадцать, улица Святой Урсулы. А пока что возьмите вот это и позаботьтесь, чтобы кто-нибудь перевязал вам спину.

Карбанак изумленно глядел на свою огромную ладонь, на которой лежало больше денег, чем он когда-либо видел. Давид тотчас же оставил его и только однажды повернулся и приветливо кивнул ему головой. Он спешил к дому Пьера Ганьона, где теперь был его собственный дом...

«Надолго ли?» — спрашивал он себя. В нем зародилось сильное желание пуститься немедленно назад к реке Ришелье. Теперь уже его подозрения относительно замыслов Биго превратились в полную уверенность. Биго, который сулил ему богатство и славу, который сумел завоевать веру и любовь Анны Сен-Дени, которого последняя считала безукоризненным джентльменом и честным патриотом, действительно был тем негодяем, каким его считали враги.

Пьера Ганьона не было дома, когда Давид Рок вошел в его комнату. Юноша быстрыми шагами ходил взад и вперед по огромной комнате, пока наконец не устал. В груди у него горел огонь, который буквально пожирал его. Он принял твердое и определенное решение, изгнавшее зародившееся было желание вернуться на реку Ришелье.

Если Биго действительно таков, каким он считает его, если он обманывает Анну Сен-Дени, *его* Анну, если правда то, что говорили Пьер и Нанси, если он способен на то, что сейчас рассказывал ему Карбанак, — в таком случае он, Давид Рок, будет трусом, если сейчас убежит.

Это будет поступком, которого стыдился бы Черный Охотник.

Бешеная злоба охватила душу молодого охотника, одновременно в нем проснулись инстинкт лесного жителя и вместе с тем досада на Анну за ту роль, которую она играла. Она выбирала между ним и интендантом и предпочла отдать свое доверие последнему.

Он почти не сознавал, что держит в руках какой-то сверток бумаги, взятый со стола. Это был документ о его производстве, написанный на пергаменте, перевязанном синей ленточкой. Давид развязал ленточку и горящими глазами прочел о своем производстве в лейтенанты.

Очевидно, Анна прислала этот документ с посыльным. От себя она не написала ни одной строчки. В руках Давида не было ничего, кроме пергаamenta, который шуршал, подобно сухим листьям. Сердце юноши бешено колотилось. Он швырнул пергамент на стол, словно в нем было что-то омерзительное...

Интендант Биго сдержал свое обещание. *Почему?*

Завтра, послезавтра — когда-нибудь он узнает причину этого, даже если ему придется отдать за это жизнь... и Анну.

Он очень обрадовался, когда услышал в коридоре шаги Пьера Ганьона.

Пьер вошел и, не произнося ни слова, крепко пожал руку своего друга. Затем он подошел к стене, снял пистолет, которым он накануне размахивал перед носом Давида, и положил его на стол.

Когда он снова посмотрел на Давида, последний заметил в его глазах бешеный огонь.

— Я нашел *того* человека, — сказал Пьер. — Сегодня в четыре часа мы будем драться в лесу Сен-Рош.

Г л а в а V

ЗАПАДНЯ

Слова Пьера не вызвали в его друге ни тревоги, ни испуга. Если бы Пьер сказал: «Ты будешь драться сегодня в четыре часа дня», Давид остался бы так же спокоен. Он готов был драться с кем угодно. Черный Охотник однажды говорил ему, что у каждого человека бывают минуты, когда он страстно желает драться. И это желание проснулось сейчас в груди Давида. И поединок Пьера был его поединком.

Пьер открыл ящик и достал оттуда пулю, порох и пыж.

— Я очень рад, что ты здесь, Давид, — сказал он. — Я уже опасался было, что мне придется искать себе секунданта в кофейне. У меня произошла ужасная ссора с Нанси.

— Кто *этот* человек? — спросил Давид.

— Не знаю, и мне дела нет до этого. Только бы он умел стрелять, потому что я твердо решил убить его, и я

не хочу, чтобы меня после мучила совесть. Я всей душой желал бы, чтобы это был капитан Талон.

Впервые за все время Давид Рок обнаружил изумление, и Пьер Ганьон расхохотался, глядя на него. Внезапно он увидел пергамент с производством Давида.

— А, вот это оно и есть? Поздравляю, Давид! Я говорил тебе, что Биго сдержит слово, хотя он и большой негодяй; надо отдать справедливость нашей Анне — она молодец. Право же, ты счастливец!

Давид не стал ничего говорить. Он не спускал глаз с Пьера, готовившего патроны.

— Кто *этот* человек, с которым ты будешь драться? — снова спросил он.

— Я только могу сказать тебе, что он будет лежать в гробу сегодня вечером, — уверенным тоном ответил Пьер. — Я дал слово Нанси, что сделаю это. Мы с ней ужасно поссорились, я никогда не подозревал, что женщина может прийти в такую ярость. Она назвала меня величайшим трусом, когда-либо существовавшим на земле, и сказала, что когда я стану лицом к лицу с моим соперником, то испугаюсь, уроню пистолет и даже не стану стрелять. Вот почему я начинаю верить, что это и есть капитан Талон. Он считается лучшим стрелком во всей провинции, и он хвастает, что никогда еще в жизни не промахнулся. Ну что же, я тоже не помню, чтобы я когда-нибудь промахнулся.

Он кончил заряжать пистолет и начал беспечно насвистывать.

— Но если ты не знаешь, кто это, как же ты будешь драться с ним?

— Нанси поручилась мне, что он будет ждать меня в четыре часа. О, как она была взбешена! Она призналась мне, что целовала его не один раз, а тысячу, и сказала, что вполне уверена в его победе, равно как и в моей трусости, и заставила меня дать ей странный обет. До чего только может довести женщину озлобление! Если я откажусь стрелять, то должен дать торжественное обещание никогда больше не драться на дуэли. Можешь ты себе представить подобную вещь, когда весь мир знает, что я охотнее откажусь от еды, чем от удовольствия обменяться выстрелами.

Давид молчал. Мало-помалу в сердце его стал закрадываться страх за своего друга. Он тихо произнес:

— Питер Джоэль часто говорил мне, что человек не

должен ничего делать под влиянием минутной вспышки. И я верю ему. Если бы ты обождал до завтра...

— ... и стал бы посмешищем всего города, не так ли? — огрызнулся Пьер.— Чтобы Нанси пальцем стала указывать на меня на улице? Ба! Где она, пресловутая храбрость ваших лесов, о которой ты столько рассказывал мне?!

Пьер встал и вместе со своим другом вышел на улицу. По дороге он не переставал шутить, между тем как Давид испытывал все больший и больший страх в душе.

Наконец они миновали город, вошли в лес и через несколько минут вышли на опушку, хорошо знакомую Пьеру, который не раз бывал уже здесь и в качестве дуэлянта и в качестве секунданта. Было без пяти четыре: Пьер никогда не являлся ни раньше, ни позже.

Внезапно Давид услышал веселые голоса и смех. «Наверное, случайные прохожие,— подумал он.— Не может быть, чтобы люди смеясь шли на кровавый поединок». Он отчасти обрадовался этому: дуэль будет хотя бы на некоторое время отсрочена из-за присутствия чужих.

Давид посмотрел на своего друга, и в то же время он снова услышал веселый хохот. Пьер нахмурил брови.

— Я узнаю смех доктора Куэ,— сказал он.— Он большой любитель поединков, но сдается мне, что он проявляет слишком много дружеского расположения к моему противнику. Ну что же, я в скором времени доставлю ему работу.

В это время на опушку вышло из лесу четверо людей. Двое остановились, а двое направились к Пьеру и Давиду.

Один из них, человек маленького роста и худощавый, весело улыбался. Давид невольно вспомнил старого мельника Фонблэ. В руках у маленького человека был ящик с хирургическими инструментами, и Пьер представил его Давиду, назвав доктором Куэ. Вместе с ним был секундант противника, человек средних лет, с чисто военной выправкой.

Пьер как бы случайно посмотрел на двух других мужчин, остановившихся у опушки. Они стояли шагах в пятидесяти от него. Оба были в длинных плащах и с черными масками на лицах. Легкая дрожь прошла по спине Давида Рока. Особенно не понравился ему более высокий, который, подумал он, вероятно, и окажется противником Пьера. В нем было столько достоинства и в то же время столько самоуверенности, что сразу видно было человека, не привыкшего шутить.

Его спутник был невысокого роста и почти юношеского сложения. Но в его осанке тоже было столько гордости

и спокойствия, что невольно забывался его маленький рост.

Полковник Ташеро, секундант противника, прикоснулся к руке Давида.

— Прошу прощения, лейтенант Рок,— холодно начал он.— Солнце начинает заходить, и нам нужно торопиться, а потому давайте скорее обсудим детали. Вы, конечно, знаете, что мой друг, как сторона, которой был брошен вызов, имеет право выбора оружия, а также ему предоставляется право назначить расстояние и выбрать форму поединка. Мы решили драться на пистолетах, расстояние — десять шагов. И, кроме того, мой друг будет драться инкогнито, не снимая маски, к чему его вынуждает высокое положение в обществе.

— Бойтся снять маску! — прошипел сквозь зубы Пьер Ганьон.— Одно оскорбление за другим!

Полковник Ташеро ничем не показал, что слышал его замечание, и спокойно продолжал:

— Противники будут стоять лицом друг к другу. Мы будем считать до трех с промежутком в пять секунд после каждого счета. При команде «три» противники могут стрелять. Я полагаю, что это все. Вы готовы, джентльмены?

Давид не в состоянии был выжать из себя слова. И Пьер ответил за него:

— Мы готовы, полковник.

Давид чувствовал какую-то ноющую боль в груди; это было еще хуже, чем экзекуция. Если бы только это был не Пьер... Лучше бы он сам, Давид Рок!

Полковник Ташеро в это время отмерил расстояние, тщательно обозначив обе черты. Доктор Куэ опустился на колени и стал приводить в порядок инструменты. Ташеро поднял руку, и более высокий из двух мужчин, стоявших у опушки, направился к своему противнику. Давид посмотрел на своего друга и, к изумлению своему, увидел довольную улыбку на его губах. Пьер даже почти смеялся, когда занял свое место и взял пистолет из рук Давида.

— Когда он будет мертв, мы увидим, кто скрывается за его маской,— сказал он.

Давид отступил назад и стал рядом с полковником Ташеро, стоявшим наготове с часами в руках.

— Готовы, джентльмены?

— Готовы,— ответило два голоса.

— Хорошо. Начинаем! *Раз!*

«Тик-тик-тик» — слышал Давид, как отстукивали часы

в руке Ташеро, и вместе с тем он слышал, как неистово билось его собственное сердце.

— *Два!*

Одновременно с этим счетом высокий человек поднял руку и сорвал маску с лица. Тем же движением он сбросил с себя плащ и шляпу. Все это произошло в две-три секунды.

— Теперь, мсье, вы можете увидеть мое лицо! — воскликнул он.

Давид, совершенно ошеломленный, глядел на своего друга. Казалось, Пьер Ганьон потерял способность мыслить, говорить и двигаться. Его нижняя челюсть повисла, рот широко открылся, глаза, казалось, вот-вот выскочат из орбит, а пистолет висел в безжизненно опустившейся руке.

— *Три!*

Это слово, словно пушечный выстрел, раздалось в ушах Давида. Пьер все еще стоял не шевелясь, и его лицо, которое несколько секунд тому назад улыбалось, сейчас было мертвенно-бледно и выражало дикий ужас. «Он сейчас будет убит!» — подумал Давид и, не отдавая себе отчета в своем поступке, кинулся между дуэлянтами.

И в это мгновение он увидел, что пистолет выпал из безжизненных пальцев Пьера, который повернулся и, как предсказывала Нанси Лобиньер, направился к лесу, все ускоряя шаг, и, наконец, бросился бежать без оглядки.

Давид Рок переводил глаза с одного из присутствующих на другого. Высокий мужчина, сорвавший с себя маску, глядел на него и улыбался. Доктор Куэ посмеивался и кудахтал, как курица. Даже суровое лицо полковника Ташеро озарилось улыбкой.

Противник Пьера протянул руку Давиду и просто сказал:

— Я — отец Нанси Лобиньер. Надеюсь, вы не будете очень сердиться на нас за то, что мы сыграли такую шутку с вашим другом. Он горел желанием убить человека, которого столько раз целовала моя дочь. Это я и есть. Прошу вас, простите нам нашу невинную шутку.

— Я бесконечно рад, что это так кончилось, — ответил Давид.

Он случайно посмотрел туда, где стоял у опушки второй человек в маске, и заметил, что тот машет ему рукой. Давид подумал, что это не относится к нему. Он понятия не имел о том, кто этот незнакомец; а пока он стоял в нерешительности, тот повернулся кругом, вошел в лес и скрылся из глаз.

Мсье Лобиньер еще раз извинился перед Давидом. И он и полковник Ташеро весело смеялись.

— Я вряд ли гожусь в качестве секунданта,— сказал Давид.— Я совершенно забыл о своих обязанностях, а потому, если вы простите меня, я постараюсь догнать мсье Ганьона.

Он быстрыми шагами пустился в лес, но едва прошел шагов двадцать, как из-за кустов выскочила чья-то фигура и подбежала к нему. Это был тот молодой человек, который раньше махал ему рукой.

И тут перед глазами Давида Рока разыгралась самая удивительная часть необычайной сцены. Незнакомец сбросил с себя плащ, сорвал маску и шляпу, и по плечам его рассыпались золотистые волосы.

— Нанси! — воскликнул Давид.

Девушка была бледна как мел и вся дрожала, но в то же время она улыбалась и сияющим взором глядела на Давида.

— Я еще никогда в жизни не испытывала такого испуга,— сказала она, и в ее голосе послышалось рыдание. Она протянула руку Давиду, словно нуждаясь в опоре.— Я не думала, что они зайдут так далеко в своей шутке. Я просила отца снять маску, как только он станет лицом к лицу с Пьером, а он ждал, пока Ташеро не произнесет этого страшного «два». Я чуть было не закричала! Но каким молодцом вел себя Пьер, правда? Пока он не увидел, что это мой отец.

Не дожидаясь ответа, она быстро добавила:

— Пойдемте скорее, Давид. Вы мне нужны.

* * *

Юноша последовал за ней, и вскоре они вышли на дорогу, где ждали два экипажа. Нанси села в один из них, и Давид сел рядом с ней. И только тогда молодой охотник вздохнул свободно и сам тоже рассмеялся.

— Бедный Давид! — заметила Нанси.— Вы, наверное, не меньше меня испугались.

— Да, вы правы.

— А Пьер! — восторженно воскликнула Нанси.— Подумайте только, он стоял и улыбался, когда даже самые храбрые люди бледнеют в таких случаях. О, как это было красиво! Я знаю, что он будет долго злиться на меня, но я одержала победу. Я знаю, что Пьер сдержит свое слово и

никогда больше не будет драться на дуэли. Я так ненавижу эти поединки.

— Он говорил мне про данный вам обет.

— И он сдержит его! Потому-то я и люблю его.

Заметив, что Давид смотрит на нее с недоумением, Нанси призналась:

— Да, это правда, Давид, я люблю его. И я хочу, чтобы вы так передали Пьеру. Скажите ему, что я давно уже люблю его, но этого мало,— я должна питать также уважение к любимому, и я не могла бы уважать человека, который живет только для того, чтобы драться на дуэли и бездельничать. И вы можете еще подтвердить ему, что вы, мой отец и Пьер — единственные мужчины, которых я когда-либо целовала. Я сейчас так счастлива, что почти готова еще раз расцеловать вас, Давид.

— Один поцелуй уже чуть не погубил меня,— с суровой усмешкой сказал Давид.— Но я сейчас в таком отчаянии, Нанси, что, пожалуй, рискнул бы еще на один.

Нанси весело расхохоталась.

— О, вы в скором времени будете самым интересным кавалером в Квебеке, Давид! Вы делаете большие успехи.

— Только назад,— заметил Давид и тотчас же поведал ей обо всем, что произошло между ним и Анной, и о своих подозрениях касательно Биго.

— Я день и ночь не переставала молить судьбу, чтобы у вас наконец открылись глаза, пока еще не поздно,— ответила Нанси, выслушав его, и лицо ее приняло напряженное выражение.— Давид, теперь, когда вы угадали часть этой тайны, я хочу изложить вам всю правду, как бы это ни было больно. Я боюсь за Анну. Она слишком любит Новую Францию, и ничто не сможет поколебать ее веры в Биго, пока она смотрит на него как на полубога, которому суждено вести Новую Францию к победе и славе. Биго — чудовище, его порочности нет границ. Я могла бы еще понять его отношение к Анне. Но мне никак не постичь, чем объясняется его очевидный интерес к вам, Давид. Вот тайна, которую вы должны разрешить, и я убеждена, что вы это сделаете. Но за Анну, повторяю, я боюсь. Она любит вас, я это знаю. Но Биго умеет оказывать влияние на людей, и влияние его всегда было роковым. Вы не сердитесь на меня, Давид, за то, что я вам это говорю?

— Нет,— ответил юноша, становясь еще бледнее.— Ваши слова лишь служат подкреплением зародившихся во мне подозрений.

Экипаж подъехал к дому Лобиньер.

— Я надеюсь, что вы... вы не собираетесь уйти обратно к Ришелье? — с тревогой в голосе спросила Нанси.

— Нет. Этого я никогда не сделаю.

— Я очень рада этому. Я хочу выдать вам маленький секрет Пьера, Давид. Он настаивал на вашем приезде в Квебек не ради вас, а ради Анны.

— Вы думаете...

— Я ничего не думаю. Я не смею ничего думать, разве только, что считаю Биго лжецом и лицемером и что я не могу понять причины его расположения к вам. Я рада, что вы не собираетесь бежать с поля битвы. Анна нуждается в вас, и в скором времени она убедится в этом. Не зайдете ли вы к нам? Скоро вернется мой отец.

— Я хочу скорее разыскать Пьера Ганьона, — ответил Давид, делая попытку улыбнуться. — Нельзя надолго откладывать ту миссию, которую вы возложили на меня.

— И вы будете часто навещать меня, Давид?

— Да, — решительно ответил тот.

Юноша поспешил на улицу Святой Урсулы и там обнаружил гостя, опередившего его. Это был Карбанак.

Его с трудом можно было узнать. Лицо гиганта было покрыто грязью, на голове не было шляпы, и густые волосы космами спадали на глаза. Рот был открыт, губы совершенно бескровны, глаза блуждали, а огромные руки судорожно цеплялись за ручки кресла, в котором он сидел, весь съежившись, словно загнанный зверь.

Давид закрыл за собой дверь и приблизился к нему. Карбанак сделал усилие над собой и встал, но улыбка, которой он хотел приветствовать Давида, придала его лицу еще более страшное выражение.

— Я пришел по вашему приглашению, — начал он, с трудом выжимая из себя слова. — Вы велели мне прийти, если я буду нуждаться в друге. Когда вы оставили меня, я отправился домой и там нашел Николета у моей жены. Пока меня истязали на улице, он был с нею. Я захватил их врасплох — мою жену, которая была честной и преданной женщиной, пока Биго и этот купец не развратили ее, и...

Руки Карбанака судорожно сжались в кулаки. Он поднял их к Давиду, раскрыл их и показал ему залитые кровью пальцы.

— Я не успел смыть кровь, — прошептал он, — я убил Николета — вот так!..

Давид Рок слушал его и от ужаса и изумления не в состоянии был произнести ни одного слова.

— Весь город гонится за мной по пятам,— продолжал Карбанак.— В последнюю минуту, когда я уже потерял было всякую надежду и считал себя погибшим, я подумал про вас и вспомнил ваши слова. Никто не видел, как я забрался сюда через окошко, которое вы оставили открытым. Что вы намерены сделать со мной?

Раньше, чем Давид успел ответить, открылась дверь и вошел Пьер Ганьон.

Двадцать минут спустя Карбанак был спрятан в глубине чулана, в котором хранилась старая мебель.

* * *

Присутствие Карбанака, его горькая и жуткая повесть, то обстоятельство, что он теперь скрывается от закона, и даже сознание, что весь город ищет его,— все это несколько не встревожило Пьера Ганьона, на лице которого по-прежнему были написаны грусть и безнадежность.

— Несчастный человек,— сказал он, подразумевая Карбанака.— Я вполне понимаю, что он должен переживать. У него так же безнадежно на душе, как у меня. Стоит ему только выйти отсюда, и его ждут пытки и петля... что, впрочем, я и сам предпочел бы, чем находиться в моем положении.

— Я тебя не понимаю,— сказал Давид.

— Не понимаешь? В таком случае позволь тебе сказать следующее: с тех пор, как белый человек поселился на берегу этой реки, ни над одним джентльменом не сыграли еще такой шутки, как сегодня надо мной. Завтра я стану всеобщим посмешищем во всей провинции. Подумай только, обманут и обещен одной и той же женщиной — Нанси Лобиньер!

— Нанси совершенно иначе смотрела на это,— задумчиво произнес Давид Рок.

Пьер Ганьон метнул в него молниеносный взгляд.

— Почему ты знаешь?

— Я провожал ее в ее экипаже после... дуэли. Она и была тем молодым человеком, который стоял у опушки леса.

— Что-о-о! — воскликнул Пьер.

— Да,— подтвердил Давид.— И она чрезвычайно горда твоим поведением. И она была счастлива, когда все это кончилось. Нанси сказала мне, что теперь убеждена, что ты никогда в жизни не будешь больше драться на дуэли и

сдержишь свое слово джентльмена. И потому, сказала она, она тебя любит.

— Она что?

— Тебя любит,— спокойно повторил Давид.— Она так и сказала мне: передайте ему, что я давно уже люблю его, но, помимо любви, я должна также питать уважение к любимому, а я не могла бы уважать человека, который живет праздно и занимается только поединками. Вот ее подлинные слова.

Пьер Ганьон подошел к окну, выходящему на улицу. Он отвернул лицо от Давида, выглянул сперва на улицу, а затем произнес:

— Давид, возможно ли, что ты бы стал искажать слова Нанси, чтобы доставить мне удовольствие?

— Даю тебе слово, что я повторяю ее слова.

Пьер все еще стоял, отвернувшись от него, и глядел на улицу.

— На улице полно народу,— тихо произнес он.— Надо полагать, что ищут Карбанака.

— Я убежден, что Нанси будет счастлива, если ты наве­стишь ее сегодня,— продолжал Давид.— Эта ярость с ее стороны, о которой ты рассказывал, и дикая ссора между вами — все это было разыграно ею как часть замысла. И то, что она сказала тебе о поцелуях, тоже правда. Ее отец и я...

— Ты обратил, Давид, внимание на руки Карбанака? — спросил Пьер, словно он и не слышал того, что говорил ему друг — Мне кажется, что у него типичные руки лодочника.

— Да, пожалуй,— согласился Давид, озадаченный странным оборотом разговора.— Он рассказывал мне, что на лодке забирался в глубь страны и скупал меха у индейцев оттава.

— Было бы чудесно иметь его с собой в лодке,— словно обращаясь к самому себе, продолжал Пьер Ганьон.— Как жаль, что такой человек должен пропадать здесь. Ты знаешь, что ждет его, если его найдут здесь, спрятанным у меня?

— Могу только догадываться,— ответил Давид.

— Мы все трое будем повешены. Таков закон. Можешь вообразить — Пьер Ганьон и лейтенант Давид Рок висят на Лобной площади в Нижнем городе. А Нанси Лобиньер и Анна Сен-Дени стоят и глядят на это зрелище. Но все же я надеюсь, что до того, как нас будут вешать...

— Да? — спросил Давид, видя, что его друг умолк.

— ...до того произойдет еще много удивительных вещей, мой друг.

Пьер Ганьон повернулся к Давиду. На лице его уже не было прежней тревоги, напряжения и выражения безнадежности. Полный покой озарял его черты, и вместе с тем Давид заметил какое-то необычное для этого избалованного красавца выражение решимости.

— Если ты простишь меня, то я на время оставлю тебя, — сказал Пьер, и, когда он ушел, Давид подумал, что его друг спешит повидаться с Нанси.

Давид отправился в ближайшую харчевню и там достал кой-чего съестного для Карбанака. Повсюду вокруг себя он слышал разговоры об убийстве купца Николета.

Пока Карбанак ел, Давид успел поговорить с ним относительно пограничных лесов на реке Ришелье, и оказалось, что тому эта местность хорошо знакома. Покончив с едой, Карбанак снова спрятался в чулане. Давид взял в руки одну из книг Пьера, пытаясь заняться чтением, но как ни старался он отогнать навязчивые мысли, он ни на секунду не переставал думать об Анне.

Пьер вернулся довольно поздно, и вид у него был очень усталый.

— Ты видел Нанси? — первым делом спросил его Давид.

— Нет, я был страшно занят. Я приготовил маленький сюрприз для Нанси. Я убежден, что он понравится ей. Но пока что ты не должен меня расспрашивать.

Пьер сел за стол и принялся писать письмо. Давид глядел на него и думал, что его друг никогда не кончит писать. Было уже за полночь, когда они разошлись по своим комнатам и легли спать. Давид уснул, спрашивая себя, что они будут делать с Карбанакком.

Утром Давид оделся и стал дожидаться появления Пьера. Но тот не показывался. Тогда Давид отправился к нему в комнату и, к великому изумлению своему, обнаружил, что постель Пьера оставалась нетронутой, — было очевидно, что он не ложился в нее. Пьера самого тоже не было.

Давид отправился к чулану, в котором был спрятан Карбанак... Того тоже не оказалось.

Совершенно озадаченный, он вошел в гостиную, и там черный слуга подал ему письмо.

«Дорогой друг» — начиналось письмо Пьера, заняв-

шее три полных страницы. И Давид узнал, что Пьер ушел, взяв Карбанака с собой, вычернив его предварительно «под негра».

«Ты можешь пользоваться моим домом, сколько тебе будет угодно,— читал он дальше.— Я никогда больше не вернусь. Если мне когда-нибудь случится быть в Квебеке, то лишь в качестве гостя. Я покидаю Квебек, не повидав Нанси, потому что в полной степени отдал себе отчет в том, каким ничтожеством я был до сих пор. Я был слеп, как крот, глуп и ни к чему не пригоден, и я не стою того, чтобы она обращала на меня хотя бы каплю внимания,— пока у меня не будет такая же талия, как у тебя, пока не закалятся мои мускулы, пока мое лицо не загорит, как у тебя. Я люблю Нанси всей любовью, на какую только я способен, и я стараюсь поверить тому, что ты говорил мне,— что она меня любит. Я поставил себе целью организовать отряд независимых воинов на реке Ришелье, чтобы быть готовым принять участие в великой борьбе, которая уже не за горами. И в этой борьбе я надеюсь завоевать уважение Нанси. Как я ей благодарен за то, что она сумела разбудить во мне уснувшее достоинство!»

Давид Рок долго сидел и с наслаждением снова и снова перечитывал письмо. Слова Пьера влили еще больше решимости в его собственную душу. Он принял твердое решение — такое же твердое, как решение Пьера. Он останется здесь и до последней капли крови будет защищать свою Анну. Чем ближе она будет к Биго, чем теснее он, Давид, окажется затянутым в сети, которые раскинул интендант, тем больше сведений будет он получать.

О том, что ему лично могла грозить опасность, юноша и не задумывался.

Вернувшись домой после завтрака в кофейне неподалеку от дома Ганьона, Давид, в ожидании капитана Робино, первым делом написал Пьеру подробное письмо. Он не упоминал, конечно, в письме про Карбанака, но о своих намерениях писал подробно, как и о многих других вещах, которые он подозревал и в которых был уверен.

Робино явился ровно в десять и до часу проводил первый урок военного обучения. После перерыва на завтрак он занимался с ним фехтованием. Робино был неумолим в своих требованиях, и все в нем выдавало человека, чрезвычайно бережно относящегося к своим обязанностям. Он все больше и больше нравился Давиду, который между прочим спросил его, не знает ли он, как отправить воз-

можно скорее письмо в Ришелье. Робино ответил, что вечером отправляется почта, и он позаботится о том, чтобы письмо Давида пошло по назначению.

Несколько часов спустя Биго читал это письмо. Оно доставило огромное удовлетворение интенданту, и тот горячо благодарил капитана Робино, который принес ему это письмо. Интендант приказал снять копию, а оригинал снова запечатать и отправить по назначению.

— Даже такая мелочь, как это письмо, капитан,— сказал Биго, покончив с этим делом,— в значительной степени облегчает ваши обязательства по отношению ко мне.

Робино ничего не ответил и лишь холодно поклонился.

В течение всего дня Давид нетерпеливо дожидался какой-нибудь весточки от Анны, но весточка не приходила. Зато ему принесли письмо от Нанси, веселой и счастливой Нанси, в котором та сообщала, что получила подробное письмо от Пьера и очень просит Давида прийти поужинать вместе с ней и ее отцом.

Давид не задумаваясь принял приглашение. Его встретила Нанси, сияющая и радостная. Ее голос слегка дрожал, когда речь заходила о Пьере Ганьоне. Она очень боялась, как бы Пьер не забрел слишком далеко в земли индейцев.

Взяв с нее слово никогда не рассказывать об этом Пьеру, Давид дал ей прочесть письмо, которое последний оставил ему перед отъездом.

Слезы выступили на глазах Нанси, когда она кончила читать.

— Милый Пьер,— прошептала она.— Пройдет много времени, раньше чем я его снова увижу, и все же я рада, что он уехал.

Мсье Лобиньер, который предпочитал, чтобы люди забывали о его баронском титуле, принял Давида как родного сына и также как равного. Этот высокий, красивый джентльмен, глава Общества Честных Людей, предки которого начали строительство Новой Франции под предводительством славного Талона, произвел на Давида более глубокое впечатление, чем кто-либо до сих пор. Между ним и старым джентльменом тотчас же возникло чувство доверия и взаимного уважения. Давид стал рассказывать ему про Ришелье, про земли, лежащие на юге, про английские форты, про индейцев, а мсье Лобиньер упивался каждым словом молодого охотника. А затем он в свою очередь принялся рассказывать Давиду про Квебек, прави-

тельство, политику, о слабых сторонах города и о тех людях, которые навлекают на Новую Францию опасность.

Когда зашла речь о капитане Робино, дымка грусти прошла по лицу старого джентльмена, и он тихо заметил:

— Никак не могу понять, по какой причине Робино яхшается с интендантом и его друзьями. Вы должны знать, что Робино — лучший военный эксперт во всей Новой Франции и даже лучше знаком с условиями этой страны, чем вы и я. Он происходит от чрезвычайно порядочных и честных людей, и сам тоже никогда ничем не запятнал себя. Но в последний год он так изменился, что мы совершенно не узнаем его. Он превратился почти в отшельника, если не считать его военных обязанностей. Для меня является загадкой, каким образом Биго сумел захватить его в свои руки.

Нанси Лобиньер все время оставалась с ними и слушала, несмотря на то, что ее давно уже клонило ко сну. Когда же Давид собрался наконец уходить, и он и девушка остались на минутку одни, Нанси впервые упомянула имя Анны Сен-Дени.

— Вы видели ее сегодня? — спросила она.

— И в глаза не видел, — грустно ответил Давид.

— Но вы что-нибудь слышали о ней?

— Ничего.

— В таком случае, я получила от нее письмо, которого хватило бы на нас обоих! — сказала Нанси, и в ее глазах вспыхнул огонек. — Она прислала мне длинное и весьма ядовитое послание, в котором упрекает меня за то, что я отравила ваше сознание и настроила против Биго. Возможно, что нехорошо с моей стороны так расстраивать вас, Давид, но все же я буду продолжать в том же духе, пока не буду окончательно убеждена, что вам удастся спасти Анну от губительного влияния интенданта. Он опять катался с ней по городу в экипаже, и я была буквально ошеломлена, когда увидела их. За всем этим что-то скрывается, и мы должны во что бы то ни стало раскрыть это дело.

Нанси чуть вздрогнула и умолкла.

— Почему вы не скажете всего, что накопилось у вас на душе? — сказал Давид.

— Я не могу! Я не могу! Мои мысли слишком страшны, слишком неправдоподобны!

— Я почти уверен в том, что вы хотели бы сказать мне, что... Биго добивается обладания Анной.

Нанси опустила голову, и слезы брызнули из ее глаз.

— Да, вы совершенно правы, Давид.

— И вы думаете...

— О, я ничего не думаю, Давид, я только боюсь!

Юноша спокойным голосом пожелал ей доброй ночи и, высоко, как индеец, держа голову, вышел из дома Лобиньер. Но когда он остался один, то почувствовал, что ноги у него подкашиваются. Он ничего не видел вокруг себя и понятия не имел о том, куда несут его ноги. Очевидно, инстинкт привел его к стенам монастыря, и он обошел вокруг него и долго стоял под тем окном, где в это время спала Анна Сен-Дени. Мысли вихрем проносились у него в голове. То его глазам представлялся лес на реке Ришелье и долина, вся в цветах, залитая лучами солнца, то он видел вдруг перед собой смятую перчатку Анны или же Биго вместе с ней в экипаже...

— Куда мог деться Черный Охотник? — не раз спрашивал он себя.— О, если бы он был сейчас здесь!

Давид стиснул зубы и расправил плечи. Он знал, что сказал бы в таком случае Черный Охотник: *«Охотник с реки Ришелье никогда не поворачивается спиной к опасности!»*

Он снова вспомнил свой разговор с Нанси Лобиньер. Наконец-то ему открылась часть загадки. Но почему же, почему Биго по-прежнему так дружески расположен к нему?

* * *

На третий день после «бегства» Пьера, Давид получил наконец письмо от Анны Сен-Дени.

Письмо было очень коротенькое. Она обращалась к нему по-прежнему «дорогой Давид» и подпись гласила «твоя любящая Анна», но в самом письме не чувствовалось прежнего тепла. Она писала, что была больна и не сможет видеться с ним, пока не поправится окончательно. Но она не перестает думать о нем. Она выражала надежду, что ее посланец доставил ему в целости пергамент с его производством; она очень рада слышать, что он быстро продвигается вперед в военных науках.

Давид ответил на письмо в спокойном и нежном тоне. Но в то же время он отнюдь не настаивал на свидании с ней. Он только писал, как это прискорбно, что он столько времени не будет видеть ее. Он писал ей про Пьера и о своем военном обучении под руководством Робино и как бы между прочим упомянул о вечере, проведенном в обществе Нанси Лобиньер и ее отца.

И после этого Давид Рок с еще большим усердием принялся за работу. В продолжение следующей недели он изредка получал вести от Анны, которая писала, что физическое недомогание лишает ее возможности увидеться с ним. Робино, приходивший в изумление от успехов своего ученика, обстоятельно докладывал обо всем Биго. Последний трижды приглашал юношу в свой дворец, и тот каждый раз находил там Каде, де Пина и других. Давид надел военную форму и вскоре немного освоился с нею. А в глазах Робино блеснул огонек профессиональной гордости, когда он впервые увидел своего ученика в мундире и при сабле.

Биго по-прежнему уделял много внимания Давиду. Он лично представил его губернатору и познакомил с советниками, которые собирались на заседание Совета во дворце Святого Людовика. Однажды он пригласил Давида на одно из этих заседаний и попросил его поделиться с присутствующими своими сведениями о пограничных лесах и главным образом о землях, расположенных вдоль Ришелье. Он всеми мерами старался показать юноше, что тот приносит огромную пользу Новой Франции и этим оправдывает заботы интенданта о нем.

Однажды на заседании своего частного Совета он расспрашивал Давида о его поездке с Черным Охотником в форт Вильям-Генри и в Пенсильванию и просил подробно поделиться своими впечатлениями от этого путешествия. Он также познакомил его с епископом, который интересовался борьбой между двумя церквями на юге, где сталкивались два направления: католицизм и протестанство.

Давид, который все еще терялся в догадках, давал на все обстоятельные ответы и в то же время ломал голову над вопросом, почему интендант по-прежнему так дружески расположен к нему.

А Биго, подобно огромному пауку, дожидаящемуся жертву в центре паутины, потирал руки от удовольствия.

Тем временем де Пин, Водрей и Дешено не переставали рассказывать направо и налево о том, какая глубокая, искренняя дружба зародилась между интендантом Новой Франции и красавцем-охотником из пограничных лесов, несмотря на то, что последний незадолго перед этим удостоил великого интенданта «ледяным крещением». И романтическая сторона этой истории захватила воображение жителей Квебека.

По мере того, как проходили дни, Давид, к удивлению своему, стал замечать, что становится заметной фигурой в

городе. Он это видел и чувствовал. Самый могущественный человек во французских владениях отметил его своими милостями. Спокойное отношение Давида ко всему окружающему, его сдержанность, напоминая поведение индейца, его быстрая карьера — обо всем передавалось из уст в уста.

А Биго между тем изливал свою душу Анне в обильных посланиях и каждый раз напирал, что все, о чем он пишет ей, должно оставаться в секрете. Он умолял ее простить его за то, что досаждаёт ей тревогами, но он сам живет, мол, все это время в безумной тревоге и нуждается в человеке, с которым мог бы поделиться и которому мог бы изложить все, что волнует его в связи со счастьем двух наиболее дорогих существ на свете — ее и Давида Рока.

Он просил ее приложить все старания и использовать свое влияние на Давида, дабы тот прекратил всякие сношения с Черным Охотником. Его письма, казалось, исходили из глубины великой души. А смиренный тон их окружал Биго ореолом святого в представлении Анны Сен-Дени.

Что же касается Давида, то он черпал бодрость у Нанси Лобиньер. Она откровенно показывала, что гордится им. И она, и ее отец относились к нему как к лучшему другу и познакомили его с большим числом «Честных Людей», принявших Давида в круг близких друзей.

Мало-помалу Нанси Лобиньер, опьяненная своим собственным счастьем, стала преодолевать свой беспричинный страх за Анну.

— Я надеюсь,— говорила она Давиду,— что Анна допустила ошибку только в своем мнении насчет Биго. Остается лишь радоваться тому, что она находится еще в монастырской школе, которая в значительной степени ограждает ее от интенданта. А к тому времени, когда Анна кончит школу, она в достаточной степени убедится в том, кто такой Биго, и сама не захочет лучшего места на земном шаре, чем замок Гронден,— на коленях будет умолять вас о прощении. Точно так же, как я сама не мечтаю о лучшем пристанище, чем дом Пьера на реке Ришелье.

Однажды она встретилась с Анжелой Рошмонтье, и та в разговоре об Анне сказала:

— Анна не больна — я хочу сказать, физически она отнюдь не больна. Что-то глохнет ее сердце и ее мозг, нечто такое, что тревожит меня больше, чем серьезная болезнь, которая в большинстве случаев поддается лечению.

В субботу после целой почти недели молчания Давид получил наконец записку от Анны. Ее принесли ему утром

чуть не на заре. Анна просила его не откладывая прийти к ней в полдень в школу.

В первое мгновение волна радости залила душу Давида. Но потом его возбуждение улеглось, и он твердо решил, что должен выложить ей все, что он знает о Биге и в чем его подозревает.

Ровно в полдень он был в монастырской школе; его провели в низкую, сводчатую комнату. Когда Анна вошла, дрожь прошла по всему телу Давида. Перемена, которую он заметил в ней, не могла быть результатом болезни. Не говоря уж о том, что в лице девушки не было ни кровинки, что оно стало много тоньше, она производила впечатление совершенно бескровного существа.

Девушка заметила, как потрясен ее возлюбленный.

Прошло несколько секунд, прежде чем кто-либо в состоянии был заговорить. А затем Анна тщательно прикрыла дверь за собой и, ласково улыbnувшись Давиду, протянула ему руку. Но юноша тотчас же увидел, что ее улыбка вымученная. Он взял ее руку в свои и крепко сжал ее, борясь с безумным желанием заключить девушку в свои объятия. И он ясно видел, что Анна тоже переживает такую же борьбу. И только это сознание заставило его наклониться, чтобы поцеловать ее.

Но Анна не позволила даже этого. Она слегка отодвинулась от него и сказала:

— Только не сейчас, Давид!

А потом они сели у окна друг против друга, и глаза Анны скользнули по мундиру Давида. Она снова улыбнулась, нисколько не скрывая своей гордости, но ее улыбка, как показалось юноше, принадлежала старому человеку, и вместо того, чтобы доставить ему удовольствие, она лишь пуще прежнего потрясла его.

— Форма тебе удивительно к лицу, Давид,— сказала она.

— Я очень рад, что тебе нравится,— ответил юноша.

Он не отдавал себе отчета, что его лицо было сейчас так же бескровно, как и ее.

— Анжела Рошмонтъе рассказала мне, что ты с удивительной быстротой продвигаешься вперед и даже успел стать заметной фигурой в городе.

— Робино говорит, что я делаю быстрые шаги,— подтвердил Давид, оставляя без внимания вторую половину ее фразы.

Некоторое время они сидели молча. Внезапно Давид вскочил на ноги, и глаза его вспыхнули огнем.

— Анна! — крикнул он. — Во имя нашей любви, скажи мне, что случилось? Что все это значит? Что означает эта перемена в тебе? Я сижу в этом проклятом городе только из-за тебя, я ношу эту форму только ради тебя, я принимаю благодеяния и лицемерную дружбу негодяя и предателя только ради тебя. Совсем еще недавно ты радовалась, когда я обнимал тебя, ты говорила, что любишь меня, а теперь ты, очевидно, возненавидела меня. Почему это? Что произвело эту перемену... Если не Биго, это чудовище, который ослепил тебя своими лисьими речами, который украл у Карбанака жену, а его самого предал экзекуции, который строит все время хитроумные замыслы, чтобы забрать тебя у меня! Как же ты...

Больше он ничего не успел сказать. Анна тоже вскочила на ноги, и мертвенная бледность ее лица сменилась густым румянцем. Властным жестом указав на стул, с которого встал Давид, она приказала:

— Садись!

Давид, который под действием страсти и душевной муки сказал гораздо больше, чем намеревался, повинился и сел. Анна тоже опустилась на стул и посмотрела на него глазами, в которых сверкал огонь.

— Во-первых, я прошу тебя вспомнить, что ты находишься в монастыре, а потому должен был бы больше обдумывать свои слова, перед тем как швырять подобные оскорбления. Затем позволь мне сказать несколько слов, не прерывая меня, и я объясню тебе, почему я не бросилась в твои объятия, когда ты вошел, и почему, как ты говоришь, во мне произошла такая перемена.

Уже целую неделю, как мое сердце разрывается от тоски, боли и тревоги. Мне очень хотелось бы, чтобы ты обнял меня. Мне очень хотелось бы целовать тебя. И я люблю тебя сейчас еще больше, чем когда-либо. Но это не значит, что я могу позволить себе усыпить мою преданность Новой Франции и веру в человека, который думает только о ней.

Она умолкла и продолжала глядеть на Давида, словно желая увидеть, какое действие произвели ее слова.

— Ты сказал сейчас, что мсье Биго — чудовище, негодяй и предатель. На каком основании ты бросаешь такие обвинения?

— У меня уже есть доказательства и с каждым днем их прибавляется все больше.

— В таком случае, Давид, когда ты услышишь о том, что заставило меня пригласить тебя сюда, ты переменишь свое мнение. У каждого из нас есть свой долг независимо от нашей любви, и в течение всех этих дней я собиралась с силами, чтобы, вопреки наболевшему сердцу, сказать тебе, что происходило за это время в моем мозгу, обо всем, что я думала и в чем убедилась.

И позволь тебе сказать, что, несмотря на все те злобные сплетни и пересуды, которые раздаются по адресу Бигго, я считаю его самым честным человеком в Новой Франции. Его враги угрожают ему смертью, а его смерть была бы равносильна гибели Новой Франции. Он единственный преданный ей человек, он — крепость, о которую разбиваются все козни врагов, от которой зависит судьба нашей родины. Тогда как ты слеп, он великолепно все видит, и только благодаря той бескорыстной дружбе, которую он питает к нам, он до сих пор не уничтожил еще — по заслугам — человека, который дорог тебе. Бигго сумел обнаружить один из источников, один из самых главных, между прочим, откуда исходит предательство, которое с каждым днем дает англичанам все больше и больше преимуществ перед нами. И теперь я понимаю, почему мое сердце наполнялось таким безотчетным страхом каждый раз, когда ты произносил при мне имя Черного Охотника. В этом крылся инстинкт самозащиты еще до того, как появился на горизонте интендант Бигго. Ибо теперь уже не может быть больше сомнения, Давид... Черный Охотник, который так глубоко привязан к тебе и к твоей матери, — предатель и шпион, один из самых смертельных врагов Новой Франции!

Руки его покрыты кровью французских колонистов, их жен и младенцев. Роль, которую отвели ему англичане, заключается в том, чтобы собирать сведения для них, и он предает наши беззащитные дома огню и топорам индейцев. Благодаря своим друзьям (а интенданту известно, что таковые есть у Черного Охотника на реке Ришелье), ему удалось добыть все сведения, какие только нужны англичанам. И в последнее время, как ты сам знаешь, он стал еще более смел, чем когда-либо. Бигго знает, что он проводил тебя почти до самых ворот Квебека и там оставил тебя... а несколько позднее он пробрался к Квебеку в качестве торговца мехами, два дня спустя покинул город и с добытыми сведениями направился к англичанам. И интендант Бигго, человек, которого ты называешь чудови-

щем, негодяем, предателем, этот великодушнейший патриот, который так искренне пригрел и тебя и меня, этот великий человек дал Черному Охотнику возможность безнаказанно выйти из города! Он дал уйти угрозе Новой Франции! И только потому, что, будь Черный Охотник пойман и повешен, это непременно было бы связано с опасностью для тебя и для твоей матери.

Лицо Давида приняло пепельно-серый оттенок, и кровь совершенно застыла у него в жилах к тому времени, когда Анна кончила говорить. А девушка, видя результат своих убийственных слов, не спускала с него глаз.

— Давид, я позвала тебя, чтобы открыто сказать обо всем... даже если ты будешь ненавидеть меня за это. Теперь на карту ставится наше счастье, а также твое будущее и даже твоя жизнь. И я прошу у тебя только одного: откажись от дружбы и всякого общения с человеком, который называет себя Питером Джоэлем. Выкинь его из памяти, как человека, который может явиться причиной твоей гибели, и настаивай, чтобы твоя мать тоже так поступила — хотя возможно, что она откажется. Если Питер Джоэль будет повешен...

— Тогда я займу место рядом с ним и вместе с ним пойду на виселицу, — ответил Давид.

Его слова произвели ошеломляющее впечатление на Анну. Она в продолжение нескольких секунд глядела на него, широко раскрыв глаза, словно не веря себе, а потом прикрыла лицо обеими руками, и юноша услышал ее заглушенные рыдания.

Он встал и, подойдя вплотную к девушке, положил руку на ее склоненную голову. Вопреки всему, что она сказала, он любил ее сейчас больше, чем когда-либо. Но теперь к его любви прибавилось еще чувство страшного опасения за ее жизнь, чувство, во много раз сильнее того страха, что испытывала за него Анна Сен-Дени. Голосом, полным нежности, он сказал:

— Все, что ты слыхала, все, что ты мне передала, — ложь, возмутительная ложь.

Анна сидела не шевелясь и, казалось, перестала дышать.

— И в самом ближайшем будущем ты сама в этом убедишься, — прошептал юноша, склоняясь над ней.

У него появилось безудержное желание охватить ее голову руками и прижаться губами к ее волосам, но он взял верх над собой.

— В скором времени ты узнаешь, что во всем виновен только Биго: он старался завоевать твое доверие и сделал это таким образом, чтобы обратить тебя против меня. Он *хочет тебя*. И он знает...

Он не успел кончить. Анна вскочила и теперь стояла против него лицом к лицу. В ее глазах Давид прочитал невыносимую муку.

— Давид, ты это серьезно думал, когда сказал сейчас, что согласился бы умереть вместе с Черным Охотником... если б его повесили?

— Да,— ответил Давид.— Даже этим я не мог бы воздать ему за любовь ко мне и к моей матери.

— В таком случае наберись силы, чтобы перенести все, что судьба готовит тебе! — воскликнула девушка сквозь рыдания.— Ты говоришь о том, что *другой* человек любит меня, как о чем-то бесчестном, а не как о чем-то вполне естественном, и в то же время ты можешь сказать, что согласился бы умереть смертью предателя! О, как ты безжалостно разбиваешь мою последнюю надежду! Ты рассеиваешь мое последнее сомнение! Ты заставляешь меня еще больше верить моим словам. И ты явился сюда напрямиком от Черного Охотника, и ты еще сегодня снова увидишь его...

— Ты с ума сошла, Анна,— не выдержал Давид.— Питер Джоэль не шпион и не предатель, и его нет в Квебеке. И я не думаю, чтобы он когда-нибудь стал приходить сюда, разве только я сам буду просить его об этом.

— Он сейчас в городе,— прервала его Анна.— Он дожидается тебя, а тем временем приводит в исполнение свой страшный замысел. И ты, ты, Давид,— о, почему ты смотришь на меня так пристально и так открыто и в то же время лжешь мне? Черный Охотник здесь! Если бы мсье Биго пожелал, то Питер Джоэль был бы давно в тюрьме. Но он этого не делает, он чуть ли не сам становится предателем из-за дружбы к тебе и любви ко мне, о которой я могу говорить без всякого колебания или стыда, ибо она не вызывает ни капли радости в моем сердце, целиком отданном тебе. Но, очевидно, моя любовь должна быть принесена в жертву, раз ты можешь стоять передо мной, глядеть мне в глаза и произносить подобную ложь!

— Анна, ты действительно веришь тому, что ты говоришь? Ты действительно думаешь, что я лгу?

— Я не думаю, Давид, я уверена...

Не будучи в состоянии больше владеть собой, она под-

бежала к окну и быстро открыла его настежь. Холодный ветер ворвался в комнату.

В течение нескольких секунд Анна стояла перед открытым окном, но вдруг отшатнулась, словно чья-то рука с силой отбросила ее назад. Она хотела что-то сказать, но из ее груди вырвалось лишь хрипкое рыдание. Она прошла мимо Давида, открыла дверь и, снова зарыдав, вышла в коридор. Дверь затворилась за ней.

Совершенно ошеломленный, стоял юноша после ее ухода, прислушиваясь к звукам ее шагов. А затем он сам вышел через другую дверь, которая вела на улицу. Холодный декабрьский воздух ударил ему в лицо. Он глядел прямо перед собой, и в его памяти встала темная холодная ночь, когда он увидел Анну, которой Биго помогал садиться в экипаж.

И вдруг Давид открыл рот от изумления, и глаза его расширились. Дыхание занялось у него в груди. Он увидел то, что заставило Анну отскочить от окна.

Прямо к нему, сияя от радости, шел Питер Джоэль, Черный Охотник.

* * *

Анна Сен-Дени лежала на кровати в своей комнате и, свернувшись клубком, изливала в слезах наболевшую душу. И время от времени ее губы тихо шептали имя Давида. Но даже и в те минуты, когда она произносила его имя, имя другого человека, вопреки ее воле, проносилось в ее мозгу. Имя интенданта Франсуа Биго, который первый предостерег ее от грозящей опасности; который вел борьбу, чтобы спасти Давида Рока только потому, что она любит последнего; которого все ненавидели; против которого ее предостерегала даже матушка Мэри, начальница школы. Биго с его самоотверженной любовью к ней и еще более самоотверженной любовью к Новой Франции, человек, так обнаживший перед ней свою душу, что она могла видеть в ней все, что там происходит,— этот человек стоял, наконец торжествуя, в воображении девушки.

Это сознание изгнало всю радость любви из сердца Анны Сен-Дени. Она сидела глядя перед собой отсутствующим взглядом и думала. Давид лгал ей! Но ее привела в ужас не столько его ложь, сколько та цель, которая скрывалась за этой ложью. Он лгал, чтобы утаить от нее что-то. И он скрывал именно то, что Биго так тактично, жалея ее, открывал ей.

Анна достала из шкатулки письма Биго, и глазами, затуманенными от слез, и с душой, полной бесконечной муки, стала перечитывать хитроумные послания интенданта. Все это были самые нежные, самые красивые письма, но, тем не менее, они приносили с собой боль.

В последних своих письмах Биго нашел возможность говорить о своей любви больше, чем он осмеливался до сих пор.

«За вашу любовь,— писал он,— я готов отдать все, что только есть у меня на свете. За эту любовь я с радостью пожертвовал бы и Богом, и королем, и надеждой на спасение моей души. В вашей любви я нашел столько силы, что теперь нет тех высот, до которых я не мог бы добраться. Вы стали для меня олицетворением Новой Франции, и вместе с вами я продолжал бы работать на ее благо.

Я пишу не для того, что говорить вам о той безнадежности и пустоте, которые овладели моей душой, а лишь затем, чтобы вы могли простить меня за тревоги, за ту боль, которые я вам причиняю. Я бы с большей готовностью позволил отрубить себе правую руку, чем заставил страдать человека, которого я люблю так, как вас. И все же я вынужден это сделать — причинить кратковременную боль для того, чтобы вы могли счастливо жить впоследствии».

И с той же тонкостью, с тем же умением проникать в душу он поведал ей, что Черный Охотник находится в городе, какое это имеет значение для Новой Франции и, наконец, что он еще больше убедился в участии Давида в предательских планах и деяниях Черного Охотника.

И Давиду, таким образом, грозит смертельная опасность.

Только ради нее, только потому, что она была всей радостью, которую он видел в своей жизни, только потому, что ее счастье значило для него, интенданта Новой Франции, больше, чем благо его родины, только потому он готов, рискуя именем и честью, бороться вместе с ней, Анной Сен-Дени, ради спасения Давида Рока.

Но он должен поставить условие, что тот никогда больше не увидит Черного Охотника, и если Давид действительно любит ее, в чем не может быть сомнения, тогда ее влияние должно привести в конце концов к его спасению.

Он кончил изъявлением страстной надежды видеть ее счастливой; ради этого он готов был отказаться от своего собственного счастья.

В конце концов, решила Анна, придется обратиться к Биго в этот страшный час ее жизни. Эта мысль засела у нее в голову, завладела ею и поработила ее волю. Но вместе с тем Анна испытывала безумный ужас, ибо между строками интенданта она прочла, ей казалось, то, что он старался прикрыть нежностью. Ей казалось, что она читает слова, написанные огромными буквами: «Спасите Давида. Если вы не сумеете этого сделать, тогда сам Бог ему не поможет. Ибо воля народа, короля и закон сильнее меня. Я сдерживаю пока карающую руку, но сколько времени еще удастся мне сдерживать ее — тем более, что Черный Охотник даже в настоящую минуту находится в Квебеке.»

Дрожь охватила девушку. Что бы ни делал Давид, что бы он ни намеревался делать, пусть даже он лгал ей, пусть он участник предательства, ее долг, тем не менее, спасти его. Биго рассеял ее последние сомнения. Черный Охотник раньше или позже будет изловлен и повешен, как шпион и предатель. И тогда неминуемая опасность, на которую намекал Биго, будет грозить также Давиду.

Она должна немедленно отправиться к интенданту и дать ему знать, что потерпела поражение в порученной ей задаче. Она на коленях будет умолять его дать возможность Черному Охотнику уйти из Квебека — только на этот раз ради Давида!

Больше она ни о чем не пыталась думать. Быстро поправив волосы, Анна накинула на себя плащ, и три четверти часа спустя Дешено докладывал интенданту, что мадемуазель Сен-Дени дожидается аудиенции.

Он явился с этой вестью как раз в ту минуту, когда Биго закончил расспрашивать одного из своих агентов, который донес ему, что Черный Охотник в настоящую минуту находится с Давидом Роком в доме Пьера Ганьона.

Прошло несколько минут, прежде чем Дешено вернулся в комнату, где дожидалась Анна Сен-Дени. Лицо его выражало сильную тревогу.

— Мсье Биго, очевидно, нездоров, — сказал он, стараясь показать своим тоном, что он и сам озадачен. — Я еще утром заметил какую-то ужасную перемену в нем и посоветовал позвать врача. Он очень обрадовался, когда узнал, что вы здесь, и вы, возможно, сумеете повлиять на него и заставите посоветоваться с врачом.

В кабинете Биго не было никого, когда Дешено провел туда девушку. Оставив ее там, секретарь интенданта вышел, тщательно прикрыв за собой плотную, массивную

дверь. И только тогда Биго вышел из соседней комнаты, отгороженной тяжелой портьерой.

Несмотря на то, что Дешено уже предупредил ее, Анна, тем не менее, была изумлена при виде интенданта. Действительно, по всему облику Биго видно было, что он переживает что-то страшное. Этот непревзойденный комедиант казался олицетворением отчаяния, безнадежности и душевной муки.

Но лишь только Биго увидел перед собой Анну Сен-Дени, он как будто сделал огромное усилие над собой и согнал с лица все, что она могла там прочесть. Но не раньше, чем Анна успела все как следует заметить. Закончив это маленькое вступление к своей комедии, он сказал:

— Я знаю, что случилось. Настала минута, которой я с ужасом дожидался, и теперь я не вижу выхода.

В его голосе звучали жалость, нежность и бездна сочувствия. Влекомая силой, против которой она не могла устоять, Анна направилась к нему. Голова ее шла кругом. В комнате стоял какой-то пряный, насыщенный запах.

— Бедная, бедная девочка! — тихо произнес Биго.

И когда Анна приблизилась к нему, он привлек ее к себе и, не давая ей опомниться, стал покрывать ее лицо и губы страстными поцелуями. И раньше, чем Анна могла бы подумать о сопротивлении, он уже отпустил ее, и, к великому своему удовольствию, интендант заметил, что ее лицо, залившееся румянцем, не выражает ни гнева, ни стыда.

— Бедная девочка! — снова тихо произнес Биго. — Я знаю, что случилось. Уже с самого утра мои люди не спускают глаз с Черного Охотника. Он сейчас находится в Давидом в доме Пьера Ганьона. Он намеревается оставить город сегодня вечером со сведениями, им добытыми, и с чертежами, которые Давид приготовил для него. Моя бедная, бедная девочка!

Последние слова он произнес прерывающимся голосом и, прикрыв лицо руками, отвернулся от Анны и подошел к столу...

— Что вы намерены делать? — спросила Анна, с трудом шевеля губами. — Что вы намерены делать с Черным Охотником и... и с Давидом?

— Черный Охотник выйдет из Квебека, не встречая препятствий, унося с собой сведения, которые он добыл для наших врагов, — твердым голосом ответил Биго. — Когда он очутится за пределами города, ему будет сделано предостережение никогда больше не возвращаться сю-

да под страхом смерти. Что же касается Давида, то я завтра же пошлю его возобновить дружеский договор с нашими индейскими союзниками в лесах оттава.

Анна подошла к нему и протянула ему руку. Биго взял ее пальцы и стал нежно гладить их, а потом поцеловал их несколько раз и прошептал:

— Я день и ночь вижу вас перед собой, Анна. Я не перестаю грезить о вас. Мне как-то не верится, что я когда-нибудь потеряю вас. Милая, чудная Анна! Возможно ли, что если бы не Давид, то вы немного полюбили бы меня?

— Вы великий, благородный человек,— ответила девушка, чувствуя, как к горлу подкатывает какой-то комок.— Но я не вольна над собой — я люблю Давида Рокка...

— Да, если бы не Давид,— задумчиво произнес Биго, словно обращаясь к самому себе.— Вместе вы и я. Мы шли бы рука об руку и добились бы величия и славы для Новой Франции. Какая это чудная мечта, Анна! О, почему она не может осуществиться!

Анна склонила голову, и Биго увидел, что плечи ее задрожали, а потому он решил, что пора прервать комедию.

Но когда девушка покинула его, он обратился к маркизу Водрею:

— Теперь незачем больше мешкать, остается только нанести последний удар. И после этого мадемуазель Сен-Дени сама придет сюда, в эти покои, и уже останется здесь.

— Мы не станем терять времени,— согласился Водрей.— Черт возьми, Франсуа, вы всегда были счастливым человеком!

* * *

Кошмарный сон, каким было для Анны свидание с Давидом и с интендантом, несколько рассеялся, когда она снова вернулась в монастырскую школу. Она почти совершенно забыла, что Биго целовал и ласкал ее, она думала сейчас только о Давиде. Если бы Давид был сейчас с ней, она ушла бы с ним куда угодно!

Если в этом будет необходимость, решила она, она даже отдастся ему, хотя бы сегодня, только бы стать между своим возлюбленным и Черным Охотником! Только бы спасти его от грозящей ему опасности!

Рука ее дрожала, когда она писала Давиду, умоляя немедленно явиться к ней.

«Мне кажется, что я нашла выход,— писала она.— О Давид, я нашла выход из ужасного положения, и я не могу понять, как это я была столь слепа, что не видела его раньше!»

Сейчас она чувствовала себя счастливой. Сердце ее радостно билось, и она с нетерпением отсчитывала минуты и секунды, которые отделяли ее от встречи с Давидом. Она то и дело, почти поминутно, подходила к окну, дожидаясь его.

И вдруг она заметила, что ее посланец возвращается назад один. И в его руке было письмо, которое он должен был передать Давиду Року...

Она опоздала. Мсье Рок покинул город за час до того, как посланец явился на улицу Святой Урсулы. Казалось, неумолимая судьба протянула руку, чтобы нанести окончательный удар, и ничто не может теперь спасти ее и Давида.

В тот же день пришла также весть от Биго. Он писал, что не терял ни минуты времени. Давид находится уже на пути к индейцам оттава, и вместе с ним отправился один из самых надежных гонцов интенданта. Питер Джоэль, Черный Охотник, тоже ушел,— очевидно, чтобы отнести англичанам добытые сведения. Интендант кончал письмо уверением, что все кончится хорошо, и просил ее не терять надежды.

Но Анна, для которой неожиданный отъезд Давида был слишком большим ударом, страдала неимоверно. Не надежда, а страх снова овладел всем ее существом. И с бесконечной тоской перечитывала она письмо Биго, который уверял ее, что к тому времени, когда Давид вернется, с Черным Охотником все будет кончено и притом таким тихим манером, что об этом никто не узнает.

Г л а в а VI

В ПОСЛЕДНЮЮ МИНУТУ

Анна ждала. Проходили дни и недели, а от Давида Рока — ни слова. Прошло Рождество, тяжелое, хмурое и тоскливое для нее. Много событий разыгралось за это время, событий, чреватых последствиями для всего мира. В январе 1755 года Водрей стал губернатором Новой Франции; и в его генеральном штабе было заготовлено место для Давида Рока — когда он вернется.

— *Когда он вернется,* — часто шептала Анна Сен-Дени, просыпаясь темной ночью.

И мало-помалу с легкой руки Биго и его сподвижников стали ползать по городу зловещие слухи. «Среди нас водятся предатели и шпионы», — передавалось из уст в уста. Предательство! Это слово вызывало улыбку на губах мсье Лобиньера и его «Честных Людей», но простонародье, которое не разбиралось в событиях, готовилось к расправе с преступниками.

Закон гласил, что предательство должно караться смертью, и Водрей, новый губернатор, старался напоминать об этом на каждом шагу.

Что касается Биго, то он хранил молчание. Он не переставал повторять Анне Сен-Дени, что ведет непрерывную работу за искоренение предательства в Новой Франции, чтобы вместе с тем заставить народ забыть об опасности.

Наступили короткие, черные февральские дни, следом за ними явился март, и вместе с ним ворвалась весна. Но двадцать второго марта разыгралась страшная буря, и ветер с глухим ревом ударялся о ставни и окна, вызывая дрожь во всем теле Анны Сен-Дени, лежавшей в своей постели в монастыре.

Днем она снова была у Биго, и тот сильно напугал ее. Он напоминал человека, которого мучает лихорадка, он явно показывал ей, что скрывает от нее что-то. Интендант гладил ее волосы, называл их своими, а минуту спустя он молил о прощении. Но в то же время он не говорил ей того, что, очевидно, знал. Девушка несколько не сомневалась, что он многое скрывает от нее.

И сейчас, лежа без сна в постели, она прислушивалась к вьюге, бушевавшей за окнами, и радовалась, когда проходил мимо ночной сторож, выкликавший часы.

Анна уснула было, но вдруг проснулась и села на кровати. Очевидно, вьюга уже прекратилась, и в тишине, наступившей в городе, отчетливо раздавался стук палки сторожа по каменным плитам. Какое-то злое предчувствие сжало сердце девушки. Внезапно она услышала голос:

— *Три часа. Предатель пойман в городе. Да благословит Господь Новую Францию! Смерть всем предателям!*

Глухой крик вырвался из груди Анны. Слова сторожа, как удары молота, раздавались в ее мозгу, и, словно в подтверждение своих страхов, она снова услышала голос, доносившийся уже издалека:

— *Предатель пойман в городе. Смерть предателям! Да спасет Господь Новую Францию!*

И снова, снова доносился до нее этот голос, от которого ужас охватывал душу девушки, и кровь стыла в жилах.

В городе пойман предатель!

Анна засветила свечу и посмотрела на себя в зеркало. Ее лицо было мертвенно-бледно. Казалось, жизнь совершенно покинула ее,— только в глазах горел огонь.

Под влиянием какого-то безотчетного чувства, она стала быстро одеваться. Скоро ночной сторож снова пройдет под ее окнами. Она должна успеть одеться...

Словно в подтверждение событий, которых она дожидалась, она услышала в коридоре шаги. В ее дверь постучались, и вошла начальница школы матушка Мэри. Она была изумлена, увидев Анну совершенно одетой, и сделала попытку улыбнуться, чтобы не слишком тревожить девушку, но это ей не удалось.

Стараясь говорить возможно спокойнее, она обратилась к Анне:

— Мсье Биго, интендант Новой Франции, прервал наш сон требованием, в котором мы не могли ему отказать. Он просит тебя, дитя мое, приехать немедленно во дворец по делу, касающемуся государства. Сестра Эстер поедет вместе с тобой. Но объясни мне, моя девочка, почему ты одета?

— Потому что, матушка Мэри...

Больше Анна ничего не сказала и вместе с сестрой Эстер вышла из комнаты и спустилась вниз.

На улице их дожидалась карета. Когда обе девушки сели в нее и по обледеневшим улицам помчались ко дворцу, до слуха Анны снова донесся жуткий выкрик:

— *Предатель пойман в городе. Смерть предателю! Да спасет Господь Новую Францию!*

Франсуа Биго дожидался в своих роскошных покоях. Вместе с ним находился маркиз Водрей, губернатор Новой Франции, а кроме них, стоял у дверей секретарь интенданта Дешено, и на лице у него было написано что-то кошачье — так приятно было ему сознание, что любовные дела его господина приняли вполне удачный оборот.

Водрей, такой же выхоленный, как и всегда, в своем великолепном парике из волос, снятых с головы английской женщины, ничем не обнаруживал, что в эту ночь он еще не ложился спать. Вместе с получением губернаторского поста в нем с еще большей силой взыграли амбиция и алчность. Он стал до того напыщен, словно после короля был первым человеком в Новом Свете. Он уже рисовал себе в воображении роскошь, которой превзойдет Фонтенбло и даже Версаль, а Биго, изучивший его слабые стороны, старался еще больше распалить его воображение, зная, что, в

общем, маркиз Водрей всегда останется орудием в его руках.

Лицо интенданта носило все признаки бессонницы и душевных мук. Это было искусно проделано руками Дешено, который картинно взъерошил волосы своего господина, нарисовал у него на лбу несколько глубоких морщин и кое-где положил белил на и без того бледное лицо Биго. И при взгляде на интенданта создавалось впечатление, что он ни на минуту не прилег в эту ночь, что он переживает душевную агонию.

Одним словом, Биго был готов принять Анну. И даже Водрей, глядя на него, был восхищен изумительным актерством интенданта.

— Я говорил вам, Франсуа, что это так и случится,— сказал он.— Ваша маленькая Анна уже находится на пути во дворец.

— Да, я знаю,— тихо сказал Биго.

— В таком случае, чего еще можно требовать? Игра почти что кончена. Я подарил вам прелестную голубку, Франсуа.

— Да, слишком даже прелестную, я бы сказал,— смеясь ответил Биго.— Но зато, Водрей, у меня есть и для вас сюрприз, и, когда настанет великая минута, я расскажу вам, о чем я просил для вас у мадам Помпадур. Сегодня и завтра вам предстоит закончить последний акт нашей комедии, а потом придется, пожалуй, заняться капитаном Робино.

— Вы думаете, что он осмелится...— начал было Водрей, лицо которого впервые нахмурилось.

— Возможно, что осмелится,— прервал его Биго.— Когда он убедится в том, к чему клонится дело, он, пожалуй, предпочтет...

— ...умереть как джентльмен, не так ли?— в свою очередь прервал его Водрей.— Ну что ж, нам нетрудно будет удовлетворить его желание, Франсуа,— продолжал маркиз и снова стал перебирать большими пальцами рук на своем брюшке.— Я одолжил капитану Талону еще десять тысяч франков, и он готов драться с кем угодно на дуэли, когда бы мы этого не потребовали. Он ненавидит капитана Робино и с удовольствием всадит ему пулю в сердце.

— Черт возьми! — воскликнул Биго, на этот раз с искренним восхищением в голосе.— Вы иногда пугаете меня, Водрей, вашей способностью сбрасывать с пути все препятствия. Да, если Робино хоть чем-нибудь вызовет во мне

подозрение, я немедленно дам вам знать. Одного выстрела Талона хватит, чтобы навсегда успокоить его совесть.

Он проводил маркиза до дверей, через которые вышел Дешено, а затем снова вернулся в комнату. Если Анна придет, ее проведут через другую дверь. Через несколько минут здесь разыграется последний акт драмы. Он должен по-прежнему оставаться полубогом в глазах этой девушки. Возможно, что его победа и сдача Анны произойдут даже раньше, чем он ожидал. Но Биго старался отогнать эту мысль, твердо решив не предупреждать событий.

Невольно ему вспомнилась мадам Помпадур, любовница короля, а также «лучший друг» его, Биго. Кривая усмешка мелькнула у него на губах, когда он подумал о том, что сказал бы король Людовик, если бы ему было известно все, что происходило между его любовницей и его представителем в Новом Свете. Но улыбка сошла с губ интенданта, когда он подумал о том, что скажет мадам Помпадур, когда узнает о его отношении к Анне Сен-Дени.

Его любовные связи с Екатериной, Шарлоттой и Анжеликой де Пин, равно как десятки других, вызывали лишь усмешку на губах Помпадур. Эта женщина великолепно знала, что мужчинам нужно время от времени развлечься, и она ничего не имела против его коротких романов, пока «ее Франсуа» готов был отказаться от любой из наложниц по первому ее требованию. Но его страсть к Анне Сен-Дени приняла слишком бурный характер, и это, вне сомнения, вызвало бы гнев королевской любовницы.

Таким образом, не может быть и речи о том, чтобы жениться на Анне. Сама даже мысль эта заставила интенданта сделать гримасу. Ведь он не женился на Екатерине или на Шарлотте Луизбургской, и тем не менее эти женщины оставались верным орудием в его руках, пока им не вздумалось покончить с собой. И то же самое будет и с Анной Сен-Дени, с той лишь разницей, что она еще крепче привяжется к нему. И возможно, что если его страсть к ней долго не уляжется, если мадам Помпадур к тому времени умрет или ее красота увянет и она потеряет влияние на короля, тогда, может быть...

В дверь, через которую исчезли Водрей и Дешено, постучали несколько раз громко и отрывисто: это был сигнал. Анна Сен-Дени подъехала ко дворцу и теперь поднимается по потайной лестнице.

В то же мгновение Биго приготовился к действию. Он открыл настежь дверь и увидел перед собой Гюго де Пина; мэр города Квебека стоял впереди двух солдат, держав-

ших рослого мужчину, круглое лицо которого было блее бумаги от страха. Это был не кто иной, как ночной сторож Верхнего города, который во всеуслышание оглашал недавно весть о поимке предателя. Биго попятился назад в комнату, и тогда все четверо, стоявшие за дверью, вошли следом за ним. Глаза де Пина были устремлены на противоположную дверь, через которую должна была войти Анна Сен-Дени.

Почти в ту же секунду в эту дверь постучали; Биго услышал стук, но ничем не выдал себя. Голосом, в котором звучало бешенство, он накинулся на несчастного сторожа, требуя, чтобы тот признался, по чьему приказанию он оглашал поимку предателя. Стоя спиной к двери, Биго великолепно чувствовал, что Дешено уже провел Анну в комнату, и знал, что она стоит позади него, с лицом, белым как мел, и прислушивается к его словам.

— Уберите его прочь! — крикнул наконец интендант. — А вы, де Пин, во что бы то ни стало допытайтесь, кто открыл ему секрет о нашем пленнике, и если даже это сам губернатор, я позабочусь о том, чтобы он понес должное наказание.

Ночного сторожа увели, и де Пин последовал за ним. Дверь затворилась. Биго продолжал стоять лицом к двери, его плечи опустились, голова поникла, и он казался совершенно разбитым случившимся. Из груди его почти вырвался стон.

— Теперь да поможет мне Господь!

Он слышал, как позади него раздались тихие шаги, но не повернулся, пока его не окликнул голос Анны.

— Мсье!

Только тогда интендант круто повернулся лицом к двери.

— Это... это — Давид?

Голос Анны звучал хриплым шепотом, и Биго невольно вспомнил шелест кукурузы, которую он несколько месяцев тому назад помогал носить в амбар. Он провел языком по губам и, словно выжимая из себя слова, ответил:

— Да. Это — Давид.

Анна слегка покачнулась. Лицо ее покрылось мертвенной бледностью. Огромным усилием воли она взяла себя в руки. Биго подвел ее к креслу и усадил. Больше он до нее не дотронулся, хотя пожирал ее глазами.

— Я правильно поступил, послав за вами? — спросил он.

Анна не отвечала и только смотрела отсутствующим взором прямо перед собой. Руки ее дрожали и подергивались. Ее нервы были истрепаны вконец. И Биго видел, что она окончательно разбита. Это ему и нужно было.

Он слегка наклонился к ней и тихо произнес:

— Разведчики поймали его еще два дня тому назад. Я только сегодня утром узнал об этом. Он был пойман с поличным, когда направлялся на свидание с английскими шпионами. В его куртке были зашиты планы Квебека, карты и чертежи всех фортов и батарей и вместе с тем инструкции, как с большей безопасностью пробраться окружным путем к реке Ришелье.

Едва успел он кончить, как Анна вскочила на ноги, сжала кулаки и, казалось, готовится броситься на него.

— Вы лжете! — крикнула она. — Вы все лжете, если смеете утверждать, что Давид предатель! И тем более вы лжете, будто Давид хотел предать своих на реке Ришелье!

Биго ничего не ответил и только, тяжело передвигая ноги, дотащился до кресла, в которое он и опустился, как человек, пораженный страшным горем. Вскоре до его уха донеслись глухие рыдания Анны. Он обернулся и увидел, что она сидит, положив голову на стол и содрогаясь всем телом.

Тогда Биго встал, подошел к креслу, в котором она сидела, и стал рассказывать ей, сколько энергии он потратил, чтобы спасти Давида. Он ничего, мол, не мог сделать, так как Давид был захвачен военными властями. Тут все зависело от маркиза Водрейя, но последний в ответ на просьбы интенданта сказал, что только суд может решить дело, а в таком случае судьба Давида заранее предрешена.

Анна слушала его, и каждое слово, словно ножом, ударило ее в сердце. Мало-помалу ее рыдания затихли, и теперь голос интенданта казался ей единственным утешением в жизни. Совершенно произвольно она взяла руку Биго и прижала ее к себе.

— Я должна видеть Давида, — прошептала она.

Биго свободной рукой нежно обвил ее стан.

— Потому я и прислал за вами, — ответил он. — Я знал, что в эту минуту Давид захочет видеть вас. Мужайтесь, дорогая. Судьба Давида в руках Верховного Совета. Но даже в последнюю минуту я сумею потребовать смягчения приговора. Постарайтесь убедить Давида, что он должен приписать свое преступление зловредному влиянию Черного Охотника и дать показания против мошен-

ника, который погубил его. Будем надеяться, что Верховный Совет найдет возможным применить к нему какое-нибудь другое наказание, а не смерть.

— Смерть!— Это слово, словно рыдание, вырвалось из груди Анны.

— Да, да, возможно, что и смерть,— подтвердил Бигго.— Если бы поимка Давида оставалась в секрете между нами, то можно было бы спасти его. Но кто-то сказал об этом ночному сторожу, и последний огласил по всему городу.

— И вы верите, что Давид Рок виновен?— резко спросила Анна, и ее глаза загорелись зловещим огнем.— Вы верите этому?

— Я знаю только, что в подкладке его куртки найдены исчерпывающие доказательства его вины. Я готов верить, что в глубине души своей Давид чист, как агнец, но Верховный Совет не будет с этим считаться, разве только в том случае, если Давид согласится выдать все тайны Черного Охотника. Чтобы спасти себя, он должен пожертвовать этим предателем. Вот все, что я могу сделать для него.

Анна ничего не ответила. Бигго открыл дверь и позвал Дешено; секретарь, дожидавшийся в соседней комнате, немедленно явился.

— Дешено проводит вас к нему,— сказал Бигго, а я должен вернуться на заседание Верховного Совета. Мужайтесь, дорогая, и постарайтесь воздействовать на него, чтобы он дал нам все сведения о Черном Охотнике.

* * *

Дешено вывел Анну в длинный, темный коридор, еле освещенный тусклым светом редких свечей. Девушка ускорила шаг и шла чуть впереди секретаря. Вскоре они приблизились к полуоткрытой двери, из которой струился яркий свет. И как раз в эту секунду дверь открылась, и оттуда вышел человек. Анна узнала в нем поставщика Каде и хотела было броситься к нему, чтобы доказать ему, что ее Давид не виновен. Но что-то удержало ее. Раньше всего она должна увидеть Давида. Возможно, что она не будет нуждаться в помощи интенданта. Возможно, что она сама спасет его и узнает от него правду.

Вся во власти своих мыслей, Анна не могла, конечно, заметить, что из двери, которая вела в длинный коридор, вышел капитан Рэнэ Робино и при виде Анны остановился и глядел ей вслед, пока она не скрылась.

Вскоре Анна и Дешено вышли в еще более узкий сводчатый коридор и через несколько минут очутились перед входом в клетку с решетчатым окном; тяжелая дверь отворилась перед ними, и Анна оказалась лицом к лицу с Давидом.

И в то же мгновение дверь за ней закрылась, и она слышала в коридоре шаги удалявшегося Дешено.

— Давид! — тихо произнесла Анна, подвигаясь к нему.

Юноша медленно повернулся к ней, и при виде его Анна в ужасе отшатнулась. Он был в одной сорочке, да и та была вся разодрана, и выступало голое плечо. Волосы его, давно, видно, не чесанные, были взлохмачены. Но в глазах его застыло такое страшное выражение, что дрожь прошла по всему телу девушки.

— Чем я могу вам служить, мадемуазель Сен-Дени? — ответил юноша, и его тон заморозил кровь в жилах Анны.

— Давид, почему ты на меня так смотришь? Ведь я прибежала сюда, как только узнала. Я пришла сказать им, что это ложь, что этого не может быть, что ты не предатель, что все это ошибка.

— Да, большая ошибка, мадемуазель Сен-Дени, которую допустили вы, позволив себе стать игрушкой в руках Франсуа Биго. И мне очень жаль, что вы явились сюда. Вы и так уже сочли меня однажды лжецом, когда я говорил вам, что не имею понятия о присутствии Питера Джоэля в Квебеке. А теперь я ничего не имею против того, чтобы вы считали меня предателем, шпионом и преступником. Ведь Биго, наверное, показал вам мою куртку, в которой они нашли доказательство моей вины. Разве может оставаться после этого какое-либо сомнение? И вы так же, как и Биго, должны согласиться с тем, что меня следует повесить.

— Давид, не говори со мной так! Подойди ко мне ближе, дай мне поцеловать тебя. Ведь я люблю тебя, я так люблю тебя...

— Действительно, так могло бы показаться со стороны, — холодно ответил юноша, — особенно если принять во внимание, что вы сумели заставить меня последовать за вами с реки Ришелье, чтобы я был повешен в Квебеке как предатель. Действительно, могло бы показаться, что вы любите меня, не зная, какую роль вы играли по наущению Биго. Но я отказываюсь вам верить. Вернитесь к Биго, которому вы принесли меня в жертву. Уйдите отсюда! Вы однажды уже сделали свой выбор, и теперь я хочу быть один. Я не боюсь виселицы и не боюсь оставаться здесь один, — у меня есть одно утешение: когда-нибудь вы узнае-

те, чего стоит дружба Биго. И у вас будет тогда о чем думать в продолжение всей вашей жизни!

Уши молодого охотника, привыкшие улавливать малейший шорох в лесу, различили шаги Дешено, который, крадучись, подходил к решетчатой двери. И тогда он громко крикнул:

— Дешено, вам незачем стоять там и подслушивать! Отведите мадемуазель Сен-Дени назад к вашему господину и передайте ему все, что вы здесь слышали. Вы можете передать заодно, что почти не уступаете ему в подлости и обещаете стать таким же негодяем, как и он. Идите скорее, а то мадемуазель Сен-Дени не привыкла выслушивать столько правды сразу.

Анна еле держалась на ногах. Шатаясь и придерживаясь время от времени за стену длинного коридора, она последовала за Дешено и вместе с ним направилась назад к покоям интенданта.

И опять-таки она не заметила, что в том месте, где два коридора расходились, стоял, прижавшись к стене, капитан Робино. Но Дешено заметил его, не ускользнул от него также мертвенно-бледный цвет лица капитана и зловещий блеск его глаз. И секретарь подумал про себя, что нужно будет немедленно доложить об этом интенданту.

В кабинете Биго было пусто, когда Анна и Дешено вошли туда. Секретарь заметил, что интендант, по-видимому, находится еще на заседании Верховного Совета, а потому он немедленно отправится за ним. Анна, которая буквально свалилась в кресло, хотела было крикнуть, что хочет видеть сестру Эстер и просит проводить ее назад в монастырь... она вовсе не хочет видеть интенданта. Но Дешено уже вышел, и девушка осталась одна.

Внезапно у нее появилось безумное желание вернуться назад к Давиду, сказать ему, что она не верит в его вину, что по-прежнему любит его, что во всем виноват Черный Охотник, что она готова собственными руками убить даже Биго, если только он причинит какой-нибудь вред ее Давиду.

Дверь тихо отворилась, и на пороге показался Биго. Он тщательно закрыл за собой дверь и быстро подошел к девушке.

— Милая, дорогая моя Анна! — воскликнул он. — Какую ужасную ночь приходится вам пережить. Но мы победили, дорогая. Мы взяли верх!

Анна поднялась с кресла, но покачнулась и снова опустилась. Они победили, — следовательно, Давид опять бу-

дет на свободе. И он не станет ненавидеть ее за дружбу с Биго, потому что не кто иной, как Биго, спас его...

Интендант склонился над ней, взял ее руку и тихо произнес:

— Они могли бы вынести смертный приговор — и Водрей настаивал на этом. Он требовал, чтобы Давида пытали, переломали бы ему руки и ноги на Лобной площади и повесили бы в назидание всей Новой Франции. Но я пригрозил маркизу и некоторым другим, и они уступили мне. Вы слышите, Анна, Давид спасен. Он не будет повешен... *Он только будет изгнан из армии, после чего подвергнется порке на улицах Квебека.*

Крик ужаса вырвался из груди Анны. Она вскочила, цепляясь руками за воздух и не находя опоры. Давид, Давид, подвергнется публичной порке! Его, как преступника, будут водить привязанным к телеге, и палач будет плетью полосовать его спину! Голова ее закружилась и, испустив дикий вопль, она упала на пол.

В то же мгновение Биго подхватил ее, вынес в соседнюю комнату, положил на оттоманку и повернул ключ в дверях. В течение нескольких секунд он стоял над ней, а потом наклонился и, издав какой-то хриплый звук, впился в ее бескровные губы. Теперь она принадлежала ему. Теперь она навсегда будет прикована к нему.

Его рука потянулась к вороту ее платья, но, к великому его изумлению, дверь отворилась. Биго, как зверь, обернулся и увидел перед собой капитана Робино. А позади него стояла сестра Эстер.

— Сестра Эстер пришла, чтобы отвезти мадемуазель Сен-Дени в монастырь, — сказал Робино, низко кланяясь интенданту.

В продолжение нескольких секунд мужчины в упор глядели друг на друга, пока наконец усмешка не заиграла на губах интенданта, который поспешил объяснить, что мадемуазель Сен-Дени потеряла сознание и он положил ее на диван в ожидании, пока она придет в себя.

В душе интенданта бушевала гроза. Этот самый Робино, который вчера еще целиком был у него в руках, разрушил его план! Робино одержал верх над ним, над ним, могущественным интендантом Новой Франци!

Но Биго достаточно хорошо умел владеть собой, и он не выдал того, что делалось у него в душе. Он немедленно вышел в соседнюю комнату, принес оттуда воды и нюхательную соль, и, когда несколько минут спустя Анна

вздохнула и открыла глаза, он всем своим существом старался показать, что чрезвычайно рад этому.

Он позвал слугу, и в скором времени Анна сидела уже в экипаже, который увозил ее назад в монастырь.

А немного погодя Водрей получил все нужные инструкции. Капитан Талон должен вызвать на дуэль капитана Робино. Интендант ассигнует на это еще десять тысяч франков, если только Талон сумеет покончить с этим делом в двадцать четыре часа. Робино должен умереть.

* * *

Близился конец марта 1755 года, и вместе с тем надвигалась огромная перемена в судьбе Новой Франции. Семьдесят тысяч колонистов, обитавших в этой стране, стали понемногу терять ту уверенность в безопасности, которая воодушевляла их раньше, когда им казалось, что за ними стоит непобедимая сила в лице Франции.

Война между Англией и Францией еще не была объявлена. Мирпуа, французский посол в Лондоне, учил англичан танцевать, лорд Альбемарл, английский посол в Версале, учил французов играть в вист. А мадам Помпадур тем временем поднялась на высоту своего могущества.

А пока оба двора льстиво обменивались лицемерными улыбками, генерал Брэддок успел прибыть в Америку во главе сорок четвертого и сорок восьмого полков, и вместе с ним барон Диско с восемнадцатью военными судами, на которых прибыло шесть батальонов.

Вот каково было положение в Новой Франции к тому времени, когда Анна Сен-Дени, разбитая физически и душевно, покинула Давида в одном из казематов губернаторского дворца.

А по городу Квебеку полз зловеющий слух — предательство! Захвачен с поличным предатель, носивший англичанам карты и планы фортов, и этот предатель — не кто иной, как лейтенант Давид Рок, любимец интенданта. Каким-то образом в городе стали известны почти все подробности того, что произошло во дворце интенданта, который был, якобы, так расстроен случившимся, что ни на минуту не покидал своих покоев.

То обстоятельство, что Биго потерял Анну в такое время, когда он считал ее уже своей, несколько не ослабило его уверенности в том, что раньше или позже он будет обладать ею. Пройдет еще несколько дней, возможно даже несколько часов, и опять ему выдастся благоприятный

случай, и тогда уже не будет капитана Робино, который мог бы стать между ним и предметом его вождедений.

Нанси Лобиньер страдала неимоверно. Отчаяние и ярость клокотали в ее груди. Только мудрость ее отца, доказывавшего ей, что у нее недостаточно данных, которые подтвердили бы ее подозрения, удерживала ее от решительного шага — от открытого выступления против интенданта и его клики. И Нанси со скорбью в душе соглашалась с отцом и ждала.

А потом настала страшная минута, когда по городу пошли глашатаи, объявляя во всеуслышание, что по приговору Верховного Совета лейтенант Давид Рок будет подвергнут порке на улицах Квебека.

Когда эта весть дошла до слуха Анны, она, казалось, совершенно потеряла рассудок. Напрягая последние силы, она встала с постели, дотащилась до окна и стала дожидаться рассвета.

И только бледное солнце озарило форты, по городу, по которому непрерывно носились всевозможные слухи, пронеслась поразительная новость. Капитан Рэнэ Робино дрался на дуэли с капитаном Жаном Талоном. И Талон, пресловутый бретер, лежал мертвый неподалеку от губернаторского дворца. А Робино исчез, и никто не знает, где он.

Давид Рок в своей темной клетке знал уже об ожидавшей его экзекуции и совершенно спокойно относился к этому. Он не боялся плети. Жители лесов не боятся боли или даже смерти. Но ужас невольно прокрадывался в его душу при мысли об ожидающем его унижении. Внезапно он вспомнил Карбанака — Карбанака, который шел по улице под страшными ударами плети, ни разу не дрогнув и не издав ни одного звука.

Возможно ли, что Карбанак, сердце которого было разбито вероломством жены, способен был выдержать то, чего не снесет он, Давид Рок! Нет! Не было такой пытки, такого унижения, которое могло бы убить достоинство в человеке, выросшем среди людей, готовых во всякое время умереть на костре, зажженном мучителями.

Наступил роковой час.

На Давида надели новый военный мундир с блестящими пуговицами и эполетами. И пока происходила процедура подготовки к экзекуции, Давид не переставал думать о Карбанаке, о честном труженике, руки которого задушили купца Николета.

Впервые за много дней увидел он наконец луч солнца, когда его вывели из каземата. Вокруг него было лишь не-

сколько солдат, но за воротами слышен был шум, который мог исходить только от многочисленной толпы. И действительно, когда Давида вывели на площадь, он увидел, что тут собрался почти весь город.

Его взвели на помост, где он выделялся ярким пятном в своем красном форменном мундире, а по обе стороны его шпалерами выстроилась рота солдат. Внезапно сердце Давида сильно забилося: неподалеку от помоста он увидел знакомую ему телегу, запряженную огромным ленивым волом.

Он слышал, как чей-то голос оглашал приговор, объявлявший жителям Квебека, в чем заключалась вина осужденного предателя. Когда голос умолк, раздался барабанный бой, от которого дрожь охватила всех присутствующих. Это был тот бой, которым сопровождают на кладбище мертвого воина, и, поскольку это касалось армии, Давид действительно умер для нее.

Внезапно он увидел, что к нему поднимаются два офицера. Как они похожи на напыщенных филинов, почему-то подумал юноша. Он всей душой надеялся, что Анна Сен-Дени находится в толпе,— в этом заключалась бы самая утонченная месть ей. Офицеры подошли к нему и стали по обе стороны; внезапно снова забили барабаны, и офицеры стали срывать пуговицы с его форменного мундира. Когда с этим было покончено, с Давида сняли мундир, потом сорвали рубашку, и он остался наполовину обнаженным перед толпой.

И тем не менее он ни разу не дрогнул, и лицо его оставалось совершенно спокойным. Толпа с изумлением глядела на него. Многие готовы были поклясться впоследствии, что он даже усмехнулся, когда один из офицеров долго не мог вырвать пуговицу. Другие уверяли даже, что он улыбался, когда его со связанными позади руками вели к телеге, запряженной волом.

Ленивый вол медленно двинулся в путь, и почти тотчас же негр взмахнул плетью и крепкие языки из буйволово́й кожи со свистом опустились на спину Давида. Телега покачивалась и подпрыгивала в рытвинах, а плеть со зловещим свистом опускалась на спину осужденного. И ни разу Давид даже не вздрогнул от боли, несмотря на то, что страшные языки рассекали ему кожу, и лишь порой ему начинало казаться, что все его нервы понемногу разрываются. Но пока телега заворачивала на улицы Верхнего города, произошел маленький перерыв, и Давид снова взял себя в ру-

ки и заставил себя относиться совершенно равнодушно к безумной боли.

Внезапно он увидел, что они проходят мимо дома Лобиньер, и отметил с теплой благодарностью в душе, что все ставни в доме были закрыты — Нанси хотела показать ему, что не только она, но ни один человек не увидит его унижения.

Мало-помалу Давид стал чувствовать, что невыносимая боль от страшных кожаных языков начинает оказывать свое действие. Каждый удар разрывал его тело на части. Огонь обжигал его, но тем не менее он, как индейский воин, твердыми шагами шел вперед, ничем не обнаруживая своих мук.

Телега завернула на улицу Святого Людовика, и тут, на площади, должна была закончиться экзекуция. Когда негр закончил свое дело, развязал Давиду руки и подал ему рубашку, кто-то взял юношу за руку, усадил его в экипаж, пождававший тут же у мостовой, и великолепные лошади быстро помчались за город.

* * *

Биго спокойными шагами расхаживал по своему роскошному кабинету, и довольная улыбка время от времени пробегала по его губам. Он то и дело подходил к окну, очевидно, кого-то дожидаясь. Внезапно в дверь постучали, и интендант услышал голос мадемуазель Сен-Дени, которая просила впустить ее.

Биго почти подбежал к двери и быстро повернул ключ — в комнату вошла Анна Сен-Дени с хлыстом из буйволово́й кожи в руке, а следом за ней вошел человек в длинном, старом плаще и рваной мягкой шляпе. Это был капитан Рэнэ Робино.

Только впоследствии стали носиться слухи о том, что произошло в покоях интенданта Биго в этот день. Когда Анна закончила свое дело, Давид Рок был в полной мере отомщен...

Три раза Биго схватывал девушку за руку, пытаясь удержать хлыст, который резал кожу у него на лице, и три раза клинок капитана Робино пронзал кафтан интенданта, и тот (в смертельном ужасе) отпускал ее руку. И каждый раз Анна снова продолжала полосовать выхоленное лицо интенданта. В конце концов, когда лицо Биго преврати-

лось в кровавую маску, в которой вряд ли можно было бы узнать человека, Анна опустила руку, покачнулась и оперлась о стену. И тогда Робино подхватил ее, спокойно вышел с ней из дворца и сел в поджидавший его экипаж.

* * *

Давид Рок еще не успел отдать себе отчет во всем, что произошло с ним после экзекуции, как экипаж остановился перед маленьким домиком, где его ждал доктор Куэ, тот самый, что сопровождал мсье Лобиньера на «дуэль» с Пьером Ганьоном. Маленький хирург умело и осторожно перевязал страшные раны на спине Давида и передал ему, что его просят оставаться здесь до четырех часов, когда за ним приедут мсье и мадемуазель Лобиньер, причем последняя занята приготовлениями к путешествию вместе с ним в долину Ришелье.

Эта весть впервые заставила встрепенуться Давида, у которого, казалось, все чувства были притуплены. Но в то же время это доставило ему мало радости. Нанси Лобиньер занята приготовлениями для поездки в Ришелье. Нанси, а не Анна Сен-Дени. Но мысли юноши отнюдь не отразились на его лице. Он спокойным тоном поблагодарил доктора и стал ждать, пока останется один.

Лишь только доктор ушел, Давид оглянулся. К удивлению своему, он заметил, что все его вещи перенесены чьей-то заботливой рукой в этот дом. Во всем видна была предусмотрительность Нанси Лобиньер. В комнате лежала котомка, в которой Давид нашел все нужные вещи, и, быстро переодевшись, захватив пороховой рог, мешочек с пулями и свою старую винтовку, он потихоньку вышел с черного хода.

Только тогда, когда Давид очутился далеко за пределами города, он в последний раз оглянулся, и глухое рыдание вырвалось у него из груди. Он долго стоял и смотрел издали на город, в котором он нашел все то, что предсказывал старый мельник Фонблэ. Наконец он повернулся и пустился в далекий путь.

Спина болела немилосердно, и все тело ныло от перенесенной боли, но это было ничто по сравнению с той болью, которая терзала его душу. Зато теперь его мозг работал совершенно ясно, и вместо ненависти в душе его водворился покой.

Давид подстрелил по дороге несколько белок и, когда

наступила ночь, он развел костер, зажарил их, приготовил себе ложе из сосновых ветвей, накрылся походным одеялом и вскоре спал глубоким сном — впервые после многих бессонных ночей.

Проспав несколько часов, он проснулся и убедился, что уже достаточно светло и можно продолжать путь. Спина уже не так сильно болела, но зато она была вся сведена, словно стянута железным обручем, — так усердно перевязал ее доктор Куэ. В пути, однако, и это ощущение понемногу сгладилось, особенно когда взошло солнце и несколько пригрело одинокого путника. Когда ему встретился по дороге коттедж, Давид зашел и закупил достаточно припасов, чтобы хватило до Ришелье.

Спокойно обдумывая свой поступок, он все же несколько не жалел о том, что тайком ушел из Квебека, не дожидаясь Нанси Лобиньер. Она поймет его желание остаться наедине с самим собой и простит его, когда он со временем вновь увидится с ней.

Как ни старался Давид прогнать от себя мысль об Анне, образ девушки снова и снова возвращался к нему. И в те часы, что он шагал по дороге, и в те короткие минуты, что он предавался сну, он неизменно видел ее перед собой. Но сейчас это была не та Анна, не та прелестная, веселая, жизнерадостная девушка с реки Ришелье, а бескровная, мертвенно-бледная, застывшая от ужаса Анна, какой он видел ее в каземате губернаторского дворца.

Дни шли за днями, а Давид все еще находился в пути, направляясь в долину Ришелье. Но наступил наконец чудный миг, когда он издали завидел старую мельницу и замок Гронден.

* * *

Уже целая неделя прошла с тех пор, как Давид Рок прибыл в сеньорию Сен-Дени, а между тем Нанси Лобиньер ни словом не давала знать о себе.

Только одному Пьеру Ганьону Давид рассказал о том, что пришлось ему перенести в Квебеке. Однажды, когда они были одни, он обнажил спину и показал ему следы страшной плети. Но когда он кончил рассказывать, Пьер Ганьон достал письмо, которое прислала ему со специальным нарочным Нанси Лобиньер, подробно описывавшая все, что произошло с Давидом Роком.

«Я намереваюсь вместе с ним отправиться к реке Ри-

шелъе, но я бы хотела раньше убить Биго», — заканчивала письмо Нанси.

Давид нашел своего друга совершенно изменившимся. Его инертность бесследно исчезла, а закаленные мускулы искали применения своей вновь приобретенной силы. Бывшая полнота всего его тела испарилась, и Пьер объяснил Давиду:

— Я десять часов в день провожу в работе на поле и в лесу, а половину ночи — у костра на голой земле.

Он также рассказал Давиду, что собрал маленький отряд из двадцати человек и только ждет минуты, когда придется двинуться в путь, ибо уже носят слухи о приближении англичан к форту Дюкен. От него же Давид узнал, что Черный Охотник лишь дважды за последние пять месяцев показывался в Ришелъе. В последний раз, когда он уходил, он предупредил, что долго не вернется.

— Он весь был в черном, когда покинул нас, начиная с головы до кончиков башмаков, — сказала Мэри Рок в беседе с сыном. — Сердце говорит мне, что он что-то такое знал, когда уходил, хотя ни словом не обмолвился со мной.

Было решено, что когда Пьер Ганьон отправится в путь, Давид Рок пойдет вместе с ним. Давиду очень не доставало сейчас Питера Джоэля, ибо в этом человеке он мог бы почерпнуть всю ту силу и мужество, в которых нуждался, но было бы, конечно, безумием отправиться в леса в поисках его.

В скором времени Давид убедился также в том, что любовь, которую, как казалось ему, он сумел вырвать с корнем из своего сердца, в действительности лишь покрылась тонким слоем пепла. Куда бы он ни пошел, что бы он ни делал — все неизменно напоминало ему об Анне Сен-Дени. И он был рад, когда наступил долгожданный день, и вместе с Пьером Ганьоном и с его двадцатью воинами он отправился к форту Дюкен. Маленький старый мельник крепко пожал ему руку на прощание и не преминул произнести новое «пророчество».

— Я читаю на твоём лице много такого, что ты скрываешь от меня, мой мальчик, но я все знаю. И, верь моему слову, ты скоро вернешься в замок Гронден и найдешь здесь нечто такое, что надолго переживет меня. И когда это случится, я со спокойным сердцем закрою глаза в последний раз.

Козебой на время оставил Мэри Рок, чтобы проводить Пьера и его воинов к форту Дюкен. С каждым днем подходил маленький отряд все ближе и ближе к неприятельской

земле. И однажды Козебой исчез, а когда он на заре вернулся, Давид с трудом узнал его.

Старый индеец побрил голову, оставив лишь один клочок, за который мог бы ухватиться храбрый противник, который осилит его и пожелает снять с него скальп.

В этом клочке волос торчало три орлиных пера, окрашенных в ярко-пунцовую краску. Лицо Козебоя пестрело белыми, красными и желтыми линиями, подобно рубцам от ножа, а на каждой щеке красовалось густое черное пятно. В ушах болтались большие медные серьги, а шею украшало ожерелье из шлифованных раковин. Его рубаха тоже была вся в красных пятнах, а на груди весел огромный нож, какого Давид никогда еще не видал на нем. На поясе, обвивавшем его тонкий стан, страшным пятном выделялся свежий скальп.

Еще накануне глаз Козебоя обнаружил то, чего не видели его белые союзники, — человеческий след. Он тотчас же пошел по этому следу, нашел того, кто оставил его, и принес его скальп. Это был индеец племени могауков. Следовательно, они уже находились на неприятельской земле.

Только такой испытанный воин и следопыт, как Козебой, мог прокладывать путь в самом сердце неприятельской земли. Трижды они натыкались на следы людей, и каждый раз старый делавар обращал внимание Давида и Пьера на присутствие белых среди индейских воинов. Дважды Давид лежал с ним за прикрытием и наблюдал за кострами могауков и слышал, как тяжело дышал Козебой, еле сдерживая желание кинуться на индейцев-предателей, ставших врагами своих соплеменников ради «огненной воды» англичан.

Наконец отряд Пьера набрел на следы пребывания индейцев и англичан. Целый ряд хижин французских колонистов представлял собой еще дымившиеся руины. Тут происходил, очевидно, страшный, неравный бой, и удивительнее всего было то, что избиение французских колонистов происходило на расстоянии каких-нибудь двадцати миль от французского форта. Меж руин они обнаружили пять мужчин, с которых были сняты скальпы, и также трех оскальпированных женщин, и Давид вздрогнул, вспомнив парик, который он видел на голове маркиза Водрей.

Разгадка явилась на следующий день, когда вместо форта они нашли лишь груды почерневших камней, усеянных трупами французов и их союзников-индейцев. Это происходило, очевидно, совсем недавно, так как Козебой обнаружил кой-где горячую еще золу и, согласно его пред-

положениям, в нападении на форт участвовало не менее ста винтовок.

Тем временем наступил май, и весна развернулась во всей своей красе. Повсюду, казалось, царили покой и довольство, и если бы не вид страшных пожарищ и оскальпированных трупов, то было бы трудно поверить, что тут могла вестись война. Но всякое сомнение исчезло, когда внезапно они увидели перед собой форт Дюкен, где собралось восемьсот дикарей в ожидании кровавого пира.

Давид не переставал думать о своей матери и Анне Сен-Дени. Чем чаще встречались ему группы индейцев, возвращавшихся со свежими скальпами, тем чаще думал он о дорогих ему существах. Теперь, когда в душе улеглось уже все пережитое, ему рисовалась прежняя Анна — Анна, которая никогда не была в Квебеке, которая слушала его так внимательно, когда он объяснял ей, что вырезано на пороховом роге, Анна, с которой он играл на мельнице, — и всем его существом овладевало безумное желание возможно скорее вернуться в замок Гронден.

Наступил июль, когда в ущелье меж гор близ форта Дюкен показался генерал Брэддок со своими двумя тысячами двумястами солдатами, и, попав в ловушку, был уничтожен почти со всей своей армией и кровожадными индейцами. Давид лежал за скалой и наблюдал с ужасом в душе за страшным избиением. Когда наконец жалкие остатки армии Брэддока бросились бежать, Давид встал на ноги и, пошатываясь, направился в противоположную сторону. Внезапно он увидел неподалеку от себя человека, который стоял, зажав ружье в руке, и с невыразимой скорбью на лице глядел на жуткую сцену внизу.

В продолжение нескольких секунд Давид, как бы не веря себе, глядел перед собой. Внезапно он услышал голос Черного Охотника:

— Давид, я рад, что ты не принимал участия в этом кровопролитии.

* * *

— Из Квебека пришел белый человек вместе с индейцами, — несколько минут спустя сказал ему Питер Джоэль, — он непременно хочет тебя видеть. Он еле держится на ногах от усталости. Я понятия не имею, кто он такой.

— Где он сейчас? — спросил Давид.

— С комендантом, который, очевидно, знает его, ибо он отдал приказ разыскать тебя немедленно.

В комнате коменданта слышались возбужденные голоса, когда дверь открылась, чтобы пропустить туда Давида Рока. Напротив коменданта сидел человек, который, очевидно, только что кончил есть. При появлении Давида он встал, и юноша увидел человека с сильно обветренным лицом, давно уж не стриженного и с густой бородой. Но, несмотря на все это, Давид тотчас же узнал капитана Рэнэ Робино.

— Наконец-то я нашел вас! — воскликнул капитан. — Мсье комендант, — продолжал он, — вот это и есть Давид Рок, о нем я вам говорил. Я в такой степени обязан ему, что вряд ли сумею когда-либо отплатить. Благодаря ему, я избавил мир от вашего старого «друга» капитана Талона.

Комендант Контркер встал и протянул руку молодому охотнику.

— За что я вам бесконечно благодарен, лейтенант Рок, — сказал он. — Капитан Робино — лучший стрелок, чем я, и мне пришлось бы обменяться парой выстрелов с капитаном Талоном в связи с одним маленьким делом. Сейчас я вас на время покину, ибо капитан Робино хочет передать вам нечто такое, о чем лучше всего говорится с глазу на глаз.

Легкая усмешка мелькнула на губах Робино. Он жестом предложил Давиду сесть рядом с ним, а потом достал пистолет и положил его перед ним.

— Этот пистолет заряжен, и если вы пожелаете меня убить, то можете сделать это, не опасаясь последствий. Я взял слово с капитана Контркера, что он посмотрит на это как на несчастный случай. Я последовал за вами через всю эту глушь, чтобы очистить свою совесть от преступления, которое я совершил по отношению к вам.

— Я ничего не понимаю! — воскликнул Давид, глядя на него. — Вы явились прямиком из Квебека? Может быть, у вас есть что передать мне от мадемуазель Сен-Дени?

Робино отрицательно покачал головой.

— Поскольку это касается Квебека, я исчез с лица земли. Никто не знает, где я, не исключая мадемуазель Сен-Дени. О чем вы хотите раньше слышать от меня — обо мне или об Анне Сен-Дени?

— Раньше о ней, если разрешите, — откровенно ответил Давид.

— В таком случае я должен сказать вам, что меня вынудили принять участие в заговоре, который должен был привести вас к гибели. Я знал, что произойдет во дворце в

ту ночь, когда мадемуазель Сен-Дени пришла к вам в каземат...

И он стал рассказывать Давиду то, чего тот не мог знать. О возвращении Анны в кабинет Биго, о его, капитана Робино, опасениях за нее и о том, как он разбил планы интенданта, явившись в последнюю минуту с сестрой Эстер.

— И Биго решил убить меня за это через посредство капитана Талона. Но счастье оказалось на моей стороне, и я на следующее утро всадил Талону пулю в сердце.

За два часа до вашей экзекуции я отправился в монастырь, чтобы рассказать Анне Сен-Дени о том, каким образом в вашу куртку были нарочно вшиты обличающие документы, чтобы можно было вас судить как предателя. Но в монастыре мне ответили, что мадемуазель Сен-Дени больна и что они опасаются за ее рассудок. Я требовал, я настаивал, но это ни к чему не привело. Но когда я собрался уже было уходить, дверь отворилась, Анна вбежала в комнату, и я действительно готов был поверить, что она помешалась.

Я наскоро изложил ей все события дня, и она схватила меня за руку и крикнула: «Достаньте мне немедленно экипаж!» А когда мы сели в экипаж, она приказала ехать ко дворцу Биго.

Робино встал во стула и, стоя перед Давидом, рассказал ему о том, что произошло между ними и Биго в покоях у последнего.

— Я могу вас уверить, лейтенант Рок, что Анна сторицей отомстила за вас. Но когда она покончила с интендантом, мне пришлось на руках отнести ее назад в экипаж. Она скоро пришла в себя и попросила отвезти ее к Нанси Лобиньер, и там меня спрятал старый барон, а Анна три дня находилась между жизнью и смертью. Только она снова встала на ноги, как немедленно отправила вам письмо с гонцом, а потому я разыскивал вас не для того, чтобы передать весть о ней, а чтобы спросить, сможете ли вы простить человеку временную слабость, превратившую его в орудие подлеца.

Робино рассказал Давиду, как Биго, пользуясь его бедностью, заставил его взять у него денег и, злоупотребляя безукоризненной честностью капитана, сделал из него послушное орудие.

— Я получил письмо от Нанси Лобиньер, — сказал Давид, — но я ничего не слыхал о мадемуазель Сен-Дени.

— И вы, следовательно, не знаете, что она и Нанси Лобиньер вместе отправились в замок Гронден?

— Нет!

— В таком случае я еще больше виноват перед вами. Я мог бы взять письмо к вам, но я не хотел, чтобы кто-нибудь знал о моих намерениях. Когда я в замке Гронден узнал, что вы направились к форту Дюкен, я был в полной уверенности, что вы уже получили письмо мадемуазель Сен-Дени.

— Но где же она сейчас?

— Я полагаю, что сейчас она в замке Гронден.

— Но ведь вы говорите, что она была больна?

— Эта болезнь такого рода, что задевает лишь мозг, и раз она перенесла страшный удар, то теперь за нее опасаться нечего.

Давид крепко пожал руку Робино.

— Если для успокоения вашей совести вам необходимо мое прощение, то я от души прощаю вам все. Я даже считаю себя в долгу перед вами, и если случится, что я когда-нибудь вновь познаю счастье, благодаря вам, то вы займете в моей душе место наряду с другим честным солдатом, воспитавшим меня.

Их прервал Питер Джоэль. По его лицу видно было, что случилось что-то ужасное.

— В чем дело? — спросил Давид Рок.

— Индейцы принесли страшные вести. Англичане двигаются на Канаду через Ришелье, и Вильям Джонсон имеет при себе свыше тысячи индейцев... а мы находимся в шестистах милях оттуда!

Никогда еще Давид не видел, чтобы лицо Питера Джоэля было так мертвенно-бледно, как в эту минуту.

* * *

Давид Рок не стал передавать Пьеру Ганьону страшной вести о том, что Нанси Лобиньер находится, возможно, в замке Гронден, чтобы зря не прибавлять ему лишней тревоги. Было решено, что они пустятся через самое сердце неприятельской страны, чтобы по возможности сократить путь.

Путешествие было кошмарным. Москиты в такой степени овладели лесами, что не только все звери и животные бежали в горы, но даже индейцы и те оставили свои жили-

ща. Отчасти это было на руку маленькому отряду, спешившему назад к реке Ришелье; но бывали минуты, когда Карбанак, лицо которого превратилось в кусок мяса, и Давид и Пьер Ганьон, с трудом видевшие что-либо сквозь вспухшие глаза, начинали уже думать, что в конце концов сойдут с ума от moskitov.

А потом случилась катастрофа, которая в значительной степени задержала их. Карбанак не рассчитал своей тяжести, взбираясь по скале, которая легко выдержала Питера Джоэля и Козебоя, поскользнулся, и огромный валун рухнул на него и чуть не убил. Весь отряд вынужден был дожидаться в полном бездействии, пока наконец нога Карбанака зажила и он смог продолжать путь.

Наступил сентябрь, а они все еще находились на расстоянии доброй сотни миль от Ришелье.

Однажды, когда они проходили мимо небольшого пруда, Питер Джоэль вдруг наклонился, и даже с его уст сорвался крик ужаса. Пруд, в котором от жары вода совершенно высохла, был доверху полон человеческими телами. И, взглядевшись несколько пристальнее, Питер Джоэль сразу обнаружил работу индейских ножей. Он также увидел, что среди убитых не было англичан.

Только отряд миновал страшный пруд, как из кустов выполз какой-то человек. Давиду первым бросилось в глаза отсутствие волос и кожи на его голове. Несчастный представлял собой жуткое зрелище. Его офицерский мундир был сплошь залит кровью, а один глаз выколот. Черный Охотник опустился на колени, поднес флягу с водой к губам умирающего и приложил ухо к его устам.

И от умирающего офицера он узнал, что французская армия была разбита, а он, капитан Фольсон, был послан сюда, чтобы задержать индейцев, попал в западню, и весь его отряд был истреблен.

Умирающий хотел было еще что-то добавить, но только схватился за грудь и умер.

Давид и Пьер стояли на страже, пока Черный Охотник и Карбанак вырыли могилу и похоронили в ней несчастного солдата.

Давид шагал рядом с Черным Охотником, а за ними, не отставая ни на шаг, подобно двум привидениям, шли Пьер Ганьон и Карбанак. Когда Черный Охотник делал передышку, Карбанак, этот могучий гигант, как мертвый, валился на землю и засыпал непробудным сном. Они не позволяли себе больше трех часов сна, и тем не менее Чер-

ный Охотник, в отличие от остальных, нисколько почти не изменился внешне. Во всяком случае, он не так исхудал, как все другие, и не так пострадал от москитов.

Однажды, когда они предавались краткому сну на вершине холма, с которого открывался уже вид на долину Ришелье, раздался призывный крик Питера Джоэля.

В то же мгновение Давид вскочил и встал рядом с Черным Охотником, а Пьер и Карбанак были уже на ногах и протирали глаза. В нескольких милях от них горизонт покрылся багровым заревом. Черный Охотник сразу понял, в чем дело. Там жил воинственный и смелый сеньор Тон-тэр, и, очевидно, от его сеньории и окружающих ферм остались лишь угли.

Не дожидаясь сигнала, все четверо почти бегом пустились в путь. Проходя мимо того места, где раньше стояла хижина старого отшельника, которого все звали Старый Поль, они нашли лишь несколько обуглившихся бревен и оскальпированный труп одинокого старика. Та же судьба постигла смелого Анри Ташеро и его двух сыновей.

Вскоре Давид различил уже огромную сосну, разбитую молнией, близ которой он так часто встречался с Анной, и только они миновали это место, как до их слуха донеслись ружейные выстрелы.

— Это стреляют в замке Гронден,— заметил Черный Охотник.

Теперь они уже бежали и в скором времени достигли леса Гронден, откуда, как на ладони, виден был замок и окружающие его строения.

Когда они находились возле сумах, среди которых Бигго когда-то застал врасплох Давида и Анну, Черный Охотник опустился на землю и потянул Давида за собой. Пьер и Карбанак тотчас же последовали их примеру.

— Не шевелитесь,— крикнул Питер Джоэль,— не то мы все погибли!

Замок Гронден был пуст, и если он не горел, то это объяснялось лишь тем, что старый дом был сложен из каменных плит. На земле, возле тяжелой дубовой двери, что вела на мельницу, Давид различил неподвижную, скрюченную маленькую фигуру старого мельника Фонблэ с окровавленным черепом.

Все те, кто оставались в живых в сеньории Гронден, нашли убежище в маленькой часовне, которая сейчас была окружена толпой краснокожих дикарей.

Из часовни слышалось несколько редких выстрелов,

что вполне красноречиво говорило о слабых силах осажденных.

— Слушайте! — произнес Черный Охотник. — Стреляйте только тогда, когда я выстрелю, и постарайтесь убить каждый по одному из тех индейцев, что стоят возле двери. Мы пришли вовремя — как раз вовремя!

Черный Охотник выпрямился во весь рост, и из его горла вырвался страшный, жуткий, нечеловеческий крик. И этот крик означал, что Питер Джоэль снова стал тем страшным человеком, каким шестнадцать лет тому назад сделала его смерть жены и детей.

Словно демон мщения, стоял он на виду у индейцев, и едва замер его крик, как раздалось четыре выстрела и четыре индейца свалились замертво у входа в часовню. Случись это ночью, индейцы, без сомнения, кинулись бы врассыпную, ибо этот страшный крик был знаком им — он говорил о присутствии того таинственного духа, которого люди звали Черным Охотником и легенда о котором передавалась из уст в уста. Но сейчас перед ними стоял человек, а потому ужас индейцев вскоре уступил место спокойному рассудку, тем более, что позади Черного Охотника они видели еще троих белых.

Ипуская дикие вопли, Давид Рок устремился вслед за Черным Охотником; не отставая от него, неслись Карбанак и Пьер Ганьон.

Индейцы увидели, что на них несется четверо помешанных людей, но они были опьянены кровью и желанием взять последнее убежище белых, а потому остались на месте, дожидаясь врагов.

Черный Охотник еще раз выстрелил, и вместе с тем раздалось еще три выстрела, и опять четверо индейцев свалились, словно подкошенные серпом.

Теперь уже стало поздно стрелять; побросав свои ружья, все четверо ухватились за топоры, и начался страшный бой.

В лице Черного Охотника сейчас неистовствовал тот самый человек, который шестнадцать лет тому назад набросился с дубиной в руках на целый отряд индейцев. Что же касается Давида, то он дрался за десятерых. То и дело его топорик вонзался в голову, в грудь или спину индейца, и с каждым ударом надежда все больше окрыляла его.

Но самое страшное кровопролитие происходило там, где бился Карбанак. Его бешеное рычание покрывало даже нечеловеческие вопли Черного Охотника. Он, словно

греческий полубог, возвышался над всеми, и его топорик рубил направо и налево, скашивая индейцев, как колосья! Могауки окружили его, и вскоре все тело Карбанака было покрыто кровью. Чей-то топорик вонзился ему в плечо, но как раз в это мгновение, словно из земли, появился пятый человек, который с исступленными криками накинулся на могауков.

Это был Козебой, и следом за ним на могауков набросились четверо его друзей-делаваров.

Эта неожиданная подмога придала бодрости белым, и они с еще большей яростью стали пробиваться сквозь гущу индейцев к двери.

Внезапно Давид услышал голос, доносившийся из-за полуразбитой двери часовни:

— Давид! Давид! Давид!

Голос принадлежал Анне Сен-Дени. Это не только не остановило юношу, но заставило его с удвоенной энергией обрушиться на индейцев. А когда последние в ужасе отступали перед ним, они наталкивались на топорик Черного Охотника.

Лишь несколько могауков осталось в живых, и в конце концов они бросились бежать. Но даже тогда Черный Охотник пустился следом за ними, желая добить последних из тех врагов, которые однажды уже убили любимую им женщину и теперь намеревались убить вторую.

Весь обливаясь кровью, Давид опустил топорик и оглянулся. Он увидел какое-то странное выражение на лице Карбанака и поспешил к нему. Огромный гигант стоял, расставив ноги, и слегка покачивался. Глаза его широко раскрылись, словно он вдруг увидел перед собой ту женщину, которая поступила с ним так вероломно, из-за которой он подвергся унижению и страшной экзекуции. Внезапно с губ Карбанака сорвался какой-то глухой звук, и в то же мгновение он протянул руки вперед и рухнул наземь.

Пьер Ганьон, израненный и весь залитый кровью, лежал у его ног, а рядом с ним, с суровой усмешкой на запекшихся губах, лежал с широко открытыми глазами Козебой.

Давид хотел было обернуться, чтобы посмотреть, что случилось с остальными бойцами и с Черным Охотником, но внезапно почувствовал, что земля разверзается у него под ногами, он услышал чьи-то рыдания, кто-то окликнул его, и тотчас же все покрылось мраком.

Прошло много дней, прежде чем Давид пришел в себя и сообразил, что находится в одной из комнат разоренного замка и возле него сидят его мать и Анна Сен-Дени. Вскоре он узнал обо всем, что произошло в сеньории Гронден незадолго перед тем, как они явились в последнюю минуту под предводительством Черного Охотника.

Совершенно случайно население замка находилось в маленькой часовне, и это лишило индейцев возможности тотчас же уничтожить всех белых.

Карбанак умер, а равно и Козебой и маленький мельник Фонблэ. Пьер Ганьон, весь в рубцах и с переломленной рукой на перевязи, стоял возле постели Давида, и рядом с ним была Нанси Лобиньер.

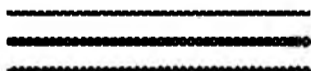
От старого барона Давид узнал, что Черный Охотник исчез бесследно — возможно, сказал сеньор Сен-Дени, что он слишком увлекся преследованием индейцев и был ими убит.

Мэри Рок ничего не сказала при этом, но в ее глазах Давид прочел безумную тоску, которая говорила о том, что сердцу этой женщины снова нанесена неизлечимая рана.

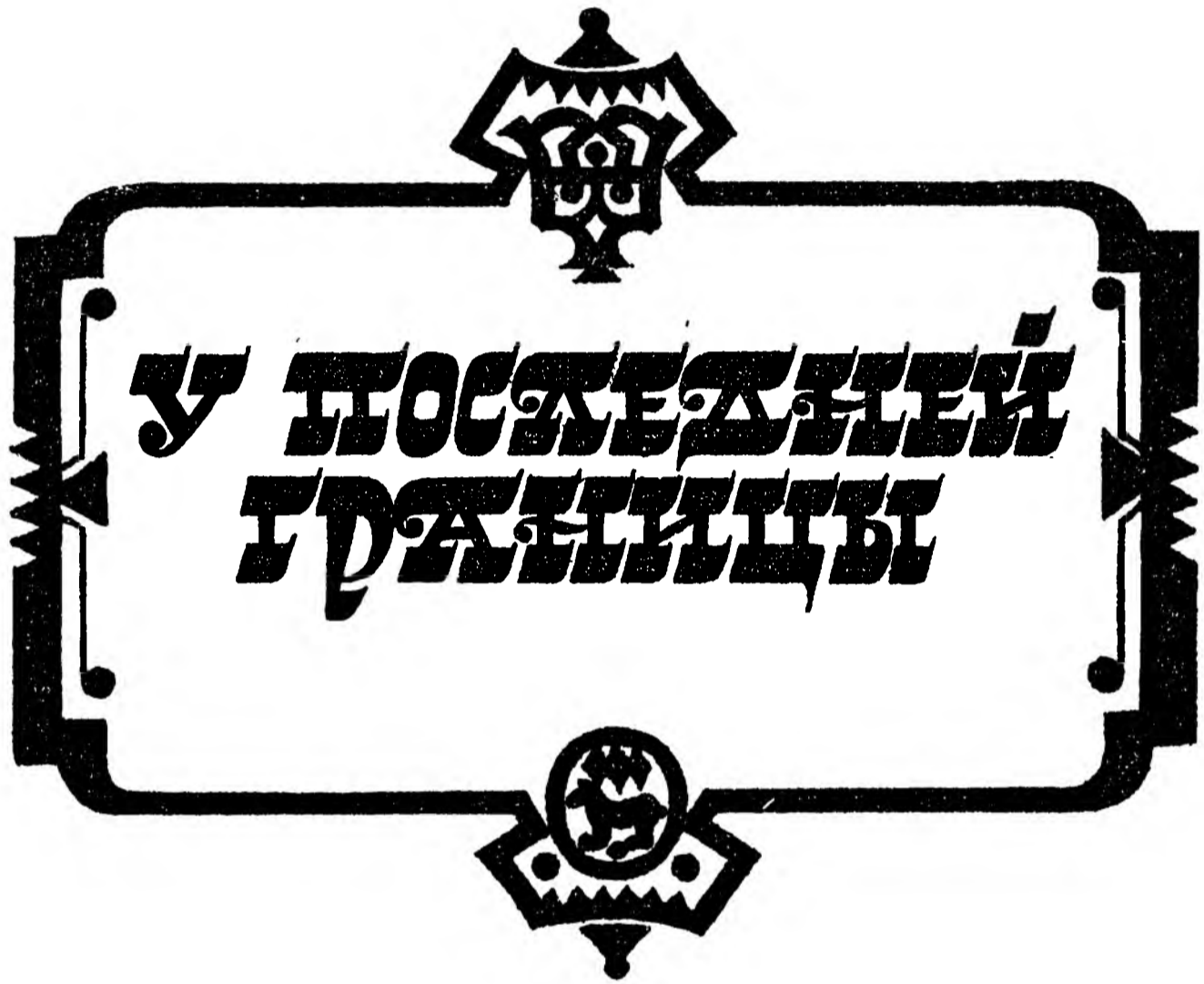
И только Анна Сен-Дени отказывалась верить, что больше не увидит Питера Джоэля.

— Я не хочу думать, что судьба окажется столь жестокой ко мне и не даст мне возможности стать на колени перед этим благородным человеком и молить его о прощении, — сказала она.

И Давид посмотрел на нее с бесконечной благодарностью.

У ПОСЛЕДНЕЙ
И РАССУДИ

*Сильным духом мужчинам и
женщинам Аляски посвящаю я
свой труд.*

Джеймс Оливер Кервуд

К

ГЛАВА I

Капитан Райфл поседел и состарился на службе Пароходной компании Аляски, но тем не менее не утратил с годами юношеского пыла. В его душе не умерла любовь ко всему романтичному, и огонь, зажженный отважными приключениями, общением с сильными людьми и жизнью в величественной стране, не погас у него в крови. Он сохранил способность замечать все живописное, чувствовать трепет перед необычным, а порою живые воспоминания так ярко вставали перед мысленным взором капитана, что в его представлении стиралась грань между вчера и сегодня; и вновь Аляска становилась тогда юной, и опять она заставляла весь мир трепетать своим диким призывом ко всем, у кого хватало мужества идти бороться за обладание ее сокровищами, — жить или умереть.

В этот вечер, находясь под впечатлением ритмичного покачивания палубы парохода под ногами и очарования желтой луны, поднимавшейся из-за массивов гор Аляски, капитан почувствовал себя во власти какого-то странного одиночества. Он лаконично произнес:

— Это Аляска.

Девушка, стоявшая рядом с ним у перил, не обернулась и не сразу ответила. Благодаря трепетному свету луны капитан мог различить ее тонко очерченный, словно камеш, профиль, и при этом свете ее глаза казались бездонными и полными скрытого огня. Рот был слегка приоткрыт, а тонкая фигура казалась напряженной, когда девушка смотрела на волшебную игру лунного света, превращавшего хребты гор в зубчатые замки, над которыми покоились, подобно колыхающимся занавескам, мягкие серые облака.

Наконец она повернулась к нему и закивала головою:

— Да, Аляска,— сказала она.

Старому капитану послышалась легкая дрожь в ее голосе.

— Ваша Аляска, капитан Райфл!

Сквозь прозрачный ночной воздух до них донесся отдаленный гул, напоминавший глухой раскат грома.

Мэри Стэндиш уже раньше два раза слышала этот звук. Она обратилась к капитану:

— Что это такое? Не может быть, чтобы буря,— при такой ясной луне и при таком чистом небе!

— Это ледяные глыбы, которые отрываются от ледников и падают в море. Мы находимся сейчас в проливе Врангеля, мисс Стэндиш, очень близко от берега. Будь это днем, вы слышали бы пение птиц. Это то, что мы называем «Внутренний путь». Я всегда называл его волшебноморской страной нашего мира, но, очевидно, я ошибался; обратите внимание на то, что мы почти одни на палубе. Разве это не доказательство? Если бы я был прав, то те мужчины и женщины, которые танцуют, играют в карты и болтают там, внизу, толпились бы здесь у перил. Можете ли вы понять этих людей? Впрочем, они не в состоянии видеть того, что вижу я — старый, смешной глупец, который так много помнит. А, мисс Стэндиш! Улавливаете ли вы запах цветов, лесов и всей зелени побережья? Он едва уловим, но я его чувствую.

— Да, я тоже чувствую его.

Она полной грудью вдохнула свежий воздух и повернулась так, что очутилась спиной к перилам и лицом к ярко освещенным окнам каюты. Нежная музыка доносилась до ее ушей, навевая дремоту тихими мелодиями. Слышно было шарканье ног танцующих. Смех сливался с ритмичным скрипом судна. Голоса, раздававшиеся за освещенными окнами, то замирали, то снова становились громче. Когда старый капитан взглянул на девушку, он увидел в ее лице нечто такое, чего он не мог понять.

Мисс Стэндиш как-то странно появилась на пароходе в Сиэтле,— совсем одна и почти в самую последнюю минуту, отнюдь не считая нужным заранее заpastись местом на пароходе, столь нагруженном, что несколько сот человек были вынуждены отказаться от поездки. Случайно она попала на глаза капитану. В отчаянии она бросилась к нему, и он различил какой-то необычайный ужас под ее вынужденно спокойным видом. С тех пор старый капитан уделял молодой пассажирке отеческое внимание, заботливо следя за ней как человек умудренный годами.

И не раз замечал он в ней то пытлиное и в то же время

вызывающее выражение, которое бросилось ему в глаза и сейчас, когда мисс Стэндиш смотрела в окна каюты.

Она рассказывала капитану, что ей двадцать три года и она должна встретиться в Номе с родными. Она назвала ему несколько человек, и он ей поверил. Нельзя было не верить ей. К тому же он восхищался ее удачью, благодаря которой девушка преодолела все официальные препятствия, чтобы попасть на пароход.

Во многих отношениях молодая путешественница всегда была милым и общительным спутником. Тем не менее капитан Райфл, благодаря опыту своему, понял, что она находится в каком-то напряженном состоянии. Ему было ясно, что она с чем-то выдерживает борьбу. Но, повинуясь мудрости своих шестидесяти трех лет, он вида не показывал, что догадывается.

Он и теперь внимательно наблюдал за ней, но так, что это оставалось незаметным.

Мисс Стэндиш была очень хороша; ее красота, спокойная и необычайного характера, неотразимо влекла к себе и взывала к старым воспоминаниям, ярко запечатлевшимся в сердце бывалого капитана.

Она была стройна, как девочка. Он заметил, что при дневном свете у нее чарующие светло-серые глаза. А ее дивные гладкие темные волосы, тщательно причесанные пышной короной, простотой своей наводили на мысль о пуританстве.

Иногда его брало сомнение, действительно ли ей двадцать три года. Он скорее поверил бы ей, если бы она сказала, что ей девятнадцать или двадцать. Эта девушка была для него загадкой и вызывала в нем множество размышлений. Но это отчасти входило в обязанности капитана: видеть многое, что вряд ли увидят другие, и держать язык за зубами.

— Мы не совсем одни,— услышал он.— Есть и другие.— И мисс Стэндиш легким кивком указала на две фигуры поодаль у перил.

— Старый Дональд Хардвик из Скагвэя,— заметил капитан Райфл.— А другой — Алан Холт.

— Да, да.

Она снова повернулась лицом к горам, и ее глаза заблестели при свете луны. Слегка прикоснувшись к рукаву старого капитана, она прошептала:

— Слушайте!

— Еще одна ледяная глыба оторвалась от ледника Старый Гром. Мы плывем близко от берега, а ледники тянутся на всем протяжении.

— А вот этот, другой звук, похожий на шум ветерка,

несмотря на то, что ночь такая тихая и спокойная. Это что такое?

— Вы всегда услышите его вблизи больших гор, мисс Стэндиш. Этот шум производят тысячи рек и ручейков, низвергающихся в море. Где только в горах начинает таять снег, там слышна эта песня.

— А этот человек, Алан Холт, он тоже частица этого мира? — промолвила девушка.

— Пожалуй, больше, чем кто-либо другой, мисс Стэндиш. Он родился на Аляске еще до того, как люди имели понятие о Номе, Фэрбенксе или Даусон-Сити. Сдается мне, это было в восемьдесят четвертом году. Дайте вспомнить, — ему сейчас должно быть...

— Тридцать восемь, — подхватила мисс Стэндиш так быстро, что капитан в первое мгновение был изумлен.

Потом он слегка рассмеялся:

— Вы очень сильны, однако, в счете.

Он почувствовал, как ее пальцы чуть сильнее сдавили его руку.

— Сегодня вечером, как раз после обеда, старый Дональд застал меня одну. Он заявил мне, что ему скучно, а потому хотелось бы побеседовать с кем-нибудь, — со мной, например. Он почти что испугал меня своей длинной седой бородой и косматой головой. Когда мы с ним беседовали в сумерках, я все время думала о привидениях.

— Старый Дональд принадлежит к эпохе, когда Чилькут и Белый Конь оказались могилой для многих человеческих жизней. А от Верхушки до самого Клондайка, мисс Стэндиш, тропа была усеяна живыми мертвецами, — произнес капитан. — Вы встретите на Аляске много людей вроде старого Дональда. Они многое помнят. Вы сумеете прочесть это в их лицах — неизгладимое воспоминание о давно минувших днях.

Мисс Стэндиш слегка наклонила голову и посмотрела на воду.

— А Алан Холт? Вы его хорошо знаете?

— Его мало кто знает хорошо. Он частица самой Аляски и порою кажется мне более недоступным, чем далекие горы. Но я его знаю. Вся Северная Аляска знает Алана Холта. У него имеются стада северных оленей за горами Эндикотт, но он всегда стремится дальше, куда еще не ступала нога человека, к последней границе.

— Он, должно быть, очень смел.

— Аляска воспитывает героев, мисс Стэндиш.

— И честных людей, не правда ли? Людей, на которых можно положиться, которым можно верить?

— Да, и честных людей.

— Как странно,— сказала она и слегка засмеялась дрожащим смехом, прозвучавшим, словно трель соловья.— Я никогда раньше не видывала Аляски, но что-то в этих горах вызывает во мне такое чувство, будто я их знаю давным-давно. Мне кажется, что они кричат мне «добро пожаловать!», что я возвращаюсь домой! Алан Холт счастливый человек. Я хотела бы родиться на Аляске.

— А где вы родились?

— В Соединенных Штатах.

В ее ответе внезапно промелькнула ирония.

— Я жалкий продукт этого плавильного тигля, капитан Райфл. И теперь еду на Север учиться.

— Только за этим, мисс Стэндиш?

Его спокойный, отнюдь не подчеркнутый вопрос требовал ответа. Его доброе лицо, сморщенное от многолетнего пребывания на ветру и солнце, выражало искреннюю заботу, когда девушка посмотрела ему прямо в глаза.

— Я должен настоять на моем вопросе,— сказал он.— Это мой долг как капитана этого корабля и как человека, который годится вам в отцы. Разве у вас нет ничего, что вы хотели бы мне рассказать по секрету?

В течение одного мгновения мисс Стэндиш колебалась. А затем медленно покачала головой.

— Нет, ничего, капитан Райфл.

— Но тем не менее... Ваше появление на пароходе было так странно,— настаивал капитан.— Вы, наверное, помните. Это было в высшей степени необычайно: не забронировав за собою места, без багажа...

— Вы забыли мой саквояж,— напомнила она.

— Да, но никто не ездит на север Аляски с одним саквояжем, в котором едва помещается смена белья.

— А я вот поехала, капитан.

— Это так. Я видел, как вы прокладывали себе путь сквозь толпу матросов,— словно маленькая дикая кошка. Это было что-то беспрецедентное.

— Мне очень жаль. Но они были так глупы, и никак нельзя было пройти.

— Только случайно я видел все это, дитя мое. Иначе я руководствовался бы пароходными правилами и отправил бы вас назад на берег. Вы были испуганы. Вы не станете этого отрицать. Вы от чего-то убегали.

Детская простота ответа поразила его.

— Да, я убегала от чего-то.

В ее глазах, ясных и прекрасных глазах, не было страха, но тем не менее старик опять угадал в ней трепет борьбы.

— И вы мне не скажете, почему вы бежали, от какой опасности?

— Я не могу,— во всяком случае не сегодня. Я, может быть, расскажу вам до нашего приезда в Ном. Хотя... Возможно...

— Что?

— Что я никогда не доберусь до Нома.

Она вдруг схватила руку капитана и с какой-то дикой страстью в голосе воскликнула:

— Я очень ценю ваше доброе отношение ко мне. Я очень хотела бы сказать вам, почему я таким образом появилась на пароходе. Но я не могу. Смотрите! Смотрите на эти чудесные горы! — Она указала на них свободной рукой.— За ними лежит страна, полная вековых приключений и тайн, к которым вы были так близки в течение тридцати лет, капитан Райфл. Ни один человек никогда не увидит того, что видели вы, не почувствует того, что чувствовали вы. Никому не нужно будет забывать того, что вам приходилось забывать. Я знаю это. И после всего этого неужели вы не сможете забыть моего странного появления на пароходе? Ведь это значит — выкинуть из головы такое простое, незначительное событие, такое пустяшное, ничего не значащее! Пожалуйста, капитан Райфл, я вас очень прошу!

Раньше чем старик успел опомниться, мисс Стэндиш быстро прижала его руку к своим губам. Только одно мгновение продолжалось это теплое прикосновение, но оно отняло у капитана дар речи и всю его решимость.

— Я вас очень люблю за то, что вы были так добры ко мне,— прошептала она.

И так же внезапно, как она поцеловала его руку, мисс Стэндиш исчезла, оставив капитана одного у перил.

ГЛАВА II

Алан Холт увидел тонкую фигуру девушки, выделяющуюся при ярком свете открытых дверей буфета верхней палубы. Он не следил за ней, а равно не смотрел внимательно на исключительно привлекательную картину, которую являла она собою, когда остановилась на мгновение у дверей после разговора с капитаном Райфлом.

Для Алана она была лишь одним из пятисот атомов человечества, принимавших участие в шумной, интересной жизни на первом в этом сезоне пароходе, направлявшемся на Север. Судьба, в лице пароходного эконома, привела его немного ближе других к мисс Стэндиш. Вот и все. В течение двух дней она за обедом занимала место за одним и тем же столом, почти напротив него. Так как она пропу-

стила оба часа для первого утреннего завтрака, а он не являлся ко второму завтраку, соседство и требование вежливости не обязывали их к большему, чем к обмену дюжиной слов. Алан был этим вполне удовлетворен. Он по натуре был неразговорчив и малообщителен. За его молчаливостью скрывался известный скептицизм. Он был хорошим слушателем и первоклассным критиком. Он знал, что некоторые люди рождены для разговоров, а на других, равновесия ради, возложено бремя молчания. Но для него молчание отнюдь не было бременем.

Он с обычным равнодушием издали любовался Мэри Стэндиш. Она была очень спокойна и этим нравилась ему. Он не мог, конечно, не заметить красоты ее глаз и длинных ресниц, которые отбрасывали дрожащую тень на лицо. Но это были частности, которые не вызывали в нем восторга, а попросту нравились ему. Возможно, что еще больше, чем серые глаза, нравились Алану волосы Мэри Стэндиш. Но он не был настолько заинтересован, чтобы размышлять над этим. А если бы он что-либо и отметил в ней, то это были бы ее волосы, и не столько из-за их цвета, сколько из-за внимания, которое, несомненно, им уделялось, и из-за самой прически. Он заметил, что они темные и отливают различными оттенками при свете огней столовой. Больше всего по душе были ему именно эти мягкие, шелковистые пряди, которые кольцами, наподобие короны, лежали на ее хорошенькой головке. Это было большим облегчением после стольких уродливых причесок, стриженных и завитых, которые ему пришлось видеть за семимесячное пребывание в Штатах.

Итак, она потому нравилась Алану, что в ней не было, в общем, ничего, что могло бы ему не нравиться.

Он не спрашивал себя, конечно, что думает девушка о нем,— о его спокойном, строгом лице, холодном равнодушии ко всему, гибкости индейца и седой пряди в густых светлых волосах. Это его мало занимало.

Пожалуй, что этой ночью ни одна женщина в мире не интересовала его, разве только с точки зрения случайного наблюдателя жизни. Другие, более важные, мысли держали его в своей власти и вызывали в нем трепет с той самой минуты, как он сел в Сиэтле на новый пароход «Ном» и почувствовал под ногами дрожь машин. Он ехал *домой*. А «дом» означало Аляску, горы, обширные тундры, безграничные пространства, куда еще не достигла цивилизация с ее грохотом и гулом. Это означало друзей, звезды, которые он знал, его стада, все, что он любил. Так реагировала его душа после семи месяцев изгнания, семи месяцев оди-

ночества и отчаяния в городах, которые он мало-помалу стал ненавидеть.

— Никогда я не поеду больше на целую зиму, разве только мне приставят револьвер ко лбу,— говорил он капитану Райфлу через несколько минут после того, как Мэри Стэндиш ушла с палубы.— Зима в стране эскимосов достаточно длинна, но зима в Сиэтле, Миннеаполисе, Чикаго и Нью-Йорке гораздо длиннее — для меня, во всяком случае.

— Насколько я понимаю, вас задержали в Вашингтоне на конференции по вопросам путей сообщения?

— Да, вместе с Карлом Ломеном из Нома. Но Ломен — настоящий мужчина! У него сорок тысяч оленей на полуострове Сюард, и им пришлось выслушать его. Мы, возможно, добьемся своего.

— Возможно,— в голосе капитана Райфла звучало сомнение.— Аляска ждет уже десять лет коренного переустройства. Я сомневаюсь, достигнете ли вы чего-нибудь. Когда политиканы из Айовы и Южного Техаса диктуют нам, что можно и что нужно нам за пятьдесят восьмой параллелью, так что толку в этом? Аляска может «прикрыть свою лавочку»!

— Нет, она этого не сделает! — сказал Алан Холт, и его лицо, освещенное луной, приняло суровое выражение.— Они и так уже постарались, и много наших домов опустело. В девятьсот десятом году нас было тридцать шесть тысяч белых на территории Аляски; с того времени вашингтонские политиканы заставили бежать девять тысяч — четверть населения. Но оставшиеся хорошо закалены. Мы не сдадимся, капитан. Многие из нас — уроженцы Аляски, и мы не боимся борьбы.

— Вы хотите сказать...

— Что мы добьемся удовлетворения наших справедливых требований в течение ближайших пяти лет. И в каждый из последующих пяти лет мы будем ежегодно отправлять в Штаты по миллиону оленьих туш. А через двадцать лет будем отправлять по пяти миллионов. Приятная перспектива для мясных королей, а? Но зато это на пользу, кажется мне, тем ста миллионам американцев, которые собираются превратить свои пастбища в поля, изрезанные оросительными каналами.

Рука Алана судорожно сжимала перила.

— Пока я сам не побывал в Штатах этой зимой, я не думал, что дело так плохо,— сказал он, и железная нотка прозвучала в его голосе.— Ломен — дипломат, а я — нет. Меня тянет в бой, когда я вижу подобные вещи, хочется пустить оружие в ход. Оттого что нам удалось натолк-

нуться здесь на золото, они считают Аляску лимоном, который нужно выжать как можно скорей, а потом, когда нечего будет сосать, выбросить невыгодную кожуру. Вот вам этот новейший американизм с его погоней за долларами!

— А вы разве не американец, мистер Холт?

Так тихо и близко прозвучал этот вопрос, что мужчины вздрогнули. Оба обернулись в изумлении. Рядом с ними стояла Мэри Стэндиш. Ее прекрасное спокойное лицо было залито лунным светом.

— Вы меня спрашиваете, madame? — отозвался Алан Холт, вежливо поклонившись. — Нет, я не американец, я уроженец Аляски.

Губы девушки были приоткрыты. Ее светлые глаза ярко блестели.

— Пожалуйста, простите, что я подслушала. Я не могла удержаться. Я — американка и люблю Америку. Мне кажется, я люблю ее больше всего на свете. Да, Америку, мистер Холт. А это далеко не то же, что американцев. Меня радует сознание, что мои предки прибыли в Америку на «Майском цветке»*. Меня зовут Стэндиш. И я хотела напомнить вам, что Аляска — тоже Америка.

Алан Холт был несколько изумлен. Лицо девушки перестало быть благодушно-спокойным, ее глаза загорелись. Он чувствовал сдерживаемую дрожь в ее голосе и знал, что днем он мог бы увидеть на ее щеках яркий румянец. Алан улыбнулся, и в этой улыбке он не совсем скрыл легкую насмешку, мелькнувшую в его мозгу, под влиянием этой мысли.

— А что вы знаете об Аляске, мисс Стэндиш?

— Ничего, и все-таки я ее люблю. — Она указала на горы. — Как бы я хотела родиться среди них! Вы — счастливый. Вы должны были бы любить Америку.

— Вы хотите сказать Аляску?

— Нет, Америку! — В ее глазах блеснул вызов. Она не оправдывалась. Она открыто выражала свои мысли.

Ироническая улыбка исчезла с губ Алана. Слегка рассмеявшись, он снова поклонился.

— Если я имею честь говорить с представительницей рода капитана Майлса Стэндиша, который прибыл на «Майском цветке», то я достоин порицания, — произнес он. — Вы имеете право судить об Америке, если я не ошибся в вашем происхождении.

— Вы не ошиблись, — ответила мисс Стэндиш, гордо

---

* Название корабля, на котором прибыли в Северную Америку первые английские эмигранты, положившие начало Соединенным Штатам.

вскинув голову.— Впрочем, я лишь недавно поняла значение и ответственность, связанную с этим. Еще раз прошу простить меня за то, что прервала вас. Это вышло совершенно случайно.

И, не дожидаясь ответа, она быстро улыбнулась обоим мужчинам и спустилась с палубы.

Музыка прекратилась. Жизнь в каюте затихла.

— Изумительная молодая особа,— сказал Алан.— Я думаю, что дух капитана Майлса Стэндиша мог бы гордиться ею. Осколок старой скалы, так сказать.

У Алана была своеобразная манера подтрунивать над людьми одной лишь интонацией произносимых слов. Это было свойством его голоса, обращавшим на себя внимание. По временам, когда Алан бывал иронически настроен, он мог больно уязвить своим тоном, вовсе того не желая.

Через минуту Мэри Стэндиш была забыта, и он спрашивал капитана о том, что все время занимало его.

— Пароходу придется идти довольно извилистым путем, не правда ли?

— Да, это так,— согласился капитан Райфл.— Но впредь он будет делать рейсы прямым от Сиэтла до Нюма. А на сей раз мы идем внутренним путем до Джуно и Скагвэя, и затем пройдем Алеутским проливом мимо Кордовы и Сюарда. Это каприз директора Компании, который они не сочли нужным мне объяснить. Возможно, что к этому делу причастны канадские гуляки на нашем судне. Мы их высадим в Скагвэе, откуда они направятся на Юкон через проход Белого Коня. Теперь это стало приятной прогулкой для неженки, Холт. Но я помню...

— Я тоже помню,— прервал его Алан Холт, не спуская глаз с гор, за которыми лежали горные тропинки, усеянные во время золотой горячки телами золотоискателей предыдущего поколения.— Я помню. А старый Дональд еще до сих пор грезит об этом аде, оставшемся в прошлом. Сегодня он был подавлен воспоминаниями. Хорошо, если бы он мог забыть.

— Мужчины не забывают таких женщин, как Джейн Хоуп,— тихо произнес капитан.

— Вы ее знали?

— Да. Она с отцом приехала на моем судне. Прошлой осенью минуло двадцать пять лет, Алан. Много времени, не правда ли? И теперь, когда я гляжу на Мэри Стэндиш и слышу ее голос...— Он колебался, словно выдавал чью-то тайну, и затем продолжал:— Я не могу прогнать мысли о девушке, за которую боролся и которой добился Дональд

Хардвик в этом ущелье смерти у Белого Коня. Слишком ужасно, что она умерла.

— Она не умерла,— сказал Алан. Голос его звучал теперь мягче.— Она не умерла,— повторил он.— В этом-то и горе. В его мыслях она жива и сегодня, как двадцать лет тому назад.

После короткого молчания капитан произнес:

— Сегодня вечером она с ним беседовала, Алан.

— Кто? Мисс Стэндиш, вы хотите сказать?

— Да. Кажется мне, что вы находите в ней что-то забавное.

Алан пожал плечами.

— Вовсе нет. Я нахожу ее на редкость восхитительной молодой особой. Хотите сигару, капитан? А я пройдусь немного. Для меня очень полезно потолкаться среди ветеранов Аляски.

Оба прикурили от одной спички, и затем Алан пошел своей дорогой, а капитан направился к каюте.

Для Алана в эту ночь пароход «Ном» был больше, чем вещь из стали и дерева. Он был живым существом, в котором пульсировала кровь и билось сердце в унисон с сердцем Аляски. Гул от мощных машин звучал для Алана радостной песней человеческого гения. Длинный список пассажиров имел в его представлении почти героический смысл; то не были просто имена мужчин и женщин — эти люди были жизненной силой любимой страны, кровью ее сердца, ее подлинной частицей, ее «преданнейшими». Он знал, что с каждым поворотом винта к северу приближались романтика, приключения, трагедии и надежды. А вместе с ними — наглость и алчность. На борту парохода собрались враждующие элементы: те, которые сражались за Аляску, те, которые будут ее созидать, и те, которые станут разрушать ее.

Алан пыхтел сигарой и прохаживался по палубе, то и дело проходя вплотную мимо мужчин и женщин, которых он почти не замечал. Но он был наблюдателен. Он узнавал туристов, почти не глядя на них. Дух Севера еще не овладел ими. Они были болтливы, они восторженно восхищались красотой и величием панорамы, разворачивавшейся перед их глазами. Ветераны забрались в темные уголки и молча любовались или же тихо и спокойно прогуливались по палубе с сигарами и трубками в зубах, уносясь мыслями по ту сторону гор. А между пришельцами и ветеранами Алан различал целый ряд человеческих типов, плоть и кровь от населения к северу от пятьдесят четвертой параллели. Он мог бы в точности указать, переходя от одного к

другому, тех, кто принадлежит стране за пятьдесят восьмой параллелью.

Миновав курительную комнату, он остановился и стряхнул за борт пепел от сигары. Рядом с ним стояла группа из трех человек. Он узнал молодых, только что окончивших инженеров, которые ехали проводить железную дорогу от Сюарда до Танана. Один из них возбужденно говорил, исполненный восторга от своего приключения.

— Я вам говорю, никто не знает того, что нужно знать об Аляске. В школе нам рассказывали, что это страна вечных льдов, что там полно золота, и главный штаб, так сказать, рождественского дедушки, потому что оттуда вывозят северных оленей. И, вырастая, мы имеем то же представление! — Он перевел дыхание.— Но помните, что Аляска в девять раз больше штата Вашингтон, в двенадцать раз больше штата Нью-Йорк. И мы ее откупили у России меньше чем по два цента за акр. Если положить карту Аляски на карту Соединенных Штатов, то город Джуно совпадет с Сент-Огюстином во Флориде, а Уналяска — с Лос-Анджелесом. Вот каковы ее размеры!

— Верно, сынок,— раздался чей-то спокойный голос позади группы.— Ваши географические сведения правильны; вы могли бы еще пополнить знания ваших слушателей, если бы указали, что Аляска находится всего в тридцати семи милях от Сибири, а между тем, когда мы просили в Вашингтоне хоть немного оружия и людей для охраны Нома, там посмеялись над нами. Можете вы это понять?

Место прежнего полунасмешливого любопытства в Алане занял живой интерес, заставивший его внимательно прислушиваться. Он заметил седую бороду высокого сухощавого старика, произнесшего последние слова, но не знал, кто он. А когда старик повернулся, готовясь уходить, его спокойный грудной голос снова явственно донесся до слуха Алана:

— И если судьба Аляски вас хоть немного занимает, то убедите, сынок, ваше правительство повесить несколько молодцов вроде Джона Грэйхама.

Услышав это имя, Алан почувствовал, как кровь быстрее потекла в его жилах. Одного только человека во всем мире он смертельно ненавидел, и этот человек был Джон Грэйхам.

Он собрался было последовать за незнакомцем, слова которого временно лишили дара речи молодых инженеров, чтобы узнать, кто он, но вдруг увидел тонкую фигуру,

вставшую между ним и яркими окнами курительной комнаты. Это была Мэри Стэндиш.

По ее позе Алан понял, что она слышала слова и молодого инженера и старика, но она смотрела на *него*. Алан не помнил, чтобы ему раньше когда-нибудь приходилось видеть такое выражение лица у женщины. То был не испуг, а воплощение ужаса, который рождается скорее от мысли или мысленного представления, чем от чего-либо реального.

Сперва Алан Холт почувствовал раздражение. Уже второй раз мисс Стэндиш проявляла слишком большое душевное волнение в связи с вещами, которые ее не касались. Поэтому он сказал, обращаясь к затихшим молодым людям, стоявшим в нескольких шагах от него:

— Он ошибся, господа. Джон Грэйхам не должен быть повешен. Это было бы для него слишком большой милостью.

Он снова принялся расхаживать и, проходя мимо инженеров, кивнул им головой. Едва он очутился вне поля их зрения, как позади него раздались быстрые шаги, и рука девушки слегка прикоснулась к его рукаву.

— Мистер Холт, пожалуйста...

Он остановился, отдавая себе отчет в том, что легкое прикосновение ее пальцев далеко не было неприятно ему. Мисс Стэндиш колебалась и, когда снова заговорила, прикасалась к нему только кончиками пальцев. Она смотрела на берег, так что в первую минуту Алан видел только блестящую копну ее мягких волос. Потом она взглянула ему прямо в глаза. В глубине ее серых глаз блеснул вызов.

— Я совсем одна на пароходе,— сказала она,— у меня здесь нет ни одного друга. Я хотела бы все посмотреть и обо всем расспросить. Не согласитесь ли вы... помочь мне?

— Вы хотите сказать... быть вашим проводником?

— Да, если вы согласны. Я бы чувствовала себя спокойнее.

Раздражение Алана улеглось. Его начало забавлять создавшееся положение и удивлять поразительная серьезность девушки. Она не улыбалась. Ее глаза смотрели пристально и деловито, но в то же время они были очаровательны.

— Ваша просьба такова, что я никак не могу отказать,— сказал он.— Но что касается вопросов, то капитан Райфл, наверное, лучше моего сможет ответить на них.

— Мне не хотелось бы его беспокоить,— ответила девушка, — он и так очень занят, а вы свободны.

— Да, совершенно свободен, и мне не о чем заботиться.

— Вы, наверное, понимаете, чего я хочу, мистер Холт? Может быть, вам трудно меня понять или вы не хотите по-

пытаться. Я еду в незнакомую страну и страстно желаю возможно больше узнать о ней раньше, чем попаду туда. Мне хотелось бы узнать многое. Например...

— Например?

— Чем объяснить ваши слова о Джоне Грэйхаме? Что означает фраза старика, что Грэйхам должен быть повешен?

В ее вопросе чувствовалась такая резкость и прямота, что в первое мгновение Алан был изумлен. Она сняла руку с его рукава, и казалось, что девушка охвачена внезапным волнением в ожидании его ответа.

Она теперь так повернулась, что при свете луны он ясно различил ее лицо. При виде ее мягких блестящих волос, подчеркивавших исключительную бледность лица, и откровенных глаз Алан на несколько секунд потерял способность говорить. Он пытался уловить и понять в ней что-то такое, что помимо его воли влекло к ней. Но вскоре он улыбнулся, и глаза его неожиданно заблестели.

— Видели ли вы когда-нибудь схватку между собаками? — спросил он.

Она колебалась, словно стараясь вспомнить, и чуть вздрогнула.

— Да, один раз.

Что с вами?

— Это была моя собачка... Маленькая собачка. Ей перегрызли горло...

Он кивнул.

— Вот, вот, мисс Стэндиш! Именно это делает Джон Грэйхам с Аляской. Он — огромный пес, чудовище. Вообразите себе человека с колоссальной финансовой мощностью, поставившего себе целью выкачать все богатства из новой страны и подчинить ее своим личным желаниям и политическому честолюбию. Вот что делает в Штатах Джон Грэйхам с высоты своего денежного могущества. Он представитель шайки финансистов. Будь он проклят! Столько денег в руках человека без совести, человека, готового принести в жертву тысячи, миллионы людей ради достижения своей цели, человека, который в буквальном смысле слова не кто иной, как убийца...

Девушка так испуганно ахнула, что Алан замолк. Ее и без того бледное лицо стало еще бледнее. Руки судорожно прижались к груди. Выражение ее глаз вызвало на губах Алана прежнюю ироническую улыбку.

— Я снова оскорбил ваше пуританство, мисс Стэндиш, — сказал он, слегка поклонившись. — Я должен извиниться за то, что задел ваши лучшие чувства моей руганью и тем, что назвал этого человека убийцей. А теперь не угодно ли вам пройтись по пароходу?

На почтительном расстоянии от них три молодых инженера наблюдали за Аланом и Мэри Стэндиш, когда те двинулись с места.

— Чертовски хорошенькая девочка,— сказал один из них, подавив глубокий вздох.— Я никогда еще не видывал таких волос, таких глаз...

— Я сижу за одним столом с ними,— прервал его другой,— почти рядом с ней, вторым слева, но она не сказала мне за все время и трех слов, а этот парень, с которым она сейчас гуляет,— настоящая ледяная сосулька из Лабрадора.

В это время Мэри Стэндиш говорила:

— Знаете, мистер Холт, я завидую этим молодым инженерам. Я хотела бы быть мужчиной.

— Я тоже предпочел бы, чтобы это было так,— любезно согласился Алан.

На мгновение хорошенький ротик Мэри Стэндиш потерял свои нежные очертания, но Алан не заметил этого. Он наслаждался сигарою и свежим воздухом.

ГЛАВА III

Ни один мужчина не прошел бы мимо Алана Холта, не заметив его. Что же касается женщин, то дело обстояло иначе. Он ни в коем случае не принадлежал к числу тех, кого называют дамскими угодниками. Он абстрактно восхищался женщинами, был готов сражаться или умереть за них в случае необходимости, но его чувства были неизменно подчинены рассудку. Его рыцарство, которое родилось и воспиталось среди гор и равнин, не имело ничего общего с тем неискренним рыцарством, которое является продуктом более мягкого и изнеженного лона цивилизации. Годы одиночества наложили на Алана свое клеймо. Люди Севера, которые умеют разбираться в чертах лица, могли еще понять его, но таких женщин, которым это было бы доступно, было весьма немного. И тем не менее в случае опасности женщины в своей беспомощности инстинктивно обратились бы именно к такому человеку, как Алан Холт.

Он обладал чувством юмора, которое лишь немногим было понятно. Горы научили его смеяться в одиночестве. Одна его усмешка означала столько же, сколько бурный взрыв хохота у другого. Он мог быть в очень веселом настроении, но ни один мускул лица не выдавал его. И его улыбка не всегда свидетельствовала о веселых мыслях. Случалось, что она яснее слов отражала совсем другие думы.

Именно потому, что Алан очень хорошо понимал и

знал себя, создавшееся сейчас положение забавляло его. Он видел только, что Мэри Стэндиш ошиблась, остановив свой выбор на нем, когда она могла легко вызвать трепет восторга в любом из молодых инженеров, предложив сопровождать ее в вечерней прогулке.

Он чуть слышно засмеялся. Этот неожиданный звук заставил Мэри Стэндиш сделать гордый и быстрый бросок головы — жест, который он уже однажды подметил в присутствии капитана Райфла. Но она ничего не сказала и, словно принимая вызов, спокойно взяла его под руку.

Пройдя некоторое расстояние, Алан стал отдавать себе отчет в том, что прогулка доставляет ему определенное удовольствие. Пальцы девушки не только касались его рукава, но доверчиво прижимались к его руке. Мисс Стэндиш шла рядом с ним почти вплотную, чуть ли не касаясь его лица блестящими прядями своих волос, когда он смотрел на нее. Ее близость и нежное пожатие ее руки поколебали стойкость Алана.

— Не так уж плохо, — откровенно признался он. — Я начинаю думать, что мне доставит удовольствие отвечать на ваши вопросы, мисс Стэндиш.

— О! — Он почувствовал, как вся ее стройная маленькая фигура тотчас же напряглась.

— А вы думали, возможно, что я могу быть опасной?

— Немного. Я не понимаю женщин. Женщин в общей сложности я считаю самым чудесным творением природы. В отдельности каждая из них меня мало трогает. Но вы...

Она одобрительно кивнула головой.

— Очень мило с вашей стороны. Но вы напрасно говорите, что я непохожа на других. Вовсе нет. Все женщины одинаковы.

— Возможно. За исключением их манеры причесываться.

— А моя прическа вам нравится?

— Очень.

Его в такой степени изумил собственный ответ, что в виде протеста он пыхнул сигарой и выпустил огромное облако дыма.

Они снова подошли к курительной комнате. Это было роскошное и уютное помещение, и в одном конце находился уголок для тех дам, которые пожелали бы посидеть со своими мужьями, пока те курят свои сигары после обеда. Из всех пароходов Компании Аляски подобное нововведение имелось только на «Номе».

— Если вы хотите послушать про Аляску и увидеть, каких людей она создает, зайдите сюда, — предложил Алан. — Я не знаю лучшего места. Вы не боитесь табачного дыма?

— Нет, будь я мужчиной, я бы непременно курила.

— Может быть, вы курите?

— Нет. Когда я примусь курить, то раньше остригу волосы.

— Что было бы преступлением,— ответил Алан таким серьезным тоном, что снова удивился самому себе.

Две или три дамы со своими спутниками сидели уже в маленькой курительной, когда мисс Стэндиш и Алан вошли туда. В огромной курительной комнате, занимавшей треть задней палубы, плыли сизые облака дыма. За круглыми столами сидело человек двадцать мужчин, которые играли в карты. Человек сорок сидели, разбившись на группы, и беседовали, а остальные бесцельно шагали взад и вперед по полу, устланному коврами. Несколько мужчин скучало в одиночестве. Некоторые дремали, что заставило Алана взглянуть на часы. Затем он обратил внимание, что Мэри Стэндиш с любопытством смотрит на бесчисленные свертки аккуратно скатанных шерстяных одеял, видневшиеся повсюду. Один такой сверток лежал у ее ног. Мисс Стэндиш дотронулась до него носком ботинка.

— Что это значит? — спросила она.

— У нас слишком много пассажиров,— объяснил ей Алан.— На пароходах Аляски не бывает так называемых палубных пассажиров. Когда вы едете на Север, то в третьем классе не найдете бедняков. Вы всегда найдете на нижней палубе парочку миллионеров. Большинство людей, которых вы видите здесь, когда пожелают лечь спать, развернут одеяла и улягутся на полу. Вы когда-нибудь видели герцога, мисс Стэндиш?

Он считал своим долгом давать ей объяснения, раз он привел ее сюда, а потому обратил ее внимание на третий стол слева от них. За этим столом сидело трое мужчин.

— Вот тот джентльмен, что смотрит в нашу сторону, с вялым лицом и светлыми усами, это и есть герцог. Я забыл, как его зовут. Несмотря на такую наружность, он тем не менее настоящий спортсмен. Он едет в Кадьяк охотиться на медведей и тоже спит на полу. Вот та группа, позади них, за пятым столом,— владельцы Трэдвельских приисков. А этот, видите там, который дремлет, прислонившись к стене, с усами чуть не до пояса, это «Горячка» Смит, старый приятель Джорджа Кармака, открывшего золото в бухте Бонанца в девяносто шестом году. Удар лопаты Кармака, когда он впервые наткнулся на золото, «прозвучал на весь мир», мисс Стэндиш. Этот джентльмен с лохматой бородой был вторым богачом в Бонанца, если не считать индейцев Скукума Джима и Таглиша Чарли, которые были с Кармаком при открытии золота. А если

вас интересует романтика, то могу вам еще сказать, что «Горячка» Смит любил Белинду Мелруни — самую смелую из всех жинщин, которые когда-либо оказывались на Севере.

— В чем заключалась ее смелость?

— В том, что она пришла одна, без единого защитника, в страну мужчин, твердо решив добиться богатства на равных правах с другими. И она добилась своего. Пока в Дасоне жив хотя бы один человек, он будет помнить Белинду Мелруни.

— Она показала, на что способна женщина, мистер Холт?

— Да. А немного спустя, мисс Стэндиш, она показала, какой сумасшедшей может быть женщина. Она стала самой богатой женщиной в Дасоне. Вдруг появляется какой-то человек и выдает себя за графа. Белинда вышла за него замуж, и они уехали в Париж. По-моему, это — конец. А если бы она вышла за «Горячку» Смита, вот того, с длинной бородой...

Он не закончил. Шагах в шести от них какой-то мужчина приподнялся из-за стола и пристально смотрел в их сторону. В нем не было ничего, что обращало бы на себя внимание, если не считать дерзости, с какой он уставился на Мэри Стэндиш. Казалось, что он ее знает и хочет намеренно оскорбить ее своим наглым пристальным взглядом. Внезапно его губы скривились в усмешку и, слегка пожав плечами, он отвернулся.

Алан быстро посмотрел на свою спутницу. Ее губы были сжаты, а лицо пылало. Но даже в этот момент, когда кровь кипела в нем, он не мог не заметить, как хороша она была в гневе.

— Если вы мне разрешите,— сказал он спокойно,— то я потребую объяснения.

Девушка быстро взяла его под руку.

— Пожалуйста, не надо,— попросила она.— Вы очень добры, и вы именно тот человек, от которого я могла бы ожидать расплаты за подобную дерзость. Но было бы глупо обращать внимание на такие вещи, не правда ли?

Несмотря на усилия говорить спокойно, ее голос все же дрожал. Алан изумился тому, как быстро краска сбежала с ее лица и сменилась страшной бледностью.

— Я к вашим услугам,— ответил он, довольно холодно поклонившись ей.— Но если бы вы были моей сестрой, мисс Стэндиш, я не оставил бы этого безнаказанно.

Он смотрел вслед незнакомцу, пока тот не скрылся за дверью, которая вела на палубу.

— Один из молодцов Джона Грэйхама,— сказал он.—

Его зовут Росланд, и он едет с целью окончательно захватить рыбные промыслы, насколько я понимаю. Через несколько лет подобной хищнической ловли там ничего не останется. Забавно, как подумаешь, что может сделать эта гнусная вещь, которую мы называем деньгами, не правда ли? Две зимы тому назад я видел, как голодала целая, индейская деревня, как умирали десятками женщины и маленькие дети, — и виною тому были деньги Джона Грэйхама. Вся рыба выловлена, понимаете? Если бы вы только видели, как эти несчастные ребятишки, от которых остались одни лишь кожа да кости, умоляли о пище.

Рука Мэри Стэндиш впиалась в его руку.

— Каким образом мог Джон Грэйхам это сделать? — прошептала она.

Алан как-то натянуто рассмеялся.

— Когда проживете год на Аляске, то не будете задавать таких вопросов. Каким образом? Просто: устроив запруды и выловив из рек всю рыбу, которой хватило бы на целый ряд поколений туземцев. Рыбный трест и другие подобные предприятия — вот сила в руках Грэйхама. Пожалуйста, не поймите меня ложно. Аляска нуждается в капиталах для своего развития. Без денег мы не только перестанем развиваться, но даже неминуемо погибнем. Ни одна другая страна на земном шаре не представляет ныне больших возможностей для капитала, чем Аляска. Десятки тысяч состояний могут быть нажиты здесь людьми, которые имеют деньги, чтобы поместить их в дело. Но Джон Грэйхам не принадлежит к тем, кто нам нужен. Он — мародер, он один из тех, единственное желание которых, как можно скорее претворить естественные богатства в доллары, хотя бы эта операция оставила бесплодной и землю и воду. Вы должны помнить, что до сих пор управление Аляской, как оно велось вашингтонскими политиками, было немногим лучше того режима, против которого восстали американские колонии в тысяча семьсот семьдесят шестом году. Тяжело говорить об этом про страну, которую любишь. Джон Грэйхам является воплощением всего, что только есть мерзкого, — он и его деньги, которые дают ему силу.

При нынешнем положении вещей крупный капитал, который честно ведет дела, отрешивается от Аляски. Из-за бюрократизма и недобросовестной политики условия таковы, что капитал, как крупный, так и мелкий, относится к Аляске недоверчиво и не может быть заинтересован. Подумайте только, мисс Стэндиш: в Вашингтоне существует тридцать восемь всяких департаментов, ведающих делами Аляски на расстоянии восьми тысяч километров! Что уди-

вительного в том, что пациент болен? И что удивительно-го в том, что человек вроде Джона Грэйхама, с бесчестной и развращенной душой, имеет богатую почву для своей деятельности?

Но все-таки мы растем. Мы постепенно выходим из того мрака, который так долго окутывал жизненные интересы Аляски. Мы присутствуем теперь при нарастающем средоточии власти и ответственности в самой Аляске. И министерство внутренних дел, и министерство земледелия оба поняли наконец, что Аляска — могущественная страна сама по себе; с их помощью мы должны будем идти вперед невзирая на все препятствия. Я боюсь только людей вроде Джона Грэйхама. Когда-нибудь...

Алан внезапно опомнился.

— Ну вот! Опять я заговорил о политике вместо того, чтобы занимать вас более приятными и полезными темами, — извинился он. — Может быть, мы сходим на нижнюю палубу?

— Или на свежий воздух? — предложила Мэри Стэндиш. — Боюсь, что табачный дым на меня неважно действует.

Алан почувствовал какую-то перемену в ней, и он отнес ее не к одной только прокуренной комнате. Ничем не объяснимая грубость Росланда взволновала ее, вероятно, больше, чем она хотела показать, — он был в этом уверен.

— Внизу, в третьем классе, едут несколько индейцев из племени тлинкит и с ними прирученный медведь. Может быть, хотите посмотреть на них? — предложил Алан Холт, когда они вышли из курительной. — Тлинкитские девушки — самые красивые индеанки в мире. И, как говорит, капитан, между ними, там внизу, есть две необычайно красивые.

— И капитан меня с ними уже познакомил, — тихо засмеявшись, сказала она. — Их зовут Коло и Хэйда. Они очень милы и мне чрезвычайно понравились. Я завтракала вместе с ними сегодня, задолго до того, как вы проснулись.

— Вот оно что! И поэтому вас не было за столом? А вчера утром...

— Вы заметили мое отсутствие? — сдержанно спросила девушка.

— Было бы трудно не заметить пустой стул. К тому же, кажется, один из молодых инженеров обратил мое внимание на этот факт и выразил предположение, не больны ли вы.

— Неужели?

— Он очень интересуется вами, мисс Стэндиш. Забавно видеть, как он мучится, напрягая зрение, чтобы увидеть

вас краешком глаза. Я уже подумывал было, что из чувства милосердия следовало бы поменяться с ним местами.

— Ваши глаза не пострадали бы.

— Вероятно, нет.

— А случилось им когда-нибудь страдать?

— Что-то не помнится.

— Например, когда вы смотрите на тлинкитских девушек?

— Я их не вижу.

Она слегка пожала плечами.

— Собственно говоря, я должна была бы находить вас с высшей степени неинтересным, мистер Холт. А меж тем я считаю вас необыкновенным. Вот это мне в вас и нравится. Не проводите ли вы меня до моей каюты? Номер шестнадцатый на этой палубе.

Она шла, снова легко опираясь на его руку.

— Какую каюту вы занимаете?

— Двадцать седьмую, мисс Стэндиш.

— На этой палубе?

— Да.

Лишь после того как она спокойным тоном и не подавая руки пожелала ему доброй ночи, Алан сообразил, насколько интимен был ее вопрос. Он что-то проворчал и закурил новую сигару. Перебирая в уме все случившееся, он медленно обошел раза два вокруг палубы. Затем он отправился к себе в каюту и принялся просматривать бумаги, которые ему предстояло передать в Джуно. Это были записи с отчетом о его выступлениях вместе с Карлом Ломе-ном перед Конгрессом в Вашингтоне.

Было уже около полуночи, когда Алан Холт кончил просмотр бумаг. Интересно было бы знать, спит ли Мэри Стэндиш. Его немного раздражало и в то же время забавляло, с какой настойчивостью возвращались к ней его мысли. «Надо признаться, что она умная девушка»,— решил он. Он вдруг подумал, что ни разу не спросил ее о ней самой, а она тоже ничего ему не сказала. А между тем он так много болтал. Ему стало немного стыдно при воспоминании о том, как он изливал свою душу девушке, которую не могли интересовать ни политические козни Джона Грэйхама, ни Аляска. Впрочем, это произошло не по его лишь вине. Мэри Стэндиш прямо-таки накинулась на него, и, принимая во внимание обстоятельства, размышлял Алан, он вел себя вполне прилично.

Он погасил свет и стал лицом к открытому люку. До его слуха доносилось лишь тихое вздрагивание судна, медленно кончавшего теперь путь по фарватеру пролива Врангеля, перед входом в бухту Фридриха.

Все пассажиры наконец уснули. Луна плыла прямо над головой, и уже не так отчетливо выделялись горы при ее свете. А за пределами тусклого света лежал погруженный во мрак мир.

В этом мраке Алан мог с трудом различить поднимавшуюся, словно глубокая тень, огромную массу острова Куприянова. Зная, как опасен этот пролив, ширина которого местами не превосходит длину судна, он с удивлением спрашивал себя, почему капитан Райфл избрал этот путь, вместо того чтобы обогнуть мыс Решимости. Он видел, что пролив несколько расширился, но «Ном» все еще осторожно подвигался вперед под медленные удары колокола. Алан чувствовал свежий запах морской воды и глубоко вдыхал аромат лесов, который ветром доносило с обоих берегов.

Внезапно в коридоре послышались шаги и стали медленно приближаться. Кто-то остановился, очевидно, в нерешительности, затем двинулся вперед. Алан услышал заглушенный мужской голос, а в ответ — женский. Он инстинктивно отступил на шаг назад и стал в тени, чтобы его не видели. Звуки голосов больше не повторялись. В полном безмолвии две фигуры, отчетливо видимые при свете луны, прошли мимо его окна. Женщина была Мэри Стэндиш. Мужчина был Росланд — тот самый, который так дерзко посмотрел на нее в курительной комнате.

Изумление охватило Алана. Он зажег свет и начал готовиться ко сну. Он вовсе не намеревался следить за ними — ни за Мэри Стэндиш, ни за агентом Грэйхама. Но в нем жила врожденная ненависть ко всякой хитрости и обману, а то, что он увидел сейчас, ясно говорило, что Мэри Стэндиш знает о Росланде гораздо больше, чем она хотела показать. Она не лгала ему, попросту она ничего не сказала и разве только просила его не требовать от Росланда извинения. Для него было очевидно одно: девушка злоупотребила его, Алана, добрым отношением к ней. Но, за исключением этого, ее дела не имели никакого касательства к его личным делам. Быть может, она перед этим поссорилась с Росландом, а теперь они помирились. Наверное, даже так, решил Алан. В общем, глупо даже задумываться над этим.

А потому он снова потушил свет и лег в постель, но сон не приходил к нему. Было приятно лежать на спине, наслаждаясь усыпляющим покачиванием парохода, и прислушиваться к его монотонному скрипу. Особенно приятно было сознание, что едешь домой. Какими дьявольски

бесконечными казались эти семь месяцев там, в Штатах! Как ему не доставало всех тех, кого он знал, даже врагов!

Алан закрыл глаза и мысленно представил себе свой дом, который все еще находился на расстоянии тысяч миль, беспредельную тундру, голубые и пурпурно-красные подошвы Эндикоттских гор и «хребет Алана», которым они начинались. Там уже наступила весна. В тундрах и на южных склонах гор было уже тепло. Вербы покрылись разбухшими почками...

Алан всей душой надеялся, что за месяцы его отсутствия судьба была милостива к его людям — обитателям его ранчо. Разлука с ними казалась ему такой долгой — ведь он их так любил! Он не сомневался, что Тоток и Амок Тулик, главные надсмотрщики за стадами, позаботятся обо всем не хуже его самого. Но за семь месяцев многое может случиться. Ноадлюк, маленькая красotka из его далекого царства, плохо выглядела, когда он уезжал, и это сильно его беспокоило. Воспаление легких, перенесенное девушкой прошлой зимой, оставило на ней следы. А Киок — ее соперница по красоте!

Алан улыбнулся в темноте при мысли о том, подвинулся ли вперед роман Тотока, казавшийся подчас безнадежным. Ибо маленькая Киок была форменным сердцедом, и она давно уже наслаждалась любовными томлениями Тотока. «Олицетворенное кокетство!» — с усмешкой подумал Алан. Но все же она вполне достойна того, чтобы любой эскимос рискнул жизнью ради нее.

Что же касается стад, то в этом отношении, наверное, все обстоит благополучно. Десять тысяч голов — есть чем гордиться!..

Вдруг он затаил дыхание и стал прислушиваться. Кто-то остановился у его каюты. Дважды Алан слышал в коридоре чьи-то шаги, шмыгавшие мимо. Он сел, и пружины его койки закрипели. И в то же мгновение он услышал снова быстрые шаги, словно кто-то удирал. Он зажег свет...

Секунду спустя Алан открыл дверь — никого не было. В длинном коридоре было пусто, но в отдалении послышалось, как тихо открылась и захлопнулась дверь чьей-то каюты. Внезапно взгляд Алана упал на белый предмет, лежавший по полу. Он поднял его и вернулся в свою каюту. Это был дамский носовой платок. Он его видел раньше; еще сегодня вечером в курительной комнате он любовался его изящной кружевной оторочкой. «Очень странно, — подумал он, — что теперь этот платок лежит у двери моей комнаты!»

ГЛАВА IV

В течение нескольких минут после того, как Алан нашел у своей двери платок, он испытывал смешанное чувство любопытства и разочарования, а равно и некоторую досаду. Подозрение, что его помимо его воли впутали в какую-то историю, было далеко не из приятных. Вечер до известного момента прошел весьма интересно. Правда, он мог бы веселее провести время в обществе «Горячки» Смита, вспоминая вместе с ним былые дни, или беседуя с английским герцогом о кадьякских медведях, или завязав знакомство в тем стариком, мнение которого о Джоне Грэйхаме ему случилось услышать. Но он не жалел этих потерянных часов, а равно и не винил Мэри Стэндиш в их потере. В конце концов, ведь только носовой платок восстановил его против нее.

Каким образом уронила она его у двери? Конечно, этот маленький до смешного кружевной платок не внушал особенной опасности. Он вдруг подумал, как же это могла Мэри Стэндиш, обладая даже таким маленьким носиком, обходиться таким платком. Но платочек был красивый; в нем было что-то исключительно спокойное и прелестное, напоминавшее саму Мэри Стэндиш и ее скромную прическу. Алан не пытался разобраться в своих ощущениях. Эти мысли словно помимо его сознания стали тесниться у него в голове в тот момент, когда он с досадой швырнул этот клочок батиста на туалетный столик у изголовья койки. Нет сомнения, что она уронила платок совершенно случайно, без всякого умысла. По крайней мере, он так старался уверить себя. И он даже твердил себе, непроизвольно пожимая плечами, что всякая женщина или девушка имеет право проходить мимо его двери, если ей так нравится, а вот он — осел, оттого что он обращает на это внимание. Вывод не совсем соответствовал его мыслям. Но Алан не питал никакой склонности к таинственному, в особенности, когда дело шло о женщине и о таком пустяке, как носовой платок.

Он вторично лег в постель и уснул с мыслями о Киок, Ноадлюк и о других обитателях своего ранчо. Он откуда-то унаследовал неоценимый дар видеть приятные сновидения. Как живую, видел он сейчас Киок, ее мимолетную улыбку и лицо проказницы. А большие нежные глаза Ноадлюк выглядели больше, чем они были, когда он их видел в последний раз. Ему также снился Тоток, по-прежнему опечаленный бессердечностью Киок. Он бил в тамтам, издававший своеобразный звук, похожий на трезвон колокольчиков. Под звуки этой музыки Амок Тулик исполнял

медвежий танец, а Киок в неопишемом восторге хлопала в ладоши. Даже во сне Алан усмехнулся. Он знал, в чем дело: уголки смеющихся глаз Киок блестели от удовольствия при виде ревности Тотока. Тоток был так глуп, что он ничего не понимал, вот это-то и было забавно. Он свирепо бил в барабан, супил брови так, что почти закрывались его глаза, меж тем как Киок беззастенчиво хохотала...

Как раз в этот момент Алан раскрыл глаза и услышал последние удары пароходного колокола. Было еще темно. Он зажег свет и взглянул на часы. Барабан Тотока отбил восемь склянок на пароходе; было четыре часа утра.

Через открытый люк проникал запах моря и суши, а вместе с ним прохладный воздух, который Алан жадно вдыхал, потягиваясь после пробуждения. Этот воздух опьянял его, как вино. Алан тихо встал и, закурив оставшийся со вчерашнего кончик сигары, начал одеваться. Только тогда, когда он покончил с этим, он заметил на столике платочек. Если созерцание этого платочка произвело на него некоторое впечатление несколько часов тому назад, то теперь Алан не стал тревожить себя мыслями о нем. Беспечность девушки, и больше ничего. Надо будет вернуть его. Перед тем как выйти на палубу, он машинально сунул скомканный клочок батиста в карман пиджака.

Как Алан и предполагал, он оказался совсем один. На палубе было пустынно. Сквозь молочно-белый туман виднелись ряды пустых стульев и тускло светившиеся огни на рубке. Азиатский муссон и теплое течение Куроисио принесли раннюю весну на архипелаг Александра, и мягкой погодой и обилием цветов май больше походил на июнь. Но на заре в эти дни было холодно и пасмурно. Туман скоплялся в долинах и подобно тонким клубам дыма спускался в море, стелясь по склонам гор. Таким образом, пароход, плывший по фиордам, должен был нащупывать путь, как ребенок, который ползает в темноте. Алан любил эту особенность берегов Аляски. Их призрачная таинственность словно вдохновляла его, а в их опасности крылась прелесть вызова. Он чувствовал, с какой осторожностью «Ном» подвигается вперед, на север. Машины парохода тихо гудели; это медленное, осторожное и слегка вздрагивающее продвижение напоминало крадущуюся кошку. Казалось, что каждая стальная частица парохода была чутким, бодрствующим, живым нервом.

Алан знал, что капитан Райфл не дремлет, что он из рубки своим зорким глазом напряженно сверлит густой туман. Где-то на западе от них в весьма опасном соседстве должны лежать скалы острова Адмиралтейства. На востоке высились еще более неумолимые, обледенелые песчани-

ковые утесы и гранитные скалы побережья с его смертельно опасными щупальцами — подводными рифами, омываемыми морем. Вдоль этих рифов они должны ползком пробираться к Джуно. Но Джуно уже недалеко отсюда.

Алан перегнулся через перила, пыхтя сигарой. Его тянуло вернуться к работе. Джуно, Скагвэй и Кордова ничего для него не значили, разве только что они тоже принадлежали Аляске. Его тянуло дальше на север, в обширные тундры, к великим достижениям, ожидавшим его впереди. Теперь он был уверен в себе, и кровь бурлила в его жилах. Поэтому он не жалел о том, что провел семь месяцев в полном одиночестве в Штатах. Он убедился собственными глазами, что близок час, когда Аляска добьется своего.

Золото! Алан расхохотался. Золото имеет свою прелесть, свою романтику, свою заманчивость. Но что значит все золото, скрытое в горах, в сравнении с той великой целью, на благо которой он работал! У него осталось впечатление, что все, с кем он ни встречался на юге, представляли себе Аляску только в связи с золотом. Всегда золото, золото раньше всего, а потом — лед, снег, вечная ночь, безлюдные и бесплодные тундры, вечно нахмуренные скалистые горы, нависшие над изрытой землей, где люди борются с судьбой и где выживают лишь наиболее приспособленные. Золото — вот рок, нависший над Аляской. Когда люди думают о ней, перед их глазами встают только дни золотой горячки. Чилькут, Белый Конь, Досон и Сэркл-Сити. Им трудно освободиться от воспоминаний о романтике, подвигах и трагедиях умерших людей.

Но сейчас они уже начинают менять свое мнение. Их глаза понемногу раскрываются. Даже правительство проснулось, когда убедилось, что с постройкой железнодорожной ветки к северу от горы св. Ильи связано еще многое другое, кроме взяточничества. Сенаторы и члены Конгресса внимательно выслушивали их в бытность их в Вашингтоне, особенно Карла Ломена. Мясные короли — те, которые были более дальновидны, — хотели его подкупить, а Ломену предлагали целое состояние за его сорок тысяч оленей на полуострове Сюард. Это было доказательством пробуждения, неоспоримым доказательством!

Алан закурил новую сигару. Его мысли унеслись сквозь рассеивающийся туман к простиравшейся перед ним обширной стране. Многие жители Аляски проклинали Теодора Рузвельта за то, что он ограничил свободу вывоза из их страны. Но Алан, со своей стороны, не был с ними согласен. Предусмотрительность Рузвельта сдерживала мародеров, и благодаря его способности предвидеть, что

могут сделать денежное могущество и алчность, Аляска пока еще не окончательно ограблена и готова служить всеми своими огромными естественными богатствами той матери, которая в течение ряда поколений пренебрегала ею. Но развитие великой страны не может обойтись без борьбы, а эту борьбу нужно вести умно и предусмотрительно. Коль скоро ограничения будут сняты, тень Рузвельта не сможет уже удержать такие темные силы, как Джон Грэйхам или синдикат, представителем которого он является.

Мысль о Грэйхаме была неприятным воспоминанием, и лицо Алана приняло суровое выражение. Жители Аляски должны сами бороться с узаконенным грабежом. Это будет жестокая схватка. Он наблюдал в течение прошлой зимы за хищнической работой финансовых разбойников в дюжине штатов: они беспощадно вырубали все леса, ограбили и осквернили все озера и реки, одним словом, вытащили все богатства. Он был ошеломлен и несколько испуган видом опустошенного штата Мичиган, одного из самых богатых лесами штатов Америки. Что если вашингтонское правительство допустит подобное на Аляске? А ведь политиканы и финансисты именно к тому клонятся!

Алан перестал даже ощущать дрожание парохода под ногами. Это была *его* битва; его мозг и мускулы отвечали на мысли, словно борьба уже происходила в действительности. Он твердо решил, что должен выйти из этой борьбы победителем, хотя бы ему пришлось отдать на это все годы своей жизни. Он и еще немногие другие докажут миру, что миллионы акров безлесных тундр Севера нельзя считать ни к чему непригодным краем света. Они населят их; эти так называемые «пустоши» будут греметь под бесчисленными копытами северных оленей, как никогда еще не гремели равнины Америки под копытами своего рогатого скота! Алан не думал о том богатстве, которое выпадет на его долю в результате целого ряда блистательных побед, рисовавшихся его воображению. Деньги просто как деньги он ненавидел. Его захватывала грандиозность дела, страстное желание прорубить тропу, по которой его любимая страна сможет стать тем, чем она должна быть, стремление видеть окончательное торжество Аляски, которая будет снабжать мясом половину той самой Америки, что насмеялась над ней и наносила ей пинки, когда она лежала лицом вниз.

Звон пароходного колокола заставил его очнуться и вернуться к действительности от той воображаемой борьбы, к которой унеслись его мысли. Обыкновенно он бывал

очень недоволен собой, когда ему случалось предаваться этим «бредовым спазмам», как он их называл. Сам того не сознавая, Алан немного гордился своей бесстрашной терпимостью, философским господством над своими чувствами, подчас граничившим с таким исключительным хладнокровием, что многие говорили про него, будто он создан из камня, а не из плоти и крови. Свои порывы он хранил про себя.

Ощущение легкой тревоги промелькнуло в его душе, когда он заметил, что его пальцы бессознательно сжимают в кармане маленький носовой платок. Алан вынул его и сделал быстрое движение, словно намереваясь швырнуть его за борт. Затем, выругав себя за такое бессмысленное желание, он снова положил платок в карман и стал медленно прогуливаться по палубе, направляясь к носу парохода.

Глядя на рассеивавшийся понемногу туман, Алан размышлял о том, что было бы с ним, если бы он имел сестру, похожую на Мэри Стэндиш, или вообще какое-нибудь подобие семьи, скажем, пару дядюшек, которые интересовались бы его судьбой. Он очень ясно помнил отца, но мать гораздо меньше: она умерла, когда ему было шесть лет, а отец, когда ему было уже двадцать. Образ отца возвышался над всем подобно тем горам, которые он так любил. Этот образ останется с ним на всю жизнь и будет его вдохновлять, и побуждать, и давать силы для того, чтобы быть истинным джентльменом, сражаться как мужчина и, наконец, без страха встретить смерть. Так жил и умер Алан Холт-старший.

Но образ матери, лицо и голос которой он лишь с трудом мог вызвать в памяти сквозь туман многих лет, был для него скорее воспоминанием, окруженным ореолом, чем существом из плоти и крови. А сестер и братьев у него не было. Часто он сожалел, что нет братьев. Но сестра... Он неодобрительно проворчал что-то при этой мысли. Сестра приковала бы его к цивилизации, возможно, к городам, к Соединенным Штатам, поработила бы его той жизнью, которую он ненавидел. Он высоко ценил свою безграничную свободу. Какая-нибудь Мэри Стэндиш, будь она даже его сестрой, явилась бы причиной катастрофы в его жизни. Он не мог бы ее понять так же, как не понять ему какую-либо другую, похожую на нее женщину, после стольких лет, проведенных в сердце тундр, в обществе Киок, Ноадлюк и всех его людей. Его очагом всегда будут тундры, потому что им принадлежит его душа.

Он обошел вокруг рубки и внезапно наткнулся на

странную фигуру, которая съезжившись сидела на стуле. Это был «Горячка» Смит. Туман рассеивался, становилось все светлее, и при этом свете Алан замер на месте, оставаясь незамеченным. Смит потянулся, крикнул и встал. Он был маленького роста, а его свирепо топорщившиеся рыжие усы, мокрые от росы, были по своим размерам под стать великану. Его темно-рыжие волосы, тоже ошестинившиеся, как и усы, усиливали впечатление наружности пирата. Но в остальной части его туловища под головой было очень мало такого, что могло бы внушить кому-либо страх. Одни улыбались при виде его, другие, не подозревавшие, кто он, открыто смеялись. Забавные усы часто попадают, и усы «Горячки» Смита несомненно были забавны. Но Алан не улыбался и не смеялся при виде его, ибо в его сердце жило какое-то чувство, весьма похожее на неизведанную им братскую любовь к этому маленькому человеку, имя которого было занесено на многих страницах истории Аляски.

Теперь «Горячка» Смит не был уже больше лучшим стрелком между Белым Конем и Досон-Сити. Он был жалким воспоминанием тех дней былых, когда стоило лишь «Горячке» Смиту пуститься на новые места, и следом за ним начиналась золотая горячка; тех дней, когда его имя упоминалось наравне с именами Джорджа Кармака, Алекса Мак-Дональда и Джерома Шута, тех дней, когда сотни людей, вроде Монроу «Курчавого» и Джо Барета, шли по его следам.

Алану казалось чем-то трагичным, что в это серое утро Смит так одиноко стоит на палубе. Он знал, что Смит, который двадцать раз становился миллионером, теперь опять был разорен.

— Доброе утро! — так неожиданно прозвучало приветствие Алана, что маленький человек резко обернулся, словно от удара бича, — старая привычка самозащиты. — Почему в такой тоске, Смит?

«Горячка» криво усмехнулся. У него были живые голубые глаза, глубоко спрятанные под нависшими бровями, которые топорщились еще более свирепо, чем усы.

— Я думаю о том, — сказал он, — какая это дурацкая вещь деньги. Доброе утро, Алан!

Он засмеялся, кивнул головой и снова начал усмехаться, глядя на редущий туман. Алан различил в нем прежнее чувство юмора, которое никогда, даже в самые тяжелые минуты, не покидало «Горячку» Смита. Он подвинулся ближе и стал рядом с ним; их плечи почти соприкасались, когда они наклонились над перилами.

— Алан,— начал Смит,— не часто случается, что у меня в голове зарождается великая мысль. Но сегодня одна такая не покидает меня уже сутки. Вы не забыли Бонанца, а?

Алан покачал головой.

— Пока будет существовать Аляска, мы не забудем Бонанца, «Горячка»!

— Я намыл там целый миллион, рядом с заявкой Кармака. А потом остался без гроша, помните?

Алан молча кивнул головой.

— Но это нисколько не помешало мне найти золото в Золотой Бухте над Разделом,— задумчиво продолжал «Горячка».— Вы помните старого Алекса Мак-Дональда, Алан, этого шотландца? За промывку девяносто шестого года мы запаслись семьюдесятью мешками, чтобы свезти в них наше золото, и все же нам тридцати мешков не хватило. Девятьсот тысяч долларов в один удар — и это было лишь начало. Ну, а потом я опять остался без гроша. И старый Алекс тоже разорился несколько позднее, но у него осталась хорошенькая жена, родом из Сиэтла. Мне пришлось тогда раздобыть припасы.

Он сделал маленькую паузу и стал покручивать свои мокрые усы. Между пароходом и невидимыми еще вершинами гор появился первый розовый луч солнца, пробившийся сквозь туман.

— После этого я раз пять еще натыкался на золото и снова вылетал в трубу,— продолжал «Горячка» с оттенком гордости.— И теперь я опять сижу без гроша!

— Я это знаю,— сочувственно промолвил Алан.

— Меня начисто обобрали в Сиэтле и в Фриско.— Смит усмехнулся, весело потирая руки.— А потом они купили мне билет до Нома. Очень мило с их стороны, не правда ли? Они поступили как нельзя приличнее. Я знал, что Копф — душа-парень. Вот почему я доверил ему свои денежки. Не его вина, что он потерял их.

— Конечно,— согласился Алан.

— Мне почти что жалко, что я пострелял в него. Право, жалко.

— Вы убили его?

— Не совсем. Я только отстрелил ему одно ухо в притоне китайца Галерана. На память, так сказать. Очень жалко. Я не подумал тогда, как любезно это было с его стороны купить мне билет до Нома. Я выпустил в него пулю под горячую руку. Он мне оказал услугу, Алан, тем, что обчистил меня. Право слово, большую услугу! Никогда не осознаешь, как свободно, легко и хорошо у тебя на душе, пока не вылетишь в трубу.

Его забавное, заросшее волосами и в то же время почти детское лицо озарилось улыбкой. Но вдруг он заметил суровое выражение в глазах и в складках рта Алана. Тогда он схватил его руку и сжал ее.

— Я серьезно говорю, Алан! — заявил он. — И потому-то я и говорю, что деньги — дура! Не от швыряния деньгами чувствую я себя счастливым, а от добывания их, то есть золота, из гор. Вот отчего кровь быстрее начинает переливаться в моих жилах! А уж как найду золото, так не могу придумать, что с ним делать. И опять мне хочется от него отделаться. Если я этого не сделаю, то непременно облекусь, разжирею, и тогда какой-нибудь новомодный врач будет оперировать меня, и я помру. Там, в Фриско, много таких операций делают, Алан. Однажды у меня в боку закололо, так они хотели уже что-то вырезать у меня из нутра. Подумайте, что может случиться с человеком, когда у него водятся деньги!

— Вы это все серьезно говорите?

— Клянусь вам, Алан! Я страдаю, когда не вижу открытого неба, гор и того желтого металла, который останется моим верным товарищем до гроба. В Номе найдется кто-нибудь, кто снабдит меня припасами и инструментами.

— Нет, не найдется, — внезапно произнес Алан. — Если только я сумею помешать этому. Слушайте, «Горячка»: вы нужны мне. Вы нужны мне там, в Эндикоттских горах. У меня там есть десять тысяч оленей. Там — Ничья Земля, и мы сможем делать все, что нам заблагорассудится. Я не гонюсь за золотом. Я стремлюсь к другому. Но мне думается, что хребты Эндикоттских гор полны вашего желтого товарища. Это новая неизведанная страна. Вы ее никогда не видели. Кто знает, что там можно найти. Пойдете вы со мною?

В глазах «Горячки» погас прежний веселый огонек. Он уставился на Алана.

— Пойду ли я? Алан, это то же, что спросить, станет ли щенок сосать свою мать? Испытайте меня. Берите меня. Повторите все сначала!

Мужчины обменялись крепким рукопожатием. Алан с улыбкой показал на восток. Последние обрывки тумана быстро исчезали. Гребни скалистых хребтов Аляски поднимались на фоне голубого безоблачного неба. Утреннее солнце окрасило в розовый и золотистый цвета их снежные вершины. «Горячка» Смит устремил взор на восток и тоже кивнул головой. Слова были излишни. Они понимали друг друга. В крепком рукопожатии каждый из них почувствовал трепет той жизни, которую оба любили.

ГЛАВА V

Завтрак уже подходил к концу, когда Алан вошел в столовую. За столом оставалось только два свободных места. Одно — его, другое принадлежало Мэри Стэндиш. В этом странном совпадении было нечто такое, что невольно вызывало подозрение, и это поразило Алана. Он сел и кивнул головой молодому инженеру; его глаза заблестели веселым огоньком при виде Алана. Выражение его лица было одновременно и завистливое и обличающее; и Алан был уверен, что молодой человек, сам того не подозревая, выдает свои чувства. Алан с особенным удовольствием ел грейпфрут под влиянием мыслей, вызванных этим обстоятельством. Он вспомнил имя молодого инженера: его звали Токер. Это был атлетически сложенный юноша с открытым и приятным лицом. Дурак и тот догадался бы о том, что говорил себе Алан: Токер не просто интересовался Мэри Стэндиш — он был в нее влюблен. Алан решил, что как только представится случай, он исправит злополучное размещение за столом и познакомит Токера с мисс Стэндиш. Это, несомненно, снимет с него некоторую долю обязанностей, невольно взятых им на себя.

Так пытался он заставить себя думать, но вопреки принятому решению он не мог выбросить ни на минутку из головы того факта, что стул напротив него пуст. Эта мысль упорно не покидала Алана даже тогда, когда многие повставали из-за стола, и их стулья освободились. Его внимание по-прежнему привлекал только один стул — как раз напротив. До сегодняшнего утра этот стул ничем не отличался от прочих стульев, но теперь он раздражал его, так как постоянно напоминал о минувшем вечере и о ночной встрече Мэри Стэндиш с агентом Грэйхама Росландом, а это воспоминание не доставляло Алану никакого удовольствия.

Он остался последним за столом. Токер сидел до тех пор, пока не потерял окончательно надежду увидеть Мэри Стэндиш; он встал вместе с двумя своими приятелями. Последние уже успели выйти за дверь столовой, как вдруг молодой инженер задержался. Алан, наблюдавший за ним, увидел внезапную перемену в его лице. Через секунду все объяснилось: в комнату вошла Мэри Стэндиш. Она прошла мимо Токера, очевидно, не заметив его, и, усевшись за стол, холодно кивнула Алану. Она была очень бледна; на ее лице не осталось и следа от вчерашнего румянца. Когда она слегка склонила голову и поправила свое платье, сноп солнечного света заиграл в ее волосах; Алан еще смотрел на них, когда Мэри Стэндиш подняла

голову. Ее холодно-прекрасные глаза смотрели прямо и не выражали ни малейшего замешательства. Что-то внутри Алана отозвалось на их красоту. Как-то не верилось, чтобы человек с такими глазами мог принимать участие в хитрости и обмане, и тем не менее у него были неоспоримые доказательства. Если бы они, по крайней мере, не смотрели так прямо, если бы в них можно было заметить тень раскаяния, Алан нашел бы для нее извинение. Его пальцы коснулись ее носового платка, лежавшего у него в кармане.

— Вы хорошо выспались, мисс Стэндиш? — вежливо спросил он.

— Я совсем не спала, — ответила она так чистосердечно, что его уверенность немного поколебалась. — Я пыталась пудрой скрыть темные круги под глазами. Но боюсь, что мне это не удалось. Не это ли послужило причиной вашего вопроса?

Он зажал платок в руке.

— Сегодня я вижу вас впервые за завтраком. Я счел это признаком того, что вы хорошо спали. Это не ваше, мисс Стэндиш?

Он следил за выражением ее лица, когда она взяла из его рук скомканный кусочек батиста. Но она сейчас же улыбнулась. И ее улыбка не была деланная — она чисто по-женски выражала удовольствие. Алан был разочарован оттого, что не подметил в ее лице признаков смущения.

— Это мой платок, мистер Холт. Где вы его нашли?

— У дверей моей каюты, вскоре после полуночи.

Алан был почти груб своим подчеркиванием деталей. Он ожидал хоть какой-нибудь реакции, но таковой не последовало, если не считать того, что улыбка несколько дольше играла на ее губах, а в ясной синеве ее глаз загорелся веселый огонек. Ее спокойный взгляд выражал невинность ребенка, и, глядя на нее, Алан действительно думал о ребенке, об исключительно красивом ребенке. В этот момент он так живо почувствовал всю необоснованность своих размышлений о ней, что поспешил встать из-за стола с холодным поклоном.

— Благодарю вас, мистер Холт, — сказала девушка. — Вы сумеете понять, как я вам обязана, если я вам скажу, что у меня с собою на пароходе всего три носовых платка. А этот — мой любимый.

Она углубилась в изучение меню; когда Алан уходил, он услышал, как она заказывала официанту фрукты и кашу. Вся кровь кипела в нем, но этого не видно было по его лицу. Пока он пересекал комнату, он чувствовал себя неприятно под действием ее взгляда, провожавшего его.

Он не обернулся. С ним творилось что-то неладное, и он это сознавал. Вот эта девчонка с гладкими волосами и ясным взором заронила какую-то песчинку в совершенный механизм его нормального бытия, и от этого в машине раздавался такой скрежет, который нарушал некоторые особенные формулы, из коих была составлена жизнь Алана. Дурак он! Вот он кто. Ругательски ругая себя, он стал закуривать сигару.

В это время кто-то задел его, толкнув руку, в которой он держал зажженную спичку. Алан поднял голову и успел заметить Росланда, который проходил с еле заметной усмешкой на губах. Смерив Алана холодным пристальным взглядом, Росланд, слегка поклонившись, бросил небрежно на ходу:

— Прошу прощения!

Вся его манера говорила: мне очень жаль, мой мальчик, но вы не должны попадаться мне на дороге!

Алан тоже улыбнулся и вернул поклон. Однажды, будучи особенно дерзко настроена, Киок сказала ему, что в те минуты, когда он готов кого-нибудь убить, его глаза — что две мурлыкающие кошки. Именно такими были они сейчас, когда в них блеснула улыбка.

Когда Росланд вступил в столовую, отвратительная усмешка уже успела сойти с его губ. «Вполне очевидно, что это уговор между Мэри Стэндиш и агентом Джона Грэйхама», — подумал Алан. Теперь за столом завтракало всего с полдесятка пассажиров; весь план этой пары заключался в том, чтобы Росланд мог завтракать наедине с мисс Стэндиш. Вот почему, по всей вероятности, она с такой холодной вежливостью встретила его. Теперь, когда он понял положение вещей, ему стало ясно, почему так хотелось ей, чтобы он ушел из-за стола до появления на сцене Росланда.

Алан затянулся сигарой, но Росланд помешал раскурить ее как следует. Он зажег другую спичку и, наконец раскурив сигару, хотел было уже бросить спичку, но вдруг замер и продолжал держать ее, пока пламя не обожгло ему пальцы. В дверях показалась Мэри Стэндиш. Пораженный ее внезапным появлением, он не мог двинуться с места. Глаза девушки сверкали, два ярких пятна горели на ее щеках. Она увидела Алана и, проходя мимо него, чуть заметно наклонила голову. Когда она исчезла, он не мог удержаться, чтобы не заглянуть в залу. Так и есть — Росланд сидел рядом с тем местом, где раньше сидела Мэри Стэндиш, и спокойно изучал меню завтрака.

«Все это довольно интересно, — подумал Алан, — для того, кто любит загадки». Лично он не имел никакого же-

лания заняться разгадыванием шарад. Он даже немного стыдился того, что любопытство заставило его взглянуть на Росланда. В то же время он испытал некоторое удовольствие при мысли о холодном приеме, который мисс Стэндиш, очевидно, оказала неприятному субъекту, толкнувшему его раньше.

Алан Холт вышел на палубу. Солнце заливало радужным великолепием снежные вершины гор, до которых, чудилось, можно было достать рукой. «Ном», казалось, тихо несся по течению в самом сердце горного рая. На востоке, совсем близко, лежал материк; по другую сторону находился остров Дугласа — так близко, что Алан мог слышать голоса людей на нем. А впереди, подобно серебристо-голубой ленте, вился канал Гастино. Уже можно было различить селения рудокопов Трэдвел и Дуглас.

Кто-то тихо толкнул Алана локтем; он обернулся и увидел рядом с собой «Горячку» Смита.

— Вот владения Билла Трэдвела, — заметил он. — Когда-то тут были самые богатые прииски на всей Аляске. Сейчас они затоплены. Я знал Билла, когда он покупал ношенные ботинки, здорово торговался при этом и сам потом занимался их починкой. Потом ему повезло: он где-то раздобыл четырехста долларов и откупил несколько заявок у какого-то человека по имени «Французик» Пит. Его участок был прозван Счастливой Ямой. Было время, когда здесь работало девятьсот золотоискателей. Взгляните, Алан, это стоит того.

Почему-то призыв Смита не находил сейчас отклика в душе Алана. Пассажиры толпились на палубах, наблюдая за тем, как пароход подплывал к Джуно. Алан бродил среди них, и в нем все росло чувство разочарования. Он знал, что ищет Мэри Стэндиш не просто из любопытства, и был рад, когда Смит увлекся беседой с каким-то старым приятелем и оставил его в покое. Открытие, сделанное им у себя в душе, было весьма неприятно, но тем не менее он должен был признаться, что это так. Песчинка, зароненная в механизм, становилась все чувствительнее. Надежды Алана, что она быстро распылится, не оправдались. Зародившаяся в нем борьба желаний и сомнений становилась все более и более настойчивой, но в то же время уже не так возмущала его, как раньше. Против его воли маленькая драма в столовой произвела на него сильное впечатление. Он любил людей, которые умеют бороться. А Мэри Стэндиш, столь женственная в своей спокойной красоте, обнаружила перед ним темперамент бойца за те несколько секунд, в течение которых он видел, как сверкали ее глаза и пылали щеки после ее разговора с Росландом. Алан Холт

стал глазами разыскивать Росланда. Сейчас он был в таком настроении, что не прочь был бы встретиться с ним.

Только тогда, когда Джуно, буквально лепившийся террасами по зеленому склону горы, встал перед ним во всей своей живописной красоте, Алан спустился на нижнюю палубу. Несколько пассажиров приготовились к высадке и собрались со своим багажом у ступенек, которые вели к сходням. Глаза Алана скользнули было мимо них, но внезапно его взгляд задержался. Совсем близко от него, там, где ясно можно было различить всех, кто готовился высадиться, стоял Росланд. Что-то до ужаса неприятное было в его позе, когда он, играя брелком на цепочке от часов, сверху смотрел вниз. Его настороженность вызвала в Алане неожиданный трепет. В то же мгновение он принял определенное решение. Он подошел к Росланду и тронул его за рукав.

— Дождаетесь мисс Стэндиш? — спросил он.

— Да, дожидаюсь.

Росланд и не думал уклоняться от ответа. Слова его звучали твердо и определенно: так мог говорить только человек, чувствующий за собой несокрушимую поддержку.

— И если она сойдет на берег...

— Я тоже сойду. Разве это вас касается, мистер Холт? Она, может быть, просила вас поговорить об этом со мною? Если так...

— Нет, мисс Стэндиш меня об этом не просила.

— Тогда, пожалуйста, займитесь своими собственными делами. И если вам нечем убить время, я готов ссудить вам пару книг. У меня их несколько штук в каюте.

Не дожидаясь ответа, Росланд спокойно отошел. Алан не последовал за ним. У него не было основания чувствовать себя оскорбленным, и он мог винить только собственное безрассудство. Слова Росланда не были оскорблением, они были сущей истиной. Он по собственному почину вмешался в дело абсолютно интимного характера. В этом не было сомнения. Быть может, тут происходила семейная размолвка. Он вздрогнул. Чувство унижения охватило его, и он радовался тому, что Росланд ни разу не оглянулся. Алан пытался насвистывать, поднимаясь назад на верхнюю палубу, словно ничего не случилось. Несмотря на всю свою ненависть к этому человеку, он должен был признать, что Росланд по справедливости осадил его. Даже предложил снабдить его книгами, если ему скучно! Черт возьми, парень ловко провел этот номер! Это надо будет запомнить.

Алан подтянулся и, присоединившись к Дональду Хардвику и «Горячке» Смигу, не покидал их, пока «Ном» не

спустил на берег всех пассажиров и груз и, пеня воду, тронулся к выходу из канала Гостино по направлению к Скагвэю. Тогда Алан направился в курительную и оставался там до второго завтрака.

На этот раз Мэри Стэндиш первой вышла к столу. Она сидела спиной к двери, когда Алан вошел, так что она не заметила его, хотя он прошел так близко, что коснулся пиджаком ее стула. Опустившись на стул, он посмотрел на нее и улыбнулся. Мисс Стэндиш ответила чуть виноватой, как показалось Алану, улыбкой. Она плохо выглядела, и ее присутствие за столом, решил Алан, было не что иное, как смелая попытка скрыть кое-что от кого-то. Случайно он взглянул налево. Там, в противоположном конце залы, сидел на своем месте Росланд. Как ни мимолетен был взгляд Алана, он успел заметить, что девушка видела и поняла. Она чуть наклонила голову и ее длинные ресницы на мгновение закрыли глаза. Он с удивлением спрашивал себя, почему ее волосы всегда бросаются ему в глаза раньше всего. Они производили на него исключительно приятное впечатление. Со свойственной ему наблюдательностью Алан заметил, что мисс Стэндиш снова причесалась после первого завтрака. Мягкие кольца ее волос, сплетавшиеся в таинственно-замысловатую корону, напоминали нежный блестящий бархат. Он поймал себя на смешной мысли: интересно бы видеть, как они рассыпаются по ее плечам. Освобожденные от оков, они должны быть еще прекраснее.

Лицо девушки было необычайно бледно. Возможно, что это объяснялось светом, падавшим на нее из окна. Но когда Мэри Стэндиш снова взглянула на него через стол, он в течение одного мгновения успел подметить легкое вздрагивание ее губ. Алан, как ни в чем не бывало, начал рассказывать ей про Скагвэй, словно он не замечал ничего такого, что ей хотелось скрыть. Выражение глаз девушки изменилось: в них промелькнула горячая благодарность. Он рассеял ее напряженное состояние и освободил ее из-под какого-то безотчетного гнета. Алан обратил внимание на то, что девушка заказывала себе завтрак лишь ради формальности. Она едва притрагивалась к еде. И все же он был уверен, что никто другой, даже влюбленный Токер, не обнаружил ее неискреннего поведения. Похоже было на то, что Токер окружил подобное отсутствие аппетита ореолом женственности, приписывая эту утонченность вкуса ангельской добродетели.

И только Алан, сидевший напротив нее, угадывал правду. Она делала невероятные усилия над собою, но он чувствовал, что все ее нервы напряжены до последней степени. Когда она встала с места, он также отодвинул назад

свой стул. В то же время Росланд встал и быстро начал приближаться с противоположного конца залы. Девушка вышла первой. Росланд следовал за ней на расстоянии одного десятка шагов. Алан вышел последним, почти плечом к плечу с Токером. Отчасти положение было забавное, но там, где кончалось смешное, было еще нечто такое, что вызвало суровое выражение в углах рта Алана.

У подножия лестницы, устланной роскошными коврами, которая вела из залы на главную палубу, мисс Стэндиш внезапно остановилась и повернулась лицом к Росланду. Ее глаза только на мгновение остановились на нем, сейчас же скользнули мимо и вслед за тем она быстро подошла к Алану. Яркая краска залила ее щеки, но в голосе не чувствовалось ни малейшего волнения, когда она заговорила. Слова ее звучали отчетливо, и Росланд мог ясно слышать их.

— Насколько я понимаю, мы приближаемся к Скагвэю, мистер Холт? — сказала она, — Вы, может быть, проводите меня на палубу и расскажете мне об этом городе?

Агент Грэйхама остановился внизу и начал медленно закуривать папиросу. А Алан вспомнил унижение, перенесенное несколько часов тому назад в Джуно, когда его справедливо упрекнули в назойливости и он не смог вовремя найти нужные слова. Раньше чем он собрался ответить, Мэри Стэндиш доверчиво взяла его под руку. Хотя она и отвернула лицо, Алан ясно видел, что волна румянца еще ярче залила ее щеки. Она была удивительно непоследовательна в своих поступках, головокружительно хороша и в то же время холодна как лед, если не считать ее пылавших щек.

Алан взглянул на Росланда; тот пристально смотрел на них, с папиросой на полпути ко рту. Алан привык улыбаться перед лицом опасности; и он безмолно улыбнулся и сейчас. Девушка тихо засмеялась. Она слегка потянула его вперед, и он, удивленный и послушный, прошел вместе с нею мимо Росланда. Глаза Мэри Стэндиш смотрели на Алана так, что сладостный трепет пробежал по всему его телу.

В конце широкой лестницы она прошептала, приблизив губы к его плечу:

— Вы великолепны! Спасибо вам, мистер Холт!

Эти слова, а вместе с тем ослабевшеежатие ее руки на его рукаве словно окатили его ушатом холодной воды.

Росланд больше не мог видеть их со своего места, разве только он следовал за ними. «Девушка кончила свою игру, — подумал Алан, — а я сам вторично сыграл роль безмозглого глупца». Но эта мысль не вызвала в нем зло-

бы. В сущности говоря, он находил во всей этой истории много забавного И когда они выходили на палубу, Мэри Стэндиш услышала, что он чуть слышно смеется.

Она сильнее сжала его руку.

— Это далеко не смешно, — с упреком сказала она. — Это трагично, когда такой человек не дает вам покоя!

Он знал, что она лжет из вежливости, с целью предупредить его возможные расспросы. Конечно, он мог бы поставить девушку в затруднительное положение, дав ей понять, что видел ее в полночь наедине с Росландом. Он посмотрел на нее, и она, не мигнув, выдержала его испытующий взгляд. Она даже улыбнулась. Алан подумал при этом, что ее глаза красивее, чем у всех виденных им когда-либо обманщиков. В нем шевельнулось какое-то странное чувство, словно он гордился ею, и он решил ничего не говорить ей о Росланде. Алан все еще убеждал себя, что его ничуть не интересуют чужие дела. Мэри Стэндиш, очевидно, предполагала, что он слеп, а он и не собирался предпринять какие-либо шаги, чтобы рассеять этот самообман. Такая линия поведения, несомненно, будет самой лучшей в итоге.

Уже и сейчас, казалось, она забыла про инцидент внизу, у подножия лестницы. Ее глаза приняли более мягкое выражение, а когда они дошли до носа парохода, Алану показалось, что с ее губ сорвался легкий крик восторга при виде волшебной панорамы маленького залива Тэйя. Прямо перед ними простирался, подобно лиловой ленте, узкий фарватер, вплоть до входа в Скагвэй. По обеим сторонам высились высокие горы, покрытые зелеными лесами вплоть до снежных вершин, ослепительно сверкавших под самыми облаками. Так как наступило таяние снегов, то до парохода, заглушая тихий гул машин, долетал серебристый перезвон бесчисленных горных ручейков. С одной из гор, которая, казалось, совсем нависла над самым заливом, круто низвергался с высоты тысячи футов поток, пенясь, извиваясь и купаясь в солнечных лучах, подобно ревящемуся живому существу.

Вдруг случилось чудо, которое поразило даже Алана: казалось, что пароход застыл на месте, а горы медленно заворочались; словно какие-то невидимые могущественные силы открывали потайную дверь, и на сцену выплыли зеленые склоны холмов с ослепительно-белыми домиками. Показался Скагвэй — сердце сказочной Аляски, памятник человеческой храбрости и приводящим в трепет подвигам.

Алан обернулся, собираясь что-то сказать, но выражение лица Мэри Стэндиш удержало его. Ее губы приоткрылись, взор был устремлен вдаль, словно перед глазами де-

вушки встала неожиданная картина, ошеломившая и даже испугавшая ее.

И тогда, как бы обращаясь к самой себе, а не к Алану, она прошептала напряженным голосом:

— Я уже однажды видела это место. Это было очень давно. Быть может, сто, тысячу лет тому назад. Но я была здесь. Я жила под этой горой, с которой низвергаются каскады воды...

Дрожь пробежала по ее телу и, вспомнив про Алана, она взглянула на него. Он был озадачен: в ее глазах светилась чарующе-прекрасная тайна.

— Я здесь должна сойти на берег,— сказала Мэри Стэндиш.— Я не знала, что так скоро найду, что искала. Пожалуйста...

Все еще касаясь его руки, она обернулась. Алан обратил внимание, что странный свет быстро погас в ее глазах. Следуя за взглядом девушки, он увидел Росланда, стоявшего в нескольких шагах позади них.

В следующее мгновение Мэри Стэндиш опять уже смотрела на море, доверчиво опираясь на руку Алана.

— Чувствовали ли вы когда-нибудь желание убить человека, мистер Холт? — спросила она с ледяной усмешкой.

— Да,— ответил он довольно неожиданно.— И когда-нибудь, если только представится случай, я убью одного человека — убийцу моего отца.

— Ваш отец был убит? — прошептала она с ужасом в голосе.

— Не в буквальном смысле. Это не было сделано ножом или ружьем, мисс Стэндиш. Деньги послужили орудием его смерти. Чьи-то деньги. А Джон Грэйхам был тот, кто направил удар. Когда-нибудь, если только существует на свете такая вещь, как справедливость, я убью его. И как раз теперь, если вы разрешите мне потребовать объяснения от этого Росланда...

— Нет!— Ее пальцы сжали его руку. Потом они медленно разжались.— Я не хочу, чтобы вы требовали от него объяснений. И если он их даст вам, то вы возненавидите меня. Расскажите мне про Скагвэй, мистер Холт. Это будет куда приятнее.

ГЛАВА VI

Наступили ранние сумерки. Темная тень от западных гор окутала побережье. «Ном», пеня воду, медленно двинулся по узкому фарватеру в открытый океан. И лишь тог-

да Алан вполне смог разобраться во впечатлениях минувшего дня. В течение нескольких часов он предавался настроению, которого и сам не понимал, которого он не простил бы себе в другое время.

Он проводил Мэри Стэндиш на берег. В течение двух часов она ходила рядом с ним, задавала ему вопросы и слушала его так, как никто никогда не расспрашивал и не выслушивал его. Он показал ей все достопримечательности Скагвэя. Он указал ей на открытые ветрам ущелья среди гор, где зародился Скагвэй: в один день на том месте, где была лишь одна палатка, выросло сто, а через неделю их была уже тысяча. Он нарисовал перед ее глазами картину былых дней, полных приключений, подвигов и смерти. Он рассказал ей про «Ловкача» Смита и его шайку, которые были объявлены вне закона. И теперь, когда первые темные тени гор упали на них, они стояли рядом около заброшенной могилы бандита.

Но кроме всего виденного и посреди всего виденного она все расспрашивала его о нем самом. И он отвечал. До сих пор еще Алан не сознавал, как доверчиво относился он к ней. Ему казалось, что душа этой стройной прекрасной девушки, шагавшей рядом с ним, вызвала его на откровенный разговор о его личной жизни. Он как будто чувствовал, что их сердца бьются в унисон, когда он рассказывал про свою любимую страну за Эндикоттскими горами, про ее безграничные тундры, про свои стада и своих людей. Он говорил о том, что зарождается новый мир. И блеск ее глаз, и дрожь в ее голосе так увлекли его, что он забыл о Росланде, поджидавшем их возвращения на борту парохода. Алан строил перед ней свои воздушные замки, и чудеснее всего было то, что ее присутствие помогало их строить. Он описал ей перемены, которые медленно происходят на Аляске; горные тропинки сменяются почтовыми и мощеными дорогами, пригодными для автомобилей; вскоре будут проложены железные дороги, и на том месте, где несколько лет тому назад стояли палатки, вырастут большие города. И только тогда, когда он нарисовал ей торжество прогресса и цивилизации, падение всех преград перед наукой и изобретательностью человека, он заметил, что тень сомнения легла в ее серых глазах.

И теперь, когда они стояли на палубе «Нома» и глядели на белые вершины гор, растворявшиеся в лиловых сумерках, в глазах девушки по-прежнему было написано сомнение.

— Я всегда буду любить палатки, старые горные тропинки и естественные преграды. Я завидую Белинде Мелруни, про которую вы мне рассказывали. Я ненавижу го-

рода, железные дороги, автомобили и все, что приходит вместе с ними. Меня огорчает, что это надвигается на Аляску. И я тоже ненавижу этого человека — Джона Грэйхама!

Ее слова поразили Алана.

— И я хочу, чтобы вы рассказали мне, что он делает со своими деньгами... Теперь...

Голос девушки навевал холод; ее маленькая рука судорожно ухватилась за край перил.

— Он извел в водах Аляски все рыбные богатства, и их уже нельзя будет восстановить, мисс Стэндиш. Но это не все. Мне кажется, что я имею право назвать его убийцей многих женщин и маленьких детей, ибо он ограбил реки и озера, рыбой которых туземцы питались испокон веков. Я это знаю. Я видел, как они умирали.

Ему показалось, что она слегка покачнулась.

— Это — все?

Он саркастически усмехнулся.

— Найдутся многие, которые сочтут, что и этого достаточно, мисс Стэндиш. Но Джон Грэйхам протянул свои щупальцы на всю Аляску. Его агенты наводнили страну. И бандит «Ловкач» Смит был джентльменом по сравнению с этими господами и их хозяином. Если дать свободу людям, подобным Джону Грэйхаму, то десять лет их хищнического хозяйничанья внесут такую разруху, что ее не смогут возместить двести лет рузвельтовских запретов.

Девушка подняла голову. Ее бледное лицо было обращено к призрачным вершинам гор, которые все еще можно было различить в сгущавшемся сумраке.

— Я рада, что вы мне рассказали про Белинду Мелруни,— снова произнесла она.— Мысль о такой женщине придает мне смелость. Она умела бороться, не так ли? Она умела бороться, как мужчина?

— Да, и не только умела, но и боролась.

— И не в деньгах была ее сила? Свой последний доллар, вы рассказывали, она бросила на счастье в Юкон.

— Да, то было в Досоне. Этот доллар был у нее последним.

Мисс Стэндиш подняла руку. Алан увидел на ней слабый блеск ее единственного кольца. Она медленно сняла его с пальца.

— Пусть это тоже будет на счастье — на счастье Мэри Стэндиш,— сказала она, тихо засмеявшись, и бросила кольцо в море.

Девушка посмотрела Алану в лицо, как бы ожидая, что ей придется оправдываться за свой поступок.

— Это не мелодрама. Я так чувствую, и я хочу, чтобы на дне моря, здесь, у Скагвэя, лежало что-нибудь мое, как

Белинда Мелруни хотела, чтобы ее доллар навсегда остался на дне Юкона.

Она протянула ему руку, с которой она только что сняла кольцо, и Алан почувствовал ее теплое прикосновение.

— Благодарю вас за то, что вы доставили мне чудесный день, мистер Холт. Я никогда не забуду этого. Пора идти ужинать. Я должна попрощаться с вами.

Он взглядом провожал ее стройную фигуру, пока она не скрылась из виду. По дороге в свою каюту он чуть не налетел на Росланда. Это начинало раздражать его. Ни тот, ни другой не произнесли ни одного слова и не раскланялись. Не обнаруживая ни малейшего волнения на окаменевшем лице, Росланд посмотрел Алану прямо в глаза. Несмотря на свое предубеждение против этого человека, Алан должен был переменить мнение о нем. В Росланде чувствовалась какая-то сила, приковывавшая внимание, непреклонная уверенность в себе, которая была не только умелой игрой. Мошенником он, пожалуй, был, но он обладал трезвым умом, равновесие которого нарушить пустяками было нельзя. Алан невзлюбил этого человека. В качестве агента Джона Грэйхама Росланд был ему врагом, а в качестве знакомого Мэри Стэндиш он был такой же тайной, как и сама девушка. И только теперь в своей каюте Алан начал понимать, что за спиной Росланда скрывается какая-то значительная сила.

Алан не отличался любопытством. Всю свою жизнь он прожил среди слишком суровой действительности, чтобы размениваться на сплетни и догадки. Его не интересовали отношения между Мэри Стэндиш и Росландом, пока не впутали и его: но теперь его положение стало слишком щекотливым для того, чтобы оно могло быть ему по душе. Он не видел ничего забавного в приключениях подобного рода, а при мысли о том, что оба, и Росланд и Мэри Стэндиш, неправильно истолковывают его поведение, румянец гнева залил его щеки. Его мало занимал Росланд, разве только что он хотел бы стереть его с лица земли, как и всех прочих агентов Грэйхама. «А что касается этой девушки,— продолжал он уверять себя,— то мысли о ней не идут дальше случайного интереса». Алан не пытался раскрыть ее тайну, и он не стал расспрашивать ее. Ни разу в нем не проснулось желание проникнуть в ее личные дела, а она ни разу не упомянула о своей прежней жизни и не собиралась объяснить странное поведение Росланда, взявшего на себя роль шпиона. Он сделал гримасу при мысли о том, что он до жути близок был к опасности во время инцидента с Росландом, и восхищался тем здравым рассудком, который она обнаружила в этом вопросе; она избави-

ла его от двух возможностей: извиниться перед Росландом или выбросить его за борт.

В несколько воинственном настроении Алан вошел в столовую, приняв твердое решение быть настороже и не допустить дальнейшего сближения с Мэри Стэндиш. Как ни приятны были переживания сегодняшнего дня, мысль о том, что временами он подчинялся чужой воле, угнетала его. Можно было подумать, что Мэри Стэндиш прочла его мысли и соответствующим образом держала себя по отношению к нему за ужином. В поведении девушки было что-то пленительно-вызывающее. Она встретила его легким кивком головы и холодной улыбкой. Ее сдержанность не располагала к разговору ни его, ни других соседей, и все же никто не мог бы обвинить ее в предумышленной замкнутости. Спокойная неприступность Мэри Стэндиш явилась для Алана неожиданным откровением, и он почувствовал в себе новый интерес к ней вопреки решению держаться вдали во имя самозащиты. Он не мог сдержаться и украдкой бросал взгляды на волосы девушки, когда она слегка наклоняла голову. Сегодня они были так приглажены, что напоминали мягчайший бархат и блестели отливами больше обыкновенного. Алан поймал себя на неожиданной мысли: он подумал, какое сладостно-приятное чувство должен испытать человек, прикоснувшись рукой к этим волосам. Это открытие почти потрясло его. У Киок и Ноадлюк были прекрасные волосы, но у него никогда не было желания погладить их. И он никогда не думал о хорошеньком ротике Киок так, как он думал сейчас о губках девушки, сидевшей напротив него. Алан с тревогой взглянул на Мэри Стэндиш и обрадовался, убедившись, что она не смотрит на него в эти минуты его душевной неуравновешенности.

Когда Алан встал из-за стола, девушка едва обратила на это внимание. Было похоже на то, что она использовала его, когда он был ей нужен, а потом хладнокровно отстранила его со своего пути. Алан пытался смеяться, пока он разыскивал «Горячку» Смита. Он нашел его спустя полчаса на нижней палубе, где Смит кормил ручного медведя. «Как это странно,— подумал Алан,— что люди возят на Север ручного медведя». Смит объяснил, что этот зверь — любимец своих хозяев, тлинкитских индейцев. Их было семеро, и они направлялись в Кордову. Алан заметил, что две девушки внимательно разглядывали его и перешептывались. Это были очень хорошенькие индеанки с большими темными глазами и румяными щеками. А один из мужчин даже не взглянул на него и продолжал сидеть на палубе, отвернув лицо в сторону.

Вместе со Смитом Алан отправился в курительную, и там они до поздней ночи беседовали о громадных пространствах у Эндикоттских гор и о видах Алана на будущее. Один раз, еще ранним вечером, Алан пошел в свою каюту за картами и снимками. Глаза «Горячки» Смита заблестели при мысли о новых приключениях. Это была обширная страна, неизвестная страна, и Алан был первым пионером в ней. Прежний трепет пробежал по его телу и передался Алану; и последний позабыл про Мэри Стэндиш и про все остальное на свете, кроме тех миль, что остались до бесконечных тундр, за полуостровом Сюард. Была уже полночь, когда Алан ушел к себе в каюту.

Он чувствовал себя счастливым. Радость жизни непреодолимой волной захлестнула его. Он глубоко втягивал в легкие мягкий морской воздух, проникавший через открытый люк. В «Горячке» Смита Алан нашел наконец товарища, которого ему долго недоставало, который мог делить сильное необузданное стремление, теплившееся в его сердце. Он выглянул наружу и улыбнулся звездам. Его душа преисполнилась неизъяснимой благодарности судьбе за то, что он не родился слишком поздно. Еще одно поколение, и не будет уже последней границы. Еще двадцать пять лет, и мир окажется целиком в оковах науки и человеческой изобретательности, которые человечество привыкло называть прогрессом.

Итак, судьба оказалась милостивой к нему. Он принимал участие в творении последней страницы той летописи, которая берет свое начало в глубине веков, которая запечатлена кровью людей, прорезавших первые тропинки в Неизведанное. После него не будет больше границ, не будет больше тайн неведомых стран. Не будет больше поприща для пионеров. Земля тоже будет приручена.

Внезапно Алан вспомнил Мэри Стэндиш и слова, которые она сказала ему в вечерних сумерках. Странно, что их взгляды сходятся: она тоже будет всегда любить палатки, старые горные тропинки и естественные преграды. Она тоже ненавидит города, железные дороги и автомобили, вторгающиеся на Аляску. Он пожал плечами. Возможно, что девушка угадала его собственные мысли, ибо она умна. Очень умна!

Стук в дверь оторвал его взгляд от своих часов с открытым циферблатом, которые он держал в руке. Было четверть первого — необычный час для того, чтобы кто-нибудь вздумал стучать в его дверь.

Стук, однако, повторился — несколько нерешительно, как ему показалось, — а потом опять, на этот раз быстро и решительно. Спрятав часы в карман, Алан открыл дверь.

Перед ним стояла Мэри Стэндиш. В первую минуту он видел только ее широко раскрытые, странные и испуганные глаза. А затем, когда она медленно вошла в комнату, не дожидаясь его ответа или позволения войти, он заметил, как она бледна. Алан, не двигаясь с места и в каком-то нелепом оцепенении, смотрел на нее. Мэри Стэндиш сама закрыла дверь за собой и, прислонившись к ней, стояла, выпрямившись во весь рост, стройная и как смерть бледная.

— Могу я войти? — спросила она.

— Боже ты мой! — вырвалось из груди Алана. — Вы уже вошли!

ГЛАВА VII

Тот факт, что было уже за полночь, что Мэри Стэндиш вошла без спроса и сама закрыла за собою дверь, не дожидаясь, пока он словом или кивком пригласит ее войти, казался Алану невероятным. Когда прошел первый приступ изумления, он все еще молча стоял, меж тем как девушка пристально смотрела на него и дышала несколько учащенно. Но она не была взволнована. Удивленный до последней степени, Алан все же обратил внимание на ее спокойствие и на то, что выражение страха исчезло из ее глаз. Но он никогда не видел Мэри Стэндиш такой бледной, и никогда она не казалась ему такой хрупкой, совсем девочкой, как теперь, в этот исключительный момент, когда она стояла, прислонившись к двери.

Бледный цвет ее лица подчеркивал темноту волос. Даже ее губы побледнели. Но она несколько не была смущена. Глаза, не выражавшие больше страха, были спокойны; в ее позе чувствовалась уверенность, которая уязвила Алана. Чувство досады, почти озлобления стало хватывать его, пока он ждал, чтобы она заговорила. Вот какова была плата за его хорошее отношение к ней! Ее намерение использовать его для своих целей было наглостью и издевательством. В его мозгу мелькнуло подозрение, уж не стоит ли снаружи за дверьми Росланд.

Еще один момент, и он оттолкнул бы девушку и открыл бы дверь, но ее спокойствие удержало его. Напряженное выражение начало исчезать с лица Мэри Стэндиш. Он увидел, как задрожали ее губы, а потом случилось чудо: в ее широко раскрытых прекрасных глазах заблестели слезы. Но даже когда крупные слезы, блестя как алмазы, стали скатываться по ее лицу, она не опустила взора, не попыталась прикрыть лицо руками, а смело смотрела на

него. Алан почувствовал, что сердце оборвалось в нем. Она прочла его мысли, она угадала его подозрения, а он меж тем был неправ.

— Вы... вы, может быть, присядете, мисс Стэндиш?— запинаясь, произнес Алан и кивком указал на стул.

— Нет. Пожалуйста, разрешите мне стоять.— Она с трудом перевела дыхание.— Сейчас уже очень поздно, мистер Холт?

— Довольно неподходящий час для подобного посещения,— ответил он.— Половина первого, чтобы быть точным. Надо полагать, что какое-то серьезное дело заставило вас решиться на такой рискованный поступок на пароходе, мисс Стэндиш?

Она не сразу ответила, и он заметил, как вздрагивает ее горло.

— Считала бы Белинда Мелруни такой поступок очень рискованным, мистер Холт? Если бы дело шло о жизни или смерти, то не думаете ли вы, что она пришла бы к вам в полночь, даже на пароходе? А меня привело к вам именно это — вопрос жизни или смерти. Еще часу нет, как я пришла к такому заключению. И я не могла ждать до утра. Я должна была повидать вас сейчас же.

— Почему именно меня? — спросил он.— Почему не Росланда, не капитана Райфла или кого-нибудь другого? Не потому ли...

Он не окончил, ибо увидел, как тень мелькнула в глазах девушки; казалось, что она на одно мгновение почувствовала острое унижение или боль. Но тень исчезла так же быстро, как появилась. И очень спокойно, без всякого волнения Мэри Стэндиш ответила ему:

— Я знаю, что вы сейчас чувствуете. Я пыталась поставить себя на ваше место. Как вы говорите, все это очень необычайно. Но мне ничуть не стыдно. Будь я мужчиной, я гордилась бы тем, что женщина обращается ко мне при подобных обстоятельствах. Если то, что я наблюдала за вами, думала о вас и надеялась на вас, значит желать использовать вас, то я действительно поступила нечестно, мистер Холт. Но я нисколько не жалею об этом. Я верю вам, я знаю, что вы будете считать меня честной женщиной, пока я не представлю вам доказательства противного. Если бы какое-нибудь другое человеческое существо обратилось к вам с просьбой предотвратить трагедию и вы полагали бы, что это в ваших силах, сделали бы вы это?

Алан почувствовал, как его предубеждение рассеивается. Хладнокровно разбираясь в подобном положении за беседой в курительной комнате, он назвал бы сумасшедшим *того*, кто поколебался бы открыть дверь своей каю-

ты и выпроводить такого гостя. Но сейчас подобная мысль не приходила ему в голову. Он думал о платке, найденном прошлой ночью. Она дважды подходила к его каюте в такой поздний час.

— Я считал бы себя обязанным сделать все, что в моих силах,— ответил Алан на ее вопрос.— Трагедия — пре-скверная вещь.

Мэри Стэндиш уловила оттенок иронии в его голосе, но это лишь придало ей еще больше спокойствия. Она не заставит его выслушивать плаксивую мольбу или любоваться, как женщина играет беспомощностью и красотой. Ее хорошенькие губки сжались решительней, и очаровательный подбородок поднялся чуть выше.

— Конечно, я не смогу заплатить вам,— сказала она.— Вы принадлежите к тем людям, которых оскорбило бы предложение платы за то, что я намереваюсь у вас попросить. Но мне нужна помощь. Если она не придет — и скоро... — она слегка вздрогнула и попыталась улыбнуться,— то случится нечто чрезвычайно неприятное, мистер Холт.

— Быть может, вы разрешите мне проводить вас к капитану Райфлу...

— Нет. Капитан Райфл будет расспрашивать меня и требовать объяснений. Вы поймете, когда я скажу вам, что мне нужно, а Вам я скажу, если вы дадите мне слово сохранить втайне наш разговор, независимо от того, сможете вы мне или нет. Даете вы такое обещание?

— Да. Если только это доставит вам облегчение, мисс Стэндиш.

Полное отсутствие любопытства в Алане граничило почти с грубостью. Повернувшись, чтобы достать сигару, Алан не мог заметить, что девушка внезапно сделала движение, словно она намеревалась убежать из каюты. А равно не заметил он, как задрожало чаще ее горло. Когда Алан обернулся, он увидел, что слабый румянец начинает разливаться по ее лицу.

— Я хочу оставить пароход,— заявила она.

Удивленный несложностью ее желания, Алан молчал.

— Я должна оставить его сегодня же или завтра ночью — одним словом, прежде, чем мы прибудем в Кордову.

— Это и есть то, в чем я вам должен помочь? — с изумлением спросил он.

— Нет еще. Я должна исчезнуть с парохода таким образом, чтобы все думали, что я умерла. Я не могу прибыть в Кордову живой.

Наконец-то она раскрыла свои карты. Алан пристально глядел на нее, спрашивая себя, в своем ли она уме. Ее

спокойные прекрасные глаза, не мигнув, встретили его взгляд. В уме Алана роилось множество вопросов, но ни одно слово не сорвалось с его губ.

— Вы можете мне помочь,— продолжала девушка тем же спокойным голосом, понизив его настолько, чтобы никто не мог услышать ее за дверью каюты.— Я еще не составила плана, но я знаю, что вы сможете придумать, если захотите. Всем должно казаться, что это несчастный случай. Я должна исчезнуть, упасть за борт, все что угодно, лишь бы люди думали, что меня больше нет в живых. Это необходимо. А почему — этого я не могу вам сказать. Я не могу. О, я не могу!

В ее голосе проскользнула горячая страстность, но мгновенно исчезла, и ее тон снова стал холодным и решительным. Она вторично сделала попытку улыбнуться. Смелость и вызов заискрились в ее глазах.

— Я знаю, о чем вы думаете, мистер Холт. Вы спрашиваете себя, не сошла ли я с ума, не преступница ли я, какие могут руководить мною побуждения, и почему я не пошла к Росланду, к капитану Райфлу или еще к кому-нибудь. Я могу ответить только одно: я обратилась к вам, потому что вы — единственный человек в мире в настоящую минуту, к которому я питаю доверие. Если вы поможете мне, то вы когда-нибудь все поймете. А если вы не пожелаете помочь мне...

Мери Стэндиш замолчала и сделала неопределенный жест рукой. Алан повторил ее вопрос:

— А если я не пожелаю вам помочь? Что случится тогда?

— Я приду к неизбежному выводу,— ответила она.— Не правда ли, это довольно необычайно просить о собственной смерти, но я говорю совершенно серьезно.

— Боюсь, что я не совсем вас понимаю.

— Разве это не ясно, мистер Холт? Я не люблю разыгрывать сцен и не хотела бы, чтобы вы даже теперь думали, что я — актриса. Я ненавижу подобные вещи. Вы должны попросту поверить мне, когда я говорю, что для меня невысказанно живой приехать в Кордову. Если вы не поможете мне исчезнуть, не поможете мне остаться в живых и в то же время убедить всех, что я умерла, тогда мне придется избрать другой путь. Я должна буду действительно умереть.

В первое мгновение глаза Алана гневно сверкнули. Он почувствовал желание схватить ее за плечи и трясти, как это делают с детьми, когда хотят заставить их говорить правду.

— Вы явились ко мне с этой глупой угрозой, мисс Стэндиш? С угрозой покончить с собой?

— Если вам угодно так называть это, — да.

— И вы ожидаете, что я поверю вам?

— Я так надеялась.

Она сумела подействовать на его нервы, в этом не оставалось сомнения. Он верил и в то же время не верил ей. Если бы она плакала, если бы она сделала малейшую попытку сыграть на его чувствах, он бы решительно отказался ей поверить. Но он не мог не видеть, что девушка храбро борется, даже если она и говорит неправду, борется с таким гордым сознанием своей правоты, что он был совсем сбит с толку.

Мисс Стэндиш не унижалась перед ним. Даже заметив происходившую в нем борьбу, она не сделала ни малейшего усилия склонить чашу весов в свою пользу. Она просто излагала факты так, как они ей представлялись. Теперь она ждала. В ее длинных ресницах сверкали слезы, но глаза были ясны. Ее волосы блестели так нежно, что он никогда не мог уже забыть их блеска, когда она стояла, прислонившись к двери, так же, как он не мог забыть непреодолимого желания, проснувшегося в нем, — коснуться рукой ее волос.

Алан откусил кончик сигары и зажег спичку.

— Это все из-за Росланда? — спросил он. Вы боитесь его, так?

— Отчасти. Но я бы смеялась над Росландом, если бы не было еще другого, кроме него.

Другого! Почему она, черт возьми, так двусмысленна?! И она вовсе не собирается, очевидно, объясниться. Она спокойно дожидалась его решения.

— Кто другой? — спросил он.

— Я не могу вам сказать. Я не хочу, чтобы вы меня возненавидели. А если я скажу вам правду, то вы, наверное, меня будете ненавидеть.

— Стало быть, вы сознаетесь в том, что лгали мне? — намеренно грубо сказал Алан.

Даже это не подействовало на нее так, как он того ожидал. Его грубость не вызвала в ней ни гнева, ни стыда. Но она подняла руку и поднесла платок к глазам. Он отвернулся к открытому люку, пыхтя сигарой, чувствуя, что она старается сдержать слезы. И ей это удалось.

— Нет, я не лгу. То, что я вам сказала, сушая правда. Именно потому, что я не хочу лгать вам, я не сказала больше. Я благодарю вас за то, что вы уделите мне столько времени, мистер Холт. Я очень ценю тот факт, что вы не выгнали меня из вашей каюты, — вы были очень добры ко мне. Я думала...

— Каким образом мог бы я исполнить вашу просьбу? — прервал ее Алан.

— Я не знаю. На то вы и мужчина. Я полагала, что вы сумеете найти средство. Но теперь я вижу, как безрассудна я была. Это действительно невозможно.

Ее рука медленно потянулась к ручке двери.

— Да, вы безрассудны, — согласился Алан. Но его голос звучал мягче. — Не давайте таким мыслям впредь овладевать вами, мисс Стэндиш. Не позволяйте Росланду приставать к вам. Если вы хотите, чтобы я разделался с этим человеком...

— Прощайте, мистер Холт.

Она открыла дверь и на ходу обернулась, посмотрела на Алана и улыбнулась, и он заметил, что в ее глазах снова сверкают слезы.

— Покойной ночи!

— Покойной ночи!

Дверь закрылась за ней. Он слышал, как удалялись ее шаги. Еще несколько секунд, и он позвал бы ее назад. Но было уже слишком поздно...

ГЛАВА VIII

С полчаса Алан сидел и задумчиво курил свою сигару. Ему было не по себе. Мэри Стэндиш пришла к нему как храбрый воин, и такой она ушла от него. Когда он в последний раз взглянул на ее улыбающееся лицо, он уловил на мгновение в ее глазах, влажных от слез, что-то такое, чего он раньше в каюте не заметил; это похоже было, думалось ему, на душевную боль, на гордое сожаление о случившемся; быть может, это была тень перенесенного унижения, а впрочем, возможно, что в этом выразилось презрение к нему. Он не был уверен, он знал только, что выражение ее лица не имело ничего общего с отчаянием. Ни разу она не проявила слабости ни взглядом, ни словом, ни даже тогда, когда слезы стояли в ее глазах. И мысль о том, что он, а не Мэри Стэндиш, показал себя этой ночью достойным сожаления, начала понемногу укрепляться в его мозгу. Ему стало стыдно. Было ясно, что или Мэри Стэндиш лучшего мнения о нем, чем он того заслуживает, или он действительно так глуп, как она на то надеялась. Сейчас Алан не мог разобраться даже в собственных мыслях.

Впервые, кажется, за всю свою жизнь Алан глубоко погрузился в анализ женской натуры. Раньше ему не приходилось никогда этим заниматься. Но ему, родившемуся и

выросшему на лоне природы, было так же свойственно угадывать в человеке храбрость, как другому — дышать. И в данную минуту храбрость Мэри Стэндиш представлялась ему необычайной.

Некоторое время спустя Алан успокоился, вспомнив ее хладнокровие и сдержанность; она не пыталась воздействовать на него, пустив в ход женские чары. Ему казалось, что молодая красивая женщина, которая действительно стояла бы перед угрозой смерти, проявила бы большую горячность для того, чтобы убедить его. При здравом размышлении ее угроза казалась попросту уловкой, зародившейся, возможно, под влиянием минуты, с целью дать толчок его решению. Мысль о том, что такая девушка, как Мэри Стэндиш, может покончить с собой, казалась неправдоподобной. Спокойный взгляд чудесных глаз, ее красота, исключительная забота о своей внешности — все говорило о нелепости подобного предположения. Она храбро пришла к нему, в этом не могло быть сомнения. Но она только преувеличила серьезность мотивов, заставивших ее это сделать.

Но даже после того, как он снова перебрал в уме все, какие только возможны были, доводы, ради вящей убедительности своих заключений, он все-таки чувствовал какую-то неловкость в душе. Против воли Алан стал вспоминать все неприятные минуты, когда он, сам того не сознавая, действовал под влиянием неожиданного порыва. Он пытался смехом разогнать нелепые мысли. И под конец, чтобы придать им новое направление, Алан отложил недокуренную сигару, взял свою дочерна раскуренную трубку, набил ее табаком и закурил. Потом он стал ходить взад и вперед по каюте, подобно огромному зверю в маленькой клетке. Наконец он остановился у открытого люка. Высунув голову, он стал смотреть на яркие звезды, выпуская клубы табачного дыма, который разносило мягким морским ветром.

Мало-помалу он начал успокаиваться. Вспышка чувств угасла и сменилась обычной уравновешенностью. Если он поступил немного резко с мисс Стэндиш, то он это загладит завтра, попросив у нее извинения. Она, вероятно, за это время тоже придет в себя, и они вместе посмеются над ее возбуждением и их маленьким приключением. Именно так он и сделает. «Меня вовсе не интересует, в чем дело, — шептал ему какой-то настойчивый голос. — И я положительно не хочу знать, какой безрассудный каприз толкнул ее в мою каюту». Тем не менее он курил с ожесточением и криво усмехался, прислушиваясь к своему внутреннему голосу. Он хотел бы выкинуть из головы Росланда, но образ

последнего упорно оставался там, а вместе с ним слова Мэри Стэндиш: «Если бы я объяснила вам, то вы возненавидели бы меня». Что-то в этом роде, во всяком случае. Он не мог с точностью вспомнить ее слова, да у него и желания не было в точности вспоминать их. Все это его совершенно не касалось.

В таком настроении, с ощущением противоречивых чувств в душе, Алан потушил свет и лег в постель. Он стал думать о родных местах. Это было куда приятнее! В десятый раз он принимался высчитывать, сколько времени пройдет еще, пока встанут перед ним покрытые ледниками гребни Эндикоттских гор и первыми поприветствуют его возвращение на родину. Карл Ломен, который поедет на следующем пароходе, присоединится к нему в Уналяске. Они вместе отправятся в Ном. Потом он проведет около недели на полуострове Чорис, поднимется вверх по течению Кобока, минуя Коюкук и далекое северное озеро, и все дальше будет подвигаться туда, куда еще не заходили цивилизованные люди, к своим стадам и своим людям. С ним вместе будет «Горячка» Смит.

После долгой зимней тоски по родине такие мысли могли, конечно, навеять приятные сновидения. Но в эту ночь они не приходили. «Горячка» Смит исчез, а на его месте появился Росланд. Киок хохотала и превращалась то и дело в дразнящий облик Мэри Стэндиш. «Как это похоже на нее! — подумал Алан во сне. — Киок всегда кого-нибудь мучает».

Утром он чувствовал себя лучше. Когда он проснулся, солнце уже высоко стояло в небе и заливало своими лучами стены его каюты. Пароход качался на волнах в открытом океане. На востоке виднелся берег Аляски, напоминая собою темно-синюю туманность. Но белые вершины св. Ильи высоко выделялись на фоне неба, подобно снежным знаменам. «Ном» полным ходом несся вперед. Под влиянием стука машин кровь быстрее стала пульсировать в жилах Алана, а его сердце забилось заодно с могучей силой, двигавшей пароход. Здесь делалось дело. Каждый поворот колес, от которых вода бурлила за кормой, означал скорое приближение к Уналяске, лежавшей на полпути к Алеутским островам. Алана огорчало, что они теряют драгоценное время, сворачивая с прямого пути, чтобы зайти в Кордову. Мысль о Кордове напомнила ему о Мэри Стэндиш.

Он оделся, побрился и спустился к завтраку, продолжая думать о ней. Снова встретиться с ней было довольно неприятно теперь, после их ночного разговора; он боялся очутиться в неловком положении, несмотря на то, что не чувствовал никакой вины за собой. Но Мэри Стэндиш из-

бавила его от угрызений совести, которые он мог бы испытывать в связи с проявленной им прошлой ночью невежливостью. Мисс Стэндиш сидела уже за столом. Она не обнаружила ни малейшего волнения, когда он сел напротив нее. На ее щеках был легкий румянец, напоминавший своим теплым оттенком сердцевину дикой розы тундр. Ему показалось, что в ее глазах горит еще более глубокий, еще более прекрасный огонь, чем когда-либо раньше.

Она кивнула ему головой, улыбнулась и возобновила прерванный на мгновение разговор с соседкой. Впервые Алан видел, что ее интересовала беседа за столом. У него не было намерения прислушиваться, но какая-то непобедимая сила покоряла его волю. И он узнал, что соседка мисс Стэндиш едет в Нурвик на реке Кобок преподавать детям в туземной школе; что она много лет учительствовала в Досоне и хорошо знала историю Белинды Мелруни. Алан вывел заключение, что Мэри Стэндиш очень интересуется этим вопросом, так как мисс Робсон, учительница, обещала прислать ей сохранившуюся у нее карточку Белинды Мелруни и просила мисс Стэндиш дать ей свой адрес. Девушка явно колебалась ответить на это, а потом сказала, что еще не знает, где она остановится, и напишет мисс Робсон в Нурвик.

— Вы непременно напишите мне,— просила мисс Робсон.

— Да, да, я вам напишу.

Мисс Стэндиш явно не хотела, чтобы Алан слышал их, и говорила очень тихо. Алан почувствовал облегчение. Ему стало ясно, что несколько часов сна и красота утра совершенно изменили настроение девушки. Сознание ответственности, раньше не дававшее ему покоя, оставило его. Только безумец, уверял себя Алан, мог бы найти сейчас следы трагизма на ее лице. За вторым завтраком и за обедом Мэри Стэндиш оставалась такой же, как и утром. В течение дня Алан совсем не видел ее, и он пришел к выводу, что она намеренно избегает встречи с ним. Он отнюдь не был этим недоволен. Это давало ему возможность спокойно заниматься своими делами. Он принял участие в споре в курительной по вопросу о политике Аляски, курил свою почерневшую трубку, не боясь никому помешать дымом, и беззаботно прислушивался к разговорам на пароходе. И сейчас у него было так безоблачно на душе, как не было ни разу с момента первой встречи с мисс Стэндиш. Однако, когда наступил вечер, и он делал свою обычную двухмильную прогулку по палубе, Алан почувствовал, что в нем все растет и растет чувство одиночества. Чего-то ему не доставало. Он не отдавал себе отчета, в чем дело, пока

не увидел Мэри Стэндиш. Она шла из коридора, в котором помещалась ее каюта, и теперь стояла одна у перил. С минуту Алан колебался, но затем спокойно подошел к ней.

— Какой сегодня чудесный день, мисс Стэндиш,— сказал Алан.— До Кордовы осталось всего несколько часов пути.

Она едва обернулась и продолжала смотреть на окутанное мглою море.

— Да, чудесный день, мистер Холт,— повторила она.— И до Кордовы всего несколько часов пути.— Потом тем же тихим голосом, без всякого подчеркивания, она добавила:— Я хочу вас поблагодарить, мистер Холт. Вы мне помогли принять важное решение.

— Боюсь, что я вам ничем не помог.

Может быть, это была лишь игра света в сгустившихся сумерках, но Алану показалось, что ее хрупкие плечи задрожали слегка.

— Я думала, что есть два пути,— произнесла девушка.— Но вы заставили меня понять, что есть только один.— Она подчеркнула последнее слово. Оно было произнесено с некоторой дрожью в голосе.— Я вела себя глупо. Пожалуйста, забудем об этом. Я хочу думать сейчас о более приятных вещах. Я собираюсь произвести серьезный эксперимент, который потребует от меня полного присутствия духа.

— Вы выйдете победительницей, мисс Стэндиш,— сказал Алан уверенным голосом.— Что бы вы ни предприняли, вы выйдете победительницей. Я знаю это. Если эксперимент, о котором вы говорите, заключается в вашей поездке на Аляску, чтобы найти здесь свое счастье, зажить здесь новой жизнью, то вас ожидает полный успех. Могу вас в этом заверить.

Она несколько минут молчала, а потом сказала:

— Меня всегда влекло к неизведанному. Когда мы проплывали вчера под горами Скагвэя, я вам говорила про мою странную мысль. Мне кажется порою, что я уже жила здесь однажды, давным-давно, когда Америка была очень молода. Временами это чувство встает с такой силой, что я начинаю верить ему, хотя я знаю, что это глупо. Но вчера, когда горы раскрылись, подобно большим воротам, и перед нами предстал Скагвэй, мне снова почудилось, что где-то когда-то я уже видела нечто подобное. У меня часто случались странные видения. Возможно, что это тень безумия лежит на мне. Но эта вера придает мне мужество проделать мой опыт... И вы!..

Внезапно она обернулась к нему. Ее глаза метали молнии.

— Вы — вместе с вашими подозрениями и вашей грубостью, — продолжала она с легкой дрожью в голосе и выпрямляясь всем телом. — Я не собиралась говорить вам этого, мистер Холт. Но вы доставили мне случай, и это принесет, возможно, пользу вам — после завтрашнего дня. Я пришла к вам потому, что глупо ошиблась в вас. Я думала, что вы другой, что вы такой же, как ваши горы. Я вела азартную игру и возвела вас на пьедестал, считая вас чистым, бесстрашным человеком, который верит в людей до тех пор, пока они того заслуживают. И я проиграла. Я невероятно ошиблась. Когда я пришла к вам в каюту, ваши первые мысли обо мне были проникнуты подозрением. Вы рассердились и испугались. Да, *испугались!* Испугались, как бы не случилось с вами чего-нибудь такого, что было бы не по душе вам. Вы подумали даже, что я явилась к вам с грязными намерениями. Вы были убеждены, что я лгу, и так и сказали мне. Это было несправедливо, мистер Холт. Это было ужасно несправедливо. Существуют вещи, которых я не могу сейчас объяснить. Но я вам сказала, что Росланд все знает. Я ни от чего не отказываюсь. Я не думала, что оскорблю вас моей... дружбой... даже если я пришла к вам в каюту. О! Я слишком верила в себя. Я не могла подумать, что меня могут принять за развратную, лживую женщину!

— Господи! — вскрикнул Алан. — Выслушайте меня, мисс Стэндиш...

Она ушла так внезапно, что попытка задержать ее оказалась тщетной; прежде чем он мог догнать ее, она уже исчезла. Он снова окликнул ее, но в ответ услышал только ее шаги, быстро удалявшиеся по коридору. Алан бросился назад. Кровь застыла в нем, руки сжались в кулаки, лицо стало таким же бледным, каким было лицо девушки. Ее слова буквально оглушили его. Он понял, как отвратителен был тот образ, каким нарисовала его мисс Стэндиш; и эта мысль почти привела его в ужас. А между тем она не права. В своем поведении он руководствовался тем, что считал здравым смыслом и трезвым рассудком. И если, поступая таким образом, он был проклятым глупцом...

Алан решительно направился к каюте Мэри Стэндиш, твердо намереваясь доказать ей необоснованность ее суждения о нем. В ее каюте не видно было света. Он постучался, но не получил ответа. Он обождал немного и снова постучал, чутко прислушиваясь, не раздастся ли внутри какой-нибудь звук. С каждым мгновением ожидания Алан немного успокаивался. Под конец он был почти рад, что дверь не открылась. Он полагал, что мисс Стэндиш нахо-

дится в каюте, и она, несомненно, должна понять причину его прихода, не нуждаясь в словах оправдания.

Он ушел к себе. Его мысли все более и более настойчиво возвращались к девушке и ее неправильному суждению о нем. Хотя он и не чувствовал за собой вины, ему было как-то не по себе. Ясные глаза девушки, ее мягкие пышные волосы, гордость и смелость, с которыми она смотрела ему прямо в глаза — все это ни на минуту не выходило из головы Алана. Он не мог освободиться от ее образа: она стояла у двери, а на ее щеках, подобно алмазам, сверкали слезы. Он знал, что порою он бывает слишком суров. Он знал это. Что-то такое, чего он не мог понять, прошло мимо него незамеченным. А она считает его в чем-то виноватым перед ней.

Разговор в курительной не интересовал в этот вечер Алана; все его усилия принять в нем участие были тщетны. Веселая музыка, исполняемая оркестром в общей зале, только раздражала его. А немного позже Алан с таким свирепым лицом наблюдал за танцующими, что кто-то даже обратил на это внимание. Росланд кружился в танце с какой-то хорошенькой молодой блондинкой. Его дама весьма беззастенчиво положила голову ему на плечо и с улыбкой смотрела ему в глаза, а Росланд лицом прижался к ее пышным волосам. Алан ушел с неприятной мыслью о близости Росланда к Мэри Стэндиш. Он отправился побродить по нижней палубе. Глинкитские индейцы отгородились завесой из одеял и, судя по тишине, царившей у них, уже спали.

Медленно тянулся этот вечер для Алана. Наконец он ушел к себе в каюту, пытаясь заинтересовать себя чтением. Ему казалось, что он сможет увлечься книгой, но через несколько минут он пришел к убеждению, что или содержание книги бессмысленно или он сам поглупел. Трепет, который прежде всегда вызывал в нем этот автор, не повторялся. Книга не произвела никакого впечатления, слова казались бездушными. Даже табак в его трубке, и тот, казалось, был совсем другой. Он сменил трубку на сигару и взял другую книгу в руки. Результат был тот же. Его мозг отказывался работать, а сигара не доставляла успокоения.

Как ни старался Алан скрыть это от самого себя, но он знал, что в душе борется с какой-то новой силой. Он твердо решил выйти победителем. Это была битва между ним и Мэри Стэндиш, словно она опять стояла у его двери, та самая Мэри Стэндиш, с ее самоотверженной храбростью и десятками других мелочей в ней, которые никогда раньше не трогали его ни в одной другой женщине.

Алан разделся, накинул халат и решил, что все эти но-

вые чувства в нем надуманы. Он ужасный простофиля и вообще, очевидно, немного свихнулся, твердил он себе. Но эти уверения нисколько не успокаивали его.

Алан лег в постель, оперся на подушку и опять попробовал читать. С грехом пополам это ему удалось. В десять часов музыка и танцы прекратились; на пароходе воцарилась тишина. После этого он стал проявлять больший интерес к книжке, которую раньше отбросил в сторону. Обычное удовлетворение, которое всегда доставлял ему автор, медленно возвращалось. Он снова зажег сигару и теперь уже с наслаждением курил ее.

Было слышно, как глухо отбивал склянки пароходный колокол: одиннадцать часов, половина двенадцатого, потом полночь. Страницы книги стали сливаться в туманное пятно. В полусне Алан отметил место, на котором он остановился, положил книгу на стол и зевнул. Очевидно, пароход приближается к Кордове; вот он замедлил ход; шум машин несколько затих. Вероятно, они теперь миновали мыс св. Ильи и начинают входить в фиорд.

Внезапно раздался отчаянный женский вопль. Пронзительный крик ужаса, агонии и еще чего-то, от чего кровь застыла в жилах Алана, когда он вскочил с койки. Вопль повторился, причем во второй раз он перешел в громкий стон и рыдание. Вслед за ним раздался хриплый оклик мужского голоса. По коридору быстро забегали люди. Алан услышал еще один оклик, а потом слова команды. Он не мог разобрать слов, но пароход сам дал ему объяснение. Машины неожиданно замерли и затихли совсем, потом весь корпус судна содрогнулся, и тревожные удары колокола стали сзывать команду к спасательным лодкам.

Алан взглянул на дверь каюты. Он понял, что случилось. Кто-то очутился за бортом. В это мгновение жизнь и сила оставили его тело, ибо ему почудилось, что перед его глазами стоит бледное лицо Мэри Стэндиш, и она спокойным голосом снова говорит ему, что это и есть *другой путь*. Лицо Алана было мертвенно-бледно, когда, накинув халат, он выбежал в дверь и помчался по тускло освещенному коридору.

ГЛАВА IX

Хотя машинам был дан обратный ход, пароход все еще двигался вперед по инерции, когда Алан добежал до открытой палубы. Пароход продолжал медленно скользить вперед, как бы сопротивляясь силе, сдерживавшей его.

Алан услышал беготню, голоса и скрип блоков. Он бросился к правому борту, где начали спускать лодку на спокойную поверхность моря. Впереди него стоял полуодетый капитан Райфл, а второй офицер быстро отдавал приказания. Собралось с десяток пассажиров из курительной комнаты. На палубе была только одна женщина. Она стояла немного позади, закрыв лицо руками, и ее поддерживал какой-то мужчина. Алан посмотрел на него и по его виду понял, что пронзительно кричала именно его спутница. Он услышал всплеск лодки, ударившейся о воду, и шум весел; но ему казалось, что эти звуки раздавались где-то в отдалении. Охваченный внезапной слабостью, Алан мог ясно различить только одно: конвульсивное рыдание женщины. Он подошел к ней, и ему показалось, что палуба качается под его ногами. Он знал, что вокруг собралась толпа, но его глаза были устремлены только на рыдавшую женщину.

— Кто это был — мужчина или женщина? — спросил он. Ему казалось, что говорит кто-то другой. Слова с трудом сходили с его губ. Мужчина, к плечу которого прижалась голова женщины, видел перед собой бесчувственное, как камень, лицо.

— Женщина, — ответил он. — Мы с женой сидели здесь, когда она взобралась на перила и бросилась в воду. При виде этого моя жена дико закричала.

Женщина подняла голову. Она все еще всхлипывала. В ее глазах уже не было слез, и только ужас светился в них. Судорожно ухватившись за руки мужа, она пыталась что-то сказать, но не могла. Мужчина, наклонив голову, успокаивал ее. Рядом с Аланом стоял капитан Райфл. Его лицо было угрюмо, а выражение глаз говорило Алану, что он что-то знает.

— Кто это был? — спросил Алан.

— Эта дама предполагает, что это была мисс Стэндиш, — ответил капитан.

Алан не шевельнулся и не проронил ни слова. На одно мгновение что-то затуманило его голову. Он не отдавал себе отчета в том волнении, которое происходило между пассажирами позади него, а впереди все сливалось в какое-то туманное пятно. Это состояние, однако, быстро прошло и никак не отразилось на его застывшем бледном лице.

— Да, это та девушка, что сидела за вашим столом. Красивая девушка. Я ясно видела ее, а потом... потом...

Эти слова, почти рыдая, произнесла женщина. Пока она, захлебываясь, переводила дыхание, капитан вмешался:

— Возможно, что вы ошиблись. Я не верю, чтобы Мэ-

ри Стэндиш была на это способна. Мы скоро узнаем. Две лодки уже отплыли, а третья спускается.

Он быстро ушел и последнее слово бросил уже на ходу.

Алан не тронулся с места. Его мозг стал проясняться после первого потрясения, и странное спокойствие начало овладевать им.

— Вы вполне уверены, что это была девушка, сидевшая за моим столом? — услышал он собственные слова. — Может быть, вы ошиблись?

— Нет, — ответила дама. — Она была так хороша и всегда так спокойна, что я часто обращала на нее внимание. Я ясно видела ее при свете звезд. Она заметила меня как раз в то мгновение, когда взобралась на перила и прыгнула в воду. Я почти уверена, что она мне улыбнулась и хотела что-то сказать, а потом... потом... она скрылась...

— Я ничего не знал, пока моя жена не закричала, — заметил ее муж. — Я в это время сидел лицом к жене. Когда я подбежал к перилам, то уже ничего не мог различить кроме гребней волн от носа парохода. Я думаю, что она мгновенно пошла ко дну.

Алан повернулся кругом. Он молча протиснулся сквозь взволнованную толпу людей, засыпавших его вопросами, но он не слышал ничего и едва различал голоса.

Он теперь уже больше не торопился, а спокойно и сосредоточенно направился к каюте Мэри Стэндиш. Если женщина ошиблась и кто-то другой бросился в море, то мисс Стэндиш должна быть там. Алан постучал в дверь только один раз; потом он открыл ее. В каюте не послышалось испуганного крика или протеста, и еще раньше, чем Алан зажег электричество, он знал, что там никого нет. Он чувствовал это с самого начала, с того момента, когда услышал истерический крик женщины. Мэри Стэндиш исчезла.

Алан посмотрел на ее постель; в подушке осталось углубление на том месте, где покоилась ее голова. Маленький скомканный носовой платок лежал на одеяле. Немногие вещи, которые она везла с собой, были аккуратно разложены на столике. Потом он на кровати увидел ее туфли, чулки и платье. Он взял в руки одну туфлю и поднял ее в холодной спокойной руке. Это была маленькая туфелька. Его пальцы сжали ее так, что туфля оказалась смятой, как лоскуток бумаги.

Он еще держал ее в руке, когда почувствовал, что кто-то стоит за ним; Алан медленно обернулся и очутился лицом к лицу с капитаном Райфлом. Лицо маленького человека было пепельно-серого цвета. Одно мгновение оба

молчали. Капитан Райфл смотрел на смятую туфлю в руке Алана.

— Лодки быстро двинулись в путь,— хриплым голосом сказал капитан.— Мы отошли меньше чем на три мили. Если она умеет плавать, то есть еще надежда.

— Она не поплывет,— произнес Алан.— Она не для того бросилась в воду. Она погибла.

В голове Алана промелькнуло удивление по поводу своего спокойного голоса. Капитан Райфл увидел, как вздулись жилы на его сжатых кулаках и на лбу. В течение многих лет ему приходилось быть свидетелем всяких трагедий, он привык к этому; но слова Алана изумили его, и это отразилось в его глазах. Не вдаваясь в подробности, Алан в несколько секунд рассказал, что случилось прошлой ночью. Когда он кончил, капитан, прикоснувшись к его руке, почувствовал, что мускулы Алана напряглись и стали тверды как сталь.

— Когда вернутся лодки, мы поговорим с Росландом,— произнес Райфл. Он потянул за собой Алана из каюты и запер дверь.

Только тогда, когда Алан вошел к себе в каюту, он сообразил, что все еще держит в руке раздавленную туфлю. Он положил ее на постель и принялся одеваться. Это заняло только несколько минут. Потом он снова вышел на палубу и разыскал капитана. Через полчаса вернулась первая лодка. Еще через пять минут пришла вторая, а за ней и третья. Алан стоял один позади, между тем как пассажиры толпились у перил. Он и так знал, чего следовало ожидать. И потом до него донесся гул голосов: неудача! Казалось, будто рыдание вырвалось из груди множества людей. Алан бросился прочь. Он не хотел встретить взгляды этих людей, разговаривать с ними или слышать то, что они будут говорить. По пути стон сорвался с его губ, подавленный крик, полный отчаяния, который свидетельствовал о том, что его воля ломается. Этого он больше всего боялся. Первый закон людей его породы гласил: стоять твердо под ударами. И он боролся с желанием протянуть руки к морю и начать умолять Мэри Стэндиш встать из воды и простить его.

Алан двигался совершенно машинально. Его бледное лицо походило на маску, сквозь которую нельзя было различить какие-либо признаки горя, а в глазах светился холод смерти. «Бессердечный»,— сказала бы про него та женщина, которая кричала во время катастрофы, и она была бы права: его сердце куда-то ушло.

Когда он подошел к каюте Росланда, у ее дверей стояло уже двое человек. Один был капитан Райфл, другой —

Марстон, судовой врач. В ту минуту, когда Алан подходил к ним, капитан Райфл стучал в дверь. Он попробовал открыть ее, но она была на запоре.

— Я не могу добудиться его,— сказал капитан Райфл.— Я что-то не видел его среди пассажиров на палубе.

— И я,— заметил Алан.

Капитан достал ключ.

— Я думаю, что обстоятельства дают мне на это право,— объяснил он. Через одно мгновение он поднял голову, и на лице его застыло озадаченное выражение.— Дверь заперта изнутри, и ключ торчит в скважине.

Он начал стучать в дверь кулаком и стучал до тех пор, пока кожа на суставах не покраснела. И все-таки никто не откликнулся.

— Странно,— пробормотал он.

— Очень странно,— согласился с ним Алан, стоявший прислонившись к двери.

Он отошел и одним ударом плеча высадил дверь. Тусклый свет коридорной лампы проник в каюту. Трое мужчин пристально вглядывались в полумрак. Росланд лежал в постели. Его лица нельзя было ясно различить; голова была запрокинута, словно он устремил взор в потолок. Даже теперь он не пошевелился и не произнес ни слова. Марстон вошел в каюту и зажег свет. В течение десяти секунд никто не двигался. Потом Алан услышал, как капитан Райфл прикрыл за ними дверь, а Марстон испуганно прошептал:

— Боже мой!

Росланд лежал на спине. Он был раздет и ничем не покрыт. Руки были раскинуты, голова заброшена назад, а рот широко открыт. Кровь залила простыню под ним и стекала по краям на пол. Глаза Росланда были слегка приоткрыты...

После первого потрясения доктор Марстон быстро подошел к кровати. Он наклонился над телом, и в тот момент, когда он повернулся спиной, взгляды капитана Райфла и Алана встретились. Одна и та же мысль, а через секунду сомнение в ней промелькнули у них обоих. Марстон заговорил с профессиональным спокойствием:

— Удар ножом близ правого легкого, а может быть, и в самое легкое. Ужасный синяк под глазом. Он еще жив. Пусть он так лежит, пока я не вернусь с инструментами и материалами для перевязки.

— Дверь была заперта изнутри,— сказал Алан, как только доктор вышел.— Окно закрыто. Это похоже на самоубийство. Это возможно: между ними могли произойти

какие-то недоразумения, и Росланд избрал этот путь... вместо могилы в море.

Капитан Райфл стал на колени, заглянул под койку, пошарил в углах и проверил одеяло и простыни.

— Ножа нигде нет,— сказал он каменным голосом. А через минуту прибавил:— На окне пятна крови. Это не покушение на самоубийство. Это...

— Убийство.

— Да, в случае если Росланд умрет. Оно было совершенно через открытое окно. Кто-то подозвал Росланда к окну и нанес удар ножом, а потом захлопнул окно. Если Росланд сидел или стоял здесь, то человек с длинными руками мог достать до него снаружи. Это дело рук мужчины, Алан. Мы должны так думать. Это был *мужчина*.

— Конечно, мужчина,— подтвердил Алан.

Они слышали, что возвращается Марстон и с ним еще кто-то. Капитан Райфл сделал жест по направлению к двери.

— Лучше уходите,— посоветовал он.— Это дело паровой администрации. Вы ведь не захотите оказаться ни с того ни с сего замешанным в нем. Приходите ко мне в каюту через полчаса. Вы мне будете нужны.

Второй офицер и эконо́м пришли вместе с доктором. Алан прошел мимо них и услышал, как захлопнулась дверь каюты Росланда. Он почувствовал под своими ногами содрогание парохода, снова двинувшегося вперед. Алан направился в каюту Мэри Стэндиш, стал сосредоточенно рассматривать ее вещи, а потом сложил их в маленький саквояж, с которым она явилась на пароход. Совершенно открыто, отнюдь не прячась, он перенес саквояж в свою каюту. Упаковав свои вещи, он разыскал «Горячку» Смита и объяснил ему, что вследствие неожиданной перемены в его планах им придется остановиться в Кордове. Алан явился к капитану с опозданием на пять минут.

Войдя в каюту, он нашел капитана Райфла за письменным столом. Капитан кивком головы указал ему на стул.

— Мы прибудем в Кордову через час, Алан,— начал он.— Доктор Марстон говорит, что Росланд будет жить, но, конечно, мы не можем оставаться с «Номом» в гавани, пока Росланд в состоянии будет говорить. Удар был нанесен ему через окно. Я готов принести в этом клятву. Что вы со своей стороны предполагаете делать?

— Только одно,— ответил Алан.— Я при первой возможности высажусь на берег. Если я смогу, то отыщу ее тело и позабочусь о нем. Что касается Росланда, то мне нет никакого дела до того, выживет он или умрет. Мэри Стэндиш не имеет никакого отношения к покушению на

него. Это случайное совпадение с ее собственным поступком, и больше ничего. Будьте добры описать мне положение парохода в ту минуту, когда она бросилась в море.

Он с большим трудом сохранял спокойствие, не желая показать капитану Райфлу, что значила для него трагическая смерть девушки.

— Мы были в семи милях от устья реки Айяк, немного дальше на юго-запад. Если ее тело достигнет берега, то оно попадет на остров или на материк к востоку от реки Айяк. Я рад, что вы решили попытаться найти ее тело. Есть шансы на успех. Я хочу надеяться, что вы найдете ее.

Капитан Райфл поднялся с места и начал нервно ходить взад и вперед.

— Плохое начало для парохода — для первого рейса, — сказал он. — Но я не думаю о «Номе». Я думаю только о Мэри Стэндиш. Боже мой! Какой ужас! Если бы это был кто-нибудь другой... кто-нибудь... — Слова, казалось, душили его, и он в отчаянии развел руками. — Трудно поверить, почти невозможно поверить, что она намеренно убила себя. Расскажите мне еще раз о том, что случилось в вашей каюте.

подавив все признаки волнения в своем голосе, Алан вкратце повторил некоторые подробности посещения девушки, но о целом ряде обстоятельств, которые она доверила ему, он умолчал. Он не стал распространяться насчет влияния Росланда и страха девушки перед ним.

Капитан Райфл видел, каких усилий Алану стоило говорить, и когда тот кончил, капитан схватил его руку, как бы проникнув в его душу.

— Если вы и виноваты, то далеко не в такой степени, как вы думаете, — сказал он. — Не принимайте этого так близко к сердцу, Алан. Но найдите ее. Найдите ее, если сможете, и дайте мне знать. Вы это сделаете, вы сообщите мне?

— Да, я вам сообщу

— А что до Росланда, то у него было много врагов. Я уверен, что тот, кто покушался на него, еще и сейчас находится на пароходе.

— Несомненно.

Капитан некоторое время колебался и, не глядя на Алана, сказал:

— В каюте мисс Стэндиш ничего нет, даже ее саквояж исчез. Мне кажется, я видел там кой-какие вещи, когда заходил тогда с вами. Помнится даже, я что-то видел в вашей руке. Но я, должно быть, ошибся. Она, вероятно, выбросила все в море раньше чем бросилась сама...

— Это вполне возможно, — уклончиво согласился Алан.

Капитан Райфл кончиками пальцев барабанил по столу. При тусклом свете каюты его лицо казалось суровым и старым.

— Это все, Алан. Я отдал бы свою жизнь, чтобы вернуть ее, если бы я только мог. Для меня она была живым воспоминанием... о человеке, который умер много лет тому назад. Вот почему я нарушил пароходные правила, когда она таким странным образом, не запасшись билетом, явилась ко мне на борт в Сиэтле. Я жалею теперь об этом. Я должен был отослать ее на берег. Но она умерла. И будет лучше, если вы и я будем хранить про себя то немногое, о чем мы догадываемся. Я надеюсь, вы найдете ее. И если найдете...

— Я сообщу вам.

Они обменялись крепким рукопожатием. Когда они подошли к двери и открыли ее, капитан Райфл все еще сжимал руку Алана. На небе произошла быстрая перемена. Звезды исчезли, и порывы ветра стенамя пронеслись над потемневшим морем.

— Быть грозе,— сказал капитан.

Его сдержанность надломилась. Он как-то сгорбился, в его голосе послышались дрожащие нотки. Алан вперил глаза во мрак. Затем капитан произнес:

— Если Росланд выживет, то он будет в госпитале в Кордове.

Алан ничего не ответил. Дверь за ним тихо закрылась. Он вышел на окутанную мраком палубу, подошел к перилам и остановился там, прислушиваясь к вою ветра, пронесившегося над темной пропастью моря. Вдали раздавались глухие раскаты грома.

Вернувшись в каюту, Алан попытался взять себя в руки. «Горячка» Смит ждал его; свои вещи он упаковал в брезентовый мешок. Алан объяснил ему причину перемены в его планах. Дела в Кордове вынудят его пропустить пароход и по меньшей мере на месяц отсрочить возвращение в тундру. Смит должен отправиться туда один. Путь до Танана он сможет быстро проделать по железной дороге. Оттуда он двинется в Алакакат, а потом дальше к северу в область Эндикоттских гор. Такому человеку, как он, нетрудно будет найти ранчо Алана. Алан достал карту, дал ему кой-какие письменные наставления, снабдил деньгами и под конец посоветовал не терять головы и не бросаться с места в карьер в погоне за золотом. Ему лично необходимо сойти на берег немедленно, но Смицу он рекомендовал до утра не покидать парохода. Тот поклялся, что все исполнит в точности.

Алан не стал объяснять ему причину своей собственной

поспешности и был рад, что капитан Райфл не слишком настойчиво расспрашивал его. Он не пытался анализировать, насколько благоразумен его поступок. Он знал только, что каждый мускул его тела жаждал физического действия; он должен немедленно начать что-нибудь делать, если не хочет оказаться сломленным всем обрушившимся на него. Это желание жгло мозг, грозя безумием; невероятным напряжением воли Алан сдерживал себя. Он пытался отогнать стоявший перед глазами образ бледного лица, качавшегося на волнах океана, и упорно старался вернуть свое обычное бесстрашное душевное равновесие. Но сам пароход, казалось, намеревался сломить его сопротивление. За этот час, что прошел с той минуты, когда он услышал крик женщины, Алан возненавидел это судно. Ему хотелось ощущать под ногами твердую почву. Он всей душой стремился очутиться у той узкой полоски берега, куда должно было отнести тело Мэри Стэндиш.

Даже «Горячка» Смит, и тот не заметил признаков того внутреннего огня, который сжигал Алана. И только тогда, когда Алан очутился на берегу и окруженная кольцом гор Кордова развернулась перед ним, только тогда покинуло его душевное напряжение. Он ушел с пристани и остановился один во мраке, глубоко вдыхая горный воздух и раздумывая, куда направиться. Вокруг него все было окутано непроницаемой мглой. Редкие огоньки тускло горели здесь и там, еще больше подчеркивая крошечный мрак, охвативший его со всех сторон. Гроза еще не разразилась, но в воздухе чувствовалось ее приближение. Раскаты грома хотя и раздавались очень близко, но звучали глухо; казалось, какая-то могущественная рука сдерживала ураган, готовясь захватить землю врасплох.

Сквозь эту темень Алан прокладывал свой путь. Он не потерял направления. Три года тому назад ему много раз случалось ходить к хижине старого Улафа Эриксона, жившего в полумиле от берега. Он знал, что Эриксен все еще живет там, где он поселился двадцать лет тому назад, поклявшись остаться на этом месте до тех пор, пока море не пожелает поглотить его. Таким образом, Алан шел знакомой дорогой. Сильный раскат грома раздался прямо над его головой. Грозные стихии сбросили с себя оковы. Он слышал все усиливающийся грохот в горах, скрытых во мраке ночи. Внезапно блеск молнии осветил путь. Это помогло ему. Он увидел впереди белую песчаную полосу и ускорил шаг. Еще более отчетливо послышался усиливавшийся рев океана. Казалось, что Алан находится между двумя гигантскими армиями, сотрясавшими землю и море, готовясь к смертельной схватке.

Снова сверкнула молния. За ней последовал удар грома, от которого задрожала земля, и эхом рассыпался по горам, постепенно замирая вдали. Холодный порыв ветра ударил Алану в лицо, и что-то в его душе пошло навстречу буре.

Он всегда любил прислушиваться к раскатистому эху грома в горах, наблюдая за вспышками молнии на вершинах. Он сам тоже родился в такую ночь, когда вокруг хижины его отца все трещало, и грохот гор наполнял собою мглу. Любовь к грозным силам природы была заложена у него в крови, она была частицей его души, и порой он страстно ждал этого «разговора гор», как другие ждут наступления весны. Приветствуя его теперь, Алан вглядывался в темноту, стараясь различить мерцание огонька, который горел в хижине Улафа Эриксона всю ночь напролет.

Наконец он его увидел — желтый глазок, выглядывавший из мрака. Минуту спустя темная тень хижины выросла перед ним. Блеснувшая молния осветила дверь. Когда наступало затишье, слышно было, как дождь барабанил по крыше. Алан принялся стучать кулаком, чтобы разбудить шведа. Потом он распахнул незапертую дверь, вошел, сбросил вещи на пол и прокричал традиционное приветствие, которое Эриксен вряд ли мог забыть, хотя прошло почти четверть века с тех пор, как он и отец Алана вместе бродили по горам.

Алан прикрутил фитиль в керосиновой лампе, стоявшей на столе. Из внутренней двери показался Эриксен — широкоплечий мужчина с массивной головой, свирепыми глазами и большой седой бородой, спускавшейся на голую грудь. Он несколько секунд пристально всматривался в Алана, который снял с головы шапку. И в то время, как буря разразилась наконец оглушительными ударами грома, а ветер и дождь накиннулись на хижину, Эриксен испустил радостный крик — он узнал Алана. Они крепко пожали друг другу руки.

Голос шведа покрывал шум бури и хлопанье неплотно закрытых ставен. Протирая заспанные глаза, Эриксен стал что-то такое вспоминать, что случилось три года тому назад, но вдруг он заметил странное выражение на лице Алана и остановился, чтобы узнать причину этого.

Пять минут спустя швед открыл дверь и стал глядеть в сторону черневшего океана. Ветер ворвался в комнату и разметал бороду старика по его плечам, а вместе с ветром хлынул поток дождя, промочивший его до костей. С трудом закрыв за собой дверь, Эриксен обернулся к Алану. При желтом свете керосиновой лампы он походил на огромное серое привидение.

Потом они стали дожидаться рассвета. А с первым проблеском зари длинный черный баркас шведа Улафа резал носом волны, держа путь в открытое море.

ГЛАВА X

Ветер прекратился, но дождь все лил как из ведра. В горах еще раздавались отдаленные раскаты грома. Город был окутан водяной завесой. Стоя на носу баркаса, Алан в пятидесяти футах от себя мог видеть только серую стену. Вода потоками стекала с его резинового плаща. С седой бороды Улафа лило, как с мокрой швабры. Невзирая на непроницаемую мглу, швед развил максимальную скорость, и «Норден» с быстротою торпеды мчался по морю.

Находясь еще в хижине Улафа, Алан услышал от последнего, что было бы безумием надеяться найти тело Мэри Стэндиш. Между рекою Айяк и Каталла тянется берег, окаймленный скалами и подводными рифами, а рядом лежит целый архипелаг островов, среди которых флот пиратов мог бы найти сотню убежищ. За все двадцать лет пребывания в этих местах Эриксен не помнил случая, чтобы волны прибили утопленника к берегу. И он высказал определенную уверенность, что тело девушки покоится на дне моря. Но это нисколько не поколебало решения Алана начать поиски. По мере того как «Норден» рвался вперед, ловко и искусно взбираясь на гребни волн, это решение все усиливалось в нем.

Даже раскаты грома и дождь, хлеставший в лицо, поощряли его идти дальше. Он не находил ничего абсурдного в тех поисках, которые он затевал. Это было, по его мнению, единственное, чего, по меньшей мере, требовал от него долг. И была также некоторая надежда, что они найдут ее. Надежда вообще ни на минуту не покидала Алана даже тогда, когда он боролся без всяких шансов на успех. И он побеждал. И теперь в сером рассвете в нем жило убеждение, что он выйдет победителем, что он найдет Мэри Стэндиш где-нибудь в море или около берега между рекою Айяк и ближайшими островами, куда ее тело прибьет течением. А когда он найдет ее...

Алан раньше не задумывался над вопросом, что произойдет дальше. Но сейчас эта мысль овладела им, и перед ним предстал образ девушки, который он старался выкинуть из головы. Ее смерть придала необычайную ясность его воображению. Перед его глазами стояла белая полоса берега, а на ней в ожидании его лежало стройное тело Мэри Стэндиш. Ее бледное лицо было обращено к восходя-

шему солнцу, а длинные волосы разметались по песку. Это видение потрясло его. Алан всеми силами старался стряхнуть его с себя. Если он найдет ее такой, то он знает теперь, что ему нужно сделать. В нем произошла какая-то перемена: прежний Алан Холт, эгоизм и намеренная слепота которого послали Мэри Стэндиш на смерть, был сломлен.

Действительность, казалось, издевалась над ним и хлестала его бичом за его неуязвимость и спокойствие, которыми он так эгоистично гордился. Девушка пришла к нему в минуту душевного смятения, хотя на «Номе» было еще пятьсот человек помимо него. Она поверила в него, она дарила его своей дружбой и доверием и, наконец, отдала свою жизнь в его руки. А обманувшись в нем, она не обратилась к другому. Она сдержала слово, доказав ему, что она не лгунья и не обманщица. Только теперь Алан понял, сколько храбрости может быть в женщине, и как справедливы были слова девушки: «Вы поймете — после завтрашнего дня».

В его душе продолжалась все та же борьба. Улаф ничего не замечал. Заря быстро занималась и переходила в день. В напряженных чертах лица Алана и в угрюмой решительности его взгляда ничего не изменилось. Улаф больше уже не пытался доказать ему безумие их затеи. Он правил прямо в открытое море, развивая все большую скорость, и наконец со стороны острова Хинчинбрук показались туманные очертания материка.

С наступлением дня дождь пошел на убыль. Некоторое время еще моросило, а потом дождь совсем прекратился. Алан сбросил свой плащ и стал протирать глаза и волосы. Молочно-белый туман понемногу рассеивался, и сквозь него пробивались розоватые лучи солнца. Улаф выжимал свою бороду и одобрительно ворчал. Из-за вершины гор выглянуло солнце, а когда туман рассеялся, прямо над головой показалось ясное голубое небо.

В ближайшие полчаса наступила чудесная перемена. После бури воздух стал свежим и действовал опьяняюще. Запах соленой влаги поднимался с моря. Улаф встал, потянулся и, отряхиваясь, жадно вдыхал живительный воздух. На берегу начали обрисовываться горы, выплывая одна за другой, как живые существа; лучи солнца ярко играли на их гребнях. Темная громада лесов переливчато заблестела. Зеленые склоны выступили из-за завесы клубящегося тумана. И внезапно, вместе с окончательным торжеством солнца, показался во всем своем величии берег Аляски.

Швед протянул перед собой свободную руку, выражая

этим жестом свое восхищение. Его бородатое лицо сияло гордостью и радостью жизни, когда он улыбнулся своему спутнику. Но лицо Алана не изменилось. Когда солнце, поднявшись над могучими цепями гор, осветило море, он, конечно, не преминул заметить красоту дня, но чего-то ему не доставало. Все это потеряло смысл, былой трепет восторга исчез. Алан почувствовал весь ужас этого, и его губы сурово сжимались даже тогда, когда его взгляд встретил улыбку Улафа. Он больше не старался закрывать глаза на правду.

Об этой правде начал смутно догадываться и Эриксен, когда он увидел лицо Алана при безжалостном свете дня. Через некоторое время он окончательно понял, в чем дело. Поиски не были только вопросом долга, и отнюдь не по инициативе капитана «Нома» (как дал ему понять Алан) производились они. Лицо его спутника носило не просто суровое выражение; какая-то странная душевная мука светилась в этих глазах. Немного спустя швед заметил, каким напряженным, ищущим взглядом впился Алан в слегка волнующуюся поверхность моря.

— Если капитан Райфл был прав, то девушка упала за борт в этом месте,— сказал наконец Алан, указывая пальцем.

Он встал.

— Но сейчас она уже не может быть здесь,— добавил Улаф.

В глубине души, однако, он был уверен в том, что она тут прямо под ними, на дне моря. Он направил свое судно к берегу. В трех-четыре милих от них выплывала из тени гор песчаная полоса берега. Четверть часа спустя можно было различить дымок, струившийся над скалами, подступавшими к самому морю.

— Это жилище Мак-Кормика,— заметил швед.

Алан ничего не ответил. В бинокль Улафа он нашел хижину шотландца. Санди Мак-Кормик, если верить Улафу, знал каждый водоворот и каждую отмель на протяжении пятидесяти миль, и он с закрытыми глазами найдет тело Мэри Стэндиш, если только его прибило к берегу. И пока Эриксен бросал якорь на отмели, Санди сам уже спускался им навстречу.

Алан и Эриксен выскочили и по колена в воде добрались до берега. В дверях хижины Алан заметил женщину, с удивлением смотревшую на них. Санди был молодой краснощекий парень и больше походил на мальчика, чем на мужчину. Они поздоровались. Алан рассказал ему о той катастрофе, которая случилась на борту «Нома», и о цели своего приезда. Ему стоило больших усилий гово-

рить спокойно, но он надеялся, что ему удастся владеть собой. В его холодном бесстрастном голосе не слышалось ни малейшего признака волнения, но в то же время ни от кого не могла ускользнуть трагическая серьезность его тона. Мак-Кормик, у которого были весьма скудные средства к существованию, выслушал почти с ужасом цифру вознаграждения за его услуги; пятьдесят долларов в день за поиски и пять тысяч долларов вдобавок, если он найдет тело девушки.

Для Алана эта сумма ничего не значила. Он не намеревался высчитывать доллары, — он с таким же успехом мог бы предложить десять или двадцать тысяч. У него было как раз столько в банках Нома, даже немного больше. В случае надобности он охотно предложил бы свои стада оленей, если бы только ему дали гарантию, что тело Мэри Стэндиш будет найдено.

Мак-Кормик уловил взгляд, который бросил ему Улаф, и это в некоторой степени объяснило шотландцу положение. Алан Холт отнюдь не лишился рассудка. Он вел себя так, как вел бы себя всякий другой, кто потерял самое дорогое, что было у него в мире. И, приняв предложенные ему условия, Мак-Кормик совершенно бессознательно посмотрел на маленькую женщину, стоявшую в дверях хижины.

Алан подошел к ней. Это была спокойная миловидная молоденькая женщина. Она с серьезным видом улыбнулась Улафу и подала руку Алану. Когда она услышала, что произошло на «Номе», ее голубые глаза расширились от ужаса. Алан покинул всех троих и вернулся к берегу.

Когда он ушел, швед, набивая трубку, высказал свое предположение, что эта девушка, тело которой море никогда не прибьет к берегу, была для Алана Холта всем на свете.

В этот день он и Улаф обшарили берег на протяжении многих миль, между тем как Санди Мак-Кормик в легком баркасе обыскал острова на восток и на юг. Он был парень себе на уме и с шотландской предприимчивостью заключил выгодную сделку. В десятке хижин он рассказал подробности несчастного случая и предложил вознаграждение в пятьсот долларов тому, кто найдет тело девушки. Таким образом, еще до наступления ночи около двадцати мужчин и мальчиков и с десятков женщин отправились на поиски тела.

— И помните, — говорил Санди каждому из них, — существует возможность, что ее прибьет к берегу в ближайшие три дня, если ее только вообще прибьет.

Когда наступили сумерки первого дня, Алан оказался в десяти милях от хижины. Он был теперь один, так как

Улаф Эриксен взял противоположное направление. Тот человек, который сейчас наблюдал, как заходящее солнце погружается на западе в море, между тем как золотистые склоны гор отражали его величие, нисколько не походил на прежнего Алана Холта. Казалось, что он перенес тяжелую болезнь; и от родной земли медленно поднималось в его душу и тело новое понимание жизни. Лицо его носило более мягкое выражение, чем раньше, хотя на нем было написано отчаяние. Жесткие складки вокруг рта — знак непреклонной воли — сгладились, а глаза больше не пытались скрывать печали. Что-то такое в его манерах говорило о внутреннем огне, сжигавшем его.

Когда Алан решил вернуться, уже начали сгущаться сумерки. С каждой милей обратного пути в нем нарастало то, что пришло к нему через смерть, что никогда уже не могло покинуть его. Сознывая эту перемену в самом себе, он, казалось, слышал, как мягкий трепет ночи нашептывал ему: море никогда не возвращает своих мертвецов.

В полночь, когда он вернулся в хижину, Улаф и Санди Мак-Кормик с женой были уже там. Алан чувствовал сильное утомление, которое он объяснил семимесячным пребыванием в Штатах, изнежившим его. Он не стал спрашивать о результатах поисков. Он знал и так. Глаза женщины все сказали ему в ту минуту, когда она оказалась в дверях; он уловил в ее лице почти материнскую жалость.

Кофе и ужин были поданы на стол, и Алан заставил себя есть. Санди сообщил, что им было сделано за день, а Улаф пыхтел трубкой и пытался непринужденно говорить о том, что завтра будет прекрасная погода. Никто не упоминал имени Мэри Стэндиш.

Алан чувствовал напряженное состояние всех присутствующих и знал, что причиной тому был он. Поэтому, покончив с ужином, он зажег трубку и заговорил с Элен Мак-Кормик о величии гор, расположенных вдоль реки Айяк, и о том, как она должна быть счастлива, живя в этом маленьком райском уголке. Он уловил в ее глазах кое-что такое, чего она не высказывала: место было слишком уж пустынное для женщины, не имевшей детей. Алан, улыбаясь, заговорил с Санди о детях. Они непременно должны иметь детей, целую кучу! Санди покраснел, а Улаф громко расхохотался. Но лицо женщины не покрылось румянцем и хранило то же серьезное выражение; только глаза выдали ее, когда она пристальным взглядом, словно умоляя о пощаде, посмотрела на мужа.

— Мы строим новую хижину, — сказал Санди, — и там будет две комнаты, специально для ребят.

Гордость звучала в его голосе, когда он делал вид, будто зажигает уже раскуренную трубку, и гордость была в его глазах, когда он взглянул на свою молодую жену

Несколько секунд спустя Элен Мак-Кормик проворно прикрыла передником какой-то предмет, лежавший на маленьком столе около двери, через которую должен был пройти Алан в отведенную ему комнату. Улаф подмигнул ему, но Алан ничего не видел. Он знал только одно: здесь жила настоящая любовь и здесь должны быть дети. Раньше такая мысль просто не могла прийти ему в голову.

На следующее утро поиски возобновились. Санди вытащил грубую карту некоторых скрытых уголков на восточном берегу, куда течением всегда выбрасывало обломки кораблей после кораблекрушения. Алан вместе с Улафом, снова сидевшим за рулем «Нордена», отправились вдоль берега. Только к закату солнца они вернулись. В тишине чудесного вечера, когда горы навевают покой на душу, Улаф решил, что настало время открыть то, что было у него на уме. Сначала он заговорил о дьявольских шутках вод Аляски, о странных, непонятных ему силах, таившихся в глубине ее вод, о том, как он однажды уронил в море бочонок и неделю спустя наткнулся на него, когда его уже уносило течением в сторону Японии. Он особенно подчеркнул исключительное непостоянство и переменчивость встречных нижних течений.

Потом Улаф резко перешел к сути дела. Лучше будет, если тело Мэри Стэндиш никогда не прибьет к берегу. Пройдут дни, а возможно и недели — если это вообще когда-нибудь случится, — и Алан уже не сможет узнать девушку. Лучшее место вечного успокоения — это глубина моря. Он так и сказал, что морское дно — это «желанное место мирного успокоения». В своем стремлении облегчить горе Алана, он начал описывать весь этот ужас: во что может превратиться тело, выброшенное на берег, после многих дней пребывания в воде.

Алан почувствовал желание стукнуть его кулаком и заставить замолчать. Он очень обрадовался, завидев Мак-Кормика.

Санди поджидал их, когда они вброд шли от баркаса до берега. Что-то необычайное можно было прочесть в его лице — так, по крайней мере, показалось Алану, — и на одно мгновение его сердце замерло. Но шотландец отрицательно покачал головой и подошел к Улафу Эриксену. Алан не заметил взгляда, которым те обменялись между собой. Он направился к хижине, а когда он вышел, Элен Мак-Кормик взяла его за руку. Никогда еще она этого не делала. В глазах молодой женщины светился огонь, кото-

рого Алан не видел вчера; ее щеки пылали; когда она заговорила, в ее голосе слышались новые странные нотки. Казалось, она с трудом сдерживает свое возбуждение.

— Вы... вы не нашли ее? — спросила она.

— Нет.— Голос Алана звучал устало и даже как-то старчески.— Думаете вы, что я когда-нибудь найду ее?

— Не такой, как вы предполагаете,— спокойно ответила Элен.— Такой она никогда не вернется к вам.

Она, очевидно, делала невероятные усилия над собой.

— Вы... вы многое дали бы, чтобы вернуть ее, мистер Холт?

Вопрос звучал по-детски абсурдно, и Элен, как ребенок, смотрела на Алана в этот момент. Он заставил себя улыбнуться.

— Конечно. Я отдал бы все, что у меня есть.

— Вы... вы... любили ее?

Ее голос дрожал. Казалось весьма странным, что она задает такие вопросы. Но эти расспросы не причиняли боли Алану. Не женское любопытство было причиной тому, просто успокоительно-мягкий голос молодой женщины доставлял ему удовольствие. Он прежде не отдавал себе отчета в том, как жаждал он ответить на этот вопрос,— не только самому себе, но и кому-нибудь другому... и вслух.

— Да. Любил.

Его почти изумило собственное признание. Такая откровенность была странной при всяких обстоятельствах, а тем более после такого короткого знакомства. Алан не прибавил ни слова, хотя в лице и в глазах Элен Мак-Кормик светилось какое-то трепетное ожидание.

Он прошел в маленькую комнату, служившую ему спальней, и вернулся с вещами. Саквояж, в котором находилось имущество Мэри Стэндиш, он передал Элен. Теперь вопрос шел о деле, и он старался говорить деловым тоном:

— В саквояже ее вещи. Я взял их из каюты. Если после моего отъезда вы найдете ее, они вам пригодятся. Вы, конечно, меня понимаете. А если не найдете, сохраните их для меня. Когда-нибудь я вернусь.

Ему, очевидно, нелегко было давать эти простые наставления. Алан продолжал:

— Я не собираюсь больше задерживаться здесь. В Кордове я оставляю чек с предписанием выдать его вашему мужу, если *она* будет найдена. Если вы ее найдете, позаботьтесь сами о ней. Вы это сделаете, миссис Мак-Кормик?

Элен Мак-Кормик, чуть запинаясь, обещала ему исполнить просьбу. Алан говорил себе, что всегда будет помнить ее — это маленькое существо, полное сочувствия.

Полчаса спустя, дав инструкции также и Мак-Кормику, он пожелал им счастья. Когда он пожимал Элен на прощание руку, пальцы молодой женщины дрожали. Алан удивился ее волнению. Спускаясь к берегу, он сказал Санди, какое огромное счастье послала ему судьба, дав такую жену.

Звезды мерцали на бархате темного неба, когда «Норден» снова заскользила по волнам, направляясь в открытое море. Алан смотрел на звезды, и его мысли уносились в лежавшую за ними бесконечность. Никогда раньше он не задумывался над этим. Жизнь была всегда слишком полна. Но теперь она казалась ему такой пустой, а его тундры находились так далеко, что чувство одиночества охватило Алана, когда он оглянулся назад — на белесоватую полоску берега, выступавшего из тени нависших гор.

ГЛАВА XI

Этой ночью в хижине Улафа Алан Холт снова вступил на прежний путь. Он не пытался умалять размеров трагедии, ворвавшейся в его жизнь. Он знал одно: что бы ни случилось в последующие годы, следы этой трагедии никогда не сотрутся, и Мэри Стэндиш всегда будет жить в его мыслях. Но Алан принадлежал к тем людям, которые даже под ударами судьбы не дают заглухнуть и умереть порывам своей души. Прежние планы ждали его, а равно прежние стремления и мечты. Теперь они казались безжизненными, но лишь потому, что его собственный огонь на время погас. Он понимал это и признавал необходимость снова зажечь его.

Первым делом Алан написал письмо Элен Мак-Кормик и вложил в него другое письмо, тщательно запечатанное. Последнее следовало открыть только тогда, когда Мэри Стэндиш будет найдена. В письме говорилось о том, чего он не смог выразить словами в хижине Санди. Эти слова, произнесенные вслух, показались бы другим избитыми и даже вымученными, но для него они означали многое.

Потом Алан закончил последние приготовления к поездке с Улафом на «Нордене» в Сюард, так как пароход капитана Райфла был уже далеко на своем пути в Уналяску. Мысль о капитане Райфле побудила его написать еще одно письмо, в котором он кратко сообщал о неудаче поисков.

На следующее утро Алан к великому изумлению для самого себя обнаружил, что совершенно забыл про Росланда. Пока он занимался в банке своими делами, Улаф разузнал, что Росланд спокойно лежит в госпитале и вовсе

не собирается умирать. Алан не имел желания видеть его; ему не хотелось слышать всего, что тот мог бы рассказать о Мэри Стэндиш. Было бы святотатством связывать имя Мэри Стэндиш, какой она представлялась ему теперь, с этим человеком. Подобное решение показывало, как велика была совершившаяся в нем перемена, перевернувшая вверх дном все устои прежнего Алана Холта. Тот, прежний, обязательно пошел бы с деловым видом к Росланду, чтобы исчерпать вопрос до конца и, сняв с себя ответственность, оправдаться в собственных глазах. Повинуясь чувству самосохранения, он дал бы Росланду возможность холодными фактами разрушить образ, бессознательно сложившийся в его мозгу. Но нового Алана такая мысль возмутила. Он хотел сохранить этот образ, хотел, чтобы он жил в его душе, не оскверненный правдой или ложью, которую скажет ему Росланд.

Они рано пополудни покинули Кордову и к закату солнца расположились на ночлег на лесистом островке, в миле или двух от материка. Улаф знал этот остров и выбрал его, руководствуясь особыми соображениями. Там была нетронутая природа и масса птиц. Улаф любил птиц. Их веселое пение и щебетание вечером перед сном благотворно подействовали на Алана. Он схватил топор. Впервые за семь месяцев его мускулы напряглись. Старый Эриксен развел костер и, громко насвистывая, бубнил себе в бороду отрывок дикой песни. Он знал, каким лекарством была для Алана природа, снова захватившая его во власть своих чар. А Алану казалось, что он находится вблизи от дома. Похоже было, что много столетий, целая бесконечность прошла с тех пор, как он слышал шипение сала в открытом котелке и бульканье кофе над углями костра, вокруг которого тесно смыкался таинственный темный лес. Нарубив сучьев, Алан набил свою трубку, сел и принялся наблюдать за Улафом, который возился с полуиспеченной овсяной лепешкой. Ему вспомнился отец. Тысячи раз эти двое располагались таким вот образом на ночь в ту эпоху, когда Аляска была молода и не существовали еще карты, по которым можно было узнать, что находится за ближайшей цепью гор.

Улаф все еще чувствовал себя в роли целителя. После ужина он сел, прислонившись к дереву, и начал рассказывать о былых днях, как будто это было вчера или третьего дня, о тех днях, когда в нем жила надежда непременно завтра напасть на следы золота — «у подножия радуги», так сказать, — золота, которое он искал тридцать лет. Ровно неделю тому назад ему исполнилось шестьдесят лет, говорил швед. Он начинает сомневаться, пробудет ли он еще

долго в Кордове. Его начала манить к себе Сибирь, этот заповедный мир приключений, тайн и колоссальных возможностей, что лежит по ту сторону пролива, всего в нескольких милях от полуострова Сьюард. В своем воодушевлении Улаф забыл про трагедию Алана. Он начал ругать русские законы, возбранявшие въезд американцам. В этой стране было больше золота, чем люди когда-либо смели мечтать найти на Аляске. Даже горы и реки и те еще не имеют наименований. Если он, Улаф, проживет хотя бы еще год-другой, он непременно отправится туда на поиски богатства — или смерти! — в горах Станового Хребта и среди чукчей. После смерти старого товарища он дважды делал попытку пробраться в Сибирь, и дважды его выгоняли. На этот раз он уже лучше будет знать, как попасть туда, и он приглашал Алана отправиться вместе с ним.

Прежний боевой пыл снова заиграл в крови Алана: он еще долго смотрел на пламя костра, который поддерживал Улаф, и, казалось, он что-то видел в нем. Образ Мэри Стэндиш, ее спокойные прекрасные глаза, устремленные на него, ее бледное лицо — все это рисовалось ему в клубках дыма от пылавшей березы. В багрянце пламени она вдруг вставала перед ним такой, какой он видел ее в Скагвэе, когда она слушала его повесть о предстоящей борьбе. Алану приятно было думать, что, будь она еще жива, она приняла бы участие в борьбе за Аляску. При этой мысли его сердце до боли сжалось, потому что видения, которых не мог видеть Улаф, кончались образом Мэри Стэндиш. Она снова стояла перед ним в его каюте. Вот она прислонилась к двери, ее губы дрожат, глаза мягко блестят от слез из-за сломленной гордости, заставившей ее обратиться в последнюю минуту с мольбой о спасении.

Алан не мог сказать, как долго спал он в эту ночь. Он беспокойно ворочался во сне, то и дело просыпался и опять принимался смотреть на звезды, стараясь ни о чем не думать. Несмотря на печаль в душе, его сны были приятные, словно какая-то жизненная сила делала свое дело в нем, сглаживая следы пережитой трагедии. Мэри Стэндиш опять была с ним среди гор Скагвэя; они шли рядом в сердце тундр; солнце играло в ее блестящих волосах и глазах. Их окружали чарующая красота шиповника, ярко-красные ирисы, белое море цветущей осоки и ромашки, пение птиц, опьяненных радостью лета... Алан слышал пение птиц. Он слышал голос девушки, в котором звучало счастье. Сияние ее глаз делало и его счастливым.

Он проснулся с легким криком, точно кто-то кольнул его ножом. Улаф разводил костер. За горами розовым светом занималась заря.

ГЛАВА XII

Эта первая ночь и утро в сердце дикой природы, новая жизнь, блеснувшая с могущественных вершин гор Чагач и Кеннэй, ознаменовали собою начало возрождения Алана. Он понимал теперь, как мог его отец на протяжении многих лет чтить память женщины, умершей, как казалось Алану, бесконечно давно. Сколько раз замечал он по глазам отца, что тот снова видит перед собою ее образ. А однажды, когда они стояли и глядели на залитую солнцем горную долину, Холт-старший сказал:

— Двадцать семь лет тому назад, двенадцатого числа прошлого месяца, твоя мать, Алан проходила со мной через эту долину. Видишь ты тот маленький изгиб реки около скалы, залитой солнцем? Там мы отдыхали — тебя еще не было тогда на свете.

Он говорил об этом дне, как-будто все происходило лишь накануне. Алану вспомнилось выражение необычайного счастья на лице отца, когда тот смотрел куда-то вниз, в долину, и видел что-то такое, чего никто, кроме него, не мог видеть.

И счастье, непостижимое для ума, вызывающее боль в душе, счастье постепенно вселялось рядом с печалью в сердце Алана. И никогда уже в его сердце не будет больше ощущения пустоты, никогда уже не будет он чувствовать себя снова одиноким. Он понял наконец, что память о прошлом, отдаваясь в душе сладкой болью, всегда будет жить в нем, как она жила в его отце, и будет придавать ему бодрость и согревать надеждой.

В течение целого ряда дней, следовавших за первым, перемена, совершившаяся в Алане, все усиливалась, но ни один человек не мог бы догадаться о ней. Это была тайна, хранившаяся в глубине души, меж тем как в наружности его проявлялось лишь обычное стоическое спокойствие, которое некоторые назвали бы холодным безразличием.

Улаф мог видеть больше других, так как отец Алана был самым близким его товарищем, почти братом. Холт-старший тоже был такой ровный, спокойный, и улыбка играла на его губах в моменты борьбы. Таким видел его Улаф перед лицом смерти. Он был свидетелем того, как потеряв жену, отец Алана со сверхчеловеческим мужеством продолжал бороться, хотя весь его мир, казалось, обратился в пепел. В те дни, когда они двигались вдоль берега Аляски, Улаф замечал в глазах Алана тот же взгляд, что когда-то в глазах отца. С той лишь разницей, что Алан шептал про себя имя Мэри Стэндиш, меж тем как его отец свято хранил в своем сердце имя Илизабет Холт. Улаф хо-

рошо помнил своего товарища, и его поражало, до чего сын похож на отца. Но благоразумие сдерживало его язык, и он не высказывал мыслей, проносившихся в его голове.

Улаф говорил о Сибири, все время о Сибири, и не торопился в Сюард. Алан и сам не особенно спешил. Дни стояли теплые, ибо чувствовалось уже дыхание чересчур раннего прихода лета, ночи — холодные и звездные. Над их головами все время высились горы, наподобие неприступных замков с башнями, достигавшими затянутого облаками неба.

Они плыли меж островов, держась близко от материка, и каждый вечер рано располагались на ночлег. Птицы тысячами летели на север; от костра Улафа несся приятный аромат супа и жареной дичи.

Когда они наконец достигли Сюарда и Улафу пришлось время возвращаться назад, глаза старого шведа подозрительно мигали и блестели. И в утешение Алан повторил ему, что наступит, возможно, день, когда они вместе отправятся в Сибирь.

Он долго смотрел вслед «Нордену», пока маленькое судно не скрылось в далеких волнах.

Оставшись один, Алан почувствовал сильное желание поскорее добраться до своей страны. Ему повезло: уже через два дня после его прибытия в Сюард пароход, доставлявший почту и съестные припасы ряду поселений, разбросанных вдоль побережья Тихого океана, покинул бухту Воскресения, увозя с собой Алана. Вскоре бесчисленные острова северной части Тихого океана остались позади, а прямо на севере показались серые утесы полуострова Аляски. На нем стеною возвышались горные цепи, местами такие высокие, что их снежные вершины терялись в облаках. Повсюду виднелись ослепительные ледники; кое-где дымились вулканы. Заглянув сначала в Керлок, потом в Айяк и Чигник, где были расположены рыбо-консервные фабрики, почтовый пароход навестил поселение на острове Унча, отсюда пустился в дальний путь, быстро покрыв расстояние в триста миль до порта Голландского и Уналяски. Снова Алану повезло: через неделю он уже плыл на грузовом судне и 12 июня высадился в Номе.

Алан никого не предупредил о своем возвращении домой. Подъезжая к берегу на маленькой лодке, он все яснее различал очертания серого городка и почувствовал в своем сердце трепет восторга. Чем-то родным повеяло на него от характерных темных зданий с морем труб, из которых только две были кирпичные. Одна из этих единственных двух фабричных труб на всю Северную Аляску предстала перед ним сейчас, вся залитая солнцем. Позади

города, в пятидесяти милях от него, подымались зубчатые утесы хребта, носившего название Пилы. Горы казались такими близкими, что до них, чудилось, можно добраться в полчаса.

Здесь он жил, здесь познал он и счастье и горе, которых он никогда не забудет. Вид домов и кривых улиц, которые показались бы другим уродливыми, вызывал в нем теплое радостное чувство. Ибо здесь жил его народ: мужчины и женщины, охранявшие северную границу мира — героическое место, полное могучих сердец, отваги и любви к своей стране, такой же неугасимой, как любовь к жизни. Из этого темного маленького уголка, отрезанного в течение полугода от всего мира, юноши и девушки уходили на юг, в Штаты, в университеты, большие города с их соблазнами. Но они всегда возвращались назад. Ном зовет их: зимой — его изолированность, весной — его серый сумрак, летом и осенью — его красота. Здесь была колыбель новой расы людей, и они любили свою родину так же, как любил ее Алан.

Черная башня беспроволочного телеграфа значила для него больше, чем статуя Свободы, и три стареньких шпиля на церковках — больше, чем все колоссы архитектуры Нью-Йорка и Вашингтона. Ребенком он часто играл около одной из церквей и видел, как красили ее колокольню. Он сам помогал прокладывать кривые улицы. Его мать жила здесь, радовалась жизни и умерла. По прибрежному белому песку ступал его отец еще в те времена, когда берег пестрел белыми палатками, словно чайками.

По выходе из лодки Алан повстречал многих знакомых. Они сначала с удивлением смотрели на него, а потом приветствовали. Никто не ожидал его. Радость по поводу его внезапного возвращения выражалась в крепких рукопожатиях. Алану не приходилось слышать в Штатах таких довольных, радостных голосов. Ребятишки подбегали к нему, вместе с белыми подходили также, скаля зубы, эскимосы и жали ему руку. Весть о возвращении Алана Холта из Штатов стала быстро распространяться, и в тот же день достигла уже Шелтона, Свечи, Кеолика и залива Коцебу. Так встречала родина Алана. Но прежде чем стало известно о его прибытии, Алан успел пройти по Фронт-стрит, зайти в ресторан Балка и выпить там чашку кофе, а потом неожиданно нагрянул в контору Ломена в здании банка.

Алан целую неделю оставался в Номе. Карл Ломен приехал за несколько дней до него; его братья тоже были здесь — они только что прибыли из своих больших ранчо на полуострове Чорис. Зима была благоприятной, а лето сулило исключительную удачу. Стада Ломена процветали.

Когда будут произведены окончательные подсчеты, то число голов, наверное, намного превысит сорок тысяч. Точно так же сотни других стад были в превосходном состоянии. Лоснящиеся лица эскимосов и лапландцев говорили о полном благополучии. Число оленей на Аляске достигло уже трети миллиона, и скотоводы были в восторге. Великолепно, если вспомнить, что в 1902 году оленей было неполных пять тысяч. Еще лет двадцать, и их будет десять миллионов.

Но наряду с ликованием, вызванным теперешним успехом и блестящими перспективами, Алан чувствовал в Номе противоположное настроение — тревогу и подозрительность. Еще одна долгая зима ожиданий и надежд миновала, но, несмотря на то, что лучшие люди в стране боролись в Вашингтоне за спасение Аляски, из уст в уста, из поселения в поселение, из округа в округ стала передаваться весть, что бюрократия, которая так возмутительно управляет их страной на расстоянии тысяч миль, не желает шевельнуть пальцем для облегчения их доли. Правительственные чиновники в Штатах не желают отказываться от своего губительного для Аляски могущества, от своей мертвой хватки. Уголь, который стоил бы десять долларов тонна, если бы его добывали в шахтах Аляски, будет по-прежнему стоить сорок долларов. За провоз мяса в холодильниках снова будут взимать пятьдесят два доллара с тонны вместо двадцати. Грабители от коммерции все еще пользуются всеми правами. Всевозможные департаменты грызутся между собой за большую власть. А в результате этой разрухи Аляска продолжает лежать скованной, подобно человеку, умирающему от голода в богатой стране, тогда как ему стоит лишь протянуть, казалось бы, руку и получить всего вдоволь. Нищета, общий упадок, убийства и политические злоупотребления, которые уже выгнали с Аляски двадцать пять процентов ее населения, — все это, оказывается, никогда не прекратится.

В эти дни, когда творческий огонь нуждался в поддержке, когда его нужно было оберегать, ни Алан, ни Карл Ломен не подчеркивали, чем угрожает Аляске финансовая мощь, вроде той, что исходила от Джона Грэйхама. Эта банда во всем своем могуществе боролась за то, чтобы уничтожить прежнее законодательство и поставить Аляску под контроль группы в пять человек, которая завладеет всеми богатствами страны и принесет больше вреда, чем удушающая охранительная политика. Скрывая свои опасения, Алан и Ломен проявляли оптимизм людей с несокрушимой верой.

Много раз за эту неделю у Алана было желание заго-

ворить о Мэри Стэндиш. Но, в конце концов, он даже Карлу Ломену ни единым словом не обмолвился о ней. С каждым днем ее образ становился все более близким ему, сокровенной частью его самого. Он не мог говорить о ней с кем-нибудь, и ему приходилось давать уклончивые ответы всем, кто спрашивал его, что он делал в Кордове. Ощущение близости Мэри Стэндиш всего сильнее охватывало Алана тогда, когда он оставался один. Он вспоминал, что то же было и с его отцом; последний чувствовал себя лишь тогда счастливым, когда он один находился в диких горах и безграничных тундрах. Вот почему, когда Алан закончил свои дела и настал день отъезда из Нома, он был полон скрытой радости.

Карл Ломен отправился вместе с ним до местонахождения своих пастбищ на полуострове Чорис. Сто миль, отделявшие их от Шелтона, они проделали по узкоколейной железной дороге. Порою Алану чудилось, что Мэри Стэндиш находится с ним. Он мог ее *видеть*. С ним начало происходить что-то странное. Бывали мгновения, когда перед ним мягко светились глаза девушки и ее губы улыбались ему; ее присутствие казалось таким реальным, что он заговорил бы с ней, если бы не было Ломена.

Алан не боролся с этими галлюцинациями. Ему приятно было думать, что она сопровождает его в сердце Аляски, забираясь все дальше и дальше в горы и тундры. Здесь раскрывается перед ней постепенно во всей своей волшебной красоте и полном великолепии новый мир, подобно великой тайне, с которой спадают покровы. И действительно, в этих бесчисленных милях, лежавших впереди, и в тех, которые уже остались позади, было чудо и великолепие жизни, зарождавшейся на Севере. Дни становились все длиннее. Ночи, какими их успела узнать Мэри Стэндиш, исчезли. 20 июня день продолжался двадцать часов, с прекрасными сумерками между заходом солнца до утренней зари. Время сна теперь перестало зависеть от захода и восхода солнца, а регулировалось часами. Мир, промерзающий насквозь на семь месяцев, с шумом раскрывался подобно огромному цветку.

Выехав из Шелтона, Алан со своим спутником посетили несколько десятков знакомых в Свече, а потом продолжали путь вниз по реке до Киолика, расположенного у залива Коцебу. Моторная лодка Ломена, управляемая лапландцами, доставила их на полуостров Чорис, где находилось пятнадцатитысячное стадо оленей Ломена. Там Алан провел неделю. Он горел желанием двинуться дальше в путь, но старался скрыть свое нетерпение. Что-то побуждало его спешить. В первый раз за многие месяцы он

услышал гулкий топот оленьих копыт. Это казалось ему музыкой, диким призывом его собственных стад, торопивших его вернуться домой.

Неделя наконец миновала, и все дела были закончены. Моторная лодка отъезжала Алана к заливу Коцебу. Наступила уже ночь, как показывали часы, когда он тронулся в путь вверх по течению Киока, но было еще светло. Лапландец Павел Давидович вез его в лодке перевозной компании. Днем на четвертые сутки они прибыли к Красной Скале, лежавшей в двухстах милях от устья извилистой реки Кобок. Алан и его спутник вместе пообедали на берегу. Потом Павел Давидович медленно поплыл назад и все время махал рукой на прощание, пока лодка не скрылась из виду.

Только в тот момент, когда в отдалении замер шум от моторной лодки русского, Алан в полной мере ощутил волну свободы, охватившую его. Наконец-то после месяцев, казавшихся годами, он был *один*.

К северо-востоку простирался никому неизвестный, прямой как стрела путь, который был так хорошо знаком ему. Этот путь в сто пятьдесят миль не был занесен ни на одну карту; он по незаселенной местности вел как раз к его стране, расположенной по склонам Эндикоттских гор. Легкий крик, сорвавшийся с губ самого Алана, заставил его двинуться в путь. Он как будто крикнул Тотоку, и Амок Тулику, и Киок, и Ноадлюк, что он идет домой, что скоро он будет с ними. Никогда еще эта скрытая от мира страна, которую он сам открыл для себя, не казалась ему такой желанной, как в эту минуту. Ей предстояло нежно успокоить те сладостно-болезненные воспоминания, которые стали теперь частью его самого. Родные места простирали к нему руки, понимая и приветствуя его и поощряя быстро и бодро пройти расстояние, отделявшее его от них. И Алан готов был откликнуться на их зов.

Он взглянул на часы. Было пять часов пополудни. Он рано проснулся этим утром, но не чувствовал желания отдохнуть или поспать. Дурманящий мускусный запах тундры, доходивший до него сквозь редкий лесок на берегу реки, опьянял его. Ему хотелось скорее очутиться в тундре, чтобы там растянуться на спине и любоваться звездным небом. Алан жаждал выйти из лесу и почувствовать вокруг себя беспредельное открытое пространство. Какой безумец дал этой стране название «бесплодной»? Какими глупцами были те люди, которые так обозначили ее на карте! Алан закинул на спину вещевой мешок и взял в руку винтовку. «Бесплодная страна»?

Быстрыми шагами пустился он в путь. Еще задолго до того, как наступили сумерки, перед ним открылась во всем

своем великолепии «бесплодная страна» для составителей карт,— а для него рай.

Алан стоял на бугорке, залитом багряными лучами солнца, и, опустив мешок на землю и обнажив голову, оглядывался вокруг себя. Прохладный ветерок играл его волосами. Если бы Мэри Стэндиш была жива и могла видеть все это! Он протянул руку вперед, как бы приглашая ее смотреть. Имя девушки было в сердце Алана, и оно готово было сорваться с его губ. Пред ним расстилалась безграничная тундра, уносившаяся вдаль, подобно волнующемуся морю,— безлесная земля, зелено-золотистая от бесчисленных цветов, кишела жизнью, неведомой лесным странам. У его ног раскинулся громадный остров незабудок, белых и иссиня-красных фиалок. Их сладкий аромат опьянял его. Впереди лежало белое море ромашки, среди которой виднелись высокие ярко-красные ирисы. А дальше, куда только мог достать человеческий глаз, тихо шелестела и покачивалась от ветерка его любимая пушица. Через несколько дней ее семенные коробочки вскроются, и тундра покроется белым ковром.

Алан прислушивался к шуму жизни. Несмотря на то, что солнце все еще высоко стояло в небе и разливало тепло, повсюду слышалось тихое пение птичек, готовившихся ко сну. Сотни раз ему приходилось наблюдать этот чудесный инстинкт пернатых, чувствовавших время сна в те месяцы, когда не бывает настоящей ночи. Подняв свой мешок, Алан снова пустился в путь. С отдаленного пруда, спрятавшегося в сочной траве, донеслись сумеречные крики гнездившихся там диких гусей вместе с довольным криканьем диких уток. Слышались, наподобие звуков флейты, музыкальные ноты одинокого селезня и жалобные крики куликов; а там, дальше, где на краю горизонта сгущались тени, раздавались резкие, неприятные крики цапли. В группе ив чирикал дрозд, горло которого успело устать за день, и лились нежные звуки вечерней песни реполова. Ночь! Алан тихо рассмеялся. Бледное зарево заходящего солнца освещало его лицо. *Время сна!* Он посмотрел на часы.

Было девять часов, а цветы меж тем все еще сверкали в лучах солнца. А там, в Штатах, они называют это промерзшей страной, ледяным и снежным адом на краю света, местом, где выживают только наиболее приспособленные. На протяжении всей истории человечества приходится сталкиваться с подобной глупостью и невежеством, хотя люди и считают себя высшими существами, венцом творения. Это было смешно, но в то же время трагично.

Наконец Алан подошел к сверкающему пруду, окруженному рощицей. Сумерки сгустились в бархатистой впа-

дине. Маленький ручей вытекал из пруда. Здесь, около ручья, он набрал осоки и травы и разостлал одеяло. Царила глубокая тишина. В одиннадцать часов еще можно было различить болотную дичь, спавшую на поверхности пруда. Вот начали показываться звезды. Стало темнее. Солнце закатилось, окрасив небо багрянцем. Наступила белая ночь — перерыв на четыре часа, во время которых свет боролся с тьмой. Устроив подушку из травы и осоки, Алан лег и заснул.

Голоса и пение птиц разбудили его. На заре он выкупался в пруду, разогнав выводок утят, покрытых пухом, поспешивших скрыться в траве и тростниках.

День за днем Алан упорно, быстро, и почти не отдыхая, шел вперед, углубляясь в тундры. Ему казалось, что он очутился в пернатом царстве: где бы ни встретилась вода — в прудах, в маленьких ручейках, в углублениях между холмиками, — везде птичьи голоса сливались в целый хаос звуков. В мягкой мураве, покрывавшей землю, он видел бесчисленное проявление материнской нежности и заботливости и чувствовал, что это зрелище вливает в него силу и мужество.

В эти летние дни здесь не было места мраку. Но в душе самого Алана, когда он приближался к дому, был уголок, окутанный беспросветным мраком, куда не могли достичь лучи солнца.

В тундре еще более ярко вставал перед ним образ Мэри Стэндиш. Среди беспредельных безлесных пространств, где глаз достигал самого горизонта, Алану чудилось, что девушка идет рядом с ним, чуть ли не держа его за руку. Порой это походило на муки, навеянные безумием. Когда он рисовал себе, как могла бы сложиться его жизнь, когда он вспоминал с беспощадной ясностью, что он был причиной смерти чудесного существа, память о котором всегда будет жить в его душе, вопль отчаяния срывался с его губ. И Алану несколько не было стыдно. Он слишком хорошо знал, что Мэри Стэндиш была бы жива, если бы в ту ночь на пароходе он себя держал иначе. Она умерла не ради него, но из-за него. Обманув ее ожидания, не сумев подняться до той высоты, на которую она его вознесла, он разбил ее последнюю надежду и последнюю веру в человека. Не будь он так слеп, не будь он столь нечуток, она шла бы теперь рядом с ним. С веселым смехом встречала бы она утреннюю зарю, отдыхала бы среди цветов, спала бы под ясным небом и, счастливая и бесстрашная, она спрашивала бы его обо всем.

Так во всяком случае мечтал он в своем безграничном одиночестве. Алан не хотел и думать, что Мэри Стэндиш,

даже оставшись в живых, могла бы не быть с ним. Он не допускал возможности, что могли существовать цепи, приковавшие ее к кому-нибудь другому, или стремления, которые повели бы ее по иному пути. Теперь, когда девушка умерла, Алан считал ее своей, и он знал, что она принадлежала бы ему, если бы жила. Он преодолел бы все препятствия. Но она погибла — и по его вине.

Уже пятую ночь проводил Алан почти без сна под небом, усыпанным звездами, и, как мальчик, плакал о ней, закрыв лицо руками. А когда наступало утро, он шел дальше, и мир казался ему таким безграничным и пустым.

Его лицо вдруг постарело и стало серым и угрюмым. Он двигался медленно — желание поскорей добраться до своего народа умерло в нем. Он не сможет смеяться с Киок и Ноадлюк, не сможет приветствовать кличем тундры Амок Тулика и остальных пастухов, когда они будут шумно выражать свою радость по поводу его возвращения. Они любили его. Алан знал это. Прежде их любовь была частью его жизни, и теперь сознание, что он не сможет ответить на это чувство, как он отвечал раньше, наполняло его душу ужасом. Необычайная слабость охватила его, голова затуманилась. Полдень наступил, а он и не подумал о пище.

Под вечер Алан увидел далеко впереди рощицу деревьев хлопчатников. Они росли у теплых ключей, совсем близко от его дома. Часто он приходил к этим старым деревьям, к этому оазису в большой голой тундре, и среди них строил себе шалаш. Он любил это место. Ему казалось, что время от времени нужно посещать эти затерянные деревья, чтобы развеселить и подбодрить их. На коре самого большого хлопчатника было вырезано имя его отца, а под ним — дата того дня, когда Холт-старший нашел эти деревья в стране, которой до него не посещал белый человек. Под именем отца было вырезано имя матери, а еще ниже и его, Алана. Рощица была для Алана чем-то вроде храма, святилищем воспоминаний, окруженным зеленью и цветами. Тут царил тишина, нарушавшаяся летом лишь пением птиц. Эта тишина в течение лета и таинственное одиночество зимой оказали влияние на формирование его характера. В течение многих месяцев Алан предвкушал этот радостный час возвращения домой, когда он в отдалении увидит приветственное кивание старых хлопчатников, а за ними склоны и снежные вершины Эндикоттских гор. И вот теперь он видел и деревья, и горы, но все же чего-то недоставало.

Он подвигался вперед, вдоль реки, бравшей начало в теплых ключах, берега которой поросли ивами. Ему оста-

валась лишь четверть мили до роши, но вдруг что-то заставило его остановиться.

Сначала Алан подумал, что звуки, доносившиеся до его слуха, были ружейными выстрелами, но через мгновение он уже понял, что это не то, и догадка блеснула в его голове. Ведь сегодня 4 июля*, и в роше кто-то стреляет из хлопушек.

Улыбка заиграла на его губах. Он вспомнил озорную манеру Киок зажигать сразу целую пачку ракет, за эту явную расточительность Ноадлюк всегда бранила ее. Они приготовились отпраздновать его возвращение, и ракеты доставил, наверное, Тоток или Амок Тулик из Алакаката или Тонана. Гнетущая тяжесть в душе Алана рассеялась, и улыбка не сходила уже с его губ. Потом, как бы повинувшись чьему-то внушению, его глаза обратились к мертвому хлопчатнику, который в течение многих лет стоял на часах перед маленьким оазисом. На самой верхушке его развевался флаг, колыхаемый легким ветерком.

Алан тихо рассмеялся. Вот люди, которые любят его, думают о нем, ждут его возвращения. Его сердце, охваченное прежним счастьем, забилося быстрее. Он резко свернул под защиту ив, тянувшихся почти до рошицы. Он захватит их врасплох. Никто не услышит и не заметит его приближения, и он появится внезапно. Такая шутка изумит их и приведет в восторг.

Алан подошел к крайнему дереву и притаился. Он услышал взрыв одной хлопушки, еще более громкий треск одной из гигантских петард, которая всегда заставляла Ноадлюк затыкать пальцами свои хорошенькие уши. Он бесшумно спустился с холмика, прошел через балку и выбрался на другую сторону. Все было так, как он думал. В ста шагах от него виднелась Киок — она стояла на стволе упавшего дерева. И как раз в эту минуту она швырнула новую пачку зажженных хлопушек. Другие, очевидно, собрались вокруг нее, наблюдая за представлением, но Алан их не видел. Он осторожно продолжал свой путь, стараясь подойти незамеченным к густому кустарнику, находившемуся в десяти шагах от собравшихся там людей. Наконец он туда добрался, но Киок все еще стояла на бревне спиной к нему.

Алана удивило, что не видно и не слышно остальных, и что-то такое в наружности Киок озадачило его. Вдруг его сердце судорожно сжалось и, казалось, перестало биться.

---

* Национальный праздник: день провозглашения независимости.

На бревне стояла вовсе не Киок. И то вовсе не была Ноадлюк! Алан встал и вышел из-за прикрытия. Стройная девушка, стоявшая на бревне, чуть повернулась, и он увидел золотой отблеск солнечных лучей в ее волосах. Он громко позвал:

— Киок!

В своем ли он уме? Уж не отозвалось ли горе на состоянии его рассудка?

А потом он крикнул:

— Мэри! Мэри Стэндиш!

Она обернулась.

Лицо Алана было смертельно бледно. Та, которую он считал мертвой, предстала перед ним. На стволе упавшего старого дерева стояла Мэри Стэндиш и пускала хлопушки в честь его возвращения домой...

ГЛАВА XIII

После того, как Алан один раз окликнул ее, его язык отказывался вновь повиноваться ему, и он не в силах был вымолвить ни слова. Сомнения быть не могло. Это не было видение, а равно не было это плодом временного помешательства. Это была правда. Потрясенный до глубины души, он стоял, как каменное изваяние. Какая-то странная слабость охватила все его тело, и руки безжизненно повисли. Она была здесь, живая! Алан мог видеть, как бледность ее лица сменилась слабым румянцем. С легким криком девушка спрыгнула с бревна и направилась к нему. Прошло только несколько секунд, но Алану они показались бесконечностью.

Кроме нее, он никого не видел. Ему казалось, что она выплыла к нему из холодного тумана моря. Девушка остановилась на расстоянии одного шага и только тогда заметила выражение его лица: в нем, очевидно, было что-то такое, что поразило ее. Смутно сознавая это, Алан старался овладеть собой.

— Вы почти испугали меня,— сказала девушка.— Мы вас ждали и все смотрели, не появитесь ли вы. Несколько минут тому назад я выходила из роци и рассматривала тундру, но солнце било мне прямо в глаза, и я не видела вас.

Алану казалось невероятным, что он слышит ее голос, тот же спокойный, нежный, вибрирующий голос, что она говорит с ним, словно они расстались только вчера, и теперь она с несколько сдержанной радостью приветствует его снова. Он никак не мог сопоставить в эту минуту ко-

лоссальную разницу между его и ее точками зрения. Он был попросту Алан Холт, она — воскресшая из мертвых. Много раз он представлял себе, как он поступит, если какое-нибудь чудо вернет ее; он мечтал о том, как он сожмет ее в своих объятиях и больше никогда и никуда не отпустит. Но теперь, когда чудо свершилось и она была перед ним, он стоял, не шевелясь, и силился говорить.

— Вы... Мэри Стэндиш! — произнес он наконец. — Я думал...

Алан не кончил. Это не он говорил, а кто-то другой, пытавшийся объяснить ей, что это говорит не он. Ему хотелось громко кричать от радости, бурно проявить свое веселье, но что-то сковало все порывы его души. Девушка нерешительно коснулась его руки.

— Я не представляла себе, что вы будете так взволнованы, — сказала она. — Я думала, что вы ничего не будете иметь против, если я приду сюда.

Взволнован! Это слово как бы послужило толчком, который вернул Алану способность мыслить, а прикосновение руки девушки огнем пробежало по его жилам. Он услышал свой собственный дикий, нечеловеческий крик, раздавшийся в тот момент, когда он прижал ее к груди. Он крепко держал ее, неистово целуя в губы, перебирая пальцами волосы, чуть не душа ее в своих объятиях. Она жива! Она вернулась! В эту минуту исступления он забыл все, кроме великой истины, завладевшей его существом. Внезапно он сообразил, что девушка борется с ним и старается высвободиться, упираясь ему руками в лицо. Она была так близко, что он мог видеть только ее глаза, и они выражали не то, о чем он мечтал, а ужас. В отчаянии Алан разжал руки. Дрожа и с трудом переводя дыхание, Мэри Стэндиш отшатнулась.

Ее губы покраснелись от поцелуев, а волосы почти рассыпались. Она была оскорблена. Ее взгляд говорил ему, что она убежала бы от него, как от злодея, если бы не лишилась сил. Не говоря ни слова, Алан умоляюще протянул руки.

— Не думаете ли вы, что я пришла сюда за *этим*? — тяжело дыша, произнесла девушка.

— Нет, — ответил он. — Простите меня, я очень скорблю о случившемся.

В ее лице он мог прочесть не гнев, а потрясение и физическую боль. Она как бы снимала с него мерку, и это вызвало в нем воспоминание о той ночи, когда она стояла, прислонившись к двери его каюты. Но Алану теперь было не до того, чтобы делать сопоставления. Даже бессознательно — и то он не мог бы это делать, ибо все его помыс-

лы сосредоточились на одном изумительном факте: Мэри Стэндиш не умерла, а жива. В его голосе не промелькнул вопрос, каким образом она спаслась из воды. Во всем своем теле он чувствовал страшную слабость; ему хотелось смеяться, плакать и на несколько мгновений безрассудно отдаться настроению. Так потрясло его счастье! Мертвенная бледность начала исчезать с его лица, дыхание ускорилось.

Девушка заметила это и была, очевидно, немного удивлена. Но Алан, поглощенный одною и тою же мыслью, не замечал, что изумление все растет в ее зрачках.

— Вы живы! — выразил он наконец словами то, что заполняло его мозг. — Живы!

Ему казалось, что нужно без конца повторять это слово. И только теперь догадка, смутно мелькавшая в голове девушки, превратилась в уверенность.

— Мистер Холт, вы не получали в Номе моего письма? — спросила она.

— Вашего письма? В Номе? — повторил он, качая головой. — Нет.

— И все это время... вы думали, что я умерла?

Он утвердительно кивнул головой. Какой-то клубок, подступавший к горлу, мешал ему говорить.

— Я написала вам туда. Я написала вам письмо прежде, чем бросилась в море. Оно пошло в Ном с пароходом капитана Райфла.

— Я не получал никакого письма.

— Вы не получили письма? — В ее голосе звучало вначале удивление, но потом стало ясно, что она наконец поняла. — Значит, ваш поступок вот сейчас был произволен? Вы не намеревались так вести себя? Вы это сделали потому, что винили себя в моей смерти и увидеть меня живой было для вас большим облегчением? Так оно было, не правда ли?

Алан снова с глупым видом кивнул головой.

— Да, это было для меня большим облегчением.

— Вот видите, я верила вам даже тогда, когда вы отказались помочь мне, — продолжала Мэри Стэндиш. — Так сильно верила, что в письме, которое я написала вам, я открыла вам свою тайну. Для всех, кроме вас, я умерла — для Росланда, капитана Райфла, для кого бы то ни было. В письме я рассказала вам, что сговорила с молодым тлинкитским индейцем. Все произошло, как я предполагала. Перед тем, как я бросилась в воду, он тайком спустил лодку. Я хорошо плаваю; он подобрал меня и довез до берега в то время, когда лодки парохода повсюду искали меня.

В одно мгновение она вырыла между ними пропасть, и

теперь, снова недосыгаемая, стояла по ту сторону ее. Трудно было представить себе, что только несколько минут тому назад он сжимал ее в своих объятиях. Нелепость его поступка и сознание, что девушка смотрит на него, как будто ничего не случилось, вызвало в Алане чувство острого унижения. Она не давала ему возможности заговорить о своем поведении, даже извиниться как следует.

— А теперь я здесь, — сказала Мэри Стэндиш спокойным доброжелательным тоном. — Я не думала приезжать сюда, когда бросилась в море. Я уже потом решила это сделать. Думаю, что это случилось потому, что я встретила того маленького человека с рыжими усами, которого вы мне однажды указали в курительной комнате на «Номе». Итак, я ваша гостья, мистер Холт.

В ее голосе не было ни малейшего намека на извинение. Пока она все это говорила, она поправляла волосы, растрепанные Аланом. Она держала себя так, будто давно живет в этой стране, всегда жила в ней и дает ему разрешение войти в ее владения.

Алан начал приходить в себя. Он снова почувствовал почву под ногами. Те образы, которые он рисовал себе в пути, когда она с нежными, полными любви глазами шла с ним рука об руку в продолжение стольких недель, исчезли, как только появилась настоящая Мэри Стэндиш из плоти и крови, с ее самообладанием и неприступностью.

Уже с другим выражением в глазах он протянул ей обе свои руки, и она доверчиво подала ему свои.

— Это было чем-то вроде удара молнии, — сказал он дрожащим, вернувшимся наконец к нему голосом. — Днем и ночью я думал о вас, видел вас во сне и проклинал себя в полной уверенности, что я был причиной вашей смерти. А теперь я нашел вас живой. И здесь!

Мэри Стэндиш стояла так близко, что ее руки, которые он сжимал, лежали у него на груди. Но рассудок вернулся к нему, и он понял безумие своих грез.

— Трудно поверить этому. Мне казалось все это время, что я очень болен. Возможно, что это так и есть. Но если я не лишился рассудка, и вы — действительно вы, то я очень рад. Если я проснусь и окажется, что все это только плод моего воображения, как это случалось много раз...

Он засмеялся и, освободив ее руки, глядел ей в глаза, которые сквозь слезы улыбались ему. Но своей фразы Алан не кончил. Девушка чуть двинулась, и, как и в ту ночь в его каюте, ее горло дрожало от сдерживаемых чувств.

— Там я не переставая думал о вас, — сказал Алан, жестом указывая на тундру, из которой он пришел. — Потом

я услышал хлопнушки и увидел флаг. Все произошло так, как будто я вас создал в моем воображении.

Быстрый ответ готов был сорваться с ее губ, но она сдержалась.

— И когда я нашел вас здесь и вы не растворились в воздухе, подобно привидению, я подумал, что у меня в голове что-то неладно, иначе я не вел бы себя *так*. Понимаете, меня удивило, что привидение зажигает хлопнушки, и мне кажется, что это было моим первым порывом удостоверить, настоящая ли вы.

Позади них, с края рощицы, донесся голос — ясный громкий голос с нежными переливами.

— Мэри! — кричал кто-то. — Мэри!

— Ужин, — промолвила девушка. — Вы пришли как раз вовремя. А потом мы в сумерках пойдем домой.

Сердце Алана сильно забилося при этом случайно произнесенном ею слове «домой». Мэри Стэндиш шла впереди, и солнце играло в шелковистых прядях ее волос. Алан поднял винтовку и пошел следом за ней, любуясь ее стройной фигурой. Красота жизни сияла в этой девушке, которую он столько времени считал мертвой.

Они вышли на поляну, покрытую мягкой травой и усыпанную цветами. Там, перед небольшим костром, стоял на коленях мужчина, а рядом с ним была девушка с двумя длинными черными косами. Ноадлюк первая повернулась и увидела, кто был с Мэри Стэндиш. В это время справа раздался характерный легкий крик, который мог принадлежать только одному человеку в мире. То была Киок. Она швырнула охапку сучьев, собранных ею для костра, и бросилась к Алану, на одно мгновение опередив менее порывистую в своих движениях Ноадлюк. Алан крепко пожал руку «Горячке» Смиту. Киок опустилась на землю среди цветов и плакала. Это было похоже на нее. Она всегда плакала, когда Алан уходил, и плакала, когда он возвращался. А через мгновение Киок первая расхохоталась. Алан заметил, что ее волосы больше не заплетены в косы, как продолжала делать более солидная Ноадлюк, а были собраны в прическу, точно такую же, как у Мэри Стэндиш.

Эти мелочи совершенно бессознательно проносились в его голове. Никто, даже Мэри Стэндиш, не понимал, какого напряжения ему стоило овладеть собой.

Понемногу следы пережитого потрясения стали исчезать, и Алан начал постепенно воспринимать окружающее. На краю тундры, позади рощицы, он заметил трех оседланных оленей, привязанных к деревьям. Он сбросил с себя мешок, между тем как Мэри Стэндиш помогала Киок подбирать рассыпавшиеся сучья. Ноадлюк сняла кофейник

с огня, «Горячка» Смит принялся набивать трубку. Алан понял, что никто, кроме него, не был так взволнован, так как они все ожидали его со дня на день. Колоссальным напряжением воли ему удалось воскресить в себе прежнего Алана Холта. Разум, словно затуманившийся на время, снова просветлел.

Позже ему было трудно точно вспомнить, что происходило в следующие полчаса. Удивительнее всего было то, что перед скатертью, на которой Ноадлюк накрыла ужин, сидела Мэри Стэндиш, та же самая сероглазая Мэри Стэндиш, которая сидела против него в столовой на «Номе».

Только потом, когда Алан стоял вдвоем с «Горячкой» Смитом на краю роши, а три девушки верхом на оленях ехали по тундре по направлению к дому, только тогда море вопросов нахлынуло на него. Киок предложила, чтобы девушки втроем поехали вперед, и Алан заметил, как быстро Мэри Стэндиш ухватилась за эту мысль. Уезжая, она улыбнулась ему, а отъехав немного, махнула ему рукой, как это сделали и Киок, и Ноадлюк. Но ни одним словом больше они не обменялись наедине. Девушки ехали, залитые мягким отблеском заката, а Алан стоял и глядел. Он безмолвно продолжал бы смотреть до тех пор, пока они не исчезли из виду, но Смит схватил его за руку и сказал:

— Теперь начинайте, Алан. Я готов. Задайте мне трепку!

ГЛАВА XIV

Фраза «Горячки», в которой звучала покорность перед неизбежным, окончательно вернула Алана на землю. В тоне маленького человека с рыжими усами слышалось нечто такое, что заставило его спутника очнуться и вернуться к действительности.

— Я был круглым дураком, — признался Смит. — Я жду.

Эти слова вызвали в Алане целый поток мыслей. Есть и другие глупцы на свете, и, очевидно, он — один из них. Ему вспомнился «Ном». Казалось, всего лишь несколько часов тому назад, только вчера, эта девушка так искусно провела их всех, и он, поверив в ее смерть, пережил адские муки. Фокус был прост и благодаря именно своей простоте исключительно остроумен. Нужно было иметь много смелости, чтобы решиться на такой поступок; теперь, убедившись, что девушка не имела ни малейшего намерения умирать, он в этом не мог сомневаться.

— Я не мог ее удержать, разве только если бы привязал

к дереву,— снова произнес Смит. Потом он добавил: — Эта маленькая ведьма угрожала даже пристрелить меня.

Глаза его весело заблестели.

— Начинайте, Алан. Я жду. Ругайте без стеснения.

— За что?

— Да за то, что я позволил ей оседлать себя. За то, что я притащил ее сюда, а не бросил в кусты где-нибудь по дороге. С ней ничего не сделаешь. Разве переделаешь такую?

Он крутил свои рыжие усы и дожидался ответа. Алан молчал. Мэри Стэндиш первой показалась на маленькой возвышенности тундры в четверти мили от него, Киок и Ноадлюк следовали за ней. Они проехали низкий кряж и исчезли.

— Это, конечно, не мое дело,— снова начал Смит,— но сдаётся мне, что вы не ждали ее...

— Вы правы,— прервал его Алан, поворачиваясь, чтобы взять свой мешок.— Я не ожидал ее: я думал, что она умерла.

«Горячка» тихо свистнул и открыл было рот, чтобы заговорить, но снова закрыл его. Очевидно, он не знал, что Мэри Стэндиш была та девушка, которая прыгнула через борт «Нома». А если она держит это в тайне, то незачем ему сейчас распространяться об этом. Эти мысли промелькнули в голове Алана, хотя он и понимал, что пытливый ум его спутника немедленно доберется до истины. Когда они двинулись домой, изумление маленького человека начало рассеиваться. Он часто видел Мэри Стэндиш на «Номе», много раз он замечал ее в обществе Алана и знал, что они провели вместе несколько часов в Скагвэе. Следовательно, если Алан, прибыв к Кордову через пару часов после предполагаемой трагедии, думал, что она умерла, то это она, следовательно, и бросилась в море. «Горячка» пожал плечами, удивляясь, что не обнаружил этого любопытного факта за время своего путешествия с девушкой.

— Она заткнет за пояс дьявола! — внезапно воскликнул он.

— Заткнет! — согласился с ним Алан.

Холодный, непреклонный рассудок начал свою работу, и радостное настроение, овладевшее было Аланом, пошло на убыль. Целый ряд вопросов, над которыми он не задумывался на пароходе, теперь нахлынул с непреодолимой силой. Почему Мэри Стэндиш было так необходимо, чтобы люди поверили в ее смерть? Что толкнуло ее обратиться к нему, а потом броситься в море? Каковы были ее таинственные отношения с Росландом, агентом смертельного врага Аляски Джона Грэйхама, единственного человека, которому Алан поклялся отомстить, если толь-

ко представится малейшая возможность. Подавляя своей настойчивостью все другие чувства, в Алане поднималось желание потребовать объяснения, и в то же время он сознавал, что сделать этого не может.

При свете сгустившихся сумерек Смит увидел напряженное выражение на лице Алана и тоже хранил молчание, в то время как мозг его спутника тщетно пытался уловить последовательность и смысл в нахлынувшей волне тайн и сомнений. Зачем она приходила к нему в каюту на «Номе»? Почему она с таким явным упорством хотела использовать его против Росланда? И, наконец, почему она явилась к нему сюда, в тундры? Последний вопрос особенно настойчиво требовал ответа, и ни на одну секунду его не могли заслонить остальные. Она пришла к нему не потому, что любила его. Хотя и весьма грубым способом, но в этом он убедился; сжимая ее в своих объятиях, он увидел на лице девушки боль, страх и выражение ужаса. Какая-то другая, таинственная сила привела ее сюда.

Даже тогда, когда Алан пришел к этому выводу, радость не исчезла в его душе. Он походил на человека, вернувшегося к жизни после такого состояния, которое было хуже смерти. Но наряду с испытываемым счастьем душу Алана терзали вновь возникавшие противоречивые чувства, боровшиеся между собой. Несмотря на все его усилия подавить в себе подозрение, оно, подобно тени, начало закрадываться в его душу. Но это было не того рода подозрение, от которого стынет кровь, которое вселяет страх. Алан был почти уверен, что Мэри Стэндиш бежала из Ситла, что ее бегство было вызвано отчаянием и необходимостью. То, что случилось на пароходе, служило достаточным доказательством тому, а ее присутствие здесь, в его стране, окончательно убеждало в этом. Какие-то обстоятельства, с которыми она не в силах была бороться, гнали ее, и в отчаянии, в поисках убежища, она пришла к нему. Из массы всех других людей она выбрала его, доверилась ему и надеялась, что он ей поможет и защитит от опасности.

Алан обратил внимание на вечерние песни тундры, на нежное великолепие панорамы, раскинувшейся перед ним. Он напрягал зрение, стараясь еще раз увидеть всадниц в ту минуту, когда они поднимутся из лощины; но кружевные сумерки вечера сгустились, и его усилия оказались тщетными. Пение птиц тоже затихло; из травы и прудов доносились сонные крики; солнце закатилось, окрасив край неба в трепетно-розовый и нежно-золотистый цвета. Наступила ночь, похожая на день...

Алану хотелось знать, о чем думает сейчас Мэри Стэн-

диш. Все его размышления о причинах, заставивших ее бежать в тундру, казались такими ничтожными, когда он вспоминал, что она едет там, впереди него. Завтра ее тайны раскроются — он был в этом уверен. А пока что, всецело отдавшись под его покровительство, девушка расскажет ему все, чего не решалась она сказать ему на «Номе». И в эти минуты он думал только о серебряном сумраке, разделявшем их.

Через некоторое время Алан заговорил со своим спутником.

— Я в общем доволен, что вы привели ее, «Горячка», — сказал он.

— Я не привел ее, — возразил Смит. — Она пришла. — Он ворча покачал головой. — Даже больше того, вовсе не я вел, так сказать, дело; она сделала все сама. И она отнюдь не пришла со мной — я пришел с ней.

Он остановился и, чиркнув спичкой, закурил трубку. При слабом пламени Алан увидел его свирепый взгляд. Но что-то в глазах «Горячки» выдавало его. Алан от полноты счастья почувствовал желание расхохотаться. К нему вернулись живость воображения и юмор.

— Как это случилось? — спросил он.

«Горячка» Смит сперва громко пыхтел своей трубкой, потом вынул ее изо рта и глубоко вздохнул.

— Первое, что я еще помню, было на четвертую ночь после нашей высадки в Кордове. Раньше я никак не мог попасть на поезд по новой линии. Около Читины мы попали под ливень. Это нельзя было назвать дождем, никак нельзя было, Алан. Скорее, на нас обрушился Тихий океан с парочкой других океанов в придачу. Наконец подают почтовых — все плавает, и лошадь, и карета. Перед отъездом я не успел поесть и был страшно голоден. Вместе со мной кто-то еще сел в карету, и мне очень любопытно было знать, что за дурак. Я что-то проговорил насчет того, что умираю с голоду. Мой спутник ничего не ответил. Я начал ругаться. Я так и сделал, Алан, прямо сыпал проклятьями. Ругал и правительство за постройку такой дороги, и дождь, и самого себя за то, что не захватил съестного. Я сказал, что мое брюхо пусто, как использованный патрон. И я так здорово, сочно ругался! Я вел себя как сумасшедший. Потом яркая вспышка молнии осветила карету. Слушайте, Алан! Против меня сидела с коробкой на коленях она, насквозь промокшая; ее глаза блестели, и она улыбалась мне. Да, сэръ, улыба-ла-лась!

«Горячка» умолк, чтобы дать Алану время переварить его слова. Он был доволен вызванным впечатлением.

Алан уставился на него в изумлении.

— На четвертую... ночь... После... — Он спохватился:
— Продолжайте, Смит.

— Я начал искать ручку двери, Алан. Я готов был сбегать, свалиться в грязь, исчезнуть — раньше, чем снова блеснет молния. Но я был уже в сетях. Она распаковала свою коробку и сказала, что у нее много вкусных вещей. И в то время, когда карета, качаясь, неслась вперед, когда гром, молния и дождь смешались в одну какую-то кашу, она подошла, села рядом и принялась кормить меня! Честное слово, Алан, она кормила меня. Когда снова сверкнула молния, я увидел ее блестящие глаза и улыбку на лице, как будто от этого ада вокруг она чувствовала себе счастливой. Я подумал, уж не помешалась ли она внезапно. Не успел я опомниться, как она уже рассказала, что вы указали ей на меня в курительной на «Номе» и что она счастлива иметь меня попутчиком. Ее попутчик, заметьте это, Алан, а не она — мой. И так она держала себя все время до той минуты, пока вы не показались там — у рощицы!

«Горячка» снова разжег свою трубку.

— Откуда она, черт меня возьми, знала, что я пробираюсь в ваши края?

— Она этого не знала, — ответил Алан.

— Нет, знала. Она говорила, что встреча со мной — самый счастливый момент в ее жизни, потому что она направляется к вашему дому. А я буду таким «приятным» товарищем. «Приятный» — так она и сказала. Когда я спросил ее, знаете ли вы, что она отправляется к вам, она ответила: нет, конечно нет, это, мол, будет большим сюрпризом для вас. Она сказала, что, может быть, купит ваше ранчо и хочет осмотреть его, пока вы не вернетесь. Странно, но я не помню ничего, что было потом до Читины. Когда мы из Читины двинулись дальше, она начала задавать мне миллионы вопросов: о вас, о ранчо, об Аляске. Делайте со мной, что хотите, Алан, но между Читиной и Фербенксом она выпытала из меня все, что я знал. И она обращалась со мной так мило и уверенно, что я ел бы мыло из ее рук, если бы она мне его предложила. Потом осторожно и мягко она стала расспрашивать о Джоне Грэйхаме — тут я очнулся.

— О Джоне Грэйхаме? — повторил Алан.

— Да, о Джоне Грэйхаме. У меня было много чего пересказать ей. В Фербенксе я попробовал ускользнуть от нее, но она меня поймала как раз в тот момент, когда я хотел сесть на судно, направлявшееся вниз по реке. Она очень спокойно схватила меня за руку и заявила, что еще не совсем готова ехать сейчас и очень просит помочь ей нести вещи, которые она собирается купить. Алан, то, что я

вам сейчас скажу — чистая правда! Она повела меня по улице, рассказывая по дороге, какая блестящая идея пришла ей, чтобы изумить вас. Она сказала, что вы вернетесь домой 4 июля, и нам необходимо запасться фейерверком, так как вы ярый американец и будете разочарованы, если его не приготовят. Так она затащила меня в лавку и всю лавку как есть скупила. Спросила у продавца, сколько он возьмет за все, в чем только имеется порох. Пятьсот долларов она заплатила! Вытащила откуда-то спереди из своего платья шелковую тряпочку, в которой лежала целая пачка стодолларовых ассигнаций в дюйм толщиной. Потом она попросила меня отнести на судно хлопушки, колеса, ракеты и еще что-то. И попросила так, будто я маленький мальчик, который до смерти обрадуется такому поручению.

Разгорячившись под влиянием представившейся наконец возможности облегчить свою душу и рассказать о том, что до сих пор приходилось ему таить про себя, «Горячка» Смит и не заметил, какое впечатление производили его слова на товарища. Прежнее сомнение светилось в глазах Алана, веселое выражение исчезло с его лица, когда он убедился, что Смит отнюдь не увлекается собственным воображением. Однако то, что он рассказывал, казалось невероятным. Мэри Стэндиш беглянкой появилась на «Номе». Все ее имущество помещалось в маленьком саквояже, и даже это она оставила в каюте, когда бросилась в море. Как же в таком случае могла она иметь при себе в Фербенксе, если верить Смигу, столько денег? Может ли быть, что тлинкитский индеец, который помог ей в ту ночь, когда она вела свою отчаянную игру, чтобы заставить весь мир поверить в ее смерть, может ли быть, что он помог ей также переправить на берег деньги? Не были ли это те самые деньги, — или метод, с помощью коего она их добыла в Сиэтле, — причиной ее бегства и хитроумного плана, приведенного в исполнение на пароходе? Мысль о каком-то преступлении пронеслась в мозгу Алана, и его лицо загорелось от стыда перед такой нелепостью. Это было все равно, что думать нечто подобное о другой женщине, — о той, что умерла, — чье имя было вырезано под именем его отца на коре старого хлопчатника.

А «Горячка» успел отдышаться и снова продолжал:

— Вас, кажется, не слишком интересует моя повесть, Алан. Но я буду продолжать, а не то со мной что-нибудь случится. Я расскажу вам, что произошло дальше, а потом, если вы захотите пристрелить меня, я ни слова не ска-

жу против этого. Проклятие всем хлопущкам на свете, как бы то ни было!..

— Продолжайте, — сказал Алан, — мне очень интересно.

— Я отнес их на судно, — со злостью в голосе продолжал Смит. — А она — со своей ангельской улыбкой — шла все время рядом со мной и не спускала глаз, пока я всего не уложил. Потом она заявила, что ей нужно сделать еще кой-какие небольшие покупки. Это значило: заходить в каждую лавку в городе и что-нибудь покупать. А я таскал покупки за ней. Наконец она купила ружье; когда я спросил, для чего оно ей, она ответала: «Это для вас, «Горячка». Я собрался было поблагодарить ее, но она не дала мне слова сказать. «Нет, я не то думала. Я хотела сказать, что продырявлю вас насквозь, если вы снова попробуете удрать от меня». Она так и сказала! Понимаете, угрожала мне! Затем она купила мне новый костюм, прямо-таки одела с головы до ног: сапоги, брюки, рубашку, шляпу... и галстук! Я и не заикнулся об этом, ни одним словом! Она просто привела меня в лавку, купила, что ей понравилось, и заставила все это надеть.

Смит тяжело вздохнул и потратил четвертую спичку на свою трубку.

— За то время, пока мы добрались до Танана, я начал привыкать, — почти простонал он. — А там наступил ад. Она наняла шесть индейцев для переноски багажа. «Теперь вы отдохнете, «Горячка», — говорила она мне, улыбаясь так сладко, что хотелось съесть ее живьем. — Вся ваша работа будет состоять в том, чтобы указывать нам дорогу, да еще вы будете носить вот эти ракеты: они очень легко и с оглушительным треском взрываются».

Я их потащил. На следующий день один из индейцев вывихнул ногу и выбыл из строя. Он нес хлопущки, что-то около ста фунтов, и нам пришлось разделить между собой его груз. Когда мы останавливались на ночлег, я не мог спину разогнуть. Наши позвоночники ломались с каждым шагом. И хоть бы она позволила спрятать временно что-нибудь из этого хлама! Ни за что в жизни не позволила бы! Индейцы все время пыхтели и задыхались и все-таки смотрели на нее с обожанием в глазах. В последний день, когда мы остановились на ночлег уже недалеко от дома, она собрала их вокруг себя и дала каждому по пригоршне денег сверх платы. «Это за то, что я люблю вас», — сказала она. А потом начала задавать забавные вопросы. Есть ли у них жены и дети? Голодали ли они когда-нибудь? Слышали ли они о ком-нибудь из их племени, кто умер с

голода? И отчего они именно умерли? Разрази меня гром, Алан, если индейцы не отвечали ей! Никогда я еще не слышал, чтобы индейцы так много говорили. Под конец она задала им самый забавный вопрос: слышали ли они о человеке по имени Джон Грэйхам? Один индеец слышал. Я видел, как она с ним долго разговаривала наедине. Когда она снова подошла ко мне, ее глаза горели, и она ушла в свою палатку, не пожелав нам спокойной ночи. Это все, Алан, кроме...

— Кроме чего, «Горячка»? — спросил Алан, и сердце его сильно забилося.

Смит улыбался и медлил с ответом. Глаза его блестели.

— Кроме того, что со всеми людьми на ранчо она поступила так же, как и со мной по дороге от Читины сюда. Алан, стоит ей сказать слово, и перестаешь быть сам себе хозяином. Она пробыла здесь десять дней — и вы не сможете узнать ранчо. В ожидании вашего приезда все дома разукрашены флагами. Она с Ноадлюк и Киок перевернула все вверх дном. Дети готовы покинуть своих матерей ради нее. А мужчины... — Он снова усмехнулся. — Мужчины ходят в воскресную школу, которую она устроила. Я тоже хожу. Ноадлюк — тоже. — На одно мгновение «Горячка» замолк. Потом, понизив голос, он снова заговорил: — Алан, вы были большим дураком.

— Я это знаю, «Горячка».

— Она — цветок, Алан. Она стоит больше, чем все золото в мире. Вы могли бы жениться на ней. Я это знаю. Но теперь слишком поздно. Я вас предупреждаю.

— Я не совсем понимаю, Смит. Почему слишком поздно?

— Потому, что я ей нравлюсь, — несколько свирепо объявил Смит. — Я сам претендую на нее. Вы не должны теперь вмешиваться.

— Вы хотите сказать, что Мэри Стэндиш... — пролепетал Алан.

— Я говорю не о Мэри Стэндиш, — прервал его Смит. — Я говорю про Ноадлюк. Если бы не мои усы...

Его слова были прерваны внезапным оглушительным взрывом, раздавшимся в бледном сумраке впереди. Похоже было на отдаленный выстрел пушки.

— Одна из проклятых ракет, — объявил «Горячка». — Вот почему они поторопились и не подождали нас, Алан. Она говорит, что это празднование четвертого июля будет много означать для Аляски. Хотел бы я знать, что она под этим подразумевает.

— Я тоже хотел бы это знать, — сказал Алан.

ГЛАВА XV

Еще полчаса ходьбы по тундре — и они подошли к месту, прозванному Аланом расщелиной Привидений. Это было глубоке каменистое ущелье, начинавшееся у подножия гор. Место в общем было весьма мрачное. В глубине лежала непроницаемая мгла. Туда они спустились по скалистой тропинке, отшлифованной копытами оленей и лосей. На дне расщелины, на глубине сотни футов, Алан опустился на колени у маленького ручейка, который он нащупал между камнями. Повсюду слышался чарующий тихий шепот ручейков; их шум и журчание заглушалось мхом скалистых стен, из трещин которых непрерывно струилась вода.

При свете спички Алан увидел лицо «Горячки». Глаза маленького человека пристально вглядывались в тьму расщелины, уходившей вдаль, в горы.

— Алан, вы поднимались когда-нибудь до конца по этому ущелью?

— Это излюбленная дорога рысей и огромных бурых медведей, которые убивают наших молодых оленей, — ответил Алан. — Я охочусь один, Смит. Знаете, это место имеет скверную репутацию — здесь якобы поселились духи. Расщелина Привидений — вот как я называл ее. Ни один эскимос не пойдет сюда. Здесь разбросаны кости погибших людей...

— И вы ни разу не производили разведок? — продолжал расспрашивать «Горячка».

— Никогда.

Алан услышал недовольное ворчание:

— Эх вы, помешались на своих оленях! В этом ущелье есть золото. Дважды я находил его в тех местах, где были кости мертвецов. Они приносят мне, очевидно, счастье.

— Но ведь это кости эскимосов; они приходили сюда вовсе не за золотом.

— Я знаю. Когда она услышала рассказы об этом месте, то заставила меня привести ее сюда. Нервы? Я вам говорю, что на ее долю их не досталось.

«Горячка» на несколько секунд замолк, а потом прибавил:

— Когда мы пришли к этой скале, покрытой мхом, с которой капает вода, к тому месту, где лежит огромный пожелтевший череп, она не завизжала и не отшатнулась — только слегка вздохнула и уставилась прямо на него. Ее пальцы впились в мои руки так, что мне больно стало. Это было отвратительное зрелище: желтый, как гнилой апельсин, череп, намокший от воды, стекавшей с сырого мха. Я

хотел разнести череп на куски. И я бы это сделал, если бы она не помешала, ухватившись за мое ружье. Со странной улыбкой на губах она сказала: «Не делай этого, Смит. Он напоминает мне человека, которого я знаю. Мне не хочется, чтобы вы убили его». Забавная речь, не правда ли? Напоминает ей человека, которого она знает! Но кто же, черт возьми, может походить на изъеденный червями череп?

Алан не пытался ответить ему, он только пожал плечами. Они выбрались из мрачной расщелины и снова очутились на сумеречной равнине. По ту сторону ущелья тундра перестала уже быть такой ровной. Впереди виднелся небольшой холм. Ближе к горам холмы громоздились один на другой, исчезая в туманной дали. С возвышения они увидели обширное пространство, окаймленное широким полукругом холмов и уступов Эндикоттских гор. В тундре, за ближайшим пригорком, лежало ранчо Алана. Как только они достигли пригорка, «Горячка» вытащил свой огромный револьвер и дважды выстрелил в воздух.

— Приказано, — немного смущенно сказал он. — Приказание, Алан.

Едва он произнес эти слова, как из сумрака, нависшего над равниной подобно колеблющемуся кружеву, донесся громкий крик. За ним последовал другой, потом третий — пока все это не слилось в один сплошной рев. Алан понял: Тоток, Амок Тулик, Тапкок, Таптан и все остальные надрывают свои глотки, приветствуя его. Вскоре последовал целый ряд взрывов.

— Ракеты, — проворчал Смит. — Мало того, так она еще повсюду повешала китайские фонарики. Посмотрели бы вы на ее лицо, Алан, когда она узнала, что здесь четвертого июля ночью светло!

Бледная полоса с шипением поднялась в воздух, на мгновение, казалось, остановилась, чтобы посмотреть вниз на серую землю, затем разорвалась на бесчисленное количество маленьких клубов дыма. Смит снова выстрелил. Волнение охватило Алана. Он схватил свою винтовку и выпустил все заряды. Треск ружейных и револьверных выстрелов заглушил крики. Вторая ракета была ему ответом. Две колонны огня поднялись с земли от огромных костров, стремившихся ввысь. Алан услышал пронзительные детские голоса, смешавшиеся с ревом мужских глоток. Все население поселка собралось здесь. Они пришли приветствовать его с безлесных плоскогорий, с высоких горных цепей, где паслись стада, из отдаленных тундр. Никогда еще эти люди не обнаруживали столько усердия. За всем этим стояла Мэри Стэндиш! Алан сознавал, что все

его усилия не дать этому факту овладеть своими помыслами тщетны. Он не слышал слов «Горячки» о том, как он, Тулик, и сорок ребятишек работали целую неделю, собирая сухой мох и сучья для больших костров. Теперь их горело уже три. Резкий грохот барабанов разносился по тундре. Алан ускорил шаги.

Еще маленький бугорок — и перед ним предстали строения и бегавшие во все стороны мужчины и дети, подбрасывавшие мох в костры, и барабанщики, полукругом сидевшие на корточках лицом в ту сторону, откуда он должен был появиться, и пятьдесят китайских фонариков, качивавшихся под напором легкого ночного ветерка.

Он знал, чего они ждут от него. Ведь это были дети. Даже Тоток и Амок Тулик, главные надсмотрщики над стадами, были дети. Ноадлюк и Киок тоже дети. Все они — эти сильные благородные люди, готовые умереть за него в любой битве, — все же были дети. Алан отдал Сми-ту свою винтовку и бросился вперед, твердо решив не искать глазами Мэри Стэндиш в первые минуты своего возвращения домой.

Он испустил клич тундры. Мужчины, женщины и дети бросились ему навстречу. Барабанный бой прекратился, барабанщики тоже вскочили на ноги. Толпа нахлынула. Раздался пронзительный хор голосов, смеха, детского визга — хаос восторга. Алан пожимал руки — крепкие, большие, темные руки мужчин, маленькие, более мягкие руки женщин, он поднимал в воздух детей, дружески хлопал по плечу стариков и говорил, говорил, говорил. Хотя вокруг него было с полсотни людей, он каждого безошибочно называл по имени. Все они были *его народом*. Прежнее чувство гордости проснулось в Алане. Они любили его, и теперь они окружили его подобно членам одной большой семьи. Он дважды, трижды пожимал руки одним и тем же, брал тех же детей из рук матерей. Алан выкрикивал приветствия и шутки с увлечением, которое несколько минут назад не выливалось бы так бурно, — из-за сознания присутствия Мэри Стэндиш. Внезапно он увидел ее в дверях своего дома под китайскими фонариками. Рядом с ней стоял Соквэнна — сгорбленный старик, похожий на колдуна. В одно мгновение Соквэнна исчез в доме, и оттуда раздался бой барабана. Как только толпа собралась, бой барабана замолк. Барабанщики опять полукругом уселись на корточки; снова стал взвиваться в небо фейерверк. Собрались танцоры. Ракеты шипели в воздухе; взрывались римские свечи. Из открытой двери дома послышались звуки граммофона. Они предназначались исключительно для Алана;

он один мог понять их. Граммофон играл «Джонни возвращается домой».

Мэри Стэндиш стояла одна и не шевелилась. Она улыбалась Алану. Это не была та Мэри Стэндиш, которую он знал на пароходе. Страх, бледность лица, напряжение, подавленность, — одним словом, все, что составляло, казалось, часть ее, все это исчезло. Жизнь ярко горела в девушке; но не в голосе и не в движениях проявлялась она. Перемена выражалась в блеске глаз, ярком румянце щек, во всей ее стройной фигуре. Она ждала Алана. В его голове промелькнула мысль, что за те недели, что прошли со времени их разлуки, она забыла прошлую жизнь и тот призрак, который заставил ее броситься в море.

— Великолепно, — сказала она, когда Алан подошел к ней. Ее голос слегка дрожал. — Я не предполагала даже, как страстно жаждали они вашего возвращения. Это должно быть большое счастье — заслужить такую любовь.

— Спасибо вам за то, что сделали вы, — ответил Алан. — Смит мне все рассказал. У вас было много хлопот, не правда ли? Ведь вас вдохновляла только надежда «обратить» такого язычника, как я? — Он указал на полдюжины флагов, развешанных над его домом. — Они очень красивы.

— Никаких хлопот. Я надеюсь во всяком случае, что вам это не претит. Было так весело все устраивать.

Алан старался, как бы случайно, смотреть в сторону. Ему казалось, что он может ответить только одно, и его долг сказать ей, спокойно и без возбуждения, все, что накопилось у него на душе. Он заговорил:

— Да, мне это претит. Мне это так неприятно, что я не отдал бы случившегося за все золото этих гор. Я жалею о том, что произошло в роще, но и этого я бы не вернул теперь. Я рад видеть вас живой и рад видеть вас здесь. Но чего-то мне не хватает. Вы знаете чего. Вы должны рассказать мне о себе. Теперь — это ваша обязанность.

Мэри Стэндиш коснулась его руки.

— Обождите до завтра. Пожалуйста, обождите.

— А завтра?

— Завтра можете спрашивать о чем хотите, и прогнать меня, если я окажусь недостойной. Но сегодня не надо. Все это так хорошо... Вы... ваши люди... их радость...

Алану пришлось наклониться, чтобы услышать ее слова среди шума и треска ракет и хлопушек. Мэри Стэндиш указала на строение, находившееся за его домом.

— Я живу вместе с Киок и Ноадлюк. Они меня приютили. — Потом она быстро прибавила: — Я не думаю,

однако, чтобы вы любили этих людей больше моего, Алан Холт!

Ноадлюк подходила к ним. Мэри Стэндиш отошла в сторону. Лицо Алана не выразило разочарования, и он не пытался удержать ее.

— Ваши люди ожидают вас, — сказала Мэри Стэндиш. — Позже, если вы меня пригласите, я буду танцевать с вами под музыку барабанов.

Алан следил за ней, когда она пошла с Ноадлюк, и она, оглянувшись, улыбнулась ему; в ее лице было что-то такое, что заставило быстрее забиться его сердце. На пароходе она чего-то боялась; но завтрашний день не страшил ее. Мысль об этом дне, о тех вопросах, которые он может задать, не пугала ее.

И радость, которую Алан упорно гнал от себя, восторжествовала, нахлынув в его душу внезапным потоком. Ее глаза, казалось, обещали, что счастье, о котором он мечтал в течение многих недель мук и страданий, придет. Возможно, что за время своей поездки по тундре этой ночью она поняла, что означали для него эти недели. О них он, конечно, никогда не сможет рассказать ей. А то, что она сообщит ему завтра, ничего в конце концов не изменит. Мэри Стэндиш жива, и он не может опять расстаться с ней.

Алан подошел к барабанщикам и танцорам. К собственному своему изумлению, он оказался способным на поступок, которого он раньше никогда не совершил бы. Он был по натуре человек сдержанный, наблюдательный и отзывчивый, но всегда более или менее замкнутый. У себя дома во время танцев он обычно стоял в стороне, улыбаясь и поощряя других, но сам он никогда не принимал участия в танцах. Теперь сдержанность покинула его; он был охвачен новым чувством свободы и желанием выразить в движениях свои переживания.

«Горячка» Смит тоже танцевал. Он вместе с остальными мужчинами выбрасывал ноги и тоже ревел, в то время как танцы женщин сводились только к ритмичным телодвижениям. Целый хор голосов стал приглашать Алана. Его всегда приглашали. На это раз он согласился и занял место между Смитом и Амок Туликом. Музыканты, охваченные восторгом, чуть не пробили свои барабаны. Только тогда, когда, еле переводя дыхание, Алан вышел из толпы танцующих, он увидел в кругу зрителей Мэри Стэндиш и Киок. Киок была искренне изумлена. Глаза Мэри Стэндиш светились; заметив, что он смотрит на нее, она захлопала в ладоши. Алан, пытаясь смеяться, помахал ей рукой, но чувствовал себя слишком взволнованным, чтобы по-

дойти к ней. И как раз в это время в воздух поднялся шар, огромный шар, шести футов в диаметре; несмотря на все свои огни, он казался бледным сиянием в небе. Прошел еще час рукопожатий, дружеских похлопываний по плечу, расспросов о здоровье и домашних делах, и наконец Алан ушел в свою хижину.

Он оглядел свою единственную большую комнату, в которой он провел столько дней, и никогда еще она не казалась ему такой уютной. При первом взгляде казалось, что в ней ничего не изменилось. Тот же письменный стол, другой стол посреди комнаты, те же картины на стенах, блестящие ружья в углу, трубки, дорожки на полу — все было на своем месте. Потом он постепенно начал замечать новые предметы. На окнах висели мягкие занавески; стол был покрыт новой скатертью, а на самодельном диване в углу лежало покрывало. На письменном столе стояли два портрета в бронзовых рамах — Вашингтон и Линкольн. На рамах были изображены звездные американские флаги. Они напоминали Алану вечер на «Номе», когда Мэри Стэндиш приняла за вызов его утверждение, что он не американец, а уроженец Аляски. Было очевидно, что это дело ее рук — и портреты и флажки. В комнате были цветы, тоже, очевидно, принесенные ею. Ей приходилось, вероятно, каждый день рвать свежие цветы и ухаживать за ними в ожидании его приезда. Она думала о нем в Танана, где покупала занавески и скатерти. Алан прошел в свою спальню и там тоже обнаружил новую занавеску на окне, новое одеяло на кровати и пару красивых кожаных утренних туфель, каких они никогда раньше не видел. Он взял их в руки и расхохотался, когда убедился, насколько она ошиблась в размере его ноги.

Он уселся на стул в большой комнате и закурил трубку. Граммофон Киок, стоявший там в начале вечера, исчез. Снаружи стал замирать шум празднества. В наступившей понемногу тишине его потянуло к окну, из которого был виден домик, где жили Киок, Ноадлюк и их приемный отец, старый, сгорбленный Соквэнна. Мэри Стэндиш сказала, что она там живет.

Долго смотрел Алан в ту сторону, пока последние звуки ночи не смолкли, уступив место абсолютной тишине. Стук в дверь заставил его обернуться. В ответ на приглашение войти на пороге появился «Горячка» Смит. Он кивнул головой, лукаво обвел глазами комнату и уселся.

— Славная была ночка, Алан. Все обрадовались вашему возвращению.

— Кажется, так. Я счастлив, что снова нахожусь дома.

— Мэри Стэндиш здорово постаралась. Она как следует взялась за эту комнату.

— Я так и думал, — ответил Алан. — Но, конечно, Киок и Ноадлюк ей помогали.

— Не особенно много. Она делала все сама. Шила занавески, поставила на стол президентов с флагами, собирала цветы. Очень мило и заботливо, не правда ли?

— И немного непривычно, — прибавил Алан.

— А она красивая! — не преминул вставить Смит. — Определенно!

Глаза «Горячки» приняли загадочное выражение. Он беспокойно ерзал на стуле и ждал, что последует дальше. Алан сел напротив него.

— Что у вас на уме, «Горячка»?

— Ад, чаще всего, — ответил Смит с внезапным отчаянием в голосе. — Мою душу гнетет скверная история. Я ее долго скрывал, не желая портить вам удовольствия этой ночи. Я знаю, что мужчина обязан держать про себя, если ему что-нибудь известно про женщину. Но мне кажется, сейчас положение другое. Мне неприятно говорить об этом. Я предпочел бы, чтобы меня укусила змея. Но вы бы сами пристрелили меня, Алан, если бы узнали, что я скрыл от вас.

— Что скрыл?

— Правду, Алан. Я должен вам сказать все, что знаю об этой молодой женщине, которая называет себя Мэри Стэндиш.

ГЛАВА XVI

Напряжение, которое было написано на лице Смита, огромные усилия, которые он делал над собою, чтобы выразить словами то, что скопилось у него на душе, все это отнюдь не взволновало Алана, и он спокойно ждал обещанных разоблачений. Вместо подозрений, он скорее испытывал чувство удовлетворения, так как предвидел, о чем будет идти речь. Все, что он недавно пережил, сделало его менее требовательным к человеческой нравственности, в то время как прежде непреклонность его принципов граничила с бесчувственностью. Он думал, что реальная суровая необходимость толкнула Мэри Стэндиш на Север, но все же готов был теперь опровергнуть все, что говорило не в ее пользу.

Алан хотел знать правду, но в то же время боялся того момента, когда девушка ему сама откроет ее. Тот факт, что «Горячка» Смит каким-то путем обнаружил эту прав-

ду и собирается ею поделиться с ним, могло значительно помочь выяснить положение.

— Начинайте, — сказал он наконец. — Что вы знаете о Мэри Стэндиш?

Смит облокотился на стол. В его глазах можно было прочесть страдание.

— Это бесчестно. Я знаю. Человек, который оговаривает женщину, как это делаю я, заслуживает пулю в лоб. Если бы речь шла о чем-нибудь другом... то я, пожалуй, держал бы про себя. Но вы должны знать. И вы не можете сейчас понять, как это бесчестно с моей стороны. Вы не ехали вместе с ней в карете во время урагана, опрокинувшего на нас Тихий океан, и вы не проделали с ней всего пути от Читины сюда, как это сделал я. Если бы... это испытали, Алан, то чувствовали бы желание убить того человека, который скажет что-нибудь против нее.

— Я не спрашиваю вас о ваших личных делах, — заметил Алан. — Они касаются только вас.

— В том-то и беда, — возразил Смит. — Это касается не меня, а вас. Если бы я угадал правду прежде, чем вы добрались до вашего ранчо, то все было бы совсем по-иному. Я как-нибудь избавился бы от нее. Но кто она такая, я обнаружил только сегодня вечером, когда относил музыкальную машину Киок к ней в дом. С тех пор я все не переставал думать, что мне делать. Если бы она убежала из Штатов, преследуемая полицией, как карманщица, фальшивомонетчица, шулер в юбке или еще что-нибудь в этом роде, то мы могли бы простить ей. Даже если бы она убила кого-нибудь... — Он сделал безнадежный жест. — Но она не то, она хуже! — Смит немного ближе придвинулся к Алану и с отчаянием закончил: — Она — орудие Джона Грэйхама и послана сюда, чтобы подло шпионить за вами. Мне очень жаль, но я имею подлинные доказательства.

Он протянул руку через стол, медленно разжал ее, а потом убрал: на столе осталась лежать скомканная бумажка.

— Я нашел ее на полу, когда отнес назад граммофон, — объяснил он. — Она была сильно скомкана. Не знаю, почему я развернул ее, — чистая случайность.

«Горячка» внимательно следил за тем, как понемногу сжимались челюсти Алана, и ждал, пока тот прочтет несколько слов, написанных на клочке бумаги.

Через минуту Алан швырнул бумажку, вскочил и пошел к окну. В доме, принявшем Мэри Стэндиш в качестве гостыи, уже больше не виднелось света. Смит тоже встал со своего места. Он увидел вдруг, как еле заметно заходили плечи Алана. Последний нарушил наконец молчание.

— Яркая иллюстрация, не правда ли? Теперь так про-

сто объясняется многое. Я вам очень благодарен, Смит. И вы чуть было ничего не сказали мне.

— Чуть было, — согласился тот.

— Я вас не корю за это. Она принадлежит к тем людям, которые вселяют уверенность, что все сказанное против них — ложь. И я готов верить, что эта бумажка лжет... До завтра. Когда вы уйдете, передайте Тотоку и Амок Тулику, что я буду завтракать в семь часов. Скажите им, чтобы они пришли ко мне со своими отчетами к восьми. Потом я отправлюсь осматривать стада.

«Горячка» кивнул головой; Алан хорошо держал себя, как раз так, как он ожидал. Ему стал немного стыдно слабости и неуверенности, в которых он признался. Конечно, они ничего не могут сделать с женщиной; такое дело нельзя решить оружием. Но можно будет еще об этом подумать потом, если только они правильно поняли содержание записки, лежавшей на столе. Взгляд Алана выражал те же мысли.

Смит открыл дверь.

— Я прикажу Тотоку и Амок Тулику быть здесь к восьми. Покойной ночи, Алан.

— Покойной ночи.

Прежде чем подняться, чтобы закрыть дверь, Алан смотрел вслед Смигу и ждал, пока тот скроется.

Теперь, оставшись один, он уже больше не старался сдерживать волнение, которое вызвало в нем неожиданное открытие. Едва затихли шаги Смита, он снова схватил бумажку. Очевидно, это была нижняя часть письма, написанного на листе бумаги обычного делового формата. Клочок был небрежно оторван, так что остались только подпись и с полдюжины строчек, набросанных твердым мужским почерком.

То, что осталось от письма, за обладание которым Алан дал бы многое, гласило:

«...Если, собирая сведения, вы будете вести себя осторожно, держа в тайне ваше настоящее имя, то мы в течение одного года захватим в свои руки всю индустрию страны».

Под этими словами красовалась твердая, характерная для Джона Грэйхама подпись.

Десятки раз видел Алан эту подпись. Ненависть к этому человеку и жажда мести, которые сплелись со всеми его планами на будущее, — эти чувства были причинами того, что подпись Грэйхама неизгладимо запечатлелась в его памяти. Теперь, когда Алан держал в руках письмо, написанное его врагом, врагом его отца, теперь все то, что он постарался скрыть от зорких глаз «Горячки» Смита.

вспыхнуло внезапной яростью на его лице. Он отшвырнул бумажку, как будто это было что-то грязное, и так заломил руки, что в тишине комнаты послышался хруст суставов. Он медленно подошел к окну, из которого несколько минут тому назад смотрел на дом, где жила Мэри Стэндиш.

Итак, Джон Грэйхам исполнил свое обещание, смертельное обещание, данное им в час торжества отца Алана. Тогда Холт-старший мог избавить человечество от гада, если бы в последний момент не помешало ему отвлечение, свидетелем которого был его сын в эти ужасные минуты. А Мэри Стэндиш была орудием, которое Грэйхам выбрал для достижения своей цели!

Алан не мог сомневаться в абсолютной правильности мыслей, бушевавших в его голове, и не мог успокоить волнения в сердце и в крови. Он не пытался отрицать, что Джон Грэйхам написал это письмо и адресовал его Мэри Стэндиш. Она по неосторожности сохранила его. Наконец, она решила уничтожить его, но «Горячка» Смит случайно нашел маленький, но весьма убедительный клочок от него. В сумбуре своих мыслей Алан объединил все случившееся: ее усилия заинтересовать его с самого начала, решительность, с которой она стремилась к своей цели, смелость, с которой она пришла в его страну, и явное старание втереться в доверие, — с подписью Джона Грэйхама, смотревшей на него со стола. Все это казалось окончательной, неопровержимой, очевидной истиной.

«Индустрия», упоминавшаяся в письме, могла означать только скотоводство — его и Карла Ломена. Они положили начало этому разведению оленей и боролись за его развитие, а Грэйхам со своими друзьями, мясными королями, старались его уничтожить. И умная Мэри Стэндиш явилась принять участие в этой разрушительной игре!

Но зачем она бросилась в море?

Казалось, что в душе Алана заговорил какой-то новый голос, который настойчиво выделялся из хаоса мыслей, поднимаясь против всей аргументации и требуя последовательности и смысла, вместо безумных подозрений, овладевших им. Если миссия Мэри Стэндиш заключалась в том, чтобы разорить его, если она — агент Джона Грэйхама и послана с этой целью, то какие же основания были у нее для такой трагической попытки — создать во всем мире впечатление, что она покончила с собой, утонув в море? Конечно, такой поступок нельзя связать с интригой, которую она вела против него. Воздвигая здание ее защиты, Алан не старался отрицать ее связи с Джоном Грэйхамом. Он знал, что это невозможно. Эта записка, ее поведение и

многое из сказанного ею самой — все это были звенья, неизбежно связывавшие девушку с его врагом. Но те же самые события, когда Алан начинал их теперь перебирать одно за другим в своей памяти, проливали новый свет на их связь между собой.

Разве не может этого быть, что Мэри Стэндиш работает не на руку Джону Грэйхаму, а наоборот, *против* него? Может быть, между ними произошел конфликт, который послужил причиной ее бегства на «Номе»? Не из-за того ли, что она встретила там Росланда, самого преданного слугу Джона Грэйхама, она выработала отчаянный план спасения, бросившись в море?

Наряду с борьбой двух противоположных течений в своем мозгу Алан чувствовал какую-то гнетущую тяжесть, вызванную одним сознанием, в справедливости которого нельзя было сомневаться. Если даже предположить, что Мэри Стэндиш ненавидит теперь Джона Грэйхама, то все же она в свое время, и не особенно давно, была его орудием; письмо, которое он ей написал, служило тому бесспорным доказательством. Что вызвало предполагаемый Аланом разрыв, что побудило ее бежать из Сиэтла, а позднее вызвало стремление похоронить прошлое при помощи мнимой смерти, — этого он, возможно, никогда не узнает. В данную минуту у него не было большого желания взглянуть в лицо всей правде. Достаточно ему знать о ее прошлом и о всех прочих событиях только то, что она кого-то боялась и в отчаянии, преследуемая самым умным агентом Грэйхама, пришла в его каюту. Не добившись от него помощи, Мэри Стэндиш взялась за дело. И в тот же самый час произошло чуть не увенчавшееся успехом покушение на жизнь Росланда. Конечно, факты показали, что она не принимала прямого участия в преступлении; но он никак не мог отделаться от навязчивой мысли, что оно было совершено почти одновременно с прыжком девушки в море.

Алан отошел от окна, затем открыл дверь из дому. Холодный ветер громко брэнчал раскачивавшимися бумажными фонариками. Флаги, развешанные Мэри Стэндиш, тихо хлопали в холодном воздухе. В этих звуках было что-то успокоительное для его напряженных нервов, нечто такое, что напоминало ему день, проведенный в Скагвэе, когда Мэри Стэндиш шла рядом с ним и нежно держала его под руку, а ее глаза и лицо были полны вдохновения, навеянного горами.

Не все ли равно, кто она или что она. В ней таилось что-то неизъяснимо-восхитительное, какое-то очарование. Она показала себя не только умной. В ней была бездна смелости — смелости, которую Алан вынужден был бы

уважать даже в таком человеке, как Джон Грэйхам. А в стройной хрупкой девушке это качество казалось ему добродетелью, чем-то чрезвычайно ценным, вне зависимости от тех целей, на которые эта смелость направлена. С самого начала это было всего удивительнее в ней — ясная, быстрая, непоколебимая решительность, одолевавшая все преграды, перед которыми оказались бы в тупике его собственная воля и рассудок. Это было единственное в своем роде мужество — мужество женщины, которое не знает слишком высоких преград или слишком широких пропастей, хотя бы смерть сторожила с противоположной стороны. Несомненно там, где имелось все это, должны существовать более глубокие и тонкие побуждения для приведения в исполнение человеческих планов, чем разрушение, материальные выгоды или просто долг.

Алан снова взглянул на флаги, развевавшиеся над его домом. Настойчивая мысль о непричастности девушки и страстное желание уверовать в это не покидали Алана, и он чуть было не начал говорить вслух. Мэри Стэндиш отнюдь не то, чем выставляло ее открытие Смита. Произошла какая-то ошибка, невероятная бессмыслица. Завтра выяснится необоснованность и несправедливость их подозрений. Он пытался убедить себя в этом.

Снова зайдя в дом, Алан лег спать, продолжая повторять себе, что великая ложь создавалась из ничего и что он должен благодарить судьбу, сохранившую Мэри Стэндиш в живых.

ГЛАВА XVII

Алан крепко спал в течение нескольких часов, но напряжение предыдущего дня не помешало ему проснуться ровно в назначенный им самим час. В шесть часов он вскочил с постели. Вегарук не забыла своих старых обязанностей, и его уже ждала полная ванна холодной воды. Алан выкупался, побрился, надел свежий костюм и ровно в семь часов сидел за завтраком. Стол, за которым он обыкновенно ел один, помещался в маленькой комнате; из ее окон можно было видеть большую часть жилищ ранчо. Дома нисколько не походили на обычные эскимосские лагучи, а были искусно построены из небольших бревен, заготовленных в горах. Подобно деревенским избам, они красиво вытянулись в определенном порядке, образуя единственную улицу. Море цветов колыхалось перед ним. На самом краю, на небольшом холмике, за которым находилась одна из топких лощин тундры, стоял домик Соквэнны, не ус-

тупавший по размерам жилищу Алана. Соквэнна был самый мудрый старейшина общины. С ним жили Киок и Ноадлюк, его приемные дочери, самые хорошенькие девушки из всего племени, — вот чем объяснялись размеры его избы.

Сидя за завтраком, Алан время от времени смотрел в ту сторону, но не видел признаков жизни, если не считать дыма, который тонкой спиралью поднимался из трубы.

Солнце уже высоко стояло в небе, проделав больше половины своего пути до зенита. Оно представляло в своем роде чудо, ибо вставало на севере и подвигалось на восток, а не на запад. Алан знал, что мужское население уже несколько часов тому назад отправилось на отдаленные пастбища. В поселке всегда было пустынно, когда олени переходили на более возвышенные и прохладные луга плоскогорий. После вчерашнего празднества женщины и дети еще не проснулись к жизни длинного дня, для которого восход и заход солнца так мало означают.

Встав из-за стола, Алан снова взглянул на дом Соквэнны. Одинокая фигура показалась у лощины и стала на краю лицом к солнцу. Даже на таком расстоянии и несмотря на то, что солнце ослепляло его, Алан узнал в ней Мэри Стэндиш.

Алан стоически повернулся спиной к окну и закурил трубку. В течение получаса он рылся в своих бумагах и книгах, готовясь к приходу Тотока и Амок Тулика. Часы показывали ровно восемь, когда они явились.

По улыбающимся темным лицам своих помощников Алан понял, что месяцы его отсутствия прошли благополучно. Надсмотрщики за стадами разложили бумаги, на которых они каракульками записали отчет обо всем случившемся за зиму. В голосе Тотока, когда он медленно отчеканивал слова, стараясь безошибочно говорить по-английски, звучала сдержанная нотка удовлетворения и торжества. А Амок Тулик, привыкший говорить быстро и отрывисто, редко употребляя фразы длиннее трех или четырех слов, и любивший, как попугай, повторять жаргонные слова и ругательства, пыжился от гордости, зажигая свою трубку, и потирал руки.

— Очень хороший и удачный год, — ответил Тоток на первый вопрос Алана об общем состоянии стад. — Нам очень повезло!

— Чертовски хороший год, — скоропалительно поддержал его Амок Тулик. — Хороший приплод. Здоровые копыта. Мох — много. Волков — мало. Стада жирные. Этот год — персик.

После такого вступления Алан погрузился в дела.

Прежний трепет радости от сознания достигнутого, гордость пионера, отмечающего новые границы, и творческий огонь, вызванный успехом, — все это достигло в нем высшего предела. Он забыл о времени. Нужно было задать сотни вопросов, а на языке Тотока и Амок Тулика вертелось много новостей, о которых они хотели рассказать. Их голоса наполнили комнату гимном торжества. В течение апреля и мая, когда олени самки телятся, стадо увеличилось на тысячу голов. От скрещивания азиатской породы с диким канадским лосем получилось около сотни великолепных молодых оленей, мясо которых через несколько лет заполнит рынки Штатов. Никогда еще под зимним снегом не бывало таких сочных залежей мха. Рекордная цифра рождений была побита. Молочное хозяйство на краю полярных стран не являлось больше экспериментом, а определенным достижением: у Тотока было уже семь оленьих самок, дававших два раза в день по одной кварте молока каждая, почти такого же густого, как лучшие коровьи сливки; больше двадцати оленьих самок давали за удой до полкварты. Амок Тулик сообщил о поразительных достижениях упряжных оленей: Коок, трехлетний олень, за тринадцать минут сорок семь секунд пробежал с санями пять миль по рыхлому снегу; Коок и Оло вместе, запряженные в одни сани, пробежали десять миль за двадцать шесть минут сорок секунд, а в другой раз эта пара, во время испытаний на выносливость, сделала девяносто восемь миль. А вместе с Ино и Сотка, лучшими и самыми сильными экземплярами, полученными от скрещивания с дикими канадскими лосями, Коок возил груз в четыреста килограммов в течение трех дней, делая по сорок миль в день. Из всех ранчо в Фэрбенксе, Танане и на полуострове Сюард приходили агенты быстро развивавшегося оленеводства и предлагали по сто долларов за голову смешанной породы. Пастухами Алана было поймано в тундре и лесах семь молодых бычков и девять телок более крупной канадской породы, которых они хранят на племя.

Для Алана все это было победой. Его мало интересовал рост его личного богатства. Он знал, что обширные незаселенные пространства, к которым с презрением относился в своей слепоте стомиллионный народ Штатов, сами вознаграждают и прославят пионеров. Глубоко скрытые силы великой страны проснулись и пришли в движение. Сознание того, что он принимает посильное участие в этом длительном, связанном с борьбой процессе развития могучей страны, переполняло Алана гордостью.

Тоток и Амок Тулик уже давно ушли, а сердце Алана все еще было полно радостью успеха.

Он посмотрел на часы и удивился, как быстро пролетело время. Когда, покончив с бумагами и книгами, он вышел из дому, была уже пора обедать. Он услышал голос старой Вегарук, доносившийся из темного отверстия ледника, устроенного в глубине промерзшей подпочвы тундры. Алан подошел к леднику и, спустившись при свете свечи своей старой экономки по нескольким ступенькам, вошел в большое четырехугольное помещение. Оно находилось на глубине восьми футов, где земля оставалась крепко промерзшей в течение нескольких сот тысячелетий. Вегарук имела привычку разговаривать сама с собой. Но Алану показалось странным, что она вдруг сама себе объясняет, что почва тундры, несмотря на почти тропическое великолепие лета, никогда не оттаивает глубже чем на три-четыре фута, а дальше идут промерзшие слои, которые лежат уже там испокон веков — «даже духи не запомнят, с какого времени».

Алан улыбнулся, когда услышал, что Вегарук упомянула о «духах», которых она не могла забыть, несмотря на все старания миссионеров. Он собрался было дать знать о своем присутствии, как вдруг чей-то голос раздался так близко, что до говорившего, казалось, можно было достать рукой.

— Доброе утро, мистер Холт!

Это была Мэри Стэндиш. Алан с удивлением всматривался напряженно в темноту.

— Доброе утро, — ответил он. — Я как раз шел к вам, но голос Вегарук привел меня сюда. Поверите, даже ледник кажется мне другом после моего пребывания в Штатах. Ты за мясом, Мамми? — громко крикнул он.

Коренастая сильная Вегарук повернулась, чтобы ответить ему. Когда старая женщина, ковыляя, приблизилась к нему, свет от свечи, вставленной в банку из-под помидоров, упал на Мэри Стэндиш. Казалось, что луч света, прорезав темную бездну, внезапно осветил девушку. Ее глаза и волосы — не их красота и очарование, а что-то совсем другое, — вызвали в Алане неожиданный, непонятный трепет. Этот трепет остался и тогда, когда они вышли из мрака и холода на солнце, не дожидаясь Вегарук, которая задула свой «фонарь» и выбиралась теперь на свет с мясом в руках. Волнение не покинуло Алана и тогда еще, когда он и Мэри Стэндиш шли по тундре, направляясь к дому Со-квэнны. Это был странный трепет, вызванный чувством, которого он не мог ни подавить, ни объяснить. Ему казалось, что девушка знает причину его состояния. С лицом, залитым румянцем, несколько смущенная, она сказала, что ждала его, что Киок и Ноардлюк предоставили в их

распоряжение весь дом — и он может допрашивать ее без помехи. Несмотря на мягкий блеск глаз и пылающие щеки, вызванные чувством неловкости, в лице Мэри Стэндиш нельзя было заметить ни малейшего признака страха или колебания.

В большой комнате дома Соквэнны, устроенной по образцу его собственной, Алан уселся среди массы ярких цветов, распространявших нежный аромат. Девушка села около него и ждала, пока он заговорит.

— Вы любите цветы, не правда ли? — произнес Алан, сам тоже в некотором замешательстве. — Я хочу вас поблагодарить за цветы, которые вы принесли в мою хижину. И за другие вещи.

— Цветы — моя страсть, — ответила она. — И я никогда не видела таких цветов, как здесь. Ни таких цветов, ни таких птиц. Я никогда не думала, чтобы их так много было в тундре.

— Так же, как и весь мир не знает этого. Никто ничего не знает об Аляске.

Алан смотрел на девушку, пытаясь понять что-то необъяснимое в ней. Она знала, о чем он думает: его глаза выдавали странное волнение, овладевшее им. Постепенно краска сбежала с ее лица. Губы чуть-чуть сжались. И все же в выражении ее лица, когда она в нерешительности ждала допроса, больше не было намека на смущение, ни следа страха, ни малейшего признака, что наступил момент, когда ее тайна должна обнаружиться. В продолжение этих мгновений Алан не думал о Джоне Грэйхаме. Ему казалось, что Мэри Стэндиш опять напоминает ребенка, который пришел в его каюту и стоял там, прислонившись к двери, умоляя о помощи. Со своими мягкими блестящими волосами, светлыми прекрасными глазами, с сильно бьющейся жилкой на белой шее, она представлялась ему чуть ли не неземным существом. Девушка, судьба которой сейчас находилась в его руках, ждала момента, когда он будет разбивать ее хрупкие оправдания.

Несоответствие между видом девушки и тем, что он безжалостно, с намеренной грубостью собирался сказать и сделать, поразило вдруг Алана. И под влиянием внезапного отчаяния он протянул к ней руки и воскликнул:

— Мэри Стэндиш! Ради всего святого, скажите мне правду! Скажите, почему вы пришли сюда!

— Я пришла, — ответила девушка, глядя ему прямо в глаза, — потому, что знала, что такой человек, как вы, однажды полюбив женщину, будет защищать ее, хотя бы она и не была его женой.

— Но вы этого не могли знать до того, что произошло в роще!

— Нет, я знала. Я узнала это в хижине Элен Мак-Кормик.

Она медленно встала. Алан тоже поднялся с места, смотря на нее, как человек, оглушенный ударом. Первые проблески понимания странной тайны, окружавшей ее в то утро, заставили Алана пережить еще большее волнение. Он удивленно воскликнул:

— Вы были у Элен Мак-Кормик! Она дала вам *это!*

Мэри Стэндиш кивнула:

— Да. Мое платье, которое вы захватили с собой с парохода. Пожалуйста, не браните меня, мистер Холт. Будьте ко мне снисходительны после того, как вы выслушаете то, что я сейчас вам расскажу. Я была в хижине Мак-Кормик в тот день, когда вы вернулись в последний раз после поисков моего тела в море. Мистер Мак-Кормик не знал, но она знала. Я немного солгала, совсем немного для того, чтобы она, будучи женщиной, обещала не говорить вам, что я была там. Понимаете, я потеряла большую часть моей веры, все мое мужество почти покинуло меня — и я боялась вас.

— Вы боялись меня?

— Да. Я боялась всех. Я была в комнате, позади Элен Мак-Кормик, когда она задала вам... этот вопрос. И когда вы ответили, я окаменела. Я была удивлена и не поверила, так как не сомневалась, что после всего случившегося на пароходе вы презираете меня и предпринимаете поиски моего тела исключительно из чувства долга. Только через два дня, когда пришли письма к Элен Мак-Кормик и мы прочли их...

— Вы вскрыли оба?

— Конечно. Одно должно было быть прочитано сейчас же, а другое — как только меня найдут. А я нашлась. Может быть, это было не совсем благородно, но вы не можете требовать от двух женщин, чтобы они удержались от такого соблазна. А кроме того — *я хотела знать.*

Делая это признание, Мэри Стэндиш не отвернулась, не опустила глаз, а стойко выдержала взгляд Алана.

— И тогда я поверила. Я поняла по этому письму, что вы единственный человек в мире, который поможет мне, защитит меня, если я к нему приду. Но теперь во мне уже нет той решимости, и когда я кончу, то вы, вероятно, прогоните меня...

Алан снова увидел слезы в широко раскрытых глазах, слезы, которых девушка не пыталась скрыть. Но вдруг она улыбнулась так, как ни одна женщина никогда прежде не

улыбалась ему. Несмотря на ее слезы, казалось, что ее охватила гордость, вознесшая ее выше всякого смущения. Воля, смелость и женственность рассеяли темные тучи подозрений и страха, накопившиеся в душе Алана. Он пытался заговорить, но язык плохо повиновался ему.

— Вы пришли... потому что знали, что я люблю вас... А вы?..

— С самого начала вы внушили мне большую веру в вас, Алан Холт.

— Это должно быть что-то большее, должны были быть другие причины, — настаивал он.

— Их две, — произнесла Мэри Стэндиш, и слезы исчезли из ее глаз, а щеки покрылись ярким румянцем.

— И это?..

— Одну вы не должны знать. Другая, если я вам скажу, заставит вас презирать меня. Я в этом уверена.

— Это имеет какое-нибудь отношение к Джону Грэйхаму?

Она склонила голову.

— Да, к Джону Грэйхаму.

В первый раз длинные ресницы скрыли от Алана ее глаза. В первое мгновение ему показалось, что решимость девушки исчезла. Она стояла, подавленная последним вопросом Алана. И все же ее лицо не только не побледнело, но даже загорелось еще ярче. Когда она опять подняла глаза, в них светился огонек.

— К Джону Грэйхаму, — повторила Мэри Стэндиш, — человеку, которого вы ненавидите и хотите убить.

Алан медленно направился к двери.

— Я сейчас же после обеда еду осматривать стада. А вы — *желанная гостья здесь*.

Он на одно мгновение остановился в дверях, заметив, как прерывисто вырывается дыхание из ее груди и что в ее глазах засветилось что-то новое.

— Благодарю вас, Алан Холт, — тихо произнесла она. — Благодарю вас!

Внезапно с губ девушки сорвалось легкое восклицание, которое заставило Алана остановиться. Казалось, она наконец перестала владеть собой. Алан обернулся, и несколько секунд они молча стояли друг перед другом.

— Я очень жалею. Очень жалею о том, что я таким тоном говорила с вами в ту ночь на «Номе». Я обвиняла вас в грубости, несправедливости и даже во многом еще похуже этого. Мне хотелось бы взять свои слова назад. Вы — исключительный, чистый, прекрасный человек. Вы готовы уйти и говорите, что я желанная гостья здесь, зная, что я запятнала свое имя связью с человеком, причинившим вам

столько зла! И я не хочу, чтобы вы уходили. Вы заставили меня пожелать рассказать вам, кто я и почему я пришла сюда. И я надеюсь, что, выслушав меня, вы отнесетесь ко мне великодушно, как только сможете.

ГЛАВА XVIII

Алану казалось, что в одно мгновение во всем мире произошла какая-то внезапная перемена. В доме царила тишина. Слышно было только дыхание девушки, походившее на заглушенное рыдание, когда он, повернувшись к окну, стал глядеть на тундру, залитую золотистым сиянием солнца. Он услышал голос Тотока, звавшего Киок к оленьему загону, и веселый смех Киок, отвечавшей ему. Серогрудый дрозд опустился на крышу дома Соквэнны и запел. Казалось, что все это доносилось до них с целью избавить от замешательства и напомнить о красоте и величии неумирающей жизни.

Мэри Стэндиш отвернулась от окна и стала лицом к Алану. Ее глаза сияли.

— Каждый день дрозд прилетает и поет на крыше нашего дома, — заметила она.

— Это, вероятно, потому, что вы здесь, — шутя ответил он.

Она серьезно посмотрела на него.

— Я думала об этом. Знаете, я верю во многое, во что другие не верят. Я, например, думаю, что нет ничего прекраснее души и пения птицы. Я уверена, что даже на смертном одре я хотела бы, чтобы около меня пела птичка. Чувство безнадежности не может стать таким глубоким, чтобы его не могло разогнать пение птиц.

Алан кивнул головой и напряженно искал ответ на слова девушки. Он чувствовал себя неловко. Мэри Стэндиш закрыла дверь, которую он оставил приоткрытой, и жестом пригласила его снова занять стул, с которого он поднялся несколько минут тому назад. Она села первая, задумчиво и несколько смущенно улыбнулась ему и заговорила:

— Я была очень глупа. То, что я вам сейчас скажу, следовало сказать на «Номе». Но я боялась. Теперь я не боюсь, но мне стыдно, ужасно стыдно открыть вам правду. И все же я не жалею, что так случилось, так как иначе я не явилась бы сюда. А все это — и ваша страна, и ваш народ, и вы, — значило для меня многое. Вы поймете, когда я открою вам все как есть.

— Нет Этого я не хочу, — почти грубо прервал он. —

Я вовсе не хочу, чтобы вы так ставили вопрос. Если я могу вам чем-нибудь помочь, если вы хотите рассказать мне все, как другу, тогда другое дело. Я не хочу никаких признаний, — это было бы равносильно тому, что не доверять вам.

— А вы мне верите?

— Да. Настолько верю, что солнце потемнело бы для меня, если бы я опять потерял вас, как однажды уже думал, что потерял.

— О, вы действительно так думаете?

Мэри Стэндиш произнесла эти слова каким-то странным, напряженным голосом. Когда Алан взглянул на ее лицо, побелевшее, как лепестки тундровых маргариток, стоявших позади нее, ему казалось, что он видит только ее глаза. Его сердце билось от сознания, что он собирался сказать, ему хотелось узнать, почему она так побледнела.

— Вы действительно это думаете? — медленно повторила Мэри Стэндиш. — После всего, что случилось, даже после того клочка письма, который Смит принес вам вчера ночью...

Алан был поражен. Каким образом обнаружила она то, что он считал тайной между ним и Смитом. В его голове возникло подозрение, отразившееся на лице.

— Нет. Не думайте, что Смит рассказал мне, — сказала она. — Я с ним и не говорила. Это простая случайность. И после этого письма вы все еще готовы верить мне?

— Я должен вам верить. Я буду несчастным человеком, если не поверю. А мне так хочется надеяться на счастье. Я старался убедить себя, что записка, подписанная Джоном Грэйхамом, — ложь.

— Не совсем так. Но она действительно не имеет никакого отношения ни к вам, ни ко мне. Это часть письма, которое Грэйхам писал Росланду. Когда я была на пароходе, Росланд прислал мне несколько книг, и в одной из них вместо закладки он по небрежности оставил это письмо. Если прочесть его целиком, то оно не содержит в себе ничего важного. Другая половина страницы лежит в носке туфли, которую вы не принесли вместе с другими вещами к Элен Мак-Кормик. Ведь женщины всегда так делают — вкладывают бумагу в носок туфли.

Алану хотелось закричать от радости. Ему хотелось замахать руками и смеяться, как смеялись Тоток, Амок Тулик и десятки других вчера ночью под звуки барабанов. Не потому, что ему было смешно, а из-за счастливого чувства ликования. Но его удержал голос Мэри Стэндиш, который звучал по-прежнему спокойно и деловито, хотя она

и видела, какое впечатление произвело на него это простое объяснение присутствия письма Грэйхама.

— Я находилась в комнате Ноадлюк, когда заметила, что «Горячка» Смит поднял с пола клочок бумаги, — продолжала она рассказывать. — За несколько минут до этого я рассматривала свою туфлю и очень жалела, что вы оставили вторую в моей каюте на пароходе. Тогда, должно быть, бумажка и выпала. Я увидела, что Смит был потрясен, прочитав ее. Потом он положил ее на стол и вышел. Я поспешила посмотреть, что это он нашел. Едва я прочла несколько слов, как услышала, что он возвращается. Я положила бумажку на прежнее место, спряталась в комнате Ноадлюк и увидела, что Смит понес показать ее вам. Не знаю, почему я допустила, чтобы это произошло. Я не раздумывала. Может быть, это была интуиция, а может быть, причина та, что... как раз... в этот час... я так ненавидела себя, что хотела, чтобы кто-нибудь содрал с меня кожу. Я думала, что находка заставит вас сделать это. И я это вполне заслужила.

— Но ведь это неправда. Письмо адресовано было Росланду.

Ее глаза не засветились радостью, когда она услышала его ответ.

— Лучше, чтобы это было правдой, а все, что правда, было бы ложью, — сказала она спокойным безнадежным голосом. — Я отдала бы жизнь, чтобы быть тем, о чем говорится в этой записке, — бесчестной шпионкой и преступницей, я предпочла бы всякую роль тому, что я представляю собой на самом деле. Вы начинаете понимать?

— Боюсь, что не особенно.

Все еще продолжая отрицать ее виновность, Алан тем не менее почувствовал, что его сердце сжалось при виде страдальческого выражения в глазах девушки, и ужас охватил его при мысли о том, чем оно могло быть вызвано.

— Я понимаю только одно: я рад видеть вас здесь. Я еще больше рад вам сейчас, чем вчера, чем сегодня утром или час тому назад.

Мэри Стэндиш опустила голову. Яркий дневной свет заиграл в ее волосах. Длинные опущенные книзу ресницы внезапно затрепетали. Она быстро перевела дыхание и опустила руки на колени.

— Вы ничего не будете иметь против, если я попрошу вас рассказать мне *вашу* историю с Джоном Грэйхамом? — тихо спросила она. — Я немного уже знаю, но мне кажется, что все будет проще, если я услышу сейчас от вас подробности.

Алан встал и посмотрел на нее, на ее волосы, в кото-

рых играли лучи солнца. Мэри не изменила своей позы и ждала, пока он заговорит. Она подняла глаза, и их выражение как бы повторило уже заданный вопрос. В Алане нарастало желание поговорить с ней так, как он никогда не говорил ни с одним человеческим существом, открыть перед ней, перед ней одной, все, что многие годы скрывалось в его душе. Она казалась ему такой прелестной! Ее милостивое лицо светилось пониманием. Он тихо рассмеялся каким-то странным сдержанным смехом и чуть было не протянул к ней руки.

— Мне кажется, что я знаю, как отец любил мою мать, но я не могу заставить вас почувствовать это, я даже не надеюсь на это. Моя мать умерла, когда я был еще ребенком, а поэтому она запечатлелась в моей памяти только как прекрасный сон. Но для моего отца моя мать *никогда* не умирала. С годами она становилась и для меня все более живой. В наших путешествиях мы говорили о ней, как будто она ожидала нас дома и должна была встретить нас, когда мы вернемся. Мой отец никогда не мог надолго оставить то место, где она была погребена. Он называл «домом» эту маленькую котловину у подножия гор, где летом шумит водопад, где птицы и цветы составляют общество усопшей. Она лежала среди дикой природы, которую она так любила. Там, около большой горы, стояла хижина, маленькая хижина, в которой я родился. В ней полно всяких изделий моей матери, и все это осталось нетронутым со дня ее смерти. Там мой отец любил смеяться и петь; у него был звучный голос, который мог докатиться до середины горы. Когда я подросток, меня порой охватывал смутный ужас — до того живой казалась отцу моя покойная мать, когда он был в этом доме. Вы, кажется, испугались, мисс Стэндиш? Вам это представляется чем-то сверхъестественным? Но это правда. Такая правда, что я часто лежал по ночам без сна и думал и страстно желал, чтобы этого не было.

— Это вы, по-моему, напрасно, — сказала девушка почти шепотом. — Я хочу надеяться, что когда я умру, кто-нибудь будет так же помнить обо мне.

— Но ведь из-за этого произошла трагедия, та самая, о которой вы просили меня рассказать, — произнес Алан, медленно разжимая и снова сжимая кулаки с такой силой, что пальцы его побелели. — Вмешались коммерческие дела. Могущество и алчность простерла свои щупальцы, уверенно подвигаясь все ближе к нашей котловине у подножия горы. Но моему отцу и не грезилось никогда то, что случилось потом. Это произошло весной того года, когда он впервые взял меня, восемнадцатилетнего юношу, с со-

бой в Штаты. Мы пробыли в отсутствии пять месяцев. И эти пять месяцев для отца были адом. День и ночь он тосковал по моей матери и по маленькому домику у подножия горы. Когда наконец мы вернулись... — Алан снова подошел к окну. Но он не видел этого солнца и тундр, он не слышал, как Тоток кричит кому-то из загона. — Когда мы вернулись, — повторил он холодным жестким голосом, — сотни палаток наводнили маленький рай моего отца. Домик исчез. От водопада был прорыт канал, который проходил как раз по тому месту, где была могила матери. Они осквернили ее так же, как разрушили десять тысяч могил индейцев. Кости матери были раскиданы по песку и грязи. С той минуты, когда отец увидел эту картину, для него уже никогда больше не светило солнце в небе. Его сердце умерло, хотя он и жил еще... некоторое время.

Мэри Стэндиш закрыла лицо руками. Ее хрупкие плечи дрожали. Когда Алан снова подошел к ней и Мэри взглянула на него, он увидел, что она смертельно бледна.

— И человек, совершивший это преступление, был Джон Грэйхам, — закончила она вместо него каким-то странным, словно окаменевшим голосом.

— Да, Джон Грэйхам. Он прибыл туда в качестве представителя от крупных предприятий в Штатах. Надсмотрщики за работами возражали против нанесения такой обиды местному населению. Многие открыто протестовали. Некоторые из тех, что знали моего отца, бросили работу, не желая принимать участия в разрытии тысяч могил, когда в этом не было почти никакой надобности. Но за Грэйхамом стояла сила закона, сила купчей. Рабочие рассказывали потом, что он смеялся при этом. Ему казалось забавной шуткой, что домик и кладбище могут служить препятствием на его пути. И он смеялся, когда отец и я пришли к нему. Да, смеялся своим беззвучным мерзким смехом. Так смеяться, кажется мне, могла бы только змея. Мы нашли его в окружении рабочих. Вы не можете себе представить, как я возненавидел его! Он выглядел наглым и самоуверенным, когда стоял перед нами, развязно играя цепочкой от своих часов. Он посмотрел на моего отца таким взглядом, словно он хотел сказать ему, каким дураком нужно быть, чтобы думать, что ничего не стоящая могила может помешать его работе. Я хотел убить его, но отец спокойно и твердо положил руку на мое плечо и сказал: «Это мой долг, Алан, мой долг».

Потом это случилось. Отец был старше, значительно старше Грэйхама, но гнев придал ему такую силу в эту минуту, какой я никогда не видел в нем раньше. Он убил бы этого проходимца голыми руками, если бы я не разжал их

тисков. Перед всеми своими рабочими Грэйхам, превратившийся в беспомощную тушу, лежал полузадушенный на земле. Он принялся проклинать моего отца и меня. Он ревел, что всю жизнь будет преследовать нас, пока мы не заплатим тысячекратно за это оскорбление. Тогда мой отец схватил его, как крысу, потащил в кусты, сорвал с него одежду и так отхлестал его кнутом, что у него самого руки ослабели. Джон Грэйхам потерял сознание и лежал, как огромная туша сырого мяса. Покончив с этим, отец увел меня в горы.

Пока Алан рассказывал эту жуткую повесть, Мэри Стэндиш не спускала с него глаз. Ее руки сжались; глаза и лицо горели, как будто она хотела броситься на кого-то с кулаками.

— А потом, Алан, потом...

Она не заметила даже, что назвала его просто по имени. Алан хотя и услышал, но не обратил на это внимания.

— Джон Грэйхам сдержал свою клятву, — мрачно продолжал он. — Влияние и деньги — все стояло за ним, и он стал преследовать нас, куда бы мы ни пошли. Мосму отцу, в общем, везло всегда. Но теперь одно дело за другим, в которое отец помещал свои деньги, приходило в упадок. Богатые прииски, в которых он был особенно заинтересован, дошли до такого состояния, что их пришлось забросить. Одна фирма в Досоне, совладельцем которой был отец, обанкротилась. Все это следовало одно за другим. И после каждой катастрофы отец получал вежливые, соболезнующие письма от Джона Грэйхама, написанные в таких выражениях, как будто они действительно исходили от друга. Но моего отца перестали тревожить денежные неудачи. Его сердце высохло, жизнь покинула его вместе с исчезновением маленького домика и могилы у подножия горы. Так продолжалось три года. А потом... однажды утром... моего отца нашли мертвым на берегу реки в Номе...

— Мертвым?

Алан слышал тяжелый вздох, вырвавшийся из груди Мэри Стэндиш вместе с этим словом. Он стоял лицом к окну и упорно старался не глядеть в ее сторону.

— Да, вернее, убитым. Я убежден, что это дело рук Джона Грэйхама. Он не сам, конечно, убил моего отца, но его деньги завершили за него это подлое дело. Ничего, конечно, нельзя было сделать. Я не хочу вам рассказывать, как его влияние и могущество преследовали меня; как он уничтожил мое первое стадо оленей; как он наполнял газеты издевательством и ложью по моему адресу, когда я прошлой зимой отправился в Штаты, чтобы заставить ваш народ понять хоть каплю правды об Аляске.

Я жду. Я знаю, наступит день, когда Джон Грэйхам будет в моих руках, как двадцать лет тому назад около нашей горы он был в руках моего отца. Ему теперь должно быть пятьдесят лет. Но это не спасет его, когда наступит эта минута. Никто не разожмет моих рук, как я разжал руки отца. Вся Аляска будет радоваться. Его могущество и его деньги превратились в двух чудовищ, которые разрушают Аляску, как они разрушили жизнь моего отца. Если Грэйхам не умрет и его денежное могущество не исчезнет, то он превратит эту великую страну в ничто, в скорлупу, из которой он и ему подобные извлекли все ядро. Смертельная опасность нависла над нами именно теперь.

Алан взглянул на Мэри Стэндиш. Казалось, что она не дышит. Ее лицо было покрыто такой бледностью, что Алан испугался. Она медленно подняла глаза на него. Никогда он не видел в глазах одного человека столько муки и ужаса. Когда она заговорила, Алан удивился спокойствию, почти мертвенной холодности ее голоса.

— Теперь, я думаю, вы сможете понять, почему я бросилась в море, почему я хотела, чтобы мир думал, что я умерла, и почему я боялась сказать вам правду... Я — жена Джона Грэйхама.

ГЛАВА XIX

Чудовищная бессмысленность, почти физическая невозможность неравного брака, о котором говорила Мэри Стэндиш, — вот первое, что промелькнуло в голове Алана. Он смотрел на нее, молодую и прекрасную женщину, лицо и глаза которой с первого же взгляда заставили его почувствовать всю прелесть и сладость жизни, а позади нее выростала темная громада Джона Грэйхама, — безжалостного, железного человека, не обладавшего ни совестью, ни душой, грубого от сознания своего могущества, жестокого, несправедливого и годившегося по возрасту ей в отцы.

Легкая усмешка скривила его губы, но он не сознавал, что улыбается. Он взял себя в руки, стараясь не обнаружить, каких усилий это ему стоило. Он пытался найти слова, которые смогли бы прогнать агонию из ее глаз, полных страдания.

— Это слишком невероятно, что быть правдой, — сказал он.

Алану казалось, что с его губ слетают бездушные слова, что эти слова бесполезны и ничтожны по сравнению с тем, что нужно было сказать или сделать.

Мэри Стэндиш кивнула головой.

— Да, это так. Люди смотрят иначе на такие вещи — они часто случаются.

Она протянула руку за книгой, лежавшей на столе среди груды белых цветов тундры; эта книга, взятая из книжного шкафа Алана, описывала ранний период жизни пионеров на Аляске. Книга имела чисто статистический интерес, ибо она сухо, хотя и добросовестно, излагала факты, и Мэри ею увлеклась. Алана поразило это новое доказательство ее стремления к знанию, ее страстного желания добиться успеха в новой жизни, несмотря на трагизм своего положения.

Он все еще не мог допустить, чтобы она имела что-либо общее с Джоном Грэйхамом. Но его лицо было бледно и холодно.

Мэри Стэндиш открыла книгу и дрожащими руками вынула из нее вырезку из какой-то газеты. Молча она развернула ее и передала Алану.

Над двумя печатным столбцами красовался портрет молодой красивой девушки. Над ее плечом, занимая немного места, был помещен портрет мужчины лет пятидесяти. Алан никого из них не знал. Он прочел заголовки, написанные крупным шрифтом. Статья была озаглавлена: «Любовь в сто миллионов долларов», и рядом со словом «любовь» был изображен доллар. «Молодость и старость», «Красота и деловитость», «Два крупных богатства объединены в одно» Алан уловил смысл и взглянул на Мэри Стэндиш. Он никак не мог заставить себя думать о ней, как о Мэри Грэйхам.

— Я вырвала это в Кордове из газеты, — сказала она. — Эта статья не имеет никакого отношения ко мне. Девушка живет в Техасе. Но разве вы не замечаете чего-то в ее глазах? Разве вы не видите этого — даже на портрете? Она в подвенечном наряде. Но когда я увидела это лицо, то мне показалось, что глаза выражают муку, отчаяние и безнадежность и что она храбро пытается скрыть свои чувства от всего мира. Вот вам как раз доказательство — одно из тысяч, — что такие невероятные вещи случаются.

Алана стало охватывать мрачное тупое спокойствие, бывшее хладнокровие, его неизменный спутник перед лицом неизбежного. Он сел и, наклонив голову, взял маленькую гибкую руку Мэри Стэндиш, лежавшую на ее коленях. Рука была холодная и безжизненная. Он стал ласково гладить эту руку своими загорелыми сильными руками, пристально глядя на нее отсутствующим взглядом. В течение некоторого времени ничто не нарушало тишину, кроме тиканья часов Киок. Потом он отпустил руку, и она снова

безжизненно упала на колени девушки. Мэри Стэндиш внимательно смотрела на седую прядь в его волосах. Огонек, которого Алан не заметил, загорелся в ее глазах; губы слегка задрожали, голова едва заметно склонилась в его сторону.

— Я очень скорблю, что не знал этого раньше, — сказал он. — Я теперь понимаю, что вы должны были испытать там, в роще.

— Нет, вы не понимаете, *вы не понимаете!* — крикнула Мэри Стэндиш.

Казалось, что трепет и сила жизни снова вернулись к ней, словно его слова, как огнем, коснулись какой-то тайны и сняли оковы, наложенные глубокой безнадежностью. Алан изумился тому, как быстро краска прилила к ее лицу.

— Вы не понимаете. Но я решила, что вы должны понять. Я лучше умру, чем позволю вам уйти с теми мыслями, которые у вас сейчас в голове. Вы будете презирать меня. Но я предпочитаю, чтобы вы ненавидели меня за правду, чем за тот ужас, которому вы должны будете верить, если я буду молчать. — Она выдавила из себя улыбку. — Знаете, женщины вроде Белинды Мелруни были хороши в свое свое время, но к теперешней жизни они не подходят. Не правда ли? Если женщина делает ошибку и пытается исправить ее, прибегнув к борьбе, как могла бы сделать Белинда Мелруни в те дни, когда Аляска была молода...

Вместо того, чтобы кончить, она сделала жест отчаяния. Потом она продолжала, чуть смущенная его молчанием.

— Я совершила большую глупость. Я сейчас ясно сознаю, как я должна была поступить. Когда вы услышите мой рассказ, вы скажете, что и теперь не поздно... Ваше лицо — камень.

— Это потому, что ваша трагедия есть и моя трагедия.

Она отвела взгляд, и ее лицо залилось яркой, лихорадочной краской.

— Я родилась богатой, невероятно, чудовищно богатой, — начала она тихим взволнованным голосом, как бы приступая к исповеди. — Я не помню ни отца, ни матери. Я жила всегда с дедушкой Стэндишем и дядей Питером Стэндишем. До тринадцати лет со мной был дядя Питер, брат дедушки. Я обожала дядю. Он был инвалид и с ранней юности не расставался с передвижным креслом. Ему было около семидесяти пяти лет, когда он умер. В детстве это кресло и мое катание в нем вместе с дядей по большому дому, в котором мы жили, доставляли мне много удовольствия. Дядя заменил мне отца и мать, одним словом, все, что только есть хорошего и светлого в жизни. Дядя

Питер все время рассказывал мне старые истории и легенды рода Стэндишей. И он всегда был счастлив — всегда счастлив и доволен, он видел только светлые стороны жизни, хотя почти шестьдесят лет прошло с тех пор, как он лишился ног. Когда дядя Питер умер, мне было тринадцать лет. Это случилось за пять дней до дня моего рождения. Я думаю, что он был для меня тем, чем был ваш отец для вас.

Алан кивнул головой. Теперь его лицо не было уже таким каменным. Казалось, образ Джона Грэйхама потускнел.

— Я осталась одна с дедушкой Стэндишем, — продолжала она. — Он любил меня не так, как дядя Питер, и вряд ли я любила его. Но я гордилась им. Мне казалось, что весь мир должен стоять в благоговении перед ним, как стояла я. Когда я подросла, я узнала, что весь мир *боится* его — банкиры, высшие чиновники, даже крупнейшие финансисты. Боялись его и его союзников — Грэйхамов; боялись Шарплея, лучшего юриста, по словам дяди Питера, во всей Америке, который всегда вел дела Стэндишей и Грэйхамов. Дедушке было шестьдесят восемь лет, когда умер дядя Питер. В это время Джон Грэйхам распоряжался фактически объединенным состоянием обоих семейств. Иногда, как я теперь вспоминаю, дядя Питер приходил на маленького ребенка. Я помню, он пытался дать мне понять размеры богатства дедушки: если взять, говорил он, по два доллара с каждого жителя Соединенных Штатов, то как раз получится сумма, равная той, которой обладали дедушка и Грэйхамы, а из всего этого богатства три четверти принадлежат дедушке Стэндишу. Я вспоминаю, что тень смущения появлялась на лице дяди Питера в тех случаях, когда я спрашивала его, как и на что эти деньги употребляются. Он никогда не давал мне удовлетворительного ответа, а я никогда не понимала. Я не знала, почему люди боятся моего дедушки и Джона Грэйхама. Я не знала, каким чудовищным могуществом обладают деньги дедушки. Я не знала, — ее голос упал до прерывистого шепота, — я не знала, как они употребляются, например, в Аляске. Не знала, что ими пользовались для того, чтобы обрекать других людей на голод, гибель и смерть. Не думаю, чтобы *это* было известно даже дяде Питеру.

Она взглянула прямо в лицо Алану. Ее серые глаза зажглись тихим огнем.

— Оказалось, что еще раньше, чем умер дядя Питер, я играла крупную роль во всех их планах. Я не могла подозревать, что Джон Грэйхам лелеет мысль о маленькой тринадцатилетней девочке! Я не догадывалась, что дедуш-

ка Стэндиш, такой прямой, такой величественный со своими седыми волосами и бородой, такой могущественный, уже тогда предполагал отдать меня ему с тем расчетом, чтобы колоссальное объединенное богатство продолжало увеличиваться и впредь, чтобы дело его жизни не погибло. Для приведения в исполнение своего плана, опасаясь неудачи, они пустили в ход Шарплея. Так как Шарплей обладал добрым симпатичным лицом и был ласков со мной, как дядя Питер, я любила его и доверяла ему, не подозревая, что под его сединами скрывается ум, который не уступает по хитрости и беспощадности уму самого Джона Грэйхама. И он хорошо исполнил свою работу, Алан.

Второй раз она тихо и без тени смущения назвала его по имени. Она нервным движением пальцев завязывала и развязывала уголки маленького носового платка, лежавшего на ее коленях. После паузы в несколько секунд, во время которой тиканье часов Киок казалось напряженным и громким, она продолжала:

— Когда мне минуло семнадцать лет, умер дедушка Стэндиш. Мне бы хотелось, чтобы вы поняли все последовавшее за этим без моего рассказа: как я привязалась к Шарплею, как бы заменившему мне отца, как я доверилась ему, как умно и ловко он внедрил в меня мысль, что это будет правильно и справедливо, что моя величайшая обязанность в жизни исполнить волю покойного дедушки и выйти замуж за Джона Грэйхама. Иначе, говорил он, если этот брак не будет заключен до того, как я достигну двадцатидвухлетнего возраста, роду Стэндишей не достанется ни одного доллара из всего огромного состояния. Шарплей был достаточно умен, чтобы понять, что одних денежных соображений мало, и он показал мне письмо, написанное, по его словам, дядей Питером. Я должна была его прочесть, когда мне исполнится семнадцать лет. В этом письме дядя Питер уговаривал меня подняться до высоты рода Стэндишей и этим браком соединить два огромных состояния — об этом, мол, он и дедушка Стэндиш всегда мечтали. Мне и не снилось, что письмо было подложное. В конце концов они добились своего — я согласилась.

Она сидела, опустив голову, и комкала в руках кусочек батиста.

— Вы меня презираете? — спросила она.

— Нет, — ответил Алан бесстрастным голосом. — Я люблю вас.

Она сделала попытку спокойно и смело взглянуть на него. Его лицо опять окаменело, а в глазах таился мрачный огонь.

— Я согласилась, — быстро повторила она, как бы со-

жалая о заданном вопросе. — Но это должно было быть сделкой, холодной, расчетливой сделкой. Джона Грэйхама я не любила. И все же я решила выйти за него замуж. В глазах закона я буду его женой, равно как и для всего мира, но не больше. Они согласились, а я в своем неведении им поверила. — Я не видела западни. Я не видела торжества в глазах Джона Грэйхама. Никакая сила в мире не могла заставить меня думать, что он хотел обладать только мною; что он был настолько гнусен, чтобы желать меня, хотя я и не любила его; что он был огромным чудовищным пауком, а я — мухой, запутавшейся в его паутине. И самое ужасное во всем этом было то, что все время со смерти дяди Питера мною владели странные, прекрасные мечты. Я жила в мире, мной самой созданном, и я читала, читала и читала. Во мне все сильнее и сильнее укреплялась мысль, что когда-то я жила другой жизнью, что я принадлежала прошлому, когда мир был чист и в нем жила любовь; что существуют огромные страны, где еще не знают ни денег, ни их силы, где над всем возвышается романтика и слава человечества. Я жаждала всего этого. Однако благодаря чужому влиянию и плохо понятому чувству гордости и чести Стэндишей я сковала себя цепью с Джоном Грэйхамом.

Последние месяцы пред тем, как мне исполнилось двадцать два года, я лучше узнала человека, которого никогда раньше не знала. До меня доходили смутные слухи; я начала понимать причину ненависти, которую он внушал к себе. Но окончательно поняла я только здесь, на Аляске. Я почти успела понять к самому концу, что он — чудовище. Но о моем замужестве уже было объявлено. Лицемерный Шарплей, которого я считала отцом, толкал меня на этот шаг. Джон Грэйхам обращался со мной так вежливо и холодно, что я не подозревала его мерзкого замысла. Я заключила сделку. Я вышла за него замуж.

Она внезапно с облегчением вздохнула, как будто пытка уже миновала и она излила то, что казалось страшнее всего. Но увидев, что выражение лица Алана несколько не изменилось, она, почти рыдая, вскочила на ноги и теперь стояла, опираясь на стол, усыпанный цветами. Алан тоже встал и смотрел ей в лицо. Дрожащим голосом она пыталась продолжать.

— Не нужно, — прервал ее Алан таким тихим и жестким голосом, что она почувствовала страх. — Вы не должны продолжать. Я посчитаюсь с Джоном Грэйхамом, если только судьба даст мне эту возможность!

— Вы хотите заставить меня остановиться *теперь!* Раньше, чем я рассказала вам о том маленьком торжестве,

которым я имею право гордиться? — возмутилась она. — О! Вы можете быть уверены, что я сознаю безумие и порочность всей этой сделки, но я клянусь, что не сознавала этого до тех пор, пока не стало уже поздно. Для вас, Алан, чистого, как те величественные горы и долины, что составляют часть вас самого, для вас, я знаю, должно казаться невозможным, что я вышла замуж за человека, которого сначала боялась, потом презирала, а затем ненавидела смертельной ненавистью; что я принесла себя в жертву, считая это своим долгом; что я была настолько слаба, настолько неопытна, что я давала себя лепить людям, которым я верила. Все же, повторяю вам, никогда я не подозревала, что приношу себя в жертву; никогда, хотя вы и назовете меня слепой, не видела я даже намека на ту отвратительную опасность, которой я добровольно подверглась. Нет, даже за час до свадьбы я не подозревала этого. Все это рассматривалось как чисто финансовая сделка, обо всем мы рассуждали с деловой точки зрения — и я не испытывала никакого страха, разве только душевную боль, которая всегда появляется, когда отказываешься от своей мечты. Ни о чем я не догадывалась до того момента, когда были произнесены последние слова, сделавшие нас мужем и женою — и я увидела в глазах Джона Грэйхама что-то такое, чего раньше никогда не видела. А Шарплей...

Она судорожно прижала руки к груди. Ее глаза метали искры.

— Я ушла к себе в комнату. Я не заперла двери, потому что в этом никогда не было необходимости. Я не плакала. Нет, я не плакала. Но что-то странное, я чувствовала, случилось со мной, и слезы могли бы успокоить меня. Мне казалось, что в моей комнате много стен, что они появляются, исчезают и плавают передо мною. Я чувствовала слабость и легла на кровать. Вдруг я увидела, как открылась дверь. В комнату вошел Джон Грэйхам. Он закрыл за собой дверь и запер ее на ключ. В моей комнате! Он вошел в *мою* комнату! Неожиданность, ужас и отвращение вывели меня из оцепенения. Я вскочила и смотрела на него. Он стоял совсем близко от меня. Выражение его лица наконец заставило меня понять правду, которой я даже не подозревала. Его руки протянулись вперед...

«Вы моя жена», — сказал он. О! Тогда я все поняла! «*Вы моя жена*», — повторил он. Я хотела кричать, но не могла. А потом, потом он схватил меня. Я почувствовала, как его руки обвились вокруг меня, подобно кольцам огромной гадюки. Яд его губ был на моем лице. Я думала, что погибла, что никакая сила не может спасти меня в этот час от человека, вошедшего в мою комнату, от человека,

который был моим мужем. Мне кажется, что только воспоминание о дяде Питере помогло мне найти выход. Я начала хохотать, я почти что стала ласкать его. Перемена во мне поразила его и смутила; он отпустил меня, когда я сказала, что в эти первые часы замужества мне хочется быть одной, что он должен прийти ко мне вечером, и я буду ждать его. Я улыбалась, когда говорила это, улыбалась, меж тем как готова была убить его. Он ушел — это огромное, жадное, торжествующее животное, — поверив, что ему удастся получить добровольно то, что он думал взять силой. Я осталась одна.

Я думала только об одном — бежать! Я поняла правду. Она захватила меня, переполнила меня, жгла мой мозг. Все то, чем я питала свою душу при жизни дяди Питера, вернулось ко мне. Это был не его мир, он никогда не был и моим. Это был мир чудовищ. Я не хотела в нем оставаться, видеть тех, кого знала. И в то время, как такие мысли и желания овладели мной, я в безумной лихорадке упаковывала свой саквояж. Казалось, образ дяди Питера подгонял меня и твердил, что нельзя терять ни минуты, что человек, который оставил меня сейчас, хитер и может догадаться о намерениях, скрывавшихся за моими улыбками и нежностями.

Я убежала с черного хода. Проходя по дому, я услышала в библиотеке тихий смех Шарплея; это был особенный смех, и вместе с ним я услышала голос Джона Грэйхама. Я думала только о море. Уехать куда-нибудь морем! Автомобиль довез меня до банка; я взяла там деньги и отправилась к пристани, стремясь попасть на пароход — какой угодно пароход. Я подошла к большому судну, отправлявшемуся на Аляску... А что случилось дальше, вы сами знаете, Алан Холт.

Девушка вскрикнула, закрыла лицо руками, но только на одно мгновение. Когда она опять посмотрела на Алана, в ее глазах были не слезы: они светились мягким блеском гордости и торжества.

— Я не запятнана Джоном Грэйхамом! — воскликнула она. — *Не запятнана!*

Алан стоял, сжимая кулаки. Он, а не девушка, чувствовал желание опустить голову, чтобы не видно было слез. А ее глаза были ясны, светлы и блестели, как звезды.

— Теперь вы меня будете презирать?

— Я люблю вас, — повторил он, не делая ни одного движения, чтобы приблизиться к ней.

— Я рада, — прошептала она. Она не смотрела на него, а устремила взор в окно, на освещенную солнцем долину.

— И Росланд был на «Номе» и, увидев вас, дал знать Грэйхаму? — сказал он, с большим трудом сдерживая желание подойти к ней.

Она утвердительно кивнула.

— Да. И поэтому я пришла к вам и, потерпев неудачу, бросилась в море. Я хотела заставить их думать, что умерла.

— Росланд был кем-то ранен.

— Да. И странным образом. Я слышала об этом в Кордове. Люди вроде Росланда часто кончают неожиданным образом.

Алан подошел к двери и открыл ее. Он глядел на гряды голубых холмов и на белые вершины гор, тянувшихся вдаль. Несколько секунд спустя Мэри Стэндиш подошла и встала рядом с ним.

— Я понимаю вас, — тихо сказала она, нежно взяв его за руку. — Вы пытаетесь найти какой-нибудь выход и видите только один. Я должна отказаться от свободы и вернуться назад к тем людям, которых я ненавижу. Я тоже не вижу другого выхода. Я пришла к вам под влиянием внезапного побуждения. Я должна вернуться и выбросить из головы свои безумные мечты. Но мне больно это делать. Я предпочла бы умереть.

— А я... — начал было Алан, но сейчас же спохватился и указал на отдаленные холмы и горы. — Там мои стада. Я отправлюсь к ним и буду в отсутствии неделю или больше. Обещайте мне быть здесь, когда я вернусь.

— Да, если вы этого хотите.

— Я хочу.

Она была так близко от него, что он мог коснуться губами ее блестящих волос.

— А когда вы вернетесь, я должна буду уйти. Это будет единственный выход.

— Я тоже так думаю.

— Это будет тяжело. Возможно, в конце концов, что я трусиха. Но снова очутиться там одной...

— Вы не будете одна, — спокойно сказал Алан, продолжая смотреть на отдаленные холмы. — Если вы уйдете, я уйду с вами.

Казалось у нее на мгновение перехватило дыхание. Потом она бросилась прочь от него и остановилась в полуоткрытых дверях комнаты Ноадлюк. В ее глазах светилось счастье; то счастье, о котором он мечтал, идя рука об руку с ней по тундре, в те дни печали и полубезумия, когда он думал, что она умерла.

— Я рада, что была в хижине Элен Мак-Кормик в тот день, когда вы пришли туда, — сказала она. — Я благословляю безумие и мужество, которые привели меня к

вам. Теперь я не боюсь ничего на свете... потому что... я люблю вас, Алан!

Дверь в комнату Ноадлюк закрылась за ней. Алан, шатаясь, вышел на солнце. Его сердце неистово билось, а в голове шумело. Все вокруг него завертелось. На одно мгновение он перестал сознавать окружающее.

ГЛАВА XX

Мир был затоплен солнцем; огромная тундра отливала золотом; холмы и горы напоминали сказочные замки.

Алан Холт в сопровождении Тотока и Амок Тулика отправлялся в путь, расставшись у ворот загона с Киок, Ноадлюк и Смитом. Последний был несколько огорчен тем, что ему пришлось остаться для охраны ранчо.

Великое решение созрело в сердце прозорливого маленького человека; он чувствовал трепет, почти содрогание от близости величайшей драмы, какой ему раньше никогда не приходилось встречать. Когда по прошествии нескольких минут Алан оглянулся, он увидел только Киок и Ноадлюк. «Горячка» исчез.

Холмы, находившиеся за лощиной, из которой вышла Мэри Стэндиш с охапкой цветов, вскоре скрыли от его глаз дом Соквэнны. Впереди простирался прямой путь в горы. По нему двигались Алан, Тоток и Амок Тулик, а за ними караван из семи вьючных оленей с запасами пищи для пастухов.

Алан почти не разговаривал со своими спутниками. Он знал, что его решение отправиться в горы возникло не под влиянием минутного настроения. Им руководило сознание необходимости такого поступка. Его мозг и сердце были охвачены опьяняющим безумием. Каждый шаг вперед стоил невероятного напряжения воли. Ему хотелось вернуться, что-то побуждало поддаться слабости и забыть, что Мэри Стэндиш — чужая жена. Он чуть не отдался во власть себялюбия и страсти в тот момент, когда она, стоя в дверях комнаты Ноадлюк, сказала, что любит его. Железная воля помогла ему уйти из комнаты и она же заставляла теперь продвигаться к горам. А в голосе звучали слова, объявшие пламенем все его существо.

Алан знал, что случившееся утром было не только чем-то важным и существенным в жизни каждого человека. Для него это был настоящий переворот. Быть может, даже сама девушка никогда не будет в состоянии полностью понять, что случившееся означало для него. Он нуждался в одиночестве, чтобы набраться сил и душевного покоя, не-

обходимого для разрешения стоявшей впереди задачи. Такая неожиданная путаница в положении временно потрясла до самой глубины стоическое хладнокровие, которое воспитали в нем горы. Счастье Алана граничило с безумием. Мечта превратилась в действительность. Снова повторилась былая идиллия его отца и матери; там, позади, в доме за холмами, такая же любовь взывала к нему. Алан боялся вернуться. При этой мысли он громко рассмеялся — от счастья, от бурного восторга. Шагая по тропинке, он изливал свою радость, тихо твердя одни и те же слова. Он говорил, что Мэри Стэндиш принадлежит ему, что до конца дней своих он не отпустит ее, что он готов сражаться за нее. А тем временем он так быстро подвигался вперед, что Тоток и Амок Тулик с оленями остались далеко позади, а вскоре их отделяло от него большое пространство волнистой тундры.

С упорной настойчивостью Алан старался сдерживать себя; но наконец он не смог больше сопротивляться мысли о том, что его поступок справедлив — справедлив по отношению к Мэри Стэндиш. Даже теперь он не думал о ней как о Мэри Грэйхам. Но она была женой Грэйхама. Если бы он подошел к ней в момент ее признания, когда она стояла в дверях комнаты Ноадлюк, если бы он не оправдал ее веры (а из-за этой веры в него она положила весь мир к его ногам), он был бы не лучше самого Джона Грэйхама. При воспоминании о том, какого труда ему стоило сдержать первое бешеное желание позвать ее из комнаты Ноадлюк, чтобы снова заключить ее в свои объятия, как он это сделал в роще, лицо Алана залилось ярким румянцем. Что-то более могущественное, чем боровшийся в нем рассудок, заставило его выбежать из дома. То была Мэри Стэндиш — ее смелость, ее вера и любовь, светившиеся в глазах девушки, ее мнение о нем. Она не побоялась сказать, что любит его, потому что знала, как он будет реагировать.

Когда настал вечер, Алан остановился в ожидании Тотока и Амок Тулика на краю трясины, вокруг которой густо росли ивы и расстилалось море осоки, доходившей почти до колен. Пот градом лил с пастухов. Дальнейший путь Алан продолжал вместе с ними, пока они не добрались до первых уступов Эндикоттских гор. Солнце стояло над самым горизонтом. Здесь они отдохнули и, дождавшись прохлады позднего вечера, когда на землю спускались золотистые сумерки, двинулись дальше к горам.

Летняя жара и комары — крылатые бичи низменных пастбищ — заставили оленей подняться на более прохладные плоскогорья и в долины. Здесь они разбились на не-

большие группы, медленно расстилавшиеся по плато, переходя с место на место по покрытым травой склонам холмов и гор. В общем, десять тысяч голов Алана были разделены на три стада. Два больших двигались к западу, третье — в тысячу голов — направилось к северу-востоку. Первые два дня Алан оставался с ближайшим стадом. На третий день он вместе с Тотоком и двумя вьючными оленями прошел горное ущелье и добрался до пастухов второго, более многочисленного стада. Им начало овладевать странное нежелание торопиться; это чувство росло по мере того, как с каждой милей и с каждым часом пути его все сильнее охватывала одна и та же мысль. Огромное количество переживаний было заглушено убеждением, что Мэри Стэндиш должна будет покинуть ранчо, когда он вернется. В Алане жило суровое понятие о чести, особенно сильно проявляющееся тогда, когда дело касалось женщины. Хотя он и не считал, что любимая им женщина связана какими-либо узами с Джоном Грэйхамом, будь то правом или справедливостью, он знал, что она должна будет оставить его ранчо. Остаться у Алана — это было совершенно немислимо. Он отправится с ней до Танана и проводит ее до Штатов. Дело будет улажено мирным путем, и они вместе вернутся назад.

Но против этого решения боролось что-то такое в его душе, что его воля пыталась подавить, но все же не могла окончательно сделать. Вот это «что-то» с непреодолимой настойчивостью убеждало его не выпускать из рук счастливого дара судьбы; оно твердило ему, что при первом удобном случае он должен покончить с Джоном Грейхамом, покончить тем самым способом, о котором он так безумно мечтал в редкие мгновения, когда огонь искушения сжигал его.

На четвертую ночь Алан спросил Тотока:

— Что бы ты сделал, если бы Киок вышла замуж за другого?

Тоток не сразу посмотрел на него. В глазах надсмотрщика за стадом засветился дикий немой вопрос, как будто в его медленно работавший мозг внезапно проникло подозрение, никогда раньше не закрадывавшееся туда. Алан успокаивающим жестом положил руку ему на плечо.

— Я не хотел этим сказать, что она собирается за кого-нибудь выйти замуж, Тоток, — смеясь, сказал он. — Она любит тебя. Я знаю это. Только ты такой глупый, такой медлительный, такой нерешительный в любви, что она наказывает тебя пока что — до того как выйдет за тебя замуж. Но если бы она вышла за кого-нибудь другого, что бы ты сделал?

— За моего брата?

— Нет.

— За родственника?

— Нет.

— За друга?

— Нет. За чужого. За кого-нибудь, кто, скажем, когда-то обидел тебя, за человека, которого Киок ненавидит, кто обманом заставил ее выйти за него.

— Я убил бы его, — невозмутимым тоном сказал Ток.

В эту ночь искушение еще сильнее овладело Аланом. Он спрашивал себя: зачем Мэри Стэндиш возвращаться в Штаты? Она готова была отказаться от всего, лишь бы избежать ужаса, ожидавшего ее там. Она готова была отказаться от богатства и друзей. Она пренебрегала всеми условиями, отдала жизнь во власть случая и, наконец, пришла к нему. Почему ему не удержать ее? Джон Грэйхам и весь мир думают, что она умерла. А здесь — он хозяин. Если когда-нибудь Грэйхам появится на его пути, он покончит дело тем способом, который рекомендовал ему Ток.

Позже, когда Ток спал, когда мир наполнился мягким сиянием, а долины внизу облачились в туман сумерек, из которого слабо доносились до ушей приятные хрустящие звуки копыт мирно пасущихся оленей, в душе Алана наступила реакция, которая, он знал, должна была наступить раньше или позже.

На утро пятого дня он один отправился к стаду, которое направилось на восток, и на следующий день нагнал Татпана и его пастухов. Татпан, так же как и приемные дочери Соквэнны, Киок и Ноадлюк, имел в своих жилах частицу белой крови. Когда Алан догнал его на краю долины, в которой паслись олени, Татпан лежал на утесе и наигрывал на свирели «Янки-дудль». Татпан сообщил ему, что час или два тому назад сюда явился какой-то запыхавшийся незнакомец, который разыскивал его, Алана; этот человек сейчас спит богатырским сном и велел разбудить его через два часа и ни минутой позже.

Алан вместе с пастухом пошли взглянуть на него. Это был маленький краснолицый человек с рыжими волосами. Он лежал, погруженный в глубокий сон, свернувшись клубочком вдвое, и сильно напоминал наружностью мальчика. Татпан посмотрел на свои большие серебряные часы и стал рассказывать о том, как незнакомец пришел, шатаясь от усталости и едва волоча ноги; узнав, что Алан находится сейчас с другим стадом, он свалился на том месте, где сейчас лежит.

— Он, видимо, пришел издалека, — закончил Татпан. — И он быстро ходил.

Этот человек показался Алану знакомым. Но он все же не мог вспомнить, где он его видел. Рядом с человеком, спавшим на траве, лежал револьвер. Даже во сне он держался за его рукоятку, что свидетельствовало об опыте и предусмотрительности. Незнакомец обладал резко очерченным подбородком.

— Если он так торопился видеть меня, то можешь его разбудить, — сказал Алан.

Он отошел немного в сторону и стал на колени, чтобы напиться из маленького ручейка, стекавшего со снежных вершин. Он слышал, как Татпан будил незнакомца. Когда Алан, утолив жажду, повернулся, маленький рыжеволосый человек стоял уже на ногах. Алан пристально посмотрел на него. Маленький человек усмехнулся. Его красные щеки побагровели, голубые глаза замигали. Стараясь скрыть свое смущение, он внезапно схватил револьвер, что заставило Алана вскрикнуть от изумления; только одному человеку в мире мог принадлежать этот жест. Слабая усмешка заиграла на лице Алана, а глаза Татпана внезапно расширились.

— «Горячка»! — воскликнул Алан.

Смит потирал рукой свой гладкий подбородок и кивал головой, словно извиняясь.

— Это я, — согласился он. — Я вынужден был так поступить. Приходилось отказываться от одного из двух — от моих усов или от *нее*. Я с большим трудом расстался с ними. Я бросил кости — и выиграла усы. Я загадал на картах — опять усы выиграла. Я заложил банк — и усы опять выиграла. Тогда я взбесился — и сбрил их... Я очень скверно выгляжу, Алан?

— Вы выглядите на двадцать лет моложе! — объявил Алан, с трудом сдерживая смех при виде серьезного выражения на лице товарища.

«Горячка» задумчиво поглаживал подбородок.

— Так какого же дьявола они смеялись, — сказал он. — Мэри Стэндиш не смеялась. Она плакала. Стояла и плакала. Потом села и все плакала. Она находила, вероятно, что я дьявольски смешон. Киок хохотала до того, что у нее бока заболели, и ей пришлось лечь в постель. Этот дьяволенок Киок называет меня теперь «Мальчик с пальчик». Мисс Стэндиш сказала, что она смеется не потому, что у меня забавный вид, а потому что перемена во мне произошла слишком внезапно, и она не может удержаться. Ноадлюк говорит, что у меня подбородок человека с твердым характером...

Алан схватил его за руку. Лицо «Горячки» быстро изменилось. Стальной блеск загорелся в его голубых глазах, подбородок выступил более резко. Под детской внешностью вдруг появился «Горячка» Смит былых дней. Алан вновь почувствовал восхищение и уважение к этому человеку, руку которого он держал. Наконец-то Смит снова стал тем человеком, имя которого в былые времена было окружено ореолом славы, и его холодное расчетливое мужество, бесстрашие перед лицом смерти и искусство в обращении с оружием внесли в историю Аляски незабываемые страницы.

Вместо желания расхохотаться, Алан почувствовал трепет и восторг, которые испытывали люди прежних дней, видевшие в «Горячке» Смите героя. Прежний Смит снова вернулся к жизни. Алан знал, почему это случилось. Он крепче пожал ему руку, и тот ответил на его пожатие.

— Если человеку везет, то в один прекрасный день приходит женщина и дает ему почувствовать, что стоит жить на свете. Не так ли, «Горячка»?

— Это верно, — ответил тот. Он взглянул прямо в лицо Алану. — И я так понимаю, что вы любите Мэри Стэндиш и будете драться за нее в случае необходимости?

— Да, буду, — сказал Алан.

— Тогда пора тронуться в путь, — многозначительно посоветовал Смит. — Я шел без отдыха двенадцать часов. Она сказала, чтобы я торопился. И я торопился. Я говорю о мисс Стэндиш. Она сказала, что это почти вопрос жизни или смерти. Что я должен найти вас поскорей. Я хотел остаться на ранчо, но она не позволила. Она хочет видеть вас. Росланд на ранчо.

— Росланд?!

— Да, Росланд. И я догадываюсь, что Джон Грэйхам тоже недалеко. Я предчувствую события, Алан. Лучше нам поторопиться.

ГЛАВА XXI

«Горячка» Смит выехал с ранчо на одном из двух оставшихся там верховых оленей, но чтобы быстро и с известным удобством ездить верхом на олене, требуется много умения и навыка. Проехав с полдесятка миль, он отказался от начатого способа передвижения и дальнейший путь проделал пешком. Так как в стаде Татпана не было верховых оленей, а самый быстрый гонец потратил бы много времени на то, чтобы добраться до Амок Тулика, то Алан уже через полчаса по прибытии к стоянке Татпана пустил-

ся назад к своему ранчо. «Горячка» Смит, несколько отдохнув и подкрепившись пищей, и слушать не пожелал о том, чтобы, как советовал Алан, сперва хорошенько отдохнуть и тогда уже пуститься следом.

В глазах маленького вояки горел свирепый огонь, когда они шли по склонам холмов, направляясь в тундры. Алан не замечал этого, равно как он не видел сурового выражения, застывшего на лице Смита, шагавшего позади. Его собственный мозг был поглощен догадками, возникшими в нем, и дикими предположениями.

Менее всего удивительно было то, что Росланду было известно, что Мэри Стэндиш не умерла. Он легко мог это узнать через Санди Мак-Кормика или его жену Элен. Но более удивительно было то, что он каким-то таинственным путем проследил путь бегства Мэри Стэндиш за тысячу миль на север. И еще более любопытен был тот факт, что он осмелился последовать за ней и открыто показаться на ранчо Алана. Сердце Алана сильно билось, так как он понимал, что Росланд получил непосредственное приказание от Грэйхама.

Алан решил посвятить Смита в свою тайну, открыв ему все случившееся в день его ухода в горы. Он сделал это без колебаний и без негодований, так как теперь им овладело мрачное предчувствие событий, ожидавших впереди.

Смит выслушал рассказ, но не обнаружил и признака изумления. В его глазах горел все тот же огонь, лицо хранило то же застывшее выражение. Только тогда, когда Алан поведал ему о признании, которое сделала Мэри Стэндиш у дверей комнаты Ноадлюк, только тогда суровое выражение лица его товарища смягчилось.

Губы Смита сложились в странную кривую усмешку.

— Я знал это давно, — сказал он. — Я догадался об этом в первую ночь, когда по дороге в Читину нас настигла буря. Я знал все это еще раньше, чем мы выехали из Танана. Она мне не говорила, но я не был слеп. Вот только записка меня озадачила и испугала — записка, которую она записала в свою туфлю. Росланд сказал мне перед моим отъездом, что идти за вами — это напрасный труд, так как он намерен немедленно увезти с собой миссис Грэйхам.

— И вы после этого оставили ее одну?

«Горячка» пожал плечами и мужественно прилагал все усилия, чтобы не отстать от Алана, который внезапно ускорил шаг.

— Она настаивала. Она заявила, что это вопрос жизни или смерти для нее. После разговора с Росландом она была белой, как бумага. Кроме того...

— Что?

— Соквэнна не будет дремать, пока мы не вернемся. Он знает. Я ему рассказал. Он следит из окна чердака с ружьем в руках. Я видел, как он однажды подстрелил утку на расстоянии двухсот ярдов.

Они быстро подвигались вперед. Немного спустя Алан снова заговорил, чувствуя в душе смятение, но не страх:

— Почему вы сказали, что полагаете, что Грэйхам где-нибудь неподалеку?

— По нюху, — ответил Смит с тем же суровым выражением лица.

— И только?

— Не совсем. Я подозреваю, что Росланд так сказал ей. Она страшно побледнела. Ее рука была холодна, как мрамор, когда она подала ее мне. Это читалось также в ее глазах. Мало того, Росланд расположился в вашем доме, как будто он приехал к себе. Я понимаю, что это значит: кто-то стоит за ним, какая-то сила, что-то мощное, на что он и рассчитывает. Он спросил меня, сколько у нас мужчин. Я ответил ему, чуточку преувеличив. Он усмехнулся. Он не смог скрыть усмешки. Похоже было, что дьявол, сидевший в этом человеке, на одно мгновение выглянул наружу.

Внезапно Смит схватил Алана за руку и остановился. Его подбородок резко выдавался вперед. Пот градом лил с его лица. Целую четверть минуты оба смотрели друг на друга.

— Алан, мы с вами недальновидны. Будь я проклят, если нам не следовало взять с собой пастухов и сказать им, чтобы они не забыли зарядить ружья!

— Вы думаете, дело так плохо?

— Все возможно. Если Грэйхам позади Росланда и с ним его люди...

— Мы находимся на расстоянии двух с половиной часов ходьбы от Татпана, — произнес Алан холодным спокойным голосом. — С ним только полдюжины мужчин. И потребуется по меньшей мере четыре часа быстрой ходьбы, чтобы найти Тотока и Амок Тулика. При южном стаде — восемнадцать мужчин, при северном — двадцать два. Я считаю и подпасков. Поступайте, как сами найдете нужным. Все они вооружены. Быть может, это глупо, но я считаюсь с вашим нюхом.

Они пожали друг другу руки.

— Это больше, чем нюх, Алан, — тихо произнес «Горячка». — И, ради Бога, не начинайте «музыки» до тех пор, пока это только будет возможно.

Он ушел. В то время как его подвижная мальчишеская

фигура почти бегом неслась к подножию холмов, Алан направился к югу. Через четверть часа они совершенно потеряли друг друга из виду в волнистых пространствах тундры.

Никогда еще в жизни Алан не шел так, как в конце этого шестого дня пути. Он чувствовал себя сравнительно бодрым, так как поездка до стоянки Татпана не была утомительной, а лучшее знакомство с местностью давало ему несомненное преимущество перед Смитом. Он предполагал, что сможет покрыть расстояние в десять часов; но к ним следовало еще прибавить, по самому скромному расчету, три или четыре часа отдыха в течение ночи. Теперь было восемь часов вечера. В девять или в десять часов утра он окажется уже лицом к лицу с Росландом. И приблизительно в это же время быстрые гонцы Татпана будут у Тотока и Амок Тулика. Он знал, с какой быстротой его пастухи бросятся через горы к тундре. Два года тому назад Амок Тулик с десятком эскимосов без отдыха и пищи шли пятьдесят два часа, покрыв за это время сто девятнадцать миль. Кровь Алана забурлила от чувства гордости. Он не способен был бы на это, но они это *сделают*. Он рисовал себе, как они помчатся с разных концов, едва только весть дойдет до них. Он представлял себе, как они сбегут с холмов, а потом, подобно волкам, усеют тундру и устремятся к его дому — и к битве, если их ждет впереди битва.

Вокруг Алана стали сгущаться сумерки, напоминая завесу холодного сырого тумана, надвигавшегося издалека. Час за часом Алан шел вперед. Когда он начинал чувствовать голод, он съедал кусок вяленого мяса, запивая его холодной прозрачной водой из ручейков, попавшихся ему на пути. Только тогда, когда судороги начали сводить его ноги, он остановился, чтобы отдохнуть, зная, что это необходимо сделать.

Был час ночи. Считая путешествие до стоянки Татпана, он уже шел почти без перерыва семнадцать часов. Растянувшись на спине в поросшей травой впадине, где маленький ручей журчал около самой головы, Алан почувствовал, до какой степени он устал. Ему был необходим отдых. Сначала он старался не засыпать. Он твердил себе, что не смеет закрывать глаза. Но изнеможение наконец взяло верх, и он уснул. Когда Алан проснулся, пение птиц и яркое солнце, казалось, подтрунивали над ним. В сильной тревоге он вскочил на ноги. Алан взглянул на часы — вместо того чтобы отдохнуть три или четыре часа не закрывая глаз, он крепко проспал шесть часов.

Немного спустя, быстро подвигаясь вперед, Алан перестал жалеть о случившемся. Он чувствовал себя готовым к борьбе. Он глубоко вдыхал воздух в легкие и на ходу за-

втракал вяленным мясом. Он старался наверстать потерянное время. Промежуток между половиной двенадцатого и двенадцатью он почти бежал. За эти полчаса ему удалось достигнуть вершины холма, с которой уже можно было различить строения его ранчо. Он не заметил там ничего особенного и облегченно вздохнул и засмеялся от радости. Услышав свой отрывистый, странный смех, Алан понял, до какого напряженного состояния дошли его нервы.

Через полчаса Алан поднялся из ложины, находившейся за домом Соквэнны, и попробовал открыть дверь. Она была на запоре. На его стук ответил чей-то голос. Алан назвал себя. Засов загромыхал, дверь открылась, и он вошел в комнату. Ноадлюк стояла в дверях своей комнаты с ружьем в руках. Киок предстала перед ним, свирепо зажав в руке длинный нож. Между ними стояла Мэри Стэндиш. Она посмотрела в лицо Алану и пошла к нему навстречу. Он услышал, как Ноадлюк что-то шепнула, и увидел, как Киок быстро последовала за ней в другую комнату.

Мэри Стэндиш протянула ему обе руки. Взгляд ее глаз выдавал, скольких усилий стоило ей сдержаться и не закричать от радости по поводу его прихода. Этот взгляд заставил сердце Алана сильнее забиться, хотя он и мог прочесть в нем страдание и безнадежность. Он сжал ее руки и так улыбнулся, что ее глаза расширились от удивления.

Мэри Стэндиш быстро перевела дыхание. Ее пальцы вцепились в него. Казалось, что утраченная надежда в одно мгновение вернулась к ней. Теперь, когда Алан увидел этот свет в глазах девушки и убедился, что она цела и невредима, он несколько не был возбужден, он не был даже взволнован. Но его лицо выражало любовь. Она видела это и чувствовала силу этой любви за безграничным спокойствием, с которым он улыбался ей. У нее вырвалось рыдание — такое тихое, что его можно было скорее принять за вздох. А потом с ее губ сорвалось легкое восклицание, в котором крылись удивление, понимание и непередаваемая вера в человека, который мог так доверчиво улыбаться перед лицом трагедии, грозившей погубить ее.

— Росланд в вашей хижине. — прошептала она. — А Джон Грэйхам где-то позади, вероятно, на пути сюда. Росланд грозит, что если я добровольно не соглашусь пойти за ним...

Алан почувствовал дрожь, пробежавшую по всему ее телу.

— Остальное я сам понимаю, — сказал он.

В течение одного мгновения она стояла молча. Серогрудый дрозд пел на крыше. Потом, словно перед ним был ребенок, Алан обеими руками взял ее голову в свои руки и

смотрел девушке прямо в глаза, находясь так близко от нее, что чувствовал ее теплое дыхание.

Вы не ошиблись в своих чувствах в тот день, когда я уходил? — спросил он. — Вы... любите меня?

— Да.

Еще несколько мгновений смотрел он ей в глаза. Потом отошел. И даже Киок и Ноадлюк слышали его смех. Это странно, подумали они, — Киок со своим ножом, Ноадлюк со своим ружьем: на крыше поет птица, Алан Холт смеется, а Мэри Стэндиш стоит в полном безмолвии.

Через несколько секунд Соквэнна, сидевший на корточках у маленького окна чердака, где он провел с винтовкой на коленях столько времени без сна, увидел своего хозяина, который шел по открытому месту. Что-то в походке Алана вызвало в памяти старика воспоминание о давно прошедших днях, когда расщелина Привидений гудела от криков битвы. Его руки, сморщенные и скрюченные теперь от старости, принимали участие в героической защите своего народа от угнетателей, пришедших с далекого Севера.

Затем Соквэнна увидел, как Алан вошел в дом, где был Росланд; пальцы старика тихо застучали по старинному барабану, лежавшему рядом с ним. Его взгляд устремился на отдаленные горы, и он запел про себя старую боевую песню, умершую и забытую всеми, кроме Соквэнны.

Он закрыл глаза, и снова из тьмы выступила яркая картина: извилистые тропинки, по которым собирались бойцы, на лицах которых выражалась жажда битвы.

ГЛАВА XXII

Когда Алан вошел в свою комнату, закрыв за собой дверь, Росланд сидел у письменного стола. При виде вошедшего, он не обнаружил ни малейшего волнения и поднялся, чтобы поздороваться. Росланд сидел без пиджака, засучив рукава, и он не пытался скрыть, что вволю порылся в книгах и бумагах хозяина хижины.

Он приблизился к Алану, протягивая ему руку. Это был не тот Росланд, который на «Номе» советовал Алану не вмешиваться в чужие дела. Он держал себя так, будто встречал друга, и приветливо улыбался перед тем, как заговорить. Что-то такое побудило Алана ответить улыбкой. Под этой улыбкой скрывалось восхищение перед самообладанием неожиданного гостя. Небрежно пожав протянутую руку, Алан заметил, что в теплом пожатии Росланда не чувствовалось неуверенности.

— Как поживаете, Парис, старый дружище? — добро-

душно приветствовал его гость. — Я видел, как несколько минут тому назад вы зашли к Прекрасной Елене, а потому ждал вас. Она немного испугана. Ее нельзя в этом упрекать: Менелай весьма разгневан. Но верьте мне, Холт, я и вас не упрекаю. Я слишком хороший спортсмен. Все это дьявольски хитро задумано. Она может вскружить голову любому человеку. Я хотел бы быть в вашей шкуре теперь. На «Номе» я и сам с удовольствием стал бы предателем, если бы только она выразила малейшее желание.

Он достал из жилетного кармана сигару — большую, толстую сигару с золотым ободком. Что-то такое опять побудило Алана принять сигару и закурить. Вся его кровь кипела, но Росланд ничего не замечал. Он видел только кивок головы, спокойную улыбку на губах Алана и явно беззаботное отношение к создавшемуся положению. Это понравилось агенту Грэйхама. Он снова сел на стул перед письменным столом и жестом предложил Алану сесть рядом.

— Я полагал, что вы тяжело ранены, — сказал Алан. — Вы получили скверный удар ножом.

Росланд пожал плечами.

— Это знакомое вам дело, Холт, — расплата за удовольствие бежать со смазливый личиком. Одна из глинокитских девушек, там, в третьем классе, — помните? Миленькое существо, не правда ли? Я хитростью заманил ее в свою каюту, но она оказалась непохожей на других индейских девушек, которых я знал. На следующую ночь брат или возлюбленный или еще кто-то через открытый люк пырнул меня. Удар оказался неопасным. Я пролежал в госпитале только неделю. Удачно вышло, что меня туда положили. Иначе, я не увидел бы однажды утром из окна миссис Грэйхам. От какого пустяка зависит наша судьба, а? Если бы не было девушки, ножа и госпиталя, я не очутился бы теперь здесь, сердце Грэйхама не трепетало бы от нетерпения, а вам, Холт, никогда не улыбнулось бы величайшее счастье, которое вряд ли вам когда-нибудь представится.

— Боюсь, что я вас не понимаю, — сказал Алан, скрывая свое лицо в густом клубе дыма. Его безразличный тон произвел сильное впечатление на Росланда. — Ваше присутствие заставляет меня думать, что счастье, пожалуй, повернулось ко мне спиною. В чем может заключаться выгода моего положения?

Глаза Росланда приняли серьезное выражение, его голос зазвучал холодно и твердо:

— Холт, как двое мужчин, которые не боятся необычайных обстоятельств, мы можем называть вещи их собственными именами, не так ли?

— Несомненно, — произнес Алан.

— Вы знаете, что Мэри Стэндиш в сущности — Мэри Грэйхам, жена Джона Грэйхама?

— Знаю.

— И вам также, вероятно, известно теперь, почему она убежала от Грэйхама.

— Да, известно.

— Это значительно облегчает дело. Но во всей этой истории есть и другая сторона, которой вы, возможно, не знаете, и я пришел сюда, чтобы вам изложить ее. Джона Грэйхама не интересует ни один доллар из состояния Стэндишей. Он хочет и всегда хотел только девушку. Она выросла на его глазах! С того дня, как ей минуло четырнадцать лет, он жил мечтой о том, что она будет его женой. Вы знаете, как он добился того, чтобы она вышла за него замуж, и вы знаете, что случилось потом. Но Грэйхаму безразлично, ненавидит она его или нет. Он *желает* ее. А это, — Росланд указал рукой на окружающую местность, — самое прекрасное место в мире для ее возвращения к нему. Я просмотрел ваши книги. Ваша собственность в том виде, какова она сейчас, стоит не больше ста тысяч долларов. Мне поручено предложить вам в пять раз больше. Другими словами, Грэйхам хочет отказаться от всякой личной мести за похищение его жены. Вместо этого он предлагает уплатить вам пятьсот тысяч долларов за право провести здесь свой медовый месяц и сделать из этого ранчо загородную виллу, в которой будет постоянно жить его жена, а он будет наезжать сюда, когда ему заблагорассудится. Будет, конечно, заключено условие о том, что интимная сторона сделки должна храниться в строгой тайне и что вы покинете Аляску. Я высказался, кажется, достаточно ясно?

Алан встал и начал задумчиво ходить по комнате. Росланд во всяком случае рассматривал его поведение как результат глубокого размышления. Он наблюдал, благодушно улыбаясь, за впечатлением, которое произвело на Алана его сногшибательное предложение. Он поставил вопрос ребром. Он изложил условия, не пытаясь торговаться, и обладал достаточным чутьем, чтобы оценить, что может означать предложение в полмиллиона долларов для человека, который борется за существование на краю суровой страны. Алан стоял к нему спиной и глядел в окно. Когда он заговорил, в его голосе звучало странное напряжение. Но это казалось вполне естественным Росланду.

— Ваше предложение меня очень удивляет, если только я правильно понял вас, — сказал Алан. — Вы хотите сказать, что если я продам Грэйхаму ранчо со всем имуще-

ством и соглашусь потом держать язык за зубами, он даст мне полмиллиона долларов?

— Такова цена. Предполагается также, что ваши люди уйдут вместе с вами. У Грэйхама — свои люди.

Алан натянуто рассмеялся.

— Кажется, я теперь понял суть дела. Он собирается заплатить пятьсот тысяч долларов не за мисс Стэйндиш, то есть миссис Грэйхам, я хочу сказать; он платит их за уединенность этой местности.

— Совершенно правильно. Эта мысль пришла ему в последнюю минуту — уладить дело миром. Мы вначале отправились сюда, чтобы забрать его жену. Вы понимаете, *забрать* ее, а с вами покончить не тем способом, какой мы предлагаем сейчас. Вы ухватили нашу мысль, когда сказали «уединенность». Каким глупцом может стать человек из-за смазливой рожицы, а? Подумайте только — полмиллиона долларов!

— Это кажется невероятным, — задумчиво проговорил Алан, все еще глядя в окно. — Зачем ему понадобилось предлагать так много?

— Вы не должны забывать о главном условии, Холт. Это самая существенная часть сделки. Вы обязаны держать язык за зубами. Купив ранчо за нормальную цену, мы не имели бы гарантий в этом. Если же вы примете такую сумму, то подпишетесь тем самым и под другой частью договора, и ваша жизнь будет зависеть от того, оставите ли вы Грэйхама в покое. Достаточно просто, не правда ли?

Алан вернулся к столу. Его лицо было бледно. Он старался курить так, чтобы клубы дыма скрывали его глаза.

— И, конечно, надо полагать, что он уже не даст миссис Грэйхам убежать обратно в Штаты, где она могла бы учинить маленький скандалчик?

— Грэйхам не зря швыряет деньгами, — многозначительно возразил Росланд.

— Она навсегда останется здесь?

— Навсегда.

— И, вероятно, никогда не вернется в Штаты?

— Удивительно, право, как вы быстро схватываете суть! Зачем ей туда возвращаться? Мир думает, что она умерла. Газеты были полны описаний ее смерти. Этот малюсенький секрет, что она жива, известен только нам. А здесь — великолепная дачная местность для Грэйхама. Прекрасный климат. Красивые цветы. Птицы. И — девушка, которая выросла на его глазах, о которой он мечтал с тех пор, как ей минуло четырнадцать лет.

— И которая ненавидит его.

— Это верно.

— Которую он обманом заставил выйти замуж за него! Которая предпочтет умереть, чем остаться жить его женой.

— Ну, это уж дело Грэйхама позаботиться о том, чтобы она оставалась в живых, Холт. Нас это не касается. Если она умрет, я думаю, вы получите возможность вернуть себе ваше ранчо по дешевой цене.

Росланд протянул Алану бумажку.

— Здесь задаток — чек на двести пятьдесят тысяч. Тут на столе уже подготовленные к подписи бумаги. Как только договор будет заключен, мы поедем в Танана и я уплачу вам половину суммы.

Алан взял чек.

— Я полагаю, что только дурак мог бы отказаться от подобного предложения, Росланд?

— Да, только дурак.

— Так вот — я *этот дурак!*

Алан произнес эти слова так спокойно, что в первое мгновение Росланд не понял их значения. Дым больше не застилал лица Алана. Его сигара упала на пол, и он наступил на нее ногой. За ней последовал чек, разорванный на мелкие клочья. Бешенство, которое он сдерживал почти нечеловеческим усилием над собой, прорвалось и сверкало в его глазах.

— Я отдал бы десять лет жизни, Росланд, чтобы Грэйхам был сейчас на вашем месте, на этом стуле. Я мог бы тогда убить его. А вы... вы...

Он сделал шаг назад, как бы опасаясь, что он ударит этого мерзавца, уставившегося на него с изумлением.

— То, что вы смели сказать о ней, должно было бы послужить вашим смертным приговором. Я убил бы вас здесь, сейчас, в этой комнате, если бы только не было у меня надобности в том, чтобы вы передали мое поручение Грэйхаму. Скажите ему, что Мэри Стэндиш — не Мери Грэйхам! — так же чиста по сей час, как и в тот день, когда она родилась. Скажите ему, что она принадлежит мне. Я люблю ее. Она моя, понимаете? И всех денег в мире не хватит, чтобы купить один волос с ее головы. Я вернусь с нею в Штаты. Она добьется справедливости, и мир узнает ее историю. Ей нечего скрывать. Абсолютно нечего. Передайте это Джону Грэйхаму от моего имени.

Он подошел вплотную к Росланду, который вскочил со стула. Руки Алана сжались, лицо выражало железную твердость.

— Убирайтесь вон! Вон, пока я не вытряс из вас вашу мерзкую душу.

Ярость, которая бушевала в нем, стремясь излиться на Росланда, обратилась на первое, что попало ему под руку. Стол перевернулся и с треском полетел на пол.

— Уходите, пока я не убил вас!

Он медленно подходил к Росланду уже в тот момент, когда с его губ сорвалось предостережение. Человек, стоявший перед ним, был объят страхом; перед лицом неожиданной смертельной опасности он потерял силы и мужество. Быстро пятясь, он выскочил из двери и направился к загону. Алан, стоя в дверях, наблюдал за ним до тех пор, пока не увидел, что тот в сопровождении двух людей выехал со двора.

Уже в пути Росланд пришел наконец в себя настолько, чтобы остановиться и оглянуться назад. Задышающимся голосом он прокричал Алану что-то такое, чего нельзя было точно разобрать. Но он, однако, не вернулся за своим пиджаком и шляпой.

У Алана реакция наступила, когда он увидел перевернутый стол. Еще несколько секунд, и его ярость прорвалась бы. Он ненавидел Росланда, он ненавидел его теперь только немногим меньше, чем Джона Грэйхама. То, что он дал ему возможность уйти, казалось чудом. Он чувствовал, какого напряжения это стоило ему. Но он был доволен. Здравый смысл поборол его ярость, и его поступок был вполне разумным. Грэйхаму будут переданы его слова, и у обоих уже не будет сомнений насчет намерений каждого.

Алан пристально смотрел на бумаги, разбросанные на письменном столе, когда движение в дверях заставило его обернуться. Перед ним стояла Мэри Стэндиш.

— Вы прогнали его! — тихо вскрикнула она.

Ее глаза блестели. Рот был полуоткрыт. Щеки покрылись ярким румянцем. Она увидела опрокинутый стол, шляпу и пиджак Росланда на стуле — все это без слов достаточно ясно говорило о случившемся и о поспешности его бегства. Она повернулась опять к Алану. И он уже не в силах был противиться своим чувствам. Минуту спустя он стоял уже рядом с ней и держал ее в своих объятиях. Она не пыталась теперь освободиться, как делала это в роще, а сама подставила ему губы для поцелуя и спрятала лицо у него на груди. Алану безумно хотелось произнести те тысячи слов, что вертелись у него на языке, но он только стоял и гладил ее волосы. Потом, зарывшись в них лицом, он наконец заговорил о том, как нежно он ее любит, что будет бороться за нее, что никакая сила на земле не сможет теперь отнять ее у него живой. Эти слова он повторял до

тех пор, пока девушка не подняла к нему свое пылающее лицо; она еще раз подставила ему губы для поцелуя, а потом тихо высвободилась из его объятий.

ГЛАВА XXIII

Они в течение некоторого времени молча стояли друг против друга. В сиявшем красотой лице Мэри Стэндиш и в спокойной наружности Алана нельзя было увидеть ни смущения, ни сожаления. В одно мгновение были устранены преграды условностей. Они испытывали трепет радости и торжества, а отнюдь не замешательство. Они не старались набросить завесу на свое счастье или скрыть друг от друга, как быстро бились от радости их сердца. Это свершилось — и они были счастливы.

Сейчас они не стояли рядом. Что-то внушало Алану, что маленькое пространство между ними неприкосновенно, что оно священно для Мэри Стэндиш. В глазах девушки вместе с любовью еще сильнее засветилась гордость и вера, когда она увидела, что Алан уже не подходит ближе. Он протянул ей руку, и она непринужденно подала ему свою. Улыбка затрепетала на ее губах, покрасневших от поцелуев. Она немного опустила голову, и Алан смотрел на мягкие нежные волосы, которые он так недавно гладил.

— Как я благодарен судьбе! — сказал он.

Алан не продолжал высказывать того, что было у него на душе. Слова казались ничтожными, даже пошлыми. Но она поняла его. Он благодарил не за этот момент, но за то, что наконец пришло к нему на всю жизнь. Ему казалось, что для него кончилась одна жизнь и началась новая.

Алан отступил назад. Его руки дрожали. Чтобы чем-нибудь заняться, он поставил на место перевернутый стол. Мэри Стэндиш наблюдала за ним со спокойным удовольствием и восхищением. Она любила его и сама пришла к нему в объятия. Она сама подставила губы для поцелуев. Когда Алан снова подошел к ней, она тихо засмеялась, глядя на тундру, в которой исчез Росланд.

— Сколько времени понадобится вам, чтобы подготовиться к отъезду? — спросил он.

— Что вы хотите сказать?..

— Что мы должны отправиться ночью или завтра утром. Я предполагаю, что нам придется идти через рошу, а потом по старой дороге до Нома. Если Росланд не врет, то Грэйхам должен быть где-то на пути от Танана.

Девушка нежно взяла его под руку.

— Мы едем назад? Не так ли, Алан?

— Да, в Сиэтл. Это единственное, что мы можем сделать. Вы не боитесь?

— С вами, нет.

— И вы вернетесь со мной, когда все кончится?

Алан пристально посмотрел в глубь тундры, но он почувствовал, как она легко прижалась к его плечу лицом.

— Да, я вернусь с вами.

— Вы будете готовы вовремя?

— Я уже готова.

Залитая солнцем долина завертелась перед глазами Алана. Пелена золотистого тумана поднималась от земли, и в ней показались манящие бесчисленные призраки, наводнившие все пространство до скрытой роши. Чувствуя нежное прикосновение девушки, ощущая ее близость, Алан хотел, не откладывая ни минуты, погрузиться в это золотое море радости. Мэри Стэндиш была его навсегда — она признала его власть над собой. Она перестала бороться и дала ему неоценимое право бороться за нее.

Сознание безвыходности ее положения, ее веры в него и связанных с этим новых обязанностей заставило Алана медленно вернуться к суровой действительности сегодняшнего дня. Ужас сложившихся обстоятельств снова предстал перед ним, и веские угрозы Росланда, казалось, зазвучали яснее и даже страшнее, чем в тот момент, когда он уходил. Бессознательно на лице Алана снова появилось выражение ненависти, когда он посмотрел в ту сторону, куда ушел посланец Грэйхама. Ему хотелось знать, каких ужасов наговорил Росланд девушке, так спокойно стоявшей теперь рядом с ним. Правильно ли он поступил, дав ему уйти? Не следовало ли убить его как гада? Ведь у него тот же характер, такая же подлая душа, что и у Грэйхама. Ведь он развратник, человек, готовый способствовать за деньги любому преступлению. Еще не поздно, еще можно догнать его где-нибудь в котловинах тундры.

Мэри Стэндиш сильнее прижалась к его плечу. Алан взглянул на нее. Девушка прочла то, что было написано у него на лице. Ее спокойствие привело его в себя. В этот момент он понял, что Росланд рассказал ей многое. И все же она не боялась, разве только тех мыслей, что были в его голове.

— Я готова, — напомнила она.

— Мы должны подождать Смита, — ответил Алан. Рассудок вернулся к нему. — Он будет здесь ночью или утром. Теперь, после посещения Росланда, я увидел, как необходимо, чтобы кто-нибудь вроде «Горячки» был между нами и...

Он не кончил, но для Мэри Стэндиш было ясно, что он

хотел сказать. Она собиралась уже уходить, и Алан почувствовал непреодолимое желание снова взять ее в свои объятия.

— Он находится на пути из Танана, — сказала она.

— Росланд сообщил вам это?

— Да. И с ним его люди. Их так много, что Росланд расхохотался, когда я сказала, что вы не позволите им взять меня.

— Значит, вы не боитесь, что я... что я могу отдать вас?

— Я всегда была уверена в том, что вы так поступите, Алан, с той самой поры, как распечатала второе письмо у Элен Мак-Кормик.

Ее глаза светились радостью. Прежде чем он успел произнести еще одно слово, она ушла. Киок и Ноадлюк нерешительно приближались к дому, но, увидев Мэри Стэндиш, бросились ей навстречу. Киок все еще свирепо сжимала длинный нож. А за ними у маленького окошка под крышей Алан увидел призрачное лицо старого Соквэнны; оно походило на мертвую голову, стоявшую на страже.

Кровь Алана текла быстрее обычного. Пустынность тундр, безграничное пространство без признака человеческой жизни, все это было в его глазах теперь огромной ареной, ожидающей приближения трагедии,—тундра, залитая солнцем, оглашаемая пением птиц, шепотом и дыханием цветов, показалась ему новой. Он опять посмотрел на маленькое окошко: там по-прежнему сидел Соквэнна, который напоминал духа из другого мира и своим молчаливым безжизненным взглядом предостерегал Алана о какой-то смертельной опасности, надвигающейся на них из того бесконечного пространства, что не знает никакого зла. Алан пальцем поманил старика и, войдя в свою хижину, стал дожидаться его. Соквэнна сполз вниз со своего поста и, ковыляя, пошел по открытому месту. Его сгорбленная, как у старой обезьяны, фигура, вызывавшая представление о колдуне, с провалившимися глазами, блестящими подобно маленьким огненным точкам, быстро подвигалась вперед. Алан, наблюдавший за ним в окно, почувствовал дрожь во всем теле.

Через минуту старик вошел в комнату. Он что-то бормотал про себя. Он говорил на таком странном языке, что даже Алану было трудно его понять. Он говорил, что слышит топот многочисленных ног и чует запах крови; что шагов много и кровь близка; что и то и другое доносится из старой расщелины, где до сих пор лежат желтые черепа, омываемые водой, которая когда-то была красной от крови. Алан был одним из немногих, которому с большим

трудом удалось выпытать у старого Соквэнны, что произошло в расщелине. Давным-давно, когда Соквэнна был еще молод, враждебное племя напало на его народ, поубивало многих мужчин и увело женщин. И только Соквэнна с горсточкой соплеменников убежали на юг с теми женщинами, которые остались, и нашли последнее убежище в расщелине. И однажды посреди золотого сияния солнца, красоты цветов и птичьего пения, они устроили засаду своим врагам и перебили всех до последнего. Все участники этой битвы теперь уже умерли, все, кроме Соквэнны.

В первые несколько минут Алан пожалел было, что позвал Соквэнну к себе. Это был уже не тот веселый и ласковый старейшина всего народа, что раньше. Это не был уже старик, который радовался играм хорошеньких Киок и Ноадлюк, который любил птиц, цветы и маленьких детей, который сохранил до глубокой старости юношеский пыл. В нем призошла резкая перемена. Он стоял перед Аланом как воплощение рока и несвязно бормотал что-то; в его глазах таилось зловещее пророчество, а худые руки, похожие на птичьи когти, сжимали винтовку. Алан стряхнул с себя неприятное ощущение, охватившее его на мгновение при виде старика, и изложил Соквэнне возлагаемую на него задачу: следить за южной равниной с вершины высокого холма, отстоявшего на две мили от дороги Танана. Он должен вернуться, когда зайдет солнце.

Беспокойство овладело Аланом при виде этого живого предостережения. Как только Соквэнна ушел исполнять данное ему поручение, Алан приступил к приготовлениям в дорогу. В нем пробудилось сильное желание отправиться сейчас же в путь, не медля ни минуты, но он сумел убедить себя в безумии подобной поспешности. Он будет в отсутствии много месяцев, возможно даже целый год на этот раз; надо многое сделать, заняться массой мелочей, оставить множество инструкций и советов. Он должен во что бы то ни стало увидеться, по крайней мере, со Смитом перед отъездом. Необходимо оставить несколько письменных распоряжений Тотоку и Амок Тулику.

Работа по приготовлению к отъезду подвигалась. Но злое предчувствие упорно не покидало Алана, и он беспрестанно повторял себе, что его страх необоснован и лишен смысла, что никакая опасность не грозит ему. Он старался убедить себя, что был дураком, приказав пастухам вернуться на ранчо. По всей вероятности, Грэйхам совсем не покажется, говорил он себе, а сели и покажется, то через много дней или недель. И даже в этом случае он будет бороться законными путями, а не с оружием в руках.

И все же тревога не покидала Алана. По мере того как

часы проходили и приближался вечер, какая-то невидимая сила еще сильнее побуждала его скорее уже очутиться на той дороге, что шла за рощей, вместе с Мэри Стэндиш. Между двенадцатью и пятью часами он видел ее дважды. За это время он покончил с письмами. Он заботливо осмотрел свои ружья и нашел, что его любимая винтовка и автоматический пистолет находятся в исправности. Наполняя свой патронташ, Алан в то же время называл себя за это дураком. Он даже отнес некоторое количество патронов и два ружья в дом Соквэнны, говоря себе, что этот дом находится на краю лощины и лучше всего приспособлен для защиты в случае необходимости. Возможно, что «Горячке» придется защищаться, и ружья пригодятся ему, если Грэйхам явится уже после того, как он и Мэри будут благополучно подвигаться по пути в Ном.

После ужина, когда солнце отбрасывало уже длинные тени, Алан в последний раз осмотрел свой дом и запасы пищи, которые приготовила Вегарук. Он нашел Мэри на краю лощины; она пристально всматривалась в сгущающиеся сумерки в том направлении, где лощина была глубже и уже.

— Я покину вас на короткое время, — сказал Алан. — Но Соквэнна вернется, и вы не будете одни.

— Куда вы идете?

— Не дальше рощи, вероятно.

— Тогда я пойду с вами.

— Я буду очень быстро шагать.

— Не быстрее меня, Алан.

— Но я хочу только убедиться, что в этом направлении все спокойно, пока сумерки не скрыли дали.

— Я помогу вам в этом. — Она взяла его под руку. — Я иду с вами, Алан, — решительным тоном повторила она.

— Да, это очевидно, что вы идете, — весело смеясь, сказал он. Внезапно Алан наклонился и прижался губами к ее руке. Потом они рука об руку пустились по дороге, по которой они ни разу не ходили больше с того дня, что он вернулся из Нома.

Лицо девушки было покрыто легким румянцем; ее прекрасные глаза мягко и нежно светились. Она не старалась этого скрыть от Алана. Он забыл о роще, о равнине, лежавшей за ней, о предостережении Соквэнны быть начеку около расщелины Привидений и мест, к ней прилегающих.

— Я много думала сегодня, — заговорила Мэри Стэндиш. — Потому что вы на такой долгий срок оставили меня в одиночестве. Я думала о вас. И от моих мыслей я чувствовала себя счастливой, как никогда.

— А я был в раю, — ответил он.

— Вы не думаете, что я скверная?

— Я скорее мог бы думать, что солнце никогда больше не взойдет!

— Или, что я не женственна?

— Вы воплощаете мою мечту обо всем, что есть великого в женственности.

— Однако я погналась за вами, я сама бросилась к вам, я повисла у вас на шее, Алан.

— За это я благодарен судьбе, — искренне прошептал он.

— Я сказала вам, что люблю вас. Вы держали меня в своих объятиях и целовали меня...

— Да.

— И теперь я иду опять с вами...

— И будете продолжать так всю жизнь, если только захотите.

— А я — жена другого.

Она вздрогнула.

— Вы моя, — твердо заявил он. — Вы знаете это. Кошунство говорить о себе как о жене Грэйхама. Закон вас связал с ним, и это все. Сердцем, душой и телом вы свободны.

— Нет, я не свободна.

— А я вам говорю, что вы свободны!

Спустя несколько мгновений она прошептала ему на ухо:

— Алан, вы самый благородный человек во всем мире, и я вам скажу, почему я не свободна. Потому что душой и сердцем я принадлежу вам.

Он не решался посмотреть на нее. Чувствуя происшедшую в нем борьбу, Мэри Стэндиш с чудесной улыбкой на губах посмотрела вперед и нежно повторила:

— Да, вы самый благородный человек в мире!

Они все еще шли, держась за руки, опускаясь и поднимаясь по неровной тундре. Они делились впечатлениями об оттенках неба, о птицах, о цветах, о сумерках, сгущавшихся вокруг них. Но Алан все время вглядывался вдаль, ожидая заметить признаки жизни. Одна миля, потом другая, потом третья — и перед ними в серой мгле далеко впереди показалась расщелина.

Странно, что Алан мог думать теперь о письме, написанном им Элен Мак-Кормик, но он о нем вспомнил сейчас и поделился своими мыслями с Мэри Стэндиш. Она тоже всматривалась в завесу сумерек, отделявшую их от роши.

— Мне казалось, что я пишу не ей, а вам, — сказал он. — Я думаю, что если бы вы не вернулись ко мне, я сошел бы с ума.

— Письмо у меня. Оно здесь, — и она положила руку на грудь. — Вы помните, что вы писали, Алан?

— Что вы для меня дороже жизни.

— И вы хотите, чтобы Элен Мак-Кормик сохранила для вас прядь волос, если меня найдут.

Он кивнул.

— Когда я сидел против вас за столом на «Номе», я восхищался ими, хотя сам того не сознавал. А с тех пор, как вы здесь, каждый раз, как я взгляну на вас... — Он остановился в нерешительности.

— Продолжайте, Алан.

— Мне всегда хочется видеть их распущенными, — закончил он с отчаянием. — Глупая мысль, не правда ли?

— Почему? — спросила она, чуть-чуть шире раскрывая глаза. — Если они нравятся вам, то что же тут глупого, если вам хочется видеть их распущенными?

— Я думал, что вам это покажется смешным, — прибавил он робко.

Никогда еще Алан не слышал такого приятного смеха, когда Мэри внезапно повернулась к нему спиной. Проворными, быстрыми пальцами она начала вытаскивать шпильки из волос, и наконец вся их блестящая шелковистая масса разлилась волною по ее плечам. Алан почувствовал трепет восторга при виде всей этой красоты, и он не мог сдержать крика восхищения. Она посмотрела ему в лицо, и в ее глазах светилась нега.

— Они вам нравятся, Алан?

Он подошел к ней, взял в руки тяжелые пряди и прижал их к лицу и губам.

Он долго стоял, но вдруг почувствовал неожиданную дрожь, пробежавшую по телу девушки. Казалось, что-то внезапно потрясло ее. Он услышал ее учащенное дыхание. Рука, которую она нежно положила на его склоненную голову, безжизненно упала. Когда Алан поднял лицо и посмотрел на нее, он увидел, что ее взгляд устремлен мимо него, в сторону сгущающихся сумерек тундры. Казалось, что-то поразило ее так, что на некоторое время она лишилась способности говорить или двигаться.

— Что случилось? — воскликнул Алан и обернулся, напяля глаза, чтобы увидеть причину ее тревоги. Глубокие тени быстро опускались на землю, превращая мягкие сумерки в мрачный покров ночи. Полночное солнце походило на огромный багровый фонарь, когда густая стена пурпурно-красных облаков отделила его плотной завесой от

северного мира. Алан часто видел подобные картины, когда надвигались на тундру летняя гроза, но никогда перемена не казалась такой быстрой, как теперь. Там, где был золотистый свет, он увидел лицо — бледное лицо девушки среди моря тьмы. Ее поразило это чудо северной ночи, его внезапность и неожиданность, — подумал Алан и тихо засмеялся. Но она впиалась в его руку.

— Я видела их, — вскрикнула она дрожащим голосом. — Я видела их там, на фоне заходящего солнца, как раз перед тем, как надвинулась туча... и некоторые из них бежали, как звери...

— Тени, — ответил ей Алан. — Длинные тени лисиц, бежавших против солнца, или больших серых кроликов, или волчицы со своими волчатами...

— Нет, нет, это вовсе не то, — с напряжением прошептала она. Ее пальцы еще сильнее впились в его руку. — Это были не тени. Это были *люди!*

ГЛАВА XXIV

В минуту воцарившегося молчания они оба застыли в оцепенении и, затаив дыхание, прислушивались, не раздастся ли в сумерках малейший шорох. До Алана долетел звук. Он знал, что это был шум от каблука, ударившегося о камень. Ни один человек из племени эскимосов не мог произвести этого звука. В сапогах ходили только Смит и он сам.

— Их было много? — спросил Алан.

— Я не могла разглядеть. Становилось темно. Но пять или шесть человек бежало...

— Позади нас?

— Да.

— Они видели нас?

— Думаю, что видели. Я заметила их в течение одной секунды, а потом они исчезли во мраке.

Алан взял ее руку и крепко сжал. Их пальцы сплелись. Расстегивая кобуру револьвера, он слышал быстрое дыхание девушки.

— Вы думаете, *они пришли?* — прошептала она, и смертельный ужас прозвучал в ее голосе.

— Возможно. Мои люди не могут появиться с этой стороны. Вы не боитесь?

— Нет, нет! Я не боюсь.

— Но вы дрожите.

— Это из-за жуткого мрака, Алан.

И никогда еще северные сумерки не сгущались до та-

кой степени. Лишь несколько раз за всю свою жизнь, проведенную в тундре, Алан видел подобное явление. Грозы, полное исчезновение летнего солнца и абсолютный ночной мрак случались здесь так редко, что такие явления внушали более благоговейный ужас, чем чарующая игра северного сияния.

Ему казалось, что случившееся было чудом, способствовавшим их спасению. Свет полуночного солнца исчез, и мир был окутан непроницаемой чернильной стеной. Мгла быстро распространялась, тени слились с темнотой; она все приближалась, пока тундра не превратилась в таинственный хаос. Но что бы это ни было, ночь или сумерки, оно смеялось над человеческим зрением, тщетно пытавшимся проникнуть в тайну мрака.

И в то время как тьма сгущалась вокруг них, оставляя все меньше и меньше пространства, доступного взору, поток мыслей проносился в голове Алана. Он тотчас же понял, что означали фигуры бегущих людей, которые увидела его спутница. Люди Грэйхама близко; они заметили их и отрезают им путь назад к ранчо. Возможно, что это только разведчики. Если их не больше пяти или шести, как показалось Мэри, то это еще не опасно. Но их могло быть и дюжина и пятьдесят. Быть может, Грэйхам и Росланд подвигаются на ранчо со всеми своими людьми. Алан ни разу не пытался уяснить себе, сколько их могло быть. Он знал только то, что Грэйхам, надеясь на свое политическое и финансовое могущество, ослепленный страстью, доходившей чуть не до безумия, не остановится для достижения своей цели перед нарушением законов и забудет о всякой человечности. Возможно, он так поведет дело, что в случае трагического конца закон окажется на его стороне. Вооруженные, без всякого сомнения, люди, которые идут вместе с ним, находятся под впечатлением, что они действуют во имя справедливости. Ведь Грэйхам был оскорбленный муж, «спасавший» свою жену. А он, Алан Холт, он — любовник, искуситель этой женщины, человек, которого следует пристрелить на месте.

Подвигаясь прямо вперед, Алан свободной рукой сжимал револьвер. Внезапный мрак помог ему скрыть ужас, охвативший его при мысли, что будет означать это «спасение» для Мэри Стэндиш. Потом холодная, смертельная решимость овладела им. Его нервы напряглись и были готовы ко всему, что бы ни случилось.

Если люди Грэйхама их видели и отрезали им отступление, то выход из западни лежал впереди. Алан шел так быстро, что Мэри почти бежала рядом с ним. Он не слышал ее шагов, так легко она ступала. Она крепко держала

его за руку; их пальцы сплелись. Он чувствовал шелковистое прикосновение ее распущенных волос.

Таким образом двигались они с полмили, всматриваясь, не покажется ли тень, вслушиваясь, не раздастся ли шорох. Затем Алан остановился. Он обнял девушку. Мэри головой прижалась к нему. Она задыхалась, и сердце ее сильно билось. Алан нашел ее губы и поцеловал их.

— Вы не боитесь? — снова спросил он.

Головой, покоившейся у него на груди, она сделала решительный отрицательный жест.

— Нет!

Он тихо засмеялся при мысли о том, с какой чарующей смелостью она лжет.

— Если они и видели нас и если действительно это люди Грэйхама, мы все-таки ускользнем от них, — успокаивал он ее. — Мы теперь обойдем с востока роццу и вернемся на ранчо. Мне очень жаль, что я заставил вас так бежать. Мы пойдем медленнее.

— Мы должны идти быстрее, — настаивала она, — я хочу бежать...

Когда они двинулись дальше, девушка нашла его руку и крепко сжала ее. Время от времени они останавливались, вглядывались в темноту и прислушивались. Дважды Алану показалось, что он слышит какие-то странные звуки. Вторично маленькие пальцы еще сильнее сжали его руку, но его спутница не произнесла ни слова, только ее дыхание на мгновение, казалось, остановилось.

Еще через полчаса начало светлеть, хотя и приближался ураган. Холодный ветер, предшествующий грозе, коснулся их. От изнуренной жажды земли, готовившейся к внезапной перемене, поднялся шепот и шелест. Начало светлеть, потому что завеса облаков расползлась по всему небу и стала тоньше. Алан мог видеть лицо девушки и волну ее волос. Когда они спустились в лощину, поверхность тундры приняла более ясные очертания, и Алан узнал купу ив, за которой скрывался пруд.

Это место отстояло всего лишь на расстоянии полумили от дома. Около ив пробивался родник. К нему он подвел девушку, устроил место, где бы она могла стать на колени, и показал, как нужно руками черпать воду. Когда она наклонила голову, чтобы напиться, он поддерживал ее волосы, прижимая к ним губы. Алан слышал журчание воды, пробегавшей между ее пальцами, и полурадостный, полуиспуганный тихий смех, через мгновение превратившийся в крик ужаса. Алан едва успел вскочить на ноги, чтобы начать борьбу с человеком, с бешеной силой бросившимся на него из-за прикрытия ив.

Шумное движение среди деревьев сопровождало нападение. Раздался громкий крик Мэри Стэндиш. Алан оказался на коленях, отчаянно стараясь высвободиться из тисков двух огромных рук, сжавших его горло. Он слышал, как девушка боролась, но она больше не кричала. В одно мгновение все смешалось в его голове. Он сознавал, что бесполезно пытаться добраться до своего револьвера. Над ним склонилось лицо, суровое и страшное во мраке, а безжалостные руки все крепче сжимали горло. Потом он услышал крик, громкий крик торжества; крик раздался в тот момент, когда он упал. Алану казалось, что его голова отделяется от тела, которое разрывается на части. Почти судорожным движением он последним усилием ударил ногой. Он едва обратил внимание на тяжелый вздох, следовавший за ударом, но пальцы разжались у его горла, лицо исчезло, и человек, чуть не задушивший его, свалился назад. В течение секунды или двух Алан не шевелился, жадно втягивая воздух в легкие. Потом он схватился за револьвер. Кобура была пуста...

Вдруг он услышал тяжелое дыхание девушки и ее всхлипывание почти возле себя. Жизнь и сила вернулись к нему в то же мгновение. Человек, который душил его, возвращался ползком. Алан с быстротой молнии вскочил и бросился на него с ловкостью кошки. Он ударил кулаком в бородатое лицо. В то же время он окликнул Мэри. Когда он наносил удары, он увидел, что она упала на колени рядом с маленьким родником, из которого раньше пила. Чья-то громадная фигура склонилась над ней. Проклятие сорвалось с губ Алана. Он готов был теперь убить, он хотел убить, уничтожить того, кто уже находился в его руках, чтобы иметь возможность наброситься на другого зверя, стоявшего над Мэри Стэндиш, вцепившись в ее длинные волосы. Оглушенный ударами, походившими на удары дубины, бородатый человек откинул голову назад, и тогда пальцы Алана впились в его горло. Это была волчья шея. Алан принялся ломать ее. Прошло десять секунд, двадцать, самое большее полминуты... И скоро все было бы кончено... Но прежде чем бородатый человек испустил предсмертный крик, второй противник бросился на Алана.

Он не имел времени защищаться от нового нападения, и страшный удар сбил его с ног. Полуоглушенный, он вскочил и сцепился с новым противником. Он понял, что слишком много сил пришлось ему потратить на первого. Тошнотворный ужас наполнил его душу, когда он почувствовал свою слабость. Невольный стон сорвался с его губ. Даже теперь он готов был откусить свой язык, чтобы

не издать этого стога, чтобы скрыть его от девушки. Тем временем она медленно ползла по земле, но Алан ее не видел. Ее длинные волосы рассыпались и касались замутившейся воды родника. Ее руки что-то нащупывали, пока не нашли то, что искали.

Она вскочила на ноги, держа в руке бульжник, о который опиралась, когда пила воду. Бородатый человек поднялся на колени и, шатаясь, как пьяный, протянул к ней руку; но девушка пробежала мимо него и приблизилась к Алану, боровшемуся со своим противником. Камень опустился.

Теперь Алан увидел ее. Он услышал быстрый страшный удар, и его враг откатился, не издав ни звука. Алан, шатаясь, поднялся и в то же мгновение поддержал падавшую девушку.

Бородатый человек в это время поднимался. Он почти успел встать на ноги, но Алан снова схватил его за горло, и они вместе покатались по земле. Девушка слышала удары, потом один более сильный, и наконец, издав легкий крик триумфа, Алан поднялся на ноги. Случайно его рука нащупала револьвер, выпавший из кобуры. Он спустил предохранитель и приготовился стрелять. Он готов был продолжать борьбу с оружием в руках.

— Идемте, — сказал он.

Он произнес это слово задыхающимся, странным, неестественным голосом. Мэри Стэндиш подошла к нему и взяла его за руку. Ее влажная рука была покрыта тиной. Они стали подниматься на пригорок, стараясь скорей уйти от пруда и ив.

В воздухе раздавался шепот человеческих голосов, более явственно доносившихся из тьмы сумерек. И вместе с шумом надвигающейся с запада бури раздался громкий оклик. Прямо впереди кто-то ответил. Он крепче сжал маленькую грязную руку и направился к строениям ранчо, откуда донесся последний оклик. Он понял, что случилось: люди Грэйхама были умнее, чем он предполагал. Они окружили ранчо со всех сторон тундры, и некоторые спрятались в той купе ив, откуда донесся победный крик их бородатого товарища. Люди Грэйхама не могли только понять, почему зов не повторялся, и теперь стали перекликаться.

Каждый мускул Алана был напряжен. Он приготовился к быстрым решительным действиям. Мысль о безнадежности их положения, подобно молнии, промелькнула в его голове. Там, у ив, они чуть не убили его; руки, сжимавшие его горло, жаждали его крови. Не люди, а волки окружали их на равнине! Волки, возглавляемые двумя чудови-

щами человеческой своры — Грейхамом и Росландом. Убийство, алчность и безумная страсть скрывались во тьме. Закон и порядок, цивилизация находились за сотнями миль. Если Грэйхам победит, то лишь никому неизвестная тундра будет помнить эту ночь, подобно тому, как глубокая темная расщелина хранит в своей мгле воспоминания о другой трагедии, разыгравшейся более полувека тому назад. А девушка, находившаяся рядом с ним с распущенными еще волосами, испытала уже грязное прикосновение их рук...

Он не мог сейчас думать о дальнейшем. Тихий крик бешенства сорвался с его губ. Мэри Стэндиш подумала, что причина этого крика — тени, внезапно показавшиеся на их тропинке. Их было две. Она тоже вскрикнула, когда раздались голоса, приказывавшие им остановиться. Алан успел заметить, как поднялись чьи-то руки, но он оказался быстрее: он три раза выстрелил из своего револьвера, и человек, поднявший руку, покатился на землю, а другой поспешил раствориться во мраке. Мгновение спустя его дикие вопли сзывали свору, меж тем как эхо от револьверных выстрелов Алана продолжало разноситься по тундре.

Эта неожиданная пальба, ее трагический результат, падение человека и бегство другого не вызвали ни единого слова и крика из груди Мэри Стэндиш. Она тяжело дышала. При смутном свете пурпурно-синего марка Алан увидел ее белое как мел лицо. Глаза девушки были широко раскрыты. Волосы покрывали ее блестящим покрывалом. И вдруг Алан с удивлением увидел, как из-под массы волос, рассыпавшихся по ее груди, поднялась рука, сжимавшая револьвер. Алан узнал это оружие — один из пары легких автоматических пистолетов, полученных им от Карла Ломена в подарок несколько лет тому назад. Гордость и восхищение охватили Алана: до сих пор Мэри прятала оружие, но она все время была готова сражаться — сражаться рука об руку с ним против врагов!

Ему хотелось остановиться, обнять ее и поцелуями сказать ей, какая она прелесть! Но вместо этого он еще быстрее устремился вперед, и они пошли к поросшей оской ложбине, отделявшей их от ранчо.

Через ложбину вела узкая тропинка, проложенная топорами сквозь море кустов и осоки, покрывавшей дно вязкой трясины. Очутившись здесь, Алан на секунду остановился. Он знал, что впереди была безопасность. Девушка прислонилась к нему и почти повисла на его руке. Последние двести ярдов обессилили ее. Ее голова откинулась назад, и Алан, отстранив мягкие волосы, стал целовать губы и глаза, а револьвер девушки, зажатый у нее в руке, лежал

у него на груди. Даже теперь, задыхаясь от быстрой ходьбы и не будучи в силах говорить, она улыбалась ему. Алан схватил ее на руки и ринулся по узкой тропинке, которую, как он знал, преследователи не сразу найдут, если даже и заметят их. Он удивился ее легкости. Она походила на ребенка у него на руках, на маленькую фею, окутанную длинными волосами. Он крепче прижал ее к себе и помчался по направлению к ранчо. Он чувствовал, как ее нежные руки обхватили его шею, он ощущал на лице ее прерывистое тяжелое дыхание. Ее беспомощность вливала в него силу и счастье.

Когда первые брызги медленно надвигавшихся туч капнули в лицо, они уже миновали дно ложбины. Теперь уже Алан мог видеть дальше — почти до середины пройденной узкой тропинки. Он стал подниматься по склону, и тогда Мэри Стэндиш выскользнула из его рук. Силы вернулись к ней, и она встала на ноги, глядя ему в лицо. Алан, тяжело дыша, остановился. Перед ним смутно вырисовывался из полумрака загон. В окнах дома не видно было света. Повсюду царил мертвая тишина.

Вдруг что-то поднялось с земли почти у их ног. Движение сопровождалось глухим, дрожащим, призрачным криком, который лишь они могли расслышать. Соквэнна стоял рядом с ними. Он быстро начал говорить. Только Алан понял, что он сказал. В его появлении было что-то таинственное. С волос и бороды старика стекала вода. Глаза метали искры, когда он оглядывался по сторонам; когда Соквэнна, жестикулируя, заговорил своим монотонным голосом, не переставая всматриваться в дно ложбины, он походил на жуткого гнома.

— Что он говорит? — спросила девушка.

— Он рад нашему возвращению. Он услышал выстрелы и пошел к нам навстречу.

— А что еще? — настаивала она.

— Старый Соквэнна очень суеверен, и его нервы разыгрались. Он говорит такие вещи, которых вы не можете понять. Вы, пожалуй, сочли бы его сумасшедшим, если бы он стал вам рассказывать, что духи его товарищей, убитых в расщелине много лет тому назад, сегодня ночью явились к нему, чтобы предупредить о надвигающихся событиях. Во всяком случае, он предусмотрителен; как только мы скрылись из виду, он приказал всем женщинам и детям скорее покинуть поселок и скрыться в горах. Киок и Ноадлюк отказались уходить. Я рад, что они не все ушли. Если бы за ними погнались и их захватили бы люди вроде Грэйхама и Росланда...

— Лучше смерть, — закончила за него Мэри Стэндиш, сильнее сжав его руку.

— Да, я тоже так думаю. Но теперь это не может случиться. В открытом месте преимущество было бы на их стороне. Но мы сможем держаться в доме Соквэнны, пока соберутся Смит и пастухи. Если внутри будут две хорошие винтовки, они не решатся напасть на дом с голыми руками. Преимущество теперь всецело на нашей стороне. Мы сможем стрелять, а они не решатся пустить в ход свои ружья.

— Почему?

Потому что вы будете в доме. Грэйхам хочет получить вас живой, а не мертвой. А пули...

Они уже достигли дома Соквэнны, но вдруг в недоумении обернулись назад, вглядываясь во мглу, из которой они убежали. Позади загона раздались голоса людей, — они больше не пытались скрыть свое присутствие. Люди Грэйхама нашли ранчо и громко кричали. С разных концов тундры доносились ответные крики. Слышались беготня и резкие приказания. Кто-то запутался в осоке и изрыгал проклятия. Голоса спешивших врагов донеслись с края ложбины. Сердце Алана замерло. Было что-то жуткое в том, как быстро и как деловито собирались неприятельские силы. Вдруг он услышал голоса людей около своего дома. Двери открылись. Кто-то с треском высадил окно. В сером тумане вспыхнули огни.

И тогда из окна чердака над их головами заговорила винтовка Соквэнны. Раздался выстрел, а за ним послышался крик. Бледные вспышки мелькали в окне, когда старый воин начал стрельбу. Прежде чем раздался последний из пяти последовательных выстрелов, Алан был уже в доме и запирает на засов дверь. На полу горели свечи, а за ними притаились Киок и Ноадлюк. С первого же взгляда Алан понял, что сделал Соквэнна. Комната была превращена в арсенал. Ружья были приготовлены для стрельбы. Кучи патронов валялись тут же рядом. В глазах Киок и Ноадлюк сверкал огонь решимости. Они держали в руках блестящие патроны, чтобы, не теряя времени, заряжать винтовки, как только все заряды из них будут выпущены.

Посредине комнаты стояла Мэри Стэндиш. Свечи, затененные так, чтобы их не было видно из окна, слабо освещали ее бледное лицо и распущенные волосы. Когда она взглянула на Алана, он прочел в ее глазах ужас.

Он только собрался было заговорить, желая убедить ее, что особенной опасности нет, что люди Грэйхама не будут стрелять по дому, как снаружи во мраке ночи разверзся форменный ад. Бешеная дробь ружей была ответом

на пальбу Соквэнны. Град пуль обрушился на бревенчатые стены. Две из них с шипением змеи влетели в окна. Одним прыжком Алан очутился около Мэри и почти бросил ее на пол рядом с Киок и Ноадлюк. Его лицо было бледно, весь его мозг горел огнем.

— Я думал, что они не будут стрелять в женщин, — сказал он. Его голос был страшен своей необычайной твердостью. — Я ошибся. Но теперь я понимаю.

С винтовкой в руках он осторожно приблизился к окну. Он больше не обманывал себя и знал, что Грэйхам думал, на что он рассчитывал и что собирался делать, и его охватил ужас. И Грэйхам и Росланд знали, что каким-нибудь путем Мэри Стэндиш будет в безопасности в доме Соквэнны. Они начали отчаянную игру в уверенности, что Алан Холт найдет для нее убежище, а сам будет сражаться, пока не погибнет. Это был очень тонко задуманный план, предусматривавший попросту убийство. А он, в результате всех этих планов, был жертвой, обреченной на смерть.

Стрельба прекратилась, и наступившая за ней тишина много говорила Алану. Ему давали определенный срок на то, чтобы позаботиться о тех, кто был на его попечении. В полу имелась откидная дверь. Она вела в маленький чулан и погреб, откуда был выход наружу в ложбину. При свете свечи Алан увидел, что дверь в погреб открыта и подперта палкой. Соквэнна все предвидел.

Присев у окна, Алан взглянул на девушек. Киок с ружьем в руках подползла к лестнице, которая вела на чердак, и полезла по ней. Она шла к Соквэнне, чтобы заряжать его ружье. Алан указал на открытую дверь вниз.

— Скорей, идите туда! — крикнул он. — Это единственное безопасное место. Вы можете заряжать там и передавать наверх ружья.

Мэри Стэндиш пристально посмотрела на него, но не шевельнулась. Она сжимала в руках ружье, Ноадлюк тоже не двинулась с места. Киок продолжала подниматься наверх и наконец исчезла в темноте.

— Идите в погреб! — тоном приказания сказал Алан. — Если вы этого не сделаете...

Улыбка осветила лицо Мэри, бесстрашная и нежная улыбка, показавшаяся в этот час смертельной опасности лучом света, прорезавшим мрак. Мэри Стэндиш медленно подползла к Алану; в одной руке она тащила ружье, а в другой был зажат маленький револьвер. Опустившись около его ног, окруженная рассыпавшимися блестящими волосами, она все еще улыбалась и спокойным тихим голосом, заставившим его затрепетать, сказала:

— Я буду помогать вам драться.

За ней подползла Ноадлюк, волоча другое ружье и передник, полный патронов.

А наверху в темной отверстии чердачного окна бегающие глаза Соквэнны уловили движение теней в сером тумане, и его винтовка еще раз послала смертельный вызов Джону Грэйхаму и его людям.

То, что последовало за этим, согнало улыбку с губ Мэри. Стон вырвался из ее груди: человек, которого она любила, встал во весь рост перед открытым окном, навстречу гонцам смерти, снова забарабанившим по бревенчатым стенам дома.

ГЛАВА XXV

Объятый несдержанной, безумной страстью, Джон Грэйхам не побоялся попрасть все законы. Он был уверен, что Холт предохранит Мэри Стэндиш от всякой опасности. Во всем этом уже нельзя было больше сомневаться, когда пролетели первые минуты после выстрелов Соквэнны из чердачного окна.

Алан просунул свою винтовку в окно нижней комнаты, которое было тщательно забаррикадировано предусмотрительным старым воином, оставившим открытым лишь маленькое отверстие, дюймов в восемь. В это время ружейный залп прорезал серый густой сумрак ночи. Алан услышал жужжание и шипение пуль и их визгливое пение, напоминавшее рассерженных пчел, когда они пролетали с быстротой молнии над крышей дома. Их щелканье по бревенчатым стенам походило на глухой стук пальцем по спелому арбузу. Было что-то захватывающее, почти приятное в этом звуке; как-то совсем забывалось, что он несет с собою смерть. Алан не испытывал ни малейшего страха, когда он внимательно вглядывался туда, откуда раздавались выстрелы, стараясь заметить чью-нибудь тень. Тут и там мелькали слабые вспышки; и в том направлении он начал стрелять с такой быстротой, с какой только он успевал выбрасывать израсходованные патроны и спускать курок.

Потом, выпустив все заряды, он наклонился. Мэри Стэндиш подала ему другое, заряженное ружье. Ее лицо казалось восковым в своей мертвенной бледности. Она не спускала с него глаз, в глубине которых горели отчаяние и страх. Она боялась не за себя, а за него. Ее губы шептали в безмолвной мольбе его имя. И в это мгновение пуля ударила в отверстие, перед которым Алан только что встал. Шипящий вестник с бешеной яростью ударился обо что-то

позади них. Мэри Стэндиш с криком ужаса обхватила руками голову Алана, наклонившегося к ней.

— Они убьют вас, если вы будете там стоять! — простонала она. — Отдайте им меня, Алан. Если вы любите меня, отдайте меня!

Внезапно пуля ударилась в стену, другая пролетела так близко от Ноадлюк, что кровь Алана похолодела. Пули нашли себе дорогу сквозь мох и землю, которыми были заткнуты отверстия между бревнами. Руки Алана страстно обхватили стройное тело девушки. Прежде чем Мэри поняла, в чем дело, он подскочил вместе с ней к погребу и почти сбросил ее вниз. Потом он силой заставил спуститься туда же Ноадлюк и швырнул вслед им разряженное ружье и передник с патронами. Его лицо казалось страшным, когда он отдавал им приказания:

— Если вы не останетесь в погребу, я выйду наружу и буду сражаться! Понимаете? *Оставайтесь на месте!*

Сжатый кулак Алана чуть не касался их лиц; он почти кричал. Новая пуля загремела, ударившись о жестяную посуду. Вслед за этим с чердака послышался крик Киок.

Наверху в темноте со стуком упало ружье Соквэнны. Старый воин согнулся почти пополам и иссохшими руками схватился за живот. Он стоял на коленях; его дыхание внезапно перешло в сдавленный крик. Потом он медленно выпрямился, что-то сказал Киок успокоительным тоном и опять повернулся к окну с ружьем, которое она зарядила.

Как только с губ Киок сорвался крик, Алан подскочил к лестнице и позвал ее. Она спустилась к нему с совершенно темного чердака и, всхлипывая, сказала, что Соквэнна ранен. Алан, протянув руки, схватил ее и толкнул вниз, в погреб, где уже были Ноадлюк и Мэри Стэндиш.

Он опять подошел к окну. В его душе жило одно желание — убивать, мстить! Как бы в ответ на свое желание, он увидел, что его дом вдруг озарился. Желтые языки пламени, танцуя, показались в окнах. Целый поток огня вырвался из открытой двери. Стало так светло, что Алан мог различить легкую завесу дождя и медленно сгущавшийся сырой туман, обволакивающий землю. Сердце Алана бешено забилося, меж тем как с каждой секундой пламя разгоралось все ярче. Они подожгли его дом. Это не были больше белые люди, — это были форменные дикари.

Несмотря на то, что сердце Алана готово было разорваться, он оставался до ужаса спокоен. Широко раскрытыми глазами охотника, несущего смерть, он пристально глядел перед собой. Соквэнна замолк. Вероятно, умер. Киок всхлипывала в погребу.

При зареве пожара Алан заметил чьи-то очертания.

Двигались три или четыре фигуры. Он ждал, пока они не станут лучше видны. Он знал, что они задумали — изрешеченный пулями дом потерял способность сопротивляться. Страстно желая, чтобы тот, в кого он целился, был Грэйхамом, он выстрелил. Человек рухнул на землю, как падают только мертвые. Алан метко продолжал стрелять по остальным: один выстрел, второй, третий и четвертый — он попал еще в двух. Восторг охватил его при мысли, что он удачно стреляет, если принять во внимание обстоятельства.

Он прыгнул назад за другим ружьем. Его ждала Мэри Стэндиш, высунув из погребца голову и плечи, с винтовкой в руках. Она всхлипывала, глядя прямо на него глазами, в которых блестели слезы.

— Спрячьтесь! — предостерег он ее. — Спрячьтесь под пол!

Он догадывался, что произойдет. Он показал теперь врагам, что жизнь еще не угасла в доме и таит еще в себе смерть. А потому из-за прикрытия других домов, из темноты, куда не проникало зарево от пылавшего дома, ружейные залпы затрещали с новой силой, наполнив ночь ужасным грохотом. Он бросился лицом вниз на пол, под защиту нижнего бревна здания. Ни одно живое существо не могло бы устоять против того, что происходило в эти мгновения. Пули прорывались сквозь окна и мох между бревнами и гремели по стеклам и жестяной посуде. Одна из свечей разлетелась на кусочки. И в этом аду Алан услышал крик и увидел, что Мэри Стэндиш вышла из погребца и направляется к нему. Он так быстро бросился на пол, что она подумала, что он ранен. Он крикнул ей... Его сердце оледенело от ужаса, когда он увидел, что одна из пуль срезаала прядь ее волос, упавших на пол. В этот ужасный момент девушка, бледная и спокойная, стояла под ружейным обстрелом. Прежде чем она успела подвинуться еще на шаг, он был рядом с ней и, схватив ее на руки, спрыгнул с ней в погреб.

Пуля прожужжала над ними. Алан так крепко сжал Мэри, что на несколько секунд жизнь, казалось, покинула ее тело.

Струя холодного воздуха повеяла ему вдруг в лицо. Он оглянулся — Ноадлюк не было в погребе. В глубоком мраке под полом раздался шорох, и он услышал, что она движется; потом он увидел четырехугольник слабого света. Ноадлюк приползла назад и дотронулась до него рукой.

— Мы можем убежать отсюда! — тихо воскликнула она. — Я открыла маленькую дверь. Мы можем проползти в нее и спуститься в лощину.

Ее слова и четырехугольник света показались Алану откровением. Он ни на минуту не мог вообразить, что Грэйхам превратит его дом в смертельную западню. Слова Ноадлюк наполнили душу его внезапным трепетом надежды. Выстрелы опять затихли. Он будет сдерживать наступление. Пока он там, Грэйхам и его люди не осмелятся проникнуть в дом. Во всяком случае, они будут долго колебаться, прежде чем решатся на это. Тем временем девушки смогут убежать в лощину. В той стороне нет никого, кто бы мог преградить им путь, а Киок и Ноадлюк хорошо знают дорогу в горы. Для них это будет спасением. Он же останется в доме и будет сражаться, пока не придут Смит и пастухи.

Бледное лицо, прижавшееся к его груди, было холодно и почти безжизненно. В нем было что-то такое, что испугало Алана. Он знал, что его доводы не подействуют, что Мэри Стэндиш не уйдет. И все же она не отвечала ему, ее губы даже не делали попытки шевельнуться.

— Уходите... ради их спасения, если не ради вашего и моего, — настаивал Алан, отстраняя ее от себя. — Подумайте, что произойдет, если эти скоты схватят Киок и Ноадлюк! Грэйхам — ваш муж, и он будет охранять вас для себя. Но этим девушкам не будет никакой пощады, для них нет никакого спасения, ничего, кроме более страшной участи, чем смерть... Они будут подобны двум овечкам, брошенным в стадо волков...

В ее глазах засветился ужас. Киок всхлипывала, из груди Ноадлюк вырвался стон, который она мужественно пыталась подавить.

— А вы? — прошептала Мэри.

— Я должен остаться здесь. Это единственная возможность.

Она молча позволила Алану увести себя к выходу вместе с Киок и Ноадлюк. Киок первая пролезла в отверстие, потом Ноадлюк и Мэри Стэндиш — последняя. Она больше не прикоснулась к нему, не сделала ни одного движения в его направлении, не произнесла ни слова. Все, что Алан помнил о ней, когда она скрылась во мраке, были ее глаза. В этом последнем взгляде она отдала ему свою душу; ни шепот, ни прощальная ласка не сопровождали его.

— Идите осторожно, пока не выберетесь из лощины, потом поторопитесь к горам, — были последние слова Алана.

Он видел их фигуры, расплывшиеся в тусклом сумраке, и вскоре серый туман поглотил их.

Он бросился назад, схватил заряженное ружье и подскочил к окну, зная, что должен продолжать сеять смерть, пока сам не будет убит. Только таким образом сможет он сдержать Грэйхама и дать беглянкам возможность спастись. Он осторожно выглянул из окна. Его дом был багровым от пламени. Огненные языки вырывались из окон и дверей. В то время как он тщетно искал признаки жизни во дворе, до него донесся грохот и треск. Смолистые стены были так быстро охвачены пламенем, что в нем занялось дыхание. Дом превратился в раскаленный горящий факел, свет от которого был ослепительней лучей солнца.

В этот освещенный круг внезапно вступила фигура, махавшая белым лоскутом, привязанным к концу длинной палки. Человек медленно приближался, сначала осторожно, нерешительно, как бы будучи не уверен в том, что произойдет. Потом он остановился, весь залитый заревом пожара, представляя превосходную мишень для выстрела из дома Соквэнны. Это был Росланд. Несмотря на напряженный драматизм момента, Алан не мог подавить мрачной улыбки, появившейся на его губах. Росланд был непоследовательным человеком, подумал он. Только недавно он позорно бежал, испугавшись свирепого вида Алана, а теперь со смелостью, которой нельзя было не восхищаться, он подвергал себя неминуемой смерти, защищаясь только символом перемирия, развивавшимся над его головой. Мысль о том, что честь обязывает уважать этот символ, ни на секунду не мелькнула в мозгу Алана. Его держал убийца, человек более подлый, пожалуй, чем убийца, если только такое существо есть на земле; и для него смерть — справедливый конец. Только изумительное самообладание Росланда и желание узнать, что он скажет, удержали Алана от того, чтобы спустить курок.

Он ждал. Росланд опять двинулся вперед и остановился всего лишь в ста футах от дома. Тревожная мысль промелькнула в голове Алана, когда он услышал свое имя. Он не видел других фигур или теней за Росландом, а пылавшее здание теперь ярко освещало окна дома Соквэнны. Быть может, Росланд только играет роль приманки, а в тот момент, когда Алан покажется для переговоров, десяток спрятанных ружей начнут предательски действовать? Он вздрогнул и продолжал стоять, притаившись ниже отверстия окна. Грэйхам и его компания были вполне способны на такой предательский шаг.

Голос Росланда раздался, покрывая собой треск и грохот пылавшего здания.

— Алан Холт! Вы здесь?

— Да, я здесь, — крикнул в ответ Алан. — И мое ружье направлено в ваше сердце, Росланд, и мой палец на курке. Что вам угодно?

На одно мгновение воцарилось молчание, как будто сознание опасности, перед которой он стоял, дошло наконец до Росланда. Потом он сказал:

— Мы вам даем последний шанс, Холт. Не будьте дураком! Предложение, которое я сделал вам сегодня, все еще остается в силе. Если вы не примете его, в дело вмешается закон.

— Закон?

Голос Алана походил на дикий хохот.

— Да, закон. Закон стоит за нас. Мы обладаем неотъемлемым правом вернуть похищенную жену, пленницу, которую вы принудительно и с преступными намерениями удерживаете. Но мы не хотим пускать в ход закон, пока не будем к тому вынуждены. Вы и старый эскимос убили троих наших людей и двоих ранили. Вас ожидает веревка, если вы попадетесь живыми. Но мы готовы забыть все, если вы примете предложение, сделанное мной сегодня. Что вы скажете?

Алан был ошеломлен. Он не мог говорить от ярости, сознавая чудовищную уверенность, с которой Грэйхам и Росланд вели свою игру. Но он все еще молчал, а Росланд продолжал убеждать его, думая, что Алан наконец сдастся.

Наверху, на темном чердаке, старый Соквэнна слышал голоса, напоминавшие шепот призраков. Он, скорчившись, лежал под окном, и холод медленно охватывал его. Но голоса пробудили старого воина. Это были не чужие голоса — они доносились из далекого прошлого, они зывали к нему, они убеждали его и настойчиво звенели в его ушах криками мести и торжества, знакомыми именами, стонами женщин, рыданиями детей. Призрачные руки помогли ему, и в последний раз Соквэнна выпрямился у окна. В его глазах отражался свет горящего дома. Он с трудом поднял свою винтовку. Слыша за собой взволнованные голоса своего народа, он припер винтовку к оконной раме и, задыхаясь, направил ее на фигуру, двигающуюся между ним и ослепительным светом чудесного солнца, каковым казался ему пылающий дом. Потом он медленно и с большим трудом нажал на курок, и последний выстрел Соквэнна исполнил свое назначение.

При звуке выстрела Алан выглянул в окно. Одно мгновение Росланд неподвижно стоял, потом палка с белым флагом в его руках закачалась и упала, а следом за ней, не издав ни звука, Росланд сам тоже медленно начал опускаться, и темное неподвижное пятно осталось на земле.

Ошеломляющая быстрота, с которой Росланд перешел от жизни к смерти, потрясла Алана. Ужас на короткое время охватил его, и он продолжал смотреть на темное затихшее пятно, забыв об опасности, угрожавшей ему самому. Мрачная, жуткая тишина воцарилась вслед за выстрелом. А потом, казалось, тишину нарушил один крик, хотя он вырвался из груди множества людей. Стремительный, трепещущий крик был вестником, вернувшим Алана к действительности. Росланд был убит несмотря на то, что его защищал белый флаг; а меж тем даже люди Грейхама питали что-то вроде уважения к этому символу.

Теперь ему нечего надеяться на пощаду; его ждет самая страшная месть от их рук. Алан отпрыгнул назад от окна; шепотом ругая Соквэнну, он чувствовал в то же время радость, что старик жив.

Прежде чем снаружи раздались выстрелы, Алан поднялся по лестнице и через мгновение стоял, склонившись над скрюченным телом старого эскимоса.

— Идем вниз! — приказал он. — Надо приготовиться к бегству через погреб.

Он дотронулся до лица Соквэнны, а потом в нерешительности, ощупывая тело в темноте, рука Алана легла на сердце старика. В груди старого воина не слышалось трепета или биения жизни. Соквэнна был мертв.

Ружья людей Грейхама снова открыли огонь. Залп за залпом ударялся в дом, когда Алан спустился по лестнице. Он слышал, как пули влетали через щели и окна, и быстро направился к погребу, чтобы укрыться в нем.

Но он был несказанно ошеломлен, когда увидел, что Мэри Стэндиш вернулась в дом и дожидается его.

ГЛАВА XXVI

Изумленный и в первое мгновение сбитый с толку неожиданным появлением Мэри, Алан стал у двери, которая вела в погреб, устремив взгляд на бледное лицо девушки и совершенно не обращая внимания на ураганный обстрел дома. Тот факт, что она не ушла с Киок и Ноадлюк, а вернулась к нему, внезапно наполнил душу Алана ужасом. Дорогие минуты, ради которых он сражался, были потеря-

ны, драгоценное время, выигранное переговорами с Росландом, пропало даром.

Она прочла неудовольствие на его лице и поняла, какой опасности он подвергал себя; выскочив наверх, она схватила его за руку, чтобы стянуть за собою в погреб.

— Неужели вы могли думать, что я уйду? — сказала Мэри голосом, уже не дрожавшим от волнения.. — Вы не должны желать, чтобы я оказалась трусихой. Мое место здесь, с вами.

Алан не мог ничего ответить под взглядом глаз, обращенных на него. Сердце его отошло, но что-то подступило к горлу.

— Соквэнна умер. Росланд лежит там, убитый под белым флагом. В нашем распоряжении осталось не много минут.

Он смотрел на четырехугольник света — выход из погреба в ложбину. Один он еще мог надеяться выбраться из дому через это отверстие и продолжать борьбу. Но вместе с ней это было бы напрасной попыткой.

— Где Киок и Ноадлюк? — спросил он.

— Они в тундре и бегут к горам. Я сказала им, что вы велели мне вернуться. Когда они начали сомневаться, я пригрозила, что отдамся сама в руки врагов, и тогда они послушались меня. И... Алан... в лощине серый туман и мгла...

Она прижала его руки к своей груди.

— В этом-то и наше единственное спасение, — ответил Алан.

— А вы рады, хоть немного рады, что я не убежала без вас?

Даже в этот момент нежная улыбка заиграла на ее губах, а в голосе послышался шутливый упрек. Величие ее любви, доказательством которой служил ее поступок, заставило Алана ответить правду.

— Да, я рад. Странно, но я счастлив в эти минуты. Если они дадут нам четверть часа...

Он быстро направился к четырехугольнику света и первым вылез в густой туман. Дождь, продолжавший чуть моросить, был еле заметен. Пули, визжа, проносились над его головой в сырой мгле. Пылающее здание освещало открытое пространство вокруг дома Соквэнны, усиливая тьму в ложбине. Через несколько секунд Алан и Мэри, держась за руки, стояли уже под покровом тумана, скрывшего узкий ход.

Внезапно выстрелы стали носить беспорядочный характер, а вскоре совсем прекратились. Алан этого не ожи-

дал. Люди Грэйхама, взбешенные и возмущенные смертью Росланда, сразу бросятся теперь к дому. Едва эта мысль пронеслась в его голове, как он услышал быстро приближавшиеся крики, шум шагов и удары чем-то тяжелым по забаррикадированной двери. Через минуту-две их бегство будет обнаружено, и толпа людей перережет им путь.

Мэри потащила его за руку.

— Поспешим, — торопила она его.

То, что произошло потом, казалось девушке полным безумием. Ибо, крепко сжимая ее руку, Алан повернул назад и полез по склону, как бы прямо навстречу врагам. Сердце Мэри внезапно затрепетало от страха, когда они почти вошли в круг, освещенный пожарищем. Как тени, проскользнули они под более темное прикрытие строений загона. Только очутившись там, Мэри поняла значение их рискованного плана. Люди Грэйхама уже проникли в ложбину.

— Когда они заметят нашу хитрость, будет уже слишком поздно, — взволнованным голосом прошептал Алан. — Мы направимся к расщелине. Смит и пастухи должны прибыть через несколько часов. А когда они...

Подавленный стон прервал его. В нескольких шагах от них лежала скрюченная от боли фигура человека, прижавшегося к воротам загона.

— Это раненый, — прошептала Мэри после маленькой паузы.

— Надеюсь, что это так, — безжалостным тоном ответил Алан. — Будет большим несчастьем для нас, если в нем осталось достаточно жизни, чтобы предупредить товарищей о нашем бегстве.

Тон его голоса заставил девушку задрожать. Казалось, что милосердию нет больше места здесь, а позади них были дикари. Когда они пробирались в тени загона, она снова слышала стон раненого.

Туман начал рассеиваться, небо прояснилось. Мэри могла только теперь лучше видеть Алана. Они подошли к узкой тропинке, по которой они уже однажды бежали сегодня ночью; она простиралась вдаль, подобно тонкой темной ленте. Но едва они успели добраться до этого места, как неподалеку раздался выстрел. За ним последовал второй, потом третий, а затем послышался крик. Это был не громкий крик. В нем было что-то напряженное, призрачное и все-таки Алан и Мэри отчетливо слышали его!

— Раненый, — произнес Алан с ужасом в голосе. — Он сзывает других. Я должен был убить его.

Он шагал так быстро, что девушка бежала рядом с ним. К ней вернулись былая решимость и выносливость. Она без труда дышала и все ускоряла шаги, подгоняя Алана. Они шли вдоль целого ряда холмов, за которыми находились ивы и пруд. Достигнув конца холмов, они остановились, чтобы передохнуть и прислушаться. Уши Алана, привыкшие разбираться в ночных шорохах тундры, уловили слабые звуки, которых не слышала его спутница. Раненому удалось привлечь внимание своих товарищей, и преследователи рассыпались по равнине позади них.

— Можете вы бежать дальше? — спросил он.

— Куда?

Он показал ей рукой. Девушка устремилась впереди него. Ее темные волосы, рассыпанные волной по плечам и спине, начали отливать блеском при усиливающемся свете. Если еще раньше, чем они достигнут расщелины, мгла тумана и облаков рассеется, уступив место проблескам наступившего дня, то ему придется сражаться на открытом месте. Будь рядом с ним Смит, Алан приветствовал бы возможность вступить в открытый бой с врагами. В просторной тундре нашлось бы много удобных мест, откуда можно легко отражать нападение. Но присутствие девушки пугало его. В конце концов, ведь она была та, кого преследовали эти люди. Он, лично, прямого отношения к делу не имел. С него большего не могли взять, чем его жизнь, и он готов был с ней расстаться, как расстался Соквэнна. А ее ждал невыразимый ужас гнусной любви Грэйхама. Если бы только удалось им достигнуть расщелины и скрыться среди скал, — о, тогда они смогут смеяться над шайкой скотов Грэйхама! А скорая расправа наступит тогда, когда явятся Смит и пастухи.

Алан посмотрел на небо — оно быстро прояснялось. Даже в низинах туман начал растворяться. А в тех местах, где он уже рассеялся, показался слабый розоватый свет. Заря занималась. Солнце посылало золотые лучи сквозь разрываемую понемногу завесу мрака, пока что скрывавшую еще от него тундру. На расстоянии ста шагов предметы уже не казались больше призрачными.

Девушка, не останавливаясь ни на секунду, продолжала бежать; она легко с удивительной скоростью подвигалась в том направлении, которое указал ей Алан. Ее выносливость была изумительна. Алан знал, что она, не нуждаясь в вопросах, догадывается о том, что происходит позади них. Внезапно она остановилась, закачалась, как тростинка, и, наверное, упала бы, если бы Алан не успел подхватить ее.

— Великолепно! — воскликнул он.

Она лежала у него на груди, с трудом переводя дыхание. Ее сердце бешено колотилось.

Они подошли к краю неглубокого оврага, конец которого находился на расстоянии полумили от расщелины. На это прикрытие, до которого им удалось добраться благодаря выдержке Мэри, и рассчитывал Алан.

Он подхватил ее на руки и снова понес, как нес через дно ложбины. Каждая минута, каждый шаг вперед были дороги теперь. Поле зрения, доступное глазу человека, все ширилось. Солнечные блики заиграли на поверхности тундры. Через четверть часа можно будет уже ясно видеть движущиеся фигуры на расстоянии одной мили.

Со своей драгоценной ношей на руках, чувствуя дыхание и биение сердца девушки, Алан внезапно подумал, как мало соответствует моменту пение птиц, просыпавшихся вокруг. Казалось невероятным, что этот день — величественный в своей свежести и приветствуемый разными голосами всех живых существ — может быть днем трагедий, ужаса и гибели, нависшей над их головами. Ему хотелось громко выразить протест и крикнуть, что все, что здесь происходит, — неправда. Казалось бессмысленным, что он должен обременять свои руки тяжелой винтовкой, в то время как ему хотелось держать в них только то сокровище, которое он нес.

Вскоре Мэри снова уже шагала рядом с ним. Время от времени Алан поднимался на возвышенность изломанного края оврага и оглядывал тундру. Два раза он видел людей и по их движениям делал заключение, что враги надеются их найти в тундре, где-нибудь неподалеку от ранчо.

Через три четверти часа они достигли конца узкого оврага. Расстояние в полмили по гладкой равнине отделяло их от расщелины. Они немного отдохнули, и в этот промежуток времени Мэри привела в порядок свои длинные волосы и заплела их в две косы. В эти несколько минут Алан тоже подбадривал ее. Но он не лгал ей. Он сказал ей, что это расстояние в полмили по открытой тундре и есть самое опасное место, и описывал ей опасности, которым они могут подвергнуться. Он не преминул объяснить ей, что она должна будет делать при известных обстоятельствах. У них не было почти надежды миновать открытое место незамеченными. Но они настолько опередили погоню, что им удастся значительно раньше добраться до расщелины. Если враги окажутся между ними и расщелиной, то придется найти углубление или укрыться за скалой и вступить в бой. А если преследователи все же окажутся быстрее их, то Мэри должна продолжать путь к расщелине, и возмож-

но быстрее. О он тем временем будет подвигаться медленнее, сдерживая людей Грэйхама своей винтовкой, пока Мэри не достигнет края расщелины. Тогда он возможно быстрее присоединится к ней.

Они пустились в путь и через пять минут вышли уже на поверхность тундры. Вокруг них во все стороны простиралась освещенная солнцем равнина. В полумиле позади, со стороны ранчо, двигались люди; дальше к западу были другие; а на востоке, почти на краю оврага, виднелись два человека, которые моментально заметили бы Алана и Мэри, если бы они не спустились в небольшое углубление. Алан мог даже видеть, как эти люди стали на колени, чтобы напиться из ручья.

— Не торопитесь, — сказал он. Внезапно его осенила мысль. — Идите параллельно со мной и на некотором расстоянии от меня. Они могут не узнать в вас женщину, примут нас, пожалуй, за своих же товарищей. Останавливайтесь, как только я буду останавливаться. Подражайте всем моим движениям;

— Слушаюсь!

Теперь, при свете солнца, она не боялась. Ее лицо пылало, глаза горели огнем. Лицо и руки были покрыты грязью. Платье было испачкано и порвано. Взглянув на нее, Алан засмеялся и тихо воскликнул:

— Ах, вы очаровательный бродяга!

Чтобы со своей стороны ободрить его, она рассмеялась в ответ. Она шла впереди, внимательно наблюдая за ним, так хорошо прониклась его планом, что ее движения лучше соответствовали их намерениям, чем его собственные.

Они сделали уже треть пути по ровной тундре, когда Алан вдруг приблизился к ней и произнес:

— Теперь бегите!

Она с первого же взгляда уяснила себе положение. Первые двое преследователей вышли из углубления и неслись к ним.

С быстротой птицы Мэри помчалась впереди Алана, держа направление на указанную ей на краю расщелины скалу. Оставаясь чуть позади, Алан крикнул ей:

— Не теряйте ни секунды. Продолжайте бежать. Когда они будут ближе, я их перестреляю. А вы не должны останавливаться.

Время от времени Алан оглядывался назад. Преследователи быстро приближались. Он выждал, пока расстояние между ними сократилось до двухсот ярдов. Тогда он нагнал Мэри.

— Видите ровное место впереди? Через минуту-две мы минуем его. Когда они достигнут этого места, я остановлюсь — они окажутся в западне, так как им не найти такого прикрытия. Но вы должны продолжать бежать. А к тому времени, когда вы очутитесь у края расщелины, я уже догоню вас.

Она не ответила и побежала быстрее. Когда ровное пространство осталось позади них, девушка услышала, что шаги Алана затихли. Ее сердце готово было выпрыгнуть из груди. Она знала, что настало время, когда Алан должен будет повернуться к врагам. Но она помнила каждое слово его приказания, произнесенного тихим голосом, и его предупреждение; она ни разу не обернулась, а устремила свой взгляд на скалу, до которой уже оставалось немного. Она почти достигла ее, когда позади раздался первый выстрел.

Не издав ни звука, который мог бы встревожить Мэри, Алан упал, делая вид, что споткнулся. Одну секунду он лежал ничком, как бы оглушенный, а потом поднялся на колени. Только теперь, увидев направленную на них винтовку, блестящую на солнце, люди Грэйхама с опозданием поняли его хитрый замысел. Быстрота, с которой они преследовали его, послужила причиной их гибели. Не зная, что делать — искать ли прикрытия, чтобы оттуда пустить в ход свои ружья, или упасть на землю, они несколько мгновений мешкали, и это оказалось для них роковым. Один из них упал при первом же выстреле Алана. Прежде чем раздался второй выстрел, его товарищ распластался на земле. Алан с молниеносной быстротой вскочил на ноги и помчался к расщелине. Когда он присоединился к Мэри, та стояла, прислонившись к большой скале, и тяжело дышала. Пуля угрожающе просвистела над их головами. Алан не ответил на выстрел и только быстро потащил девушку за скалу.

— Он не осмелится подняться, пока другие не придут на помощь, — ободрил ее Алан. — Мы их проведем за нос, милая девушка. Если вы только сможете продержаться еще несколько минут...

Все еще с трудом переводя дыхание, Мэри улыбнулась ему. Ей казалось, что не было возможности спуститься по крутым нависшим скалам, находившимся между мрачными отвесными стенами расщелины. Она тихо вскрикнула, когда Алан схватил ее на руки и спустил вниз на плоский выступ крутого ската. Спрыгнув за ней, он засмеялся при виде ее страха. Крепко держа девушку, он пополз с ней вдоль зияющей бездны под свисавшим над ними утесом и

добрался до скрытой тропинки, которая вела вниз. По мере того как они спускались, дорожка становилась шире. Наконец они спустились на самое дно, окутанное мраком. Их окружали суровые, чудовищные скалы, черные и скользкие, отшлифованные временем. Они с большим трудом продвигались между ними. Шум струящейся и капающей воды, сырой и затхлый воздух — все это вызвало в душе Мэри Стэндиш содрогание и ужас. Здесь не было жизни; здесь раздавался только шепот тысячелетий, и этот шепот казался частицей смерти. Когда сверху донеслись голоса собравшихся там людей Грэйхама, они чудились далекими и призрачными.

Но зато здесь было убежище и спасение. Мэри чувствовала это, когда она и Алан пробирались через холодный мрак, наполнявший безмолвные ходы между скалами ущелья. Когда ей случалось коснуться рукой голого уступа, она, хотя и сознавала, что в этих скалах ее спасение, все же не могла подавить в себе необъяснимой дрожи, которая заставила ее теснее прижиматься к Алану. Эти выступы напоминали колоссов, высеченных руками давно исчезнувших людей. Их теперь охраняли духи (согласно повериям эскимосов), голоса которых тихо и таинственно перешептывались в каплях и струйках невидимой воды. Здесь была обитель привидений. В этой бездне смерть и мщение пожрали сами себя в те далекие времена, когда Мэри еще не было на свете. И когда глыба, случайно сброшенная одним из людей Грэйхама, загрохотала позади них, крик сорвался с губ девушки. Она боялась; такого страха она еще не никогда в жизни не испытывала. Не смерть пугала ее здесь и не воспоминание об ужасе, которого они избежали, но что-то другое — неведомое и невыразимое, в чем она никогда не смогла бы отдать себе отчета. Она вцепилась в Алана. Когда наконец узкая щель над их головами расширилась и оттуда проник свет, облегчая им путь, Алан увидел, что ее лицо было мертвенно-белое.

— Мы почти пришли, — успокоил он ее. — Когда-нибудь вы полюбите эту мрачную расщелину, как я люблю ее. И мы вместе пройдем ее всю до самых гор.

Несколько минут спустя они подошли к груде обвалившихся песчаниковых скал, возвышавшихся до середины крутой стены. Здесь они начали карабкаться вверх, пока не достигли плоского выступа, в котором находилось большое углубление с ровной, как стол, поверхностью, покрытой белым песком. Мэри никогда не могла бы забыть своего первого впечатления при виде этого места. В нем было что-то странное, таинственное. Казалось, сказочные феи

принесли белый песок для ковра и устроили здесь для себя убежище, куда не проникали ни ветер, ни дождь, ни снег. И словно для того, чтобы придавать ее воображению большую живость, от потолка пещеры начиналась извилистая трещина, доходившая до поверхности тундры. Казалось, этим ходом могут пользоваться только феи; значит, то были феи тундры, спускавшиеся по трещине от цветов и солнца. Здесь они прятались от злых духов расщелины. Что-то приятное и чарующее было во всех этих глупых мыслях, и под их влиянием Мэри заставила себя улыбнуться Алану. Но его лицо внезапно приняло суровое выражение. Мэри посмотрела в расщелину, по которой они с таким трудом пробирались до безопасного места. То, что она увидела, заставило ее позабыть о всяких феях.

Сквозь хаос и нагромождение скал приближались люди. Их было много, и они вливались из темной чащи ущелья на освещенное место. Впереди них шел человек, на которого Мэри Стэндиш в ужасе устремила свой взор. В лице ее не было ни кровинки, когда она посмотрела на Алана. Он догадывался о правде.

— Этот человек — впереди? — спросил он.

Она кивнула головой.

— Да.

— Это Джон Грэйхам?

Она с трудом ответила:

— Да. Джон Грэйхам.

Алан медленно поднял винтовку. В его глазах горела страшная решимость.

— Я думаю, — сказал он, — что отсюда я легко убью его.

Девушка дотронулась до его руки и посмотрела ему прямо в глаза. В ее взгляде не было больше страха, в них светилась просьба.

— Я думаю о завтрашнем дне, Алан, о следующих днях, о многих годах с вами, — прошептала она. — Алан, вы не должны убивать Джона Грэйхама хотя бы до тех пор, пока не обнаружится, что это единственное средство. Вы не должны...

Грохот выстрела, раздавшегося между скалами, прервал ее. Пуля зловеще прожужжала. Мэри слышала, как она во что-то ударилась. Ее сердце перестало биться, от смертельного ужаса окаменело все ее тело. Она увидела быструю и страшную перемену в лице любимого человека. Он пытался улыбнуться ей. Красное пятно выступило там, где седая прядь волос опускалась на лоб. Потом он начал

опускаться к ее ногам. Его винтовка загремела, стукнувшись о выступ скалы.

Мэри знала, что это была смерть. В глазах у нее все потемнело... В голове помутилось... Она пронзительно вскрикнула. Даже люди внизу поколебались и остановились. Их сердца забились от нового чувства, когда жуткий женский крик прозвучал между скалистыми стенами бездны. А вслед за криком до них донесся голос:

— Джон Грэйхам, я убью тебя!.. *Убью тебя!*

Схватив упавшую винтовку Алана, Мэри Стэндиш приготовилась к мести.

ГЛАВА XXVII

Она ждала. Озарение матери, защищающей своего детеныша, овладело ею. Стон отчаяния и бесконечной скорби вырвался из ее груди. Секунды проходили. Девушка не стреляла слепо, так как знала, что должна убить Грэйхама. Ее тревожила странная пелена, упорно застилавшая глаза. Она пыталась овладеть собой, но не могла. Она не сознавала, что из ее груди вырываются рыдания, когда она наклонилась за винтовкой. Люди быстро приближались, но Мэри потеряла из виду Джона Грэйхама. Его люди дошли до груды песчаниковых скал и начали взбираться вверх. Горя безумным желанием найти ненавистного человека, Мэри вышла из-за укрытия. Все люди выглядели одинаково. Они двигались все ближе и прыгали, как большие зайцы тундры; внезапно ей показалось, что *все* они — Джон Грэйхам и что она должна быстро и без промаха убивать. Только попрятавшиеся в щелях феи могли бы понять, как колебался рассудок девушки, почти отказываясь служить ей, в те секунды, когда она открыла стрельбу. И конечно, Джон Грэйхам и его люди тоже не догадывались о ее состоянии, так как первый ее выстрел попал в цель: сейчас же, следом за выстрелом, со скалы покатился человек. Потом она продолжала стрелять до тех пор, пока безрезультатный треск курка не сказал ей, что в ружье нет зарядов. Выстрелы и отдача приклада, причинявшая боль хрупкому плечу девушки, прояснили ее зрение и мозг. Она увидела, что люди подходят... все ближе... вот они уже так близко, что можно ясно различить их лица. И снова ее охватило безумное желание убить Джона Грэйхама.

Она повернулась и опустилась на колени возле Алана. Он лежал, закрыл лицо руками. Она быстро вытащила из кобуры его револьвер и отскочила назад к скале. Теперь не

было времени ждать или выбирать — ее убийцы были почти рядом. Напрягая все свои силы, она старалась стрелять без промаха. Но большой тяжелый револьвер Алана качался у нее в руках и подпрыгивал, когда она, словно обезумев, выпускала в скалы заряд за зарядом. Наконец револьвер тоже опустел, а свой собственный маленький браунинг она потеряла где-то по дороге в расщелине. Обнаружив, что больше нечем стрелять, она ждала с ужасом в душе. Когда люди подошли к ней вплотную, она стала наносить удары по лицам. И в это мгновение, подобно чудовищу, внезапно вызванному злым духом, Грэйхам бросился на нее. Перед глазами девушки промелькнуло жестокое ликующее лицо, глаза, горевшие от страсти, граничившей с безумием, и стальное тело, склонившееся над нею. Грэйхам схватил ее в свои объятия, и Мэри показалось, что он ее раздавит. Она боролась, пытаясь освободиться, а потом безжизненной массой повисла в его руках. Она не потеряла сознания, но силы покинули ее. Если бы руки Грэйхама сжались еще немножко, она бы задохнулась.

В эти мгновения она отчетливо услышала голоса. Из расщелины до ее слуха вдруг донеслись выстрелы; сперва отдельные, потом залпы и странные дикие крики, которые могли принадлежать только пастухам-эскимосам.

Руки Грэйхама разжались. Его глаза забегали по «убежищу фей» с белым песчаным полом, и дикая радость осветила его лицо.

— Мартенс, это не могло случиться в более подходящем месте, — сказал он человеку, стоявшему рядом с ним. — Оставьте мне пять человек. А с остальными идите на помощь Шнейдеру. Если вы не выгоните их, отступайте сюда. Шесть винтовок из этой засады быстро сделают свое дело. — Мэри слышала, как он называл имена людей, которые должны были остаться. Остальные поспешно ушли. Стрельба в расщелине стала непрерывной. Но там не слышно было криков и восклицаний — ничего, кроме зловещего треска ружей.

Руки Грэйхама снова обвились вокруг девушки. Потом он схватил ее и отнес в глубину пещеры. В том месте, где скалистая стена образовала темное углубление, куда не проникал дневной свет, он положил девушку на песок.

Там, где вода, капавшая много столетий, разъела почву и положила начало извилистой трещине, с поверхности тундры начала спускаться вниз фея. Но это была быстрая ловкая фея с удивительно красным лицом; она тяжело дышала от быстрого бега и подвигалась бесшумно по тро-

пинке, на которой, казалось, ни одно живое существо не могло бы удержаться. Этой «феей» был «Горячка» Смит.

С края расщелины он наблюдал за последними секундами разыгравшейся трагедии. В более спокойные минуты он нашел бы здесь смерть, сорвавшись вниз в трещину. Но теперь он благополучно спускался. Его пальца испытывали зуд, который, ему казалось, давно уже как будто угас; душу охватил прежний трепет, который он испытывал в былые времена перед лицом наведенных на него ружей. Время пошло вспять, и он снова стал прежним «Горячкой» Смитом. Под собою он видел озверение, скотскую страсть и убийство — все это он не раз видел и в давно минувшие дни. Исполнению его желания не препятствовали здесь ни закон, ни совесть. Давняя мечта — последняя великая битва — была перед ним. На его долю выпало заполнить заключительную страницу одной из трагедий жизни, уже почти законченной. И какая там произойдет битва, если только ему удастся добраться до этого мягкого белого песка, и так, чтобы остаться неслышанным и незамеченным! Шесть против одного! Шесть мужчин с ружьями в руках! Каким величественным концом это будет для женщины и для Алана Холта!

«Горячкой» благословлял выстрелы в расщелине, так как они отвлекали внимание людей; он благословлял шум сражения, благодаря которому не слышно было шороха камней под его ногами. Он уже почти спустился вниз, когда вдруг большой камень оторвался и упал на выступ. Два человека из стражи Грэйхама обернулись. Но в то же мгновение раздался чей-то крик, пронзительный вопль. Из глубины пещеры донесся голос женщины, полный безумия и отчаяния, и пятеро мужчин, словно оцепенев, смотрели в том направлении. Сперва показалась Мэри Стэндиш, а за ней Грэйхам, жадно тянувшийся к ней лапами. Волосы девушки рассыпались, а на лице у нее застыл безумный ужас. Глаза Грэйхама горели, как у дикого зверя. Он забыл обо всем, кроме девушки. Он схватил ее и снова сжал в объятиях ее хрупкое тело, не обращая внимания на ее кулачки, которые били его по лицу.

Вот тогда раздался крик, подобного которому ни один человек еще не слышал в расщелине Привидений.

Это был «Горячка» Смит. С высоты двадцати футов он прыгнул на песок с двумя револьверами в руках. Едва его ноги коснулись мягкого пола пещеры, как выстрелы с быстротой молнии последовали один за другим. Трое из пяти зашатались и упали еще раньше, чем остальные два могли схватиться за ружья. Только один выстрелил; второй упал

как подкошенный. А тот, кто успел выстрелить, уже тоже согнулся, словно кланяясь смерти, и рухнул ничком.

Смит повернулся к Джону Грэйхаму; в течение этих быстро пролетевших секунд Грэйхам стоял, как бы окаменев, прижимая девушку к своей груди. Он был позади нее, так что он оказался под защитой ее тела, и ее голова прикрывала его сердце. Когда Смит повернулся, Грэйхам уже доставал револьвер из кобуры. Его жестокое лицо озарилось сатанинской уверенностью в том, что противник не будет стрелять из боязни убить девушку. Ужас положения охватил Смита. Он видел, как медленно и с расчетом поднимается револьвер Грэйхама. Спокойное холодное выражение его лица говорило о дьявольском торжестве. «Горячка» видел только это лицо: оно находилось на расстоянии четырех, быть может, пяти дюймов от головы девушки. Смит видел только это лицо, вытянутую руку, согнутый палец и черное дуло, метившее ему в сердце.

Прямо перед глазами застывшей от ужаса девушки блеснуло оружие «Горячки». Перекосившееся от бешенства лицо, находившееся в четырех дюймах от головы Мэри, внезапно исчезло. Теперь уж не девушка, а Смит закрыл глаза. Когда он открыл их, то увидел Мэри Стэндиш, рыдающую над телом Алана, и тело Грэйхама, лежавшего лицом в песке.

Смит подошел к Алану. Он поднял безжизненную голову, меж тем как Мэри закрыла лицо руками. В своем отчаянии она хотела только одного — умереть. В этот час торжества над Грэйхамом для нее уже не было ни надежды, ни радости. Алан умер. Страшное кровавое пятно у него на лбу, как раз под седой прядью, могло означать только смерть. А без него ей больше незачем жить...

Она протянула руку к Смигу

— Дайте мне взглянуть на него, — прошептала она.

Горе затуманило ее взор, и она не видела лица Смита. Но она слышала его голос:

— Он ранен, но не пулей, — говорил «Горячка» Смит. — Пуля ударилась о скалу, и осколок от нее попал ему прямо между глазами. Он не умер и *не умрет!*

Когда Алан вернулся к жизни, он не имел ни малейшего представления о том, сколько недель, месяцев или лет прошло с тех пор, как он очутился в «убежище фей». Он знал только, что он долго-долго мчался в пространстве на мягком облаке и тщетно старался догнать девушку с развевающимися волосами, которая неслась перед ним на другом облаке. Но наконец облако рассыпалось, как большая глыба льда, и девушка погрузилась в неизмеримую

глубину, над которой они неслись, а он прыгнул следом за ней. Потом появились какие-то странные огни, затем наступил мрак и слышались звуки, напоминавшие бряцание бубна, и чьи-то голоса. Потом он погрузился в долгий сон, а проснувшись, обнаружил, что лежит в постели. Совсем близко над ним склонилось лицо с сияющими глазами и смотрело на него сквозь слезы.

Голос прошептал ему сладко, нежно, радостно:

— Алан!

Он попытался протянуть руки. Лицо приблизилось, прижалось к его лицу. Нежные руки обвились вокруг его шеи; еще более нежные губы целовали его глаза. Он слышал тихие рыдания. Алан знал, что погоня кончилась, и он победил.

Это было на пятый день после битвы в расщелине. А на шестой он сидел на кровати, весь обложенный подушками.

И Смит, и Киок, и Ноадлюк, и Татпан, и Топкок, и Вегарук, его старая экономка, — все приходили навещать его, а Мэри только изредка и лишь на несколько минут отлучалась от него. Но Тоток и Амок Тулик не приходили. Алан видел странную перемену в Киок и решил, что они умерли. Он боялся спросить, потому что больше всех других любил этих двух недостававших товарищей.

Смит первый рассказал ему подробности того, что случилось; но он мало останавливался на битве в пещере — Мэри сама уже рассказала Алану об этом.

— С Грэйхамом пришло больше тридцати человек, а семь раненых осталось на нашем попечении. Теперь, когда Грэйхам умер, они в смертельном страхе: боятся, как бы мы не отдали их в руки правосудия. А без Грэйхама и Росланда, которые могли за них заступиться с помощью денег, они знают, что погибли.

— А наши люди? — тихо спросил Алан.

— Сражались, как дьяволы.

— Да, я знаю, но...

— Они, не теряя ни минуты, пришли с гор.

— Вы понимаете, о чем я хочу спросить, Смит?

— Да, Алан. Семеро убитых, включая Соквэнну

Он стал перечислять их по именам. Тотока и Амок Тулика среди них не было.

— А Тоток?

— Ранен. Был на краю смерти, и это чуть не убило Киок. Она с ним днем и ночью, и ревнует, как дикая кошка, если кто-нибудь другой пытается ухаживать за ним.

— В таком случае, я доволен, что Тоток ранен! — Алан улыбнулся, а потом спросил:

— А где Амок Тулик?

«Горячка» опустил голову и покраснел, как мальчик.

— Спросите ее, Алан.

Немного спустя Алан задал тот же вопрос Мэри. Она тоже покраснела, ее глаза таинственно засияли.

— Вы должны подождать, — промолвила она и больше не прибавила ни слова, хотя он наклонил ее голову и держал в руках мягкие нежные волосы, угрожая не отпустить их до тех пор, пока она не откроет ему секрета. В ответ Мэри тихо вздохнула, прижалась своим зарумянившимся лицом к его шее и прошептала, что охотно принимает наказание. Таким образом, осталось тайной, куда исчез Амок Тулик и что такое он делает.

Немного спустя Алан решил, что догадывается, в чем дело.

— Я не нуждаюсь в докторе, но вы были очень заботливы, если послали Амок Тулика за ним. — Потом он вдруг спохватился: — Какой я бесчувственный дурак! Конечно, есть другие, которым доктор нужнее, чем мне.

Мэри кивнула головой.

— Но я думала главным образом о вас, когда посылала Амок Тулика в Танана. Он поехал верхом на Кооке и может вернуться каждую минуту.

Она отвернулась, так что Алан мог видеть только кончик розового уха.

— Очень скоро я поправлюсь и буду готов к путешествию, — сказал он. — Тогда мы отправимся в Штаты, как и предполагали.

— Вам придется ехать одному, Алан. Я буду слишком занята устройством нового дома.

Она сказала это таким спокойным серьезным голосом, что он был изумлен.

— Я уже распорядилась нарубить лес в предгорьях, — продолжала она. — Смит и Амок Тулик скоро приступят к постройке. Мне очень жаль, что вы считаете таким важным ваше дело в Штатах, Алан. Будет немного тоскливо, когда вы уедете.

Он прошептал:

— Мэри!

Она не повернулась.

— Мэри!

Когда она обернулась, Алан опять увидел мягкий трепет жилки, которая билась у нее около горла.

Теперь он узнал секрет — его тихо прошептали горячие нежные губы, прижавшиеся к его губам.

— Я не за доктором послала, Алан. За обручальными кольцами. Они нужны не только нам с вами, но и «Горячке» Смиту с Ноадлюк, и Тотоку с Киок. Конечно, мы можем обождать...

Ей не пришлось кончить. Алан с такой страстью приник к ее губам, что ее сердце затрепетало от радости.

Мэри шептала ему на ухо такие вещи, которых он никогда не ожидал от нее. И никогда не надеялся услышать. Она вела себя, как маленькая дикарка, пожалуй, даже немного сумасбродно. Но ее слова наполнили душу Алана счастьем, какого, думалось ему, не испытывал ни один человек в мире.

Она вовсе не желает возвращаться в Штаты. Они никогда этого не хотела. Ей там ничего не нужно, ничего из того, что оставили ей создатели богатств Стэндишей. Разве только он сможет употребить их на благо изголодавшегося населения Аляски. Даже и в этом случае она боится, как бы деньги не разрушили ее мечту. Только одно может дать ей счастье. И это *его* мир. Она любит это мир таким, каков он есть, — обширные тундры, горы, первобытный честный народ и стада оленей. Теперь ей стало ясно значение слов, когда он называл себя уроженцем Аляски, а не американцем. И для нее тоже дороже всего стала Аляска. За Аляску она будет сражаться рядом с ним до самой смерти.

Сердце Алана билось с такой силой, что, казалось, вырвется из его груди. Все время, пока Мэри делилась с ним своими надеждами и сокровенными мечтами, он гладил ее шелковистые волосы, которые рассыпались по ее груди и лицу. В первый раз за много лет слезы радости брызнули из его глаз.

Так пришло к ним счастье. Только когда незнакомые голоса раздались снаружи, Мэри подняла голову. Она быстро подошла к окну и осталась там — видение нежной красоты и сияние распустившихся волос.

Потом она с легким криком обернулась. Ее глаза светились как звезды, когда она взглянула на Алана.

— Это Амок Тулик, — сказала Мэри Стэндиш. — Он вернулся.

Она медленно подошла к Алану, поправила подушки и откинула его волосы со лба.

— Мне пора идти привести себя в порядок, — сказала она. — Они не должны застать меня в таком растрепанном виде.

Их пальцы сами по себе сплелись в крепком рукопожатии.

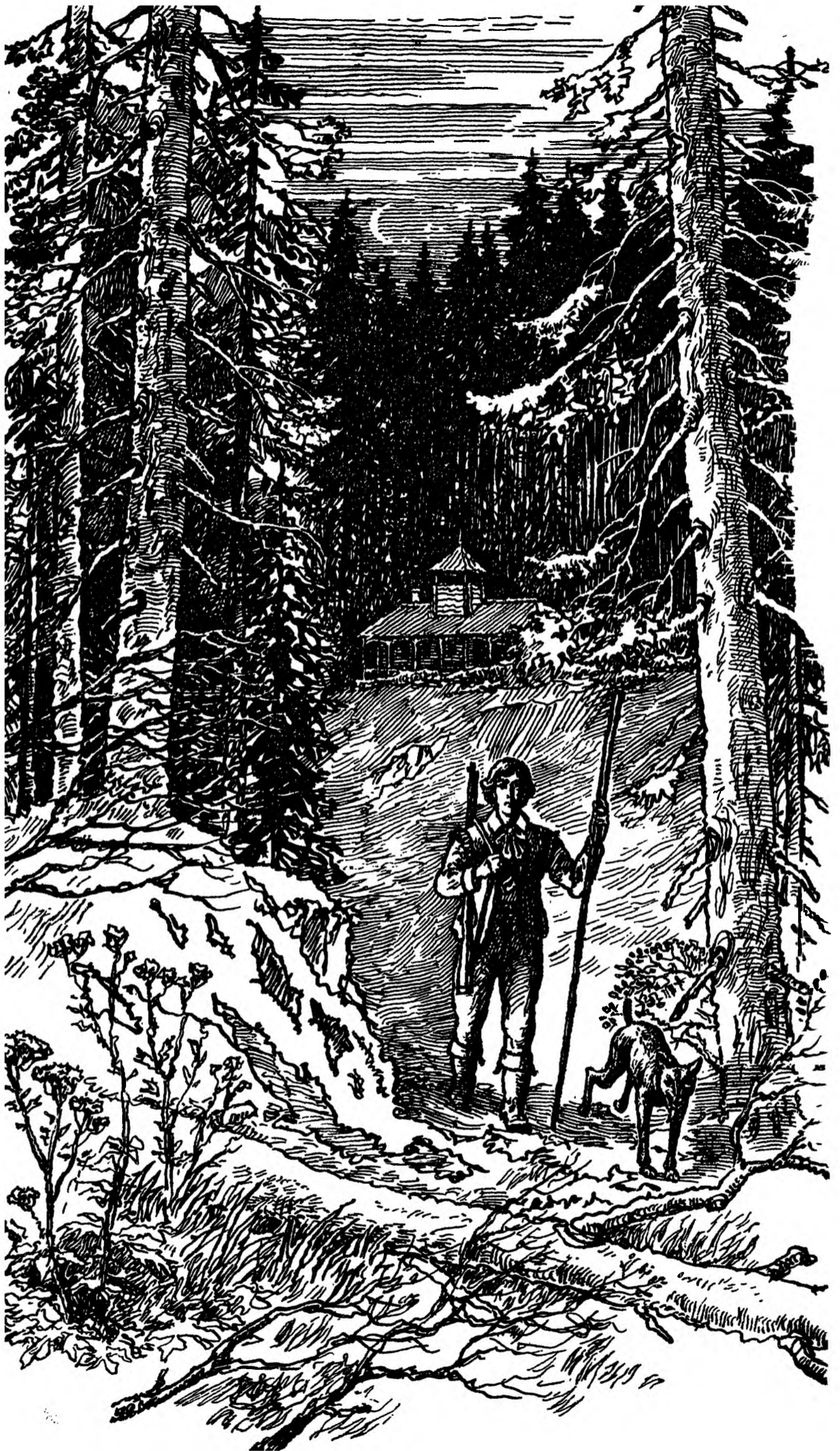
На крыше дома Соквэнны снова запел маленький серогрудый дрозд.

**ТРАДИЦИОННЫЕ
ТОНАЛИ**

ГЛАВА I

днажды под вечер в мае 1749 года через открытое, кое-где поросшее дубом пространство Тонтэр Хилл брели четыре существа — собака, мальчик, мужчина и женщина, держа путь к девственным дебрям французской границы на запад от реки Ришелье и озера Шамплейн. Впереди шла собака, следом за нею мальчик, затем мужчина, а шествие замыкала женщина.

— Как раз шиворот-навыворот! — ворчал Тонтэр, провожая их глазами. — Только глупцы могут себе позволить таким образом идти навстречу опасности в стране, кишасей дикарями. Мужчине следовало бы быть впереди, во главе дорогих ему людей, с длинным ружьем наготове, и пытливо вглядываться в таинственную даль. За ним должна была следовать женщина, чтобы вместе с ним бодрствовать и бдеть, а уже потом мальчик и собака, если вообще их присутствие необходимо в подобного рода путешествии при надвигающихся сумерках!

Тонтэр был тот одноногий вояка-барон, с мельницы которого, приютившейся в долине, возвращались сейчас домой путники с собакой.

Барон смотрел вслед женщине, и во взгляде его можно было прочесть затаенный душевный голод. Станный человек этот Анри Бюлэн, размышлял он. Пусть он немного не в своем уме, возможно, что он чуть придурковат, но вместе с тем он мог смело считать себя счастливым мужем, имея жену с таким очаровательным лицом, такую энергичную и с таким чистым сердцем.

А Джимс тоже мог почитать себя счастливым, имея такую мать, как Катерина Бюлэн.

Даже этот негодный пес и тому повезло! Уже не говоря

о том, что эта пронырливая собака ровным счетом ни гроша не стоила. Старая развалина, а не собака, тварь без души, а поди же, эта женщина ласкает ее, кормит ее, улыбается ей... Он, барон Тонтэр, сам видел, как Катерина Бюлэн улыбалась ей!

Мсье Тонтэр от злости даже топнул по мягкой земле деревянным обрубок, заменявшим ему ногу, когда путники скрылись из виду. Сам король Франции оказал ему великую честь, сделав его одним из первых баронов, поселившихся на реке Ришелье и геройски отстаивавших французскую территорию от наступления англичан и их жестоких краснокожих союзников. Тонтэр был стражем, охранявшим тот водный путь, который вел напрямиком к сердцу Новой Франции. Случись явиться сюда англичанам с их жадными до скальпов друзьями, могауками и сенеками, им раньше всего пришлось бы пересечь эти места. Ни один полководец не мог бы удостоиться большей чести.

Итак, он пожал славу, он богат, он безгранично властвовал над огромной территорией... и, тем не менее, он завидовал Анри Бюлэну.

* * *

День близился к концу. Все длинней и длинней становились майские тени. Солнце еще рдело багровым пламенем над землею, но в лучах его уже не было ни прежней ослепительной яркости, ни знойного тепла. Земля, казалось, радостно мурлыкала, наслаждаясь покоем и миром. И так продолжалось в течение многих уже дней. Животворные дожди пролились над землею, и сразу зазеленели поля и луга. Бывали и сильные ветры, и темные тучи, и громовые раскаты, но только по ночам. А с зарей снова ласково грело солнышко, пели птицы, строившие гнезда, распускались цветы и зеленели леса.

Так тихо было в этот майский день, что отчетливо слышно было жужжание пчел, сопровождаемое аккомпанементом журчащих многочисленных ручейков, прокладывавших себе путь к лугам, окаймлявшим берега Ришелье.

Был тот час, когда пташки щебечут уже тише. С утра они наполняли воздух зазывным, радостным хором. Но с приближением вечера их голоса становились все тише, точно они пели мелодичный гимн природе. Повсюду, куда только падал взор, цветы, птички и глубокий покой. Земля, залитая мягкими лучам заходящего солнца; небо, ласково улыбающееся своей бездонной синевой верхуш-

кам вековых дубов; и путники, подвигающиеся на запад,— мальчик, мужчина, женщина и с ними собака.

Всем им, не исключая даже собаки, завидовал Тонтэр.

«Между прочим,— мелькнула у него мысль,— у этого пса вполне подходящее имя. Руина, а не пес, почище еще самого барона, с его культяпкой, вместо отстреленной ноги, и грудью, носившей следы таких страшных сабельных ран, которые всякого другого отправили бы на тот свет».

Начать с того хотя бы, что собака была крупная, костлявая и страшно тощая — в общем, нагромождение костей, сухожилий и мышц. Она была ужасно некрасива,— ну до того безнадежно уродлива, что нельзя было, однажды увидав... ее не полюбить! Шерсть ее, никогда не чесанная, стояла торчком. Лапы были чудовищной величины, челюсти — длинные и худые, а уши, вернее, жалкие огрызки ушей, красноречиво говорили о многочисленных и жестких схватках с сородичами. Вместо хвоста торчал небольшой обрубок, которым собака изредка помахивала, передвигаясь же, она хромала до такой степени, что все ее тело при этом сотрясалось. Объяснялось это тем, что у нее недоставало одной из передних лап,— совсем как ноги у барона. Коротко говоря, это был резвый, плутоватый, безобразный и славный пес, которого Катерина Бюлэн, со свойственной ей способностью давать правильную оценку вещам, наградила кличкой Потеха.

Как видите, Тонтэр был наполовину прав, мысленно называя собаку руиной. Но в одном отношении он грубо заблуждался. У Потехи была душа, целиком принадлежавшая ее господину, то есть мальчику. Эта душа носила на себе глубокий рубец, оставленный в ней голодом и жесточайшими побоями, доставшимися ей в индейском поселке, где Анри Бюлэн нашел ее умирающей четыре года тому назад, принес домой и отдал Джимсу. Надо заметить, что рана под рубцом так и не зажила в душе собаки, что и превратило ее в неутомимого и подозрительного следопыта, чутко относившегося ко всяким звукам и запахам в лесу.

Даже сейчас, когда на земле царил полный покой, нарушаемый лишь щебетанием птичек, Потеха оставалась настороже, держась в двух шагах впереди спутников. Из всей процессии, гуськом продвигавшейся на запад, она, казалось, одна только была начеку, точно ожидала опасность, которая могла бы неожиданно вынырнуть из окружавшего их мира красоты и безмятежного покоя. Время от времени собака на ходу оглядывалась назад, на своего юного господина. Лицо и глаза мальчика выражали тревогу, которая передалась мало-помалу и собаке, и та порою

издавала забавный, визгливый звук, точно хотела спросить, в чем дело.

Мальчика звали Даниель Джеймс Бюлэн, но уже с самого детства за ним укрепилось имя Джимс. Ему было двенадцать лет и он весил на двадцать фунтов больше Потехи, которая, — если только правильно показывали весы на мельнице Тонтэра, — весила шестьдесят. Даже в толпе можно было догадаться, что Джимс и Потеха принадлежат друг другу: если пес был старым, покрытым ранами воякой, то мальчик, со своей стороны, всем существом выражал определенное тяготение к такой же славной карьере.

— Батюшки! Да ведь он разодет совсем как смелый, страшный пират, явившийся с целью похитить мою маленькую девочку и держать ее до получения выкупа!

Так воскликнул Тонтэр при виде Джимса, отец которого вторил смеху барона. А в довершение всего старый вояка начал поворачивать мальчика во все стороны, не торопясь и вслух давая оценку его наряду, между тем как прелестная маленькая Мария-Антуанетта наблюдала за всем этим, презрительно вздернув кверху свой аристократический носик, а ее препротивный кузен из Квебека Поль Таш насмешливо строил гримасы за его спиной. И все это после того, как Джимс столько труда потратил на свой туалет в надежде на то, что взгляд Марии-Антуанетты упадет на него.

Вот в этом-то и крылась вся трагедия. Он надел новехонький костюм из лосиной кожи в тот день, когда они отправились на мельницу Тонтэра за мешком муки. В руках у него было ружье, на два дюйма выше его самого. Большой пороховой рог болтался у него сбоку, за пояс был воткнут охотничий нож, а через плечо было перекинута самое ценное сокровище — превосходный тонкий лук и колчан со стрелами. На голове его красовалась енотовая шапка, которую он надел, несмотря на теплый день, так как она была много красивее его убогого летнего головного убора. А в меховую шапку было воткнуто великолепное перо.

Потеха была страшно горда воинственным видом своего господина и никак не могла понять, чем объясняется перемена, происшедшая внезапно в настроении мальчика, который сейчас шагал с необычайно хмурым и угрюмым выражением лица.

Анри Бюлэну смерть как хотелось описать жене сценку, разыгравшуюся на мельнице, и он только ждал момента, когда Джимс отдалится настолько, что не в состоянии будет слышать его. Но уже такова была натура Анри Бюлэна, что он во всем склонен был видеть только хорошую

или смешную сторону. Этим-то и объясняется то обстоятельство, что Катерина вышла за него замуж, и по той же причине она любила его теперь еще больше, чем пятнадцать лет тому назад, когда Джимса еще не было на свете. И ничем другим опять-таки нельзя объяснить того, что Анри Бюлэн чувствовал себя прекрасно в глуши, среди цветов, деревьев и опасностей.

Он любил жизнь, любил ее беззаветно и просто, безгранично доверяясь ей, а потому храбрый барон Луи Эдмонд Тонтэр называл его глупцом и предсказывал, что наступит день, когда его собственный скальп вместе со скальпами жены и сына украсит маленький обруч, на котором индейцы носят свои военные трофеи.

Шагая позади мужа и сына, Катерина Бюлэн смотрела на расстилавшийся перед нею прекрасный мир с радостным чувством и с гордостью, оставаясь чуждой каких-либо страхов. Ни один мальчик в мире не мог сравниться с ее Джимсом, ни один другой муж — с ее Анри. Эта бесконечная любовь была написана в ее лучистых глазах. Всякий, кто приходил в соприкосновение с нею, чувствовал, что она счастлива и, подобно тому, как восторженный барон, тайком от всего мира, лелеял свою безнадежную любовь, мечтая наедине с самим собою, так и Катерина, оставаясь позади мужа и сына, ласкала свой взор их видом, благо те не могли сейчас заметить выражения ее лица. Это желание хранить про себя свою радость объяснялось тем, что Катерина была не француженка, а англичанка. Потому Джимсу и было дано английское имя, унаследованное от дедушки, бывшего учителем в Новой Англии, в провинции Пенсильвания. На границе этой страны Анри и познакомился с Катериной и женился на ней за два года до смерти старого Адамса.

— И все эти пятнадцать лет ты не перестаешь молодеть и хорошеть, — часто повторял Анри Бюлэн. — Какая же это будет трагедия, когда я состарюсь, а ты останешься все той же юной девушкой!

И нельзя не признать, что Катерине никак нельзя было дать тридцати пяти лет. Ее лицо и глаза могли бы принадлежать любой молодой девушке, а сейчас, когда она шагала следом за мужем и сыном, в ней особенно чувствовалось что-то нежное и лучезарное. Тонтэр знал, что обожание, которое Катерина расточает мужу и сыну и всему, имевшему отношение к их жизни, и которое позволяло ей мириться со всеми неудобствами и лишениями почти первобытной жизни в делях, объясняется отнюдь не одной лишь преданностью к любимым существам. Этой женщине не чужды были культура и широкий кругозор — она

впитала их сперва от матери, а после ее смерти — от образованного отца, оставившего ей в наследство способность ценить по достоинству счастье. И если она тосковала порою по всему, что оставалось недоступным для нее в глуши, то, во всяком случае, красивые тряпки не являлись для нее целью жизни, как для мадам Тонтэр.

Последняя, между прочим, особенно ненавидела Катерину Бюлэн за то, что та, будучи искусной мастерицей, умела из самого дешевого материала создавать собственными руками прекрасные и элегантные вещи. А так как изделия Катерины всегда носили явно выраженный отпечаток английского вкуса, Анриета Тонтэр смотрела на ненавистную ей женщину с таким отвращением, точно перед нею находился кубок отвратительного яда.

Тонтэр все это прекрасно знал и в своей честной душе проклинал женщину, называвшуюся его женой, с ее высокомерными аристократическими замашками, с ее напудренными волосами, с ее нарядами, драгоценностями, с ее абсолютной неспособностью любить! И благодарил судьбу за то, что маленькая Мария-Антуанетта с каждым годом становится все меньше и меньше похожей на свою мать. Правда, Мария-Антуанетта обладала бурным нравом, как и он сам, но в ней также чувствовалось умение владеть собою.

Катерина шла в глубоком раздумье. Она думала о Тонтэре и о его жене, аристократичной Анриете. Она уже давно знала, что мадам Тонтэр ненавидит ее, но второе открытие она сделала только в этот день, когда барон, вопреки своим героическим усилиям, выдал себя взглядом, случайно подмеченным Катериной. Она точно обнаружила тень его тайны, и эта тень быстро исчезла. Поднимаясь по холму, она мысленно подвела итог кой-каким своим догадкам и со свойственной женщинам интуицией проникла в сокровенные думы Тонтэра. Однако это открытие не вызвало в ней ни страха перед ним, ни каких-либо опасений.

Правда, мадам Тонтэр ненавидела ее. Она не верила тому, что ей рассказывали хорошего про жену Анри Бюлэна, и ненавидела ее прежде всего как смертельного врага ее отечества; она ненавидела ее за то, что Катерина с таким же достоинством держала свою голову, как и жена барона; и, наконец, она ненавидела ее за то, что, будучи женой всего лишь какого-то ничтожного фермера — колониста, Катерина осмелилась самым бесстыдным образом прослыть наиболее красивой женщиной во всей сеньории Тонтэр!

И, поскольку это от нее зависело, мадам Тонтэр старалась внушить эту ненависть своей дочери, маленькой Ма-

рии-Антуанетте, между тем как ее муж, оставаясь слепым ко всем хитростям, к которым прибегают женщины в таких случаях, ломал голову над вопросом, чем объяснить, что его девочка, которую он любил больше всего на свете, открыто проявляет свою неприязнь к Джимсу каждый раз, когда мальчик является в замок Тонтэр.

ГЛАВА II

Об этом задумался и Джимс, возглавлявший шествие впереди отца и матери. В данный момент он целиком находился во власти битвы. Он переживал и умом и отчасти всем телом трепет кровавого боя. Раз десять уже с момента отправления в путь он избивал до полусмерти и душил подлого Поля Таша, а присутствовавшая при его победе Мария-Антуанетта с ужасом и изумлением следила за тем, как он безжалостно разделяется с ее очаровательным молодым кузенком, приехавшим из *самого* великого города — Квебека.*

Но даже в самом разгаре своего пылкого воображения Джимс чувствовал острую тоску в своей душе, что не укрылось от зоркого глаза Потехи, когда она оглянулась назад на своего юного господина. С того самого дня, когда Джимс впервые увидел Марию-Антуанетту (ей было тогда семь лет, а ему девять), он не переставал грезить о ней и за много недель вперед с наслаждением думал о том путешествии, которое он, с разрешения отца, предпримет в замок Тонтэр. В эти редкие случаи он с детским обожанием смотрел на маленькую волшебницу сеньории и преподносил ей в подарок цветы, перья, орехи, леденцы из липового сиропа и всякие другие сокровища, добытые в большинстве случаев в таинственном лесу. Увы, эти преподношения, служившие выражением его преклонения, не смогли проложить моста через разделявшую их пропасть.

Все же он, скрепя сердце, терпел обиду и свято хранил память о Марии-Антуанетте, ибо не было ни одной другой девочки, которая могла бы заполнить ее место в его душе. Но с прошлой осени, со дня приезда в замок сестры мадам Тонтэр с сыном, мечты Джимса заволокло еще более темными тучами и наконец в этот майский день, когда он с отцом и матерью побывал на мельнице, грезы уступили место желанию беспощадно отомстить тому молодому фран-

---

* В 1749 году население Квебека, столицы Новой Франции, богатство и роскошь которого делали его своего рода Версалем Нового Света, составляло семь тысяч человек. (*Прим. автора.*)

ту, который высмеял и унизил его, по всей видимости, пользуясь безграничной милостью Марии-Антуанетты.

Он обрадовался возможности взвалить вину за все свои разбитые мечты и надежды на этого богатого и заносчивого юнца, носившего кафтаны из зеленого или красного бархата с золотым шитьем, с его непроходимо глупым и самодовольным видом, с эфесом сабли, оправленным в серебро.

По приезде Поля Таша, который был двумя годами старше и головою выше Джимса, Антуанетта стала еще более высокомерно относиться к бедному мальчику, и в этот самый день она не сделала даже попытки скрыть насмешку, когда Поль Таш с ехидной усмешкой на своем смуглом лице спросил:

— Разве тебе не трудно идти так далеко пешком, мой мальчик? И неужели твоя мама позволяет тебе когда-нибудь заряжать это старое ружьишко?

Вот это воспоминание и сейчас еще жгло в груди, — воспоминание о той минуте, когда он стоял красный, как пион, не будучи в состоянии слова вымолвить, с пересохшим горлом, с еле бьющимся сердцем, между тем как мальчишка из Квебека, выступая, точно индюк, стал удаляться, шагая рядом с Антуанеттой, предварительно окинув Джимса презрительным взглядом. Мучительнее всего было сознание собственной ненаходчивости, не позволившей ему подыскать ответ и вынудившей выслушать без малейшего возражения оскорбительные слова.

Джимс очень обрадовался, заметив, что его родители остановились, чтобы сделать передышку, у огромного камня возле тропинки; это давало ему возможность продолжать путь в полном одиночестве, а находясь в одиночестве, он мог куда лучше справляться с кузенком Антуанетты, чем в присутствии отца и матери, следовавших за ним по пятам. Что касается Потехи, то она остановилась, дойдя до края высокого плато, густо поросшего травой и окаймленного чащей каштановых деревьев. А к тому времени мстительное настроение Джимса пошло уже несколько на убыль.

Внезапно Потеха замерла на месте, образовав своим большим костлявым туловищем барьер у колен Джимса. Пес стоял, приподняв свою изувеченную лапу, а когда он снова медленно опустил ее на землю, радостный трепет предвкушения пробежал по телу его юного хозяина. Они находились у края пестрившей цветами прогалины среди каштанов — место для танцев лесных фей, как выразилась утром Катерина Бюлэн по дороге на мельницу, — а за пределами каштанов тянулись густые заросли орешника, точ-

но феи сами устроили здесь эту живую ограду, с целью защититься от нескромных взоров.

Прогалина имела шагов около трехсот в диаметре, и Джимс проникся уверенностью, что на противоположном конце ее, среди густой заросли кустарника, скрывается какая-то дичь. Мальчик быстро припал к земле и притаился за гигантским, наполовину сгнившим стволом дерева, упавшим лет сто тому назад.

Потеха тоже припала к земле, держа нос на уровне древесного ствола. Прошла целая минута, затем другая... Еще минута, а между тем ни Потеха, ни Джимс не обнаруживали ни малейшего признака разочарования. И человек и животное лежали до такой степени тихо и неподвижно, что рыжая белка, сидевшая на дереве неподалеку, стала внимательно присматриваться к ним, мучимая любопытством, а какая-то пичужка села чуть ли не на самый ствол ружья.

От земли поднимался тонкий аромат фиалок и анемонов, но Джимс ни разу не взглянул на гущу белых, розовых и голубых цветов, раздавленных его коленями. Его взор был устремлен вперед, на противоположную оконечность прогалины, то есть в том же направлении, в каком вытянул кончик носа чуткий пес.

Прошла еще одна минута безмятежного безмолвия, нарушаемого лишь легким шуршанием листвы, и наконец из чащи вынырнул великолепный индюк, выступая величественной походкой. «Он весит фунтов двадцать и ничуть не меньше», — подумал Джимс. Голова индюка, казалось, была налита кровью, он весь отливал золотом и пурпуром, а изумительные перья, покрывавшие его гордую грудь, достигали чуть ли не земли. Эта гордая и редкая птица начала кружиться на лужайке, бросая вызов всему миру и издавая в избытке самодовольства какие-то забавные звуки, явственно доносившиеся до слуха притаившихся «зрителей».

Невольно Джимс подумал в этот момент о Поле Таше, так как юнец из Квебека в точности вел себя как этот индюк, кичась своими яркими кафтанами и разыгрывая из себя важную персону.

Мальчик затаил дыхание, когда вдруг откуда-то из кустов вынырнула стройная серовато-коричневая самка и направилась к своему красноголовому властелину. Вслед за этим послышалось трепыхание множества крыльев, и штук шесть индюшек присоединились к первой, образовав оживленное общество на открытом пространстве. Индюк еще более гордо стал прохаживаться по лужайке, нахолившись и надувшись до такой степени, что стал вдвое

больше своих подлинных размеров. И Джимсу, с интересом наблюдавшему за этой сценкой, казалось, что толпившиеся вокруг самца индюшки в точности напоминают полдюжины Антуанетт, привлеченных ярким нарядом индюка и его повадкой строить из себя нечто величественное. При этой мысли он почувствовал еще больший прилив ненависти к Полю Ташу, и у него появилось желание излить злобу против соперника на гордого индюка.

Медленным движением руки приготовив лук, натянул стрелу. Он ждал, когда индюк приблизится к нему, чтобы расстояние между ними уменьшилось шагов до двухсот. Дюйм за дюймом поднимался он на коленях, а Потеха при этом все больше и больше настораживалась всем своим существом.

Глухой, придушенный звук вырвался из горла собаки, когда стрела оказалась натянутой до последних пределов. Пение тетивы напоминало собою звук, издаваемый стальным камертоном. Точно серая молния мелькнула стрела через прогалину. Среди птиц произошло ужасное замешательство, в воздухе захлопали тяжелые крылья, игравшие всеми цветами радуги, а вслед за этим семеро стройных самок кинулись искать спасения в кустарниках.

На земле бился в предсмертных судорогах Поль Таш, то есть великолепный индюк, а семеро Антуанетт исчезло в течение нескольких секунд, бросив своего величественного властелина на произвол судьбы.

Немного спустя Джимс и Потеха стояли возле того места, где лежала мертвая птица. Грустное и хмурое лицо мальчика снова оживилось и заиграло радостью. Индюк, в его представлении, не только являлся чудесным обедом на завтра — он олицетворял собою первый смертельный удар, нанесенный врагу.

* * *

Древняя тропа, проложенная ногами индейцев племен конавага, алгонкин и оттава, подходила в одном месте вплотную к краю высокого крутого утеса, под которым расстилалась на много миль прекрасная долина. Вот здесь и остановились с целью передохнуть Анри и Катерина Бюлэн, опустившись на огромную скалу, прозванную Беличьей, так как местность кишела этими резвыми зверьками.

Глядя на прекрасную панораму, разворачивавшуюся перед глазами, Анри принялся передавать забавную сценку, которая разыгралась на мельнице между Антуанеттой, ее кузеном и Джимсом. Он продолжал еще заливаться сме-

хом при этом воспоминании, как вдруг заметил, что лицо Катерины подернулось дымкой грусти и тревоги.

— Я приблизительно так и думала,— сказала Катерина Бюлэн, и в голосе ее не было ни малейшего признака веселья.— Мадам Тонтэр меня ненавидит, и она внушает Туанетте ненависть к Джимсу.

— Полно, что ты такое говоришь! — воскликнул ее муж.— Мадам Тонтэр тебя ненавидит? Нет, это совершенно немыслимо! Из всех людей в мире она вдруг возненавидит...

— ...именно меня,— прервала его Катерина.— И ты, мой милый Анри, с твоей глупой уверенностью, что все должны нас любить, до сих пор не в состоянии догадаться, в чем дело. Мадам Тонтэр меня до такой степени ненавидит, что не прочь была бы отравить. Но не имея возможности этого сделать, она восстановила Туанетту против нашего малыша.

— Ты заходила к ней в дом, пока я был на мельнице?

— Да. Будучи женщиной, я не могла отказать себе в этом удовольствии.

— Я не поверю, что она ненавидит тебя! — стоял на своем Анри.

— А я тебя уверяю, что она меня ненавидит, как змею, как отраву!

— Но... Тонтэр... не может этого быть, чтобы и он питал к тебе подобное чувство!

— О нет, в этом я уверена,— сказала Катерина.

— Но если Тонтэр нас любит и хорошо к нам относится, то почему его жена может питать к нам неприязнь? — пожелал узнать Анри Бюлэн.

— Во-первых, потому, что я англичанка. Ты не должен ни на минуту забывать этого. Несмотря на то, что я любила Новую Францию так же, как и свою родную страну, я все же англичанка. Джимс тоже наполовину англичанин. Мы принадлежим к народу, который находится в смертельной вражде с твоей страной. Вот первая причина, которой объясняется ненависть мадам Тонтэр.

— Неужели есть еще причины?

— Да, существуют еще причины. Она ненавидит меня за то, что ее муж смотрит на меня очень благосклонно,— ответила Катерина.

Она хотела было добавить еще кое-что в пояснение своих слов, но из груди Бюлэна вырвался тот беспечный смех, который она так любила, а в следующее мгновение он уже крепко сжимал ее в своих объятиях.

Потом он выпустил ее с нарочито деланной грубостью, слегка отстранил от себя и указал на долину.

— Пока у нас есть все это, — воскликнул он, — что нам за дело до мадам Тонтэр и до всего мира в придачу! Пусть они себе воюют там, пусть женщины, подобные жене Тонтэра, ненавидят и грызутся между собой, если им это необходимо. Но до тех пор, пока ты не чувствуешь себя несчастливой в этих местах, я не променяю нашего очага на все блага мира!

— И я, пока у меня есть ты и Джимс! — подхватила Катерина, меж тем как Анри снова приготовился взвалить мешок муки на плечо. — Но я думала не о себе и не о тебе, а о Джимсе, — добавила она.

Они медленно пустились вниз по тропинке. Анри Бюлэн шел углубившись в свои мысли, а Катерина через некоторое время продолжала:

— Неприязнь мадам Тонтэр ко мне меня немало забавляет, и я не скрою, что я извлекаю из этого некоторое развлечение, хотя и невинного свойства. Имея тебя и Джимса, я больше ни в ком не нуждаюсь, чтобы быть вполне счастливой, а потому ненависть мадам Тонтэр меня не особенно огорчает. Я даже не упускаю случая подразнить ее и помучить немного, хотя мне и следовало бы этого стыдиться. Сегодня, например, я притворилась, будто у меня голова болит, и распустила свои косы с одной лишь целью — показать, какие у меня длинные и густые волосы, тогда как у мадам они очень жиденькие, хотя она лишь немногим старше меня. Надо бы тебе послушать, как она фыркала, когда ее сестра из Квебека сказала, что такие дивные волосы, как мои, было бы грешно помадить или пудрить. Ты можешь считать меня злой, Анри, но, право же, я не могу отказать себе в удовольствии досадить ей при всякой возможности за то, что она меня так ненавидит, не имея для того никаких оснований. Я, со своей стороны, приложила все силы, чтобы приобрести в ней друга, но, убедившись в том, что на это нет никакой надежды, я, следуя твоим советам, старалась видеть в этом лишь забавную сторону. Но, поскольку это касается Джимса и Туанетты, — это уж совсем другое дело. Наш мальчик в течение уже нескольких лет не перестает грезить о ней, мысленно превращая ее в подругу своих детских игр и приключений.

— Я понимаю... теперь я вижу, как это было глупо с моей стороны смеяться там, в замке, — сказал Анри Бюлэн. — Но, право, Тонтэр так заразительно хохотал... Мне и в голову не приходило, что мальчик может принять это близко к сердцу.

— Дети во многих отношениях похожи на женщин, —

заметила Катерина.— И те и другие глубже переживают обиды, чем это доступно пониманию мужчины.

— Я сейчас же пойду к Джимсу и скажу ему, что очень жалею о случившемся,— сказал ее муж.

— Нет, ты ни в коем случае не должен этого делать,— возразила Катерина.

— Но если я неправильно поступил...

— Ты все же на этот раз ничего не будешь предпринимать,— прервала его жена.

Анри Бюлэн умолк и ждал дальнейших объяснений. Через минуту Катерина продолжала:

— Видишь ли, Анри, я знаю, что Тонтэр на редкость хороший и благородный человек, что он совершенно одинок, что на сердце у него смертельная тоска, хотя он и любит беззаветно Антуанетту. Ни один человек в мире не мог бы любить такую женщину, как его жена, несмотря на все ее великосветские замашки и «голубую» кровь! Тонтэр до ужаса одинок, и я попрошу его почаще приходить к нам и брать Туанетту с собой.

— И ты думаешь, что он примет твое приглашение? — живо спросил Анри.

— Я уверена в этом,— ответила его жена.

Теперь она думала только о Джимсе, а потому была рада, что не сказала мужу того, что было у нее на кончике языка: об открытии, сделанном на мельнице Тонтэра.

— Да, он придет,— повторила она,— и, если я попрошу его, он приведет с собой Туанетту.

Анри радостно рассмеялся.

— Вот уж кого я люблю, так это Тонтэра! — воскликнул он.

— Да, Тонтэр — человек, которого нельзя не любить,— согласилась с ним Катерина.

— Но послушай, Катерина,— сказал Анри, перекидывая тяжелый мешок с одного плеча на другое,— как же насчет Туанетты, если мадам Тонтэр скажет «нет»?

— И все же Тонтэр возьмет ее с собой,— ответила Катерина.— То есть в том случае, разумеется, если я скажу ему, что мне очень хотелось бы этого,— добавила она, лукаво усмехнувшись.

— Ну еще бы! — уверенно воскликнул Анри Бюлэн.— Конечно он возьмет ее с собой, если ты вот *так* посмотришь на него. Но если он это сделает и мадам Тонтэр будет протестовать, и все же он осмелится это повторить...

— Тогда она, возможно, будет сопровождать его,— сказала Катерина.— Может случиться, что мадам Тонтэр меня еще больше *полюбит* после этого!

Она умолкла и прикоснулась рукой к рукаву мужа, так

как они вышли на открытое пространство, миновав каштановую рощу, и неподалеку от себя увидели Джимса и Потеху, стоявших над убитой птицей.

Горячая волна гордости и радости заполнила сердце Джимса, когда он увидел приближающихся отца и мать. Потеха, точно ощетинившееся сказочное чудовище, радостно помахивала огрызком своего хвоста. Глаза мальчика загорелись огнем, когда он увидел, что мать с глубоким интересом смотрит на его добычу, а отец, сбросив на землю мешок, с нескрываемым изумлением изучает великолепную птицу и стрелу, пронзившую ее насквозь.

Катерина исподтишка наблюдала за мальчиком, между тем как оба дорогих ей существа, побуждаемые охотничьими инстинктами, устремили все свое внимание на убитого индюка. Глаза мадам Бюлэн сияли, и когда Анри, насытившись видом птицы, поднял глаза на жену, он, по видимому, прочел ее мысли, так как ласково положил руку на плечо Джимса.

«Как похож этот мальчик на свою мать,— невольно подумал он.— Разница лишь в его серых глазах и светлых волосах, которые он не иначе как унаследовал от ее никудышного братца, Эпсибы Адамса, этого вечного бродяги, неукротимого вояки и на редкость славного парня!» Анри Бюлэн был вдвойне счастлив сейчас, видя, с какой гордостью его жена смотрит на их сына. Не будучи в состоянии сдержать восторга, она принялась восхвалять подвиг мальчика.

— Какой меткий выстрел! — воскликнул он, низко наклонясь, чтобы лучше разглядеть и птицу и стрелу.— Прямо насквозь, от крыла до крыла, точно пулей! И до самой бородки вошла в птицу! Вот уж никогда не поверил бы, что у тебя, мальчонок, хватит сил так натянуть тетиву! И ты говоришь, что выпустил стрелу вон оттуда? Право, не верится даже! Такая меткость в пору была бы вождю Трубке, Белым Глазам или Большой Кошке, а не такому мальчику.

Так назывались индейцы племени конавага, друзья Бюлэна, обучившие Джимса стрельбе из лука, и не кто иной, как сам вождь Трубка, изготовил для него лук из отборного, прекрасно высушенного ясеня.

Семья Бюлэн снова пустилась в путь, а солнце опускалось все ниже и ниже, и все гуще и длиннее становились тени среди деревьев. Благодаря приближению сумерек и люди и собака подвигались вперед столь бесшумно, что ни один не слышал шагов другого. Это объяснялось инстинктом, приобретенным вследствие долгого пребывания в глуши и безлюдье. Прошло с полчаса, и вдали снова засия-

ло небо, рдевшее на западе, а потом показались луга с разбросанными на них липами, каштанами и орешником. Наконец, достигнув обширного луга, откуда открывался вид на илистый скат, спускавшийся в запретную долину, на которую смотрели Бюлэны, отдыхая на Беличьей скале, путники издали завидели свой дом.

Он был расположен в маленьком углублении, казавшемся миниатюрой большой долины, и представлял собой хижину, сложенную из обтесанных бревен. При этом бревна не были стоймя укреплены в земле (так строились часто дома в те времена, причем такое сооружение предпочтительно возводилось вокруг огромного пня, игравшего, таким образом, роль стола), а были положены друг на дружку. Хижина была низенькая, но производила впечатление веселого домика, с большим количеством окон, чем позволил бы себе прорезать, живя в такой глуши, более осторожный человек. В одном конце домика находился огромный очаг, сложенный из глины и камней. Тут царил уют и комфорт, так как Анри Бюлэн создал самое лучшее, на что только он был способен.

После мужа и сына Катерина ничего так не любила, как свой дом.

Из его окон, абсолютно ничем не защищенных от врагов, открывался великолепный вид на восток и запад, на север и юг. Домик со всех сторон утопал в цветах (за которыми ухаживала сама Катерина), не перестававших цвести вплоть до первых заморозков. Также к самому дому прилегал огород, сад из ягодных кустов и птичники, построенные из каштанового дерева. Случись чужестранцу попасть сюда, он не поверил бы, что этот домик расположен на окраине дикой глуши.

Почти к самому огороду и саду Катерины подходили возделанные Анри Бюлэном поля, в общей сложности десять акров земли. Пахота кончалась у липовой роши, из которой Анри за предыдущий месяц извлек свой годовой запас сиропа в пятьдесят фунтов и в четыре раза больше липового сахара*.

Вот эти драгоценные владения, которые Катерина не променяла бы на все богатства мадам Тонтэр, путники завидели, едва они стали спускаться с зеленого ската маленькой возвышенности.

Но вдруг покой, окутавший дом, поля и луга, был нарушен пронзительным криком, от которого кровь застыла

---

* В Америке добыча сиропа и липового сахара из липового сока, в изобилии вытекающего из дерева весной, представляет собой крупную отрасль индустрии.

в жилах у людей. Казалось, от этого крика замерли все другие звуки в воздухе, испуганно метнулись в сторону, и даже флегматичный бык, остановившийся у хлева, вздрогнул от испуга. Одновременно с криком показалась человеческая фигура, вынырнувшая из зеленеющих ягодных кустов Катерины.

Одним движением плеча Анри сбросил мешок с плеча на землю, между тем как Джимс, находившийся впереди, быстро вскинул длинное ружье, а Потеха застыла точно вкопанная и зловеще зарычала. Таинственная фигура двинулась вверх навстречу путникам, а Джимс посмотрел на кремень своего ружья и стоял, держа палец на курке, готовый спустить его в мгновение ока. Но в это время Катерина, остановившаяся позади мужа и сына, вдруг ахнула от изумления, издала легкий крик и с распростертыми объятиями кинулась навстречу приближавшемуся незнакомцу.

— Это Эпсиба! — услышали Анри и Джимс. — *Ведь это Эпсиба!*

Едва эти слова вылетели из ее уст, Джимс положил ружье на землю и бросился следом за матерью. Но как ни спешил он, ему все же не удалось обогнать Катерину Бюлэн, которая радостно кинулась в объятия брата. Анри Бюлэн спешил в том же направлении, что и жена и сын, позабыв от изумления про мешок с мукой и захватив лишь огромного индюка. Когда он приблизился к Эпсибе Адамсу, последний, не выпуская из объятий сестру, успел одной рукой приподнять Джимса до плеча, а потом, улучив минуту, протянул зятю руку, заскорузлую, как старый дуб, защищавший домик от лучей полуденного солнца.

И если когда-либо существовал человек, во всех отношениях напрашивавшийся на сравнение с дубом, то это был именно Эпсиба Адамс, занимавшийся обменом товаров с индейцами. Было в нем что-то такое, что заставляло невольно перевести взгляд на Потеху, — столь много общего было в их сложении. В то же время это было веселое существо, знакомство с которым и друг и враг должны были почитать за честь.

Эпсиба был на целую голову ниже Анри Бюлэна, да и не так худощав. У него были широкие плечи, кряжистое туловище, круглое, как яблоко, лицо, и почти такое же румяное, с многочисленными следами ран, доставшихся в боях. А добродушные глаза блеском своим говорили о том, что превратности судьбы не только не испортили их, но, наоборот, еще придали им больше живости. На нем не было головного убора, и макушка, голая, как яйцо, блестела точно белое блюдо, а по бокам в изобилии росли рыжеватые волосы, завивавшиеся кверху, так что в общем,

при наличии некоторого количества воображения, не трудно было принять этого человека за бритого отшельника, выдержавшего отчаянную схватку с сатаной!

Когда улеглось возбуждение, вызванное появлением дорогого гостя, Катерина отошла на шаг от своего брата-бродяги и любящим взором стала изучать его.

— Эпсиба, я так рада тебя видеть, что прямо задыхаюсь от счастья. Все-таки я должна заметить, что ты не сдержал данного мне обещания и не перестал драться. Одно ухо у тебя точно отжевано, нос съехал чуточку набок, а под глазом у тебя какая-то странная отметина, которой не было два года тому назад.

Обветренное лицо Эпсибы расплылось в широкую улыбку.

— Вот уж не могу сказать того же про твой носик, Катерина,— начал он,— так как он становится красивее с каждым днем. Но случись ему прийти в слишком тесное соприкосновение с огромным кулаком, как это выпало на мою долю во время маленькой стычки с одним голландцем в Олбани, от твоего носа осталось бы лишь одно воспоминание. Так что уж тут говорить о каком-то пустяковом изгибе! Что же касается моего уха, то чего еще можно ждать от француза (за исключением, конечно, твоего добронравного муженька!), когда ему представляется случай пустить в дело зубы, вместо того чтобы пользоваться руками, которыми природа наградила его! Что до отметины под глазом, то ее оставил нож индейца, который сам себя ввел в заблуждение, решив, будто я его надул, чему, разумеется, не следует верить. Неужели, неужели это все? Ты так плохо помнишь «инвентарь» моей внешности?

— Я бы сказала еще, что плешь стала чуть больше, Эпсиба. И кроме того, она такая ровная и круглая, что остается только удивляться!

— А это сделал по моей просьбе индеец племени сенокков, за что я дал ему топорик. Надоела мне моя плешь, которая была до того неровная, точно на голове у меня растопили свечку! А теперь она круглая, и мне так больше нравится.

— Я заметила также, что у тебя одного зуба не стало, когда ты вот сейчас смеялся.

— А это вторая порция, доставшаяся мне все в том же Олбани! Боже ты мой, надо бы тебе видеть, какие они драчуны, эти голландцы!

— Что же касается твоей одежды,— сказала Катерина, доходя наконец до самого главного пункта, занимавшего ее,— то у тебя такой вид, точно медведь поиграл с тобой.

Скажи мне правду, Эпсиба: что-нибудь случилось с тобой... здесь поблизости?

— Сущие пустяки, сестричка, право. В нескольких милях отсюда я наткнулся на кучку французинов, заявивших, что тут-то, мол, не Новая Англия, и возымевших желание заставить меня повернуть. Но это, повторяю, пустяки, сущий вздор. Ей-ей, мне немного стыдно становится за тебя, Катерина. Ты совершенно упустила из виду самое важное.

— Что же именно?

— Мой живот! — ответил Эпсиба, положив обе руки на свое весьма внушительное брюшко. — Мой живот совершенно сморщился, как ты и сама можешь видеть. Мой желудок до того ввалился, что стал давить на позвоночник! Он сохся и сократился до размеров женского желудка! Он стал меньше, тоньше, уже, слабее от недостатка пищи. И если мне не дадут покушать в самом непродолжительном времени...

Он не успел закончить, так как Катерина снова обвила его шею руками и прижала его голову к своей груди.

— Славный старый Эп! — воскликнула она. — Голодный! Вечно голодный и таким останется до гробовой доски. Мы скоро сядем ужинать, — как только мне удастся развести огонь в очаге. О, как я счастлива, что ты вернулся!

— И я тоже, — сказал Анри Бюлэн, которому удалось наконец вставить слово.

Джимс, не произнеся ни звука, тянул за руку своего бродягу дядюшку, казавшегося ему величайшим героем в мире, и в конце концов он увлек его с собой, чтобы вместе с ним идти назад за ружьем.

Когда они удалились, тень тревоги мелькнула на сиявшем до того лице Катерины.

— Ты бы хорошенько присматривал за Джимсом до поры до времени, Анри, — сказала она. — Ты ведь знаешь, Эпсиба исключительно неблагоразумный и беспечный человек. Он весь полон глупых проделок, которые по душе мальчикам и которых я боюсь из-за Джимса.

Но Анри Бюлэн только ухмыльнулся в ответ на слова жены, так как, по его мнению, надо считать себя счастливым, имея возможность кой-чему научиться от Эпсибы Адамса.

Внезапно Катерина заметила, что из огромной трубы, сложенной из камней, вьется к небу струйка дыма.

— Не иначе как Эпсиба уже развел огонь в очаге, — сказала она.

И когда Бюлэны вошли через двухстворчатую дверь кухни, они, к великому удовольствию своему, увидели, что в очаге пылают две большие колоды, а под ними багрово

рдеет гряда липовых угольев. Анри потратил целый месяц на постройку очага, лучше которого не найти было ни в одной сеньории вдоль реки Ришелье.

Эпсиба не только успел развести огонь. С огромного крюка, вделанного в толстую дубовую перекладину футах в семи над огнем, свисал огромный олений окорок, с которого шипя стекал жир. Стоило лишь чуть дернуть крепкий пеньковый канат, чтобы жаркое само начало поворачиваться в течение минуты-двух, благодаря чему оно ровно подрумянивалось со всех сторон.

Руководимая чувством хозяйки, Катерина не преминула слегка дернуть канат, прежде чем сняла с себя накидку и капор и наспех поправила волосы перед зеркалом, висевшим на стене. А потом она посмотрела на стол, накрытый руками Эпсибы, и слезы затуманили ей глаза. Анри прекрасно знал, как учащенно бьется ее сердце, когда он взял обе ее руки в свои. Два года прошло с тех пор, как она в последний раз видела брата, единственного близкого ей по крови человека на всем белом свете. Каждый раз, когда Эпсиба являлся в дом сестры, он давал торжественное обещание, клялся, что теперь-то он навсегда останется с ними.

Но в один прекрасный день или в темную ночь он исчезал со всеми своими пожитками, и никто больше не видел его и не слышал о нем в течение продолжительного времени. Проходило месяцев шесть, год, а то и больше, как в данном случае, например, раньше чем он снова появлялся... и снова давал клятву остаться навсегда. Через несколько дней он исчезал, как и раньше.

Каждый раз, однако, он приносил на своих плечах огромный тюк, точно искупительную жертву; дележка содержимого этого тюка была для Джимса одним из величайших событий в его жизни, а отчасти также и для Катерины. Но сейчас, когда Джимс шагал рядом со своим героем, ему даже не приходила в голову мысль об этом тюке. Он был счастлив одним сознанием, что этот человек находится возле него, и, взяв с него клятву свято хранить секрет, он, не медля ни минуты, рассказал ему про ненавистного соперника.

Эпсиба Адамс обратил внимание на то, как судорожно сжимали пальцы Джимса его руку во время этого повествования, от него не укрылась дрожь в голосе мальчика. Усевшись на мешок с мукой, все еще остававшийся на земле, он путем осторожных расспросов выведал у племянника все то, что тот хотел было скрыть от него. Когда вторично прозвучал рог Анри Бюлэна, призывавший всех к трапезе, оба поднялись на ноги. Эпсиба взвалил на плечи

мешок, и его круглое румяное лицо походило на ласково ухмыляющуюся, полную обещаний луну.

— Дело не в росте, когда речь идет о честном бое, Джимс,— сказал он таким тоном, точно передавал секрет.— Если не считать этого голландца из Олбани, никогда еще не случалось, чтобы я получил трепку от противника. Как ты и сам видишь, я не очень большого роста, но всегда отдавал предпочтение стычкам с крупными противниками, так как они более медлительны, большее шлепаются и в большинстве случаев на них много сала. Этот самый Поль Таш, про которого ты рассказываешь, твоей подметки не стоит, я убежден в этом. Тебе никакого труда не стоило бы разделать его под орех, а когда он запросил бы прощенья, дать ему пару тумачков напоследок, чтобы подольше не забывал урока! Вот и все, о чем тебе следует помнить, и больше ничего. Раз навсегда прими решение расплатиться с ним за обиду и берись за дело, как только представится случай.

Катерина вышла из хижины навстречу заговорщикам, и умница Эпсиба ограничился лишь тем, что лукаво подмигнул мальчику.

Появление Эпсибы было великим событием, и Катерина зажгла все светильники, какие только у нее были, да еще дюжину свечей вдобавок, так что с наступлением темной, беззвездной ночи домик на краю неизведанной долины превратился в очаг яркого света и уюта. Ни сильные порывы ветра, от которых дрожали окна, ни оглушительные раскаты грома, ни бешеный ливень, внезапно низвергнувшийся с небес и барабанивший теперь по крыше, крытой корой каштановых деревьев,— ничто не могло нарушить радостного настроения, царившего в маленькой хижине.

Жаркое было разрезано, к нему прибавились всевозможные овощи, а к концу был подан наскоро изготовленный искусными руками Катерины пудинг с подливкой из липового сиропа. Таким образом прошел целый час, пока Эпсиба Адамс встал наконец со скамьи и достал свой тюк из-под лестницы, которая вела на чердак, служивший ночлегом Джимсу.

И Джимс прекрасно знал, что это является сигналом к тому, чтобы стол был очищен от посуды и крошек. Пока его отец закуривал свою длинную голландскую трубку, Эпсиба Адамс с деланной неловкостью уже возился с тесемками, стягивающими концы его тюка.

Когда же, благодаря Катерине и Джимсу, стол оказывался убраным, Эпсиба в таких случаях запускал руку в

бездонную ширь тюка и начинал словами, которые он употреблял из года в год:

— Всего лишь несколько безделушек для мальчика, кой-какие тряпки Катерине и сущий пустяк для тебя, Анри. Все это за гроши приобретено в городе Олбани у одного голландца, обладающего двумя величайшими кулаками, какие мне приходилось когда-либо видеть. Вот тут немного кружев, случайно купленных по пяти шиллингов за ярд, и кому бы еще они могли понадобиться...

И с этими словами он подвинул пакет Катерине, издавшей радостный возглас изумления. Но не успела она еще хорошенько ознакомиться с содержимым пакета, как Эпсиба уже вытащил откуда-то юбку из красного шелка, при виде которой Катерина вскочила на ноги и вся застыла от восхищения. Она еще не пришла в себя, как за первыми вещами последовали белый капор, черный капор, три нижних юбки всяких цветов и из различных материалов, кружевные сорочки, два корсета, несколько платков, шалей и так далее. Катерина даже глаза закрыла, точно боясь, что все это лишь галлюцинация.

— Боже мой! — сказала она. — Неужели это все для меня?

— Разумеется, нет! — сухо ответил Эпсиба. — Один из корсетов для Джимса, а вот эта нижняя юбка для Анри, чтобы у него было чем пощеголять в воскресенье в церкви!

Джимс стоял тем временем и, не сводя глаз с дяди, ждал и ждал, чувствуя, что сердце больно сжимается от напряженного ожидания. Но уже таков был заведенный порядок у Эпсибы Адамса. Сперва Катерина, потом Джимс и, наконец, Анри Бюлэн. Однако на этот раз порядок оказался несколько видоизмененным, так как Эпсиба достал из недр своей сокровищницы довольно увесистый пакет и протянул его зятю.

— Три лучшие в мире трубки! — заявил он. — Лучших я в жизни не видывал. Одна голландская, другая английская, третья изготовлена в Америке. А к трубкам пять фунтов лучшего виргинского табаку. Потом тут же пара башмаков, шляпа и кафтан, в котором ты можешь щеголять на любом балу! Ну, что вы скажете на это?

Он сделал шаг в сторону, точно в тюке уже ничего больше не оставалось, и Джимсу казалось, что целая вечность прошла до того момента, пока дядя Эпсиба не вернулся к своему стулу с нарочитой медлительностью.

Никому из присутствующих в эту ночь в домике не могло, конечно, прийти в голову, что мысль, совершенно неожиданно задуманная Эпсибой, должна была сыграть огромную роль в жизни мальчика. Ловким движением ру-

ки Эпсиба Адамс вытащил из опустевшего мешка небольшой пакетик, предназначавшийся первоначально для Катерины, и принялся развязывать его, держа следующую речь:

— Джимс, если память мне не изменят, то ты родился в один из самых холодных дней, в январе месяце, и, следовательно, тебе исполнилось сегодня вечером ровно двенадцать лет и четыре месяца. Иными словами, если правильны мои расчеты, ты через три года и восемь месяцев уже будешь считаться взрослым человеком.

Закончив это вступление, Эпсиба последним движением руки развернул пакет, и Катерина увидела кусок красного бархата, подобного которому не приходилось ей встречать за всю свою жизнь.

Очевидно, еще один подарок для матери, подумал Джимс.

Но, к его великому изумлению и к не меньшему удивлению Катерины, Эпсиба протянул бархат Джимсу

— Мадемуазель Марии-Антуанетте Тонтэр от преданного ей Даниеля Джеймса Бюлэна, — торжественно произнес он. — Нечего краснеть, Джимс. Десять и двенадцать не так уж далеко от четырнадцати и шестнадцати. А если суждено когда-либо баронской дочери узнать счастье, так она выйдет замуж за одного из отпрысков фамилии Адамс! А кроме того, у меня еще есть для тебя материя на несколько пар штанов, четыре рубахи, шляпа треуголка с черной лентой, полдюжины платков, складной нож, две пары башмаков, и вот это...

Из совершенно, казалось, опорожненного мешка он достал прекрасный длинный пистолет. Глаза его загорелись, когда, лаская оружие, точно близкого друга, он принялся описывать племяннику его великие достоинства.

— Смотри, Джимс, никогда не расставайся с этим пистолетом, до последнего часа твоей жизни. Пистолет не новый, но жизнь он прошел славную, — когда-нибудь я тебе расскажу о ней. Это верный друг, мой милый мальчик, и к тому же друг смертоносный. Он бьет в цель на добрую сотню шагов, — закончил он, протягивая племяннику пистолет.

Лицо Катерины говорило о явном неодобрении.

— Это очень мило с твоей стороны принести подарок Марии-Антуанетте, — сказала она, — но что касается пистолета, то я не могу сказать, что мне это по душе. Пистолет наводит меня на грустные размышления о кровопролитии. А мы здесь живем в полном мире, и ружья и лука Джимса вполне достаточно, чтобы всегда быть обеспеченными дичью.

В то время как эта женщина заговорила так уверенно в «полном мире», лицо Эпсибы затуманилось на одно мгновение. Но он постарался отогнать зловещие думы, и расхохотавшись, заметил, что через неделю она сама будет так же гордиться меткостью сына, как сейчас боится дурного влияния на него.

А когда Джимс час спустя забрался к себе на чердак и лег в постель, он думал не о чудном пистолете и не о меткости, а о том куске красного бархата, который он запрятал под подушку, перед тем как задул свечу. Если сейчас его сердце уже не билось так учащенно, как раньше, когда он сидел в кругу родных, то его душу охватывал поминутно радостный трепет, едва он вспоминал о своем сокровище. Гром перестал рокотать, молния уже не прорезала больше ночную мглу, а теплый осенний дождь беспрерывно барабанил по крыше, всего лишь в нескольких футах над головой мальчика, заглушая своим музыкальным ритмом голоса, доносившиеся снизу. Мальчик слышал, как стекала дождевая вода с крыши тысячами миниатюрных ручейков, он даже уловил мелодичное журчанье непрерывной струи, стекавшей по трубе из коры в подставленную деревянную бочку.

И так велики были в эту ночь его переживания, что он лежал в темной комнате, широко раскрыв глаза, и сон бежал от него.

Завтра состоится аукцион на ферме Люссана. Этот богатый фермер жил у границы соседней сеньории, милях в десяти от Тонтэра. Он решил вернуться на свое строе место, близ острова Орлеана, где ему было больше по душе, чем в долине реки Ришелье, и потому распродал большую часть своего добра. Среди прочих предметов, предназначенных для продажи, там был плуг с железным лемехом, котел для варки мыла галлонов на сорок и прядильный станок, — на эти вещи метил Анри Бюлэн, решивший поэтому выехать ранним утром. Джимс слышал, между прочим, что Тонтэр собирался приобрести рабов Люссана — семью, состоявшую из отца, матери и дочери, причем последняя предназначалась для Туанетты. Можно было предполагать поэтому, что Туанетта будет сопровождать отца. А в таком случае надо захватить с собой драгоценный пакет и, улучив удобный момент, передать его Туанетте.

Снова слышались раскаты грома где-то в отдалении, а вместе с тем ветер яростно стал рвать и метать, а дождь полил как из ведра. Опять молния пронизала мрак, осветив маленькое окошечко чердака, а крыша, казалось, стонет и гнется под напором небесной бомбардировки.

Джимс тоже вел ожесточенный бой, рука об руку со всеми стихиями. Его настроение поднималось по мере того, как усиливалась гроза. Он кинул противника наземь и прижимал его голову к вязкой грязи. Он бил его немилосердно, превращая в то же время его столичный наряд в грязное отрепье. А Мария-Антуанетта следила за побоищем, широко открыв свои большие лучистые глаза...

Бешеный порыв ветра промчался, гром затих, дождь несколько утих, а Джимс лежал на своей кровати, тяжело дыша после выдержанного боя. Он проникся непоколебимой уверенностью, что завтра кое-что случится. Сперва он отдаст свой подарок Туанетте. Потом...

А потом он сделает то, что советовал ему сделать его дядя Эпсиба. Он задаст хорошую трепку Полю Ташу!

ГЛАВА III

Анри и Катерина засиделись до поздней ночи в беседе с Эпсибой Адамсом, ибо последний на этот раз явился в дом сестры с какой-то определенной целью. Если бы Джимс потихоньку спустился вниз к концу беседы, он заметил бы, что счастливое и радостное настроение предыдущих часов уступило место почти трагически напряженной атмосфере, окутавшей всех троих и явно отражавшейся на лицах его матери и дяди. Богатые дары Эпсибы все еще лежали грудой на столе, но мозг Катерины был занят чем-то более важным, отравлявшим удовольствие, доставленное видом красивых вещей, и радость обладания ими.

Речь шла о войне. Уже этой весной 1749 года американские дебри стали приходить в волнение под действием слухов о надвигающейся опасности. В скором времени предстояло превратить восточную часть вновь открытого континента в пожарище страстей и ненависти!

Английский король Георг II и французский король Людовик XV разыгрывали комедию безмятежной дружбы после мира, заключенного в Экс-ла-Шапель. Франция погребла цвет своей молодежи на полях битвы Европы, сухопутная армия Англии была низведена до восемнадцати тысяч, ее морские силы исчислялись еще меньшей цифрой. Естественно, что неизмеримым колониям обеих держав приходилось самим разрешать свои споры, и они, крадучись, надвигались друг на друга, готовясь к смертельной схватке.

Сцена для самого кровопролитного спектакля в истории Америки была уже подготовлена. На юге от долины Ришелье сосредоточились самые ожесточенные враги бе-

лых — индейские воины Шести племен, как их тогда называли, а на севере жили сорок разбросанных по всей Канаде племен, остававшихся верными союзниками Новой Франции. А дальше, за этими дикими вассалами, находились с одной стороны одиннадцать сотен тысяч английских колонистов, стороживших все побережье от Мейна до Джорджии, с другой же около восьмидесяти тысяч душ, включая женщин и детей, вынужденных охранять безграничные пространства Новой Франции, простиравшиеся с севера на юг от Канады до Мексиканского залива и с востока на запад от Аллеганских гор до Скалистых.

Вот об этом-то неравенстве сил враждующих и о беспощадных краснокожих, которые, по уверению Эпсибы, когда-нибудь сметут на своем пути все живое вплоть до долины Ришелье, и шла речь в этот вечер. Но, увы, его слова не производили никакого почти впечатления на Бюлэна.

— Пусть будет война, если это неизбежно, — стоял на своем Анри. — Сердце Новой Франции позади непроходимой стены утесов и лесов, а имея на своей стороне такие преимущества, восемьдесят тысяч людей могут померяться силами с миллионом англичан, если тем вздумается прийти сюда. Но зачем говорить о войне, брат, когда вокруг нас царит мир, когда мы живем в полном довольстве, а вокруг нас — прекрасная страна, созданная для радости и честного труда. Пусть себе короли грызутся или веселятся, как им угодно. Я буду другом и той и другой стороне, я не причиню царапины ни тем, ни другим. Каковы бы ни были причины, которые вызовут войну, я ни за что в мире не мог бы поднять оружие против соотечественников Катерины, равно как она никогда не стала бы восстанавливать меня против моих. Зачем же нам трогаться отсюда? Ведь это такое прелестное место! Здесь нейтральная территория, и мы, оставаясь нейтральными, находимся как раз на своем месте. Индейцы племен оживади и могауков жили под нашей крышей точно так же, как гуроны и альтонквини. А уж если такие заклятые враги встречаются при таких обстоятельствах в одном и том же месте, то какие же основания имеем мы для боязни и опасности?

Катерина слушала, и гордость сияла в ее глазах. Когда муж умолк, она добавила:

— Анри любит индейцев, и я, со своей стороны, тоже научилась любить их. Они все наши друзья.

— Друзья! — фыркнул Эпсиба. — Послушай, Анри, если я называю тебя глупцом, то лишь потому, что я тревожусь о Катерине и Джимсе. Убери их отсюда в такое место, где опасность не висит день и ночь над головой. Убери

их в Сент-Лоранс, если хочешь, или на юг, откуда Катерина прибыла сюда. Выбери то или иное, в противном случае никакие силы в мире не спасут вас! — крикнул он, и голос его звучал необычайно страстно.

— Никакой войны не будет! — упрямо твердил Анри.— И Англия и Франция обескровили себя на полях битвы в Европе. Мир, который был заключен в октябре прошлого года, не будет нарушен при нашей жизни, брат. И те и другие получили вдоволь, и теперь они подобны двум покойникам, беспомощно распростертым на спине!

— Я тоже так думаю,— кивнув головой, заметила Катерина, и легкая дрожь пробежала по ее телу.— Мне сдается, что теперь война прекратилась на много лет.

Эпсиба надул щеки, точно два пузыря, потом сразу втянул их в себя, издавая при этом забавное чмоканье губами. Это была гримаса, оставшаяся у него с детства и служившая для выражения последнего предела возмущения. Катерина невольно улыбнулась, взглянув на него, хотя в то же время пальцы ее нервно теребили край платья.

— Глупцы! Простаки! — ворчал Эпсиба.— Я вам говорю, что ни Георг II, ни Людовик XV не будут даже знать о войне, которая разгорится здесь, пока не окажутся залитыми кровью все леса между английскими колониями и Новой Францией. Поймите вы, что, в сущности, война уже началась! Французские и английские негодянты вступают в бой, где бы им ни случилось столкнуться на границе, а наемные убийцы одной стороны собирают скальпы для своих хозяев. Да чего вам больше — даже белые и те присоединились к этой отвратительной игре с тех пор, как Массачусетс отправил Ловвелля с отрядом в пятьдесят человек на охоту за индейскими и французскими скальпами (хотя приказ гласит — только индейскими! — но это только для проформы!), и за это они получают пять шиллингов в день и премию за каждый скаल्प своим чередом. В области Нью-Йорка сэр Вильям Джонсон отсчитывает английские денежки за человеческие волосы, а французы (и ты великолепно знаешь, что это правда, Анри!) платят по сто крон одинаково за скальпы белых и красных. Индейцы стали торговать человеческими волосами, вместо того чтобы охотиться за зверями, так как цены на волосы выше, да и сбыт более обеспеченный.

Это еще не все. И англичане и французы не стесняясь пускают в ход и виски, и оружие, и деньги, чтобы дикари там больше сатанели. А вы тут сидите, точно голубки, столько-то скальпов стоимостью в пятьдесят фунтов каждый, *с открытыми окнами, с незапертыми дверями, совершенно забыв о благоразумии.* Тогда как в нескольких милях

от вас, за холмом, Тонтэр обучает своих фермеров владеть оружием, устраивает бойницы в замке, укрепляет тяжелые двери, коротко говоря, превращает свой дом в крепость, так как он знает, что ждать от страны, населенной могауками, и, по мере возможности, готовится к достойной встрече.

— Его дело военное,— ответил Анри Бюлэн, несколько не тронутый страшной картиной, которую нарисовал ему шурин.— Помимо того, Тонтэр, согласно дарованной ему грамоте, должен сделать из своего дома укрепление, независимо от наличия войны.

— К тому же,— поддержала его Катерина,— его жена и дочь остаются все время при нем. Между тем, если бы существовала какая-нибудь опасность, он, без сомнения, отправил бы куда-нибудь женщин.

Она поднялась со стула, подошла к брату сзади и обвинила обеими руками его шею.

— Эпсиба,— начала она,— мы прекрасно знаем, что ты говоришь сущую правду. Вдоль границы, с которой ты вернулся, происходит страшная резня, и Анри потому и привел сюда меня и Джимса, чтобы быть в стороне от кошмарного кровопролития. Ты сейчас сам себя побил своим же оружием. Не кто иной, как ты, братец, должен уйти от жизни, полной опасности, и поселиться с нами. Вот тогда наше счастье было бы безоблачно.

— У нас тогда будет здесь сущий рай,— вставил Анри.

— Я подыщу тебе жену, которая будет любить тебя беззаветно,— продолжала Катерина,— а пока у тебя не будет своих детей, Джимс наполовину твой.

Эпсиба осторожно высвободился из ее объятий.

— Вот именно ради Джимса вам следовало бы перебраться в такое место, где поблизости есть учитель,— сказал он, ухватившись в отчаянии за последний аргумент, так как все остальные были разбиты.

— Во всей Новой Франции, во всех английских колониях не найдется лучшего учителя, чем Катерина! — гордо заявил Анри.— Поскольку это касается языка, то она и по-французски и по-английски научила его большему, чем могла бы дать ваша школа в Олбани или колледж в Квебеке,— тем более,— что в первой он воспитывался бы англичанином, во втором французом. А сейчас он так же, как и его родители, и француз и англичанин, чуждый ненависти к той или иной нации.

— О, в этом я абсолютно убеждена! — подтвердила Катерина.— Я молю только Бога, чтобы Джимс никогда не был воином.

Когда Эпсиба отправился на чердак, где для него была

приготовлена постель, он постоял минуту со свечой в руке у изголовья мальчика, который, зажав в руке красный бархат, спрятанный под подушку, о чем-то грезил и улыбался. Но вдруг улыбка сбежала с уст спящего и сменилась угрюмым выражением лица. Эпсиба вспомнил слова сестры, и губы его беззвучно прошептали:

— Ничего им не удастся с тобой сделать, мой мальчик, сколько бы они ни молились. Придет пора и ты станешь воином, — и воином, умеющим наносить сильные удары!

А потом он беззвучно разделся, задул свечу и лег в постель.

* * *

Катерина уже с первыми лучами солнца приготовила завтрак, а Джимс, не отставая от старших, помогал отцу во всех работах. Волу был задан корм, телега была уже приготовлена к поездке, и только тогда дядя Эпсиба спустился с чердака. Разговоры о войне, кровопролитии и смерти не оставили ни малейшей тени в душе Катерины, и брат ее, направившийся к роднику близ хижины, чтобы освежиться ледяной водой, слышал, как она весело напевала за работой.

При первых звуках ее голоса он невольно повернул голову на юг, где утренний туман быстро поднимался под действием солнца; его могучие плечи слегка задрожали, точно холод родниковой воды пронизывал все его тело. Он тщательно изучал все извилины, вздутия и углубления таинственной долины, мысленно отмечая, в каком месте появятся могауки и откуда они вынырнут в случае, если его опасения оправдаются.

Внезапно Эпсиба услышал смех, доносившийся со стороны хлева, где находились Анри Бюлэн с сыном. Очевидно, кто-то из них отпустил шутку или заметил что-либо забавное во время работы. Все еще не будучи в состоянии совладать с дрожью, пробегавшей время от времени по его телу, он снова повернулся к воде и в это время увидел, что рядом с ним стоит Потеха, чуть насторожившись и пристально всматриваясь в неисследованную долину. Ее ноздри раздувались, а в глазах было выражение сильного напряжения и безмолвных злых предчувствий, — точно так же, как в глазах человека.

Эпсиба в изумлении глядел на собаку: вокруг них пели и щебетали птички, из хлева доносились веселые голоса, серые голуби носились над головой, над лесом алело восходящее солнце, и, тем не менее, животное стояло насторо-

жившись, не обращая ни на что внимания и не спуская глаз со зловещей тихой долины.

При прикосновении Эпсибы Потеха сразу пришла в себя, и напряжение, овладевшее ею, прошло.

— Нужно следить, песик,— вслух произнес человек.— Нужно сторожить и день и ночь. Не сейчас. *Но скоро!*

И с этими словами он снова начал поливать свое тело студеной водой.

* * *

Когда Джимс, шагая впереди отца и дяди, направился к ферме Люссана, он на этот раз не стал обременять себя ни «воинскими доспехами», ни каким-либо другим нарядным одеянием. На нем был его старый костюм из коричневой домотканины, индейские мокасины и обмотки из лосиной кожи, а на голове меховая шапка, какую носили все пограничные колонисты, с орлиным пером. Из-под шапки спускались до самых плеч его светлые волосы.

Имея при себе один только лук и стрелы, он чувствовал себя легко и свободно; и вместе с тем его юное стройное тело от этого выигрывало и он представлял теперь собою более привлекательную картину, чем накануне в своем воинском снаряжении.

В это утро, однако, у Джимса не было ни малейшего желания принести вред какой-нибудь птице или зверю. Душа его была преисполнена решимости и восторга. Он знал, что будет драться с Полем Ташем, если тот окажется на ферме Люссана, и принял твердое решение возвыситься, благодаря этому поступку, в глазах Марии-Антуанетты Тонтэр,— предварительно передав ей кусок красного бархата.

Он прибыл первым на двор Люссана. Было только девять часов утра, а распродажа была назначена на одиннадцать. Люссан, его жена, дочь, два сына и три раба, предназначавшихся для продажи, хлопотливо работали с самой зари, и Джимс немедленно начал помогать, чем и кому только он мог. На длинном железном вертеле шумно жарилась уже половина бычьей туши над грудой пылающих угольев орешника. Огромная голландская печь на дворе была полна пекшихся в ней хлебов, столы были уставлены глиняной посудой, а также белоснежными тарелками из тополя. Люссан славился своим виски, сидром и пивом. Три бочонка, поставленных на колоды, выставляли зазывно свои краны, только ожидая, чтобы друзья и соседи явились и открыли бы их. Аппараты для сидра и пивоварения лежали сейчас же позади бочонков, сверкая яр-

ко вычищенной медью, чтобы искушать взоры людей, и можно было заранее сказать, что эти вещи будут хорошо оценены. Повсюду на дворе были выставлены вещи, предназначенные к продаже, тут же сновали взад и вперед несчастные рабы, утешавшие себя обещаниями Люссана продать их только всех вместе, а не в одиночку.

В скором времени Джимсу уже нечего было делать, и он стал отыскивать плуг, котел для варки мыла и прядильный станок — вещи, облюбованные его отцом. Во время поисков он случайно набрел на стол, уставленный всякой всячиной, и сердце его часто заколотилось, когда он увидел среди других вещей целый ряд английских книг. Джимс не стал даже задумываться над тем, откуда взялись эти книги у фермера, знающего только французский язык. Он думал лишь о том, какой это будет радостью для его матери, если он привезет ей эти сокровища. В общей сложности там было пять книг, Джимс немедленно отправился вести переговоры с Люссаном насчет их стоимости. Не видя никакой ценности в английских книгах, питая мало надежды найти покупателя и будучи к тому же человеком по натуре великодушным, фермер заявил мальчику, что отдаст ему книги в награду за помощь, оказанную им утром в работе.

Не помня себя от радости в связи со столь диковинной удачей, Джимс стал дожидаться прибытия отца и дяди Эпсибы и приезда барона Тонтэра. Более близкие соседи Люссана прибыли раньше Бюлэна, но как только последний показался из лесу, Джимс немедленно направился навстречу ему. Потеху он предусмотрительно привязал к одному из колес, прекрасно зная, как будет вести себя собака, случись ему действительно столкнуться с Полем Ташем.

Близилось начало аукциона, и на ферме собралось уже человек пятьдесят мужчин и женщин, а также десятка два ребятишек. Тонтэра все еще не было. Джимс занял позицию в таком месте, откуда на большом расстоянии видна была дорога, по которой должен был приехать Тонтэр. А когда аукционист громовым голосом возвестил, что продажа начинается, мальчику стало уже казаться, что все его надежды рушатся. Впрочем, он почти тотчас же воспрянул духом, так как приблизительно в полумиле от него показались три всадника. Первый был Тонтэр, второй Поль Таш, а в третьем нетрудно было узнать по тонкой фигуре и широкополой шляпе Марию-Антуанетту Тонтэр собственной персоной.

Укрывшись позади дерева, Джимс следил за кавалькадой, проехавшей так близко от него, что камушек, подброшенный одной из лошадей, упал возле ног мальчика. Руки

его сжались в кулаки при виде Поля Таша, но сердце заняло, когда он перевел взгляд с врага на Антуанетту. Она внезапно и сразу превратилась в какую-то леди, которую, он мог бы поклясться, он никогда в жизни не видал. Он до такой степени был поражен происшедшей в Туанетте переменой, что совершенно позабыл об осторожности и, случись кому-нибудь из всадников посмотреть в его сторону, мальчик был бы открыт.

А Туанетта действительно перестала быть той десятилетней девочкой, какой она была вчера, так как сбылась ее старая мечта и она надела свой первый долгожданный костюм для верховой езды, только что привезенный из Квебека. На голове ее красовалась очаровательная бобровая шапочка с большим пером, из-под которой каскадом ниспадали тщательно завитые волосы, перевязанные местами красными ленточками. Туанетта великолепно понимала, что представляет собою красивое зрелище, и от этого сознания все ее тело напряглось, как пружина.

Джимс смотрел ей вслед, чувствуя себя таким маленьким и ничтожным. Туанетта перестала быть Туанеттой и превратилась в сказочную принцессу. А Поль Таш, ехавший рядом с ней, в напудренном парике и в красном кафтане, казался недостижимым для тех планов, которые строил против него Джимс. Мальчик вышел из-за своего прикрытия и поднял камушек, подброшенный лошадью Туанетты. До него доносились рев аукциониста и голоса фермеров, оспаривавших друг у друга тот или иной предмет. А потом послышался взрыв смеха, среди которого можно было безошибочно узнать оглушительный хохот Эпсибы Адамса. Ни один другой человек во всем мире не умел так смеяться!

Под действием этого голоса Джимс оживился и снова стал самим собой. Он вернулся на зеленую лужайку перед домом Люссана как раз в тот момент, когда Поль Таш помогал Туанетте спешиться. А потом он, к великому своему удивлению и удовольствию, заметил, как дядя Эпсиба протянул Тонтэру руку, и тот пожал ее, после чего оба стали распивать сидр. Аукционист, обладавший какими-то изумительными легкими, нашел ценного союзника в напитках, как правильно рассчитал Люссан.

Благодаря счастливой случайности, вернее, благодаря обширной фигуре мадам Люссан, Джимс оказался, сам того не сознавая, почти рядом с Туанеттой. Она не заметила его, а он стоял, чуть дыша, с наслаждением вдыхая исходящий от нее аромат и ослепленный видом ее широкополой шляпы, лоснящихся кудряшек, красных лент, очаровательных плеч. Но это радостное зрелище было омрачено

появлением Поля Таша, который вернулся от одного из бочонков и при виде Джимса презрительно усмехнулся. Вот именно эта усмешка и заставила Туанетту повернуть голову, и она увидела возле себя Джимса, который стоял, держа в руках шапку и пакет, и старался забыть о присутствии соперника.

Протянув ей свой подарок, он сказал:

— Мой дядя Эпсиба вернулся из колоний и принес мне вот эту вещь, чтобы я мог преподнести ее вам. Вы не откажетесь принять, Туанетта?

Он совершенно забыл о существовании Поля Таша. Лицо его покрылось румянцем, когда он почувствовал на себе взгляд изумленной девочки. Она почти улыбнулась и, протянув руку, взяла пакет. Джимс ощутил прикосновение ее кожаной перчатки, заметил румянец, разлившийся по ее щекам, и весь затрепетал от радости. После того, как она обошлась с ним накануне, он едва мог ожидать такой милости с ее стороны.

Туанетта была очарована его поступком, но, сознавая, тем не менее, что на нее смотрят еще другие глаза, она зарделась пуще прежнего. Джимс принял это за выражение удовольствия и уже начал надеяться, что она сейчас поблагодарит его за подарок. Но в эту минуту рядом с ним очутился Поль Таш. Не обращая ни малейшего внимания на Джимса, он увел с собой Туанетту, учтиво взяв у нее из рук пакет. Туанетта успела, однако, обернуться и улыбнуться Джимсу, несмотря на бдительные взгляды своего спутника, который воспользовался этим моментом и незаметно выронил подарок Джимса.

Этот поступок, объяснявшийся презрением к юному обитателю лесов да еще отвратительным характером, скрытым под маскою пышного наряда и изящных манер, вынудил Джимса совершенно забыть про Туанетту, красота, близость и располагающий нрав которой минуту до того целиком поглотили все его мысли. Едва он увидел, как упал наземь пакет, в нем с новой силой вспыхнуло желание привести в исполнение свой план, которое, собственно, и привело его сюда. Туанетта отошла на задний план в той буре чувств, которая нахлынула на него и овладела им. Он видел теперь лишь одного человека на том месте, где раньше их находилось двое, и это был Поль Таш.

В течение немногих секунд Джимс повзрослел на несколько лет и вместе с тем в нем обострились чувства обиды, ненависти и мести. А когда он быстро поднял с земли свой подарок, это было вызвано отнюдь не надеждой спасти его для Туанетты, а желанием воспользоваться им как

поводом для начала военных действий, чтобы швырнуть его в лицо своему обидчику.

Отделившись от толпы, Туанетта и Поль направились к тому месту, где находились лошади, прекрасно сознавая, что их провожает много глаз. Дав собравшимся время полюбоваться ими, они скрылись в саду позади дома.

А возле одной из бочек с сидром быстро крепла дружба между двумя новыми знакомыми — Тонтэром и Эпсибой Адамсом, которые с широкой улыбкой следили за красивой юной парой. Ласково толкнув в бок человека, которого он должен был бы считать заклятым врагом и в ком он нашел очаровательного собутыльника, барон сказал, сопровождая свои слова громким смехом:

— Глядите, друг Адамс! Вот идет пара молодых павлинов, точно на параде! Моя девочка превратилась в юную леди, как только она надела этот костюм и широкополую шляпу. Что же касается этого франта, который ведет себя совсем как кичливый индюк... Гм! Если этот тощий племянничек ваш...

— Тссс! — прервал его Эпсиба. — А вот и он.

Не отдавая себе отчета в том, что за ним следят двое старых вояк, Джимс шел по пятам Туанетты и Поля и находился всего лишь в нескольких шагах от них, когда они завернули за угол дома. Он остановился, радуясь тому, что они направились по дорожке, находившейся вне поля зрения людей, съехавшихся на аукцион. Лишь тогда, когда шедшая впереди пара скрылась из виду, он пустился следом за нею, бесшумно подвигаясь вперед на индейский манер. Он нашел их на краю зловонного и довольно топкого пространства, служившего излюбленным местом отдыха свиньям Люссана. Туанетта стояла, задрав подбородок кверху, слегка приподняв подол своего платья обеими руками, и ее возмущенный взгляд говорил о том, что она вот-вот выльет все свое негодование на спутника, осмелившегося привести ее в такое место.

В этот момент Джимс вышел из-за кустов.

Он был страшно бледен. Все его тело напряглось, точно тетива его лука. Глаза стали почти черные. Он не видел Антуанетты, он едва отдавал себе отчет в ее существовании, он не обратил даже внимания на то, что выражение гнева на ее лице уступило место изумлению, когда она увидела в руке Джимса пакет, который он преподнес ей за несколько минут до этого. Он приблизился к Полю Ташу, и тот, приняв медленность движений и смертельную бледность Джимса за признаки растерянности и страха, попытался скрыть свое собственное смущение громким протестом против «шпионского поведения» юного Бюлэна.

Джимс не ответил ни слова и только протянул пакет, при виде которого слова застряли в горле Поля Таша. Молчание Джимса и жест, с которым он протянул пакет, вызвали волну краски на лице франта. Он видел, что Туанетта невероятно изумлена разыгрывающейся на ее глазах сценой, и, быстро придя в себя, переменил тон. Протянув руку за пакетом, он сказал:

— Прошу прощения! Это очень мило с вашей стороны, что вы принесли этот пакет... который я нечаянно обронил.

Джимс сделал еще один шаг вперед.

— Вы лжете! — крикнул он.

Размахнувшись с бешеной силой, он швырнул пакет в лицо Полю Ташу.

Удар был нанесен с такой силой, что Поль попятился назад, и в это время Джимс набросился на него с быстротой человека, одержимого ненавистью и безумием. Ему никогда не приходилось драться, но он хорошо знал, как дерутся животные. Он видел, как совы раздирают друг друга на части. Он однажды наблюдал за поединком между двумя могучими оленями, окончившимся лишь тогда, когда один из соперников упал с переломанной шеей и испустил дух. Он видел, как осы отрывают головы своим жертвам. И все, что он знал о жестокости, насилии, злобе и стремлении причинить противнику возможно больше ущерба, он вложил в свою атаку.

Поль Таш завыл от боли, а с уст Антуанетты сорвался пронзительный крик. Джимс услышал его, но это не имело сейчас для него никакого значения. Его мечты были разбиты, и хотя Туанетта на деле оказалась свидетельницей поединка, как он рисовал себе в воображении, он совершенно забыл про нее и помнил лишь о своей неизбывной ненависти к Полю.

При первой атаке пальцы Джимса ухватились за роскошный кафтан врага и послышался треск разрываемой ткани и кружев, после чего в ход пошли когти, и оба противника тесным клубком покатались по земле. Полю удалось сильным напряжением отбросить от себя Джимса, но когда они оба поднялись, у них был такой страшный вид от покрывавшей их жидкой грязи, что Туанетта в ужасе прикрыла лицо руками. Тем не менее она снова открыла глаза, точно зачарованная этим жутким зрелищем.

Джимс поднялся с земли, захватив полную горсть грязи, которую он так метко запустил в Поля, что у последнего словно не стало половины лица. И когда тот вне себя от бешенства кинулся на своего врага, у него был такой страшный вид, столь противоречивший чистенькому

франту из Квебека, что у Антуанетты дыхание занялось. А потом у нее на глазах снова переплелись в один клубок два тела, до ее слуха доносилось шумное, прерывистое дыхание, и, наконец, зловещая тишина была прорезана громким проклятием, сорвавшимся с уст Поля Таша, а Джимс отлетел назад и растянулся на спине.

Он в то же мгновение вскочил на ноги и, опустив голову, точно козел, бросающийся в атаку, ринулся на Поля Таша. Тот, однако, успел уже протереть глаза и, вовремя заметив быстрый натиск врага, посторонился, но в то же время нанес меткий удар, от которого Джимс ничком растянулся в грязи. Снова его рука набрала полную горсть грязи, и он вторично запустил ею в противника; но Поля Таш, наученный опытом, быстро наклонился, и заряд, пролетев над его головой, частично распластался на Туанетте.

Увидев, что ее новенький костюм для верховой езды весь запачкан жидкой грязью, девочка пришла в ярость, кинулась на Джимса, «обрабатывавшего» тем временем Поля руками, ногами и когтями, и обрушилась на него со всей силой и хлесткостью своих кулаков и языка. Джимс видел, какую беду он натворил, он понимал, что руки, с такой силой трепавшие его волосы, принадлежат не Полю, а Туанетте. Тем не менее он, невзирая на предательское нападение с тыла, снова ринулся в атаку, считая и на этот раз Поля виновником всех зол. Разве случилось бы нечто подобное, не вздумай он так трусливо и подло наклониться и дать заряду попасть в Туанетту? Теперь он уже дрался не с целью завоевать расположение Туанетты, не за нее, а против нее, против Таша, против всего человечества. Туанетта, трепавшая его за волосы и колотившая его кулачками по спине, тем самым возвела поединок до героических высот.

Сейчас он видел себя самым настоящим мучеником, и это придавало его худым рукам и телу столько бешеной силы, что его более крупный, но и более изнеженный враг не выдержал натиска и оба опять грохнулись на землю. Туанетта не смогла удержать равновесия и последовала за ними. Ее длинное платье запуталось под ногами дерущихся, сильно мешая их движениям, широкополая шляпа соскользнула набок, прелестные тщательно завитые кудряшки были покрыты комками грязи, а кулачки ее с остервенением наносили удары тому из противников, кто подворачивался под руку.

Джимс чувствовал ее участие в поединке, но в пылу боя он не в состоянии был задумываться о том, как пускать в ход то или иное оружие, то есть руки, ноги, зубы и голову.

Туанетте удалось под конец высвободить свое платье из-под ног противников, и она с трудом поднялась с земли. Вид у нее был такой, что никто бы не принял ее теперь за ту очаровательную юную леди, которая совсем еще недавно гордо въезжала во двор Люссана. На ее долю досталось немало пинков, шляпа была втоптана в грязь, а руки, лицо и волосы были густо покрыты грязью. Платье ее представляло собой нечто ужасное.

Несмотря на свой жалкий вид, она, тем не менее, вся горела желанием продолжать бой. Схватив в руки валявшийся в грязи одеревенелый прошлогодний стебель подсолнечника, она с такой силой нанесла им удар, что Поль, на голову которого он пришелся, был оглушен и растянулся ничком в грязи.

Этот инцидент положил конец участию Туанетты в битве. Она только издала испуганный возглас, едва увидела, что натворила.

А за полминуты до этого Джимс стал чувствовать, что ему все чаще и чаще не хватает воздуха, и он готов был поклясться, что либо Поль Таш, либо Туанетта дубасит его деревянным молотом, вроде того, который был в руках аукциониста. Это впечатление объяснялось тем, что Поль Таш, которому Джимс впился зубами в одно очень чувствительное место, не помня себя от боли, колотил его с удвоенной силой по голове. Поль пришел в себя после удара Туанетты раньше, чем Джимс успел воспользоваться случайным преимуществом, но, что произошло после этого, Джимс ни за что не мог бы объяснить, так как он сам терялся в догадках...

Через некоторое время он присел, но теперь больше никому было наносить удары. Поль и Туанетта уже находились вне досягаемости, и только издалека доносились их голоса. Джимс хотел было крикнуть, в полной уверенности, что враг позорно бежал, но что-то такое застряло у него в горле и мешало набрать воздуха в легкие. Он сделал попытку встать, чтобы кинуться вслед за бежавшим противником, но земля поплыла у него перед глазами, дыхание с трудом вырывалось из груди, в животе он ощущал какую-то ноющую боль, а из носа текла кровь.

Ужасающая мысль блеснула у него в голове, и столь велико было нравственное потрясение, вызванное ею, что он порывисто сел, подняв голову кверху и едва заметив две фигуры, вынырнувшие из-за кустов шагах в двадцати от него. Эта мысль постепенно перешла в уверенность: не он задал трепку Полю Ташу, а Поль Таш задал трепку ему, да еще такую здоровую, что земля казалась Джимсу неустойчивой, когда он с трудом поднялся на ноги.

Сознание понесенного поражения прояснило его зрение. Он узнал людей, показавшихся из-за кустов. Один из них был дядя Эпсиба, другой — отец Туанетты. Оба, широко ухмыляясь, смотрели на него, а когда они были совсем близко, мальчик услышал слова Тонтэра, произнесенные якобы шепотом:

— Друг Адамс, это кто же будет? Ваш племянник или одна из свиней Люссана, вывалявшаяся в грязи? Ради Бога, поддержите меня, а то я сейчас лопну от смеха!

Но Джимс не услышал ответа дяди Эпсибы. С лица бродячего негодянта вдруг сбежала улыбка, сменившаяся выражением, в котором не было ни малейшего намека на веселье.

ГЛАВА IV

Полчаса спустя Джимс стоял в маленьком пруду, образовавшемся от скопления воды скрытого в траве ручейка, неподалеку от фермы Люссана и смывал с себя грязь, между тем как тут же на траве сидел дядя Эпсиба, пытавшийся по мере возможности очистить его пострадавшее в бою платье.

Не прекращая ни на минуту работы, Эпсиба Адамс говорил:

— И опять-таки я тебе говорю, что, пустив в ход несколько тонких трюков, необходимых в таком деле, ты разделался бы с ним по-своему, Джимс. Вот с этими трюками я с сегодняшнего дня начну тебя знакомить. В драке надо пользоваться кулаками, а не как баба — когтями и зубами. Кусаться еще позволительно, если удастся захватить, скажем, ухо или другое столь же чувствительное место. Но когда пытаешься откусить руку или даже ногу, в таком случае, Джимс, малыш мой, ты рискуешь помереть за этим занятием, разве только у противника почему-либо руки отнялись.

А ты, должен заметить, этим главным образом и занимался, Джимси. Ты либо кусался, либо лягался, либо царапался. Надо признать, что делал ты это совсем недурно, и если бы эта маленькая кошка Туанетта, которую ты привел в ярость комком грязи, не вцепилась тебе в волосы, дав тем самым возможность Полю Ташу наносить меткие удары в голову, твои методы борьбы имели бы исключительно большой успех. Однако факт остается фактом, мой дорогой мальчик: ты получил такую взбучку и трепку, какой свет еще не видывал, особенно к концу представления. Но это имеет огромное воспитательное значение, и тебе

совершенно незачем краснеть. Ты поверь, когда я пришел в себя после трепки, полученной в Олбани от голландца, я первым делом преподнес ему чудесную бобровую шкуру в благодарность за урок. Мужчине даже необходима время от времени встряска, а исходя из этого ты очень много выиграл за сегодняшний день.

Джимс стоял на траве, предоставляя солнцу обсушивать его тело, а Эпсиба Адамс целиком увлекся своим монологом на тему об искусстве рукопашного боя, как вдруг внимание обоих было привлечено каким-то шумом, доносившимся из кустов. Через некоторое время оттуда показался Тонтэр, направляющийся к Эпсибе, так дико размахивая каким-то предметом, что Потеха зловеще зарычала. Джимс напрягал свой единственный годный для зрения глаз, и дрожь прошла по его телу, когда он узнал, вернее, угадал в изуродованном до неузнаваемости предмете прекрасную некогда шляпу Туанетты.

— Посмотрите на это, друг Адамс! — воскликнул Тонтэр. — Ее шляпа! И такой же вид имеет она с ног до головы. Сейчас мадам Люссан с дочерью чистят ее и расчесывают, а моя Антуанетта не перестает кричать и требовать, чтобы ей позволили выцарапать глаза вот этому маленькому чудовищу, вашему племяннику! Это такая потешная картина, что я только и могу глядеть и хохотать. Придется ей напялить платье Жанны Люссан, которое ей велико до ужаса. Клянусь, вы упустили изумительное зрелище, не посмотрев на ее платье! Оно было невероятно изгажено, и Туанетта потребовала у мадам Люссан, чтобы та немедленно сожгла его. Но если вам не привелось насладиться свой взор этой картиной, то вы, по крайней мере, выиграли пари. Я признаю, что ваш племянник — величайший боец своего роста и веса, какого только мне случалось видеть за всю мою жизнь! Он вывел мою дочь из рядов на много дней, хотя она жаждет снова скрестить оружие с ним!

Заметив выражение душевной муки, мелькнувшее на исцарапанном лице Джимса, Тонтэр быстро подошел к нему, увязая деревянной ногой в траве, и ласково положил руку ему на плечо.

— Полно, полно, дружок мой! Напрасно у тебя такой страдальческий вид! Вовсе не твоя вина, если моей горячей маленькой волчице вздумалось вмешаться в потасовку. Не забывай и того, что ее юный рыцарь также щеголяет сейчас в костюме из домотканины, а не в нарядном кафтане. Настанет день, когда ты положишь его на обе лопатки или же носом в грязь и не дашь ему подняться, пока он не запросит прощенья. И когда ты это сделаешь, я подарю тебе

самого лучшего коня, какой только найдется в замке Тонтэр.

А потом он снова вытянул вперед руку со шляпой Туанетты и, разразившись оглушительным хохотом, продолжал:

— Как жаль, что ее маменька не могла видеть ее в эту минуту! Патрицианская кровь, смешавшаяся с омерзительной грязью свиного двора! Высокопоставленная особа, брошенная на землю руками готов и вандалов! Дочь благороднейшей дамы, лишенная престижа и гордости руками щенка — Джимса Бюлэна! Соль земли и «мужик» в горячей схватке! А тут еще этот вертихвост, ненаглядный сыночек ее сестры, и все вместе в одной и той же грязи! О, если бы только можно было устроить так, чтобы она это видела, я согласился бы быть заживо зарытым в землю!

Еще в начале этой речи Эпсиба Адамс издал какое-то недовольное ворчание, а когда Тонтэр умолк, угрюмо посмотрел на него и сказал:

— Я толком не разберу, что вы там такое говорите про готов и вандалов. Опять-таки я не помню, чтобы в священном писании говорилось что-нибудь про «мужиков» и про «соль земли». Но если вы смеете называть Джимса «щенком», то должен вам сказать, что он в тысячу раз лучше ваших благородных дам и всей вашей семейки в придачу! Он истинный представитель Адамсов, несмотря на то, что его мать имела несчастье выйти замуж за французика, пока я был в отсутствии! Адамсы испокон веков были честными бойцами, и если в этой стране наступит мир, то лишь благодаря какому-нибудь Адамсу, а не презренному французу. А коль вы сомневаетесь в этом, то я готов на примере доказать вам, насколько верны мои слова!

Тонтэр весь побагровел от негодования.

— Что! — заревел он. — Вы смеете утверждать, что мать Джимса опозорила себя, выйдя замуж за француза?

— Я не совсем так говорил, — ответил Эпсиба не менее воинственным тоном. — Я имел в виду, что всякий француз, которому привелось породниться с Адамсами, должен считать себя счастливецом, и это относится одинаково ко всяким там принцессам, носящим имя Тонтэр!

Тонтэр в бешенстве швырнул шляпу Туанетты наземь.

— Ни один француз не потерпит подобного оскорбления, сударь! — крикнул он. — И позвольте мне задать вам один вопрос: уж не хотите ли вы сказать, что моя дочь была виновата в этой отвратительной сцене, разыгравшейся на ферме Люссана?

— Не скажу, чтобы вина целиком лежала на ней, но

она в значительной степени принимала в этом участие и тем самым несет ответственность за случившееся.

— Но ведь это ваш племянник затеял драку, не имея на то никаких оснований!

— А ваша дочь сунулась туда, где ей совсем не место, и тем самым подлила масла в огонь!

— Джимс попал в нее комом грязи.

— Чистая случайность!

— Нет, сударь, это было сделано намеренно!

— Неправда! — не выдержал Джимс. — Я совсем не в нее метил.

Однако мужчины, кровь которых была разгорячена частыми визитами к бочонкам с сидром и пивом, едва обратили внимание на его протест. Они подошли друг к другу вплотную, и в то время, как барон напыжился и надулся так, что казалось, его кафтан вот-вот лопнет, Эпсиба Адамс со зловещей усмешкой на круглом лице стал засучивать рукава.

— Так, по-вашему, я лгу? — медленно произнес он.

— Да, лжете. И вы и весь ваш подлый род Адамсов!

Джимс издал испуганный возглас, а Потеха бешено зарычала, так как в одно мгновение произошло что-то необычайное. Эпсиба кинулся было на Тонтэра, но тот предупредил его нападение. Сделав шаг назад, он с такой ловкостью и точностью нанес Эпсибе удар в голову своей деревянной ногой, что тот сразу растянулся на земле; не успел он наполовину подняться, как крепкая культяпка Тонтэра нанесла ему еще один удар, угодив в самую плешь, и снова сшибла его с ног.

Тут уж Джимс не выдержал и с громким воплем принялся искать какое-нибудь оружие. К тому времени, когда ему удалось найти крепкий сук, Эпсиба, которому удалось избежать третьего удара Тонтэра, сцепился с ним врукопашную, и оба они упали на траву возле самого края пруда, тяжело дыша и душа друга друга в тисках. Джимс тщетно пытался улучшить момент, чтобы опустить дубинку на голову барона, как вдруг рыхлая земля не выдержала тяжести тел дерущихся и поддалась, и оба полетели кубарем в пруд.

Несколько секунд спустя из воды показалась голова Эпсибы, который, фыркая и отдуваясь, тащил за собой грузного Тонтэра. А потом, к великому изумлению Джимса, его дядя отступил на один шаг назад и, глядя на распластанного барона, разразился громовым хохотом. Тонтэр, пыл которого значительно остыл от холодного душа, несколько, по-видимому, не был оскорблен этим смехом. В то время, как Джимс все еще продолжал стоять с дуби-

ной, занесенной над головой для удара, он вдруг увидел, что враги, за минуту перед этим пытавшиеся задушить друг друга, теперьжимают друг другу руки.

Кинув тяжелый сук, мальчик бросился к своим вещам и начал быстро одеваться, между тем как Потеха стояла возле него, догадываясь, что тут разыгрывается нечто недоступное ее пониманию. Да и как объяснить столь странное веселье в людях, которые только что бились не на жизнь, а на смерть?

А потом Тонтэр, вдохновленный, видимо, мелькнувшей у него мыслью, заявил, что только одно средство есть для того, чтобы полностью сгладить разыгравшийся инцидент, и заключается оно в бутылочке славного бренди Люссана. Джимс глядел им вслед, пока оба не скрылись за углом дома, и ни слова не ответил на предложение дяди дождаться его возвращения. Он отнюдь не намеревался ждать. Он был несказанно горд сознанием, что дядя Эпсиба готов был вступить из-за него в бой с могущественным сеньором, но, с другой стороны, сердце его ныло от какого-то гложущего чувства, которое еще больше усилилось, когда взгляд его упал на изуродованную шляпу Туанетты, валявшуюся на земле. Он увидел в своем воображении ту прелестную девочку, которая за час до этого проехала мимо него, он вспомнил глаза, ласково улыбнувшиеся ему, нежное личико в рамке черных завитушек.

Опустившись на колени у края пруда, мальчик принялся мыть шляпу, пока она не превратилась в бесформенную кашу, но зато вернулся ее былой блеск и мягкость бархата. Покончив с этим, Джимс отправился к повозке отца и взял оттуда лук и стрелы. Он отнюдь не думал удирать, когда решил пешком направиться домой, не предупредив об этом отца и дядю.

Он скрылся в лесу и быстрыми шагами побрел через густую чащу с Потехой, следовавшей за ним по пятам. События последних часов сделали Джимса старше на несколько лет. Он вдруг возмужал. Это были часы, в течение которых он понес поражение, но тем не менее он, сам того не сознавая, достиг многого. Поль Таш вздул его, холодное безразличие Туанетты превратилось в ненависть, его мечты были разбиты, розовые надежды разлетелись прахом...

И все же он сейчас шел особенно высоко подняв подбородок, его ноги двигались какой-то новой походкой. Утром он пустился в путь, лелея мысли, нашептанные нездоровыми желаниями, а теперь и возвращался, сознавая все безумие своей затеи, взлелеянной в душе его долгой неуве-

ренностью, туманными надеждами и неопределенными потребностями.

Уже в скором времени после ухода Джимса с фермы Люссана дядя Эпсиба обнаружил его исчезновение и, быстро распростившись с Тонтэром и шепнув несколько слов Бюлэну, пустился следом за ним. Быстрая ходьба и свежий лесной воздух очистили его мозг от паров сидра и пива, выпитого у Люссана, и теперь его начали донимать угрызения совести. Его очень мучило сознание, что Джимс ушел один, тем более что это носило характер малодушного отступления. И по пути Эпсиба не раз проклинал Тонтэра, который увлек его за собою, и себя самого за то, что он поддавался соблазну.

Немного людей на свете могли бы помериться с Эпсибой Адамсом в быстрой ходьбе по лесу. Не прошло и часа, как он остановился, увидев перед собой Джимса, выступившего из-за кустов с туго натянутой на тетиве лука стрелой. Если у Эпсибы были какие-либо сомнения насчет отваги племянника, то теперь они рассеялись, едва он убедился в зоркости и осторожности мальчика.

— В теории я могу считать себя покойником, — сказал он. — Джимси, мне стыдно за свою неосторожность и беспечность, и я горжусь тобой. На таком расстоянии ты шу-тя пронзил бы меня стрелой!

— Насквозь! — поправил его мальчик. — Мне не раз случалось расправляться таким вот образом с диким козлом.

— Почему ты удрал? — спросил Эпсиба.

— Я ни от кого не удираю! — негодующим тоном возразил Джимс. — Это ты убежал от меня... с Тонтэром... Я бы никогда не сделал этого... будь это Поль Таш!

— И какого ты мнения обо мне за это? — спросил Эпсиба.

— Я никогда не вел бы себя так, — только повторил мальчик и добавил: — По отношению к человеку, которого я ненавижу.

— Но я не могу сказать, что я ненавижу Тонтэра, — возразил ему дядя. — Наоборот, он мне нравится.

— Но в таком случае почему ты затеял драку с ним? И почему он чуть было не разбил тебе голову своей деревянной ногой?

Эпсиба не сразу нашел что ответить на столь логичный вопрос. Твердо звучащий голос мальчика, столь непохожий на голос того мальчика, которого он пытался утешить там у пруда, невольно заставил его несколько раз бросить взгляд украдкой в сторону племянника. Дважды он открывал рот, собираясь заговорить, но каждый раз от-

казывался от своего намерения, вспомнив беседу с Катериной накануне, когда мальчик уже спал. Тем не менее он в конце концов не выдержал и, вопреки беспредельной любви к сестре, просившей его быть осторожнее в разговоре с Джимсом, заговорил задушевым голосом, исподволь подходя к запретной теме:

— Рукопашный бой — это та же борьба, а борьба есть смысл жизни. Борьба это самое лучшее лекарство для человечества. Она очищает кровь народов, она сглаживает все невзгоды и превратности. И я хочу сказать, что самая крепкая, самая преданная дружба завязывается чаще всего в борьбе, а потому нет ничего позорного в том, чтожимаешь руку недавнего врага, при условии, если это пожатие продиктовано чистыми побуждениями. В таких случаях ты и приобретаешь верного друга.

— Но я ни за что в жизни не пожал бы руки Полю Ташу, — сказал Джимс. — Никогда! Я еще когда-нибудь убью его!

Спокойствие, с которым были произнесены эти слова, вызвало какое-то неловкое ощущение в душе Эпсибы. Он невольно вспомнил предостережение Катерины и продолжал внимательно приглядываться к мальчику, шагавшему рядом с ним.

— Убийство — это нечто такое, о чем нехорошо даже и думать, если не находишься на войне, — укоризненно заметил он. — И на твою долю выпадет еще достаточно кровопролития, Джимс. А до тех пор надо тебе кой-чему подучиться. Я тебе покажу, как одержать победу над молодым Ташем, и когда ты задашь ему трепку, ты протяни ему первый руку. Вот в этом-то и вся красота борьбы!

Под действием этих слов и смеха, которым они сопровождались, мальчик несколько отошел, но все же он повторил:

— Я никогда в жизни не подам руки Полю Ташу. Я с ним должен поквитаться. И когда-нибудь я, возможно, убью его!

— Вот это мне уже больше нравится! — одобрительно заметил Эпсиба. — Ты, *возможно*, убьешь его, но уверенности в этом у тебя нет. Борьба — чудесная вещь! Она вдохновляет, она заставляет плакать и смеяться, она очищает задворки души от грязи и мусора, она расширяет кругозор и укрепляет организм. Но когда борьба отравлена ненавистью и ты доходишь до того, что метко нанесенный удар — тебе самому или врагу — не может вызвать в тебе веселого смеха, тогда борьба превращается в отраву — в ту самую, Джимс, которая сейчас растет и ширится и заливают всю эту страну.

По мере того как Эпсиба говорил, его голос звучал все громче и громче, так как он затронул тему, которая никогда не давала ему покоя. Мальчик слушал его, широко раскрыв глаза: мало-помалу его мысли отклонились от образа ненавистного Поля Таша, и он жадно ловил слова дяди.

— Все это ты должен знать, — сказал в заключение Эпсиба, думая в то же время о том, как бесплодны были все его попытки доказать сестре и зятю обоснованность своих опасений. — Ты скоро будешь уже мужчиной, Джимс, и если твой отец и мать не хотят о себе позаботиться, то твой долг сделать это вместо них. На твою долю выпадет борьба, и борьба кровопролитная. Не мешает тебе подготовиться к ней, хотя, с другой стороны, я не вижу, зачем бы тебе рассказывать матери о нашем разговоре. Она мне не простит этого, клянусь Богом, а ты должен знать, что твоя мать умеет смотреть с такой безмолвной укоризной, точно ей нанесли смертельный удар. Но ты ведь не станешь рассказывать ей, правда?

Джимс обещал не рассказывать.

— Тогда я тебе выложу все, что у меня накопилось на душе, — сказал Эпсиба. — Все зло берет начало от ненависти. Когда ты утверждаешь, что ненавидишь Поля Таша, ты тем самым только доказываешь, что очутился во власти самого страшного, самого «ядовитого» из всех человеческих чувств. Этот яд живет у тебя в крови, Джимс, и он порождает бесконечно много зла. Ненависть давно уже сделала свое подлое дело в этой стране и наконец наполнила своим отравленным дыханием весь воздух вокруг нас. И надо признать, что мы, белые, первые пустили в ход этот яд. Началось с того, что французы возненавидели англичан, англичане — французов. Французы внушили индейцам ненависть к своим врагам, англичане внушили своим сторонникам среди индейцев ненависть к своим врагам. Но не довольствуясь еще этим, мы вселили ненависть в души индейцев и в отношении друг к другу.

Да, мой мальчик, это сделали мы при помощи нашей мудрости, нашего виски, наших ружей и нашей лживости. В результате сотни индейских племен между Канадой и рекой Огайо вспыхнули дикой ненавистью одно к другому, и все лишь потому, что французы ненавидят англичан, а англичане — французов. Помни, Джимс, что индейцы не сами стали приносить скальпы, — это мы отправили их за ними! Англичане хотели иметь наглядные доказательства их убийств и стали требовать скальпы, платя за них наличными, и французы начали делать то же самое. Кончилось тем, что цены на волосы мужчин, женщин и детей поднялись невероятно и в конечном итоге белые принялись про-

мышлять тем же подлым делом, которому они научили индейцев!

Вот, Джимси, до чего может довести ненависть,— ненависть двух белых народов друг к другу. И запомни мое слово: когда кончится кровавый пир, они будут во всем винить индейцев. Нет ненависти, которая могла бы сравниться с ненавистью белого, она в тысячу раз страшнее ненависти индейцев, так как у последних нет нашего могущества и мудрости. Вспомни мои слова, когда снова тебе на ум придет твоя ненависть к Полю Ташу.

Эпсиба Адамс продолжал выкладывать то, что подсказывала ему совесть, и, когда он и Джимс оказались на песчаном пространстве, сучком начертил на земле карту колоний, наглядно показывая, где в скором времени скрестят оружие враги, указывая на слабые места и тех и других и их укрепления. Джимсу чудилось, что он вдруг очутился в совершенно новом мире. А потом дядя Эпсиба набросал на плане дороги, по которым хлынут враги с обеих сторон, указал на точку, представлявшую на «карте» неизведанную долину, прилегавшую к дому Бюлэнов, и выразил полную уверенность, что когда-нибудь индейцы придут именно этим путем, неся с собой факелы и томагавки. У мальчика дыхание занялось в груди.

— Должен тебе сказать еще, что ты достиг того возраста, в котором тебе абсолютно необходимо все это знать,— продолжал Эпсиба, отрываясь от своей «карты». — И теперь, когда я, вопреки запрету твоей матери, высказал тебе все, что было у меня на душе, и, так сказать, наставил тебя на путь истины, не мешает дать тебе несколько уроков в области нападения и самообороны, чтобы ты знал, как одержать победу над Полем Ташем. А учиться есть чему! Как парировать удары, как уклониться от удара, как правильнее схватиться врукопашную, как пускать в дело колени, как душить врага и, наконец, как хорошенько лягнуть, если случится очутиться снизу Мы можем приступить сейчас же к первому уроку.

Джимс с радостью ухватился за это предложение, и в течение получаса Эпсиба Адамс занимался тренировкой племянника на маленькой лужайке неподалеку от тропы, по которой они шагали.

Солнце уже успело проделать значительную часть пути к горизонту, когда дядя и племянник вышли из большого леса и очутились на склоне холма, с которого открывался вид на ферму Бюлэнов. Мир и покой, казалось, распростерли свои крылья над неизведанной долиной, но в то время, как Джимс стоял и любовался развертывавшейся перед ним прелестной картиной, ему вдруг пришли на ум

предостережения Эпсибы Адамса. Из огромной трубы, сложенной из камней, вился серебряной спиралью дым. Мальчик забыл все трагические события дня, едва он увидел вдали свою мать, возившуюся среди цветов, и сердце его радостно затрепетало.

Джимс повернулся и посмотрел в лицо человеку, стоявшему рядом с ним, точно желая спросить, верно ли все, что он ему только что говорил. Но, к удивлению своему, он обнаружил, что Эпсиба Адамс смотрит не на домик и не на сестру, а прямо перед собой, через верхушки вековых деревьев, кончавшихся в окутанной голубой дымкой дали, где начиналась таинственная долина.

И как ни странно, но Потеха, находившаяся между ними обоими, тоже смотрела пристально в ту же сторону, точно в бесконечном просторе вокруг нее таились неразрешенные загадки, в которые не мог проникнуть ее пытливый ум.

Очнувшись от глубокого раздумья, Эпсиба весело улыбнулся и положил руку на плечо мальчика. Словно пара заговорщиков, сознающих свой долг, начали они спускаться по склону холма, чтобы объяснить Катерине Бюлэн, откуда у Джимса под глазом «фонарь», а у его дяди вздутая челюсть.

ГЛАВА V

В субботу Анри Бюлэн и Катерина снова принялись за свою работу на ферме, связанную с весенней страдой. Эта работа была в последнее время прервана по многим причинам. Сильные ливни воспрепятствовали посеву, а также не позволили довести до конца пахоту; много времени было потеряно в связи с посещением замка Тонтэра и поездкой к Люссану. За завтраком Катерина разговаривала с братом очень сухо, и тому было ясно, что долго еще придется ждать прощения, а Анри Бюлэн заявил, что в субботу можно приступить к полевым работам. Эпсиба Адамс поспешил согласиться с ним и предложил свою помощь.

Катерина была чрезвычайно угнетена тем, что ее брат затеял форменную драку с Тонтэром, с человеком, которого ей хотелось видеть в гостях у себя и, по возможности, укрепить дружеские отношения. Она при всем желании не могла скрыть своих чувств и очень мало полагалась на уверения Эпсибы, будто он и барон расстались лучшими друзьями. А когда и Джимс подтвердил слова дяди, заявив, что он видел собственными глазами, как они пожимали друг другу руки, Катерина все же не могла побороть

своих сомнений, и у нее закралась мысль, что ее брат оказывает дурное влияние на мальчика, побуждая его ко лжи.

Итак, на маленькой ферме закипела работа. День выдался такой прекрасный, небо было такое голубое, воздух столь свежий и благоухающий, что Катерина не переставала петь во время работы, вопреки своему огорчению. Из огромной печи на дворе, сложенной из камней и глины, несся аромат свежего хлеба; в одном углу ее готовилось любимое блюдо Эпсибы — огромный мясной пирог из самых вкусных частей индюка, убитого Джимсом. Куры бегали по двору, громко кудахта, в углу хлева пищал выводок цыплят, вылупившихся в это утро, — одним словом, куда бы ни упал взор Катерины, ни в чем и нигде не ощущалось недостатка. Вдали на поле находился Анри Бюлэн, переворачивавший плугом огромные полосы жирной, плодородной земли с помощью своего вола, а неподалеку от него, на прогалине, покрытой пнями, трудились Эпсиба и Джимс с мотыгами и топорами. Тихая радость наполнила душу Катерины в то время, когда она смотрела на эту картину, и по мере приближения обеденного часа, в ней все сильнее становилось желание простить брату его прегрешения.

Когда он, вернувшись с работы, умылся, и Катерина увидела его румяное, добродушное лицо, она обвила его шею руками и расцеловала его в обе щеки.

— Мне очень жаль, что я вынуждена была рассердиться на тебя, — сказала она, и Эпсиба сразу воспрянул духом.

К вечеру, когда все работы по дому и двору заканчивались, Катерина с мужем часто прогуливалась по отторгнутым от дебрей и расчищенным участкам, радуя свой взор плодами трудов своих и заранее отмечая, что предстоит сделать на следующий день.

В эту субботу в их сердцах было еще больше радости благодаря присутствию Эпсибы, которому Катерина, кстати, открыла свою мечту о большом фруктовом саде с ее любимыми сортами яблок на солнечной стороне холма, к югу от большого леса. Там, где у них сейчас лишь дюжина молодых яблонь, через несколько лет будет сотня, а то и больше, добавила она. А Анри Бюлэн, ближе державшийся к фактам, указал шурина на те участки леса, которые предстояло вырубить и выкорчевать, луга, в которых необходимо было прорыть каналы, и болотистое место за липовой рощей, которое он надеялся со временем осушить и превратить в луг. В том участке, где работали в этот день Эпсиба и Джимс, было семь с половиной акров, и Анри рассчитывал подготовить его к следующей весне для пахоты. Таков был урок, который он поставил себе: семь с

половиной акров в год, чтобы через десять лет иметь сто акров возделанной земли.

— Во всей Новой Франции не найдется более прекрасного уголка, когда мы приведем в исполнение все наши планы! — воскликнула Катерина. — К тому времени у Джимса будет жена и детки, которые будут резвиться в этом земном раю. А вот там, Эпсиба, где находятся два огромных каштана и вековые дубы, мы построим дом для Джимса.

Перед тем, как отправиться на покой, Эпсиба долго стоял под усеянным звездами небосводом с трубкой в зубах. Вокруг него царил безмятежный покой, прерываемый лишь потаптыванием вола в хлеву да журчанием ручейка. В роще запел соловей и ему ответил другой где-то неподалеку. Эпсиба больше всего на свете любил пение соловья с его задумчивой меланхолией, находившей отклик в его собственной душе. Он, между прочим, так мастерски подражал соловьям, что стоило ему начать, и певуны тотчас же откликнулись на его зов. Сегодня, однако, он почти не слышал их голосов, точно так же, как не находила отклика в нем неопишуемая красота весеннего вечера с его звездным небом и серебристым полумесяцем, уже озарившим восток над Беличьей скалой.

Глаза Эпсибы видели только густой мрак, нависший над таинственной долиной, и даже сейчас он напрягал слух, словно надеясь уловить звуки, которые, как он был уверен, раньше или позже донесутся оттуда. Он думал о планах на будущее, так детально разработанных наперед сестрой и зятем, о мечтах Катерины, которых не могли разбить его доводы, о ее безоблачном счастье, которого не омрачили его зловещие предостережения. Он сознавал, что потерпел полное поражение в своих намерениях, что он совершенно бессилен против судьбы.

Эпсиба был уверен, что он один, но, повернувшись к двери, он увидел возле себя Джимса; мальчик так бесшумно подошел, что даже его чуткое ухо не уловило шагов.

В продолжение нескольких секунд он молча смотрел на племянника, лицо которого отчетливо выступало во мраке при свете звезд. В этом мальчике таилась красота, которой не могли не заметить глаза человека, выросшего на лоне дикой природы, — не только красота тела, но и души, полной всевозможных видений. Молчание прервал Джимс, приблизившись к дяде вплотную.

Эпсиба сделал размашистый жест рукой, указывая в сторону непроницаемого моря мрака, и спросил:

— Ты хорошо знаком с этой долиной?

— Я ее знаю вплоть до озер, куда мы ходим осенью собирать ягоды и стрелять дичь,— ответил мальчик.

— А дальше?

— Очень мало. Между нашим домом и сеньорией расположено самое лучшее место для охоты. А там, за озерами, мы охотимся за медведями ради сала для свечей, а также ловим рыбу, которой кишат воды.

— И ты ни разу не видел каких-либо следов, помимо тех, что оставляют олени, медведи и дикобразы?

— Я видел также следы, оставленные мокасинами.

Луна переползла через Беличью скалу и засияла в небе огромным пылающим шаром. Джимс смотрел на нее, не отрываясь.

— Завтра я отправлюсь к этим озерам,— сказал дядя Эпсиба.— Я должен узнать, что находится за ними. Хочешь пойти со мной?

— Я завтра пойду туда,— ответил мальчик, головой указывая в сторону сеньории Тонтэр.— Я хочу увидеть Туанетту и сказать, что очень жалею о случившемся.

Эпсиба заново набил трубку табаком и при этом искоса посмотрел на племянника. В профиле мальчика он различил такую же решимость, как и в интонации бесстрастно звучавшего голоса.

— Это очень хорошая мысль,— одобрил Эпсиба Адамс.— В роде Адамсов не было еще человека, который поступил бы против совести даже при тяжелых испытаниях войны... и любви. Очень хорошо, что ты нашел нужным принести Туанетте извинения, несмотря на то, что ты, в сущности, был прав. Я отложу свое путешествие к озерам и пойду с тобой.

— Я иду в замок Тонтэр не с целью драться с кем-нибудь, а лишь для того, чтобы повидать Туанетту... и я хочу пойти один,— возразил Джимс.

В воскресенье утром, когда Джимс пустился к замку Тонтэр, в нем еще больше укрепилось решение ни в коем случае не драться в этот день с Полем Ташем, как бы велико ни оказалось искушение. Он сказал матери, куда он идет и с какой целью; и та от души приветствовала его решение. Сейчас его чувства не имели ничего общего с теми, которые обуревали его в тот день, когда он шел той же дорогой, мечтая о схватке с врагом. Ему хотелось лишь одного: смягчить сердце Туанетты, преисполненное ненависти к нему, вернуть ее дружескую улыбку, снова увидеть ласковый блеск ее глаз, как в тот момент, когда он передал ей подарок на ферме. Это воспоминание заставляло его забыть об ударах ее кулачков.

Он горел желанием снова увидеть Туанетту и предло-

жить ей все, что у него было в этом мире, лишь бы искупить свою вину перед нею. В нем проснулся рыцарский дух, заглушавший все мысли о правоте и вине. Джимс несколько не сомневался в том, что он прав, тем не менее он готов был признать себя виновным; он не сознавал, что за эти последние несколько дней прошло несколько лет,— это был новый Джимс, направлявшийся к новой Туанетте. Он шел в замок Тонтэр как равный к равным. Каким-то таинственным путем, которого он не понимал, но ощущал всем своим существом, Джимс перестал быть вчерашним мальчиком.

Джимс только было собрался спуститься с холма к замку, как вдруг заметил, что оттуда выехал всадник и направился вверх по узкой тропинке. Это был Тонтэр. Притаившись в густых кустах, Джимс видел, как всадник проехал мимо; он недоумевая спрашивал себя, зачем барон держит путь к таинственной долине и отчего у него такое угрюмое выражение лица.

Мальчик спустился с холма и, приказав Потехе ждать его и не трогаться с места, смело направился к замку.

Вскоре он уже шел по дорожке, которая вела к замку. Кругом царила мертвая тишина, и можно было подумать, что все спят. Мальчик напрямик подошел к двери того святилища, в котором обитала его Туанетта, и взялся за молоточек. Молоток изображал голову чудовища, оскалившего зубы, и с самого детства эта свирепая голова являлась для Джимса олицетворением духа неприступности, царившего внутри дома.

Его пальцы уже коснулись холодного металла, но он еще слегка колебался, так как заметил, что дверь чуть приоткрыта. И вдруг изнутри отчетливо послышался чей-то голос,— пронзительный, злобный, в котором легко было узнать голос мадам Тонтэр. Тем не менее Джимс приподнял молоток и даже хотел было опустить его, но внезапно он услышал свое собственное имя. Отнюдь не намереваясь подслушивать, он, тем не менее, оказался в положении человека, вынужденного к тому обстоятельствами, а благодаря этому он узнал, почему Тонтэр с таким угрюмым выражением лица поднимался на холм.

— Это совершенно неподходящее место для благородного француза,— послышался голос матери Туанетты.— Анри Бюлэн поступил как глупец, пленившись этой негодной англичанкой, а Эдмонд еще больший глупец, оттого что не гонит его вон из своих владений. Эта женщина родилась для того, чтобы быть шпионом, несмотря на ее смазливое лицо, а ее пашенок в такой же степени англичанин, как она сама. Им не следовало бы даже разрешать

жить в таком близком соседстве от нас, а Тонтэр между тем делает ей визиты и утверждает, что Бюлэны его друзья. Их дом нужно сжечь, а англичанке с сыном предложить убраться отсюда на все четыре стороны. Что же касается Анри Бюлэна, то пусть он убирается вместе с ними, если он предпочитает быть изменником своего отечества.

— Фи, Анриета, какие мысли! — упрекнула ее сестра. — Я презираю англичан не меньше тебя или Туанетты, но все же несправедливо говорить такие вещи про этих людей, даже если у женщины красивое лицо, а мальчишка кидается грязью. Эдмон великодушный человек, и он из жалости приютил их.

— Из жалости! — фыркнула мадам Тонтэр. — В таком случае его жалость является оскорблением для меня и Туанетты. Эта отвратительная англичанка так обнаглела, что смеется мне прямо в лицо и точно распутница распускает свои волосы, чтобы люди могли восторгаться ими!

— Но ведь я ее сама просила об этом, Анриета, — возразила мадам Таш. — Неужели ты из-за этого так сердишься?

— Я сержусь, потому что она англичанка, ее сын англичанин, и тем не менее им разрешается жить среди нас, точно они французы! Я тебе повторяю, что они окажутся предателями, когда для этого представится случай.

Джимс стоял, словно окаменевший, сжав в руке холодное железо молоточка. До его слуха донесся другой голос, по которому он узнал Туанетту.

— Мне лично кажется, что мать Джимса очень милая женщина, — сказала она. — Но зато Джимс противная маленькая английская тварь!

— И когда-нибудь эта тварь поможет нам всем глотки перерезать, — добавила ее мать злобным голосом.

Мадам Таш тихо рассмеялась и добродушно заметила:

— Как жаль, что эта женщина так хороша! В противном случае я уверена, она не навлекла бы на себя твоего гнева. Что же касается мальчишка, то его, право, нельзя ни в чем упрекнуть, ведь он не виноват, если его так воспитали. Мне даже жалко этого маленького бедного бродягу!

— Это вовсе не доказывает, что мой муж должен позорить себя и унижать меня, отправляясь с визитом к его матери! — отрезала баронесса. — Если столь непорядочная женщина может привлекать его...

Тяжелый молоток с шумом опустился, и еще раньше, казалось, чем звук этот донесся до ушей слуг, дверь широко распахнулась и Джимс вошел в дом. Старшие женщины в недоумении и молча смотрели на мальчишка, но тот как

будто не видел их и только глядел в упор на Туанетту. В течение нескольких секунд он стоял неподвижно, не произнося ни слова, а потом почтительно поклонился и произнес таким же спокойным тоном, каким говорила мадам Таш:

— Я пришел с целью выразить мое искреннее сожаление по поводу того, что случилось на ферме Люссана. Я прошу простить меня, Туанетта,— добавил он, еще ниже опуская голову

Даже Анриета Тонтэр вынуждена была в душе отказаться от эпитета «маленькая противная тварь», так как, несмотря на свою мертвенную бледность, Джимс держал себя неподражаемым образом. Пока присутствующие смотрели на него, не находя слов для ответа, мальчик, пятясь, вышел и исчез так же внезапно, как и появился. Массивная дверь затворилась за ним, и Туанетта, выглянувшая в окно, увидела, что Джимс спокойно спускается с крыльца. С уст мадам Тонтэр вырвался наконец возглас негодования и изумления, но девочка ничего не слышала. Ее глаза неотступно следили за молодым Бюлэном.

Джимс направился к холму Тонтэр, и навстречу ему вскоре вышла из-за кустов Потеха. Мальчик не обращал на нее внимания, пока они не достигли того места, где отдыхали незадолго перед этим. Заметив возле себя собаку, он положил ей руку на голову и направился домой. Пес зорко оглядывался и обнюхивал воздух, так как Джимс совершенно не обращал внимания на места, по которым они проходили.

Джимс замедлил шаг, вступив в большой лес, и скоро уже приближался к родному дому. Он нигде не видел ни Тонтэра, ни его лошади, ни чего-либо другого, но, подойдя к открытой двери, он услышал звук, наполнивший его душу тревогой. Его мать плакала! Быстро вбежал он в дом. Катерина Бюлэн сидела, положив голову на руки, и все тело ее содрогалось от рыданий. Услышав испуганный возглас сына, она подняла голову и сделала попытку улыбнуться, понимая, как Джимсу тяжело видеть ее заплаканное лицо. Но все ее усилия ни к чему не привели, и она снова разрыдалась, прижавшись щекой к груди мальчика, точно перед нею был мужчина, в котором она бы могла найти защиту.

Из обрывков ее фраз, произнесенных прерывающимся голосом, Джимс составил себе картину всего случившегося. Когда он отправился в замок Тонтэр просить прощения у Туанетты, в сердце Катерины царил радость, чему немало способствовало присутствие в доме Эпсибы. А вдобавок ко всему к ним приехал в гости Тонтэр.

— Вначале твой дядя и барон были счастливы снова видеть друг друга,— почти со стоном продолжала Катерина.— Мы говорили о тебе, о Туанетте, и все смеялись и шутили. Тонтэр был страшно доволен, когда я попросила его отобедать с нами. Они с дядей Эпсибой под руку вышли на новое поле и... О, Джимс! У них произошла там сильная драка! И теперь твой отец запрягает вола в повозку, чтобы отправить домой Тонтэра.

Мальчик увидел через окошко неуклюжую повозку, направляющуюся ко вновь расчищенному полю, и в ней сидел его отец, помахивая длинным кнутом. Напряжение, которое овладело всем его телом во время рассказа матери, сменилось непреодолимым любопытством. Быстро выскочив из комнаты, он кинулся «на поле брани». Пустившись тропинкой прямо через поле, он далеко опередил отца, но он нигде не мог обнаружить и признака человеческого существа. Только следуя за Потехой, он нашел Тонтэра и дядю Эпсибу в самом конце поля, где были собраны огромные пни, которые он накануне помогал выкорчевывать. Еще раньше, чем он увидел людей, до его слуха донеслись звуки, свидетельствовавшие о том, что Тонтэр жив.

— Я вырежу печенку у этого бесовского мошенника, который сделал для меня эту ногу! — кричал барон, вне себя от бешенства.— Его следует четвертовать, а потом повесить за то, что осмелился пустить в дело потрескавшееся дерево! Будь это хорошая нога, сударь, вы полетели бы кувыркком через все эти пни, ибо удар был нанесен согласно всем правилам, да-с!

Джимс остановился и, затаив дыхание, ждал. Его несказанно удивило то обстоятельство, что ответа на слова барона не последовало. Он осмелился сделать еще несколько шагов вперед и увидел дядю Эпсибу, сидевшего на земле, прислонившись спиной к пню, с безжизненно повисшими руками, с широко открытыми глазами и с глупой, бессмысленной улыбкой на устах.

— Это неслыханное издевательство, сударь! — снова слышался голос Тонтэра.— Из орешника! Не из ясеня, не из вяза, не из каштана, а из орешника, выдержанного целый год, как он уверял меня! Орешник с трещиной во всю длину! И старая трещина, заметьте,— это сразу видать даже с закрытыми глазами!

Джимс в изумлении смотрел на дядю. Эпсиба отчаянно ворочал белками и силился ответить. Выражение невыносимой боли мелькнуло на его лице.

— Я вам сделаю другую ногу, друг мой... такую, которая долго будет держаться,— тихо произнес он.— Хоро-

шую ногу... лучшую, чем эта... из настоящего орешника... без трещины.

— О, с такой ногой я бы вас на тот свет отправил! — воскликнул Тонтэр, причем Джимс все еще не мог никак определить, где он находится.— Я ловко хватил вас, как только вы кинулись на меня. Я сам себе этим ударом чуть было не вывихнул позвоночник. Позвольте вас спросить, признаете ли вы себя побежденным или вы намереваетесь еще воспользоваться беспомощным положением человека, у которого осталось лишь одно копыто и больше никакого оружия?

— Я немного оглушен еще, брат мой,— признался Эпсиба, с трудом поднося руку к голове.— Помимо вашей удачи, я не вижу ничего такого, чем вы могли бы похвастать. Мне не такие еще удары доставались в жизни, но никогда не приходилось мне иметь дело с деревом. Другой раз это вам не удастся, и как только я вам изготовлю другую ногу, я докажу вам на деле.

Джимс услышал громыхание колес приближающейся повозки, и тогда он счел возможным открыть свое присутствие. Отец Туанетты находился на земле, так же, как и Эпсиба. Одежда его была в беспорядке и вся в грязи, а одна щека здорово вздулась. Его деревянная нога раскололась до самого колена. Анри Бюлэн раньше всего приблизился к нему, чтобы оказать ему помощь.

— Если это бесчестье и позор станут кому-либо известны, я погибший человек, сударь. Да-с, погибший человек! — твердил барон, поднимаясь на ноги с помощью Бюлэна и держась на одной ноге.— Подумать только, что я должен скакать, как лягушка, что меня должны возить, точно куль муки! Боже мой, я краснею при одной мысли об этом!

Джимс подошел к дяде и помог ему подняться на ноги. Эпсиба стоял, слегка покачиваясь, и глядел с веселой усмешкой на Тонтэра, которому Анри Бюлэн помогал взбираться на повозку.

— И лжет же он, Джимс, этот Тонтэр,— сказал Эпсиба, обращаясь к племяннику.— Готов биться об заклад, что удар был нанесен не ногой, а каким-то железным предметом! Или же один из пней сам по себе полетел мне в голову. Ну и здоровый же был удар!

Он сделал попытку двинуться вперед и, наверное, свалился бы, если бы Джимс не поддержал его, напрягая при этом все свои силы. Анри Бюлэн благополучно устроил барона в повозке и вернулся, чтобы помочь также и шурину. Шатаясь, словно пьяный, и стараясь по мере возможности сохранить равновесие, бродячий негоциант позволил усадить себя рядом с бароном.

Катерина Бюлэн, сторожившая у окна, издалека завидела приближение повозки с грузом из человеческих тел.

ГЛАВА VI

Никогда еще за всю жизнь Катерине не приходилось переживать столько событий в течение одного дня, как в это памятное майское воскресенье. Она никак не могла постигнуть этого: люди дрались и увечили друг друга, а потом заявляли, что они лучшие друзья в мире! Когда ее муж опорожнил повозку от «груза», Катерина чуть было не потеряла сознание, так велико было ее потрясение. Но первый перелом в ее настроении, близком к отчаянию, наступил, когда она обнаружила, что враги ведут себя как самые нежные друзья. Эпсиба Адамс, еще не совсем очухавшийся от удара, тем не менее настаивал на том, чтобы, не мешкая ни минуты, приняться за изготовление ноги для барона, а для этой цели он принес обрубок орешника, твердый, как кость, который Анри Бюлэн хранил, предполагая использовать его когда-нибудь на ось для мельницы. Тонтэр пришел в восторг и заявил что никогда еще не видел лучшего материала.

Катерина все это видела и слышала, оставаясь за окном, затянутым занавеской. Убедившись в том, что ни тому, ни другому не был нанесен какой-либо физический ущерб, она решила вести себя так, точно ничего не случилось. А для того, чтобы ее невинный обман не был обнаружен, она потихоньку посвятила в свой план мужа и сына.

Тонтэр, оставшийся к обеду, прибег ко лжи, чтобы объяснить причину своей распухшей скулы, треснувшей деревянной ноги, растерянного вида Эпсибы и вынужденного путешествия в повозке. Он не догадывался, что Анри Бюлэн перед тем, как отправиться на поле, вбежал в дом и рассказал жене о сражении между ее братом и бароном.

— Состязание в силе, мадам, это развлечение богов, — сказал Тонтэр, обращаясь к Катерине, разрезавшей в это время огромный пирог. — Пристрастие к борьбе у меня с самого детства. Мы с вашим братом состязались по всем правилам борьбы, как это подтвердит ваш супруг, как вдруг моя проклятая деревянная нога застряла в горе пней, которую ваш брат и сын навалили на поле. Все это полетело нам на головы, и надо только удивляться, как мы вообще живы остались. Огромный дубовый пенек свалился моему другу Адамсу прямо на живот, и он почувствовал себя очень нехорошо. И пришлось нам воспользоваться любезностью мсье Бюлэна, который с помощью

своего вола доставил нас сюда. В следующий раз, Джимс, когда будете корчевать пни, не наваливайте вы такой высокой горы.

— Почему? — самым серьезным тоном спросила Катерина. — Неужели вы собираетесь снова бороться?

— Может случиться, мадам, я хочу научить вашего брата кой-каким новым приемам.

— Черта с два вы меня научите! — вырвалось у Эпсибы, но он тотчас же спохватился и добавил: — Уж более интересному приему, чем тот, который вы показали мне сегодня, вы меня не научите.

Когда барон, уже под вечер, собрался домой, чрезвычайно довольный своей новой ногой, он обещал скоро вернуться и привести с собой Туанетту. Эпсиба и Джимс проводили его до опушки большого леса, и там Тонтэр обернулся и помахал на прощание шляпой Катерине и Анри. Затем он сердечно пожал руку Эпсибе, дружески похлопал его по плечу и протянул руку Джимсу. Катерина, опасения которой улеглись при виде столь сердечного прощания, не могла, конечно, подозревать, что в этот самый момент Тонтэр говорил ее брату, не стесняясь присутствия мальчика:

— Я дам вашей голове несколько дней отдыха, а потом, с вашего разрешения, испытаю на ней действие моей новой ноги. Разумеется, в том лишь случае, если у вас не пропадет охота померяться со мной силами, и при условии, что мадам Бюлэн не будет ничего об этом знать. Но если с вас достаточно сегодняшней трепки...

— Ничего недостаточно! — проворчал Эпсиба. — Вам дьявольски повезло с вашей проклятой ногой. Быть выбитым из строя столь подлым оружием — это уже само по себе оскорбление для меня. И при нашей следующей схватке я вас так угощу, что вы долго будете помнить!

Тонтэр, весело смеясь, направил коня в лес, а Эпсиба повернулся к племяннику и сказал:

— По мне, так лучших друзей, чем Тонтэр, и не надо! Будь на свете такие французы, как он, а англичане, как я, какое удовольствие была бы жизнь в этих колониях. А теперь, мой мальчик, расскажи мне, что было в замке? Видел ты молодого Таша? Что сказала Туанетта?

— Таша я не видел, — ответил Джимс, все еще глядя вслед Тонтэру. — А Туанетта назвала меня «маленькой английской тварью».

Он в точности передал все то, что услышал в замке и что он хотел скрыть от матери.

— Они ненавидят нас потому, что моя мать англичан-

ка,— заключил он.— Мадам Тонтэр, между прочим, сказала, что мы когда-нибудь поможем перерезать им глотки.

Прошло некоторое время, прежде чем Эпсиба заговорил. Лицо его стало задумчивым и угрюмым.

— Нехорошо такие вещи говорить про соседей и тяжело их слышать, когда они относятся к близким нам людям. Но уж такова натура людей, пожелавших разделиться на мелкие враждующие части. Может быть, она и права, мадам Тонтэр: пожалуй, когда-нибудь будем способствовать их истреблению.

— Неужели англичане ... действительно такие дурные? — спросил Джимс.

— Да, действительно такие дурные. Уже больше полувека они только и ищут случая перерезать возможно больше французов, французы за этот же период времени пытаются уничтожить побольше англичан. Потому-то многие из нас и начинают обнаруживать признаки утомления от этой кровавой забавы и называют себя не англичанами, а *американцами*. Это новое незараженное европейской ненавистью имя, которому суждено расти и развиваться. И точно так же многие из породы твоего отца, Джимс, называют себя не французами, а канадцами. Нет возможности сказать, кто виноват во всех этих кровопролитиях и в том, что индейцы, желавшие быть нашими друзьями, были превращены в орудие войны этими двумя верующими в Бога и в дьявола народами — французами и англичанами. Так что, как видишь, мой дорогой мальчик, ты не должен осуждать Туанетту за ее слова, принимая во внимание картину, которую нарисовала ей ее мать.

В глазах мальчика светились искры внутреннего огня, точно он ясно видел перед собой картину этого далекого будущего. Наконец он спросил:

— А ты, дядя, на какой стороне будешь драться, если случится война? Ты тоже сможешь резать глотки Тонтэра и его народа?

— Кто знает! — вырвалось у Эпсибы, вздрогнувшего от вопроса, поставленного ребром.— Я сотни раз задавал себе этот вопрос, лежа ночью в темном лесу. Драться честно — в этом смысл жизни для меня, но я никогда не буду участвовать в резне и в избиении женщин и детей,— между тем именно в этом будет заключаться война, если мы не образумимся. А потому, Джимс, чтобы ответить на твой вопрос, я скажу тебе следующее: мы должны зорко сторожить тех, кто дорог нам, и если им будет грозить опасность, то защищать их независимо от того, в кого будут попадать наши пули.

Прошла весна, наступило раннее лето, а Эпсиба все

еще оставался на ферме Бюлэнов и не обнаруживал тех признаков непоседливости, которые обыкновенно говорили о том, что вскоре он снова надолго исчезнет. Лето было самым тяжелым временем для жителей лесов, так как в это время года насекомые всех видов, родов и размеров наводняли землю, а для Джимса эта напасть была всегда наиболее трудным испытанием в жизни. С начала июня до середины августа леса, поля и луга до такой степени кишели насекомыми, что люди буквально боролись за свою жизнь, обкуривая непрерывно свои жилища, смазывая все тело свиным или медвежьим салом и придумывая всякие способы, чтобы хоть сколько-нибудь облегчить муки, причиняемые маленькими крылатыми извергами, и немного уснуть.

В это лето и тело и мозг Джимса нашли себе новую пищу. Вместо того, чтобы оставаться, как в былые времена, дома под защитой дымящейся баррикады из пней, он натерся салом с головы до ног и работал плечом к плечу с отцом и дядей. У последнего кожа до того была закалена многолетним пребыванием на открытом воздухе, что яд насекомых не производил на него никакого действия. Джимс призвал на помощь всю свою выдержку, чтобы не отставать от него, и ему это удалось. Он не покидал поля даже в те дни, когда погода выдавалась особенно удушливая или же когда собиралась гроза, хотя отец неоднократно предлагал ему идти домой. Эпсиба с неописуемым удовольствием наблюдал за ростом и развитием своего юного товарища, а когда миновало наконец тяжелое испытание, длившееся столько недель, и наступил август, он взялся за тренировку племянника, уверяя, что теперь для него будет сущим пустяком разделаться с Полем Ташем, случись им опять столкнуться. Он принялся обучать Джимса стрельбе из пистолета, и тот в конце концов стал попадать в цель на расстоянии тридцати шагов. Мальчик почти так же гордился своим новым оружием, как и луком, из которого он так метко стрелял, что порою приводил своего дядю в изумление.

Джимс больше не ходил в замок Тонтэр, и только изредка до него доходили слухи оттуда. Его отец и дядя раза два побывали там в июле и в августе, а однажды барон приехал в воскресенье к обеду. Он рассказал о том, что в замке усиленно готовятся к переезду всей семьи в Квебек в начале сентября. Туанетта должна была поступить в школу урсулинок* и вернуться в замок к отцу лишь через три-четыре года. К этому времени, закончил Тонтэр, она уже

---

* Монахини ордена Святой Урсулы.

будет взрослой барышней, готовой к браку с каким-нибудь бездельником, которого выберет ей мать и который не будет стоить ее подметки.

Джимс слушал и ничем не выдавал своих чувств. У него было такое ощущение, точно все его мечты не только сгорели, но даже их пепел был рассеян по ветру. Тонтэр высказал уверенность в том, что, имея перед собою столько развлечений в Квебеке, Туанетта едва ли будет часто навещать отца. Тем более что в столице Новой Франции у ног ее будет сколько угодно блестящих молодых людей.

— Вот вы — счастливая, — сказал барон, обращаясь к Катерине. — Когда ваш сын женится, он приведет свою жену сюда и будет жить поблизости от вас.

Наступила осень, и природа достигла апогея своего расцвета. Джимс безумно любил эти дни, когда деревья покрывались золотистыми спелыми плодами, когда появлялись первые заморозки, когда свежий, пряный воздух вливал новые силы в организм, а в сердце закрадывались новые надежды и ожидания. Но в этом году у Джимса было тяжело на душе. Туанетта с семьей уехала в Квебек, и неделю спустя дядя Эпсиба заявил, что у него есть неотложные дела на границе, а потому он больше не может оставаться. Катерина молча выслушала его, а потом тихо заплакала. Джимс спрятался в угол, где никто не мог видеть его лица. Даже жизнерадостный Анри Бюлэн и тот как-то сразу затих, а Эпсиба сидел за столом, крепко стиснув зубы и отчаянно борясь с собой. Он обещал, однако, что теперь уж никогда не оставит их на такой долгий срок и зимой непременно вернется. В противном случае они будут знать, что его уже нет в живых.

Когда Анри Бюлэн на следующее утро встал спозаранку, чтобы развести огонь в очаге, Эпсибы уже не было. Пока они спали, он, точно тень, прокрался из дома и растворился во мраке.

ГЛАВА VII

После ухода дяди Джимс продолжал работать над собою физически и умственно, причем в последнем ему немалую помощь оказывала Катерина, обнаруживавшая в нем с каждым днем все новые перемены. Анри Бюлэн, со своей стороны, все больше и больше привыкал полагаться на сына.

В течение осени и зимы к Бюлэнам часто заходили индейцы, знавшие, что там их всегда ждет пища, тепло и радостный прием. Теплые чувства, которые Джимс всегда

питал к индейцам, теперь несколько поостыли под действием слов дяди. Стараясь сблизиться с этими незванными гостями, завоевывая их доверие и совершенствуясь в языке, он в то же время наблюдал, прислушивался и приглядывался к ним, надеясь обнаружить признаки той опасности, о которой говорил ему неоднократно Эпсиба. Большинство индейцев было из Канады, и в них Джимс не видел ничего такого, что могло бы говорить об угрозе мирному существованию. Но когда появлялся индеец племени онондага или онейда, мальчик замечал в их поведении осмотрительность, говорившую о том, что эти представители Шести Народов* считают себя преступившими границу вражеской территории. От него не укрылось также и то, что они неизменно появлялись из той части неизведанной долины, на которую ему всегда указывал дядя Эпсиба, называя ее военной тропой могауков в будущем.

В эту зиму Джимс пустился в более далекие разведки. Вождь Трубка, как звали старого индейца племени конавага, обычно проводил особенно холодные недели вблизи домика Бюлэнов, и вот вместе с его двумя сыновьями, Белым Глазом и Большой Кошкой, мальчик впервые отправился к берегам озера Шамплейн. Он отсутствовал целую неделю и решил в будущем идти еще дальше, вплоть до Тикондероги, где французы собирались строить со временем форт.

Верный своему слову, Эпсиба вернулся в январе с английских фортов на озере Джордж. Он оставался лишь одну неделю, после чего отправился за партией товаров в Олбани, с тем чтобы с ними идти к индейцам племени онондага, если погода будет благоприятствовать. Для Джимса этот короткий визит дяди был большим развлечением среди однообразия зимы. В нем еще больше окрепло желание сопровождать дядю. Пользуясь отсутствием Туанетты, он несколько раз отправлялся к реке Ришелье вместе с отцом, а однажды, в марте, когда вдруг снова ударили морозы, он переночевал у Пьера Любека, старого ветерана, к которому Тонтэр очень благоволил и которого он оставил охранять замок. Через его сына, Пьера-младшего, Джимс разузнал кое-что про Туанетту. Она училась в школе урсулинок, а ее родители сняли особняк на одной из лучших улиц Квебека. Пьер уверял, однако, что барон в своих письмах к его отцу жалуется на тоску по своему дому на берегу Ришелье.

Целых два года оставалась Туанетта в Квебеке, ни разу

---

* Six Nations — так называли индейцы свой союз шести наиболее сильных племен.

не навестив замка Тонтэр. А в это время Джимс с особенной силой переживал трагедию своей смешанной крови; не оставалось сомнения в том, что английская берет верх над французской, чем объяснялось тяготение к югу, где были расположены колонны Эпсибы Адамса. В то же время он страстно любил родные места, отчизну своего отца.

К концу августа после двухлетнего отсутствия Туанетта вернулась в замок Тонтэр на один месяц. У Джимса томительно ныло сердце от желания увидеть ее, но он сдержался и не пошел в серьорию, хотя сотни раз принимал решение навестить своего друга Пьера Любека и попутно, хоть мельком, взглянуть на Туанетту. Поль Таш с матерью тоже гостил у барона. Джимс с облегчением вздохнул, когда узнал, что все обитатели замка уехали назад в Квебек, за исключением одного лишь Тонтэра, который остался, чтобы присмотреть за сбором хлебов. Недели через две после этого Пьер однажды рассказал Джимсу, что Туанетта сильно изменилась за эти два года. Она стала серьезнее, но вместе с тем, уверял он, она, наверное, и сейчас еще не прочь была бы принять участие в хорошей потасовке. Она выросла и похорошела, по словам Пьера, который был значительно старше Джимса и в декабре собирался жениться, а потому знал уже толк в женщинах.

Что же касается Поля Таша, то он стал мужчиной в полном смысле этого слова и одевался как юный аристократ. Нетрудно было убедиться в том, что он по уши влюблен в Туанетту, но, поскольку Пьер мог судить, Полю Ташу далеко еще было до осуществления своих мечтаний. Туанетта отнюдь не обнаруживала признаков особого благоволения к нему. Больше того, она явно относилась к нему с некоторым холодком. Когда Джимс в ответ на это высказал уверенность, что Туанетта выйдет замуж за молодого Таша, как только достигнет подходящего для этого возраста, Пьер пожал плечами и заявил, что он-де не слеп и не глух, и пусть Джимс его за дурака не принимает. Слова Пьера взволновали Джимса и доставили ему огромное удовольствие, которое он старался не выдавать. На обратном пути домой, однако, он стал упрекать себя в безумии. Если даже предположить, что Туанетта не расточает Полю Ташу нежных улыбок, как он предполагал, все же для него лично она осталась такой же далекой, как солнце...

* * *

Весной 1753 года, когда Джимсу пошел семнадцатый год, никто из обитателей Нового Света, ни французы, ни англичане, не сомневался уже, что скоро грянет гром вой-

ны. На словах Англия и Франция были в мире, но вооруженные силы обеих держав готовились к войне, и как одни, так и другие подстрекали индейцев к истреблению белых.

Почти у самых дверей Бюлэнов происходили военные приготовления. Каждый барон на реке Ришелье обучал своих вассалов-фермеров обращению с оружием, и нередко ветер доносил до слуха Бюлэнов звуки выстрелов, так как дважды в неделю у Тонтэра происходила стрельба в цель из мушкетов. Не находясь ни в какой зависимости от барона, ни Анри Бюлэн, ни Джимс не были обязаны принимать участие в этой муштре. Зато Тонтэр часто приезжал в гости, особенно в те дни, когда Эпсиба возвращался из странствований. Он был всегда в чудесном настроении, чему, по его словам, он был обязан Туанетте. Она вся в него, уверял он, и рвется назад к отцу. В своих письмах она не переставала жаловаться на тоску по долине Ришелье. Она писала, что через год, когда кончится срок ее обучения, она непременно вернется в замок Тонтэр, так как не хочет жить в Квебеке. Этого было достаточно для барона, чтобы сделать его счастливым, и он смеялся, когда Эпсиба говорил ему, как опасно для женщины оставаться в этих местах. Англичане и их дикие союзники не доберутся дальше южной оконечности озера Шамплейн, когда начнется война. И оттуда они тоже будут вскоре изгнаны, равно как и с озера Джордж. Но, конечно, поскольку это касается фермы Бюлэнов, лежащей на совершенно открытом месте, то тут надо было опасаться бродячих охотников за скальпами, и барон не переставал упрашивать Катерину и Анри перебраться поближе к его укреплениям.

Он также предлагал Бюлэну и Джимсу принять участие в его занятиях по военному делу, но нисколько не обиделся, когда те отклонили эту честь. Он понимал, как тяжело было бы для Анри готовиться к войне с соотечественниками жены, и в то же время его восхищение Катериной возрастало, благодаря тому, что она продолжала безгранично верить и в англичан, и во французов, несмотря на близость катастрофы. Но ни он, ни Бюлэн не догадывались о том, что происходило в душе у Джимса. Один только Эпсиба прекрасно понимал, что переживает племянник.

В начале осени бродячий негоциант взял Джимса с собою к английскому форту на озере Джордж, а оттуда на территорию Нью-Йорка. Лишь в ноябре вернулись они домой. В Катерине за время их отсутствия произошла какая-то перемена. Она не потеряла своей веры в людей, она была не менее довольна своим земным раем, чем когда-либо, но в ее душу проникали тревоги, с которыми она отважно боролась. Однажды вечером она сама завела речь о

военных приготовлениях, происходивших в долине Ришелье. Не только молодежь, обитавшая вдоль реки, но даже их отцы принимали участие в военной подготовке, и отсутствию Джимса не было оправдания. Конечно, убивать людей нехорошо и непростительно, но, с другой стороны, право каждого человека защищать свой очаг и близких. Она выражала непоколебимую уверенность в том, что Джимс не будет сам искать кровопролития, но он должен подготовить себя ко всяким случайностям наравне со всеми другими молодыми людьми.

Эпсиба отвечал на это, что настанет день, когда Джимсу придется принять участие в войне и он вынужден будет решить, на какой стороне он хочет драться. Когда наступит решительный момент, нельзя будет в одно и то же время оставаться и французом и англичанином. Находясь среди взбаламученного моря страстей, даже Анри окажется втянутым в борьбу,— разве только охотники за скальпами еще раньше разрешат эту запутанную проблему! Ни один человек не мог заранее сказать, на какой стороне он окажется, а так как на свете нет ничего хуже предателя, то, по мнению Эпсибы, не следовало Джимсу обучаться военному делу под французским флагом, принимая во внимание, что он может когда-нибудь оказаться на стороне англичан. Выход был лишь один: Джимс должен стать одним из «длинных ружей», то есть свободным обитателем лесов, готовым поднять свое оружие на защиту всякого правого дела, не считаясь с национальностью той или иной стороны. Он вполне для этого подготовлен и нуждается теперь лишь в некотором опыте. «Длинное ружье» должен служить там, куда его зовут его совесть и долг.

Этот разговор послужил началом новой фазы в жизни Джимса. Он понял, что у него как мужчины есть обязанности, которые даже его мать не могла не признать, как ни хотелось ей подольше удержать его возле себя. В течение года, последовавшего за этим, Джимс несколько раз совершал путешествия с дядей Эпсибой вплоть до территории Пенсильвании. Осенью 1754 года после четырехлетнего пребывания в школе Туанетта вернулась в замок Тонтэр. В том же месяце Бюлэны расчистили семидесятый акр земли на своей ферме.

Мир и покой царили в долине Ришелье. Англия и Франция все еще разыгрывали комедию дружбы, нанося друг другу удары из-за угла. Французское оружие и умение привлекать на свою сторону индейцев дали им возможность разбить англичан наголову.

Чтобы отпраздновать триумф Новой Франции и попутно ознаменовать возвращение Туанетты, Тонтэр устро-

ил пир в своем замке. Эпсибы в это время не было, что немало огорчило барона, настаивавшего, однако, на том, чтобы Анри Бюлэн и его семья приехали на празднество, и пригрозившего, что в противном случае он их больше не будет считать друзьями. Джимс весь трепетал при мысли о приближающемся дне пира. Это был уже не тот мальчик, который когда-то брел в замок Тонтэр с отцом, с матерью и с Потехой, ковылявшей рядом с ним. Ему в январе должно было исполниться восемнадцать лет. Его тело обладало гибкостью, свойственной только диким обитателям лесов. Катерина страшно гордилась красотой его тела, его любовью к природе и его открытым взглядом. И не менее ее гордился Джимсом его дядя Эпсиба.

В тот день, однако, когда Бюлэны тронулись в путь к замку, в душе Джимса ожило многое из того, что было в мальчишке, кидавшем когда-то в противника комьями грязи, и потому Туанетта являлась для него живым воспоминанием о былых днях, что бы ни случилось с ним или с ней в будущем. Ему безумно хотелось видеть ее, но теперь уже к этому желанию не примешивались былые сладкие грезы, которые когда-то так мучили его. Та, которую он ожидал увидеть сегодня, была совершенно чужим для него человеком, и он ни в коем случае не собирался навязывать ей себя. Это отнюдь не объяснялось чувством самоунижения или недостатком смелости. Только безграничная гордость удерживала его. Он был уверен, что без малейшего смущения сумеет встретиться с Туанеттой, как бы она ни выросла за это время, как бы она ни стала хороша. Он понимал, что она должна была сильно измениться, — ведь ей минуло уже пятнадцать лет. В этот период жизни пять лет имеют огромное значение, и, возможно, он даже не узнает ее.

Страшное волнение овладело им, когда она наконец предстала перед его глазами. Казалось, неминуемо вернулось «вчера», и портрет, давно преданный огню, пепел которого был развеян по ветру, внезапно оказался восстановленным. Она значительно выросла и, разумеется, стала красивее, но все же это была та же Туанетта. Он не видел никакой перемены в ней, разве только, что она из девушки превратилась в женщину. Все труды Эпсибы, потраченные на племянника, все свободолюбие Джимса, его отвага — все рассеялось как дым, едва он увидел ее. Он снова казался самому себе ничтожным мальчиком, приносящим Туанетте орехи, красивые перья и леденцы из липового сиропа и молившим небо о том, чтобы она улыбнулась ему.

Она еще не видела его, — так, по крайней мере, предполагал Джимс. Туанетта вышла из дому в сопровождении группы барышень из соседней сеньории, он оказался почти

на ее пути вместе с Пьером Любеком. Последний сделал несколько шагов по направлению к ней, в противном случае, подумал Джимс, она даже не увидела бы его. Он взял себя в руки и стоял с обнаженной головой, бесстрастный, как солдат на часах, меж тем как сердце его бешено колотилось. Туанетта вынуждена была повернуться в сторону Джимса, чтобы ответить на приветствие его спутника; но она это сделала чрезвычайно неохотно, и видно было, что она знала о его присутствии. По-видимому, у нее не было ни малейшего желания заговорить с ним. И если Джимс нуждался в данную минуту в отваге, то это сознание вполне пришло ему на помощь. Встретившись взглядом с девушкой, он почтительно поклонился ей.

Туанетта залилась румянцем, ее темные глаза вспыхнули огнем, между тем как на загорелом и обветренном лице Джимса ничуть не отразилось его душевное состояние. Со стороны можно было подумать, что он вовсе не знает ее, до такой степени неподвижным оставался он, пока Туанетта проходила мимо. А она еле кивнула головой, и губы ее беззвучно что-то прошептали. Очевидно, дядя Эпсиба был неправ: бывает ненависть, которая никогда не умирает.

После пиршества, устроенного на зеленой лужайке, последовало самое главное развлечение: военный парад фермеров, обученных Тонтэром. Многие из мужчин, обучавшихся военному строю в других сеньориях, присоединились к людям Тонтэра. Чтобы избавить Катерину от этого тяжелого для нее зрелища, Анри Бюлэн увез жену за полчаса до начала парада, но Джимс остался. Это было, так сказать, ответом Туанетте на ее презрение к нему за то, что он не принадлежал к ее народу, за то, что его мир не был ограничен узкими рамками сеньории. Он стоял, прижав свое длинное ружье к телу, чувствуя, что Туанетта смотрит на него, что ее взгляд отравлен презрением и ненавистью. Это сознание вызывало в его душе какое-то болезненное ликование. Ему казалось, что он снова слышит ее голос, как тогда, когда она назвала его «противной английской тварью»... трусом... человеком, которому нельзя доверять, за которым нужно следить. Но он не испытывал сейчас ни унижения, ни сожаления, а только чувствовал, что еще больше ширится пропасть, разверзшаяся между ними. И это чувство он унес с собой домой.

Слухи поползли через дебри и достигали каждого уголка, точно перешептывание ветерков, поддерживая вечный огонь под пеплом ненависти, раздувая искры в яркое пламя. Секреты перестали быть секретами. Слухи становились фактами. Опасения перешли в обоснованные страхи. Англия и Франция по-прежнему играли в комедию мира

при своих могущественных дворах, при свете они были друзьями, во мраке одна тянулась к глотке другой, точно головорезы. Леса кишели раскрашенными дикарями, передвигавшимися бесшумной поступью, и каждый француз, который не поднимал оружия на защиту своей отчизны, уже не мог называться французом. Джимс заметил, что это положение дел еще сильнее отзывается на отце, чем на нем самом. Вопреки своей любви к Катерине Анри все же оставался верным сыном Новой Франции, и теперь, когда французы телами своими преграждали путь врагу, его подмывало принести и себя в жертву, и желание это было так сильно в нем, что он с большим трудом подавлял его. Никогда еще за все эти годы его дружба с женой не достигала таких размеров, как в эти недели страшного напряжения.

Глубокую рану в душе обоим оставил тот день, когда генерал Дискау явился в долину Ришелье в тремя тысячами пятьюстами бойцов и расположился на ночь лагерем близ сеньории Тонтэра. Узнав об этом, Катерина сказала:

— Если сердце говорит вам, что так надо, идите вместе с ними!

Но они остались. Анри выдержал более упорную борьбу, чем бой, который дал противнику Дискау, чем битва, в которой погиб Бреддок. Для Джимса это не было такой душевной мукой, но зато его молодая горячая кровь бурлила в нем и звала его взяться за оружие. А для Катерины этот период был сущим адом, днями, проведенными в страхе и в муках неопределенности.

А потом разнеслась ошеломляющая весть. *Бог* был на стороне французов! Бреддок со своим войском был разбит и уничтожен. Барон Дискау, этот великий немецкий полководец, дравшийся за Францию, двинулся на юг, чтобы сокрушить Вильяма Джонсона с его колонистами, рассчитывая гнать врага до самой Олбани.

Дискау, между прочим, имел с собой шесть тысяч бойцов, из числа тех, которые начали называть себя канадцами.

Тонтэр приехал к Бюлэнам с целью передать им эти новости. Он напомнил Катерине свое предсказание, что англичанам никогда не удастся добраться до ее земного рая. Дискау начисто освободит от врагов всю территорию озера Шамплейн. Он то и дело жал руку Эпсибе Адамсу, уверяя его, что по отношению к нему лично он питает самые дружеские чувства, хотя и не скрывает своей глубокой неприязни к англичанам, посягнувшим на Новую Францию. Он отправил на войну чуть ли не всех своих вассалов и сам тоже присоединился бы к Дискау, если бы не отсутствие одной ноги.

Даже Туанетта и та хотела идти с войсками Новой Франции!

Это напомнило барону одно данное ему поручение: Туанетта просила передать письмо Джимсу. Надо полагать, что это приглашение в гости. Он неоднократно говорил ей, что она должна быть более любезна с молодым Бюлэном.

Джимс взял письмо и отошел в сторону. Письмо служило первым доказательством тому, что Туанетта помнит о его существовании. Со дня пиршества, устроенного Тон-тэром, он ее не видел и старался не думать о ней.

В этом кратком письме Туанетта в холодных выражениях называла его ренегатом и трусом!...

* * *

Несколько недель спустя в одно сентябрьское утро Джимс стоял и смотрел вслед дяде Эпсибе, пока тот не исчез в лесах таинственной долины, уже подернутой первым инеем. Казалось, что с вестью о победе французов, которая должна была еще в большей степени обеспечить безопасность Бюлэнам, Эпсиба стал особенно подозрительно относиться к неизведанной долине. Только накануне Тон-тэр был на ферме и сообщил последние новости о продвижении Дискау. Этот великий немец готовился нанести последний решительный удар Джонсону с его сбродом из колонистов и индейцев. Возможно, что теперь это уже случилось. И тем не менее, размышлял Джимс, его дядя отправился на разведку, а выражение его лица, когда он уходил, было очень загадочное.

Какая-то странная тревога охватила вдруг Потеху после ухода Эпсибы. Годы уже оставили глубокий след на собаке. Она стала еще более косматой, кости еще резче выступали наружу, она уже не так охотно принимала участие в частых разведках Джимса, предпочитая лежать и греться на солнышке. Ее нельзя было назвать старой собакой, но в то же время она не была молода. Зато вместе с годами еще более обострились все ее чувства, ее ум стал еще проницательнее, и по-прежнему с полной силой сохранился один фактор, который мог вернуть ей порывы молодости. Этим фактором был запах краснокожих.

Потеха неизменно давала Джимсу знать о близости индейца, иногда задолго еще до появления дикаря. И она ни на одну минуту не сводила глаз с таинственной долины. Днем, нежась на солнце, она лежала с полузакрытыми глазами мордой к лесу. Вечером она не переставала жадно втягивать запахи окружающей природы и ни разу не спустилась в долину одна, без Джимса или Анри Бюлэна. А в

это утро Потехой овладела до того сильная тревога, что это начало отражаться даже на Джимсе. Вскоре после полудня он вдруг бросил работу и сказал матери, что хочет немного пройтись по направлению к тому месту, где была раньше ферма Люссана. Катерина проводила его через сад и даже поднялась вместе с ним по склону холма. Никогда еще не видел ее Джимс такой прекрасной. Его отец был прав, утверждая, что Катерина всегда останется юной девушкой. С верхушки холма они стали окликать Анри Бюлэна, работавшего на свекольном поле, и тот издалаи замахал им в ответ рукой.

Джимс стоял еще некоторое время, обвинив одной рукой стан матери, а потом он поцеловал ее и пустился в путь. Катерина не трогалась с места, пока он не скрылся во мраке большого леса. У Джимса не было никакого желания охотиться, у Потехи — тем более. Сейчас они оба находились во власти каких-то новых импульсов. Тревожное настроение собаки не похоже было на тревогу ее господина. Каждый раз, когда Джимс останавливался, Потеха замирала на месте и начинала интенсивно нюхать воздух, всем своим существом выражая опасения и подозрительность. Джимс внимательно приглядывался к собаке, пытаясь понять ее загадочное поведение, так как она не подавала обычного сигнала, свидетельствующего о близости индейца. Похоже было на то, что она ощущала позади себя что-то неосязаемое, но тем не менее страшное.

Джимса между тем все тянуло вперед и вперед. Не преследуя никакой цели, без всяких к тому оснований, если не считать беспокойного состояния ума, он держал путь к ферме Люссана. Воздух был бодряще-свежий. Под ногами шуршали сухие листья. С верхушки холмов открывалась прекрасная панорама в красных, золотистых, желтых и темно-бурых тонах. Ферма Люссана, находившаяся в девяти милях от фермы Бюлэна, успела за пять лет заглохнуть и слиться с дикой природой.

Джимс стоял на том месте, где он когда-то дрался с Подем, и в ушах его раздавались зловеще перешептывавшиеся голоса воспоминаний. Они разбередили ноющую тоску в его сердце, точно руины этой фермы олицетворяли собою все то, что осталось от его собственных надежд и грез. А потом в его душу закрался безотчетный, беспричинный страх. Он повернулся кругом и быстро направился назад.

Потеха время от времени испускала жалобный визг, точно ей не терпелось скорее достичь дома. Порою она забегала вперед, чтобы показать своему господину, как велико ее нетерпение. Но Джимс не спешил. Он снял лук и де-

ржал его в руке наготове. Если бы даже Потеха подала сигнал опасности, он не обратил бы на это ни малейшего внимания : ведь опасность отстояла от его дома на много-много миль за линией Дискау и его людей,— не было никаких оснований предполагать, что она когда-нибудь приблизится и он вынужден будет встретиться с ней. В глазах Туанетты он навсегда останется ренегатом и трусом.

Ночной мрак сгущался. Звезды усыпали небосклон. Глубокие тени залегли вокруг одинокого путника, когда он вместе с собакой поднялся на самый высокий из холмов, откуда открывался вид на холмики и рощи, отделявшие его от неизведанной долины. Потеха первая взобралась на вершину холма и испустила жалобный визг. Джимс поравнялся с нею и застыл точно вкопанный...

В продолжение нескольких секунд сердце его не билось. Ужас закрался к нему в душу, ужас, граничивший со смертью, ужас, который может быть вызван только зловещим призраком смерти..

Над лесом, в котором исчез в это утро Эпсиба Адамс, поднималось зарево дальнего пожара. Несколько ближе, у начала таинственной долины, небо было окрашено в цвет пламени. Но это пламя говорило не о горящем лесе, а также и не о костре из пылающих пней. Это было море огня, поднимавшегося к небу, точно огромный гриб, голова которого терялась в зловеще окрашенных тучах и разливалась у краев серебром, золотом и кровью...

Горел его родной дом!

С губ Джимса сорвался крик скорби. И в то же мгновение в ушах прозвучали слова дяди Эпсибы, произнесенные утром при расставании: «Если меня не будет и тебе случится увидеть там, за лесом, зарево ночью или густой дым днем, спеши с отцом и матерью в сеньорию, ибо это будет служить доказательством, что близка смертельная опасность и моя рука подала тебе сигнал через небесный свод».

ГЛАВА VIII

Джимс долго сидел не шевелясь и смотрел на багряное небо. Сомнения быть не могло — горел его родной дом. Одно лишь это не наполнило бы его душу таким ужасом. Ведь там оставался отец, который позаботится о его матери, и можно будет построить новый дом. Жизнь не кончается из-за того, что сгорает дом. Но там вдали виднелось еще зарево, и оно-то вызывало в нем мучительный страх. Это Эпсиба при помощи огня переговаривался с ним во мраке ночи!

Когда юноша несколько пришел в себя, он заметил, что Потеха пристально смотрит на багровое небо, и во всех мускулах ее напряженного тела можно было прочесть предупреждение об опасности — сигнал о близости индейцев. До этого момента подобные сигналы никогда не вызывали в Джимсе такого трепета, страха и ужаса.

Он бегом пустился с холма, не обращая внимания на кусты, хлеставшие его по лицу. Достигнув подножия, он побежал еще быстрее, но столь густы были стены беспроектного мрака, окружавшего его в лесу, что временами не видно становилось багрового зарева. Потеха бежала впереди, и создавалось впечатление, точно две тени мчатся, пытаясь перегнать одна другую. Дыхание с трудом вырывалось из груди Джимса, и он вынужден был перейти на скорый шаг. Потеха тоже несколько замедлила бег. Когда они поднялись на один из небольших холмов, Джимс опять увидел зловещее зарево.

Снова пустился он бегом, и луч надежды начал проникать в его душу. Горел его дом, но возможно ведь, что это был лишь несчастный случай, не имевший ничего общего с предсказаниями дяди Эпсибы, а этот огонь, там, за таинственной долиной, был лишь совпадением, результатом, быть может, неосторожности беспечного индейца или белого. Лес был страшно сухой, и достаточно было искорки из выколоченной трубки или пыжа, выброшенного из ружья, чтобы возник пожар. Разве он когда-нибудь боялся лесных пожаров!

Джимс опять остановился, чтобы перевести дух, и Потеха тоже застыла рядом с ним. Они стояли под звездным небом, напрягая слух и зрение, поведение собаки не позволяло юноше придавать слишком много значения своим надеждам. Мохнатое животное все дрожало от еле сдерживаемого чувства, обуревавшего его, так как в нос ему ударил самый ненавистный для него запах — запах индейцев. Шерсть на спине его вздыбилась, глаза метали молнии, из раскрытой пасти струилась слюна, точно его мучил голод, а не ненависть. Джимс прилагал все усилия к тому, чтобы не доверять всем этим очевидным признакам, пытаясь уверить себя, что если на ферме отца и находятся индейцы, то это не враги, а друзья, явившиеся с целью помочь при пожаре.

Легкий ветерок шелестел в верхушках деревьев. Джимс прислушался. Мертвое безмолвие было прорезано звуком, от которого дыхание занялось в груди Джимса. Этот звук доносился издалека и был до того слаб, что шелест листьев заглушал его. Но все же Джимс услышал.

Это были ружейные выстрелы, и они доносились через

холмы и леса со стороны замка Тонтэр. Юноша кинулся что было мочи через большой лес с Потехой впереди. К ногам его, казалось, были подвешены тяжелые гири, до такой степени был он измучен бегом. Джимс остановился и прислонился к дереву, совершенно выбившись из сил, а Потеха, зловеще рыча, прижалась к его коленям. Теперь уж он не пытался разогнать свои страхи. Ясно было, что случилась катастрофа, и у него было лишь одно желание: возможно скорее добраться до отца и матери. Призвав на помощь последние силы, Джимс снова пустился в путь и вскоре очутился на верхушке холма, у подножия которого находился его родной дом.

Он не был особенно поражен, когда вместо дома, хлева и других строений его глазам представились лишь груды пылающих угольев, так как, сам того не сознавая, он ожидал увидеть такую картину. Все было уничтожено огнем. Но и не это так действовало на его рассудок, близкий к помешательству. Хуже всего было это безмолвие, эта абсолютная безжизненность, это полное отсутствие какого-либо движения и звука. Пожарище освещало ферму и землю ярким светом. Джимс ясно различал огромные камни возле ручья, дорожки в саду, птичники у ближайших дубов, мельницу, подсолнухи, покачивавшиеся на своих стройных стеблях, точно нимфы, все, вплоть до груды яблок, собранных им и матерью накануне для изготовления сидра. Но, увы, он не видел никого, кто бы спасся от пожара: ни отца, ни матери, ни дяди Эпсибы. Нигде не слышно было человеческого голоса.

Страх, который является не чем иным, как реакцией мышц и нервов на опасность, совершенно покинул его. Он стал спускаться с холма, думая лишь об отце и матери, мучимый желанием крикнуть и услышать их ответ. Он даже не вложил стрелы в лук и подвигался вперед нетвердыми шагами. Что могла изменить стрела? Он даже не пытался держаться в тени деревьев. Ему не было дела ни до чего, кроме отца и матери. И совершенно неожиданно он набрел на отца...

Анри Бюлэн лежал на земле возле одного из розовых кустов. Можно было подумать, что он спит. Но он был мертв. Он лежал, растянувшись на спине, и свет от пожара играл на его лице, то разгораясь ярче, то угасая, точно меняющиеся ноты беззвучной мелодии.

Не издав ни звука, Джимс опустился на колени возле тела отца. Он вдруг обрел снова дар слова и совершенно бессознательно тихо окликнул отца, хотя и знал, что ответа не последует. Спокойным голосом он опять позвал отца, прикоснувшись руками к безжизненному телу. Подо-

бно тому, как смерть своим приближением притупляет все чувства и утоляет боль, так и сейчас Джимсом овладело абсолютное спокойствие, несмотря на то, что звездное небо не могло скрыть от него ни искаженных белых губ, ни судорожно сжатой руки, ни обнаженной, залитой кровью макушки головы, где прошелся нож, снявший скальп.

Джимс покачал головой. Он, может быть, зарыдал бы, если бы не мертвящий покой, овладевший всем его существом. Тихо и неподвижно стоял он на коленях у трупа отца. Потеха придвинулась вплотную, обнюхала холодные руки, а потом лизнула лицо Джимса, приникшего к плечу отца. В воздухе витала смерть, — собака чувствовала это, Опустившись на задние лапы, она завывала. Это был страшный звук, жуткий вопль, от которого застыли все звуки природы и который привел Джимса в себя. Он поднял голову, снова увидел тело отца и с трудом встал. Он принялся искать и неподалеку, возле груды яблок, приготовленных для сидра, нашел свою мать. Она тоже лежала лицом кверху, и то немногое, что осталось от ее волос после страшного ножа, рассыпалось по земле. И тогда сердце Джимса не выдержало. Упав над телом Катерины Бюлэн, он зарыдал, а Потеха сторожила, прислушиваясь к скорбным звукам, болью отдававшимся в ее сердце.

А потом наступила мертвая тишина. Пылающие уголья стали подергиваться золой, под большим лесом прошелся легкий ветерок, Млечный Путь начал тускнеть, и в небе стали собираться тучи. Наступил мрак, предшествующий заре, а затем стало рассветать.

Джимс поднялся с земли и оглянулся. Весь его мир рушился. Он перестал быть тем юношей, каким был недавно, и превратился в существо, пережившее века. Следуя по пятам Потехи, он принялся искать дядю Эпсибу. Он видел измятую траву, землю, утопанную мокасинами, кем-то брошенный топорик *с английским именем* на нем, но Эпсибы Адамса нигде не было. Тогда он повернул назад и направился к замку Тонтэр.

Крепко зажав в руке топорик, зашагал он снова, держа путь к холму. Деревянное топориче, казалось, таило в себе какой-то секрет, имевший для Джимса огромное значение, судя по тому, как он конвульсивно сжимал в руке оружие с зазубренным лезвием. На деле Джимс не думал ни о топориче, ни об обухе. Его мозг был занят одной лишь мыслью: именем, которое он видел на топорике. Оно говорило о том, что тут побывали англичане со своими индейцами или же англичане послали их сюда, как и предсказывал дядя Эпсиба. Не французы, а англичане. *Англичане!*

Он еще сильнее зажал топорик, точно под его пальцами было горло какого-либо англичанина. Впрочем, он сейчас думал не о мести. Его мать была убита, отец тоже. Индейцы с английскими топориками убили их, и его долг известить об этом Тонтэра. Все пережитое за последние часы казалось каким-то уродливым кошмаром, и восход солнца не разогнал этого ощущения нереальности, овладевшего его разумом. Прекрасное теплое утро, полет птиц на юг, веселое перекликанье диких индюков под каштановыми деревьями — все лишь усиливало это ощущение. А порой им овладевало желание крикнуть, что это невозможно, что собственные глаза обманули его.

Дойдя до Беличьей скалы, Джимс остановился и посмотрел на таинственную долину. Еще больше, чем когда-либо, напоминала она восточный ковер благодаря своим осенним краскам. Нигде не видно было дыма или каких-либо других следов, которые говорили бы о вторжении неприятеля. До его слуха доносились голоса многочисленных белок, над головой пронеслись два старых орла, которых он знал с самого детства. Голова его несколько прояснилась, и он чувствовал, что вновь обретает утраченные силы. Он заговорил с Потехой, и та, прижавшись к его ногам, с бесконечной преданностью посмотрела на него. Смелость возвращалась к обоим, и когда Джимс отвернул голову от загадочной долины, его глаза приняли какое-то новое выражение: они стали похожи на глаза дикарей и приобрели ту же твердость взгляда, ту же бездонную глубину, в которой никто не мог прочесть каких-либо переживаний. Белое как мел лицо оставалось бесстрастным, словно черты его были изваяны из холодного камня.

Джимс снова взглянул на топорик, и Потеха насторожилась, услышав странный звук, сорвавшийся с его уст. Этот топорик, казалось, был голосом, рассказывавшим ему целую повесть, позволявшим ему легче мыслить и быть настороже. Пока это относилось к нему лично, он не внимал этому голосу осторожности, так как мысль о собственной безопасности представлялась сейчас не имеющей никакого значения. Это объяснялось не приливом отваги, а полной атрофией чувства страха. Но по мере приближения к замку Тонтэр в нем с большей силой просыпался инстинкт самосохранения. Правда, это не заставило его свернуть с открытой дороги или замедлить шаг, но все его чувства обострились, и совершенно бессознательно он начал готовиться к предстоящей мести. А для того, чтобы при-

ступить к этому, нужно было раньше всего достигнуть замка Тонтэр.

Вспоминая выстрелы, которые он слышал со стороны замка, Джимс ясно рисовал себе картину событий. У Тонтэра оставалось несколько человек, не присоединившихся к войскам генерала Дискау. Убив Анри и Катерину Бюлэн, индейцы, по-видимому, свернули на восток от зловещей долины, но барон, предупрежденный сигналом Эпсибы Адамса, встретил их залпом мушкетов. Джимс верил в Тонтэра, а потому нисколько не опасался за него. Точно также не сомневался он в судьбе, постигшей дядю Эпсибу. Очевидно, английские топорники настигли его где-нибудь, в противном случае он явился бы на ферму сестры за то время, что Джимс и Потеха провели там. Тем не менее в душу его минутами закрадывалась надежда: а вдруг дядя Эпсиба в силу каких-либо причин очутился в замке Тонтэр? Что, если он, подав сигнал, поспешил в сеньорию в надежде найти там своих близких? Вполне возможно ведь, что Анри Бюлэн, увидев сигнал, поданный шурином, но не веря в опасность, ждал, меж тем как смерть уже набрасывала свою тень на маленькую долину.

Может случиться, что он сейчас перевалит через вершину холма и увидит дядю Эпсибу... Эпсибу, барона, его вооруженных вассалов...

Казалось, что Потеха надеялась увидеть то же самое. Джимс направился к тропинке, которая вела через густые заросли к вершине холма, где он обычно делал остановку, чтобы полюбоваться прекрасным видом владений, дарованных королем Франции верному и отважному Тонтэру.

Джимс вышел на верхушку холма... Последняя искра надежды, еще тлевшая у него в груди, погасла и уступила место мраку отчаяния.

Замок Тонтэр перестал существовать!

Над тем местом, где стоял замок, расстилался белесоватый дымок, точно мелкий туман, поднимавшийся кверху молочными спиралями.

Замок исчез, исчезла укрепленная церковь, исчезли домики фермеров, стоявшие в отдалении за полями и лугами. Осталась лишь каменная мельница, огромное колесо которой продолжало еще вращаться, издавая жалобный звук, смутно доносившийся до слуха человека на холме. Ничто другое, помимо этого, не нарушало безмолвия.

Джимс смотрел на колышущийся белый покров, и ему казалось, что он видит огромный саван, скрывающий под собою смерть. Впервые забыл он на мгновение отца и мать. Он думал сейчас о девушке, которую он когда-то любил. Он думал о Туанетте.

ГЛАВА IX

Притаившись за красноголовыми сумахами, Джимс в продолжение нескольких минут стоял и смотрел на руины, еще дымившиеся в долине. Он был слишком оглушен и ошеломлен своей собственной трагедией, чтобы полностью осознать новый удар. Эта жуткая сцена точно громом поразила его, но на этот раз он не потерял способность мыслить и действовать. Теперь пришел конец всем его надеждам, и белый туман, точно смертным покрывалом заволакивающий долину, словно ножом освободил его мозг от другого тумана, который застилал его зрение. Рушились последние остатки его мира, и вместе с ним исчезла и Туанетта.

Безумная ярость вспыхнула в нем. Это чувство начало расти в его душе с того момента, когда он опустился на колени возле тела отца, оно разгорелось ярким огнем, когда он нашел свою мать мертвой, оно наполнило его сердце и разум бешеным ядом, когда он прикрыл лица убитых. А теперь он знал, почему его рука конвульсивно сжимала английский топорик. В нем зажглось желание убивать. Это было чрезвычайно сильное чувство, не вызывавшее, однако, желания громко бросить кому-нибудь вызов или очертя голову кинуться на кого-либо. Ненависть, охватившая его, не была ненавистью по отношению к одному человеку или к группе людей. Не разбираясь хорошенько в своих чувствах, Джимс повернулся лицом к югу, где на расстоянии многих миль от него сверкало на солнце озеро Шамплейн, и рука, сжимавшая топорик, затрепетала под бурным наплывом нового ощущения. Это была жажда крови, крови целого народа, который он возненавидел в этот день и час.

Он лишь смутно отдавал себе отчет в жалобном стении мельницы, когда начал спускаться с холма. Он не видел надобности остерегаться — смерти незачем было возвращаться в такое место, где царило полное разорение. Но это мельничное колесо своим монотонным шумом целиком привлекло к себе внимание Джимса. Ему почему-то казалось, что он различает слова «маленькая английская тварь», «маленькая английская тварь»! Похоже было на то, что колесо похитило его затаенную мысль. И смысл ее соответствовал истине. Он действительно оказался той английской тварью, о которой говорила мадам Тонтэр. Туанетта была права. Исчадия ада с белой кожей, его соотечественники отправили сюда убийц, вооружив их своими топориками. А он, точно одинокое привидение, остался,

чтобы узреть весь этот ужас. И мельница как будто знала это и обладала способностью передавать свои мысли.

В канавке под самой церковью он наткнулся на чье-то тело. Это был индеец-могаук, в руке которого остался еще зажатый топорик, такой же, как и тот, что держал Джимс. У пояса убитого воина виднелся скальп. В первый момент у юноши голова закружилась — это был скальп, снятый с головы крохотного младенца.

По мере того, как он подвигался вперед, ему все яснее становилось, что обитатели сеньории были застигнуты врасплох и борьба продолжалась недолго. Старый кюре Жан Лозан лежал скорчившись, полуодетый, со старым кремневым ружьем под собою. Он был совершенно лысый, а потому индейцы не тронули его головы, так как без волос скальп не представлял собой никакой ценности. Он, очевидно, пытался добежать до укрепленной церкви, но его догнала пуля в спину. Неподалеку от кюре лежали старики Жюшери и Эбер, а в нескольких шагах от них — их жены. Пятый был Родо, слабоумный парень, напоминавший сейчас клоуна благодаря идиотской улыбке на бескровном лице.

Это были люди, жившие рядом с замком и церковью. Остальные жили слишком далеко, чтобы успеть вовремя явиться на помощь, но результат, по-видимому, был один: некоторые сами пришли и приняли смерть, другие ждали и смерть пришла за ними.

Между этими трупами и обугленными руинами замка лежала одинокая фигура. Джимс медленно направился к этому месту. Это был барон Тонтэр. В отличие от других, он был совершенно одет. Он, несомненно, был вооружен, когда выбежал из замка, но сейчас у него в руках ничего не было, помимо комьев земли, вырытых пальцами в момент агонии. Только сейчас Джимс понял, как близок был ему этот человек. Тонтэр оставался единственным звеном, связывающим его юность с грезами детских лет, и благодаря ему он не мог навсегда потерять Туанетту. Джимс сложил его руки на груди, предварительно вынув из зажатых пальцев комья земли. Ему казалось, что он вот-вот увидит Туанетту рядом с ее отцом, и снова у него голова закружилась и все смешалось перед глазами.

Снова в нем вспыхнула злоба. Он молчал, внимательно прислушиваясь, точно надеялся услышать еще какие-нибудь звуки в этом мертвом безмолвии. Джимс опять посмотрел на тело Тонтэра. Он старался набраться сил, чтобы продолжать поиски и найти Туанетту. Он заранее рисовал себе, как это будет. Он найдет юное тело Туанетты, *мертвой Туанетты!* Это было еще страшнее, чем

смерть матери. Его мать и Туанетта — две искры, поддерживавшие огонь в его душе. Как же это возможно, чтобы их не стало, а его сердце продолжало еще биться?

Он двинулся вперед, держа путь к дымящимся руинам, и на несколько секунд остановился у труп негритянки, лежавшей на земле почти совсем голой. Огромное черное кровавое пятно виднелось в том месте, где был снят скальп. Несчастная прижимала к груди оскальпированного младенца. Джимс принялся тщательно осматривать пространство за этими трупами, и там, где дым стелился над землей, точно саван, он увидел маленькое стройное тело. Это, без всякого сомнения, была Туанетта. Круги пошли у него перед глазами, и он прикрыл лицо руками, чтобы отогнать страшное видение. Туанетта... мертвая... в нескольких шагах от него. Мертвая... так же, как и его мать.

Потеха пошла вперед и, дойдя до неподвижного тела, остановилась. Она почуяла нечто такое, что оставалось недоступным для Джимса. Собака угадала опасность, подстерегавшую их, и хотела сообщить об этом своему господину. В то же мгновение со стороны мельницы раздался выстрел, и Джимс почувствовал в руке жгучую боль. Бросив лук, он в несколько прыжков добежал до мельницы. Потеха опередила его, но, достигнув разбитой двери, остановилась, пытаясь разглядеть, что делается в глубине теней, залегших на каменных стенах. Джимс двинулся дальше. Смерть могла бы скосить его в тот момент, когда он переступил порог, но в сводчатом помещении мельницы ничто не шевелилось и ни один звук не нарушал безмолвия, разве только его собственное дыхание. Собака подошла к нему и принялась нюхать сыроватый воздух, пропитанный запахом зерна. Затем она направилась к маленькой лестнице, которая вела наверх, и Джимс понял, что именно там таится опасность. Высоко подняв топорик, он кинулся наверх.

Если бы топорик нанес удар, он раскроил бы череп Туанетты. Она встретила опасность выпрямившись всем телом и все еще не выпуская из рук мушкета, из которого она стреляла, точно надеясь, что сумеет с его помощью обороняться. Бледное лицо ее рельефно выделялось на фоне черных шелковистых волос, струившихся по плечам. В глазах ее горело безумие. В ожидании смерти, она, тем не менее, не испытывала ни страха, ни ужаса. В ней чувствовалось что-то непокорное, словно душа самого Тонтэра пребывала в ее хрупком теле и тем самым избавляла ее от страха перед смертью.

Ожидая увидеть дикаря, Туанетта вдруг встретила лицом к лицу с Джимсом. Мушкет выпал из ее рук на пол.

Она отшатнулась, точно Джимс внушал ей еще больший ужас, чем индеец-могаук, прижалась спиной к мешкам с зерном и не отрываясь смотрела на Джимса. Он похож был на чудовище, когда появился на пороге, залитый светом, струившимся через три круглых пыльных окошечка. Часть его одежды осталась на ферме, так как он перед уходом прикрыл тела отца и матери, и, таким образом, его руки и плечи были оголены. Лицо его было покрыто грязью и копотью, в глазах вспыхивали зеленые огоньки, а из раненой руки стекала на дубовый пол кровь.

Вопль о мести, готовый сорваться с его уст, излился рыданием, вырвавшимся из его груди, едва он узнал Туанетту. Он окликнул ее, но она не ответила и только еще плотнее прижалась к мешкам. Потеха направилась к ней, производя забавный звук своими когтями на деревянном полу, но Туанетта не сводила глаз с Джимса. Ему казалось, что его сверлят два огонька. Собака лизнула руку девушки, но та быстро отдернула ее.

— *Английская тварь!*

Теперь это был уже не воображаемый голос мельничного колеса, а голос Туанетты, звучавший бешеной ненавистью. Она вдруг быстро подняла с пола мушкет и ударила Джимса. Будь мушкет еще заряжен, она убила бы его. Она продолжала наносить удары, а Джимс стоял, не двигаясь с места, отдавая себе отчет лишь в словах, слетавших с уст девушки. Он пришел с английскими индейцами, чтобы истребить французов. Он и его мать участвовали в заговоре, а потому остались в живых, тогда как все близкие ей люди были убиты! Ствол мушкета нанес ему удар между глаз, один раз он задел его раненую руку и в нескольких местах разодрал его тело... Туанетта, рыдая, продолжала бить его мушкетом, крича, что убьет его, если Бог даст ей силы уничтожить эту *английскую тварь, этого подлого убийцу*, этого дьявола, еще более страшного, чем его раскрашенные союзники, дикари... А он стоял перед ней точно каменное изваяние, терпеливо снося удары.

Тяжесть мушкета в конце концов обессилила девушку, и она уронила его снова на пол. Она ухватила за топорик и, видя, что Джимс не сопротивляется, вырвала оружие из его рук и занесла над головой, издав при этом ликующий крик. Но еще раньше, чем топорик успел опуститься, Туанетта безжизненной массой рухнула на землю. Джимс опустился на колени, приподнял ее голову здоровой рукой и прижал ее к своей груди. А потом он наклонился и поцеловал бледные губы, бешено поносившие его за минуту до этого.

ГЛАВА X

Придя в себя, Туанетта обнаружила, что она одна. Ей казалось, что она очнулась после долгого сна и стены, которые окружали ее, были стенами ее комнаты в замке. А потом она вдруг все вспомнила и быстро села, ожидая увидеть Джимса. Но его не было. Она также заметила, что лежит не на том месте, где упала, так как Джимс удобно устроил ее на груде пустых мешков. Взгляд ее упал на мушкет, на кровавые пятна на полу, и она вздрогнула. Она пыталась убить его, а он ушел, оставив ее в живых!

Как это случилось раньше с Джимсом, так и у нее в душе точно что-то выгорело, и там осталась лишь пустота. Туанетта поднялась на ноги с каким-то мертвым спокойствием, точно отшельница, свыкшаяся с окружавшими ее стенами. Все страсти улеглись и заглохли. Если бы желанием можно было убить человека, она не отказалась бы от мести Джимсу, но она ни за что не взялась бы снова за мушкет, лежавший сейчас на полу. Туанетта подошла к лестнице и помотрела вниз. Сын *этой* англичанки ушел, не оставив никаких следов, помимо кровавых пятен на ступеньках. На одно мгновение буйная радость охватила Туанетту при мысли, что ей удалось почти уничтожить одного из Бюлэнов, одного из тех, кто навлек тень смерти на ее дом. Но эта радость быстро испарилась. Красные пятна целиком овладели ее вниманием: Джимс Бюлэн, этот мальчик, ненавидеть которого ее мать учила с раннего детства, был сейчас на дворе, где находились тела близких ей людей. Мальчик, превратившийся в английское чудовище!

Ей хотелось снова вызвать в себе ненависть и желание убить, но эта попытка оказалась бесплодной. Она стала спускаться с лестницы, не сводя глаз с кровавых пятен и не слыша ничего, кроме скрипения мельничного колеса. В дверях она остановилась и огляделась. Повсюду расстилался белесоватый дым. В отдалении виднелась фигура человека, страшно сгорбившегося под какой-то тяжестью. За нею следовало какое-то небольшое существо. Туанетта поняла, что это Джимс со своей собакой.

Она долго смотрела на них, а когда несколько минут спустя дым скрыл их от нее, она направилась к тому месту, где находился раньше человек с собакой. Джимс, очевидно, заметил ее, так как он снова вернулся с Потехой, не оставившей ни на шаг. Он нашел где-то старую куртку и теперь уже не казался таким дикарем, как раньше, хотя его лицо, носившее следы ударов Туанетты, имело жуткий вид. Он тяжело дышал, но в то же время был совершенно бесстрастным, как в те минуты, когда Туанетта с такой не-

ненавистью обрушилась на него. Она хотела что-то сказать, когда он остановился возле нее. В сердце ее оставалось еще много яда, который она собиралась излить на него, но яд терял свою силу в этом безмолвии. В ее взгляде, когда они встретились глазами, не было ничего кровожадного, а только жалость. Она с трудом держалась на ногах и покачивалась от слабости, но он не сделал попытки поддержать ее. Он уже больше не был тем мальчиком, по отношению к которому мадам Тонтэр внушала ей ненависть. Он даже не был больше в ее глазах прежним Джимсом.

Но голос принадлежал ему.

— Мне очень жаль... Туанетта...

Джимс еле сознавал, что он произнес эти слова. Они отдались в его ушах так, точно вернулись вдруг назад из глубины далеких воспоминаний.

— Что вам тут нужно?

Она, казалось, задавала ему сейчас тот же вопрос, который могла бы задать в те годы, когда он маленьким мальчиком осмелился приходить в замок со своими глупыми подарками.

Вместо ответа Джимс повернулся в ту сторону, откуда он пришел, и протянул руку, жестом приглашая ее следовать. Она поняла, куда он зовет, и пошла за ним.

Достигнув того места, где она раньше издали увидела Джимса, Туанетта очутилась у могилы, которую молодой Бюлэн вырыл при помощи какого-то орудия, случайно найденного поблизости. Можно было бы сказать, что у Тонтэра, лежавшего в этой могиле, был довольный вид. Джимс так прикрыл его голову, что Туанетта не могла видеть окровавленной макушки. Она опустилась на колени возле тела отца, а Джимс отошел назад на несколько шагов, считая, что было бы кощунством с его стороны, если бы он со следами побоев, оставленными ею у него на лице и на теле, оставался рядом.

Он ждал, внимательно приглядываясь к горизонту, уже несколько очистившемуся от дыма. Смерть однажды прошла здесь, и можно было ожидать, что она снова вернется по своему кровавому следу. Он не мог не думать об этом, видя Туанетту у трупа Тонтэра. Прошло много времени, прежде чем она поднялась на ноги и посмотрела на него. Она не плакала. Ее бездонные глаза сверкали на фоне мертвенно-бледного лица. Юноша точно зачарованный смотрел на ее красоту, меж тем как Туанетта вскрикнула от ужаса при виде его окровавленного тела, когда он, сняв куртку, прикрыл ею Тонтэра.

Она не произнесла, однако, ни слова и молча следила за движениями Джимса, пока он засыпал землею тело ба-

рона. Когда он кончил, Туанетта пошла вместе с ним назад к мельнице, где он взял свой лук. Между прочим, он обнаружил, что тело, которое он принял за труп Туанетты, принадлежало жене юного Пьера Любека.

Он вернулся к Туанетте и во второй раз заговорил с нею. Его губы страшно распухли от ее ударов, огромный синяк меж глаз, оставленный ее первым ударом, принял зловеще-черный оттенок. Тряпка, которой он перевязал раненую руку, пропиталась насквозь кровью. Боль физическая и душевная сказывалась в выражении его лица и глаз.

— Я должен буду увести вас отсюда, — сказал он. — Теперь не время скорбеть об убитых. Если *они* вернуться сюда...

— То *они* вас, во всяком случае, не тронут! — ответила она.

Джимс ничего не сказал и продолжал смотреть в ту сторону, где лежало озеро Шамплейн и куда ушел генерал Дискау со своими людьми.

— И они не тронут вашего отца, или вашу мать, или что-либо, принадлежащее Бюлэнам, — продолжала Туанетта. — Вас вознаградят за вашу преданность убийцам!

Джимс все еще молчал и, казалось, весь насторожился, точно ожидая услышать какие-то звуки. Голос девушки звучал спокойно и безжалостно, и ее нисколько не трогали следы ее ударов. Все же ему досталось меньше, чем ее близким, и только ее слабость помешала ей расправиться с ним по заслугам. Она видела, что Джимсу с каждой минутой становится все хуже и хуже, но в сердце ее не осталось жалости, равно как не было в нем желания жить. Она прекрасно понимала, куда он хотел повести ее. В свой дом, пощаженный кровожадными убийцами. К его матери, к этой красивой женщине, которой ее отец так доверял. К Анри Бюлэну, к предателю, продавшему свою честь и отчизну за англичанку. И снова с ее уст полились жестокие слова, имевшие целью уязвить его возможно более:

— Уйдите! Ваши отец и мать ждут вас. Уйдите и оставьте меня! Я предпочитаю дожидаться здесь ваших друзей-индейцев. И я нисколько не жалею о своей попытке убить вас.

Джимс отправился к тому месту, где лежал бедный Родо. Он снял с него куртку, сшитую матерью идиота. Несчастный очень любил цветы, и в петлице сейчас еще красовалась герань. Джимс взял цветок и положил его на грудь убитого. Вернувшись к Туанетте, он сказал:

— Нам нужно идти. Мне необходимо вернуться к отцу и матери.

Он шатаясь двинулся в путь, и в глазах у него все двоилось и плясало. В голове он ощущал такую боль, точно туда попала большая заноза. Туанетта, следовавшая за ним, понимала, что это результат ее ударов, от которых он даже не сделал попытки защитить себя. Она шла за ним, словно ее волокли цепями, но вскоре тяжесть этих цепей перестала чувствоваться, и ей стало легче идти. Один раз, когда ее спутник споткнулся и чуть было не грохнулся, она еле сдержала крик. Возле Беличьей скалы они остановились, и Джимс сказал, обращаясь скорее к Потехе, чем к Туанетте:

— Они там, внизу!

Он достал из-за пояса топорик и уже не выпускал его больше из рук. Они пересекли прогалину, где Джимс когда-то убил «Поля Таша», и миновали густые заросли кустарника. Вскоре они углубились в великое безмолвие большого леса, и Потеха, которая все время держалась между Джимсом и Туанеттой, подошла к последней и снова коснулась мордой ее руки.

На этот раз девушка не отдернула руку.

Когда они достигли вершины холма, Джимс, казалось, совершенно забыл о присутствии Туанетты и начал спускаться по склону, напоминая высокое худое привидение. Девушка остановилась и вперила взор в то место, где должен был находиться дом Бюлэнов. Крик ужаса вырвался из ее груди.

Джимс ничего не слышал. Он только видел перед собой розовые кусты, под которыми лежало тело его матери. Он напрямик направился туда, забыв обо всем на свете. Он снова опустился возле него на колени и оставался несколько минут в таком положении. Он ласково провел рукой по ее лицу, а потом поднялся и направился к телу отца. Потеха не отставала ни на шаг. Джимс нашел лопату и вернулся к тому месту, где лежала Катерина Бюлэн.

Его мать была не одна. На коленях возле нее стояла Туанетта и прижимала к себе голову убитой англичанки. Увидев Джимса, она посмотрела на него с вызовом, в котором таились и жалость к нему, и мольба о прощении. А потом она поникла головой, и ее волосы окутали лицо Катерины.

ГЛАВА XI

Было уже далеко за полдень, когда они покинули долину, и Туанетта шагала, взявшись за руку Джимса. Они ходили в эти минуты на мифологических богов, готовых

встретиться со всеми опасностями дикого мира. Джимс чувствовал себя значительно лучше. Рука его была перевязана руками не менее нежными и заботливыми, чем руки покойной матери. Жгучие слезы из глаз Туанетты, падавшие на его простреленную руку, утолили физическую боль. Слова, произнесенные голосом, какого он не слышал в жизни, слова, молившие о прощении за многие годы несправедливого отношения, дарили его истерзанной душе мир и покой.

Туанетта, шагавшая рядом с ним, снова стала Туанеттой, о которой он грезил в детстве. Он мог бы принять ее за ту же девушку, которую он видел на ферме Люссана, только сейчас у нее был не такой великолепный вид в этом измазанном и разодранном платье. Они миновали цветник Катерины Бюлэн, в котором еще рдели некоторые цветы, обогнули свекольное поле, где богатый урожай дожидался первых заморозков, которые придали бы корнеплодам больше сладости, пересекли новую прогалину, где валялись в изобилии пни, приготовленные для зимней топки очага, и на одном из пней Джимс заметил наполовину законченную трубку дяди Эпсибы, сделанную из стебля кукурузы.

Джимс остановился и огляделся вокруг. Он уже готов был крикнуть и позвать дядю Эпсибу. Сколько раз в лесах раздавалось эхо, повторявшее многими голосами его оклик, прежде чем до него доносился ответный крик. Но теперь там царило безмолвие.

Невольно он перевел взгляд на красивую головку девушки и встретился глазами с Туанеттой. Даже глаза его матери не были так бездонно глубоки и нежны, подумал он при этом.

— Надо полагать, что они захватили моего дядю вот там,— сказал он, указывая кивком головы на лес за таинственной долиной.— Он успел только подать нам сигнал, а потом его убили. Если бы не вы, я пошел бы туда и разыскал его тело.

— Я пойду с вами,— сказала Туанетта.

Джимс повернул, однако, на запад и ни разу не оглянулся на пепелище родного дома, ни разу не выдал рыданий, клокотавших у него в груди. Через некоторое время он заговорил с Туанеттой, точно она была ребенком, а он взрослым человеком, объяснявшим ей что и как. Он в первый раз описал ей, как дикари пришли в его отсутствие, очевидно очень спеша, так как в противном случае они не оставили бы всех запасов на ферме. Он тоже предполагал, что их было столько, сколько насчитала Туанетта из своего убежища. Джимс был убежден, что они не пошли даль-

ше в долину Ришелье, а повернули назад, через неизведанную долину в страну могауков. Таким образом, необходимо держать путь на запад, чтобы не очутиться на пути индейцев, отбившихся от отряда, а затем идти на восток к ферме Люссана. Скоро они будут в лесу столь густом, что в нем при дневном свете царит мрак, и где множество тайных тропинок, хорошо ему знакомых.

Завтра или послезавтра он доставит Туанетту невредимой на одну из ближайших сеньорий, а там она уже найдет возможность добраться до Квебека, где у нее были друзья. Сам же он присоединится к войску генерала Дискау и будет драться с англичанами. Самое важное — это добраться до фермы Люссана, пока не наступила ночь. Индейцы туда не пойдут, так как они верят, что в таких заброшенных местах водятся духи. Случись им ненароком наткнуться на запущенную ферму, они поспешат пройти мимо.

Все это Джимс говорил деловым тоном, спокойно и бесстрастно. Ему очень хотелось расспросить Туанетту, что случилось в замке, как она очутилась на мельничной башне, где ее мать, но он сдерживал себя, решив, что раньше всего нужно дать зажить ее душевным ранам.

В большом лесу царило еще более глубокое безмолвие и со всех сторон их окружал полумрак. Солнце уже заходило. Под ногами у них была непроторенная тропа, бесконечный, губчатый, неровный ковер, который не издавал ни одного звука. Они продолжали путь, держась за руки. Когда их поглотил мрак, Туанетта шепотом спросила:

— Рука еще болит, Джимс?

— Нет. Я давно забыл о ней.

— А голова... там, где я ударила?

— И это тоже я давно забыл, — снова ответил он.

Что-то такое коснулось его плеча; он знал, что это, и сердце его радостно заколотилось. Такое же ощущение, как сейчас, было бы у него, если бы рядом с ним шла его мать, ища в нем защиты. Раза два в течение последнего часа Потеха вдруг останавливалась и издавала грозное рычание, что свидетельствовало о наличии опасности где-то поблизости. Джимс напрягал слух и зрение, и каждый раз, когда он останавливался, он снова чувствовал какое-то прикосновение у плеча.

Они попали на тропинку, протоптанную оленями, и, следуя по ней, очутились на равнине меж двух холмов, где, очевидно, несколько лет тому назад произошел страшный пожар. Дорога шла все время между кустарниками и молодыми деревцами, чуть повыше Джимса. Лучи звездного неба озаряли нежным сиянием гладкие волосы Туанетты и лицо Джимса, на котором ясно выступали следы от ран,

нанесенных его спутницей. Достигнув вершины последнего холма на севере, они сделали привал, чтобы отдохнуть. Тогда Джимс понял, что означало это странное ощущение у плеча, когда они шли темным лесом. Это Туанетта прижималась к нему щекой.

Он почувствовал, что она дрожит всем телом. Когда девушка подняла глаза на него, ее взгляд остановился на багрово-темном синяке от удара стволом мушкета. Они возобновили путь и немного спустя очутились на заглощенной дороге, которая вела к полям Люссана. По этой дороге когда-то проезжала маленькая принцесса в сопровождении Тонтэра и Поля Таша. А сейчас эта самая «принцесса» шагала рядом с ним, с трудом волоча усталые ноги. Силы ее иссякли. Платье было разодрано кустами, а тонкая подошва туфелек почти насквозь протерлась. Когда они подошли к старому дереву, укрывшись за которым Джимс когда-то следил за нею, он почему-то ей рассказал об этом. Но он тотчас же пожалел, так как в ответ услышал рыдания. Однако она взяла себя в руки и удержала слезы, как только они приблизились к лужайке, в конце которой маячили руины дома. Оба они были до такой степени измучены и душой и телом, что думали лишь о конце странствований и о возможности отдохнуть. Это было отчасти возвращением в дом, о котором они забыли. Ферма Люссана вызывала в уме воспоминания о надеждах, ликованиях и горечи разочарования, и все это вместе создало теперь впечатление радужного приема, несмотря на пустынный вид местности. Туанетта чуть было не улыбнулась, точно она и сейчас видела перед собой мадам Люссан, звавшую ее вниз, словно она слышала веселые голоса мужчин, громкий смех отца и оглушительные выкрики аукциониста. Казалось, все это было еще вчера, а между тем дом успел превратиться в безжизненные руины, вокруг которых все пышнее разрастались травы и кустарники, образуя сплошные джунгли.

Оба они снова стали детьми, которым доставляли удовольствие эти места, так тесно связанные с их прошлым. И звезды, и кузнечики, и сухая трава, и ветерок в деревьях — все как будто прислушивалось к их осторожным шагам. Через дорогу пробежал кролик. Филин слетел с крыши. Летучая мышь пронеслась над ними, кружась спиралью. Острые колючки цеплялись за их одежду и обувь. Но зато они чувствовали себя в безопасности. Сразу куда-то исчезло невыносимое напряжение нервов, глаз и мозга. Дверь была открыта. Звезды, точно серебристый свет свечей, озаряли пол. Они вошли и некоторое время стояли молча, как

бы прислушиваясь к чьим-то голосам, словно ожидая приближения людей, потревоженных во сне их вторжением.

— Обождите меня здесь,— сказал Джимс.— Я сейчас принесу охапку сена.

Один из фермеров из сеньории Тонтэр косил траву на лугу, принадлежавшем когда-то Люссану, и Джимс накануне видел стог сена, к которому он сейчас направился. Он вернулся в дом, неся огромную охапку, устроил в одном углу постель, и Туанетта без сил рухнула на нее. Прикрыв ее курткой отца, захваченной им с собой из долины, он вместе с Потехой вышел из дома. До его слуха донеслись рыдания девушки, которая дала волю слезам, чтобы хоть немного излить наболевшую душу. Горло Джимса конвульсивно сжималось, в глазах у него жгло. Так и хотелось ему позвать мать. Он тоже мог бы найти облегчение в слезах. Но он был мужчиной и овладел собой. А Потеха чутко и зорко следила за всем окружающим.

Прошло довольно много времени, но наконец в доме стало тихо, и Джимс понял, что Туанетта спит. Он вошел, не производя шума, поправил куртку, которой она была накрыта, снял с ее лица сухую пылинку и робко провел рукой по ее шелковистым волосам. Губы его беззвучно шептали что-то. Он осторожно прикоснулся губами к волосам спящей, а потом опять вышел из дома. Он уселся на земле, спиной к двери, а лук с колчаном и английский топорик положил рядом, чтобы и то и другое можно было взять в любой момент. Мертвая тишина начала сказываться на нем, и все труднее становилось бороться с желанием закрыть глаза и уснуть. Потеха ловила каждый звук и время от времени щелкала зубами. Боясь поддаваться искушению, Джимс поднялся на ноги.

Час за часом сторожили человек и собака, обходя порою окраины лужайки, присматриваясь к каждой тени, подвигаясь так же бесшумно, как филин, пролетающий иногда над ними. Один раз Джимс взобрался даже на дерево, желая убедиться, не видно ли где-либо костра. А потом он опять возвратился в дом, чтобы взглянуть на Туанетту.

Было уже за полночь, когда Джимс снова опустился на траву, и вскоре звезды уже смеялись над ним, точно это они заставили его глаза сомкнуться. Потеха тоже положила голову между передними лапами, глубоко вздохнула и погрузилась в сон. Даже летучие мыши, утомившись, спрятались в хлеву. Звезды начали меркнуть, и мир погружался в еще более глубокую тьму. Мертвую тишину пререзал один раз вопль кролика, попавшегося в когти сове, и Потеха, в ответ на этот крик, завизжала, но это не разбудило Джимса...

Он снова был дома, там, в маленькой долине. Вокруг него цвели яблони, солнце ярко сияло в небе, и рядом с ним стояла мать! Вот они оба опускаются под дерево, утомившись после долгого собирания яблок. Они отдыхают, пока Анри Бюлэн везет вниз полную телегу собранных ими плодов. Возле самого дома дядя Эпсиба работает у пресса для приготовления сидра. Голова матери касается его плеча, и Джимс чувствует на своем лице ее мягкие волосы. Как они хохотали, глядя на уставившуюся на них белку, у которой за щеками было запрятано столько орехов, что, казалось, она больна свинкой. А потом вдруг черная туча застлала небо, но отец и дядя Эпсиба так и застыли оба на своих местах — один на полпути с холма, другой у пресса для сидра. А белка все глядела на них с полным ртом...

Сделав над собой усилие, Джимс проснулся. У его ног лежала Потеха, кругом не видно было ничего, кроме густо разросшегося кустарника, — ни яблонь, ни дома, ни пресса, ни дяди Эпсибы. Это была заброшенная ферма Люссана. Заря уже занималась. Внезапно он почувствовал какую-то тяжесть у себя на груди, и к лицу как будто прикоснулись мягкие волосы матери. Но это была не его мать. Это была Туанетта, которая села рядом с ним во время его сна. Голова ее покоилась у него на груди, а его рука обвила ее плечо, как он недавно сидел со своей матерью. Она не проснулась, когда он зашевелился, но ресницы ее задрожали, когда его рука крепче прижала ее. Он наклонился и поцеловал ее, и тогда она открыла глаза. Он снова поцеловал ее, но, по-видимому, Туанетта не видела ничего страшного в этом. Только глаза ее радостно улыбнулись ему.

А потом она выпрямилась и посмотрела на небо.

Утренний воздух был до того свеж, что девушка вздрогнула. На траве и на кустах лежал иней. Куртка Анри Бюлэна, которую она захватила с собой, соскользнула с ее плеч, и Джимс поправил ее. Затем они встали, чувствуя, что силы вновь вернулись к ним. В продолжение нескольких минут оба молчали. Вдали пронзительно закричала сойка, а на лугу собрались вороны. Дятел, долбивший дуплистое дерево, производил такой же звук, как молоток плотника.

Туанетта несколько не стыдилась того, что она сама пришла к нему, что тем самым она отреклась от своей гордости и предрассудков, так долго таившихся в ее сердце. Глаза ее светились мягким светом, исходившим из бездонных глубин горя и душевной муки, а Джимсу казалось, что в душу его проникло что-то новое, неизведанное, отчасти

напоминавшее ликование победителя. Он вдруг очутился в новом мире. Перед ним лежала бесконечная тайна. Теперь у него было ради чего бороться, ради чего жить. Сердце его трепетало от новых обуревавших его чувств, бросающих ему вызов. Вчерашний день, полный мучительного горя и трагедии, остался далеко позади, а на смену ему явилось «сегодня» вместе с Туанеттой...

* * *

С того момента, когда они встали с земли, Потеха оставалась в одной и той же позе, застыв точно деревянная среди подернутой инеем травы и не сводя глаз с луга Люссана. Она почуяла что-то подозрительное и теперь жадно втягивала в себя воздух. Внезапно послышался гулкий вопль сойки и тревожное карканье ворон. Над верхушками деревьев захлопали крылья. Еще одна и еще одна птица присоединили свой голос к первой... Потом тревога прекратилась, — но лишь после того, как крик одной из птиц был прерван каким-то свистящим коротким звуком.

— Это была стрела, — сказал Джимс и тотчас же приготовил свой лук. — Мне не раз приходилось убивать сойку из-за ее шумливости, когда я охотился за крупной дичью.

Потянув за собой Туанетту в дом, он позвал Потеху. Через несколько минут он увидел отряд могауков, появившихся на лугу Люссана.

ГЛАВА XII

При виде этих посланцев смерти, возвращающихся по своим следам, Джимс не почувствовал на малейшего страха. Ему ничего так не хотелось, как выбежать из дома с топориком в руках и вступить в бой за любимую девушку, и его нисколько не страшила мысль быть изрубленным томагавками дикарей. Туанетта вовремя удержала его от безумного поступка, который он собирался совершить, так как Джимс даже натянул тетиву своего лука. Издав легкий крик, она оттащила его от полуразрушенной двери внутрь дома и там обхватила его шею обеими руками. Она прочла в глазах Джимса ту же жажду мести и крови, что и в тот момент, когда он, в ответ на ее выстрел, вбежал на мельницу с занесенным над головой топориком.

— Джимс, дорогой, мы должны укрыться! — взмолилась она. — *Мы должны укрыться!*

Юноша не подумал в тот момент, что смешно даже на-

деяться спрятаться от индейцев, когда на покрытой инеем земле так отчетливо видны были следы их ног.

— Я знаю место, где мы можем спрятаться! — шептала Туанетта. — Пойдем скорее!

Она побежала вперед, а Джимс с Потехой последовали за ней в соседнюю комнату, где виднелась жалкая лесенка, готовая в любой момент рухнуть. Поднимаясь по ней, они осторожно заглянули в окошечко и увидели, что краснокожие воины остановились в самом конце лужайки. Они стояли точно окаменевшие и прислушивались. Верхняя часть их тел оставалась еще непокрытой до наступления холодов. Туанетта не позволила Джимсу долго задерживаться и потащила его дальше по скрипящим ступенькам. Но даже глядя сверху, Джимс издали видел следы, оставленные их ногами на земле. Судьба их предрешена, если только могауки подойдут ближе. Но, принимая во внимание, что им пришлось бы подниматься по узкой лестнице, он был уверен, что каждая из его двадцати стрел найдет себе жертву.

Туанетта провела его в крохотную комнату на самом верху, тотчас же подошла к одной из стен и вытащила оттуда нечто вроде втулки. Через образовавшееся отверстие под самой крышей они могли следить за каждым движением индейцев.

— Мадам Люссан привела меня в эту каморку после твоего сражения с Полем, — шепнула девушка... — Я здесь сбросила с себя загаженный костюм для верховой езды.

Даже сейчас, несмотря на грозившую им смертельную опасность, она с дрожью в голосе говорила об этом далеком воспоминании детства. Джимс не спускал глаз с могауков, которые все еще не двигались с места. Было ясно, что они совершенно неожиданно для себя набрали на заброшенную ферму. Человек двенадцать воинов стояло на лужайке, поближе к дому, и двенадцать пар глаз уставилось на дом, в котором притаились два человека с собакой. Джимс обратил внимание на то, что индейцы с явной подозрительностью смотрели на дом, но тем не менее ни одна рука не потянулась за топориком, луком или ружьем. Это заставило его шепнуть прижавшейся к нему Туанетте:

— Они видят, что ферма давно уже заброшена. Если они не обнаружат следов наших ног, то ближе не станут подходить. Гляди, Туанетта! — вырвалось у него. — С ними белый человек. По-видимому, пленник. У него на шею накинута аркан...

Он умолк, так как среди дикарей произошло небольшое движение, словно чья-то команда снова вернула их к жизни. Вожак, стоявший поближе, гигант с тремя орлины-

ми перьями на голове, раскрашенный в красные, черные и ярко-желтые цвета, с поясом, густо усаженным скальпами, сделал шаг вперед. Один из скальпов имел длинные шелковистые волосы, и Туанетта мысленно поблагодарила судьбу за то, что эти волосы были совершенно светлые, а не темно-каштановые, как у Катерины Бюлэн. Однако вид этих свежих, по-видимому, скальпов вызвал у нее тошноту и головокружение, и она закрыла глаза.

Когда девушка через несколько секунд открыла их, она увидела, что могауки, человек сорок в общей сложности, тянутся длинной цепью следом за вождем. Они прошли шагах в ста, не более, от того места, где когда-то жил Люссан, бросая по пути опасливые взгляды на заброшенный дом. У многих из воинов виднелись на поясах свежие скальпы. Среди краснокожих рельефно выступали фигуры двух белых и одного мальчика, шагавших с руками, связанными за спиной, и с арканами, накинутыми на шею каждого. Случись отряду пройти чуть правей, и от них не укрылись бы отчетливые следы человеческих ног, оставленные на заиндевевшей земле.

Лишь тогда, когда деревья по другую сторону лужайки поглотили последнего из могауков, Туанетта повернула голову к Джимсу. Дикари прошли, не производя ни единого звука своими ногами, обутыми в мокасины. Судя по следу, оставленному на сухой траве, можно было бы сказать, что тут было человека три, не более. Природа, казалось, замерла, едва они появились. Вороны и сойки перебрались на более безопасное место, дятел перелетел на другое дерево. Даже мыши на чердаке старого дома перестали шмыгать во все стороны. Ни звука, кроме бешеного биения трех сердец — двух людей и одной собаки.

Джимс первый прервал молчание.

— Я готов поклясться, что среди дикарей был один белый. И не пленник, а свободный человек. А на поясе у него болтались скальпы с длинными волосами.

— Я тоже видела человека с белой кожей и светлыми волосами, но полагала, что зрение меня обманывает, — сказала Туанетта.

— Наверное, англичанин, — тихо произнес Джимс. — Кровожадный, алчный убийца, из тех, про которых мне рассказывал дядя Эпсиба.

— Как знать, — сказала Туанетта. — Это мог быть и француз.

А потом она пристально посмотрела ему в глаза и потянулась к нему губами.

— Поцелуй меня, Джимс. О, если бы ты знал, как мне

больно, что многое так нехорошо вышло! — вырвалось у нее.

Высвободившись затем из объятий Джимса, она первая стала спускаться по скрипящей лестнице.

Они не сразу вышли из дома и, остановившись в дверях, начали прислушиваться, меж тем как Потеха не спускала глаз с лесистой каймы лужайки. Только теперь, казалось, земля снова ожила. Целая стая каких-то маленьких пичуг расселась в кустах, а по крыше забегала красная белка. Дятел вернулся к своему дуплу и принялся долбить его носом, добираясь до личинок. Потеха зашевелилась и издала звук, похожий на вздох облегчения.

— Они ушли, — сказал Джимс. — Но всегда надо рассчитывать, что кто-нибудь немного отстал, и лучше не показываться так скоро.

Теперь им стало легче говорить о том, что произошло накануне. Время несколько сгладило остроту пережитого. Столько событий случилось в продолжение одного дня! Невольно казалось, что прошло уже много недель и дней и все это осталось далеко позади. Туанетта принялась рассказывать трагедию, разыгравшуюся в замке Тонтэр. Ее мать, как оказалось, уехала в Квебек за два дня до набега индейцев. Пьер Любек ушел с генералом Дискау, и Элоиза, его молодая жена, переселилась к Туанетте. Они спали, когда нагрянули краснокожие, и, по мнению девушки, большая часть кровопролития завершилась еще раньше, чем она проснулась, и раньше, чем был произведен хотя бы один выстрел. А потом началась стрельба, и в доме послышался зычный голос барона. Обе женщины уже успели выскочить из постели, когда Тонтэр вошел и приказал им одеться и оставаться в комнате. Туанетта не имела понятия о том, что случилось, пока не выглянула в окно и не увидела человек сто дикарей, почти совершенно голых, бегавших повсюду. Она кинулась следом за отцом, но тот уже убежал. Когда она вернулась в комнату, Элоизы уже не было, и больше она ее не видела.

Слыша душераздирающие крики и вопли, Туанетта ослушалась приказания отца, наскоро оделась, спустилась вниз и стала звать отца и Элоизу. Передняя часть дома была вся окутана дымом, среди которого вырывались языки пламени, а когда девушка повернула было к помещению, занимаемому слугами, пламя преградило ей путь. Никто не отозвался на ее крики. Тогда она вспомнила про мельницу: отец неоднократно говорил ей, что каменная мельница не боится ни огня, ни пуль. Спустившись в подвал, она ползком пробралась через узкий подземный ход в темный погреб, сложенный из дерна и камней и служив-

ший для хранения плодов и овощей. Она долго лежала спрятавшись там, а потом собралась с духом и приподняла маленькую дверку.

Очевидно, страшное дело было доведено до конца, так как все вокруг пылало, а жуткие крики дикарей доносились уже издалека, — по-видимому, у домиков несчастных фермеров сеньории. Когда Туанетта некоторое время спустя выбралась из своего убежища, она наткнулась прежде всего на тело старого мельника Бабена, павшего с оружием в руках. Взяв у него мушкет, она отправилась на башенку мельницы и после этого уже не видела больше ни одного индейца. Голова у нее закружилась, и она почти без сознания свалилась на пол. Когда она снова выглянула из окошечка, она заметила четырех человек, направлявшихся с юга. Туанетта была уверена, что то были белые, но она боялась показаться им, так как вид у них был страшный. Они походили на кровожадных чудовищ. И после того, как девушка видела белого среди краснокожих воинов, она не сомневалась больше, что эти люди принадлежали к отряду кровожадных индейцев, и она правильно поступила, не выдав себя. Убедившись впоследствии, что мушкет Бабена заряжен, она пожалела, что не воспользовалась им, чтобы убить хотя бы одного из палачей. И потому-то она и стреляла в Джимса, что приняла его за одного из убийц, задержавшегося на территории сеньории.

Джимс некоторое время хранил молчание, когда выслушал ее повесть. Потом он рассказал ей, как он отправился на ферму Люссена, как он мчался потом домой и что он там нашел. К концу рассказа он заговорил о дяде Эпсибе.

— Надо полагать, что он обнаружил присутствие могауков на отдаленной окраине долины и тотчас зажег огонь, так как постоянно советовал мне следить за этим сигналом. А потом он, вероятно, сделал попытку добратся до нас, и его убили.

— Но могло ведь случиться, что ему удалось бежать, — сказала Туанетта.

Джимс отрицательно покачал головой.

— Нет, он убит. В противном случае он пришел бы к нам.

Он говорил с такой же уверенностью о гибели дяди, как Туанетта о смерти отца и Элоизы. Никак не могло случиться, чтобы Эпсибе удалось бежать. Их собственное спасение было, в сущности, каким-то чудом. Зато теперь у них будет свободный путь впереди, и им удастся добратся до друзей. Индейцы не будут далеко забираться из опасения, что генерал Дискау, проведав об их присутствии на терри-

тории Новой Франции, пошлет отряд, чтобы отрезать им путь к отступлению. Юноше не приходила в голову мысль, что Дискау мог потерпеть поражение, как это на деле и было.

Из мешка, висевшего у него у пояса, он достал несколько яблок и пару спелых, сочных реп и заставил Туанетту съесть одно яблоко, что она сделала чрезвычайно неохотно. Только откусив кусок яблока, Джимс сообразил, сколько времени уже не видел пищи. Он начал излагать девушке свой план дальнейших действий. Они пойдут мимо старого сада и хлева, сделают несколько миль на запад, и лишь тогда уже можно будет повернуть на север. Придется провести одну ночь в лесу, но Джимс не сомневался, что ему удастся хорошо устроить Туанетту на ночлег. Его очень беспокоило состояние ее туфель, которые не были приспособлены для таких странствований и грозили полопаться по всем швам. Он постарался как-нибудь стянуть их ремешками от своих собственных мокасинов. Туанетту несколько не тревожил вопрос о том, где она будет ночевать и что она наденет на ноги, но она внимательно слушала Джимса, и в глазах ее горел новый огонь. Ей было приятно, что он так уверенно и умело строит планы и заботится о ней.

Когда они возобновили путешествие, он пошел немного впереди. Пройдя густо заросшую тропинку, они достигли кустарника, пышно разросшегося вокруг хлева, и Джимс невольно задал себе вопрос, вспоминает ли Туанетта, что разыгралось на этом самом месте шесть лет тому назад. Он шел, держа наготове лук со стрелой, но вдруг толстый сучок вырвал оружие из его рук, и лук выскользнул на землю. Юноша собрался было наклониться за ним, но в этот момент до него донесся полный ужаса крик девушки.

Шагах в восьми или десяти от них стоял полунагой дикарь, весь раскрашенный, как и все индейские воины, но Джимс тотчас же узнал в нем того белого, которого он и Туанетта заметили среди могауков. В первый момент юноша почувствовал облегчение, но потом у него в голове пронеслась страшная мысль: белый — охотник за скальпами! Один из тех презренных, что охотились за человеческими волосами, поощряемые золотом, получаемым от своих соотечественников! Сколько раз приходилось ему слышать, как дядя Эпсиба сыпал проклятиями по адресу этих подлых чудовищ. Это были звери, более жестокие и кровожадные, чем тигры, дьяволы в образе человеческом. И сейчас прямо перед ним стоял один из них. Этот человек был раскрашен, все его тело было натерто жиром, но он был

белый. Его волосы были светлые, а глаза голубые. У него было ружье, топорик и нож, а у пояса болтался скальп, снятый с головы женщины, и другой, крохотный, очевидно с головы младенца.

Все эти детали запечатлелись в глазах Джимса еще до того, как затихло эхо, вызванное криками Туанетты. Преимущество было на стороне белого дикаря, и когда Джимс сделал движение, чтобы быстро выхватить стрелу из колчана, тот вскинул ружье к плечу. Сообразив в то же мгновение, что положение безнадежно, Джимс сделал прыжок и швырнул тяжелый лук во врага. Это произошло раньше, чем белый дикарь успел спустить курок, и заряд пролетел над головой Джимса. Охотник за скальпами видел перед собой только юношу, почти еще мальчика, и безоружную девушку, а потому заранее торжествовал легкую победу. Но внезапно он очутился лицом к лицу с противником, обладавшим силой, которой в нем нельзя было ожидать. Джимс вцепился в горло врага, скользкое от жира, покрывавшего все его тело, и они вместе полетели наземь.

Снова и снова переворачивались они на земле, стараясь возможно крепче сжать друг друга и не дать противнику достать топорик или нож. Туанетта, с ужасом глядевшая на эту сцену, не могла временами разобрать, кто в этом клубке тел является ее защитником. Потеха, стоявшая с оскаленными клыками и оцетинив шерсть, тоже не могла принять участие в поединке.

Охотнику за скальпами удалось путем огромного напряжения мышц вырваться из объятий Джимса, и, вскочив на ноги, он выхватил из-за пояса топорик. В то же мгновение Потеха сделала прыжок, метя в горло врага, и топорик, который тот занес для удара, хватил собаку тупым концом по голове. Она безжизненно рухнула наземь.

Лязгающий крик вырвался из груди белого дикаря, так как теперь он находился в двух шагах от девушки, и юноша с топориком в руках не мог служить для него препятствием. Туанетта успела, однако, поднять с земли разряженное ружье кровожадного охотника и в два прыжка очутилась рядом с Джимсом. Последний кинул топорик в голову противника, а когда тот быстро наклонился, чтобы избежать смертельного удара, юноша подобрал с земли одну из рассыпавшихся во время схватки стрел и кинулся к своему луку.

Туанетта хорошо видела все, что произошло потом. Она увидела, как напряглось все тело Джимса, как кинулся на него продажный убийца, она услышала пение тетивы и различила стрелу, которая пронзила насквозь голубогла-

зого дикаря и, окровавленная, упала шагах в двадцати от места боя, завершив дело мести.

ГЛАВА XIII

Стараясь успокоить свою взволнованную и напуганную спутницу, Джимс в то же время думал о том, что выстрел убитого врага должен был долететь до слуха могауков. Туанетта не могла еще поверить, что опасность миновала, что отвратительный кровожадный зверь со скальпами уже не страшен им. Она еще больше воспрянула духом, когда увидела, что бедная собака, оглушенная ударом, пришла в себя и, с трудом поднявшись на ноги, подошла к телу убитого и обнюхала его.

Джимс собрал уцелевшие стрелы, а потом, колеблясь, посмотрел на ружье. Он взял его в руки, но потом снова бросил, а в ответ на удивленный взгляд Туанетты сказал:

— Мой лук более надежен. Он не производит шума, и я больше верю в него.

Они прошли мимо окровавленной стрелы, и Туанетта не смогла сдержать рыдание, вырвавшееся у нее из груди при виде ее. Вместе с тем она с бесконечной любовью и обожанием посмотрела на своего спутника, который в борьбе за нее одержал победу на том же месте, где он шесть лет тому назад дрался с Полем Ташем.

— Индейцы, без сомнения, слышали выстрел, и они вернутся,— сказал юноша.— Этот белый убийца каким-то образом догадался о присутствии людей в заброшенном доме и вернулся один, чтобы ни с кем не делиться трофеями...— невольно его взгляд задержался на волосах девушки, пышно рассыпавшихся по ее плечам, и он закончил:— Мы должны бежать.

Они прошли мимо хлева и направились через вспаханную когда-то землю. Потеха следовала позади.

— Неподалеку отсюда, на расстоянии меньше мили, тянется каменная гряда,— сказал Джимс, желая ободрить ее.— Если только нам удастся добраться туда, я знаю двадцать мест среди голых скал, где мы сможем укрыться и сбить дикарей со следа.

— Мы доберемся,— решительно произнесла Туанетта.

Юноша указал ей путь, и она пошла впереди. Джимс через каждые десять шагов оборачивался и смотрел вдаль. По холму, поросшему леском, где Люссан собирал топливо на зиму, Туанетта скользила быстро, точно лесная фея, ее распущенные волосы развевались от быстрой ходьбы. Вот это больше всего занимало Джимса, так как он с

дрождью вспоминал рассказы дяди Эпсибы о том, как белые — и англичане, и французы — превратили женские волосы в предмет торговли, и не один франт носил парик, сделанный из волос, снятых с головы женщины вместе с скальпом. Эта мысль страшно угнетала его.

Отсутствие выносливости в Туанетте вынудило их убавить шаг, когда они достигли каменистого склона, который вел на вершину гряды. Туанетта тяжело дышала и один раз остановилась будучи не в состоянии продолжать путь. Выражение ее лица, однако, ничем не выдавало физической слабости. На щеках ее горел румянец. Когда она оглянулась на то место, откуда они пришли, в ее глазах нельзя было прочесть страха, — наоборот даже, в них светился вызов.

А Джимсу каждая минута казалась вечностью. Он облегченно вздохнул, когда они добрались наконец до вершины гряды. В общем, это было скорее зубчатое, каменное плоскогорье, на котором кое-где росли кусты и чахлые деревья в тех местах, где земля была обнажена. Джимс пошел впереди, выбирая такие места, где он не рисковал сбросить камушек с пути или примять траву или землю между скалами. Вскоре плоскогорье стало просторнее и ровнее, так что было значительно легче идти. Южнее высилась еще одна гряда, еще уже первой, еще более скалистая и хмурая. Тем не менее Джимс свернул именно туда.

— Если дикари так далеко зайдут, то они будут думать, что мы выбрали более легкий и просторный путь, — пояснил он Туанетте. — Ты еще можешь немного потерпеть?

— Могу, — ответила Туанетта. — Меня только изнурил этот бег, а теперь я так же сильна, как и ты, Джимс.

— Немного дальше мы очутимся в безопасности, — сказал он. — Если только выдержишь, пока мы не будем там, за утесами...

Он не закончил фразы. Позади них раздался чей-то крик. Звук был негромкий, и слышался он отнюдь не близко, тем не менее он был до такой степени ясен и отчетлив, что источник его был не дальше ружейного выстрела от беглецов. В то же время в нем не чувствовалось угрозы. Джимс неоднократно слышал этот звук из уст Белых Глаз и Большой Кошки, когда те во время охоты давали подобный сигнал, и он знал, что это означает. Могауки были уже на первой гряде, и один из них окликал остальных, чтобы предупредить их о своем открытии. Джимс быстро повлек за собой Туанетту.

— Они, по-видимому, обнаружили какой-то след, оставленный нами, — объяснил он ей. — Возможно, что это

лишь царапина на скале от когтей Потехи или от гвоздика в твоих туфлях. Так или иначе, они знают, только, что мы были на гряде, и все же будут предполагать, что мы направились к равнине.

Туанетта ясно понимала, до какой степени он старается скрыть от нее близость неминуемой опасности.

— Мне случалось видеть, как индейцы ползают по скалам,— сказала она.— Они точно кошки, а я очень медлительна и неуклюжа. Ты способен продвигаться быстрее любого дикаря, а потому спрячь меня где-нибудь, а сам иди дальше. Я убеждена, что индейцы мне ничего дурного не сделают, если даже найдут здесь.

Джимс ничего не ответил ей. Они очутились близ скал, которые он видел еще издали. Лучшего места для убежища нельзя было представить себе. Повсюду зияли огромные пещеры, в которых не стоило труда спрятаться в надежде остаться незамеченными. Туанетта почувствовала, что в ней уже снова возродилась угасшая было надежда, и она пристально поглядела на Джимса, когда тот остановился, чтобы хорошенько присмотреться к тому месту, где они находились.

Шагах в десяти от них виднелись три огромных скалы на некотором расстоянии от других. По сравнению с прочими гигантами они казались совершенно ничтожными. Одна из скал раскололась, и верхушка ее образовала свод над двумя другими. Ни одно животное не стало бы прятаться здесь, а выбрало бы убежищем большой каменный курган.

— Вот тут мы и спрячемся! — сказал Джимс.— Скорей, Туанетта! Забирайся туда и держи Потеху при себе.

Сам же он принялся раскидывать большие камни возле кургана, сбрасывая некоторые из них в долину, а к концу он выпустил одну стрелу в подножие гряды. Туанетта в изумлении следила за ним, пока наконец Джимс почти суровым голосом не приказал ей спрятаться под камнем. Она тотчас же повиновалась. Джимс отправил следом за нею Потеху, сам же он лишь после больших трудов забрался внутрь. Но там оказалось значительно просторнее, чем он предполагал, и они могли даже присесть — на такую удачу Джимс не смел и надеяться.

— Раньше всего они найдут камни, которые я разбросал, и обыщут каждый дюйм огромного кургана,— объяснил он Туанетте.— Когда же они найдут стрелу, которую я выпустил в долину, то, надеюсь, они выведут заключение, что мы бежали в лес. Случись им даже дойти до этих скал, они едва ли будут искать здесь, а увидеть нас они ни-

как не могут, разве только кому-нибудь взбредет в голову заглянуть сюда.

В глубоком безмолвии они ждали, прислушиваясь к биению сердец. Луч света заглянул в расщелину между скалами, но не достиг углубления, в котором они притаились. Собака вздохнула и растянулась на земле, не спуская глаз с луча, но не шевеля ни одним мускулом. Дрожь пробежала по телу Туанетты, но тем не менее она прошептала:

— Я нисколько не боюсь.

Она услышала, как Джимс завозился со своим топориком, который он положил возле себя на камень. А потом вдруг раздался такой звук, точно кто-то снаружи осторожно выстукивал скалу палкой. К этому звуку прибавилось еще много таких же, и Джимс понял, что над головою снуют во все стороны ноги в мокалинах. К шагам присоединились также человеческие голоса, которые вдруг стали громче, и в них слышалось волнение. Туанетта тоже поняла, что происходило наверху, в нескольких шагах от них. Краснокожие обнаружили следы, оставленные Джимсом, на что последний и надеялся, и принялись обшаривать каждый уголок на кургане. Она устремила взор на трещинку в скале, через которую проникал луч света; время от времени чье-нибудь тело на мгновение затмевало свет. Шаги приближались, снова удалялись, голоса затихли, и наступило безмолвие, невыносимая тишина для напряженных нервов Туанетты. Опасность, которой нельзя было ни видеть, ни слышать, была тем страшнее, и каждую секунду девушка начинала уже думать, что вот-вот сейчас заползет в пещеру страшное чудовище и уставится на нее пылающими глазами.

Это чувство безотчетного ужаса пришло на смену страху и вызывало непреодолимое желание закричать. Она слышала голос Джимса, что-то шептавшего ей, но не в состоянии была уяснить себе смысл его слов, так как весь ее разум напряженно боролся с тем, что она считала трусостью.

Прошло не более пятнадцати минут этого напряженного безмолвия, но каждая секунда казалась вечностью. А потом снова послышались голоса, все громче и взволнованнее, и, наконец, раздался громкий крик, изданный, очевидно, тем из дикарей, который нашел в траве стрелу. Когда Туанетта решилась поднять голову, на каменной гряде не оставалось больше никого, кроме нее, Джимса и собаки.

— Они, вероятно, решили, что мы ушли в долину,— прошептал Джимс.

Туанетта предостерегающим жестом прикоснулась к

нему, и в то же мгновение юноша услышал звук, который она первая различила. Кто-то находился возле самых скал, под которыми они укрывались. И не один человек, а двое. Они говорили тихо, но голоса доносились отчетливо, и они находились в такой близости от беглецов, что своими телами затмили луч света, пробивавшийся через трещину в одной из скал. К великому удивлению своему, Джимс услышал не язык могауков, а тот, которому учил его дядя Эпсиба. Он готов был поклясться, что не кто иной, как могауки, прошли мимо фермы Люссана с белыми пленными, а это между тем были сенеки. Юноша затрепетал всем телом. Могауков он ненавидел, так как они были «красной чумой» всей пограничной линии и топорики их не знали пощады,— сенеков же он вдвойне боялся. Первые были кровожадными волками дебрей, последние — лисицами и пантерами. Первые действовали исподтишка, из-за угла, последние — точно молния, быстро проносящаяся мимо. Ему, возможно, удалось бы одурачить могаука, но сенеки были слишком мудры, чтобы дать себя провести.

Кровь остановилась у него жилах, в то время как он прислушивался к голосам. Один утверждал, что стрела — лишь хитрый трюк и беглецы находятся где-либо неподалеку. Второй настаивал на том, что большой курган не был тщательно обыскан, и он отправился туда, чтобы обнаружить какие-нибудь доказательства своей правоты. Первый из споривших остался, но ни Туанетта, ни Джимс не слышали ни одного его движения. Девушка даже подумала, что краснокожий приложился ухом к одной из скал и прислушивается, надеясь уловить биение их сердец, или же, напрягая зрение, всматривается в пещеру через трещину в скале.

Прошла целая вечность, прежде чем снаружи послышалось легкое движение, а потом скрежет металла: индеец, очевидно, прислонил свое ружье к камню. Джимс затаил дыхание, чтобы не пропустить ни звука.

Краснокожий заглянул в пещеру. Послышалось легкое ворчание, сенека растянулся на животе, должно быть сам себя упрекая за свою глупость, заставившую его копошиться на земле. Не иначе, как он сейчас встанет и уйдет... Прошла секунда, две... три... десять: Туанетта перестала дышать. Потеха тоже затаила дыхание, угадывая смертельную опасность, и как бы приготовилась к прыжку. Безмолвие превратилось в нечто осязаемое, точно насыщенное угрозой смерти.

Наконец послышался легкий звук, такой слабый, что его могла бы произвести прядь волос Туанетты, упавшая с

ее плеча на руку Джимса. Индеец просунул голову. Он прислушался, затем втянул воздух, потом стал продвигаться вперед, точно хорек, преследующий добычу. Сомнения быть не могло. Он знал, что кто-то скрывается под скалою, и со смелостью, свойственной только сенекам, шел один навстречу опасности, зная, что его может ждать смерть.

По всей вероятности, он был более крупных размеров, чем Джимс, так как каждый дюйм давался ему с трудом, а топорик производил звонкий шорох, касаясь камня. Правда, он теперь свободнее дышал, так как пришел, по-видимому, к убеждению, что может столкнуться лишь с каким-либо животным.

Джимс осторожно высвободился из рук Туанетты, прижавшейся к нему, и приготовился действовать. Их глаза несколько свыклись с мраком, и девушка видела, что он готов встретить смертельную опасность и вступить в борьбу, исход которой будет означать для них обоих жизнь или смерть. Как только голова сенеки покажется в пещере, Джимс разmozжит ее. Она видела топорик, занесенный для удара. Дикарь не успеет издать ни крика, ни даже стона. Послышится лишь отвратительный хруст...

Индеец теперь уже легче полз вперед, так как проход стал шире. Время от времени он издавал какой-то звук, свидетельствовавший о том, что он доволен собой. Он был твердо уверен, что ему достанется жирный барсук, ибо собака и барсук издают один и тот же запах. И он несомненно сам понимал, какую забавную картину представляет сейчас: воин, раскрашенный в боевые краски, с боевыми перьями на голове ползет в нору барсука!

Сперва показались перья, потом длинный черный хохолок, затем голая голова и, наконец, могучие плечи. Джимс призвал на помощь все свои силы и еще крепче зажал рукоятку топорика. Он почти закрыл глаза от ужаса, столь отвратительным казалось ему то, что он собирался сделать. Это нельзя было назвать борьбой — это было лишь хладнокровное кровопролитие.

Сенека повернул голову и слегка приподнял ее. Его глаза, привыкшие видеть ночью, хорошо различали внутренность пещеры. Он увидел белое лицо, высоко занесенный топорик, таивший в себе смерть, и ждал, точно застыв от неожиданности. Ни один звук не сорвался с его уст. Он понимал, что все его лесные боги не в состоянии будут теперь помочь ему. Глаза его пылали огнем. Он перестал дышать. Чувствуя смертельную опасность, нависшую над

ним, он, тем не менее, не испытывал страха, а был лишь изумлен тем, что попался в ловушку.

Прошла целая секунда, а топорик все еще не упал. В продолжение этой секунды Джимс встретился взглядом с краснокожим. И тогда юноша с отвращением выпустил топорик. Он схватил индейца за горло, и тот, не имея даже возможности обороняться, вскоре лежал неподвижной массой, хотя еще и живой.

Инцидент с индейцем кончился как раз вовремя, так как краснокожие следопыты поняли, что стрела послужила беглецам лишь для того, чтобы провести преследователей и выиграть время. Они снова вернулись на каменную грядку, и человек шесть вновь столпилось возле тех самых скал, где лежали Джимс и Туанетта. Потеха, наблюдавшая за драмой, разыгравшейся на ее глазах, прилагала все усилия, чтобы не выходить из повиновения своему господину. Несмотря на то, что ей не терпелось прийти на помощь Джимсу и вонзить клыки в индейца, она все же не шевельнулась и ни на дюйм не сдвинулась с места. Если нервы Туанетты были до того натянуты, что, казалось, они вот-вот не выдержат, то состояние собаки можно было сравнить с состоянием взволнованных индейцев, совещающихся у большого кургана. Глаза ее, сперва зеленые, потом красные, превратились в два пылающих фонаря. Клыки собаки были оскалены, челюсти поминутно смыкались, издавая звук кастаньет, сердце бешено колотилось...

Потеха смотрела на неподвижного индейца, понимая, что ее господин одержал победу. Внезапно до ее слуха донесли голоса возвратившихся с разведки индейцев. Бешеная злоба закипела в груди животного. Как ненавистен был собаке запах, доносившийся снаружи! Как ненавидела она тех, от которых он исходил. Совершенно неожиданно она издала страшное рычание, рев обезумевшего от ярости зверя. Руки Джимса и Туанетты слишком поздно потянулись к ее морде, чтобы остановить вой.

Дикарь, лежавший без чувств, зашевелился.

Снаружи воцарилась гробовая тишина.

Потеха поняла, что нарушила дисциплину, и замолкла. Индеец открыл глаза. Лежа прижавшись ухом к земле, он мог слышать звуки шагов вокруг пещеры, хотя они немногим были громче шелеста листвы. Совсем близко от себя он различил женщину с длинными волосами, и мужчину, прижимавшего ее к себе, того самого, который душил его. Он снова закрыл глаза, продолжая лежать неподвижно, но пальцы его незаметно потянулись по земле и наконец задержались на топорике, который белый человек уронил.

ГЛАВА XIV

Прошло несколько минут после того, как Потеха выдала присутствие беглецов, и Туанетта со своим спутником очутилась под открытым небом. Необычайные вещи произошли за этот короткий промежуток времени. Чьи-то невидимые руки вытащили молодого сенеку из глубины пещеры, потом послышались возбужденные голоса, сменившиеся тихим спокойным говором. Затем кто-то заговорил на ломаном гортанном французском языке, приказывая вылезать. Они повиновались, и Джимс вышел первым, за ним Туанетта, а последней Потеха, которая, казалось, знала, что она всему виною.

Они очутились перед отрядом в двадцать — тридцать индейцев, прекрасно сложенных, с пронизательными глазами, худощавых, — большею частью совсем еще молодых людей. Почти у всех на поясах красовались вражеские скальпы. Даже сейчас, в минуту смертельной опасности, Туанетта с восторгом смотрела на них. Они походили на гонцов, приготовившихся к состязанию. Они не были раскрашены, как могауки, и не были так оголены. Дикари в свою очередь не без восхищения смотрели на юношу с луком в руках и на девушку с шелковистыми, густыми волосами, едва веря своим глазам: столь юная пара чуть было не провела их всех, да еще успела взять в плен одного из них!

Впереди отряда стоял молодой краснокожий с фиолетовыми полосами на шее, точно там оставались следы от душившей его веревки, с двумя поломанными перьями на голове и с окровавленным плечом. Рядом с ним стоял пожилой индеец еще более могучего сложения, но с лицом, столь изборожденным глубокими рубцами, что оно напоминало страшную маску.

Он первым прервал молчание, обратившись к молодому воину на языке сенеков.

— Так это и есть тот юнец, который взял в плен моего храброго племянника, спасшегося лишь благодаря рычанию собаки?

Молодой индеец свирепо нахмурил брови, расслышав иронию в словах старшего.

— Он мог бы убить, но предпочел пощадить меня, — сказал он.

— В таком случае ты должен ему одно из твоих перьев.

— Я должен ему два пера. Второе девушке. Ее присутствие, я полагаю, остановило его руку, занесенную для удара.

Старый воин что-то проворчал, а потом сказал:

— Он на вид выносливый человек и сможет идти с нами. Но девушка точно надломленный цветок. Она будет нас задерживать в пути, а мы должны торопиться. Надо покончить с ней, а его мы возьмем с собой!

Услышав эти слова, Джимс испустил крик, и лица дикарей снова выразили крайнее изумление, когда он заговорил на их языке. Часы, проведенные в обществе дяди Эпсибы, и дружба с Большой Кошкой и Белым Глазом сослужили ему огромную службу в этот час. Он запинался, часто коверкал слова, делал большие пропуски, которые могло заменить лишь живое воображение индейцев, но все же он сумел рассказать всю свою повесть. Дикари слушали с большим интересом, что убедило Джимса в том, что этот отряд не имел никакого отношения к кровожадным убийцам, истребившим его родных и отца Туанетты. Указывая на девушку, он поведал о том, какая участь постигла ее близких, как они вместе бежали, как они спрятались в заброшенном доме, как его стрела пронзила белого охотника за скальпами, выстрелившего из ружья. Он молил за Туанетту, как когда-то его отец и Большая Кошка молили за собаку, прося пощадить ее.

Смуглый юноша со светлыми волосами и с длинным луком в руках представлял собой яркую картину отваги и красноречия, и это впечатление навсегда сохранилось в памяти Туанетты. Догадываясь, что он ведет борьбу за нее, она гордо приосанилась, подняв высоко голову, глядя бесстрашно и в упор на старого вождя краснокожих.

С почтительностью, достойной великого Тиоги, завоевавшего себе славу вдоль всей границы Новой Франции, вождь внимательно слушал, и там, где Джимс не в состоянии был найти подходящее слово, старый воин мысленно рисовал себе картину превратностей, выпавших на долю молодой пары. Едва Джимс умолк, он что-то сказал, и тотчас же двое индейцев бегом пустились вниз в долину по направлению к ферме Люссана. Он задал несколько вопросов, из которых Джимс понял, что сенеки лишь случайно услышали выстрел, так как они не подходили даже к ферме Люссана. Когда зашла речь об отряде могауков, изуродованное лицо вождя потемнело от ярости и стало еще страшнее. В этом сказалась вековая вражда между могауками и сенеками, несмотря на то, что и те и другие принадлежали к могущественному союзу Шести Народов. Уже одно то, что Джимс и Туанетта пострадали от могауков, говорило в их пользу.

Пораспросив пленного, Тиога снова обратился к юному воину, стоявшему возле него:

— Я думаю, что этот юноша лжет, а потому я отпра-

вил людей, приказав найти подтверждение его слов. Если это неправда, будто он пронзил стрелой одного из союзников могауков, он умрет. Если его слова подтвердятся, это послужит доказательством его правдивости во всем остальном и он пойдет с нами, также как и его спутница, — пока ее ноги не откажутся ей служить, а тогда придется ее убить!

Повернувшись к Туанетте, он на том же ломаном языке, на котором раньше приказал вылезать из пещеры, заявил:

— Если ты не в состоянии будешь поспевать за нами, ты умрешь!

Джимс подошел к ней, и девушка прочла в его взгляде мертвящий ужас, вызванный сомнением в ее силах и выносливости.

— О, ничего, я сумею, — тихо произнесла она. — Я знаю, о чем ты говорил и что они думают, но я выдержу. Я тебя так люблю, Джимс, что даже их томагавки не смогут убить меня!

Молодой воин, бывший пленник Джимса, приблизился к ним. Он был единственным другом среди всех, кто окружал их.

— Меня зову Шиндас, — сказал он. — Мы держим путь далеко, в местность, именуемую Ченуфсио. Много лесов, холмов и болот отделяют нас от цели. Я твой друг, так как ты позволил мне жить, и я должен тебе два пера из моего головного убора. Я забрал с собой твой топорик, чтобы лишить тебя возможности нанести удар и тем самым спасти от смерти. Ты любишь эту девушку. У меня тоже есть возлюбленная.

Слова воина не только вселили в душу Джимса надежду, но также ошеломили его. Эти дикари были из Ченуфсио, из таинственного города, о котором даже дядя Эпсиба говорил как о чем-то чудесном и куда он мечтал когда-нибудь направиться. Ченуфсио! Сердце таинственного царства сенеков! Эта страна лежала за землею онейдов, за владениями онондагов, за кайюгами. Она граничила с озером Онтарио с одной стороны и озером Ири с другой.

Молодой Шиндас продолжал:

— Мой дядя великий вождь, и он совсем не такой злой, каким кажется. Когда он был еще мальчиком, ему один могаук во время ссоры искромсал лицо. Но он сдержит свое слово. Если твоя девушка не поспеет за нами, он убьет ее.

Джимс перевел взгляд на Туанетту. Девушка приблизилась к свирепому старому вождю и, улыбнувшись ему, показала на свою рваную обувь. Тиога в течение нескольких

секунд стойко выдерживал ее «атаку», но в конце концов он все же посмотрел на ее ноги. Однако он не обнаружил ни малейшего желания помочь чем-либо. Круто повернувшись к ней спиной, он отдал приказание, и тотчас же у Джимса отняли лук, а на шею ему был накинута аркан.

Шиндас тоже получил какое-то приказание; когда посланцы, отправленные Тиогой, вернулись и вождь выслушал их донесение, молодой воин подошел к Джимсу и протянул ему пару мокасинов, вынутых из мешка, висевшего у него сбоку. Джимс опустился на колени и приспособил к ногам Туанетты эту невероятно неуклюжую, но более пригодную для далекого путешествия обувь.

Гонцы вернулись со скальпом белого охотника за волосами и со стрелой Джимса, успокоившей его навеки. Они возбужденно передавали описание смертельной схватки, разыгравшейся, по-видимому, между двумя белыми, и особенно напирала на огромную разницу между размерами и весом обоих. Ради вящей уверенности один из индейцев сравнил принесенную стрелу со стрелами, остававшимися в колчане Джимса. Бесстрастное лицо Тиоги несколько смягчилось, и он с большим интересом стал разглядывать лук юноши. Он выразил сомнение в том, действительно ли белый юнец в состоянии пронзить насквозь стрелой взрослого человека.

— Пусть он покажет нам, на что он способен, Разбитое Перо, — снова обратился он к племяннику, явно посмеиваясь над ним из-за его пострадавшего воинского убора. — Ты, столь гордый своей меткостью, померяйся с ним силами.

Джимс закончил возиться с чересчур большими для Туанетты мокасинами и поднялся на ноги. Взяв лук, протянутый ему молодым сенекой, он закинул колчан через плечо, чтобы иметь все стрелы наготове, и стал присматриваться к мишени. Туанетта заметила румянец, разлившийся у него по лицу, и криком поощрила его. Но Джимс отнюдь не боялся этого испытания. Даже вождь Трубка, одержавший верх над своими сыновьями, оказывался медлительнее, чем белый юноша, стрелы которого неслись в цель, подобно стае птиц.

Указав рукой на пень футов в шесть высотой на расстоянии не менее трехсот шагов, он выпустил первую стрелу, разведочную, чтобы прицелиться! Стрела упала, не долетев двадцати шагов до мишени. А потом Джимс выпустил одну за другой четыре стрелы с такой быстротой, что они, казалось, мчались вдогонку друг за дружкой. Две из них вонзились в пень, третья разлетелась вдребезги, уда-

рившись в камень у основания пня, а четвертая пролетела немного вправо, куда дул ветер.

Старый вождь с тем же бесстрастным выражением лица повернул голову не в сторону стрелка, а в сторону Туанетты, которая снова улыбнулась ему, точно она была уверена, что нашла в нем друга. С кривой усмешкой Тиога сказал своему племяннику:

— Тебе незачем стрелять, Разбитое Перо! Довольно тебе срамить себя! Из этого юноши выйдет лучший сенека, чем из тебя. Он пойдет за нами, а его спутница займет в моем шалаше место Быстрокрылой. Позаботься о том, чтобы ему был возвращен скальп, принадлежащий ему по праву, чтобы он мог вдеть перо в волосы, когда мы прибудем на место. Слышишь? — обратился он к Джимсу. — Собери свои стрелы и храни их для врагов нашего племени. А ты будешь называться Быстрокрылой. Таково было имя моей дочери. Она умерла.

С этими словами он занял место во главе отряда, и без малейшего шума воины приготовились к пути. Двое забежали вперед, чтобы присматриваться, свободна ли тропа, двое отстали, чтобы прикрыть арьергард, а по каждую сторону, на некотором расстоянии от отряда, шел дозорный. Шиндас помог Джимсу собрать стрелы, а другой воин прикрепил скальп к поясу юноши, к великому ужасу и отвращению последнего. Снова отряд двинулся дальше на запад, следуя гуськом друг за другом, не производя ни малейшего шума, а в середине цепи шла девушка, длинные волосы которой развевались по ветру. Щеки ее горели румянцем, а в глазах светилось нечто более глубокое, чем воспоминания о пережитой трагедии. За собой она слышала шаги любимого человека и хромой собаки.

ГЛАВА XV

Туанетту несколько не удивляло ни то обстоятельство, что ее страхи улеглись, ни то, что воспоминание о погибшем отце уже не так мучило ее. Ее ощущения можно было сравнить лишь с переживанием человека, на чью долю выпали несчастья, которых никак нельзя было избежать. Вид дикарей больше не пугал ее, несмотря на то, что большинство из них носило у пояса еще не высохшие скальпы, натянутые на маленькие деревянные обручи. Что-то такое было в их внешности, что невольно вызывало к ним доверие. Это объяснялось изумительной грацией их тел, силою мускулистых плеч, гордой осанкой и невероятной легкостью, с какой они скользили по земле.

А Джимс тоже был подобен этим лесным людям! Именно его дикая красота нравилась ей с самого начала, хотя она и старалась скрыть это от себя самой, благодаря влиянию матери, учившей ее ненавидеть его. Это казалось ей теперь абсурдным, так как она поняла, что полюбила его в тот момент, когда он побелел от оскорбления, нанесенного Подем Ташем.

Туанетта легко шла в своих мокасинах. Она была далеко не так хрупка, как это казалось раньше Джимсу, когда она пыталась не отставать от него на своих высоких каблучках. Ее худое тело было сильное и гибкое, взгляд пронзительный, шаг уверенный. Шиндас с удовольствием отмечал мысленно, что девушка без труда поспевает за остальными. Он поравнялся с Джимсом, и они начали беседовать вполголоса. Даже Потеха и та, казалось переменяла свое мнение насчет людей, которых она всю жизнь ненавидела и боялась, а Шиндас раза два ласково опустил руку на голову ковылявшего животного. Понемногу Джимс узнал массу интересного, и ему не терпелось поскорее поделиться своими сведениями с Туанеттой.

Случайный наблюдатель не поверил бы, что сенеки не преследовали сейчас никаких воинственных целей, так как внешность их невольно наводила на мысль о кровопролитии, несмотря на то, что они не были раскрашены, подобно большинству индейцев, в черный, красный и голубой цвета. Они также не были так оголены и не носили медных серег в ушах. У каждого было по две сумки по бокам — одна поменьше, со съестными припасами, другая побольше, с одеялами из бобровых шкурок. Некоторые были вооружены луками, но все без исключения имели ружья и топоры. Очевидно, поход оказался чрезвычайно удачным, так как налицо было двадцать шесть скальпов — восемнадцать мужских, пять женских и три, снятых с детских голов.

Во главе зловещей цепи воинов шел Тиога, подвигаясь вперед, точно пантера. Каждый раз, когда тропинка поворачивала в сторону, Туанетта видела его лицо, на котором, казалось, жестокость и горе оставили неизгладимые следы; тем не менее она при взгляде на него не испытывала страха. Дважды на протяжении первых нескольких миль задерживался на ней взор Тиоги, и каждый раз Туанетта ласково улыбалась ему, а однажды даже замахала приветливо рукой.

Она не боялась, хотя в то же время не могла сказать, почему чувствует себя в безопасности. Она была уверена, что Тиога не убьет ее. Она сказала об этом Джимсу, когда он очутился возле нее, но Шиндас в беседе с ним заметил:

— Я начинаю проникаться надеждой, что она легко поспеет за нами. Она *должна* поспеть, в противном случае Тиога убьет ее, несмотря на то, что он выбрал ее на место Быстрокрылой.

Точно так же скрыл он от нее и то, что Тиога считал необходимым добратся домой за шесть суток.

Тяжелые сомнения угнетали юношу, так как он видел, что в груди каждого из дикарей пылает бешеная злоба. Дядя Эпсиба достаточно ясно разъяснил ему положение, и он знал, что индейцы ничем не обязаны белым, разве только позором и утратой свободы. Он размышлял, что, случись ему очутиться на месте индейцев, он не менее глубоко ненавидел бы белых завоевателей. Воля и гордость были наследством, передававшимся из рода в род, и играли главную роль в их жизни. Их войны не были уже борьбой лесных героев, а превратились в отвратительную резню, в которой не играл роли вопрос, убивают ли они врагов или тех, кто прикидывается друзьями. Важно было лишь то, что и те и другие были белые, а самое страшное — это ненависть не между отдельными людьми, а между народами. Джимс прекрасно понимал, что одного слова Тиоги было бы достаточно, чтобы все эти люди превратились в кровожадных зверей. Он больше всего боялся Тиоги, так как Шиндас рассказал ему, что старый вождь потерял и отца и сына по вине белых.

Какова бы ни была участь, ожидавшая их, Джимсу было ясно, что она должна решиться сегодня же. Он был уверен, что Туанетта долго не выдержит этого путешествия, и он готовился к той трагической минуте, когда вождь сенекков вынужден будет принять решение. Если Туанетте суждено будет умереть, она умрет не одна.

Шиндас, шедший позади Тиоги, прекрасно понимал, что его дядя озабочен присутствием белой девушки. Когда только ему удавалось улучшить удобный момент, он начал говорить, указывая Тиоге на хрупкость и красоту белой пленницы, и намекал на ее сходство с Быстрокрылой. Он красноречиво рисовал дяде картину шалаша, в котором все изменится, когда снова в нем раздастся пение и смех, и наконец Тиога приказал ему замолчать. Но вскоре после этого воины стали замечать, что их вождь слегка прихрамывает и с каждой минутой все больше и больше. В конце концов Тиога с явным бешенством вонзил свой топорик в дерево и остановился, чтобы подвязать лучше мокасины. Шиндасу показалось весьма странным то обстоятельство, что человек, перенесший на своем веку все лишения, какие только возможны, вдруг пришел в ярость из-за

боли в ноге. Тем не менее он наклонился, чтобы помочь дяде.

Лишь в полдень остановились индейцы, чтобы подкрепиться пищей. Это была скудная трапеза людей, никогда не предававшихся излишествам и этому качеству приписывавших свою выносливость*. Каждый достал из сумки горсть кукурузы, перемешанной с горохом и приправленной сушеными ягодами, и медленно съел это небольшое количество пищи. Туанетта предложила было Шиндасу одно из яблок, поданных ей Джимсом, но индеец что-то сказал последнему, и юноша перевел его слова:

— Шиндас благодарит тебя, Туанетта, но он говорит, что не в состоянии будет легко передвигаться, если будет много есть.

Туанетта скрыла от Джимса, что с каждой минутой все больше и больше уставала, и время от времени в тело ее точно вонзались иголки. Она съела одно яблочко и половину репы, а потом Джимс принес ей воды в березовой коре из родника, возле которого они остановились.

Когда Шиндас оставил их одних, он рассказал Туанетте о том, что ждало их впереди. Они направлялись в Ченуфсио, до которого было триста миль по прямой линии. Он говорил, стараясь скрыть свои опасения за нее. Ченуфсио, объяснил он ей, это таинственный город дебрей, куда сенеки в течение многих десятков лет уводили белых пленников. Мечтою дяди Эпсибы было когда-нибудь добраться туда. Дважды делал он попытки и дважды терпел неудачу. Но Эпсиба много чего слышал о диковинном городе, и он часами рассказывал об этом племяннику. Множество белых детей выросло там вместе с дикарями и сами стали дикарями. Со временем колонии пошлют армию для освобождения пленных, уверял Эпсиба.

Джимс тоже мечтал когда-нибудь посетить этот таинственный город, а теперь вдруг его желание осуществлялось. Он также поведал Туанетте о той удивительной случайности, которая, в сущности, спасла их. Много лет тому назад в Ченуфсио была приведена белая пленница. Шиндас был тогда еще мальчиком. Эта белая пленница принесла с собой ребенка, который успел превратиться в прекрасную девушку и стать возлюбленной Шиндаса. Из любви к ней он и заступился за молодых пленников и стал просить Тиогу отпустить их, тем более что единственная дочь его дя-

---

* Интересно отметить, что индейцы, как доказано тщательными изысканиями, были в большинстве вегетарианцами и их пища состояла, главным образом, из плодов, орехов, корнеплодов и злаков. (Прим. автора).

ди, сверстница Туанетты, утонула шесть месяцев тому назад во время купания в пруду. Тиога был вдовцом, и он души не чаял в своей дочери. Потому-то он и пощадил Туанетту, надеясь, что она займет в его сердце место Быстрокрылой.

После этого продвижение вперед пошло несколько медленнее; казалось, сама судьба пришла на помощь Туанетте. Она уже не пыталась скрывать своего изнеможения. Силы ее иссякли, она испытывала во всем теле такую боль, точно ее избили. Еще одна миля, и она рухнула бы наземь, приветствуя смерть. Но тут-то на помощь ей пришла неожиданная хромота Тиоги. Когда они очутились близ реки, населенной дикими голубями, сенеки сделали второй привал. Индейцы не сомневались в том, что их вождь испытывает боль в ноге, но их поразило то обстоятельство, что он это обнаруживает.

— Мы давно уже не ели мяса, Разбитое Перо,— обратился он к Шиндасу.— Через несколько часов сюда слетятся тысячи голубей, и мы попируем, а потом отдохнем до рассвета.

После этого Шиндас уже больше не сомневался в правдивости своих предположений, и, когда ему выдался случай поговорить с Джимсом, он шепнул ему:

— Впервые приходится мне слышать ложь из уст дяди. Его ноги так же здоровы, как и мои. Только ради белой девушки прикинулся он хромым и вдруг захотел мяса. Ей теперь нечего больше опасаться, он не убьет ее.

Когда Джимс передал его слова Туанетте, она тихо заплакала, низко опустив голову. Тиога видел ее. Эта девушка, сидевшая в столь жалкой позе на земле, так похожа была на Быстрокрылую, прекрасное и безжизненное тело которой было извлечено из пруда. Никто не догадывался, что творилось у него в душе, когда он приблизился к Туанетте. Воины, широко раскрыв глаза от изумления, спрашивали себя, почему он вдруг перестал хромать. А Тиога остановился возле белой пленницы и бросил у ее ног свое бобровое одеяло. Туанетта сквозь слезы улыбнулась ему и протянула к нему одну руку, точно перед нею находился отец или Джимс. Но Тиога, по-видимому, не заметил ее жеста и, пристально глядя на нее, сказал:

— Шиндас прав. Душа Сой-Иен-Макуон вселилась в тебя!

Так звали его утонувшую дочь.

Тиога повернулся и начал удаляться. Его воины поняли, что их вождь принял решение и теперь уже не будет больше такой спешки.

Пока индейцы готовились к пиршеству, Туанетта отдыхала на ложе из бобрового одеяла и огромной охапки бальзамовых ветвей, принесенных Джимсом. У нее ныли и болели все кости, и ей казалось, что она отдыхает впервые после трагедии в замке Тонтэр. Ей не хотелось спать. Хотелось лишь лежать и лежать, совершенно не шевелясь. Она с огромным интересом наблюдала за молодыми воинами, занимавшимися приготовлениями к пиршеству, совсем как заправские стряпухи. Они развели с полдюжины небольших костров из сухого валежника, приготовили без числа лучин, чтобы на них, как на вертеле, жарить голубей, принесли камней, на которых следовало печь дикие артишоки и сочные коренья водяной лилии, и во время работы они вполголоса разговаривали между собой и смеялись.

Индейцы расположились в некотором отдалении от голубиной рощи, так как оттуда несся неприятный запах. Птицы начали собираться еще до захода солнца. Сперва они прилетали маленькими стаями, а с приближением сумерек огромное пространство в полквadratной мили было сплошь усеяно пернатыми, точно колыхающимся облачком. Когда совершенно стемнело, индейцы, вооружившись факелами и шестами для сбивания голубей с ветвей, отправились в рощу. Прошло не более получаса, и они вернулись с добычей, которую свалили в маленький полукруг между шестью кострами.

Потеха не отставала ни на одну минуту от Туанетты. Она не только делила тесерь свою преданность Джимсу между ними обоими, но отдавала явное предпочтение девушке. Она лежала возле ее ног, неустанно следя за каждым движением индейцев, и не шевельнулась даже тогда, когда до ее обоняния донесся аромат жареных голубей. А между тем собака уже столько времени ничего не ела. Лишь когда Джимс вернулся, неся на длинной лучине дюжину жареных голубей, Потеха немного отошла в сторону, чтобы утолить голод.

Джимс не стал будить Туанетту, а, насытившись, жарил несколько голубей и припрятал их для нее вместе с печеными артишоками. В продолжение двух часов индейцы ели и жарили голубей, готовя запас для дальнейшего пути, потом завернулись в одеяла и улеглись спать.

Вскоре водворилось глубокое безмолвие, и юноша в течение долгого времени сидел и размышлял об удивительных событиях, происшедших в его жизни всего только за двое суток.

Снова заря, затем долгий день и опять ночь. Проходили дни за днями, а отряд Тиоги все шел и шел через лесистые дебри, но теперь уже не было спешки. В первое утро, когда Туанетта проснулась, она увидела, что над нею стоит какая-то высокая фигура. Это был Тиога. Увидев, что она проснулась, он что-то проворчал и отвернулся. После этого он не переставал смотреть за нею, точно коршун за своими птенцами, но внешне он ничем не выдавал себя и лишь изредка выражал свои мысли и желания в кратких фразах, обращенных к Шиндасу. Теперь уже путь не был так страшен Туанетте. Когда она сильно утомлялась, индейцы разбивали лагерь и возобновляли путь лишь тогда, когда она просыпалась. Тиога называл ее Сой-Иен-Макуон, остальные индейцы тоже относились к ней уже более приветливо. Видя мужество девушки, они стали проникаться к ней теплым чувством, и порою их взгляды выражали дружелюбие, которого никогда нельзя было заметить в глазах Тиоги.

На четырнадцатый день вождь послал гонца вперед. Вечером он сидел на земле возле Туанетты, а Джимс переводил ей его слова. Он курил сухие листья сумахи и лишь изредка прерывал курение, чтобы произнести несколько слов, и часто его голос напоминал заглушенное рычание дикого зверя. Завтра они будут в Скрытом Городе, где его племя уже ждет их. Там будет большая радость, так как они добыли много скальпов и сами не потеряли ни одного воина. Его племя с почетом примет белую девушку и белого юношу. Туанетта займет место его дочери. В ее душе будет жить душа Быстрокрылой. Такова была весть, переданная вождем через гонца. *Тиога возвращается с дочерью!* Белая девушка *навсегда* останется дочерью лесов.

Когда он ушел и растворился во мраке, Туанетта и Джимс долгое время боялись поделиться мыслями, душившими их обоих. *Навсегда!* Это слово без конца повторялось в мозгу. В эту ночь Туанетта долго лежала с открытыми глазами и смотрела на небо.

ГЛАВА XVI

Ченуфсио, Скрытый Город сенеков, был расположен на реке Сенеке, милях в семидесяти от озера Онтарио. По этой реке обитатели таинственного города имели возможность добираться по течению к берегам озера и даже идти против течения на юг почти до берегов озера Огайо. Четы-

ре дороги вели от Ченуфсио через дебри. Это были тропы, протоптанные индейцами в течение многих десятков лет, не шире одного фута каждая.

Одна тропа вела к великому водопаду, то есть к Ниагаре, другая — к Огайо и к свинцовым копям Пенсильвании; третья — на север к озеру Онтарио и, наконец, четвертая тянулась на протяжении четырехсот миль на восток в земли белых, откуда и возвращался теперь Тиога со своим отрядом.

Охраняемый природой со всех сторон, Ченуфсио вполне соответствовал своему названию Скрытого Города и представлял собою один из достопримечательных центров индейского населения, в который дикари приводили своих белых пленников. Существование таких центров стало довольно поздно известно колониям, как французским, так и английским, и только в 1764 году полковник Боке собрался «освободить» белое население этих таинственных городов от неволи, причем в результате его экспедиции было больше горя, чем радости, так как многие из «невольников» уже успели пустить глубокие корни, вплоть до третьего и четвертого поколения. Таким образом, вместе с цепями рабства были разбиты также человеческие сердца и домашние очаги.

Ченуфсио был в своем роде обширной территорией. Население его равнялось тремстам душам, среди которых было шестьдесят воинов. Город лежал у каймы небольшой, полукругом омываемой водами реки долины, в середине которой были расположены защищенные и укрепленные со всех сторон дома, амбары, хижины и шалаши. Неподалеку начиналась старая дубовая роща, и под этими вековыми дубами индейцы любили располагаться жильем весною, летом и осенью, благо гигантские ветви деревьев, точно свод, защищали их от непогоды.

На расстоянии полумили от рощи высился холм, и между ним и рекою лежали поля и сады дикарей. У сенокосов были виноградники, а в садах росли яблоки, вишни и сливы. Помимо того, они также культивировали табак. Поля, общей площадью в двести акров, засеивались наполовину маисом всевозможных сортов. Остальная часть была предоставлена тыквам, арбузам, бобам и карликовой породе подсолнечника, из семян которого извлекалось масло. Если урожай выдавался хороший, индейцы в полном довольстве проводили долгие зимние месяцы. Амбары ломились от зерна и сушеных плодов, а в погребах бывало полно яблок, тыкв, картофеля и тому подобного. В плохую годину жители Ченуфсио туго стягивали пояса на целых пять месяцев. В течение трех месяцев они, в сущности, голодали самым отчаянным образом.

Этот год выдался дурной. Весенние заморозки убили все ранние всходы, в том числе почки яблонь и слив. Кукуруза оказалась до того неудачной, что ее едва могло хватить на посев в будущем году, а бобы и картофель дали лишь треть обычного урожая. То же самое относилось и к тому, что давали индейцам лес и болота. Орешники стояли голые, дикий рис был пустой, и, помимо небольшого количества земляники в начале года и маленьких сливок в конце осени, нечего было собирать. Таким образом, население Скрытого Города готовилось к «разлому» с первыми заморозками. «Разлом» представлял собой наиболее трагическое событие в жизни индейцев. Это значило, что жители разбивались на небольшие группы, большей частью по одной семье в каждой, и разбредались в разные стороны, промышляя для себя пищу до весны. Каждой семье предоставлялся отдельный участок для охоты, но необязательно все члены семьи были вместе, то есть если в ней оказывалось два и больше охотников, то одного из них вождь откомандировывал к другой какой-нибудь семье, в которой числились старики или вдова с детьми, и он обязан был заботиться о них. А с наступлением весны все возвращались на старое место, и жизнь продолжалась по-прежнему.

Обычно «разлому» предшествовало глубокое уныние, так как эта трагическая мера разъединяла на многие месяцы друзей, родных и возлюбленных, отец расставался с сыном, мать отдавала дочь чужой семье, где ей был обеспечен лучший уход. Только больные и немощные оставались на месте с запасом пищи, которого должно было хватить до лучших времен. «Разлом» неизменно приносил с собой много смертей.

Но на этот раз в Ченуфсио не чувствовалось печали и уныния, что объяснялось ожидавшимся возвращением Тиоги. Его гонец принес весть, что отряд не потерял ни одного воина. Мало того, Тиога вел с собой новую дочь, которая должна была занять место Быстрокрылой. Это говорило сенекам о том, что судьба скоро снова улыбнется им, Сой-Иен-Макуон была любимицей города. С ее смертью наступили дурные времена, но теперь судьба позволит им легко перенести невзгоды зимы, и будущей весной земля даст им свои дары в изобилии.

Вот почему Ченуфсио готовился к пиру. Специально для этого случая были припасены колосья зеленого маиса. Кожи барабанов были ту же стянуты, и никто не думал о какой-либо работе, помимо той, которая была связана непосредственно с торжественной встречей Тиоги. Под гигантскими дубами были разложены костры, и молодежь

резвилась, собирая сухое топливо. Дети вооружились игрушечными барабанами и не переставали колотить по ним, повсюду слышался смех и веселый говор, и взрослые резвились наравне с молодежью. В глаза бросалось, между прочим, то обстоятельство, что более спокойная часть населения, как среди взрослых, так и среди детей, имела белую кожу, и таких было человек двадцать. Они едва ли могли бы быть названы чужаками, так как ничем не отличались от общей массы индейцев, если не считать более светлой кожи. Тут были белые женщины с младенцами на руках — детьми индейцев, были белые девушки, глаза которых загорались при виде того или иного из юных воинов, у некоторых кожа была потемнее, что говорило о примеси индейской крови, но насчитывалось несколько таких, в глазах которых еще застыла тоска по родному дому и по близким.

Вот каков был город, поджидавший в радостное осеннее утро Тиогу и его пленников.

* * *

Последний день тянулся для Туанетты томительно долго. Глубокий мрак успел окутать землю к тому времени, когда они достигли небольшой равнины, на противоположном конце которой виднелся холм. За этим холмом лежал Ченуфсио, о чем свидетельствовало зарево огромного костра.

Туанетта забыла о своей безумной усталости при виде этого зрелища. Она обратила внимание на то, что кто-то взял у Джимса скальп (он всячески старался скрыть его от нее в пути) и вместе с другими скальпами привесил к длинному шесту. Шест несли двое воинов, и на одном из скальпов волосы были такой длины, что почти касались земли. В скором времени путники были уже у холма и с вершины его могли видеть долину, в которой расположился Ченуфсио.

На расстоянии одной мили от них среди гигантских дубов пылало не менее двадцати костров, но, тем не менее, кругом царил мертвая тишина. Туанетта стояла, прислонившись к Джимсу, и сердце ее бешено колотилось. Только огонь свидетельствовал о том, что там вдали находятся живые люди...

Внезапно безмолвие было нарушено. На одной из скал очутился высокий человек, из груди которого вырвался крик. Сперва это было почти бормотание, постепенно нараставшее все громче и громче, пока наконец эти звуки не наполнили всю долину. Никогда в жизни Туанетта не

слыхала ничего подобного, она никогда не поверила бы, что человеческий голос может иметь такую силу и такую глубину. Она внимательно приглядывалась, желая узнать, кто такой этот человек, и ахнула от изумления. На скале стоял Тиога.

Едва крик затих, в Ченуфсио началось форменное столпотворение. Сотни людей, хранивших глубокое молчание в ожидании сигнала Тиоги, теперь вдруг ожили и точно обезумели. Мужчины кричали, дети визжали, женщины испускали пронзительные возгласы, не помня себя от радости. Запылали смолистые факелы, все население во мраке бросилось навстречу отряду, точно огненная волна; бой барабанов и дробь деревянных гонгов смешались с человеческими голосами, к которым присоединился еще лай собак. Одновременно с сигналом, данным Тиогой с вершины холма, воины, несшие шесты со скальпами, двинулись вперед, а следом за ними вождь, за которым гуськом шли остальные индейцы. Джимс и Туанетта находились в середине цепи, с арканами для пленников на шее. У Джимса было отобрано все его оружие.

Воины не спешили. Они шли спокойной, уверенной поступью, и ни один звук не сорвался с чьих-либо уст. Огненная волна приближалась. Воины со скальпами опередили отряд шагов на триста; когда они поравнялись со встречными индейцами, Тиога остановился, чтобы дать им возможность парадом обойти всю линию факелов. Туанетта чувствовала, что на нее находит какая-то непонятная слабость; от которой холодеют все члены. Ей вдруг пришло на память все то, что она слышала в детстве про индейцев, рассказы, от которых дрожь проходила по всему телу, от которых тряслось в ужасе все население колоний. Дикие рассказы о страшной мести, о пытках, о сжигании живьем на костре. Она слышала их от отца, от чужестранных гостей, их передавали из уст в уста, из сеньории в сеньорию. Она даже вспомнила название пыток, ожидавших всех пленных — «Огненный путь».

Она посмотрела на Джимса. Она за него страшилась. Ее Тиога не убьет, он не позволит жечь ее факелами, в этом она была уверена так же, как не сомневалась в том, что огонь предназначается именно для них. Джимс встретил ее взгляд улыбкой поощрения. Медленно подвигались вперед индейцы. Они напоминали собой бронзовые фигуры без плоти и ощущений. Джимс шел тем же ритмичным шагом. Вскоре воины очутились в пасти огненной тропы, и Туанетта расширенными от ужаса глазами убедилась, что ни одна рука не поднялась угрожающе против пленных. Снова воцарилось безмолвие, нарушаемое лишь шипени-

ем факелов, заглушенным топотом многочисленных ног и дыханием множества людей. Ни одно слово, ни один звук не вырвался из чьей-либо груди. Ни одна материнская рука не протянулась навстречу сыну, ни одна жена или возлюбленная не произнесла даже шепотом имени любимого. Туанетта ловила на себе взгляды мужчин, женщин и детей, но ни в одном не было ни ненависти, ни желанья причинить боль — только любопытство, граничившее с дружеским.

Внезапно Туанетта затаила дыхание, и сердце ее замерло. На нее в упор смотрело белое лицо, обрамленное волосами, отливавшими золотом при свете факелов, лицо девушки, на устах которой застыла грустная, приветливая улыбка. Шиндас позволил себе кинуть мимолетный взгляд в ее сторону.

— *Опичи!* — тихо окликнула ее Туанетта. — Красношейка, — повторила она, называя имя белолицей возлюбленной Шиндаса.

Факелы трещали и шипели, но ни один из них не коснулся пленных. В глазах индейцев не было и намека на ненависть, ни одна рука не сжалась в кулак. Все, что она слышала у себя на родине, было ложью. Индейцы убивали на войне, но они никого не пытали, никому не вырывали глаз, не протыкали живое тело острием стрел. Это были мужчины, женщины и дети как и все мужчины, женщины и дети на земле.

Одного только Туанетта не знала, так как она не могла уловить тихим шепотом передававшиеся от одного к другому слова: «Это дочь Тиоги. В нее вселился дух Сой-Иен-Макуон. Теперь к нам вернется счастье. Снова заиграет солнце в небе, снова раздастся пение и смех, ибо Сой-Иен-Макуон вернулась к нам во плоти, чтобы опять с нами жить!».

Они пересекли темную поляну, держа путь к кострам. И когда они очутились среди ярко освещенных дубов, Туанетта вдруг обнаружила, что Джимс куда-то исчез, а на его месте находится Тиога. И только успела она отдать себе отчет в этом, как заметила, что стоит рядом с Тиогой, между тем как все население Ченуфсио кольцом сомкнулось вокруг них. Это зрелище напоминало собою сцену, окруженную со всех сторон пламенем. Впервые Туанетта стала соображать, что сейчас произойдет нечто такое, в чем она будет играть первенствующую роль, — еще более важную, чем играли скальпы, предшествовавшие появлению Тиоги. Но куда девался Джимс? Почему не было его среди окружающих ее людей? Снова страх начал охватывать ее, снова

начали холодеть от ужаса все ее члены, а лицо стало похожим на белую маску.

Тиога начал говорить, и при первых же звуках его голоса Туанетта сразу успокоилась за Джимса. Сперва Тиога говорил тихо и бесстрастно, но постепенно в интонацию его голоса начали вкрадываться странные нотки. Он описал пруд, в котором утонула Сой-Иен-Макуон, торжество злых духов и кончил победой богов, вернувших Быстрокрылую ее отцу. Его изуродованное рубцами лицо приняло довольно мягкое выражение, и Туанетте стало ясно, что ей нечего бояться за Джимса, что он в полной безопасности, где бы он ни находился. Она ждала, дрожа всем телом от напряжения.

Тиога кончил и некоторое время стоял молча, подняв над головой одну руку. Затем он произнес одно слово: «Опичи!» Тотчас же бледнолицая девушка подбежала к нему, и тогда старый вождь снял аркан с шеи Туанетты и кинул его наземь. После этого он застыл неподвижно, скрестив руки на груди, а Красношейка увела прочь белую пленницу.

Очувшись у кольца человеческих тел, девушка остановилась. В продолжение нескольких минут никто не шевелился и не произносил ни звука. А потом кольцо растворилось, и в кругу очутился Джимс между Шиндасом и другими воинами. Туанетта еле сдержала крик, который готов был сорваться с ее уст. Джимс был оголен до пояса и раскрашен в красные, черные и желтые полосы. Лицо его казалось покрытым огромными кровавыми рубцами. Его густые светлые волосы были собраны хохолком и перевязаны на макушке, и в них торчало пышное перо, свидетельствовавшее о том, что он убил врага. По знаку, данному Тиогой, в круг вступил старик с лицом мумии и с белыми волосами и вместе с ним молодой человек, спина которого была согнута почти вдвое. Старика звали Вуску, то есть Облако, а его сына — Токана, или Серая Лиса. Последний с гордостью носил когда-то свое имя, пока на его шалаш не свалилось дерево, переломившее ему позвоночник. В свое время во всем племени сенеков не было никого, кто бы мог превзойти Токану в беге. За мужчинами следовала маленькая девочка.

Тиога снова начал говорить. Он стал рассказывать про те дни, когда Вуску стал могучим воином и убил множество врагов. Потом наступила старость, а затем злые духи изувечили его сына, сделав его таким, каким все видят его сейчас. Но вот судьба послала Вуску другого сына с сильным телом и с белой кожей, который будет заботиться о нем и будет братом Серой Лисе. Худыми, трясущимися

руками старик снял с шеи Джимса аркан и бросил его на-земь, а Токана поднял руку в знак дружбы и братской привязанности. Джимс привлек к себе девочку и обнял ее одной рукой за плечо. Туанетта, не владея больше собой, кинулась к нему, и все могли видеть, как он одной рукой прижимает к себе Ванонат, Лесную Горлицу, а другой девушку, которая дала своим поступком знать всему племени, что принадлежит этому человеку.

Подобно тому, как прорывается плотина, так и индейцы, разбив оковы безмолвия, приступили к пиршеству и веселью. Не обошлось и без битвы у собак, среди которых Потеха завоевала себе почетное место в кругу четвероногих обитателей Ченуфсио, после чего она по свежему следу отыскала Туанетту, которой был отведен маленький шалаш близ шалаша Тиоги. На земле лежали густым слоем свеженабранные ветки кедра, гирлянды поздних цветов, мягкие шкуры и всякие украшения, принадлежавшие когда-то Быстрокрылой. Вместе с Туанеттой в шалаше находилась Опичи — Красношейка, которую в былые времена звали Мэри Даглэн.

Вначале Джимсу казалось, что он будет пользоваться такой же свободой среди сенеков, как и любой индеец их племени. Серая Лиса отвел его в шалаш своего отца, куда Джимсу была принесена пища. А потом его оставили одного, ибо даже старый Вуску, которого Тиога осчастливил сыном, и тот не мог оставаться в стороне от пирующих. Казалось, никакие препятствия не могли бы помешать Джимсу бежать, если бы он пожелал воспользоваться мраком. Но именно это свидетельствовало о том, что надежды на удачное бегство не было никакой. Он был пленником, таким же, как и все остальные белые. Освободить его из неволи могла только смерть.

Джимс не потому думал о бегстве, что был охвачен желанием бежать, он только «снял мерку» со своего нового мира, в котором ему предстояло жить в дальнейшем. Он старался присмотреться к новой обстановке, и нельзя сказать, чтобы он чувствовал себя при этом несчастливым. Ведь Туанетта была с ним, а с ней он мог найти в жизни все, что ему было нужно. Тиога и Шиндас знали давно уже, что она принадлежит ему, и теперь это стало известно всему племени. Что из того, что они навсегда погребены в глуши лесов? Туанетта с ним, Туанетта любит его, а потому Ченуфсио уже не может считаться могилой. Ее любовь превратит это место в рай земной.

Ему хотелось снова повидать Туанетту, и он стал присматриваться, ища местечко, где можно было бы смыть с себя цветную глину, покрывавшую его лицо и тело. Захва-

тив с собой свою одежду, он отправился к реке и в скором времени был уже одет. Волос своих он не тронул и оставил в них пышное перо. Захватив оружие, которое было возвращено ему, он смело направился к тому месту, где ярко пылали костры. Пир скоро закончится, после чего начнутся танцы. Дети резвились вокруг шеста со скальпами. Они трогали руками длинные волосы на одном из них и визжали от восторга. Среди детей был также один белолицый мальчик лет семи или восьми, и он принимал живое участие в веселье наравне с другими.

Джимсу удалось перекинуться несколькими словами с Шиндасом, и от него он узнал, что Туанетта и Опичи находятся вместе. Шиндас не мог покинуть круга воинов, пока не закончатся пляски, во время которых каждый должен был рассказать о своих подвигах, и Джимс один отправился искать шалаш Туанетты. Притаившись за темным стволом дерева, он стал ждать. Ночь была ясная, в небе сверкала полная луна, и за пределами костров мрак уступал место мягкому, серебристому сиянию. Прошло с полчаса, и Туанетта вышла из шалаша вместе с Опичи. Джимс не выдал своего присутствия, и только тогда, когда Опичи направилась к кострам, он вышел из-за прикрытия и тихо окликнул Туанетту.

В первое мгновение Джимс опешил, увидав девушку. Он даже подумал, что, возможно, ошибся, и перед ним находится не Туанетта, а какая-то сказочная индейская принцесса. Мэри Даглэн, она же Опичи-Красношейка, нарядила новую подругу в самые лучшие одежды, оставшиеся после Быстрокрылой. Волосы Туанетты были разделены прямым пробором и двумя толстыми косами спускались по ее плечам. Вокруг головы была повязана пунцовая сетка, а надо лбом красовалось ярко-желтое перо.

Джимс раскрыл объятия, и девушка бросилась к нему.

ГЛАВА XVII

В течение получаса они оставались одни. А потом вернулась Мэри, и вместе с нею явился от вождя посланец, который и увел с собой Джимса для участия в танцах вокруг костра. Юноша нисколько не был теперь смущен, чувствуя на себе сотни критически рассматривавших его глаз. Дикой удалью вошла в его кровь эта необычайная ночь, по жилам его разливался огонь, и он вместе с другими сенеками распевал воинственные песни. В сердце его жила Туанетта, в ушах его звучали слова, которые она шептала ему, когда они сидели под дубом. Она сказала, что будет его

женой! Она сама ему сказала! А потому он радостно плясал и пел, и мало-помалу его друзьями становились даже те, которые до того подозрительно на него поглядывали. Старый Вуску гордился — у него был теперь сын, не уступавший в величии тому богатырю, каким был когда-то Серая Лиса.

Туанетта сначала с ужасом смотрела на то, как безумствует ее возлюбленный, но потом она начала понимать. Опичи переводила ей слова Джимса, который, едва наступил его черед, стал рассказывать сенекам о том, как они жили в долине реки Ришелье, как он в детстве еще любил Туанетту и дрался за нее с Полем Ташем. А потом с юга пришла смерть, он разыскал Туанетту, они вместе бежали, и наконец его любовь восторжествовала. Они попали в плен к отряду сенек, во главе которого стоял храбрый Тиога. Сенеки непохожи на подлых, трусливых могауков. Сенеки — люди с чистым сердцем, отважные, как барсы, и быстрые, как мустанги. Он гордится сознанием, что они его приняли как брата и сына. Даже его собака, ненавидевшая могауков, приняла сенек как друзей. Он просит своих новых друзей любить Туанетту, которую могучий Тиога взял в дочери. Туанетта принадлежит ему. Она будет его женой. Она будет жить с ним среди сенек и принесет ему храбрых сыновей.

Джимс видел неподалеку от себя белое лицо Туанетты и глаза, радостно светившиеся во время его песни, но когда он стал потом искать девушку, ее нигде не было видно. Вуску, Серая Лиса и Лесная Горлица оставались возле него. Девочка держала его за руку, и Джимс обратил внимание на ее хрупкое телосложение. Серая Лиса рассказал ему, что девочке восемь лет, что она с каждым годом становится все тоньше, что дерево, которое изувечило его, убило ее мать. К ней все хорошо относятся, но ей чего-то недостает, и она тает от тоски. Джимс чувствовал, что в груди маленькой индеанки зародилось обожание к нему, и в его сердце закралась неопишуемая нежность к ней. Когда девочка устала наконец и легла в свою постельку, Джимс опустился возле нее на колени и в продолжении нескольких минут ласково разговаривал с ней. А потом он наклонился и поцеловал ее. Это было чем-то совершенно новым для Лесной Горлицы. Сама того не сознавая, она крепко обхватила ручонками шею Джимса. В этом было нечто новое и для юноши.

Было уже далеко за полночь, когда окончилось веселое пиршество и Ченуфсио затих. Джимс долго лежал с открытыми глазами и смотрел на звездное небо. А потом он ус-

нул и во сне увидел свою мать, весело смеявшуюся в обществе Туанетты и Лесной Горлицы.

Ни первый день в новой обстановке, ни дни, следовавшие за этим, не казались Джимсу и Туанетте чем-либо выдающимся. Жизнь в индейском городке вошла в обычную колею, и мужчины принялись за охоту, женщины за домашние работы, а дети за свои игры и забавы. Воины собирались на торжественный совет и, бесконечно куря трубки, обсуждали планы будущего. Впереди маячила зима «черной годины», а помимо того были еще другие важные вопросы. Тиога принес с собой поразительные вести. Англичане под предводительством какого-то генерала Бреддока были разбиты и истреблены. Французы потерпели поражение на озере Джордж, а могауки пожинали плоды своей верности победоносному генералу Джонсону.

Лица сенеков омрачились. И Тиога и его воины были убеждены, что войны не миновать. С каждым днем надвигалась борьба не на жизнь, а на смерть между французами и англичанами, и, следовательно, томагавки не будут знать отдыха, пока тот или иной из противников не окажется уничтоженным. Со всех концов приходили в Ченуфсио гонцы и приносили тревожные вести. Задача перед Тиогой и его воинами была тяжелая — война и голод. Если воины отправятся на восток с целью принять участие в борьбе, то кто останется, чтобы спасти их племя от голодной смерти?

Было решено, что Тиога с тридцатью отборными воинами отправится на войну, а остальные тридцать останутся в Ченуфсио, чтобы воевать с голодом в течение долгих месяцев. В жеребьевке Джимс не принимал участия, зато бедному Шиндасу снова предстояло распрощаться со своей возлюбленной. Джимс был уверен, что Тиога разрешит Туанетте остаться с ним, когда наступит «разлом». Лесная Горлица нашла в Туанетте мать, и она поровну делила свою привязанность между белыми друзьями. Тиога уже не старался казаться холодным и равнодушным по отношению к Туанетте, а благодаря своей любви к белой девушке он стал также тепло относиться к маленькой индианке.

Потому-то в душе Джимса зародилась надежда, что ему не придется разлучаться с Туанеттой, но когда он завел речь на эту тему с вождем, тот решительно отказал ему в его просьбе. Шиндас несколько не был этим удивлен. Он объяснил Джимсу, что Туанетта стала дочерью Тиоги и душой и телом, а потому неудобно было, согласно индейским понятиям, чтобы девушка — дочь вождя, находилась в семье человека, с которым она лишь помолвлена.

Достаточно было уже того, что Тиога согласился признать его женихом своей дочери.

В самом начале ноября группы сенеков стали покидать Ченуфсио. Каждая забирала с собой небольшое количество пищи, доставшейся на ее долю. Опичи была прикомандирована к двум семьям, состоявшим из восьми человек и находившимся под защитой отважного воина по имени Громовой Раскат. Они держали путь по направлению к озеру Онтарио. Туанетта досталась родственнику Тиоги, носившему имя А-Ди-Ба, то есть Высокий Человек. Это был страшно тощий индеец с чрезвычайно неприятным выражением глаз. Его смело можно было бы назвать Змеей, столько было в нем черт, присущих этому пресмыкающемуся. Но, подобно змее, А-Ди-Ба был прекрасным, непревзойденным охотником, и по этой причине Тиога доверял ему самое дорогое, что только было у него. Под его защитой оказалось одиннадцать человек, в том числе старые отец и мать, а также двое мальчиков, которые могли уже, однако, оказать некоторую помощь в охоте. Все знали что, как бы сурова и продолжительна ни была зима, голоду нелегко будет добраться до лагеря А-Ди-Ба, державшего путь в сторону озера Ири.

Туанетта и Джимс всячески старались скрыть друг от друга свое разочарование и ободряли друг друга, рисуя будущее в самых розовых красках. Зимние месяцы пробегут быстро, а с начала весны они вернутся в Ченуфсио. И впредь судьба уже не разлучит их больше.

И так они расстались.

* * *

Джимс взял направление на северо-запад, к реке Тьянеларунтэ, впадавшей в озеро Онтарио. Потеха не могла долго решить, кому из своих идолов отдать предпочтение. Сперва она пошла следом за Джимсом, но потом остановилась, повернула назад и пошла за Туанеттой. Это было пятого ноября, а двадцатого Джимс находился уже в восьмидесяти милях от Ченуфсио. Только теперь начал он понимать, насколько серьезна была возложенная на него Тиогой задача. Как ни стар был Вуску, он все же мог передвигаться быстрее своего искалеченного сына. Токана — Серая Лиса не мог выдержать более пяти-шести миль в день, да и то он напрягал при этом все свои жалкие силы. Джимсу приходилось помогать ему при переходах через трудные места. Токана смеялся иногда, относясь к этому как к шутке, но нетрудно было видеть, что душа его в такие минуты переполняется стыдом.

Джимс в удивлении спрашивал себя, что заставило этого человека сопровождать отца и сестру, тогда как он мог бы оставаться в Ченуфсио вместе с другими немощными. Только из рассказа самого Токаны он узнал, что все трое — и Вуску, и Серая Лиса, и Лесная Горлица остались бы зимовать в Ченуфсио, если бы Тиога не дал им Джимса в качестве сына и брата.

— А теперь в Ченуфсио будет тремя голодными ртами меньше! — смеясь сказал старый Вуску.

Вера этого старого воина в силы и способности своего нового сына вдохновляюще действовала на юношу. Но особенно сильную поддержку находил он в присутствии Лесной Горлицы. Девочка с обожанием смотрела ему в глаза, и благодаря ей не так тяжело сказывалась на Джимсе разлука с Туанеттой. Он стал обучать девочку французскому языку, он объяснил ей, что Туанетта, занявшая место Сой-Иен-Макуон, принадлежит ему и она в будущем году уже навсегда останется с ним. Маленькая девочка спрашивала его, можно ли будет ей сопровождать их, куда бы они ни пошли жить. И после этого между ними установились еще более крепкие узы.

Вуску привел свою семью в лес, в котором, он был уверен, должно было хватить дичи на всю зиму. Там водилось множество енотов, а также можно было ожидать, что к истокам реки будут прилетать так называемые утки-рыболовы с целью охотиться за рыбой, как только озера покроются льдом. Здесь путники построили шалаш из стволов молодых деревьев. Джимс смастерил даже камин с трубой, а также отделил каморку для Лесной Горлицы, чем привел девочку в неописуемый восторг.

Вскоре начал уже падать густой снег, и очень рано наступили лютые морозы. В начале января замерзли даже быстрые стремнины истоков и исчезли, естественно, утки-рыболовы. Это была памятная зима 1755-56 года, о которой в течение многих поколений передавалась от отцов детям страшная повесть. Вся дичь, казалось, исчезла с лица земли, и голод убил почти десятую часть индейского населения запада.

Олени ушли на восток и на юг. Медведи еще в ноябре запрятались на зимовку в берлоги. То же самое относилось и к енотам, составлявшим главный предмет питания индейцев в неурожайные годы. Утки-рыболовы улетели искать открытые воды, где можно было бы охотиться за рыбой. Кролики как будто совершенно исчезли, как это случается регулярно каждые семь лет. Лоси и буйволы оставались за пределами Аллеганских гор. Мясо выдр и бобров ценилось дороже их шкур. Лисицы и прочие мелкие

плотоядные зверьки вынуждены были искать места, более богатые дичью. Голод беспощадно сжимал в своих объятиях земли трех индейских племен.

Вначале Джимс был еще более или менее подготовлен, так как ему удалось убить взрослого оленя, и, кроме того, он при содействии старого Вуску отметил целый ряд деревьев, в дуплах которых зимовали еноты. Но в конце января голод стал подбираться все ближе и ближе к маленькому шалашу, и Джимсу приходилось все дальше и дальше заходить в своих поисках дичи. В конце концов он стал уходить дня на два сразу. Морозы были ужасающие. Деревья издавали треск, точно залпы из ружей. Лютые ветры не прекращались ни на минуту. У Лесной Горлицы глаза становились больше с каждым днем, а тельце все тоньше. Джимс охотился со всей энергией, на какую только способно отчаяние. Все, что он добывал, было прежде всего для девочки, будь то пичужка, которую он убивал из лука, красная белка, желуди, найденные случайно в дупле, или сочные коренья водяной лилии, добытые из-под двухфутровой толщи льда.

А когда попадался сонный енот в дуплистом дереве, тогда хватало на всех — на несколько часов. Так тянулась неделя за неделей, и голодная смерть все время витала над шалашом. Жуткие страхи охватывали порою Джимса. Туанетта ни на одно мгновение не выходила у него из головы. Ведь она тоже принимала участие в этой тяжелой борьбе со смертью. Между тем А-Ди-Ба должен был добывать пищу для одиннадцати ртов, а не для четырех!

Но больше всего мучился Джимс, когда он смотрел на маленькую Лесную Горлицу, душа которой еле держалась в изможденном теле. Тем не менее она никогда не жаловалась и всегда встречала Джимса радостной улыбкой. Он теперь уже не отлучался далеко на охоту, так как и его силы тоже иссякали. Он только мог надеяться убить какую-нибудь птичку, но однажды, во время страшного бурана, он наткнулся на лань, столь же ослабевшую от голода, как и он сам. Без этой случайной добычи Вуску и Лесная Горлица умерли бы от истощения. Но так или иначе они были еще живы. Когда снег начал таять, в изобилии стали появляться еноты, а в открывшихся водах можно было собирать мясистые коренья водяной лилии.

В первых числах марта началась форменная оттепель, и Джимс со своими спутниками повернул назад в Ченуфсио. По дороге им попадалось множество дичи, а вечером они собирали в изобилии животворный липовый сок. То же самое делали и оставшиеся в Ченуфсио индейцы, занятые варкой

липового сахара. Только четыре семьи опередили Джимса. О Тиоге и его воинах ничего не было слышно.

Несмотря на то, что наступила весна, над Ченуфсио нависла грозная тень. Почти ни одна семья не возвращалась, не оплакивая потерю кого-либо из близких. К концу марта собралось уже сто пятьдесят человек. Среди них была и Красношейка, Мэри Даглэн. В общей сложности в Ченуфсио недоставало тридцати человек, не выдержавших лишений и голода. А могучего охотника А-Ди-Ба все еще не было.

Но наконец появился и он. Даже Тиога с трудом узнал бы его в этом жутком скелете из костей и кожи. Следом за ним влачили вверенные его попечению индейцы. Джимс стал пересчитывать их. Одиннадцать! Он кинулся им навстречу. Он с трудом узнал Туанетту, до такой степени она исхудала и стала похожа на всех других, с трудом волочивших ноги и шагавших с низко опущенными головами. Он подхватил девушку, весившую сейчас не больше ребенка, и понес ее в шалаш. Туанетта приникла к его груди и начала тихо плакать. Джимс уложил ее на мягкие шкуры, и когда на помощь ему явились Мэри и Лесная Горлица, он предоставил им заботы о ней, а сам вышел из шалаша. Навстречу ему поднялось какое-то страшное существо с водянистыми глазами и отвисшей челюстью. Это была Потеха.

А-Ди-Ба, с трудом держась на ногах, рассказал про свою борьбу с голодной смертью. Он привел назад живыми всех одиннадцать человек и собаку. Без этой собаки, говорил Высокий Человек, он не прокормил бы одиннадцать душ. И тогда Джимсу стало ясно, почему Потеха не была съедена.

Через некоторое время Мэри Даглэн снова позвала его к Туанетте. Она лежала на ложе из выделанных шкур, в ее глазах уже не было того страшного выражения, которое Джимс прочел в них раньше. Сейчас в них была написана радость свидания. Она протянула ему руку, и он опустился возле нее на колени. А потом она уснула, и юноша не видел ее до следующего дня. Все это время Туанетта спала, а Мэри и Лесная Горлица неустанно сторожили ее сон. Когда она проснулась, Джимс повел ее по всему Ченуфсио.

Туанетта решила, что если до осени не забредет священник, то она выйдет замуж за Джимса согласно индейским обычаям. В ее психологии произошла крутая перемена за время, проведенное в обществе А-Ди-Ба и его людей. Она видела, что Высокий Человек глодал кору, чтобы женщинам и детям досталась лишняя косточка или кусочек шкуры убитого зверька; на ее глазах матери припрятывали свою скудную долю пищи, чтобы сохранить ее для своих детей. Ее предубеждения против индейцев и их обычаев

мало-помалу таяли, и она стала проникаться по отношению к ним чувствами, которые были совершенно чужды ей раньше. Она полюбила Лесную Горлицу, как любила бы ее родная мать, а Красношейка стала ей родной сестрой. Вокруг себя она видела дружбу и привет, дети радовались ее присутствию, мужчины и женщины относились к ней с беззаветной преданностью. И ей пришло в голову, что в ее дальнейшей жизни вместе с Джимсом не имеет никакого значения, будет ли их венчать священник или нет.

Но в середине весны в Ченуфсио прибыл патер Пьер Рубо, холодный фанатик, державший путь к берегам Огайо, где, по его словам, он намеревался занять место умершего собрата, проповедовавшего христианство среди дикарей. История рассказывает совсем другое, а именно что не кто иной, как отец Рубо, был вдохновителем страшной резни в форте Вильям-Генри, во время которой были зверски истреблены все англичане без различия пола и возраста.

Венчание Джимса и Туанетты* разогнало на некоторое время уныние, охватившее всех жителей Ченуфсио. Они позволили себе несколько часов веселья в честь дочери Тиоги и сына старого Вуску. Но радость эта не могла долго продолжаться. Смерть зловещим покровом окутала селение сенеков. Ни слуха не было о Тиоге и его воинах. Шепотом передавалось, что все они погибли в бою и никто уже не вернется. Тревога переходила в страх, страх в уверенность в том, что случилась катастрофа. Страшные тени окутали Ченуфсио.

* * *

В своем бесконечном счастье Джимс и Туанетта не замечали резкой перемены, совершавшейся вокруг них. Воспоминания о пережитой трагедии уже казались теперь очень далекими, и если Туанетта во сне видела что-либо из страшного прошлого и просыпалась, то она находила утешение в объятиях Джимса. Первое пробуждение явилось результатом странного поведения Мэри Даглэн. Эта девушка успела даже в душе стать индеанкой. Дни проходили, собираясь в недели и месяцы, а Тиога не давал знать о себе, и в сердце девушки закрадывалось иногда опасение, что Шиндас погиб. Она стала избегать Туанетту, и та заметила, между прочим, что Мэри, как и прочие индеанки,

---

* Даниель Джеймс Бюлэн и Мария-Антуанетта Тонтэр были повенчаны отцом Рубо (как это значится в записях последнего) 27 апреля 1756 года (*Прим.автора.*).

никогда не плакала. Это была не Мэри Даглэн, дочь белых, а Опичи-Красношейка, дитя сенеков.

Наблюдая за ней, Туанетта вдруг начала соображать, что отношение индейцев к ней и к Джимсу совершенно изменилось. Мужчины держались на расстоянии от него и уже не встречали его радушным приветствием. Ченуфсио превратился в пороховой погреб, который мог в любую минуту взорваться. И искра, которая могла бы произвести взрыв, не заставила себя долго ждать.

Однажды в мае к концу дня в Ченуфсио появился Шиндас, и Мэри Даглэн кинулась ему навстречу. Шиндас лишь на одно мгновение прижал ее к груди, но сейчас же отстранил от себя. Он был один. Его руки и плечи были покрыты рубцами и еще незалеченными ранами. Глубокий шрам красовался у него на щеке. Мокасины представляли собой какое-то жалкое отрепье, в глазах его светился огонек, как у загнанного волка. Он прибыл гонцом от Тиоги, сообщил он, которого он опередил на много часов. Тиога возвращается в Ченуфсио только с десятью воинами. Остальные двадцать погибли.

Шиндас выждал некоторое время, пока его слова не проникли в грудь каждого, точно острие стрелы. А потом он стал называть имена убитых. Из двадцати трое пали от руки белого. Он был взят в плен и находится с Тиогой. Они ослепили его и собирались сжечь на медленном огне, но в последнюю минуту, когда пламя начало охватывать его, Тиога собственными руками разбросал костер, чтобы жители Ченуфсио тоже могли видеть, как он будет извиваться в огне.

Шиндас умолк. Казалось, что население Ченуфсио обезумело под действием страшного горя. В продолжение многих часов не прекращались вопли женщин. Но слез Туанетта не видела ни у одной из них. Ужас начал овладевать ею, когда она увидела, что индейцы готовятся к мести. В глазах недавних друзей она подмечала порою выражение неугасимой ненависти, когда ей случалось встретиться с ними взглядом. Она старалась укрыться подалеже от взоров, а также не отпускала от себя Джимса.

Молодой индеец, возлюбленный Опичи, пришел к ним, чтобы передать Джимсу поручение от Тиоги. Старый вождь приказывал ему идти немедленно в поселок Канестио, в семидесяти милях от Ченуфсио, и передать жителям вести об их воинах. Он вкратце повторил Джимсу то, что он должен был сообщить жителям Канестио, и ждал, пока тот не отправился в путь. Он уже больше не был ему братом. Шиндас ничем не выразил своего удовольствия, узнав, что Туанетта стала женой Джимса, а Мэри Даглэн

была в ужасе от перемены, происшедшей в ее возлюбленном.

Снова Туанетта осталась одна. Никто не навещал ее, помимо Лесной Горлицы. На другой день после прибытия Шиндаса девочка вбежала к ней с широко раскрытыми глазами и сообщила, что Тиога находится уже неподалеку от Ченуфсио. Туанетта решила, что она должна одной из первых приветствовать вождя, а попутно посмотреть на белого пленника. Она повязала вокруг головы красную косынку, воткнула в волосы желтое перо и присоединилась к населению Ченуфсио, собравшемуся на опушке в ожидании своего вождя. При ее приближении в толпе послышался злобный ропот. Тиога совершил большую ошибку. Вовсе эта белая девушка не была духом Быстрокрылой, она принесла с собой не счастье, а несчастье — голод и смерть. Лесная Горлица услышала слова одной старой индеанки: белая обманщица, занявшая место дочери Тиоги, должна быть сожжена на костре вместе с белым пленником. Девочка не передала этого Туанетте, а только пальцы ее, вцепившиеся в руку Туанетты, задрожали.

Вскоре в отдалении показался Тиога. Шиндас предупредил жителей Ченуфсио, что вождь никому не позволит прикоснуться к пленнику, дабы тот был в состоянии как мужчина встретить смерть на костре. Индейцы превратились в тигров и с трудом сдерживали обуревавшие их страсти. Даже в лицах детей сквозило что-то дьявольское.

Тиога вступил в Ченуфсио, и следом за ним шел белый пленник. Лицо вождя напоминало каменную маску. Одежда пленника была разодрана и висела на нем клочьями. Это был сильный, плечистый мужчина. По каждую сторону его шагали индейские воины, так как пленник был слеп. Пустые глазные впадины, прикрытые веками, придавали ему вид человека шагающего во сне. Тем не менее было видно, что близость смерти несколько его не страшит. Он шел, высоко подняв свою совершенно лысую голову и, казалось, бросал вызов врагам. Туанетта отшатнулась при виде его. В глазах у нее потемнело, и она с трудом удержалась на ногах.

Белый пленник был Эпсиба Адамс!

ГЛАВА XVIII

Никто, кроме Лесной Горлицы, не заметил слабости, охватившей Туанетту. Когда миновало первое потрясение, она обнаружила, что находится одна с маленькой индеанкой, между тем как все другие сомкнулись кольцом вокруг

Тиоги и его единственного пленника. Пользуясь суматохой, Туанетта незаметно пробралась к себе в шалаш, построенный Джимсом близ жилища Тиоги.

Она послала Лесную Горлицу за Шиндасом, и когда тот явился, Туанетта начала страстно молить его спасти пленника. Открыла ему, что он дядя Джимса и друг ее покойного отца, что он был другом индейцев до тех пор, пока могауки не убили его единственную сестру, которую он любил еще больше, чем Шиндас — свою Опичи. Молодой индеец с невозмутимым видом выслушал ее и, ничем не выразив сочувствия, повернулся и вышел.

Вначале Туанетта очень жалела, что с нею нет Джимса, но, поразмыслив хорошенько, пришла к убеждению, что это даже лучше, так как все возраставший шум, злобные возгласы женщин, бешеные крики воинов, доводивших себя до исступления возле столба пыток, — все это не предвещало ничего хорошего и убило всякую надежду на спасение Эпсибы. Будь Джимс здесь, он не стал бы равнодушно смотреть на убийство дяди, а предпринял бы, наверное, какие-нибудь шаги для его спасения, что могло бы оказаться роковым для него самого. Тем не менее эта мысль еще более укрепила в ней решение как-нибудь прийти на помощь несчастному пленнику. Она ждала до тех пор, пока старый вождь прошел к себе, и тогда она быстро отправилась к нему. Лесная Горлица и Потеха следовали за ней. Приветствие Тиоги не вселяло добрых надежд. Сперва ей показалось, что он намеревается протянуть ей обе руки, но ее постигло разочарование: она увидела, что он скрестил руки и сурово и спокойно уставился на нее. Он терпеливо выслушал Туанетту до конца, но ничем не выразил удивления, узнав, что человек, которому предстояло умереть на костре, является близким родственником Джимса и старым другом девушки, занявшей в его сердце место Быстрокрылой. Он только покачал головой и ответил, что пленник должен умереть. Его племя требует, чтобы человек, убивший трех его воинов, был уничтожен огнем. Когда стемнеет, пленник будет привязан к столбу и огонь будет зажжен.

Если белая девушка желает, она может поговорить с дядей Джимса, сказал в заключение Тиога. Он находится в шалаше А-Ди-Ба, который вместе с Шиндасом стережет его. Она должна спешить, многозначительно добавил он, так как уже начинает смеркаться.

Он следил за Туанеттой, пока та не исчезла вместе с Лесной Горлицей и Потехой. И если бы девушка могла его видеть в этот момент, она была бы поражена переменой,

происшедший в выражении лица Тиоги, едва он остался один.

Ченуфсио все еще оглашался воплями женщин, потерявших мужей, матерей, лишившихся сыновей, детей, оставшихся сиротами. Вокруг столба пыток уже пылали костры. Туанетта задрожала всем телом, увидев эти страшные приготовления. Она тяжело дышала, когда добралась наконец до шалаша А-Ди-Ба. Высокий Человек стоял неподвижно у входа с ружьем в руках, а рядом с ним сидел на земле Шиндас. Оба видели ее приближение, и Шиндас, точно дожидавшийся ее, поднялся на ноги, что-то шепнул А-Ди-Ба и пошел ей навстречу. Туанетта остановилась, не доходя нескольких шагов до шалаша, и взгляд ее случайно упал на реку, на берегу которой при надвигающихся сумерках смутно виднелись байдарки индейцев. Ей и Лесной Горлице не стоило бы никакого труда спустить на воду одну из них и в несколько минут очутиться за пределами Ченуфсио.

А-Ди-Ба даже не посмотрел на нее, когда она входила в шалаш. Ни он, ни Шиндас, казалось, совершенно не заметили присутствия Лесной Горлицы и Потехи. Эпсиба лежал на земле неподвижно, как труп. Туанетта опустилась возле него на колени. Только тогда, когда она притонулась к нему, он точно очнулся вдруг. Туанетта нащупала сперва его руки, крепко перетянутые ремнем, затем прикоснулась руками к его лицу. Низко склонившись над пленником, она прошептала:

— Эпсиба!.. Эпсиба Адамс!.. Это я — Туанетта Тон-тэр...

* * *

Вскоре Шиндас и А-Ди-Ба увидели, как из шалаша вышла Лесная Горлица и направилась к кострам. Шиндас остановил девочку, и та сказала ему, что дочь Тиоги плачет подле пленника.

Все ярче и ярче разгорались костры вокруг столба пыток, все ярче и ярче вспыхивали звезды в небе. Тиога что-то говорил своему народу, стоя посередине огненного кольца, а Шиндас и Высокий Человек, даже не слыша его, прекрасно угадывали смысл его слов. Скоро последует приказ привести пленника. А-Ди-Ба смотрел в сторону огня, Шиндас же шагал взад и вперед, точно приближение минуты страшной мести вызвало в нем тревогу.

Громкие возгласы, доносившиеся до них, послужили доказательством того, что момент наступил. А-Ди-Ба подошел к шалашу и приподнял полотнище, закрывавшее

вход. Он окликнул Туанетту, называя ее Сой-Иен-Макуон, но ответа не последовало. Он снова окликнул ее, а затем вошел внутрь. Высокий Человек, точно охотившийся зверь, обшаривал каждый уголок шатра, но ни Туанетты, ни пленника, ни собаки там не было.

Шиндас не промолвил ни слова. Точно так же нельзя было видеть выражение его лица, когда он, приблизившись к берегу реки, обнаружил исчезновение одной из байдарок.

Издавая какие-то странные звуки, А-Ди-Ба кинулся к Тиоге и к ожидавшимся индейцам. Он далеко не был так спокоен, как Шиндас, который сообщил вождю о случившемся и о предательстве женщины, которую Тиога принял вместо Быстрокрылой. Он говорил громко, чтобы все могли слышать его. Лицо вождя оставалось до жути спокойным, несмотря на то, что это был страшный удар для него. Только морщины еще глубже залегли на его челе. Индейцы ждали, чтобы он заговорил, и наконец слова полились из его уст — страстные, пламенные слова, таившие в себе смерть. Он заявил, что его собственная честь и честь всех сенок в его руках, А-Ди-Ба и Шиндас поедут с ним и огонь получит свое еще в эту ночь. Он предаст огню белую девушку, оказавшуюся изменницей!

Эта весть шепотом передавалась из уст в уста. Белая девушка будет сожжена на костре. Теперь это была не просто месть, а вопль о справедливости со стороны поруганного духа Сой-Иен-Макуон, повеление покойницы Быстрокрылой, и Тиога не смел ослушаться.

Минута летела за минутой. Костры выгорели и теперь светились во мраке, точно огненные глаза. Проходили часы, и сенеки все прислушивались и ждали. Но вот вдали послышался голос, приближавшийся со скоростью быстро мчащейся байдарки. Тиога пел песню смерти, в которой он оплакивал свою дочь, но вместе с тем в его голосе чувствовались ноты ликования, и было очевидно, что вождь выполнил дело, по которому он отправился. Снова было подброшено горючее в костры, и вскоре опять вспыхнуло яркое пламя. Однако, когда вождь со своими спутниками прибыл, оказалось, что пленников с ними нет. Тем не менее глаза преследователей горели зловещим огнем, и Тиога снова затянул песню смерти, потом схватил пылающую хворостину и кинул ее на смолистое горючее, разложенное вокруг столба пыток.

Огромное пламя взвилось к небу, и тогда Тиога принялся плясать пляску смерти, доведя себя до исступления и повествуя своему народу о том, что случилось во время преследования. Они настигли беглецов возле больших

скал, где бушуют пороги. Слепой отчаянно защищался с помощью топорика, похищенного из шалаша А-Ди-Ба, и успокоился лишь тогда, когда упал с раскрытым черепом. Это был сущий дьявол, добавил Тиога, указывая на рану, зиявшую на бедре Шиндаса. Тело слепого было унесено в бездонную пропасть под скалами.

Но нечестивую белую женщину, оказавшуюся предательницей, навлекшую позор на племя сенекон и осквернившую память Сой-Иен-Макуон, о, ее они взяли живьем. Лицо Тиоги приняло серый оттенок, из глаз его, казалось, брызжет пламя, с уст слетали бешеные проклятья. Разве не отогрел он ее у себя на груди? Разве не нарядил он ее в одежды Быстрокрылой? Разве не дали ей сенеки место среди своих жилищ? А она оказалась змеей! И когда она очутилась у него в руках, в ушах его прозвучал голос Сой-Иен-Макуон, взывавшей о мщении. А потому он на месте убил предательницу!

ГЛАВА XIX

На второй день пути, приблизительно в полдень, Джимс достиг селения Канестио, вождя которого звали Матози, то есть Бурый Медведь. Семьдесят миль от Ченуфсио он покрыл за тридцать часов и рассчитывал так же быстро проделать и обратный путь, так как на душе у него было очень тревожно. Он покинул Туанетту в такое время, когда индейцы были враждебно настроены против белых. Для него было загадкой, почему Тиога послал именно его, а не индейского гонца к Бурому Медведю, да и само поручение не заключало в себе никакой важности или спешности. Но Джимс был бы еще более встревожен, если бы знал, что ему предшествовал другой гонец, молодой индеец по имени Насво-Га, то есть Быстрая Стрела, передавший Бурому Медведю важное поручение от Тиоги. Едва он очутился в Канестио, у него было отобрано все его оружие, и только после этого его провели к Матози. Этот вождь (убитый, между прочим, год спустя в бою у озера Джордж и слывший одним из отважных бойцов среди индейцев) заявил Джимсу, что он его пленник. Тиога, мол, не вернул вовремя зерно, взятое взаймы, и Джимс своей свободой должен был покрыть долг. Таково было соглашение между вождями, сухо пояснил ему Матози. Если пленник сделает попытку бежать и будет пойман, его ждет немедленная смерть.

Вокруг отведенной ему палатки был проведен «мертвый круг», которого отныне он не смел переступать, и за

ним следили точно за пленником, которого ждет смерть на столбе пыток. Джимс не мог, конечно, найти объяснение странному поступку Тиоги, но он был убежден, что это каким-то образом имеет отношение к судьбе Туанетты. Он не сомневался в том, что объяснения, данные Бурым Медведем, — сплошной вымысел и во всем этом кроется заговор Шиндаса и Тиоги, которых он раньше считал своими лучшими друзьями.

С каждой минутой росла его тревога, и на второй день он принял решение бежать даже рискуя жизнью, лишь бы добраться до Ченуфсио. Но индейцы, по-видимому, угадали его намерение, так как на третий день его стали сторожить еще зорче, а ночью вокруг его палатки расположилось шестеро воинов, которых никак нельзя было обойти.

На четвертый день в небе стали сгущаться тучи, сулившие грозу и ливень, и снова Джимс проникся надеждой, что ему удастся бежать. С наступлением мрака хлынул дождь, загрохотали раскаты грома. Едва ли кто-либо из сенеков станет стеречь его снаружи в такую ночь. Он только собрался было встать, как вдруг услышал, что кто-то приподнимает полотнище у входа в палатку.

Кто-то вошел в палатку! В следующее мгновение Джимс услышал свое имя, произнесенное шепотом.

— Я — Лесная Горлица... Я бежала из Ченуфсио три дня тому назад. Я пришла сообщить тебе, что Туанетты уже нет больше в живых.

* * *

Ослепительные молнии, озарявшие в эту ночь небо, время от времени освещали путь одинокому путнику, спешившему по направлению к Ченуфсио.

Этот путник был Джимс Бюлэн. Приди к нему кто-нибудь другой с этой страшной вестью о смерти Туанетты, принесенной Лесной Горлицей, он не поверил бы. Но детские уста выложили всю правду, во всей ее беспощадной наготе. И каждый проблеск молнии напоминал Джимсу язык пламени, поднимавшийся над костром во время пляски смерти Тиоги со скальпом Туанетты в руках. И даже в густой мгле ночи Джимс видел перед собой искаженные предсмертной мукой лица жены и ослепленного дяди, взывавшие о мести.

Туанетта умерла! Она была убита так же, как и его отец и мать! Ее не стало, как не стало и отца ее. И теперь он совершенно один. Даже месть казалась теперь бесполезной, да едва ли существовала достойная месть за все это. В сердце его не оставалось ни малейшего проблеска

надежды. Он надеялся, когда искал среди развалин замка Тонтэр, он лелеял в душе смутную надежду, что дядя Эпсиба, возможно, еще жив. Но теперь он был лишен даже этого. Остается лишь месть. Он убьет Тиогу. Он убьет Шиндаса.

Ченуфсио спал. Только собаки обнюхивали Джимса и, узнав его, отходили в сторону. Джимс прежде всего стал разыскивать Шиндаса, но его не оказалось в палатке, равно как не было там его оружия. Шиндас, следовательно, находился где-то в пути. В течение нескольких секунд Джимс стоял неподвижно в тени векового дуба, не спуская глаз с жилища Тиоги. Внезапно он увидел фигуру, показавшуюся из шалаша. Джимс тотчас узнал Тиогу. Вождь направился к нему, точно судьба сама направила его навстречу своей участи. Не доходя шагов тридцати, Тиога остановился. Луна ярко озаряла его лицо. Джимс не стал себя спрашивать, о чем думал вождь, что заставило его пойти ему навстречу.

Он быстро всадил стрелу и, тихо окликнув Тиогу, сказал, что наступила минута мести. Послышался звук, похожий на пение птички, и Тиога, не издав ни звука, свалился замертво, лишь успев схватиться руками за грудь.

Джимс отправился к реке и в течение многих дней все искал и искал, надеясь найти тело Туанетты. Сенеки часто проплывали мимо него, но так как он проводил большую часть времени в воде, то они не могли его заметить. Достигнув озера Онтарио, он повернул на восток. По мере того, как проходили недели, им все больше и больше овладевало какое-то отупение. Он потерял все желания. Что бы он ни делал, он никак не мог себе ответить на вопрос, зачем он это делает. Он подолгу скрывался в недоступных местах, сам не зная от кого и от чего, точно у него вошло в привычку прятаться. Совершенно бессознательно достиг он того места на озерё Шамплейн, которое индейцы называли Тикондерога, где французы воздвигали форты Водрей и Карильон. Джимс ухватился за возможность чем-либо заняться здесь с ревностью человека, нашедшего чем утолить душевный голод. Он присоединился к войскам Монкальма, и взамен лука и стрел ему дали мушкет и лопату.

Работа по постройке фортов, сильные ощущения, приносимые войной, окружающая обстановка, все учащающиеся победы французов — все это служило огромной поддержкой потрясенной душе Джимса, хотя и не вызывало в нем какого-либо энтузиазма. Он пытался бороться с этой апатией, он старался вызвать в душе ненависть, уговари-

вая себя, что англичане и их союзники-индейцы являются виною всех выпавших на его долю несчастий, но ему никак не удавалось воскресить в себе былую жажду мести.

Когда английская твердыня Освега была сровнена с землей и во всех церквах Новой Франции служились благодарственные молебны, Джимс не испытывал какого-либо восторга. Но когда один из его собратьев по оружию назвал однажды знакомое имя, сердце Джимса бешено заколотилось, и с тех пор дружба солдата из Квебека, сестру которого звали Туанетта, значила для него больше, чем все победы, одержанные французами.

Обнаружив, что Джимс прекрасно знаком с местностью, начальник назначил его разведчиком. В сочельник 1756 года он был взят в плен солдатами Роджерса, но в январе бежал и в начале февраля вернулся в форт Карильон.

В августе 1757 года Джимс участвовал во взятии фортов Вильям-Генри и Джордж и видел, как был истреблен английский гарнизон неукротимыми дикими союзниками французов*.

А потом наступило 8 июля 1758 года — бой под Тикондерогой, когда на протяжении ста акров не было возможности пройти, не ступив в лужу французской или английской крови, когда три тысячи измученных воинов Новой Франции очутились лицом к лицу с шестью тысячами регулярных английских войск и десятью тысячами колониальных солдат. В этот день Джимс заряжал свое ружье и стрелял, снова заряжал и колот штыком, но освобождение, которого он ждал и которое должна была принести ему смерть, не приходило. Люди падали вокруг него десятками, сотнями, целые ряды, точно скошенные колосья, валились под страшным огнем, но когда англичане бежали в страшном смятении, Джимс обнаружил на своем теле только несколько царапин и ожогов от пороха.

Французы отбили натиск врага, превосходившего их численностью в пять раз. Но что было в этом для Джимса? Если, как говорили священники, это Бог оказал им свою помощь, то что же этот Бог имел против него и Туанетты, спрашивал он себя.

После трагического падения Луизбурга Монкальм начал отступать, и армия мало-помалу стала разбираться в истинном положении дел. Усталые, измученные, голодные, брели солдаты по направлению к Квебеку. Грабежи, безумие, интриги шли следом за ними. Вся надежда была

---

* Джимс был одним из тех немногих, кто вырыл два длинных рва, в которые были опущены тела убитых англичан. (Прим.автора).

на Монкальма, но наступила осень, затем зима, и стало ясно, что фортуна отвернулась от него. На реке Сент-Лоранс маячил лес английских мачт. Урожай в Новой Франции был скудным, и мука продавалась по двести франков бочонок. Монкальм ел конину, но не терял надежды. «Если нам придется отступить от Сент-Лоранса,— писал он жене,— мы спустимся до Миссисипи и укрепимся в болотах Луизианы!»

В продолжение весны и лета 1759 года Джимс наблюдал за тем, как все теснее и теснее охватывала паутина последнюю твердыню французов — Квебек. Туанетта была убита в мае 1756 года, а в мае 1759 года Джимс увидел берега Монморанси, высокие скалы Квебека, столько времени господствовавшего над Новым Светом. Четыре месяца спустя в памятное 13-е сентября, день, чреватый событиями, которых не забудет история, он стоял уже на равнинах Авраама.

ГЛАВА XX

Было десять часов утра, когда настала решающая минута. На заре было туманно, пасмурно, в шесть полил дождь, потом вдруг стало удушливо жарко. Такой сентябрь мог поспорить с июлем.

А в то время, когда маленький отряд английских добровольцев подбирался, крадучись, под прикрытием ночного мрака к Квебеку, начальник охраны города, французский офицер Зергор, спал крепким сном, так же, как и вся его стража. В его руки рок предал судьбу Новой Франции. Но он был убит еще раньше, чем успел протереть глаза от глубокого сна.

Двадцать четыре добровольца взобрались по стенам со стороны реки, хватаясь за кусты, цепляясь за каждый выступ скал, припадая лицом к земле, продвигаясь лишь по несколько дюймов в минуту. Безымянные смельчаки переиначили в эту ночь старую карту мира. Они проложили дорогу главным силам, и тогда тонкой струйкой, точно муравьи, потянулись красные мундиры по открытой для них тропе.

Джимс находился в своем батальоне, прибывшем на поле битвы в шесть часов утра из лагеря на берегу Сен-Шарль. Лежа на земле, он следил за тем, как все росли и росли силы англичан, превращаясь из муравейной кучи в могучую гору. Вокруг него расстилались равнины Авраама, и он думал о том, что не кто иной, как прапрадедушка

Туанетты, окрестил так эту местность. Мало-помалу им начало овладевать чувство покоя, точно близился момент, когда ему суждено было наконец найти то, чего он искал вот уже несколько лет.

На глазах у Джимса англичане группировались и строились в боевой порядок. Семь часов... Восемь... Девять... Позади него мчался введенный в заблуждение Монкальм, спеша через мост, опоясывавший реку Сен-Шарль. На окраине равнины находился генерал Вольф, этот поэт и философ с лицом мальчика, готовившийся к славе или смерти. На узких улицах города расположились орды индейцев, раскрашенных в яркие цвета, отряды изможденных, изголодавшихся, обманутых канадцев, готовых в последний раз отстаивать свои дома, французские батальоны в белых формах со сверкающими штыками, много недель уже получавшие голодные пайки, но горевшие желанием постоять за Монкальма.

Равнина купалась в теплых лучах солнца, точно огромный ковер, отливавший всеми красками осени — зеленью на золотом. Можно было уснуть, будучи убаюканным этим невозмутимым покоем, негой теплого дня и бездонной синевой неба. Джимс закрыл глаза, и перед ним поплыли знакомые образы — Туанетты, отца, матери, Эпсибы Адамса. Здесь почти полтора века тому назад паслись стада Авраама Мартина, прапрадедушки Туанетты. И Джимсу казалось, что он очутился на знакомой земле, по которой ступали когда-то его ноги, на которой жила его душа. Он слышал ласковый шепот земли, к которой с нежностью прикасались его руки, точно лаская пальцы Туанетты.

В городе зазвонили колокола. Новая Франция молила о победе. Монкальм ждал подкреплений, которые так и не явились. Заиграли трубы, загрохотали барабаны, гордо развевались знамена. Полторы тысячи канадцев и индейцев расположились среди маисовых полей, кустов и холмиков. Бой начался, и вместе с тем начала рушиться Новая Франция.

Десять часов...

Что-то порвалось, очевидно, в душе Монкальма. Его трезвое суждение изменило ему. Он отдал роковой приказ наступать, и результатом его был триумф английского оружия.

Французы построились пятью густыми колоннами, — четыре белых и одна синяя. Англичане стояли длинной крепкой стеной в шесть человек шириною. Между противниками лежало совершенно ровное пространство. Вздумай англичане пойти в атаку, и в историю были бы занесены

другие страницы. Но англичане ждали, а в наступление пошли французы.

Среди наступавших был Джимс Бюлэн. Уже в самом начале он был ранен в плечо, и кровь горячей струей текла по его пальцам. Он не испытывал никакой боли. Какая-то страшная сонливость охватывала его, в то время как он шел вперед, подвигаясь в атаку. Он видел, как Монкальм объезжал свои ряды, поощряя их и воодушевляя личным примером. Он видел его зеленый, вышитый золотом мундир, сверкающую кирасу у него на груди и слышал его вопрос, обращенный к солдатам: «Не хотите ли немного отдохнуть перед боем?» И повсюду слышался один ответ: «Мы никогда не чувствуем себя усталыми до боя!»

Сорок-пятьдесят шагов вперед, затем остановка. Потом снова вперед, затем опять остановка. Так велось в те дни наступление на открытом месте. При каждой остановке солдаты стреляли, заряжали ружья и снова подвигались вперед. Но красная линия противника, вопреки всем правилам войны, еле шевелилась и продолжала стоять стеной. Правда, в стене образовались пробоины, там, где люди падали, залитые кровью, но те, что оставались, не делали ни малейшего движения и ждали, держа наготове свои двустволки.

Дрожь пробежала по рядам французов. Дыхание начало с шумом вырываться из груди. Нервы напряглись до последнего предела. А над равниной Авраама тихой мелодией разносился в воздухе звон колоколов.

Снова наступающие остановились, и на этот раз не более чем в ста шагах от редеющих рядов англичан, но те все еще не трогались и не стреляли. Сосед Джимса вдруг расхохотался, словно его мозги не выдержали напряжения. Из груди другого вырвался хриплый звук, точно ему нанесли внезапно удар. Джимс делал огромные усилия, стараясь овладеть собой. У него вдруг зародилась в голове забавная мысль: возможно, что в конце концов боя вовсе и не будет.

И потом он услышал, как его окликнули по имени. Это был голос матери. Он отозвался и бросился бы вперед, если бы его не оттянули назад чьи-то руки. Позади себя он услышал шепот: «Сошел с ума!» Он протер глаза, чтобы отогнать наваждение, и выронил ружье. Его зрение прояснилось. Он увидел красную линию противника, открытое пространство, отделявшее его от англичан, и между французами и англичанами какое-то существо...

Те, кто смог пережить этот день, никогда не забудут того, что им привелось увидеть. Это записано в истории и французов и англичан. В продолжение нескольких секунд

противники смотрели не друг на друга, а на собаку. Да, на старую, тощую собаку, которая проходила между врагами, хромя, так как одной ноги у нее не доставало.

Джимс сделал усилие над собой, желая окликнуть ее. Из груди его вырвалось наконец:

— Потеха!

В этот момент снова прозвучал приказ Монкальма:

— Вперед!

Вместе с другими Джимс устремился навстречу смерти, ничего не видя перед собой, беззвучно шевеля губами. Он уже не видел больше ни солнца, ни красной стены англичан. Он только слышал топот бесчисленных ног и звон колоколов. Но затем и эти звуки потонули в грохоте залпов.

Англия открыла стрельбу на расстоянии сорока шагов. Франция горами трупов покрыла землю.

Вместе с первыми рядами павших рухнул замертво и Джимс Бюлэн.

ГЛАВА XXI

Много времени прошло, пока Джимс снова услышал наконец мелодию колоколов. Когда миновала черная ночь, окутывавшая его мозг с тех пор, как он пал на равнине Авраама, он обнаружил, что находится в госпитале под присмотром заботливых сестер милосердия. А между тем у него оставалось еще такое ощущение, точно всего лишь несколько минут тому назад он слышал треск английских ружей.

Была уже середина октября. Ни Монкальма, ни Вольфа не было уже в живых. Квебек представлял собой сплошные руины, а Англия нераздельно господствовала в Новом Свете. Джимс ни на одну минуту не забывал трехногого пса, проходившего между линиями врагов в памятный сентябрьский день. Он никому не обмолвился ни единым словом об этом существе, даже старшей сестре, матери Сен-Клод, уделявшей ему особенное внимание. С каждым днем в нем росла и крепла уверенность, что виденное им на поле брани было лишь иллюзией, обманом зрения в результате перенапряжения нервов.

Тем не менее стоило ему увидеть собаку на улицах Квебека, и он первым делом смотрел, все ли у нее ноги.

Он не совершал долгих прогулок, и к тому же бродил всегда один. Джимс встречал многих товарищей по оружию, но те не узнавали его, а у него не было желания открываться им. Он до такой степени отощал, что скорее напоминал человека, приближающегося к смерти, чем нахо-

дящегося на пути к выздоровлению. Он ходил, тяжело опираясь на палку, сгорбленный, с ввалившимися глазами, с лицом изможденным, как у старика, с руками тонкими, как плети. Тот небольшой интерес к жизни, который еще оставался в нем раньше, казалось, испарился вместе с его иссякшими силами.

Немного оживило его рыцарское отношение англичан к побежденным. Это находило отклик в его английской крови, унаследованной от матери. Как это ни казалось невероятным, но англичане вели себя как друзья, отнюдь не как победители. Начиная с бригадира Меррея и кончая рядовыми солдатами, все относились к французам вежливо, великодушно, делились с голодающими жителями хлебом и табаком, безвозмездно помогали им отстраивать разрушенные жилища и всячески старались завоевать расположение этих людей, обманутых и разоренных губернатором Новой Франции, его разнузданными приспешниками и развратным, безвольным королем с его придворной кликой.

Джимс всем своим существом воспринимал эту дружбу недавних врагов. Вначале он оставался молчаливым, держался в стороне ото всех и говорил лишь тогда, когда того требовала от него элементарная вежливость. Он замечал, что многие останавливаются на нем свой взор с выражением искренней жалости, и порой, когда ему становилось трудно держаться на ногах, чужие руки приходили немедленно на помощь. Его силы возвращались очень медленно, но на второй неделе после того, как он стал сам передвигаться, случилось нечто такое, от чего кровь начала быстрее переливаться в его жилах.

Он однажды подслушал на улице разговор двух солдат. Они говорили о собаке, *о трехногой собаке, неторопливо прошедшей между линиями врагов, когда англичане готовились уже открыть огонь по французам.*

Когда Джимс вернулся в госпиталь, мать Сен-Клод решила было, что у него снова начинается лихорадка, до такой степени он был возбужден. На следующий день он принялся за поиски собаки. Он нашел еще людей, которые видели то, что он узрел собственными глазами во время боя. Он осторожно задавал вопросы, не желая никому открывать причины своего интереса к столь ничтожному обстоятельству. Он твердил себе, что эта собака не могла быть Потехой, но тем не менее он искал именно Потеху. Подобное душевное состояние порой тревожило его, и он нередко задавал себе вопрос, не начинает ли он терять разум. Надеяться на то, что Потехе удалось избежать страшной мести Тиоги и самой добраться до Квебека, преодолев сотни миль непроходимой глуши, значило терять рассудок.

Все же он продолжал искать, стараясь уверить себя, что это является попросту развлечением, полезным для его здоровья, и что только любопытство, а отнюдь не надежда, заставляет его искать собаку о трех ногах. Большую часть досуга он проводил в нижней части города, изобиловавшей собаками, но труды его ни к чему не приводили.

Его поиски неожиданно пришли к концу как раз в противоположной стороне города, где жила более богатая часть населения. Нанси Ганьон, урожденная Лобиньер, так описывала этот инцидент в письме к своей любимой подруге Анне Рок, урожденной Сен-Дени. Письмо это, хотя и сильно пострадавшее и выцветшее от времени, сохранилось до сих пор.

«Я только было вышла из дома, как вдруг увидела какую-то странную фигуру, остановившуюся у ворот железной ограды, отделявшей от улицы двор, где маленький Джимс в это время играл со своими кубиками и палочками. Это был солдат в выцветшей форме Новой Франции, и на руке у него красовалась повязка раненого. По-видимому, он лишь недавно встал с постели после продолжительной болезни. Он издал хриплый возглас, зашатался и прислонился к воротам. Я подумала, что он близок к потере сознания, и поспешила к нему на помощь.

Но в этот момент случилось нечто удивительное. Собака, сторожившая мальчика, кинулась на незнакомца, и я, в ужасе от этой неопишуемой атаки, закричала что было мочи. Подхватив с земли какую-то безобидную палочку, я собиралась ударить животное, чтобы отогнать его от назначенной жертвы. Вообрази мое удивление, когда я увидела, что человек и животное оба обезумели от радости, очевидно, узнав друг друга.

Поведение собаки, а равно и мой крик напугали бедного мальчика, и он поднял рев. Из дома выбежали Туанетта и мой отец. Я в жизни не забуду того, что произошло потом. Туанетта сперва кинулась к своему ребенку, а потом заметила человека, стоявшего у ворот, и у меня в ушах до сих пор еще отдается дикий вопль, вырвавшийся у нее из груди. Она кинулась в объятия этой жалкой развалины и, рыдая, стала покрывать его лицо поцелуями. Собака не переставала скакать вокруг них, издавая радостный визг, маленький Джимс ревел во всю силу своих легких, а я все стояла, комично поднимая палочку, которой я собиралась отогнать собаку.

Конечно, это необычайное зрелище начало привлекать к нам любопытных прохожих, и...»

Вот как случилось, что Джимс нашел свою жену и ребенка. Первые минуты в доме Лобиньер, куда Нанси про-

вела его и Туанетту, следом за которыми шли ее отец и негр, несший на руках ребенка, казались Джимсу столь же нереальными, как и последние минуты боя на равнине Авраама. Нанси усадила его в кресло и принесла ему маленького Джимса, все еще цеплявшегося за шею Туанетты. И тогда только Джимс Бюлэн узнал, что у него есть сын. Он был до такой степени потрясен событиями этих нескольких минут, что даже не заметил слепого Эпсибу Адамса, который, подвигаясь ощупью вдоль стены, пришел узнать, чем вызвана такая суматоха.

А когда они остались одни в комнате Туанетты, последняя рассказала Джимсу, что случилось с ней после ее бегства из Ченуфсио.

Она рассказала ему, как Эпсиба Адамс был взят в плен могауками, бежал от них и снова был захвачен сенеками, как она пыталась смягчить сердце Тиоги, когда слепого Эпсибу привели в Ченуфсио, но все ее труды оказались бесполезными.

— Я была в таком отчаянии, что до сих пор не могу толком отдать себе отчет в том, как все это произошло. Я боялась за тебя, когда задумывалась о том, что ты предпримешь, узнав по возвращении о судьбе дяди Эпсибы. Только войдя в шалаш А-Ди-Ба и обнаружив там охотничий нож, я поняла, что судьба сама пришла мне на помощь. Я разрезала ремни, которыми был связан пленник, потом прорезала отверстие в задней стене палатки, и мы ползком добрались до байдарок. Но перед этим я передала Лесной Горлице поручение к тебе.

Когда за нами была устроена погоня и мы снова оказались в плену, у меня в душе погасла последняя искра надежды. Но еще больше была я потрясена, услышав голос Тиоги, уверявшего, что нам нечего бояться, что никто не намеревается причинить нам зло. Когда мы ступили на берег реки, Тиога скрылся во мраке и Шиндас объяснил нам, что еще за три дня до возвращения в Ченуфсио вождь понял из слов слепого пленника, что он приходится тебе дядей, а мне дорогим другом. Однако было уже поздно спасти его, так как воины были все злобно настроены и жаждали отомстить за убитых товарищей.

Шиндас отправился вперед с поручением для тебя от Тиоги, чтобы ты был вдали от Ченуфсио к тому времени, когда прибудет пленник. Я слушала повесть молодого индейца и постепенно понимала, какие честные и благородные сердца бьются в груди каждого из этих дикарей. Три человека стали предателями по отношению к своему племени, чтобы спасти нас от смерти. При свете факела Шиндас показал мне скальп с волосами, до невероятия похожи-

ми на мои собственные, и сам нанес себе ножом удар в бедро. Он собственной кровью смочил страшный трофей, снятый Тиогой с головы какой-то несчастной индеанки.

Я и Эпсиба снова сели в байдарку, конечно вместе с Потехой. Несколько часов спустя Шиндас присоединился к нам и рассказал, что Тиога плясал вокруг костра пляску смерти и сенеки поверили его рассказу о нашей гибели. Шиндас оставался с нами до тех пор, пока мы не набрели на французских солдат близ форта Фронтенак, и я каждый день перевязывала ему рану.

Туанетта на минуту умолкла, словно пыталась упорядочить быстрый ход мыслей, затем продолжала:

— Я провела однажды несколько минут с Тиогой. Это было в ту ночь, когда он настиг нас, и в то время, когда Шиндас был занят смачиванием скальпа индеанки кровью из своей раны, чтобы скальп казался совершенно свежим. Тиога действительно любил меня, Джимс, не меньше, пожалуй, чем ту, место которой я заняла. Я разыскала его во мраке, но он был холоден, как гранит. Он обещал, однако, сделать все возможное, чтобы ты мог поскорее присоединиться к нам, но говорил, что надо обождать, дабы не вызвать подозрения в жителях Ченуфсио. Потом он прикоснулся ко мне в первый раз. Возможно, что он так ласкал когда-то свою дочь Сой-Иен-Макуон. Он провел рукой по моим волосам и произнес мое имя таким голосом, которого я не слыхала никогда раньше.

Я поцеловала его. Я обняла его обеими руками и поцеловала, но у меня было такое ощущение, точно мои губы коснулись камня. Да, этот человек любил меня, и потому-то меня больше всего мучил вопрос, отчего он не посылает тебя ко мне.

Джимс не мог ответить ей на этот вопрос. Как было ему сказать ей, что он убил Тиогу?

* * *

Весной 1761 года Джимс вернулся в долину Ришелье. Мадам Тонтэр, строптивый нрав которой был значительно укрощен свалившимся на нее горем, передала в полное владение дочери и ее мужа поместье Тонтэр, заявив при этом, что никогда больше не вернется туда. Что же касается Джимса и Туанетты, то их сердца еще больше преисполнились радости при мысли о том, что свой новый дом они построят там, где разыгралась драма, соединившая их до гроба. Руины замка Тонтэр были родным домом не только для них, но и для Эпсибы Адамса. И когда Джимс снова очутился на земле, которую он покинул за пять лет до

этого, он написал Туанетте, дожидавшейся его в Квебеке, что холмы встретили его приветливой улыбкой, что луга приветствовали его своей яркой зеленью, а цветы пышным ковром разрослись на земле, где покоились дорогие им обоим существа.

Он приступил к работе вместе с фермерами, последовавшими за ним, а в сентябре послал уже за Туанеттой и сыном. Снова взвились к небу струйки дыма из человеческого жилья, опять заблеяли овцы и замычали коровы на лугах, снова завертелось колесо мельницы. И, как и встарь, Туанетта ездил верхом, держа путь к таинственной долине, но теперь рядом с ней ехал Джимс Бюлэн.

Уже пошел второй год со времени возвращения на старое пепелище, когда на тропинке, что вела к замку с холма Тонтэр, показались какие-то незнакомцы: двое мужчин, женщина и девочка. Эти люди принадлежали к племени сепеков, и мельник, первый заметивший их приближение, подозрительно оглядел их, с трудом скрывая свое удивление, так как мужчины имели дикий и свирепый вид, а женщина была белая и на диво красивая. Незнакомцы гордо прошли мимо мельника и, не обратив ни малейшего внимания на его вопрос, что им нужно, напрямиком направились к дому. Когда Туанетта увидела их, она так вскрикнула, что мельник кинулся за своим ружьем.

Старый Тиога пришел в замок Тонтэр, чтобы показать Джимсу след от стрелы, выпущенной из лука его ослабевшей рукой. Вместе с ним явилась Мэри Даглэн, по прозванию Красношейка, Шиндас и Лесная Горлица. И каждый год после этого, вплоть до самой своей смерти Тиога навещал друзей в долине Ришелье. С каждым годом становился все больше тюк мехов и ярких перьев, которые он приносил в подарок детям, так как Туанетта принесла Джимсу еще одного мальчика, а потом девочку; и таким образом, старому воину приходилось немало времени уделять охоте, зная, что его нетерпеливо ждут трое ребятишек.

Каждый год также приходили в замок Тонтэр Мэри-Опичи и Шиндас. Лесная Горлица уже не покинула больше своих белых друзей и не вернулась в Ченуфсио. Ее старый отец Вуску и несчастный брат Токана оба закончили свое земное существование. Она прожила с Туанеттой и Джимсом до девятнадцати лет, затем вышла замуж за фермера де Тюнси, потомки которого до сих пор еще живут в долине Ришелье.

Среди пачки пожелтевших от времени писем находится одно, помеченное июнем 1767 года и адресованное Нанси Лобиньер за подписью Марии-Антуанетты Бюлэн.

«Моя милая, дорогая Нанси!

Глубокая грусть охватила всех обитателей замка Тонтэр. Умерла Потеха, и хотя прошло уже две недели, как мы похоронили ее близ часовни, мы все еще тоскуем по ней, точно мы потеряли родного ребенка. Вчера маленькая Туанетта долго не переставала плакать и все звала Потеху, пока наконец не уснула, утомившись от слез. И у меня самой тоже наворачиваются слезы, как только я вспоминаю это преданное животное. Даже Джимс, как ни умеет он владеть собой, отворачивает от меня лицо, когда нам случается проходить мимо часовни.

Со смертью Потехи мы потеряли последнее, что оставалось у нас от былых дней. И еще больше болит мое сердце за бедного дядю Эпсибу. Этот славный пес в продолжение всех этих лет служил Эпсибе поводырем, и мне порою казалось, что они научились разговаривать друг с другом.

Теперь Эпсиба почти всегда сидит один, сторонясь всех, и каждый вечер мы видим, как он, ощупью продвигаясь вперед, направляется к часовне, точно надеясь по пути найти дорогого друга. Ужасная вещь смерть, дорогая Нанси! И как это смешно, что находятся люди, которые проводят грань между душой человека и душой животного. Но я не стану больше донимать тебя ни моралью, ни горестными излияниями, а то ты, пожалуй, пожелаешь, чтобы я писала тебе еще реже.

У нас здесь прекрасная погода, и розы...»

* * *

Странные пятна покрывают пожелтевшие листки письма. Невольно напрашивается подозрение, уж не следы ли это слез?

СОДЕРЖАНИЕ

Черный охотник	7
У последней границы	173
Тяжелые годы	363

К36 Кервуд Д.-О. Черный охотник. У последней границы. Тяжелые годы. Романы./Пер. с англ.: — М., ДИАМАНТ, 1993.— 512 с., илл. (серия «Библиотека приключений продолжается...»)
ISBN 5-87056-069-1

Остросюжетные приключенческие романы американского писателя Джеймса Оливера Кервуда (1878—1927) посвящены суровой и богатой опасными приключениями жизни Северной Канады и ее обитателям — мужественным, благородным, сильным, с честью выходящим из самых невероятных ситуаций.

ББК 84.7 США

Scan Kreider |

Литературно-художественное
издание

Джеймс Оливер Кервуд

ЧЕРНЫЙ ОХОТНИК
У ПОСЛЕДНЕЙ ГРАНИЦЫ
ТЯЖЕЛЫЕ ГОДЫ

Романы

перевод с английского

Ассоциация предприятий, объединений
и организаций полиграфической промышленности
«АСПОЛ»

103051, Москва, Цветной бул, д. 26

Производственно-коммерческая
фирма «Печатное дело»

119034, Москва, 2-й Обыденский пер., 14.

Права на издание книги предоставлены фирмой
«Диамант» (ЛР № 062749 от 18 июня 1993 г.)

Корректор Горбенко Л. С.
Художественный редактор Савин В. В.

Сдано в набор 15.03.93. Подписано в печать 20.09.93. Формат 84×
×108¹/₃₂. Гарнитура «Таймс». Бумага типографская № 2. Печать
высокая. Усл. печ. л. 26,46. Тираж 26 000 экз. Заказ № 1217. С-005.

Отпечатано с готовых диапозитивов в ордена Трудового Красного Зна-
мени ГП «Техническая книга» Мининформпечати РФ. 198052, г. Санкт-
Петербург, Измайловский пр., 29

Библиотека

Почка

Юный

пробуждается...

